Муниципальное бюджетное учреждение культуры
«Центральная городская библиотека г. Мурманска»

МУРМАНСК

ИСТОРИЯ МУРМАНСКА НА СТРАНИЦАХ «ВЕЧЁРКИ»

Виртуальный дайджест

ВЕЧЕРНИЙ МУРМАНСК

Мурманск 2019 г.

История Мурманска на страницах «Вечерки» в 3-х частях : дайджест / МБУК «ЦГБ» ; [сост. Е. В. Духно ; дизайн Е. А. Желудков]. – Мурманск, 2019. - 171 с.

Уважаемые читатели!

Предлагаем Вашему вниманию подборку статей из газеты «Вечерний Мурманск», посвященную истории нашего любимого города! Авторами статей выступили известные мурманские краеведы, историки, писатели и журналисты. Они собрали воедино интересные и малоизвестные факты о становлении и развитии заполярной столицы, о людях, которые строили, воевали, поднимали из руин, облагораживали свой любимый город. В материалах статей представлены и уникальные архивные фотографии. Вся информация объединена в тематические главы и расположена в обратном хронологическом порядке с 2018 по 2012 годы.

Содержание

Довоенная история 4
Великая Отечественная война 43
История строительства, обустройства и озеленения города 72
Транспортная инфраструктура, порты, судостроение 109
Спортивная биография 132
Культура, искусство, литература 139
Известные люди в Мурманске 153
Забытые и исчезнувшие памятники 165

ДОВОЕННАЯ ИСТОРИЯ

ОДНАЖДЫ на диком Севере

В январе этого года «Вечерний Мурманск» опубликовал мой материал «Ночь 20-х годов». В нем на основе документов из Государственного архива Мурманской области рассказывалось о неприглядной картине жизни в Мурманске в 20-х годах прошлого века. Признаться, год назад я думал, что несколько сгустил краски. Но недавно познакомился с Владимиром Котовым, прослужившим 50 лет в органах правопорядка, создателем музея. Он просто фантастически эрудированный человек в вопросах истории мурманской милиции.

Больше часа Владимир Александрович водил меня по стендам музея УМВД по Мурманской области, а напоследок вручил толстенную книгу (более 600 страниц) «Служба дни и ночи», посвященную работе мурманских милиционеров. Ознакомившись с ней, я понял, что не ошибся в оценке ситуации той эпохи. Более того, все было гораздо страшнее.

Трудно поверить, что в таких домах могли жить люди.

С благими намерениями

Еще в 1918 году помощник генерал-губернатора Северной области по управлению Мурманским районом **Василий Васильевич Ермолов**, в ведении которого находилась милиция, в одном из приказов откровенно написал: «Гражданские правоотношения крайне запутаны, преступность возросла настолько, что местами утеряно самое представление о преступном и непреступном». Это говорилось о Мурманске, где люди порой переставали видеть грань между добром и злом. Пока последний город Российской империи находился под контролем интервентов, а затем белой администрации, пока на складах было продовольствие, криминальную ситуацию в целом удавалось держать под контролем.

Владимир Котов.

Но наступил февраль 1920 года. В Мурманск вернулась советская власть. Вряд ли то, что случилось потом, было запланированным результатом этого возвращения. Новые правители Мурманска не хотели ничего плохого. И первые их шаги, и последующие были направлены в том числе на сохранение правопорядка. В Мурманске 1920 года это, в общем-то, удалось. В частности, была побеждена проституция. Одним из первых законодательных шагов советской власти был приказ о регистрации и принудительном медицинском освидетельствовании жриц любви. Постепенно «падших женщин», как говорили в ту пору, выжили из города. Некоторые отправились в места лишения свободы, большинство, глядя на это, уехали промышлять в более теплые края, а оставшиеся перековались.

Скудные запасы продовольствия, оставшиеся от англичан, были взяты под жесткий контроль. Чтобы предотвратить вывоз продуктов, организовали заградотряды. В ноябре того же года вышло постановление об организации в городе яслей и детских площадок. «Предложить издать обязательное постановление о доставке специально установленной нормы молока от каждой коровы для детских столовых», – говорится в другом документе этого периода.

Но, борясь за социальную справедливость и перевоспитывая проституток, новая власть проморгала другую беду – тиф. Зимой 1921–1922 годов из 4 тысяч населения Мурманска им переболели более полутора тысяч. А дальше произошло неожиданное – летом 1922 года болезнь вдруг ушла.

Но ничего удивительного в этом, как оказывается, не было. Тиф принесли в Мурманск пришлые из Центральной России. К лету они оклемались и отправились на разбойный промысел, унеся с собой и своих вшей, которые, собственно, и были причиной вспышки тифа.

И тут началось.

Разбойники и линчеватели

В Мурманске жриц любви сменили настоящие бандиты. Ехали они сюда, главным образом, чтобы отсидеться, спрятаться, поскольку их искали в других местах за прошлые грехи. Но в Мурманске им стало скучно, и они снова взялись за старое. По городу прокатилась волна грабежей и квартирных краж. Преступников особо никто не ловил. Ничего удивительного в этом нет. Ведь преступность проникла и в ряды правоохранителей. Появились те, кого сейчас принято называть оборотнями в погонах. Так, начальник местной милиции Чучкин организовал банду из своих сотрудников, которая занималась расхищением ценных материалов на железной дороге. И милиционерам попросту было не до воров.

Железная дорога привлекала к себе внимание преступников всех мастей. Вдоль нее орудовало несколько банд. Они небольшие – 5–6 человек неместных, как правило, выходцев из Центральной России. Но этого мало. В 1921–1923 годах в криминальную моду входят угон скота и рыбацких баркасов. Бандиты действовали нахрапом. Убийства были не редкостью, обычно для этого использовали топоры. И если уж шли на мокрое дело, не щадили никого. Поэтому мурманские милиционеры при задержании бандитов не миндальничали. Сначала стреляли, а потом уже разбирались.

Как написано в истории милиции Кольского края, данный беспредел длился недолго. Одной из причин его ликвидации стало нетерпимое отношение к нему местного населения – саами и поморов. В их среде и до революции бывали случаи самосудов, но в 20-х годах эта практика, безусловно незаконная, принесла свои плоды. Ждать помощи от правоохранительных органов было долго, поэтому народ сам решал, что делать с плохими парнями. Ребята, Дикий Запад отдыхает…

Воры, налетчики, мошенники

Конечно, и милиция без дела не сидела, но контролировать всю железную дорогу и побережье она не могла. Ее удел – населенные пункты и прилегающие территории.

Мурманск сам был частью «дикого Севера», его столицей, и дел здесь было невпроворот. Уголовный розыск трудился с нечеловеческой нагрузкой. В среднем за месяц задерживалось до 20 рецидивистов-профессионалов, многие еще с дореволюционным криминальным стажем. Так, в декабре 1922 года губрозыску стало известно, что в Мурманск из Архангельска прибыл вор Пестов, успевший еще до революции трижды отсидеть в тюрьме. Сотрудники угрозыска перехватили его письмо к архангельским «дружкам». В нем он приглашал их на Мурман, где «работы хватит на всех», и хвастался, что «взял недавно две хорошие квартиры». Рассказывал и о трудностях: «Совершенно некуда сбывать товар, и приходится часто отдавать его за бесценок». Вскоре Пестов был взят с поличным в одной из квартир.

Немногим позже сотрудники губрозыска задержали еще одного матерого налетчика-рецидивиста – Мусатова (он же Ласкин). В ходе расследования выяснилось, что он еще в 1919 году в Одессе при разбойном нападении на квартиру совершил убийство, а в 1922-м там же состоял в банде «Черная шаль», промышлявшей разбоями. Спасаясь от одесских оперативников, Мусатов перебрался в Мурманск, чтобы продолжить преступное ремесло. Находясь в арестном доме, он умело симулировал психическое расстройство, и его направили на медицинское обследование в больницу. Оттуда он, пользуясь отсутствием надлежащей охраны, сбежал. Через несколько дней на станции Полярный Круг в вагоне следовавшего на юг поезда агентами губрозыска бандит был арестован и возвращен за решетку. После осуждения Мусатова эта-пировали в Одессу, где его давно дожидались сотрудники местного угрозыска. И таких примеров было много.

Часто приходилось бороться и с преступниками другого типа, которые никого не грабили, ни убивали, но вред приносили не меньший. Это были «расхитители социалистической собственности», которые тайно и изощренно набивали свои карманы, находясь на различных служебных постах.

В 1925 году в Мурманске была разоблачена и передана в руки правосудия группа расхитителей, орудовавшая в системе губернского отделения Международной организации помощи борцам революции (МОПР). За короткое время они похитили более 26 тысяч рублей. Как выяснилось, главари этой шайки Червяков и Семенов ранее привлекались к ответственности за растрату в Ленинграде. Они получили по заслугам и были осуждены на длительные сроки лишения свободы.

Самодельное оружие преступников.

Так выглядел Мурманск в 1920-е годы.

Пьем все

Другим бедствием для Мурмана 20-х годов было повальное распространение, как теперь принято называть, спиртосодержащей продукции. Внутрь употреблялось все – спирт этиловый, денатурированный, самогон, бражка, настойки и прочее. Рейды по изъятию самогонных аппаратов и разгромы подпольных винокурен были обыденным делом для мурманских милиционеров.

На вооружении мурманской милиции был даже пулемет.

Основным следствием пьянства на протяжении всех 1920-х годов было хулиганство. Чем больше люди пили, тем больше было драк и поножовщины. Особенно часто в неблагополучных портовых районах Мурманска происходили массовые драки, в которых участвовали по нескольку десятков человек. С 1921 по 1925 год милицией постоянно велась борьба с этим асоциальным явлением, но, надо признать, с переменным успехом.

С таким же переменным успехом шла борьба и с контрабандой, которая расцвела в годы нэпа. Финские и норвежские предприниматели свободно торговали прямо на пристанях. Товар сдавался оптом перекупщикам, и обе стороны испарялись еще до появления милиции. Приходилось вести слежку и устраивать облавы по всему краю. Пользовались успехом у населения и так называемые «двойные лавки», где можно было приобрести любую контрабанду, но по огромной цене.

По классовому принципу

А что же милиция? Куда она смотрела? Тут, как говорится, все решали кадры. Подбор милиционеров в этот период проводился исключительно по классовому, а начальствующего состава – и по партийному принципам. Чины бывшей регулярной полиции могли приниматься, но при условии, что они ранее не работали в политическом сыске и были незаменимыми специалистами. Но если на работу в милицию приходил выходец из рабочих или крестьян с нужным образованием, то «бывшего» увольняли. Милиционерам банально не хватало оружия: один револьвер приходился на двух-трех человек. Поэтому каждый вооружался чем мог. Носили наганы, браунинги, маузеры, смит-вессоны. Боеприпасы тоже добывали сами. Этот разнобой в вооружении ликвидировали лишь после вхождения Мурманска в состав Ленинградской области.

Кроме того, милиция выполняла массу функций, не связанных с борьбой с настоящим криминалом – бандитами, ворами, налетчиками и прочими. Тогда, например, местный поп тоже был преступником. И милиция активно участвовала в разрушении храмов и конфискациях церковной утвари. Ее часто привлекали к различного рода митингам и шествиям. А тем временем на железной дороге творилось черт знает что.

Терпеть такое положение, конечно, долго было нельзя. В 1922 году руководство губернской милиции открыло курсы по обучению вновь прибывшего личного состава. Преподавание вели старые спецы, присланные из архангельской милиции. Помимо изучения инструкций, азов криминалистики, политического воспитания на курсах преподавались и общеобразовательные предметы: арифметика, правописание, давались основные понятия о химии и физике.

Форма сотрудника рабоче-крестьянской милиции. 1925 год.

Грей идет по следу

С середины 1920-х годов губернский уголовный розыск начал пополняться квалифицированными работниками, окончившими милицейские школы и курсы. Теперь в угро старались шире применять научно обоснованные методы раскрытия преступлений. К осмотрам места происшествия стали привлекать различных специалистов, что обеспечивало получение более качественной информации о преступлении.

Для розыска и задержания преступников стали чаще использовать служебно-розыскных собак. Гордостью уголовного розыска в те годы являлся проводник-дрессировщик (так именовалась эта должность) **А. С. Махотин** со своим четвероногим другом по кличке Грей. На их счету были раскрытия большого количества убийств, крупных краж. Они задержали немало опасных преступников. Только за один 1925 год в ходе проведенных операций они возвратили гражданам и государству похищенного имущества на сумму 130 тысяч рублей. Махотин с Греем пользовались среди мурманчан большой популярностью, они стали поистине легендарными. Один из местных поэтов даже посвятил этой неразлучной паре поэму «Грей идет по следу».

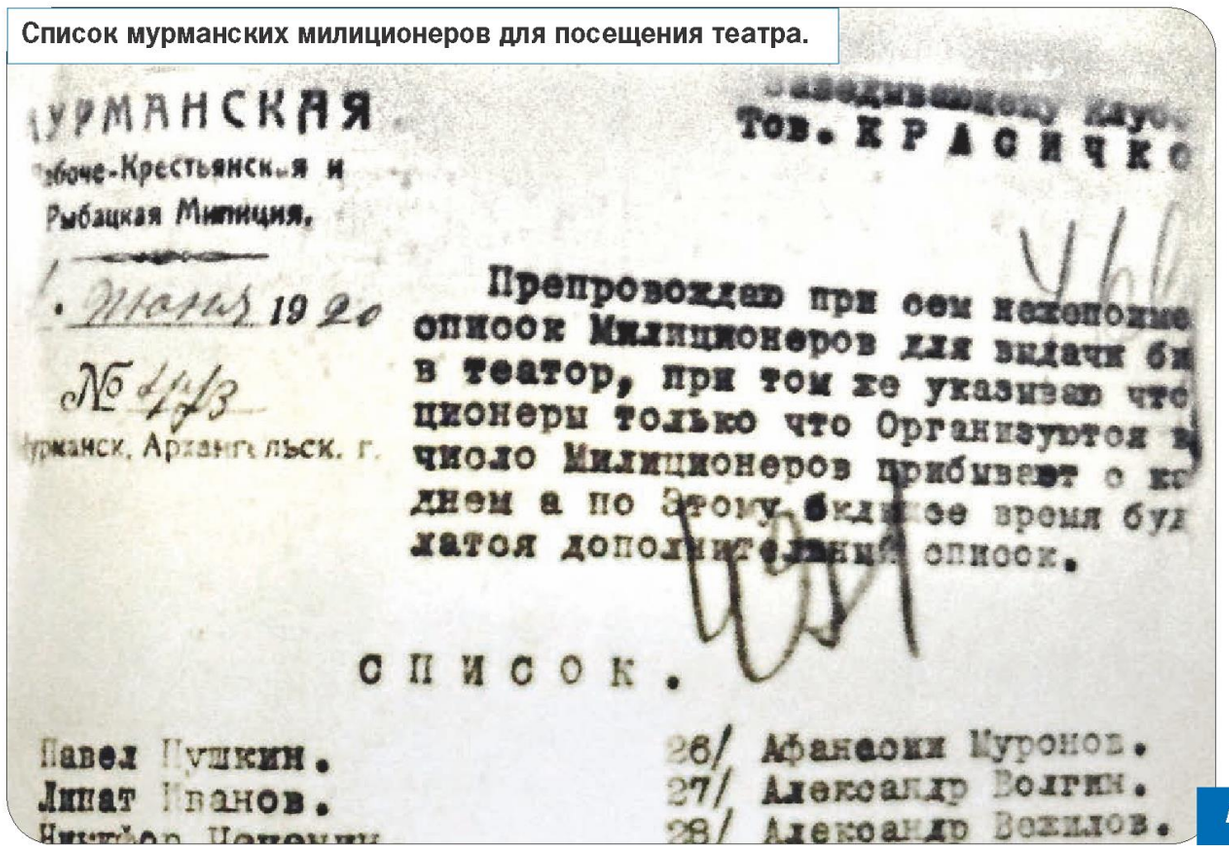
Эффективность использования служебно-розыскных собак в раскрытии преступлений была настолько очевидна, что начальник административного отдела губисполкома **А. М. Меллер** сумел выбить необходимые средства на строительство питомника, рассчитанного на пять собак.

Подготовка специалистов, налаживание работы с населением, чистка собственных рядов привели к тому, что к 1926 году рост преступности удалось остановить, а затем и снизить. Раскрываемость преступлений в это время достигла 60–70%. Хуже всего дело обстояло с кражами и грабежами, так как нехватка специалистов в розыске и огромные территории не способствовало быстрым оперативно-розыскным действиям на местах.

Вооружение мурманских милиционеров в 1920-е годы.

Вот с такими показателями Мурманская область подошла к своему историческому рубежу – вхождению в состав Ленинградской области. С 1920 по 1927 год перед мурманчанами, как в вестерне, промелькнули бандиты всех мастей – грабители поездов и угонщики скота, контрабандисты и мошенники, шулеры и скупщики краденого, милиционеры-оборотни и воры-домушники. Но в городе сумели остановить этот вал преступности.

Список мурманских милиционеров для посещения театра.

МУРМАНСКАЯ
Рабоче-Крестьянская и
Рыбацкая Милиция,

Тов. КРАСИЧКО

1 Июня 1920
№ 473
Мурманск, Архангельск. г.

Препровождаю при сем некоторое
описок Милиционеров для выдачи би
в театор, при том же указываю что
ционеры только что Организуются в
чисто Милиционеров прибывает с ко
днем а по Этому ближнее время буд
хатоя дополнительный описок.

СПИСОК.

Павел Пушкин.
Лиат Иванов.
Никифор Непомнящ
26/ Афанасии Куронов.
27/ Александр Волгин.
28/ Александр Вожлов.

Андрей КИРОШКО. kiroshko@vmnews.ru Фото автора и из открытых Интернет-источников.

Экскурсия ВОЖДЯ

Приезд Сталина для Мурманска стал главным событием года

22 июля 1933 года о прибытии в город высокого гостя знали всего несколько десятков человек. Газеты про высокий визит молчали, так что для мурманчан тот день был самым обычным. Это потом его назовут историческим, великим, а некоторые станут даже делить свою жизнь на «до» и «после» приезда отца народов.

И даже сегодня, как ни странно, о том путешествии Сталина на Север мы знаем немногим больше, чем 85 лет назад. Сам он мемуаров не оставил, Киров, сопровождавший тогда Сталина, через год был убит и воспоминания оставить не успел. Ворошилов воспоминания написал, но до 1933-го не довел. А сопровождавшие вождя мурманчане – председатель окружкома Абрам Абрамов и глава Мурманска Петр Горбунов – были репрессированы.

И. В. Сталин, К. Е. Ворошилов, С. М. Киров и др. на борту парохода «Анохин».

Укоры совести

Поездки руководителя по управляемой им территории дело обычное. Но не для Сталина. Он был типичным домоседом. Единственное место, куда он ездил каждый год, было побережье Черного моря. Есть версия, что «невыездным» вождя сделал страх покушения. Вполне возможно. К 1933 году недоучившийся семинарист уже имел на счету столько дел, что впору было думать о собственной безопасности. Одно раскулачивание чего стоило. И вдруг он срывается с места и мчится на Север. Зачем?

Доктор исторических наук **Алесей Киселев** считает, что Сталина просто уговорили на эту поездку четыре человека: **Сергей Киров**, **Анастас Микоян**, **Валериан Куйбышев** и **Николай Шверник**. Первый, будучи руководителем Ленинградской области, в состав которой в тот момент входил Мурманск, дважды приезжал на Кольский полуостров (в 1929–1930 и 1932 годах). Он считал крайне необходимым поехать туда и в начале второй пятилетки, чтобы на месте определить пути развития края. Наверняка рассказывали Сталину о Кольском полуострове и Анастас Микоян, занимавшийся снабжением страны и пораженный рыбными богатствами Баренцева моря, председатель Госплана Валериан Куйбышев, проводивший в районе Медвежьей горы отпуск с охотой и рыбалкой и «нелегально» съездивший в Мурманск, а также профсоюзный босс Николай Шверник, посещавший Карело-Мурманский край по делам ВЦСПС. Во-вторых, Сталин внимательно прочитал очерк **Максима Горького** «На краю земли», и его кольнуло: старый и больной писатель нашел время и силы побывать на северной окраине, а вождь всех народов сиднем сидит в Кремле и боится покушений.

Такое объяснение куда более правдоподобно, чем официальная версия. Она говорит о том, что визит Сталина был связан с необходимостью решения проблем обороноспособности северо-западных рубежей СССР и посещения только что построенного Беломоро-Балтийского канала. Но в том-то и дело, что к тому времени канал еще до конца построен не был, а Екатерининская гавань как пункт базирования будущего Северного флота была известна уже давно.

Москва – Сорока

Точкой отсчета нашей истории надо считать май 1933 года, когда по еще недостроенному Беломорско-Балтийскому каналу прошел отряд кораблей Балтийского флота, направлявшийся в Полярный. Возможно, в это время Сталиным и было принято решение о поездке на Север.

Ранним утром 18 июня из Москвы в Ленинград на трех автомобилях выехала правительственная делегация. В еще двух машинах находилась охрана. Почему был выбран такой необычный для того времени способ путешествия, не совсем понятно. Скорее всего, и тут постарался **Киров**. В северной столице Сталин со свитой не задержались. Не заезжая даже в Смольный, гости отправились на Озерную пристань, где их уже ждал пароход «Анохин». Около 17.00 он взял курс на Беломорско-Балтийский канал.

Больше всего забот на пароходе было у кока, функции которого выполнял заведующий столовой Смольного. К концу второго

Пароход «Анохин». 1933 г.

Абрам Абрамов.

Петр Горбунов.

И. В. Сталин, К. Е. Ворошилов, С. М. Киров и др. на Беломорско-Балтийском канале.

дня всем уже приелись копчености и другие деликатесы, и тогда на свой страх и риск повар подал гостям картошку с селедкой. Сталину так понравилось это простое блюдо, что пришлось повторить его дважды.

В Сороку, ныне Беломорск, пароход прибыл 21 июля. Здесь **Ворошилов** принял парад краснофлотцев, и Сталин, хотя и не планировал, произнес небольшую речь, которая стала единственным его публичным выступлением за все время северного турне. Позднее контр-адмирал **Иван Колышкин**, бывший свидетелем этого события, вспоминал, что Сталин сказал следующее:

«Товарищи! Вы – на Белом море. Будем считать, что уже прибыли на новый морской театр. Театр исключительно сложный, океанский. Не то что Черноморский или Балтийский. Не следует забывать, что во время минувших войн в западных и южных европейских водах связь между государствами Запада и Россией всегда была более надежной, если она осуществлялась в северном направлении, а не через балтийские проливы и порты. Так, в годы Первой мировой войны городок Романов-на-Мурмане был единственной отдушиной России в Европу, в океан.

Чтобы не быть беззащитными на океанском фланге нашей страны, мы ныне приступаем к развертыванию морских сил на Севере. Уже подписан приказ наркома по военным и морским делам о формировании Северной военной флотилии с постоянным базированием в Мурманске. Пока в Мурманске. Еще предстоит окончательно решить вопрос о выборе мест для строительства баз и оборонных сооружений... Осваивайте же новый театр, новую технику как следует. И помните: судьба Севера в ваших руках. Желаю больших успехов».

Не задерживаясь далее в Беломорске, «Анохин» вечером 21 июля доставил делегацию в Кандалакшу, а оттуда высокие гости отправились в Мурманск поездом. Это был обычный пассажирский состав, к которому специально прицепили два купейных вагона.

На борту «Буревестника»

Утром 22 июля поезд прибыл в Мурманск. А вот далее историки расходятся во мнениях. Алексей Киселев пишет, что поезд подошел не к мурманскому вокзалу, а остановился у платформы Пригородного поселка. Туда были поданы легковые автомобили, и Сталин с сопровождавшими поехали на тралбазу, где их ожидал буксирный пароход «Буревестник». Поскольку самая короткая дорога в порт по улице Шмидта была перекрыта (возле строившейся тогда ТЭЦ сооружали мост через Варничный ручей), то эмки пошли по маршруту: Хибинский проезд – улица Горького на Жилстрое – мимо конбазы – по Кольской улице к заливу. А историк **Валентин Жиляев**, по совместительству консультант-редактор пресс-центра Федеральной службы охраны Российской Федерации, говорит, что два купированных вагона отцепили от пассажирского поезда и маневровым паровозом в 9.35 доставили в Мурманский торговый порт.

О пребывании Сталина в Мурманске мы имеем информацию из единственного источника – воспоминаний капитана парохода «Буревестник» **А. М. Чухчина**. Причем опубликованы эти воспоминания были дважды: в 1938 году в «Полярной правде», а через 10 лет – в газете «На страже Заполярья». Между ними есть определенные разночтения, но для нас они не столь важны. В любом случае Сталин был в Мурманске всего пару часов, а может, и меньше. Причем был только в торговом порту, ни с кем, даже с партийным активом, не встречался, ни перед кем не выступал, с газетчиками не виделся. Просто приехал, как экскурсант, посмотрел и уехал. Все.

Также стремительно вождь народов прокатился по Кольскому заливу, который «Буревестник» прошел весь, вплоть до мыса Сеть-наволок, после чего повернул назад в Мурманск. До сих пор неясно, был ли Сталин в Полярном. Одни говорят, что Сталин только осмотрел город с борта парохода. Есть, правда, свидетельство одного человека, что Сталин там сошел на берег, пообедал и даже почитал последний номер стенгазеты.

Путевые разговоры

В Мурманск «Буревестник» прибыл на 18 минут раньше графика. В городе гости пересели в поезд и отправились в Ленинград. Вот так прошел визит на Мурман первого лица СССР. О чем говорили во время поездки по Кольскому заливу присутствовавшие на «Буревестнике», известно немного. В частности, обсуждалась судьба населения, жившего в окрестностях Полярного, и работавшей там Полярной биологической станции. Как пишет Алексей Киселев, Сталин приказал население выселить, а станцию закрыть. Попытка Горбунова и Абрамова заступиться за людей и ученых успехом не увенчалась.

На обратном пути в Мурманск на «Буревестнике» обсуждались и другие проблемы – форсирование строительства гидростанций на Ниве и Туломе (для этого туда нужно было перебросить заключенных с Беломорканала), электрификация северного участка Мурманской железной дороги, финансирование геологоразведочных работ и освоение новых видов полезных ископаемых (никель, медь, редкоземельные элементы, железная руда). При осмотре торгового порта, увидев стоящий у причала ледокол, Сталин еще раз напомнил: «Через несколько дней к вам на «Челюскине» прибудет начальник Главсевморпути академик **Шмидт**. Решите с ним все вопросы освоения Арктики, в том числе о строительстве судоремонтного завода. Но знайте, что этот СРЗ будет обслуживать и военных».

И. В. Сталин и К. Е. Ворошилов на «Буревестнике».

Наиболее же видимым и быстрым результатом поездки Сталина на Север стало создание огромной мемориальной доски, установленной на скале в Полярном. На ней было высечено: «Здесь был 22 июля 1933 г. основатель и создатель Северного флота ВЕЛИКИЙ СТАЛИН».

Андрей КИРОШКО. kiroshko@vmnews.ru Фото из открытых Интернет-источников.

БЕСПЛАТНАЯ ДОРОГО ОБОШЛАСЬ

Довоенный Мурманск, особенно в 30-е годы, походил на большую стройку. Окружной центр, с 1938 года ставший областным, был тогда довольно неприглядным. О комфорте в то время думали в последнюю очередь. Но и сами представления о жизненных удобствах были более скромными, чем сегодня. И для большинства приехавших Мурманск мало отличался от тех мест, где они обитали ранее. Те же деревянные дома с печным отоплением, без водопровода, без канализации и без электричества. Мусорными кучами и «ароматом» переполненных уличных туалетов никого нельзя было удивить. И хотя городская да и областная власти понимали, что это как раз не очень нормально, а газета «Полярная правда» не раз поднимала вопрос о благоустройстве дворов и чистоте улиц, делалось в этом направлении очень мало. Давайте разбираться почему.

Барак № 35 на угольной базе. 1920-е годы.

Символические деньги

Страна пережила Гражданскую войну, следствием чего стала разруха – этот аргумент приводился официальной историографией СССР в качестве причины негативных явлений в молодом государстве. Другое дело, что и само государство немало способствовало этой самой разрухе.

В январе 1921 года **В. И. Ленин** подписал декрет о повсеместной отмене платы за жилые помещения в национализированных и муниципальных домах с рабочих и служащих, а также лиц, находящихся на их иждивении. Правовой акт советского правительства отменял также взимание платы за пользование водопроводом, канализацией, газом, электричеством и общественными банями с государственных учреждений, предприятий и их сотрудников, включая лиц, находящихся на иждивении.

Длилось это «счастье» всего год, но бед принесло много. Только в Москве из-за отмены квартплаты обветшало 11,5 тысячи жилых зданий, пришло в полную негодность 6,8 тысячи домов с более чем 40 тысячами квартир. Уже в конце 1921 года была предпринята попытка восстановить оплату жилья, которая встретила устойчивое нежелание основной массы населения оплачивать текущий ремонт, эксплуатацию и коммунальные услуги. Принято решение, назначив для начала плату чисто символическую, увеличивать ее с каждым годом на 50%, постепенно приучая жителей к необходимости этих расходов. Последнее повышение было в 1926 году, а далее с 1927 года величина квартплаты приобрела ярко выраженный политический оттенок. На протяжении почти всей советской истории взималась только ее часть и производились государственные дотации в жилищную сферу. Политика руководства СССР в 20-е годы привела к тому, что строительство многоквартирных домов практически прекратилось. Это было попросту невыгодно.

Наследники НКВД

В этот момент (конец 20-х – начало 30-х годов) начинает складываться система жилищно-коммунального хозяйства СССР. Ранее этими вопросами занималось Главное управление коммунального хозяйства НКВД. В этом ничего удивительного не было. Поиграв в коммунизм в 1917–1921 годах, большевики в итоге приняли модель управления, существовавшую в царской России, где вопросами ЖКХ как раз занималось МВД.

Но в конце 20-х годов руководство НКВД пришло к выводу, что эти функции излишни для ведомства и для их исполнения необходимо создать новый орган. Любопытно, что сами руководители центрального аппарата НКВД хотели ЖКХ оставить за своим ведомством, но местные власти были категорически против. В результате в 1930 году ГУКХ НКВД был ликвидирован и было образовано Главное управление коммунального хозяйства при Совнаркоме РСФСР, которое в следующем году было преобразовано в Народный комиссариат коммунального хозяйства. А в середине 30-х годов стали создаваться районные жилищные управления – РЖУ.

Первые бараки Мурманска. 1916–1918 годы.

Бизнес-проект «Мурманск»

Но вернемся в Мурманск. Все вышеуказанные процессы происходили и в нашем городе. Правда, он мало пострадал от Гражданской войны. Более того, благодаря союзникам (или интервентам – кому как нравится) Мурманск сравнительно благополучно пережил самые страшные – 1918–1920 – годы. Проблемы начались с приходом большевиков. Город накрыла жуткая эпидемия тифа, охватившая почти половину жителей. Причиной ее стала нехватка жилья и скученность населения. Новая власть в первые годы почти ничего не предпринимала для решения жилищной проблемы. И теперь ясно почему. Как раз в это время – 1921 год – жилье и прочие коммунальные блага были бесплатными. Строить самим было невыгодно, да и не на что. Приходилось ждать субсидий центра, а они были мизерные.

Затем появилась символическая плата за жилье, но она тоже не стимулировала желание строить. И такая ненормальная ситуация продолжалась вплоть до 1927 года, пока Мурманск не стал частью Ленинградской области. Выражаясь современным языком, это был бизнес-проект. У питерских руково-

Территория железнодорожной станции и первые постройки (рабочие бараки). Мурманск, 1916 год.

«КОММУНАЛКА» МУРМАНСКУ

Мурманск, 1934 год.

дителей была цель – создание рыбной промышленности и разработка полезных ископаемых Кольского полуострова. Под будущую прибыль от этого и велось в городе жилищное строительство, которое, понятное дело, себя не окупало. Затем к расходам присоединилась и Москва – стране нужен был военный флот на Севере. В Мурманске стала строиться судоремонтная база для боевых кораблей, а для людей, ее обслуживающих, опять потребовалось жилье.

Полрубля. И даже меньше

И именно в этот момент, а точнее 17 июля 1934 года, в Мурманске вводится в действие обязательное постановление о квартирной плате и ее исчислении. Посмотрим, во что обходилось мурманчанам проживание в городе.

В 30-е годы жилищный фонд Мурманска можно было разделить на три группы – муниципальное, ведомственное и частное жилье. А расценки на проживание определялись Мурманским городским советом. Собственник жилья имел лишь определенные обязательства перед жильцами, но думать о собственной прибыли ему не дозволялось. Исключение делалось только для домов, принадлежащих рабочим жилищно-строительным кооперативным товариществам, и гостиниц, сдаваемых для суточных жильцов.

Итак, ставка «квартталсы», как тогда говорили, устанавливалась в размере 55 копеек за квадратный метр. Но такой тариф действовал только для тех квартир, где были электричество, водопровод и канализация. Однако помещений с таким набором удобств было в Мурманске очень мало. Подавляющее большинство горожан обходилось свечами и керосиновыми лампами, воду брали из колонок или колодцев, а по нужде ходили во двор. И для них власть сделала скидку 25% от базовых 55 копеек, то есть квадратный метр жильцам обходился в 41 копейку. Если квартира признавалась сырой, то скидка составляла уже 20%. А ежели речь шла о проходной комнате в коммунальной квартире, через которую был единственный выход на улицу, то цена снижалась на 30%. Но это при условии, что жильцы данной комнаты являются посторонними людьми для других обитателей квартиры.

Сегодня трудно сказать, на чем основывался экономический расчет приведенных выше цифр. Иметь комнату 9–10 квадратных метров на семью считалось роскошью. Получается, что квартира в месяц обходилась жильцам от 4 до 5,5 рубля. Понятно, что даже общий сбор со всех жильцов не мог компенсировать затраты на обслуживание дома. Тем более что жилье люди получали бесплатно.

Выше зарплата – больше квартплата

Квартирная такса исчислялась только с полезной площади. Кухня, прихожая, чуланы, места под печи, уборные в тариф не включались. Но если в квартире была горячая вода или ванна, то эта такса увеличивалась на 3% по каждой коммунальной услуге.

В основе коммунальных расчетов тогда лежали не экономические соображения, а политические. Ничем иным нельзя объяснить тот факт, что квартплата напрямую зависела от заработной платы жильца. Поэтому за один и тот же набор удобств или их отсутствие конечный размер платы за жилье был разным. Если человек, допустим, получал в месяц не более 30 рублей, то ему квадратный метр обходился всего в 5,5 копейки в месяц. Такую же сумму выкладывал и студент в общежитии. Тот же, кто зарабатывал 145 целковых в месяц, должен был платить рубль за квадратный метр! В 18 раз больше. А если зарплата превышала 145 рублей, то с каждых 10 рублей сверху положено было платить еще 3,3 копейки. Правда, в постановлении была оговорка, что предельная ставка не может превышать 1 рубля 32 копеек за метр. И при этом учитывалось количество иждивенцев. Если их было больше четырех, тогда за метр надо было платить 80 копеек. Такие расценки применялись для рабочих и служащих, а также для врачей, литераторов, художников и скульпторов – в том случае, если их доход не превышал 400 рублей в месяц. Если он был больше, то оплата жилья проходила по тарифу для предпринимателей.

В 30-е годы жилищный фонд Мурманска можно было разделить на три группы – муниципальное, ведомственное и частное жилье. А расценки на проживание определялись Мурманским городским советом. Собственник жилья имел лишь определенные обязательства перед жильцами, но думать о собственной прибыли ему не дозволялось.

Роста, 1938 год.

Где справедливость?

А вот для инженерно-технических работников и товарищей, занимающих политические и ответственные должности, применялась другая тарифная сетка. Она начиналась стразу с отметки 325 рублей месячного дохода, с которой надо было платить 55 копеек за метр жилой площади. И где та самая социальная справедливость, за которую воевали и умирали в гражданскую войну? Ведь рабочий с меньшего дохода (145 рублей) платил почему-то целый рубль. 1 рубль 32 копейки платили те ответственные товарищи, которые зарабатывали более 800 рублей в месяц.

Выгодно было быть в 30-е годы орденоносцем. Награжденным орденами Ленина, Красного Знамени, Красной Звезды и Трудового Красного Знамени положена была скидка до 50% при зарплате 60 рублей. Орденоносцы побогаче, например, получавшие свыше 225 рублей, могли рассчитывать на скидку лишь 10%.

Но больше всего платили за жилье «недобитые остатки буржуазии». К ним относились прежде всего кустари и ремесленники, работающие индивидуально. Для них установили ставку 2,48 рубля за квадратный метр жилья! И не дай бог принять на своей жилплощади временного жильца. За него хозяин обязан был платить государству 3 рубля в месяц. Причем это касалось всех категорий граждан.

Документ регламентировал не только размер квартплаты, но и сроки платежей. Для рабочих и служащих – до 5-го числа каждого месяца, для всех остальных – до 15-го.

Советская лодка разбилась о быт

Мы видим, что в целом квартплата не была обременительной проблемой для советских граждан. Чего не скажешь о государстве, которое было вынуждено дотировать ЖКХ на протяжении всей советской истории. В итоге из социалистического эксперимента длиной более чем 70 лет ничего ни получилось. Низкая квартплата сделала убыточной огромный сектор экономики. Чтобы заткнуть эту дыру, государство направляло туда прибыль из других секторов, сокращая тем самым средства на их развитие. И это в немалой степени способствовало возникновению в СССР сильнейшего дефицита товаров даже первой необходимости.

Андрей КИРОШКО. kiroshko@vmnews.ru Использованы материалы Государственного архива Мурманской области, Мурманской государственной областной универсальной научной библиотеки и Мурманского областного краеведческого музея. Фото из открытых Интернет-источников.

КАК МУРМАНСК пережил советско-финскую ВОЙНУ

Из города сбежали и рыбаки, и актеры театра

Мурманск во второй половине 1939-го и первой половине 1940 года – особая тема. В это время на жизнь города очень повлияла большая политика – начало Второй мировой войны и советско-финский конфликт. В газетах того периода – «Полярной правде» и «Комсомольце Заполярья» – почти не писали о городской жизни. Там речь шла все больше о том, как мурманчане семимильными шагами движутся в светлое будущее. Между тем документы, хранящиеся в Государственном архиве Мурманской области, свидетельствуют, что в те годы все было далеко не столь радужно.

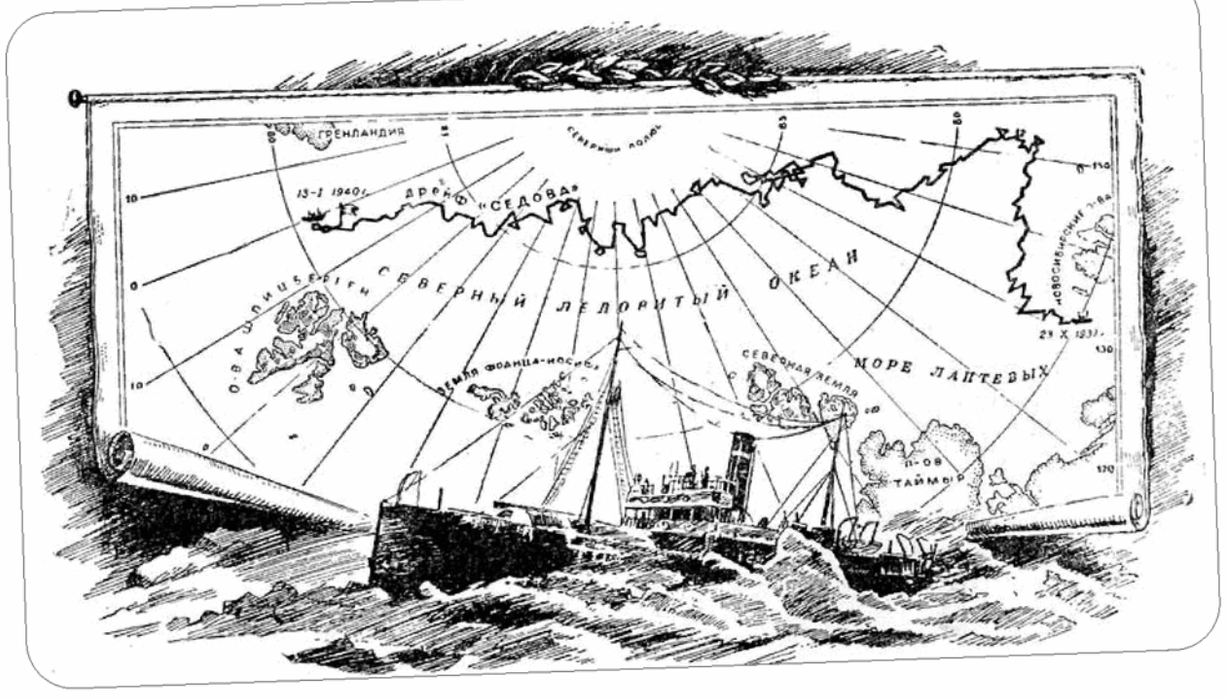
Пароход «Георгий Седов» и его дрейф.

Проваленный план

В самом начале весны 1940-го, 12–13 марта, в Мурманске прошла 3-я областная партконференция, которая подвела итоги работы области за 1938–1939 годы. Как следует из доклада обкома ВКП(б), в Мурманской области план на 1939 год не был выполнен ни по одному из основных направлений. Ни строители, ни рыбаки не смогли выйти на необходимые показатели. На колхозных полях остались нескошенными немногим меньше половины всех трав. По итогам 1939 года Мурманск – на последнем месте в области и по жилищному строительству, и по обеспеченности жильем – 2,6 квадратного метра на человека.

В областном центре «сел на мель» судоремонтный завод Главсевморпути. Его строительство, по сути, замерло, потому что начальник Главсевморпути **Иван Дмитриевич Папанин** даже не назначил директора завода, главного инженера и начальников отделов. Возможно, именно этот долгострой стал причиной не слишком уважительного отношения к Папанину первого секретаря мурманского обкома партии **Максима Старостина**.

Лишь комбинат «Апатит» мог тогда похвастаться выполнением, причем досрочным, годового плана. Частично справились со своей задачей энергетики, перевыполнившие план выработки электроэнергии на 5%. Однако они полностью провалили другие задания, в частности, по строительству и вводу в эксплуатацию новых мощностей.

Страх над морем

А в чем причина, например, невыполнения плана теми же рыбаками? Уловы в первой половине 1939 года были очень хорошими. Некоторые суда выполнили план на 117%. А осенью все дружно бросили работать. Почему же?

23 августа 1939 года СССР заключает пакт о ненападении с Германией, а уже 1 сентября началась Вторая мировая война. И Мурманск, возможно, первым из городов СССР ощутил ее смертельное дыхание. В Кольский залив один за другим начинают прибывать германские суда, спасающиеся от английского флота. У мурманских рыбаков появляются вопросы, которые аккуратно зафиксировал в своем донесении на имя М. И. Старостина начальник политчасти «Мурманрыбы» **А. Тупиков**. Например, можно ли считать заключенный пакт с Германией о ненападении реальным, действенным, надежным, можно ли Германии верить? Чем вызвана такая поспешность со стороны Германии заключить с нами пакт о ненападении? Не хочет ли Германия, разгромив Польшу, подобраться поближе к нам и напасть на нас? Каково влияние пакта о ненападении, заключенного между СССР и Германией, на Японию? Тупиков, видимо, понял, что цитатами из «Краткого курса истории ВКП(б)» здесь не отделаться, поэтому и попросил прислать к рыбакам квалифицированного лектора.

Но рыбаки уже сделали свой вывод: немцы в Кольском заливе – хорошая цель для англичан, которые где-нибудь поблизости могут устроить засаду для тевтонов. Тут велика вероятность, что под огонь попадут и советские суда. Желающих выходить в море становится все меньше. За 1939 год из тралового флота уволилось 4887 человек, а принято лишь 3715 при среднесписочном составе в 4663 человека.

В ноябре 1939 года начинается советско-финская война. Почти сразу 18 траулеров со своими командами отправляются служить на Северный флот. При этом плановые задания на 1939-й для флотов оставили прежними. Видимо, руководство области надеялось на ударный труд тех, кто остался. И люди действительно старались. 22 судна планы по вылову рыбы выполнили, а некоторые и перевыполнили, но компенсировать нехватку почти двух десятков судов они никак не могли. 90-процентное выполнение плана партийным руководством области было расценено как неудача.

До свидания, Мурманск

Статистика зафиксировала в 1939 году замедление роста населения Мурманска. 1 января 1938 года в городе насчитывалось 112,7 тысячи жителей. К 1939 году планировали выйти на 120 тысяч. Но добились этого только в 1941-м. Выше уже приводились данные по текучести кадров в тралфлоте. Такая же кар-

Мемориальное кладбище погибших советских солдат в период советско-финской войны. г. Мурманск.

Плакаты периода советско-финской войны.

тина складывалась и на береговых предприятиях. Например, на строительство того же судоремонтного завода Главсевморпути в 1939 году было принято на работу 2279 человек, а уволилось 3900. Текучесть кадров не является доказательством отъезда людей из Мурманска, но допустить такую возможность мы можем. Ничем другим не объяснить черепашьи темпы роста населения города. Вновь прибывавшие с трудом компенсировали число покинувших Мурманск.

Помешать отъезду людей власти были не в состоянии. В Мурманске жили свободные люди, спецпоселенцев здесь не было. Поэтому мурманчане сами распоряжались своей судьбой, в отличие, например, от жителей Кировска, большинство из которых чихнуть не могли без разрешения начальства. Многие, осознав, что Мурманск находится на грани войны и мира, начали паковать чемоданы еще в сентябре – октябре 1939 года, а начавшаяся 30 ноября война с Финляндией усугубила этот процесс.

В школу с противогазом

С началом финской войны во всех населенных пунктах области, и в Мурманске в том числе, была введена светомаскировка. На улицы по ночам выходили патрули, а на предприятиях было организовано круглосуточное дежурство местной противовоздушной обороны (МПВО). Все эти мероприятия проводились по указанию партийных органов и в печати опубликованы не были.

– В городе часто устраивали учебные воздушные тревоги, а управдом следил за тем, чтобы все жители дома соблюдали режим затемнения, – вспоминает почетный гражданин Мурманска и области **Лев Журин**, которому в 1939 году было 12 лет. – Если у кого-то я видел свет в окне, то запускал туда камнем. Нам, школьникам, выдали детские противогазы, и весь день мы носили их при себе. У всех жителей отобрали фотоаппараты, радиоприемники и охотничьи ружья. Потом, правда, вернули, но скоро началась война с немцами, и их снова забрали. Помню еще, что по радио постоянно звучали военные песни, мы их даже на уроках пения исполняли. Наш класс поддерживал шефские связи с эсминцем Северного флота «Валериан Куйбышев». Моряки приходили в школу, а мы к ним на экскурсию ездили. Благо корабль в тот момент стоял на рейде Мурманска. Там нас накормили борщом и дали чаю с сахаром.

Лев Васильевич не случайно рассказал про кормежку на борту эсминца. Дело в том, что осенью 1939 года в Мурманске начались перебои с поставкой продовольствия. Дело дошло до того, что в городе исчезла даже водка. В магазинах не было картофеля, сахара, не говоря уже об овощах и фруктах. Снова ввели нормирование продуктов.

– В наличии были соленая рыба и крупы, но, чтобы их купить, нужно было выстоять огромную очередь, – рассказывает Лев Журин. – В семье эта обязанность лежала на мне. Очередь я занимал вечером, чтобы утром быть уже в первых рядах. Утром мать выдавала мне 20 копеек, и я шел в школу. Там в буфете во время перемены я покупал винегрет.

Убитое детство

Вот поэтому и запомнилась мурманскому старожилу та трапеза на корабле Северного флота. Но сильнее всего нехватка еды ударила по самым маленьким мурманчанам. Взрослые и подростки еще как-то могли позаботиться о себе, а младенцы – нет. Детская смертность в январе – марте 1940 года побила все рекорды. Угрожающей назвал ее М. И. Старостин в докладной записке секретарю ЦК ВКП(б) **Г. М. Маленкову** и заместителю председателя Экономического совета при СНК СССР **А. И. Микояну**. В архивных фондах удалось отыскать документ, составленный НКВД Мурманской области, где приводятся следующие данные: в феврале 1940-го в Мурманске родился 491 человек, умерло 233, из них детей до года – 116. За март цифры еще ужаснее: родилось 496, умерло 332, детей – 174.

Войска 14-й армии за время боев с финнами на Мурманском направлении потеряли убитыми 181 человека, а в Мурманске за это же время умерло 290 детей. И это не окончательные данные. Мы указали статистику до одного года, а Старостин в своей докладной пишет, что больше всего среди умерших детей было малышей в возрасте до двух лет (91%). Кроме того, у нас нет статистики за январь 1940 года, а этот месяц тоже входит в тройку лидеров по детской смертности.

Максим Иванович указал и причины этой трагедии. Во-первых, полярная ночь. Во-вторых, «сильные перебои с продуктами питания в силу загруженности Кировской железной дороги воинскими перевозками». В-третьих, отвратительные бытовые условия, в том числе большая скученность населения, способствующая передаче инфекции от человека к человеку. «Анализ смертности показывает, что кишечно-желудочные заболевания и воспаление дыхательных органов является основным фактором смертности детей», – отмечал первый секретарь обкома.

И все-таки главной причиной видится именно военная: железнодорожники в эти дни в первую очередь удовлетворяют требования военных, а эшелоны с продовольствием для гражданского населения не пропускаются. Без нормальной пищи детский организм не мог сопротивляться инфекции или банальной простуде. А первопричиной этому была советско-финская война. Получается, что умершие дети в январе – марте 1940-го – прямые военные потери, о которых мы узнали только сейчас.

Иллюзия счастья

Но об этих событиях большинство мурманчан не знали. Газеты про них не писали, радио не говорило, и даже на заседаниях в обкоме они не обсуждались. М. И. Старостин, получая доклады с мест, по наиболее негативным из них, связывается напрямую с Москвой. Такое решение вопросов стало возможным после того, как в сентябре 1939 года Мурманск получил статус режимного города.

Замалчивание любого серьезного негатива теперь становится общепринятой практикой. Газеты создают впечатления, что Мурманск и его жители счастливы, армия непобедима, а вожди мудры. Сомневаться в этом стало опасно для жизни.

С утра в выходной день город наполняется лыжниками. Разноцветные свитера спортсменов на белоснежном фоне создают удивительно яркую картину. На недавно открытом катке «Рыбник Севера» яблоку негде упасть – сотни конькобежцев заполнили его сверкающую гладь. Мурманск – город спортсменов. Но не только.

Красноармейский дозор.

С 1 февраля 1939 года в Мурманске начал работать драматический театр, и заполярные эстеты заполняют его зал. Они не подозревают, что после первого же сезона 16 ведущих актеров во главе с руководством, вкусив мурманской жизни, дружно рванут в другие края. И их не остановят даже двойные оклады.

В год двадцатилетия установления в Мурманске советской власти готовится грандиозная выставка. Одной из ее центральных работ, пишет «Полярная правда», станет картина «Сталин и Ворошилов на Мурманской ГЭС» художника Любимова. Художник Измаилович выехал в Териберку, где он собирает материалы для картины «Микоян среди колхозов (так в тексте. Видимо, все же колхозников) Териберки». Картину «Жданов в рабочей квартире» пишет товарищ Зенков. Художник Бибиков работает над картиной «Царский гнет на Мурмане». Известный баталист Авилов начал разрабатывать тему «Городское восстание в Мурманске 21 февраля 1920 года». Темой «Демонстрация 1 мая 1939 года» заинтересовался художник Смукрович.

А еще Мурманск замер в ожидании встречи из почти двухгодичного дрейфа парохода «Георгий Седов». Газета «Комсомолец Заполярья» публикует подробный рассказ о героических буднях отважных моряков. И вот после 812 суток дрейфа в суровых арктических условиях 29 января 1939 года пароход «Георгий Седов» прибыл в Мурманск. Все пятнадцать моряков-полярников за героизм и мужество были удостоены звания Героя Советского Союза, а ледокол был награжден орденом Ленина.

В ноябре 1939 года в городе открывается Учительский институт. Мурманск растет, и ему нужны свои педагоги. До войны в институте училось всего 75 человек, было открыто три отделения: физико-математическое, историко-филологическое и химико-биологическое (в дальнейшем естественно-географическое), действовали ускоренные курсы и заочная подготовка учителей.

В 1939 году начинает строиться кинотеатр «Родина». Этой стройке предстоит пережить две войны, и первых зрителей кинотеатр примет лишь в 1949-м.

А по ночам мурманские чекисты работают над превращением города в режимный объект. Для этого необходимо арестовать 500–700 человек. Приказ НКВД краток и четок: «Перевод города Мурманска на режимное положение провести без шума и без того, чтобы излишне запугать людей».

Андрей КИРОШКО.
kiroshko@vmnews.ru

Использованы материалы Государственного архива Мурманской области и Мурманской государственной областной универсальной научной библиотеки.

Говоря об истории довоенного Мурманска, никак нельзя пройти мимо темы репрессий конца 30-х годов. Хотя бы потому, что в ее жернова попали и те люди, благодаря которым Мурманск добился фантастических успехов и стал даже своеобразной визитной карточкой социализма, пусть и не такой известной, как Магнитка или Туркси6. В Государственном архиве Мурманской области, передавая для ознакомления дела той эпохи, меня предупредили: «Хотя эти материалы давно рассекречены, но если вы собираетесь делать на их основе публикацию, то, пожалуйста, будьте предельно осторожны».

«ЖАЛОБ от родственников НЕ ПОСТУПАЛО»

Суточные «стойки»

Если бы я был драматургом или кинорежиссером, которому поставили задачу создать художественное произведение на данную тему, то в его основу я бы положил заявление сотрудника НКВД, члена ВКП(б) **Афанасия Кукеева**, которое он написал в декабре 1939 года на имя первого секретаря Мурманского обкома **М. И. Старостина**. Последний в этот момент активно занимался расследованием извращенных методов ведения следствия, которые практиковали мурманские чекисты. Осенью 1937 года Афанасий Кукеев, только что окончивший Ленинградскую межкраевую школу ГУГБ НКВД СССР, по личному желанию направлен в Мурманск. Он полон надежд, хочет работать и приносить пользу.

Первый секретарь Мурманского обкома партии М. И. Старостин.

В первый же день своей карьеры он сталкивается вот с чем: «Весь оперативный состав круглосуточно, почти без минимального отдыха или времени для сна, работал на следствии. В какой бы кабинет я ни заходил, в каждом углу стоял перед следователем арестованный. У некоторых, вернее будет – у большинства из них были распухшие ноги, и ввиду того, что в сапогах они уже не вмещались, то арестованные стояли босиком, а кожа на ногах трескалась».

Теория и практика

Молодому человеку объяснили, что по отношению к врагу надо быть непримиримым и беспощадным. Кукееву в помощь выделили курсанта-пограничника, дав на двоих одного арестованного и наказ: «Будете друг друга менять, а арестованный пусть стоит до тех пор, пока не даст показания».

Для Кукеева началась служба, которая через два года сделает его полуразвалиной с расшатанной нервной системой. Молодой чекист не был ни подлецом, ни садистом, ни карьеристом. Он действительно хотел служить Родине, но у него в голове не укладывались великие идеи социализма, на которых он вырос, и то, с чем пришлось столкнуться. И во многом именно попытка примирить теорию с практикой и привела к печальным для него последствиям. В конце концов Кукеев сумеет преодолеть этот кризис, дослужится до майора, будет храбро воевать во время Великой Отечественной войны, получит ряд наград, а потом сгинет неизвестно где. По крайней мере, проследить его судьбу по открытым источникам не удалось. Но в нашу историю Кукеев успел войти своим хорошо написанным и, хочется верить, непредвзятым рассказом о мурманских событиях 1937–1940 годов.

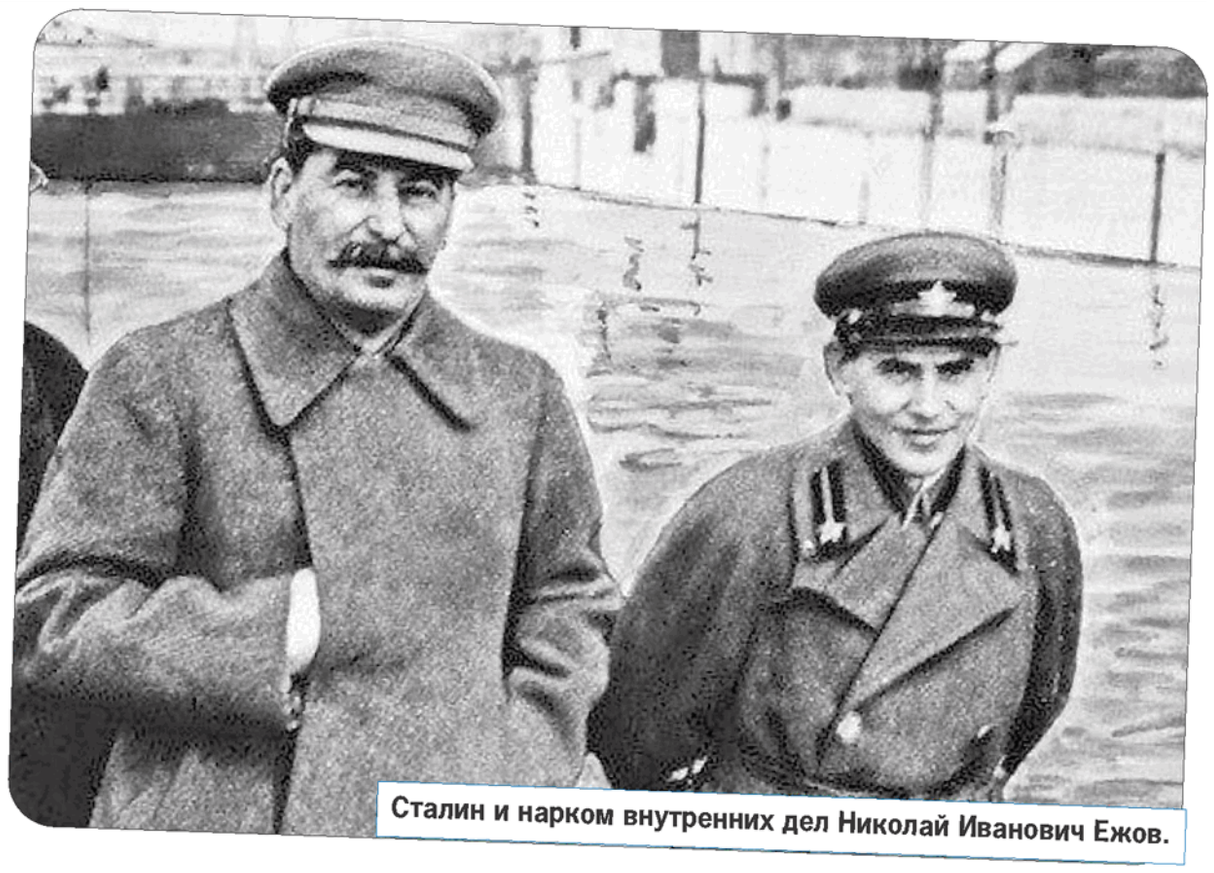
Но мы забежали немного вперед. События, описанные Кукеевым, это пик «великой чистки». Уже через год, осенью 1938 года, ВКП(б) спохватится, начнет понимать, что творится что-то несусветное, и выпустит постановление, осуждающее извращенные методы следствия.

Сколько всего?

Оценки числа жертв репрессий разнятся и зависят от методики подсчета. Если учитывать только осужденных по политическим статьям, то согласно проведенному в 1988 году анализу статистики областных управлений КГБ СССР, были арестованы 4 308 487 человек, из них 835 194 расстреляны. По этим же данным, в лагерях погибло около 1,76 миллиона человек. По подсчетам общества «Мемориал», осужденных по политическим мотивам было больше – 4,5–4,8 миллиона человек, из них 1,1 миллиона были расстреляны.

Кроме этого в число жертв репрессий включают лишенцев (это раскулаченные, сосланные в административном порядке и лишенные избирательных прав, а в 1929–1930 годах – еще права на жилье, медицинское обслуживание и продуктовые карточки), жертв голода, пострадавших от неоправданно жестоких указов «о прогулах» и «о трех колосках» и другие группы населения, получившие чрезмерно суровое наказание за мелкие правонарушения в силу репрессивного характера законодательства и следствия того времени.

Но у каждого осужденного были ведь родственники, которым после ареста близких приходилось очень несладко. Их увольняли с работы, выгоняли из квартир, детям устраивали травлю в школах. Поэтому в вопросе о репрессиях есть четкое разделение на осужденных и пострадавших от репрессий. В общей сложности первых и вторых набирается около 39 миллионов.

Сталин и нарком внутренних дел Николай Иванович Ежов.

Состряпать дело

«Мне арестованный **Жуков** дал показания о своей преступной деятельности, – читаем у Кукеева. – Я понес протокол на доклад к начальнику. Тот его перечитал и сказал переписать. Когда я это сделал, то ему (начальству) захотелось, чтобы Жуков стал еще и террористом. И приказал мне добиться признаний в террористической и диверсионной деятельности. Я стал доказывать, что этого делать нельзя, что этим прибавлением мы смазываем возможно правдивые показания о его (Жукова) шпионской деятельности. Начальник стал орать матом и приписывать мне «политический саботаж». После того как протокол был переписан и подписан Жуковым, начальник передумал и сказал: «Заставь его показать на таких-то арестованных, что они тоже шпионы и пусть будут по одному групповому делу». Когда протокол в таком виде был окончен, **Иванов** предложил мне составить дублированный протокол, в котором бы Жуков дал показания на некоторых лиц (еще не арестованных), чтобы было кого арестовывать в будущем».

Стрелять надо метко!

Накануне великой чистки

Когда начались репрессии в СССР? Единого мнения на этот счет нет. Кто-то точкой отсчета считает начало коллективизации. Другие вспоминают концентрационные лагеря и систему заложников, которые широко применялись большевиками в годы гражданской войны.

В Мурманской области в 1922–1927 годах не было репрессировано ни одного человека. С 1928 по 1932 год по политическим статьям и в процессе раскулачивания осуждено 153 человека. Но в эти годы Мурманский округ принял огромное число спецпереселенцев (читай раскулаченных), и вот среди этой категории в 1933 году прошли первые массовые аресты: 308 человек было осуждено, но через допросы прошло значительно больше. Например, 219 человек было арестовано только за одну ночь 19 марта на Кировском руднике. Мурманск таких массовых акций избежал (в 1933 году – 33 репрессированных) ввиду того, что в городе спецпоселенцев просто не было. Но всех арестованных из Кировска везли в окружной центр, где и велось следствие. В тюрьме мест не хватало, и людей отправили в помещение бойни: тут они просидели более полутора месяцев.

Далее последовал небольшой спад – в 1934-м в Мурманске осуждено «за политику» 30 человек (еще 40 – в округе), в 1935-м – 66 (131), через год – 45 (109).

Наступил 1937 год. На февральско-мартовском пленуме ВКП(б) **Иосиф Сталин** сформулировал три тезиса: во-первых, что вредительская работа иностранных агентов, троцкистов в той или иной степени задела все хозяйственные и административные органы, во-вторых, иностранные агенты и троцкисты про-

Памятник жертвам политических репрессий в Мурманске. Открыт 1.11.2010.

Камера № 17

В Мурманске словно ждали команды. Уже в наше время кандидат исторических наук **Оксана Миколюк** подсчитает, что количество расстрельных приговоров в нашем крае в два с лишним раза превышало средний показатель по стране. Чтобы добиться такой эффективности, мурманские чекисты работали круглосуточно. Кукеев застал начало этого процесса. Но скоро арестованных скопилось столько, что делать «стойку» в кабинете следователя стало невозможно.

Тогда создали камеру № 17. Это было самое большое помещение в управлении НКВД по Мурманской области. Туда сразу набивали десятки людей, которые стояли сутками. Специальные дежурные не давали человеку сесть и спать. Если истязаемый все-таки падал, его усаживали на табурет, но спать не давали. Рекорд установил главный редактор «Полярной правды» **Георгий Никифорович Ломов**, продержавшийся на «стойке» 28 суток. Но это его не спасло.

Но дело шло, как казалось чекистам, медленно. И тогда в помощь мурманчанам из Ленинграда прибыла спецбригада **Литвина**. После их приезда в первую же ночь без санкции прокурора было арестовано около 70 человек. Ленинградцы не церемонились, избивая людей до полного признания. «Работы» было так много, что вскоре к оперативникам и следователям присоединились надзиратели и другие работники управления, не имеющие отношения к следствию. Дело дошло до того, что начальство требовало от каждого оперработника двух сознавшихся арестованных в сутки.

По мурманской тюрьме начались самоубийства. Но лишь двум удалось избавить себя от мучений. Еще пять человек успели спасти.

Смерть за критику

Были несогласные с такой политикой? Были, и участь их была незавидная. Начальство прямо объявило, что за невыполнение приказов будет арестовывать. Но были смельчаки, кто все же публично называл вещи своими именами. Хорошо известна судьба сотрудника Мурманского НКВД **Ивана Мятты**, который выступал против подобных методов. За критику руководства он был исключен из партии, в ту же ночь арестован и через несколько суток интенсивных допросов, когда у него отнялась речь, подписал все, что ему инкриминировали. И был расстрелян.

Подвергся травле и Кукеев. После очередного незаконного приказа, который он напрочь отказался выполнять, начальство обещало посадить его в тот же день. Зная историю с Мяттой, Кукеев решился на отчаянный поступок:

«Я убежал к себе в кабинет. С единственной целью покончить с собой. Я закрылся на ключ и начал письмо Ежову (народный комиссар внутренних дел СССР в 1937–1938 годах. – **Прим. авт.**), которого тогда считал большевиком. Мысли путались, и я на первой же странице бросил писать. В это момент в коридоре забегали, ломились в дверь, звонили по телефону, но я никому не отвечал и не отзывался. Я не знаю, чему я сейчас обязан, что остался жив, но решение это (о самоубийстве) не случайно и не вдруг ко мне пришло».

Поскольку для руководства смерть молодого стажера была опасна (при расследовании могли всплыть нехорошие факты), то после длительных переговоров ситуация разрешилась, и сегодня мы можем читать исповедь Кукеева из 1939 года, сохраненную в Госархиве Мурманской области.

Флагман расстрелов

Арестовывали людей практически всех возрастов и профессий. Были расстреляны управляющий трестом «Апатит» **В. И. Кондриков**, директор Мурманского краеведческого музея **В. К. Алымов**, настоятель Трифонов Печенгского монастыря игумен **Паисий (Рябов)**, священники **Константин Мелентьев (Мелетьев)**, **Арсений Коноплев**, **Вениамин Боголепов**, **Григорий Лисеенков**, судья **Г. Я. Шалыгина**, первый командующий Северной военной флотилией **З. А. Закупнев**, командующий Северным флотом **К. И. Душенов**, член Военного совета флота **П. П. Байрачный** и многие другие. Пострадало много людей творческих профессий, в первую очередь, журналистов. Больше всего «изъято» их из «Полярной правды» и «Кировского рабочего». Понесли потери и органы госбезопасности: в Мурманской области арестованы и осуждены около 30 работников НКВД.

По данным Оксаны Миколюк, в 1930–1940 годах в Мурманской области репрессиям подверглись 5047 человек, из них казнено 2124. При этом только за 1937–1938 годы расстреляно 2109 человек. Всего же осуждено за этот период 3161 человек. Смертных приговоров в Мурманской области вынесено 66,7%, против 32,5% в среднем по СССР.

Прощаем, но не всех

18 ноября 1938 года вышло постановление ЦК ВКП(б) «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия». Мурманский обком партии решил проверить чекистов, и тут открылся весь ужас произошедшего. Выяснилось, что практически все дела по статье 58 УК РСФСР ими фабриковались.

Начался процесс реабилитации, который ну никак нельзя назвать полным. В первую очередь прекращались дела в отношении членов партии. Так, например, был освобожден первый секретарь Мурманского обкома ВЛКСМ **Ф. Ф. Шамонин** и арестованные с ним по одному делу. Все обвинялись в создании «молодежной организации». Всего с ноября 1938 года по 15 июня 1940 года было освобождено и восстановлено в партии 58 человек.

А вот что касается беспартийных, особенно чуждых элементов – кулаков, бывших офицеров и тому подобных, то тут власть прощать не торопилась. И чаще всего такие люди оставались в местах лишения свободы, а уже казненные не реабилитировались. Именно из таких лиц состояла якобы существовавшая «Российская фашистская партия». Несмотря на всю абсурдность обвинения по этому делу, которую прекрасно понимали и проверяющие, никто реабилитирован не был. Основания – все обвиняемые – опасные чуждые элементы, уже расстреляны, а жалоб от родственников не поступало.

Директор Мурманского областного краеведческого музея Василий Алымов (репрессирован в 1937 году) с сыном Сергеем.

По результатам расследования многие сотрудники Мурманского НКВД были уволены со службы, даже без зачисления в запас. Начальник УНКВД МО **Уралец А. К.** также был отстранен от работы, но впоследствии его вернули на службу. На скамье подсудимых в итоге оказалось лишь пять человек. Ни к одному из них высшая мера не была применена.

Андрей КИРОШКО. kiroshko@vmnews.ru Фото из открытых Интернет-источников.

По улицам Мурманска ГУЛЯЛИ КОЗЫ И СВИНЬИ

Проспект Сталина. 1940 год.

В конце мая 1938 года Мурманск стал областным центром. На 1 января 1937 года здесь жили 101 тысяча человек, а к концу 1938 года ожидалось увеличение до 120 тысяч. Половину всех трудившихся мурманчан тогда составляли работники Наркомпищепрома. Ничего удивительного, в те времена к пищевикам относилась, например, вся рыбная отрасль. Даже проект Кольского пивзавода – и тот составлялся специалистами наркомата. А вот на втором месте – 17 процентов – оказались работники учреждений и организаций, подведомственных Мурманскому горсовету. Посмотрим, как они работали.

Жизнь без колес

Изменение статуса, казалось бы, должно было изменить лицо Мурманска в лучшую сторону. И действительно, работы по благоустройству велись, но вот финансировались они явно недостаточно. Принцип «Сначала задачи государственные, а затем все остальные» по-прежнему определял всю работу городских властей. Например, в 1938 году грузовой автопарк коммунального хозяйства Мурманска состоял из девяти машин, включая специализированные – поливочные и ассенизационные. Спрашивается, как можно с помощью такого количества техники навести чистоту в 120-тысячном городе? Понятное дело, что ничего не получится. А как же собирались превращать Мурманск в столицу Заполярья? А так: в 1939 году планировалось иметь уже 11 машин, а к концу 1942 года (окончанию третьей пятилетки) – 25 грузовиков. Да, но к этому времени население Мурманска уже увеличилось бы до 150 тысяч, а часть машин наверняка вышла бы из строя. И город по-прежнему утопал бы в грязи.

А как обстояли дела с общественным транспортом? Тут тоже имеем цифры, поражающие воображение. В 1938 году мурманский таксопарк состоял из одной машины. Но к 1942 году планировалось его двадцатикратное увеличение. Немного лучше ситуация с автобусами. В 1939 году в Мурманске работали три маршрута: один – от Больничного городка до улицы Карла Либкнехта, второй - от нее же до кинотеатра «Северное сияние», а третий маршрут, стартовав от бани № 1 (пересечение нынешних улиц Комсомольская и Шмидта), пролегал по улицам Воровского, Софьи Перовской, Карла Маркса, Микояна (теперь улица Полярные Зори) и заканчивался на ныне не существующей Красной улице. Всего в городе было 8 автобусов. Образованный в 1938 году Ленинский район никакой связи с центром не имел. Добраться туда можно было или на поезде, или катером. К 1942 году Мурманск планировал иметь уже 30 автобусов. Вряд ли бы это количество заметно улучшило ситуацию с пассажирскими перевозками. Хотя Мурманск довоенный был сравнительно невелик. Он располагался между современными улицами Карла Либкнехта и Полярной Дивизии с севера на юг и от Кольского залива до улицы Микояна с запада на восток. Народ привык ходить пешком. Часто это было быстрее, чем ждать автобус.

Одна лошадиная сила

Нехватка автотранспорта во многом стала причиной вопиющей ситуации, сложившейся в городе с водопроводом и канализацией. Начальник строительства водопровода и канализации **А. К. Павловский** в своей докладной записке в Мурманский обком ВКП(б) пишет, что на строительство канализации была выделена лишь одна лошадь с подводой, и ту иногда не давали. Часто рабочим приходилось все стройматериалы доставлять к месту работ на своих плечах. К водопроводу, правда, власть относилась более трепетно и выделяла транспорт по мере необходимости.

Нехваткой транспорта объясняется, скорее всего, и невозможность доставки в срок уже оплаченных материалов на стройплощадку. Нитку водопровода тянули из Большого Питьевого озера и уже

Строительство дома на проспекте Сталина (ныне проспект Ленина).

План довоенного Мурманска.

тогда, в конце 30-х, понимали, что задачу снабжения водой большого города этот водоем не решит. Водопровод был временной мерой, позволявшей в связи с близостью озера к городу снизить остроту проблемы его водоснабжения.

Зимние красоты и первый асфальт

Внешний облик Мурманска тоже оставлял желать лучшего. Город представлял из себя нагромождение домов, поставленных посреди лесотундры, превращенной человеком в лунный пейзаж. О каком-то облагораживании придомовых территорий и речи тогда не шло. Лишь зимой, когда снег покрывал землю, Мурманск обретал красивый и местами торжественный вид. Именно к зимнему времени года относятся все восторженные отзывы о нашем городе конца 30-х годов.

Только в 1939 году приступили к асфальтированию улиц. Первой такой чести удостоилась Ленинградская. В довоенном Мурманске это была главная улица города. Здесь располагались облисполком, гостиница «Арктика», Дом Связи (нынешний почтамт). В деревянных домах по обе стороны от гостиницы «Арктика» размещались управление военного порта и жили семьи командиров Северной флотилии. В 1939 году приступили к постройке кинотеатра «Родина». Оживленной улицу делала еще и близость ее к вокзалу, стадиону, который находился примерно в районе нынешней верхней площадки автовокзала. В общем, это был центр городской жизни, так что выбора у дорожников, где укладывать первый асфальт, практически не было. Даже магия имени проспекта Сталина никак ни повлияла на приоритет Ленинградской.

Работники паровозного депо.

Хоккей с мячом. 1938 год.

Катастрофически мало зелени

А еще на улице Ленинградской был сквер. Единственный на стотысячный город. В начале 30-х годов вокруг памятника Жертвам интервенции разбили газоны и начали высаживать деревья. И по большому счету эти деревья тоже были единственными во всем Мурманске. Не считая тех, что чудом уцелели на строительных площадках.

5 сентября 1940 года на заседании Мурманского областного исполнительного комитета слушали доклад, посвященный озеленению областного центра. «Единственным объектом озеленения за последние два года является сквер у кинотеатра «Северное сияние», – записано в протоколе заседания. – Состояние охраны зеленых насаждений совершенно неудовлетворительно, в результате чего большая часть посадок, выполненных в прошлые годы, погибла и продолжает разрушаться, с одной стороны – уличными хулиганами, с другой стороны – до сего времени имеющимся в городе Мурманске бродячим мелким скотом (козы, свиньи)».

Причина такой бедности на зелень банальна: на весь 1940 год тресту благоустройства было выделено всего 50 тысяч рублей, из которых 40 тысяч пошло на сквер у «Северного сияния». Трест финансировался по остаточному принципу, и способные руководители туда не шли. А те, которые приходили, не хотели или не могли даже составить план работ. Озеленением занималась не только городская власть. Многие ведомства, например, областная больница, трест «Мурманрыба» тоже пытались создать уютную обстановку на своей территории, но их работа также не была признана удовлетворительной.

Гастроном на проспекте Сталина (ныне проспект Ленина). 1939 год.

В общем, чтобы областной центр не походил на деревянно-каменные джунгли, облисполком из своих средств выделил 60 тысяч рублей на создание питомника зеленых материалов площадью три гектара, горисполкому рекомендовал более планомерно подходить к работе по озеленению Мурманска, взять консультации специалистов ботанического сада Кольской базы Академии наук, а также привлечь финансы городских предприятий. В 1941 году хотели озеленить территории школ, детских садов, Дома Совета, Дома междурейсового отдыха моряков и ряда других.

Овражные страсти

Не добавила позитива облику Мурманска и начавшаяся осенью 1939 года советско-финляндская война. В городе были расквартированы многие воинские части, командиры которых часто потребительски относились к приютившему их населенному пункту. Например, только что построенный клуб моряков был отдан в распоряжении 9-му отдельному батальону связи. Военные, недолго думая, сделали две уличные уборные по бокам здания, а в овраге, который нынче занимает стадион профсоюзов, устроили свалку отходов. Все бы ничего, хотя это и не совсем красиво, но по другую сторону оврага находилось городское овощехранилище. К его дверям и устремились фекальные воды из армейской уборной. «Аромата» добавлял гниющий на дне оврага мусор. Потребовалось прямое указание первого секретаря Мурманского обкома партии **Максима Старостина**, чей кабинет находился метрах в двухстах от этого места, чтобы командир батальона отдал приказ о переносе уборных. Кстати, похожая ситуация случилась и в Коле. Там некая воинская часть вселилась на территорию строящегося пивзавода. После их ухода строителям полностью пришлось восстанавливать объект.

Добровольное свинство

Ну и как же в таком городе жили люди? Максим Старостин, как только принял в январе 1939 года областные дела, оценил ситуацию и стал бомбардировать Москву докладными записками. В одной их них 1-й секретарь прямо написал, что пребывающие в город люди считают себя временными жильцами и надолго оставаться здесь не собираются. Главными причинами были трудности как бытовые, так и природные. Поэтому по истечении двух лет работы на Севере человек не считал себя более обязанным здесь находиться. Даже более высокие зарплаты не компенсировали неудобств пребывания в Заполярье.

Вот оно в чем дело! Большая часть жителей довоенного Мурманска были временщиками, которым важно было отработать договор с государством и уехать обратно. Отсюда полное пренебрежение к природе края, самому городу, своим бытовым условиям. Заинтересованности в улучшении своей жизни просто не было. Пару лет можно пожить и по-свински, подзаработать, свалить и забыть об этом кошмаре.

К сожалению, такой психологии придерживались не только простые работяги, но и многие руководители. Зачем горбатиться, если через два года меня здесь не будет? Отсюда вялотекущее строительство, выделенные, но не освоенные средства и много что еще с приставкой «недо».

«Для того чтобы, осваивая Заполярье, закреплять кадры постоянных работников, не стремящихся к отъезду, необходимо в Мурманской области создавать не только минимальные жилищно-бытовые условия, а наоборот, ставить работающих на Севере в более благоприятные условия, этим сглаживать тяжелые условия Заполярья, – делал вывод Максим Старостин. – Думаю, что это с государственной точки зрения будет дешевле и целесообразней, чем расходы по громадной текучести рабочей силы и специалистов».

Но решить эту задачу Старостин не смог. Две войны – финская и Отечественная – надолго затормозили развитие Мурманска и Мурманской области.

Мурманский футбол. 1939–1940 гг.

Андрей КИРОШКО.
kiroshko@vmnews.ru

Использованы материалы Государственного архива Мурманской области, Мурманской государственной областной универсальной научной библиотеки. Фото из открытых Интернет-источников.

О том, что происходило в нашем городе в 1939-1941 годах, известно мало, хотя этот период – один из самых интересных. В эти годы Мурманск становится участником большой политики, поэтому документов, полноценно освещающих его историю, в Государственном архиве Мурманской области (ГАМО) практически нет. А то немногое, что все-таки там хранилось, долгое время имело гриф «Секретно». Советско-финляндская война и реализация пакта Молотова – Риббентропа – вот две причины, надолго закрывшие исследователям возможность изучения истории предвоенного Мурманска. Попробуем этот пробел ликвидировать. Оставим на время в стороне чисто городские проблемы. На сцену выходит большая история.

ОДИН ДЕНЬ ПЕРВОГО СЕКРЕТАРЯ

Мурманск-спаситель

Итак, 23 августа 1939 года в Москве заключается советско-германский пакт о ненападении. Через восемь дней войска вермахта вторгаются в Польшу. 3 сентября Великобритания объявляет войну Германии, и буквально через несколько часов немецкая подводная лодка U-30 топит в Атлантике британский пассажирский лайнер «Атения». А уже 6 сентября в мурманский порт, спасаясь от ярости англичан, входит германский лайнер «Бремен». Что же произошло?

После гибели «Атении» британцы начинают охотиться на германские корабли, где бы они ни находились. Немцы ищут спасения в любом порту, согласившемся их принять. И тут германские дипломаты вспомнили о Мурманске. В наш порт один за другим начинают прибывать немецкие пароходы. К 4 октября их насчитывается уже 14, в ноябре, по некоторым данным, – 36.

В Мурманске на улицах зазвучала немецкая речь.

Одиссея «Бремена» сегодня достаточно хорошо известна, подробно останавливаться на ней не будем. Кратко напомним, что капитан Аренс дождался наступления полярной ночи и в начале декабря 1939 года увел свое судно в Германию. Так же поступило и большинство других капитанов германских судов.

Но был один случай, о котором надо рассказать отдельно. Хотя бы потому, что в ГАМО о нем есть кое-какая информация. Об этом сообщил на недавно прошедшей в Мурманске научно-практической конференция «Мурманская область: история в документах» сотрудник архива **Дмитрий Ермолаев**.

Телефонная дипломатия

20 октября 1939 года в Кольском заливе во время выхода в дозор была протаранена рыболовным траулером подводная лодка Щ-424. Удар пришелся в левый борт в районе рубки, через считанные минуты лодка затонула, 32 члена экипажа погибли, 10 (по другим данным – 7) человек спаслись.

23 октября на место трагедии, где в тот момент еще велись спасательные работы, на яхте «Жемчужина Севера» прибыл первый секретарь Мурманского обкома ВКП(б) **Максим Старостин**.

– В какой-то момент с борта яхты Старостин увидел, что в залив заходит неизвестный корабль, – рассказывает Дмитрий Ермолаев. – При сближении «Жемчужины Севера» с неизвестным пароходом на траверзе Полярного Старостин обнаружил, что корабль этот транспортного типа с закрашенным названием и с флагом «Прошу лоцмана» на главной мачте. А потом Максим Иванович увидел на палубе судна военных моряков и офицеров с флагом немецкого флота.

Вернувшись к себе в кабинет, Старостин в 16 часов позвонил командующему Северным флотом **Валентину Дрозду** и спросил: «Почему пропущен в Мурманск корабль под военным флагом без лоцмана?». Дрозд ответил: «Если бы это был крейсер или миноносец, то я бы знал, как с ним поступить, а это корабль транспортный, это дело не мое, а начальника пограничных войск товарища **Синилова**». Тогда Старостин позвонил Синилову. Тот ответил, что ему только что сообщили о случившемся, но поскольку этот корабль под военным флагом, то «по инструкции его должен встречать товарищ Дрозд».

Пиратский трофей

Только после длительных телефонных переговоров, сопровождавшихся, видимо, отнюдь не дипломатическими выражениями, Старостину удалось заставить людей Синилова подняться на борт неизвестного судна. То, что он узнал после этого визита, ошарашило Максима Ивановича больше, чем ведомственная неразбериха и проход в порт иностранного корабля.

Сухогруз «Сити оф Флинт».

Максим Старостин (справа) у телетайпа.

– Выяснилось, что в Мурманск прибыл американский пароход «Сити оф Флинт», – говорит Дмитрий Ермолаев. – Он шел из США в Англию с грузом тракторов, масла, зерна, воска и другими товарами. В Атлантике американца остановил германский карманный линкор «Дойчланд». После досмотра немцы объявили груз контрабандой, а сам корабль – призом. На «Сити оф Флинт» оставили команду из 17 вооруженных матросов во главе с офицером, закрасили все опознавательные знаки Соединенных Штатов и подняли на корме флаг со свастикой.

Далее «Дойчланд» отправился на патрулирование, а «Сити оф Флинт» должен был идти в Германию. Но этого немцы сделать побоялись и решили плыть на север, в Норвегию. В Тромсе их встретили неприветливо и в течение суток выдворили. Тогда немцы решили идти в Мурманск.

При входе в Кольский залив они подошли к нашим кораблям, запросив лоцмана. Но им было отказано. Тогда немцы пошли к Мурманску сами, даже не подозревая, что всю эту картину наблюдает первое лицо региона.

Не обижая немцев

Выяснив от возвратившихся с досмотра контролеров, что это за корабль, и учитывая, что могут быть дипломатические осложнения, Старостин в 23 часа этого же дня детально проинформировал Особый сектор ЦК ВКП(б), канцелярию **Сталина**, секретариат Министерства иностранных дел и другие инстанции о случившемся. Ответ пришел буквально через полтора часа. В соответствии с инструкцией немцев разоружили и интернировали. Но сделано это было для вида. Не желая обижать немцев, захватчиков в этот же день снова вернули на захваченное ими судно.

И все-таки скандала избежать не удалось. Дело в том, что немецкие суда, стоявшие на рейде Мурманска, соблюдали радиомолчание, советские газеты о них не писали. А радист «Сити оф Флинт» при захвате немцами судна успел выстрелить в эфир радиограммой. После этого догадаться, где скрывается пароход, было уже нетрудно.

Опережая реакцию западных стран, и в первую очередь США, советские центральные газеты уже на следующий день напечатали информацию о случившемся в Мурманске. Реакция, конечно, все же последовала, и, понятное дело, была она не слишком приятной для нас.

Нетерпимое терпеть нельзя

Реакция была и с советской стороны. Видимо, под влиянием данного инцидента уже 25 октября 1939 года выходит решение СНК СССР «О режиме в Кольском заливе». Положение в акватории объявлялось нетерпимым. Проход в Кольский залив закрывался для всех иностранных граждан и тем более военных кораблей. Чтобы более не было ведомственной неразберихи, ответственность за выполнение постановления возлагалась на Северный флот, а морская охрана НКВД в оперативном отношении отныне должна была подчиняться морякам.

28 октября 1939 года, проведя на рейде Мурманска шесть дней, «Сити оф Флинт» снова ушел в Норвегию, но там немцев опять интернировали, а судно вернули США. По другой версии, немцы уехали из Мурманска на поезде, а американская команда сама уже увела корабль домой.

Судьбы

Главные герои нашей истории по-разному закончили свои дни. «Сити оф Флинт» был потоплен немецкой подлодкой U-575 южнее Азорских островов в январе 1943 года. Линкор «Дойчланд», переименованный в «Лютцов», 4 мая 1945 года был взорван экипажем. Его подняли советские водолазы, но от восстановления корабля решено было отказаться, из него сделали артиллерийскую мишень. 22 июня (символично) 1947 года гордость немецкого флота была потоплена в ходе учений Балтийского флота.

Максим Старостин, руководивший жизнью Мурманской области все годы войны, скоропостижно скончался в 1948 году. Адмирал Валентин Дрозд в 1940 году был освобожден от должности командующего Северным флотом и вернулся на Балтику. Являлся одним из руководителей обороны Ленинграда. Погиб в 1943 году – автомобиль, в котором он ехал, провалился под лед в районе Кронштадта, и адмирал утонул. А вот Кузьма Синилов в 1941 году был переведен в Москву и стал комендантом столицы. Именно он организовывал знаменитый парад в ноябре 1941 года, проход военнопленных немцев через Москву в 1944 году и Парад Победы. Умер в 1957 году.

Андрей КИРОШКО. kiroshko@vmnews.ru

Фото из открытых Интернет-источников.

Мурманск 20-х годов – это не только эпидемия тифа, о которой рассказывала «Вечерка» 19 января, разборки служащих с револьверной пальбой и нехваткой всего необходимого, включая продовольствие. Медленно, но город развивался. Привлеченный разговорами и большими заработками, на Север ехал народ.

20-е годы В ЦИФРАХ И ФАКТАХ

Медленно, но растем

Если в 1922 году в Мурманске насчитывалось около 4 тысяч жителей, то на 15 декабря 1924 года их было уже 6 282 человека (3 706 мужчин и 2 576 женщин). Такая точность в подсчетах была достигнута в результате проведенной переписи, итоги которой опубликовала тогда «Полярная правда». Ее небольшой материал любопытен тем, что помимо цифр в нем показана разбивка города по районам. Точнее, по поселкам. В Северный район входили Портовая Нахаловка, сам порт, а также вагоны и суда, которые активно использовались под жилье. Всего здесь обитало 2 073 человека. Скорее всего, речь шла о территории, которую сегодня ограничивают железнодорожные пути в районе вокзала с одной стороны и береговая линия Кольского залива – с другой. Правда, какая-то часть мурманчан жила вообще на воде, точнее, на судах, стоявших в акватории порта. Северный район был самым многолюдным. За ним по количеству жителей шел Северо-Восточный район, в который входили Железнодорожный и Верхнепортовый поселки. Их границей на севере был овраг у Губфинотдела. Видимо, это то место, где сейчас находится Центральный стадион профсоюзов. Тут проживало 1 796 человек. Далее шел Центральный район с 1 144 обитателями. Его границы – Торговая площадь на севере и База на юге. И наконец, в Южном районе (База и Базовская Нахаловка) жило 1 269 человек.

Беспошлинный торг

Уже по увеличению числа жителей видно, что Мурманск находился на подъеме. Это отмечает и «Полярная правда», подводя итоги 1924 года. Если в 1923 году городская электростанция работала на 50–60 процентов своих возможностей, то в 1924-м – уже на все 100. Грузооборот Мурманского порта резко увеличился. Это объясняется тем, что Мурманский Губисполком добился права беспошлинного ввоза иностранных товаров и смог убедить центральные органы власти передать мурманчанам из Архангельска один плавучий кран. Помимо этого увеличился вылов рыбы. Еще в 1923 году Госплан СССР признал Мурманск базой рыбных промыслов. А через год архангельские и мурманские рыбаки объединились в «Севгосрыбтрест». И вот в 1924 году портовики обработали 12 миллионов пудов грузов, рыбы было выловлено миллион пудов. Все это привело к более активной работе железной дороги. Увеличилась зарплата рабочих и служащих. В губернском центре восстановили старый и сделали новый водопровод, причем впервые в истории города удалось провести воду в дома.

Объедаемся?

В 1927 году Мурманск взял новый рубеж, о чем с гордостью сообщила «Полярная правда». Голодный 1920 год остался уже далеко позади. Через семь лет после него Мурманск стал городом, в котором жители питались лучше, чем в столице. По потреблению мяса, масла, чая, сахара он занимал тогда первое место среди 80 городов СССР. «Основными питательными элементами – белками, жирами и углеводами – организм мурманского жителя также обеспечивается вполне нормально и по количеству выше среднего для СССР», – пишет репортер **Василий Алымов**.

Эти данные подтверждают и сводки ОГПУ, в которых говорится об улучшении настроения горожан в связи с доставкой товаров первой необходимости. Правда, эти же сводки косвенно свидетельствуют о том, что далеко не всегда мурманчане могли позволить себе питаться «выше среднего уровня в СССР». Перебои с поставками продовольствия – явление в этот период нередкое. Купить то, что хочется и когда хочется, зачастую было нереально.

Журналист, плановик, заговорщик

На личности журналиста «Полярной правды» Василия Кондратьевича Алымова стоит остановиться подробнее. Василий Алымов – известный исследователь истории, культуры и быта саамов. В 1927 году он работал председателем областной плановой комиссии. В 1936–1938 годах был директором Мурманского краеведческого музея.

Статьи Алымова об истории Мурмана, коренных жителях Кольского края печатались в газетах, журналах, альманахах. Стоит отметить, что его работы отличались неподдельной любовью к Северу. Василий Кондратьевич изучал язык, уклад жизни саамов, их обычаи, составлял сборники устного творчества. Он был очарован этим народом настолько, что занимался его изучением все годы жизни в Мурманске. Но именно эта любовь к коренному населению Кольского Севера стала для него роковой. В 1938 году по обвинению в антисоветской деятельности арестовали более ста человек в Ловозере. Было сфабриковано дело о так называемом «саамском заговоре», в связи с чем 34 человека обвинили сначала во вредительстве, затем – в повстанческой деятельности, подрыве советских устоев, шпионаже и стремлении присоединиться к Финляндии. В жернова попал и Алымов. 22 октября 1938 года его расстреляли в Левашовской пустоши под Ленинградом, а вместе с ним погибли еще 14 фигурантов «саамского заговора».

Андрей КИРОШКО. kiroshko@vmnews.ru
Фото из открытых Интернет-источников.

Так выглядел Мурманск в 20-е годы.

В истории Мурманска было два периода, которые с высоты сегодняшнего времени выглядят, без преувеличения, страшными

НОЧЬ 20-Х ГОДОВ

Первый из них начался практически сразу после установления в городе советской власти и длился практически до конца 20-х годов. Второй – это годы Великой Отечественной войны. И если военное лихолетье страшно для человека уже в силу физической возможности погибнуть, то двадцатые поражают какой-то дикой безысходностью, жуткими условиями существования, а для некоторых жителей и потерей человеческого облика. Итак, трудные двадцатые.

Без еды, но с загсом

Мурманск в начале двадцатых годов оказался в очень сложной ситуации. Подходили к концу запасы продовольствия и других жизненно важных вещей, оставленные еще интервентами. Ждать помощи от государства, в котором только что закончилась гражданская война, не приходилось. На наш взгляд, новое руководство города тоже сделало далеко не все, что было в его силах. В частности, в течение 1920 и 1921 годов можно было привести в порядок жилье, хотя бы, например, бараки и больницы, возможно, даже построить новое, чтобы уменьшить скученность населения. Но этого сделано не было, что и привело к печальным последствиям.

На первом же после установления советской власти заседании Мурманского уездного исполкома 23 февраля 1920 года в числе прочих принимается решение о запрещении вывоза продуктов из города и обыске квартир, в которых имеются значительные запасы продовольствия. Для предотвращения вывоза продовольствия создаются заградительные отряды. Все запасы, превышающие трехмесячную норму, изымаются. При этом предписывалось щадить самолюбие населения. Этим же документом создается чрезвычайная санитарная комиссия в Мурманске. Лиц, не исполняющих ее приказы, разрешено привлекать к суду ревтрибунала как контрреволюционеров.

Кроме изъятия продуктов (а затем и их жесткого нормирования) реквизициям подверглась также мебель. В частности, решением мурманского ревкома из дома убитого адмирала Кетлинского было взято 10 стульев, 3 кресла и диван. Весь это скарб доставили в центральный рабочий клуб. Оплату реквизированного добра производили по твердым ценам.

Мурманская молодежь у дома просвещения.

Согласно протоколу № 2 исполком Мурманска взялся и за искоренение в городе проституции. Для этого всех жриц любви решили переписать и отправить на медобследование, а венерических больных – на лечение. Руководители города, в котором живет в этот момент около трех тысяч человек, снова возвращаются к продовольственному вопросу. На этот раз санкции распространяются на неработающих. Решено выселить их из города. Правда те, кто проявит желание работать, могут остаться.

Несмотря на такие строгости, жизнь продолжается. В «Полярной правде» (тогда она называлась «Известия Совета Рабочих, Солдатских и Крестьянских депутатов») 22 апреля 1920 года дается объявление о работе загса. Заключение браков производится по понедельникам, вторникам и четвергам с 11 до 15 часов. А вот заявления о рождении и смерти можно подать в любой рабочий день, главное, уложиться в трехдневный срок. В ноябре этого же года выходит постановление об организации в городе яслей и детских площадок. «Предложить издать обязательное постановление о доставке специально установленной нормы молока от каждой коровы для детских столовых», – говорится в другом документе этого периода.

Вшивая действительность

В городе – страшная скученность. Жилья не хватает катастрофически.

В январе 1921 года дело доходит до создания Чрезвычайной жилищной комиссии. Появились случаи возвратного и сыпного тифа. Эти болезни больше всего проявляются зимой, когда холод заставляет людей подолгу находиться в помещении. Переносчик – платяная вошь. Профилактика – мытье и стирка. Но с водопроводом в Мурманске – проблемы. Его, по сути, нет.

Типичным примером мурманского общежития 1921 года является барак № 491, в котором живут работники больницы. Дощатое строение без засыпки между стен, без потолка, с дырявой крышей. В оконных рамах не хватает стекол, их заменяют тряпками, стены промерзают и внутри покрываются инеем и льдом. В бараке размером примерно 18 на 9 метров живет 31 человек. Из-за скученности, отсутствия кладовок и кухни чистоту в помещении соблюдать невозможно, тараканов и клопов – масса.

Неурожай 1921-го года привел к тому, что в Мурманск, спасаясь от голода, стали прибывать люди из центральных областей страны, что обострило квартирный вопрос. Только с декабря 1921 по май 1922 года зафиксировано 577 случаев сыпного тифа и 983 – возвратного. И это в городе, где живут всего-то около 4000 человек.

Барак № 570

Это дощатое строение без потолков, с трещинами в крыше и совершенно неутепленными

Железнодорожный вокзал.

стенами выполняло функцию инфекционной больницы. Мытье полов даже горячей водой здесь приводит к появлению слоя льда. Печи не исправны, а потому не могут поддерживать нормальную температуру. Для защиты больных от холода их приходилось класть на койки в валенках, тулупах и шапках, отчего больница теряла свое лечебное назначение, превращаясь попросту в свалочный пункт, источник распространения заразы. А если печки все же удавалось раскочегарить, то от сильного жара начинала парить сырая древесина и в палатах образовывался туман.

Лишь в июле 1922-го то ли из-за прихода тепла, то ли из-за оттока пришлых болезнь очень резко пошла на убыль. Показательно, что в соседних Коле и Александровске случаи заражения тифом были единичны.

А в Мурманске и в дальнейшем фиксировалось немало случаев заболевания тифом. В частности, в начале тридцатых годов в сводках ОГПУ значилось несколько десятков заболевших. И это тоже было связано с большим притоком новых людей. Но того, что произошло зимой 1921-1922 года, уже не повторилось. Власть, пусть и с трудом, смогла не допустить эпидемии.

Мурманск в оперсводках

Настроения в городе чутко улавливали органы ОГПУ, которые несколько раз в месяц составляли соответствующие сводки. Чаще других в эти обзоры попадали грузчики порта. Работы в те годы у них было немного, пароходы отнюдь не выстраивались в очередь на разгрузку. Дело осложнялось еще и тем, что расценки на данную работу постоянно снижались. И грузчики за словом в карман не лезли.

В год десятилетия Октябрьской революции в городе обсуждали официальные итоги, опубликованные в специальном манифесте. «Вот в газетах писали о наших достижениях, – приводятся слова недовольства грузчиков в сводке ОГПУ за ноябрь – декабрь 1927 года. – А нам зарплату снизили. В 1924 году за вагон экспорта нам платили 25 рублей, а в прошлую экспортную кампанию – 12 руб. 50 коп. Вот Разину (начальник порта) и Макарову (начальник Муркомага) зарплату не понизили, они делают, что хотят. Правильно оппозиция говорит, что коммунисты – это новое дворянство, которое забыло нас».

Под оппозицией имелись в виду Троцкий и Зиновьев, которых как раз в 1927 году исключили из партии и сняли со всех занимаемых постов. В СССР было немало их сторонников, и власти не без основания считали, что они могут организовать выступления в поддержку своих вождей. В Мурманске чекисты вроде следов заговора не обнаружили, но очень внимательно следили за разговорами горожан.

О Пасхе и лихих финансистах

Попадали в обзоры чекистов и отдельные случаи из жизни города и горожан. Так, например, в мае 1929 года подробное описание получил казус с комсомольской инициативой отменить выходные в пасхальные праздники. В тот год они приходились на 4, 5 и 6 мая, то есть следовали сразу за 1 мая, которое тоже было нерабочим. Курьез произошел на станции Мурманск. Когда инициатива была уже принята, из Дорпрофсоюза пришла телеграмма с категорическим требованием остановить работы в Пасху. Это стало полной неожиданностью для партийных органов Мурманска, которые и были, по сути, главными инициаторами этой затеи. По авторитету коммунистов был нанесен сильный удар, о чем и сообщали мурманские чекисты.

Крайне нездоровая ситуация сложилась в 1929 году в окружном финансовом отделе (ОКРФО). Его начальник был не в состоянии читать документы. Батя, как называли на службе начальника, занимался лишь разговорами, а его работу делали другие. Дисциплина отсутствовала напрочь. Среди сотрудников процветала карточная игра, длившаяся иногда сутками. В ходе нее проигрывались даже выданные ссуды. А в общежитии работников ОКРФО творились вещи вообще очень некрасивые. Пьянство было повсеместным, нередко случались и драки с применением револьверов.

Но подобные случаи были в Мурманске все же редкостью. И именно в силу своей исключительности попадали в сводки ОГПУ. Делать по ним далеко идущие выводы не следует. Но из песни слов не выкинешь – случалось в мурманской истории и такое.

Мурманчане 20-х годов жили в домах-«чемоданах».

Андрей КИРОШКО. kiroshko@vmnews.ru
По материалам Государственного архива Мурманской области.
Фото из открытых Интернет-источников.

Утонченные гимназистки стали работать ликвидаторами

Не так давно пришлось мне обучать одного пожилого родственника азам компьютерной грамоты. Увы, с задачей я не справился. Случай этот я вспомнил, когда в Государственном архиве Мурманской области наткнулся на материалы комиссии по ликвидации неграмотности, работавшей в 20–30-е годы прошлого века. Можно поразному относиться к достижениям СССР, но именно эта деятельность, без всякого сомнения, заслуживает только положительных оценок. Задача была архисложной, но при этом абсолютно необходимой. И к чести советской власти, к 1940 году в стране практически не осталось людей, не умеющих читать и писать. И Мурманск исключением здесь не был, хотя у нас ликвидация неграмотности имела свои особенности.

«Мы не рабы, рабы не мы»

Кампанию по ликвидации неграмотности можно разделить на два этапа. Первый начался в декабре 1919 года после издания декрета Совнаркома «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР». Продолжался он примерно до конца 20-х годов, когда стало ясно, что «азбучная» грамотность перестала отвечать потребностям хозяйственного и культурного переустройства страны. В 1930 году вводится всеобщее начальное образование.

В 1926 году среди лиц в возрасте от 9 до 49 лет грамотных было 56,6% (в 1920 году – 44,1%). Всего в 1917–1927 годах было обучено грамоте до 10 миллионов взрослых. Однако в целом СССР занимал по уровню грамотности 19-е место в Европе, уступая таким странам, как Турция и Португалия.

Лучше, чем у других

На этом фоне Мурманский округ Ленинградской области выглядел очень благополучно. По переписи населения 1926 года, в нем значилось всего 1506 человек неграмотных (5,6%). Причина такого отрыва от средних показателей по стране очевидна: флот, порт, судоремонт, железная дорога требуют большого количества грамотных людей. А Мурманск, где концентрировалась большая часть населения округа, в первой половине двадцатых – город главным образом морских специалистов и железнодорожников. Плюс официальные учреждения, где работать, будучи неграмотным, просто невозможно. Хотя прецеденты были. Иногда во главе какого-либо ведомства или отдела ставили надежного товарища, главным положительным качеством которого помимо наличия партбилета являлась ненависть к мировой буржуазии. И тогда на безграмотность руководителя закрывали глаза.

Точных цифр по Мурманску мы не имеем, но, скорее всего, не умеющих читать и писать здесь было очень мало. В округе же в целом обучить всех было очень сложно. «Сезонный промысел, требующий от населения постоянной смены местожительства, доходящей до кочевья, и тяжелый упорный труд промыслов, все это вместе ставит ликвидацию неграмотности в исключительно трудные условия, а часто делает совершенно невозможной», – говорится в докладе инструктора ликбеза **Дорофеева**.

Гимназистки кудрявые

ВЧК по ликвидации неграмотности, созданная еще в 1920 году, могла привлечь к работе любого имеющего необходимое образование. Отказаться от такого «предложения» никто не имел права. В Мурманске грамотных людей было немало, включая обладателей университетских дипломов. Но главным образом воз работы тянули бывшие гимназисты, точнее, гимназистки. И делали они это весьма успешно.

Официально учителя школ ликбеза назывались ликвидаторами. В документах так и значится: должность «ликвидатор». А рядом список из 15–20 «ликвидированных» неучей. В Мурманске барышни-ликвидаторы работали в порту, железнодорожных мастерских и даже в тюрьме. В последней, правда, они трудились, можно сказать, набегами. Мурманский домзак (официальное название тюрьмы в 20-х годах) – учреждение малопосещаемое, с небольшим, хотя и объединенным общими интересами населением. В архиве сохранилась докладная записка начальника этого учреждения, датированная 14 ноября 1927 года, в которой он указывает, что в связи с проведенной амнистией в домзаке осталось 33 заключенных, поэтому нет смысла содержать здесь ликпункт. По законам того времени ликпункт открывался, если в каком-либо месте было более 15 человек неграмотных. Получается, что указанное большинство из 33 заключенных было исключительно культурными и образованными людьми. Однако постоянная смена населения домзака приводила к тому, что ликвидаторы появлялись там снова и снова.

Пишем и говорим правильно

Принято считать, что ликбез давал только навыки чтения, письма и счета. Но это далеко не так. Вот перед нами отчет ликвидатора М. Вороновой (хотя она подписалась как преподаватель – видимо, и в ту пору слово «ликвидатор» тоже далеко не всем нравилось). Ей досталась группа из 25 человек, которых она разделила на две подгруппы – 20 малограмотных (умеющих только читать) и пятеро полностью неграмотных. У последних программа обучения была несложной: чтение по слогам, составление слов, списывание с доски, а высшим пилотажем считались диктанты. В математике изучались четыре основных действия в пределах сотни.

У малограмотных программа была более обширная и сложная. Она включала в себя начальные знания по математике, географии, естествознанию. В последнем разделе, например, изучались пар, вода и воздух и их свойства, человек «как рабочая машина», труд и отдых, питание и гигиена питания, дыхание и гигиена дыхания. В географии объяснялись такие понятия, как план и карта, страны света, карта нашей республики, ее реки, моря и железные дороги. В рамках программы по математике взрослые ученики овладевали сложением и вычитанием чисел любой величины, умножением и делением, навыками работы со счетами.

Ах эти руки трудовые

Учили ликвидаторы, конечно же, и чтению, русскому языку, причем не только правописанию, но и правильному произношению. К слову, навыки письма взрослые ученики осваивали составлением анкет и заявлений.

И эти анкеты сохранились! Ох и тяжко давался труд по их заполнению взрослым людям. Их руки, привыкшие держать кувалду или лопату, поднимать и таскать тяжести, тянуть такелаж на парусных судах, плохо держали карандаш, дрожали, буквы получались кривыми и прыгающими. И ошибок было немало. Легче письмо давалось молодым. Они даже пытались украшать буквы разными завитушками, строчки получались ровнее, и ошибок почти не было. На это требовалось пять с половиной месяцев занятий по три раза в неделю. При этом никто от работы освобожден не был, хотя в день занятий у учащихся рабочий день по закону был немного меньше.

Тяжко ученикам было. Но у меня гораздо больше сочувствия вызывают учителя. Бедные ликвидаторы! Вот уж кому приходилось ломать голову над тем, как объяснить простейшие вещи взрослому человеку. В гимназиях этому не учили. Правда, ликвидаторов снабжали методической литературой, но она вряд ли могла учесть все варианты восприятия материала большими дядями и тетями. Учителям приходилось самим заполнять эти пробелы. И они справлялись. В отличие от меня, который так и не смог объяснить своему деду, как правильно работать с компьютерной мышкой.

Андрей КИРОШКО. kiroshko@vmnews.ru

Фото из открытых Интернет-источников.

ПОД БДИТЕЛЬНЫМ ОКОМ

Мурманск в документах ОГПУ и НКВД

Одни из самых интересных документов, хранящихся в Государственном архиве Мурманской области, – докладные записки и сводки органов ОГПУ, а затем НКВД, описывающие разные стороны жизни советского общества. Чекистам до всего было дело: они давали оценку политическим взглядам населения, писали о недостатках в системе здравоохранения и образования, оценивали праздничные мероприятия и разбирали технические проекты. Власти требовалась непредвзятая оценка событий, а руководители предприятий и организаций зачастую любили, как тогда говорили, лакировать действительность. Вот и поручили чекистам приглядывать за всем.

Первая гостиница «Желрыбы». 1924 год.

ЭСЕРЫ И ОФИЦЕРЫ

Итак, 1931 год. В Мурманске начинается большое строительство. Городу требуются рабочие руки, и каждый день сюда прибывают сотни людей. В моде пока труд свободных граждан. Пройдет буквально несколько лет, и главной движущей силой кольских строек станут заключенные. В большом количестве на Север едут раскулаченные. Привыкшие к тяжелой крестьянской работе, они без труда находят себя на стройках государства, которое отняло у них все. На новом месте они под пристальным взглядом чекистов.

Вот как описывается сложившаяся ситуация в докладной записке Мурманского окружного отдела ОГПУ о политическом состоянии Мурманского округа:

«В городе имеется: эсеров 6 человек, анархистов 5 чел., меньшевиков 7 чел. Все эти одиночки еще несколько лет тому назад порвали всякую связь со своими организациями, официально вышли из партий и в настоящее время, работая в разных советских учреждениях, антисоветской деятельности не проявляют.

Кроме того, в городе имеется: бывших полицейских, охранников и городовых 26 чел., приставов 2 чел., урядников 7 чел., охранников 6 чел., жандармов 3 чел. (один из коих штабс-ротмистр), служивших в белой милиции 4 чел., царских и белых офицеров 110 чел., бывших белобандитов и контрразведчиков 7 чел. и около 40 чел. подозреваемых в политическом шпионаже. Все эти антисоветские элементы в значительном большинстве своем работают в различных государственных учреждениях и предприятиях города, главным образом в Севгосрыбтресте, Кармуррыбаксоюзе, Мурманском порту, ж. д. и т. д. и представляют собою реальную опасность на случай каких бы то ни было политических осложнений как будущий возглавляющий контрреволюционный кадр».

Если с большинством категорий все понятно, то кто такие белобандиты, честно говоря, не совсем ясно. Юридически такого понятия не было вообще. По крайней мере, в Уголовном кодексе 1926 года, который применялся в то время, найти его не удалось.

КУЛАКИ ВИНОВАТЫ

«Основным контингентом антисоветского элемента все же являются кулаки, бежавшие от раскулачивания из разных местностей СССР», – продолжает автор записки, а затем указывает, что кулаки, прибывающие в Мурманск, устраиваются на работу в разные учреждения и предприятия, вступают в профсоюзы, общественные организации, *«даже были случаи приема кулаков в ВЛКСМ и неоднократные попытки их пролезть в ВКП (б)»*. При этом они работают в качестве квалифицированных сезонных рабочих, приобретают движимую и недвижимую собственность. *«Бежавший кулак,* – говорится далее в документе, – *желая замаскировать свое прошлое, естественно, стремится стать ударником, активистом-общественником, выказать, что называется, внешне свою преданность советской власти, а на самом деле ведет систематическую скрытую антисоветскую агитацию, в результате чего мы имеем неоднократные случаи частичного невыхода рабочих на работу на почве несвоевременной выдачи зарплаты, недостаточно интенсивной работы по строительству, рыбной путине, недовольство рабочих в связи с некоторым недостатком промтоваров»*.

Единственная церковь в городе по постановлению граждан была отобрана еще в 1924 году и использовалась сначала под культнужды, а затем – под общежитие. До 1929 года богослужения проводились в сторожке рядом с церковью, пока не были запрещены по причинам пожарной опасности и ветхости здания.

Автор записки не дает своих предложений, что делать в данной ситуации. Для этого есть веские основания: выявить среди приезжих кулаков очень сложно. Последние, прекрасно понимая всю шаткость положения, не афишировали свое прошлое. Возможно, даже назывались ненастоящими именами. Проверить в то время быстро, что Петров – вовсе не Петров, было сложно, и если человек по каким-то причинам не попадал в поле зрения органов, то на него внимания не обращали.

Кстати, в конце 1940 – начале 1950-х годов Мурманск переживет вторую волну приезда лиц, скрывающихся от закона. В воспоминаниях океанолога А. А. Елизарова об этом рассказывается так: *«Флот быстро рос, моряков не хватало, и кадры «Тралфлота» и «Мурмансельди» смотрели сквозь пальцы на документы нанимающихся на работу. Это в стране знали многие. Совершит некто некое преступление и, пока власти до него не добрались, берет билет на Кировскую дорогу, рвет свой паспорт и по приезде в Мурманск идет в кадры «Трал-флота»: дескать, хочу наняться, но документы утерял. Ему дадут на шесть месяцев временное удостоверение, а дальше и паспорт со слегка измененной фамилией»*.

Возможно, нечто подобное происходило и в 1931 году.

ВЕРИТЬ ИЛИ НЕ ВЕРИТЬ?

Под пристальным вниманием чекистов находился и единственный в Мурманске священнослужитель – поп Коноплев. Также единственная церковь в городе по постановлению граждан была отобрана еще в 1924 году и использовалась сначала под культнужды, а затем – под общежитие. До 1929 года богослужения проводились в сторожке рядом с церковью, пока не были запрещены по причинам пожарной опасности и ветхости здания.

«Поп Коноплев живет в городе за счет исполнения треб на дому по приглашению верующих, сапожного ремесла и продажи молока от имеющихся коз, – говорится в докладной записке. – *Связи с попами округа не имеет, так как еще ранее вышел из подчинения Архангельской епархии и примкнул к епископу Ленинградскому Дмитрию. Поп Коноплев не против вообще отказаться от исполнения обрядов и заняться полезным производительным трудом»*.

Видимо, у пастыря не было никакого желания заниматься антисоветской деятельностью. Но сотрудники ГПУ с настороженностью отметили его желание отремонтировать сторожку и юридически оформить общину. Какая-никакая, но это была активность враждебного элемента.

* * *

Как бы то ни было, но и кулаки, и «белобандиты», и «подозреваемые в политическом шпионаже», и даже поп Коноплев вместе со всеми строили новый город. Ворчали, иногда возмущались, но дело делали. Каждый свое. Чувствовали ли они себя мурманчанами, мы не знаем. Зато их потомки, если они живут еще в нашем городе, уже точно таковыми являются.

Андрей КИРОШКО. kiroshko@vmnews.ru

Фото из альбома «Мурманск в старых фотографиях».

Прыжки с парашютом у Дома культуры

Сто страниц истории к 100-летию Мурманска

Многим из нас это памятно с детства. Фильм "Тимур и его команда". Тимур помогает Жене подготовиться к первому в ее жизни прыжку. Раскрытый купол. Неоглядная даль. Гневный взгляд старшей сестры Ольги и смущенный - дяди Тимура Георгия в исполнении замечательного Леонида Куравлева… Парашютные вышки - романтика 30-х.

ДЕЛО ЧЕСТИ

Когда-то эти почти забытые ныне сооружения стояли по всей стране. Первое в мире социалистическое государство готовилось себя защищать, а потому всемерно развивало военизированные виды спорта. Но одной только подготовкой к защите Родины невероятную популярность инженерных конструкций, позволяющих имитировать прыжок с парашютом, не объяснить. Было что-то еще. Возможно, неуловимое и пьянящее ощущение полета, свободы, оторванности от всего земного, которое они на краткий миг позволяли испытать. Так или иначе накануне войны всякий уважающий себя населенный пункт СССР считал делом чести иметь такую постройку, воспринимавшуюся не просто как любимый молодежью аттракцион, но, в первую очередь, как знак соответствия требованиям современности, символ технического прогресса. Не был исключением и Мурманск.

Первая отечественная парашютная вышка вошла в строй 10 мая 1933 года в пригороде Ленинграда Пушкине. Мурманчане, являвшиеся в ту пору жителями Ленинградской области, на происшедшее откликнулись быстро. "Группа руководящего актива обкома ВЛКСМ тренируется сейчас на прыжках со специальной вышки, готовясь к прыжкам с аэроплана с большой высоты, - сообщала "Полярная правда" 16 июня 1933 года. - Необходимо поставить вопрос о постройке тренировочной вышки для прыжков с парашютом". Тогда же мурманские активисты Осоавиахима провозгласили лозунг: "На тренировочную вышку, на планер!". Парашютная мечта исполнилась не сразу. Проследить за тем, как она воплощалась в жизнь, помогут документы Государственного архива Мурманской области.

ПЕРВАЯ ЗА ПОЛЯРНЫМ КРУГОМ

17 июня 1935 года члены президиума Ленинградского областного совета Осоавиахима констатировали, что на территории Мурманского округа "идет подготовка к строительству 3-х парашютных вышек". Первую из них, являвшуюся также первой вышкой за Полярным кругом, решили построить в Мурманске. 7 сентября 1935-го окружной исполком выделил на ее сооружение 30 тысяч рублей, а позже - еще 15 тысяч. Место для вышки отвели в самом центре города - неподалеку от Дома культуры. В качестве материала выбрали дерево - металл оказался слишком дорог. Слесарь Мурманского торгового порта Фриц Лауренц был командирован в Ленинград "для подготовки на инструктора парашютного дела". Вскоре строительство началось.

Шло оно поначалу ни шатко ни валко. В постановлении бюро Мурманского окружкома ВКП(б) от 25 декабря 1935 года указано, что срок сдачи объекта перенесен на 15 января 1936-го и что необходимо дополнительно "выделить для этой цели 15 плотников". После того как очередная дата ввода вышки в эксплуатацию осталась позади, дело доверили стахановской бригаде Мурснабстроя под руководством бригадира Тарелкина. Стройка резко набрала обороты. "Бригада работает круглые сутки, - информировала читателей "Полярка" 27 января 1936 года. - 20 января на общем собрании бригада взяла на себя обязательство окончить за Ленинский стахановский трехдневник вторую площадку. (Как видите, годовщина смерти Ленина отмечалась в СССР не только траурными мероприятиями, но и ударным трудом. **- Д. Е.**). Свое обязательство бригада выполнила и решила все плотничные работы закончить к 3 февраля, после чего начнутся работы по монтажу вышки".

Парашютная вышка. Вид из окна Дома культуры. 1936-1938 гг. Из фондов ГАМО.

ФУРОР В МУРМАНСКЕ И ОКРЕСТНОСТЯХ

23 марта бывший слесарь Лауренц получил свидетельство об окончании школы при ленинградском аэроклубе. В апреле наладку 25-метровой вышки закончили и после пробных прыжков, в Первомайские дни 1936 года она начала действовать. И сразу произвела в заполярной столице и ее окрестностях настоящий фурор! Желающие совершить прыжок выстраивались в длинные очереди. Из близлежащих и отдаленных сел приезжали целые делегации, требовавшие, чтобы всем, кто входил в их состав, обязательно позволили прыгнуть. "Парашютная вышка около Дома культуры посещается очень охотно молодежью Мурманска", - констатировала в конце мая газета "Звезда Заполярья". Каждому посетителю выдавали документ, подтверждающий, что его полет под куполом парашюта действительно состоялся.

Руководство мурманского Осоавиахима строило смелые планы, собираясь в будущем "пропустить" через вышку большую часть населения заполярной столицы. В ближайшей же перспективе предстояло "организовать систематические прыжки с парашютной вышки комсомольцев мурманской организации, а также… коллективные выезды комсомольцев и молодежи Кольского, Полярного районов. Предусмотреть организацию прыжков участников совещания женской молодежи и пленума окружкома ВЛКСМ… Организовать окружную школу инструкторов парашютного спорта". Кто знает, каких высот могло достичь в Мурманске парашютное дело, если бы все намеченное удалось осуществить. Но - не случилось.

ЗАКРЫЛАСЬ, НЕ НАЧАВ РАБОТАТЬ

"Выбрав свободное время, 25 молодых колхозников из белокаменского колхоза "Похянтяхтио" ("Полярная звезда") отправились в Мурманск. Они собрались посмотреть на мурманскую парашютную вышку, а потом и совершить прыжок… однако на этот раз молодым колхозникам пришлось горько разочароваться, - поясняла 18 августа 1936 года "Полярная правда". - Правда, вышку-то они осмотрели и очень внимательно, а вот прыгнуть так и не удалось. Некоторые из них, ради любопытства больше, забрались на самую верхнюю площадку вышки и, простояв там некоторое время, спустились на землю - тоже без помощи парашюта, больше надеясь на собственные ноги. С тем и уехали обратно в колхоз". Та же участь постигла вскоре делегации моряков Северной военной флотилии, строителей судоремонтного завода Главсевморпути, работников рыбокомбината, сотрудников Мурманторга и многих других, выражаясь языком осоавиахимовцев тех лет, "крупных заказчиков", не говоря уже об обычных, "неорганизованных" горожанах.

Правда, до конца 1936 года мурманчане еще успели совершить 7300 прыжков, но затем парашютная вышка закрылась, не успев еще толком начать работать. Сперва выяснилось, что при прыжках не соблюдаются необходимые меры безопасности и нужно оборудовать площадку для приземления: огородить ее забором и засыпать опилками. Потом обнаружилось, что вышку построили из негодного сырого леса. В итоге древесина рассохлась и все сооружение пришло в аварийное состояние. Понадобился срочный ремонт, а для него, в свою очередь, потребовались деньги, которых неоткуда было взять. В постановлении оргбюро ЦК ВЛКСМ по Мурманской области "О работе окружного совета Осоавиахима", утвержденном 29 сентября 1938 года, отдельно отмечалось, что "вышка все лето стояла без движения, а инструктор… был отпущен в отпуск".

ПОМЕХА СТРОИТЕЛЬСТВУ

Окончательно решил судьбу парашютной вышки президиум Мурманского горсовета. Осенью 1938-го им было принято постановление о постройке рядом с Домом культуры двух жилых домов Севморпути. Одно из этих исчезнувших ныне двухэтажных деревянных зданий предполагалось разместить как раз на том месте, где стояла бездействующая вышка. Парашютный тренажер, бывший еще не так давно местом всеобщего паломничества горожан, мешал строительству, и его разобрали. Поначалу считалось - временно. Деревянное сооружение хотели перенести на новое место - у кинотеатра "Северное сияние". Но когда его стали демонтировать, оказалось, что для переноски оно не пригодно.

Правда, совсем отказываться от вышки мурманчанам не хотелось. Поэтому управление Севморпути решило возместить осоавиахимовцам заполярной столицы стоимость ликвидированной конструкции и перевело на их счет 48 тысяч рублей. На эти деньги решили возвести более высокую - 37 метров - и более прочную - металлическую - парашютную вышку. Но, увы, намерения так и остались намерениями.

8 марта 1939 года был арестован и приговорен к трем годам исправительно-трудовых лагерей происходивший из поволжских немцев Фриц Филиппович Лауренц. Заменивший его инструктор по парашютному спорту Кудряшов предпринимал отчаянные усилия, писал в Запорожсталь и Стальмост, но успеха так и не добился. Летом 1940 года часть средств, предназначавшихся для строительства новой вышки, перевели на ремонт городских тиров. Накануне войны мурманская молодежь ностальгически вспоминала те золотые дни, когда она "имела свою парашютную вышку. Вышка деревянная, невысокая, невзрачная на первый взгляд, но все это ничего. Главное, что на ней был парашют и молодые парни и девушки целые вечера проводили… совершая с 25-метровой вышины прыжки на землю".

Так закончилась история мурманской парашютной вышки - первой за Полярным кругом. После Победы в областном центре вновь появилась конструкция для имитации прыжков с парашютом. И горожане опять смогли увидеть над собой белый купол, испытать ощущение полета, почувствовать, как плывет навстречу земля. Но то была уже иная эпоха и совершенно другая история.

Дмитрий ЕРМОЛАЕВ, сотрудник Государственного архива Мурманской области.

Из японского плена - на Север

Сто страниц истории к 100-летию Мурманска

НОВОЕ НАЗВАНИЕ - “ЧЕСМА”

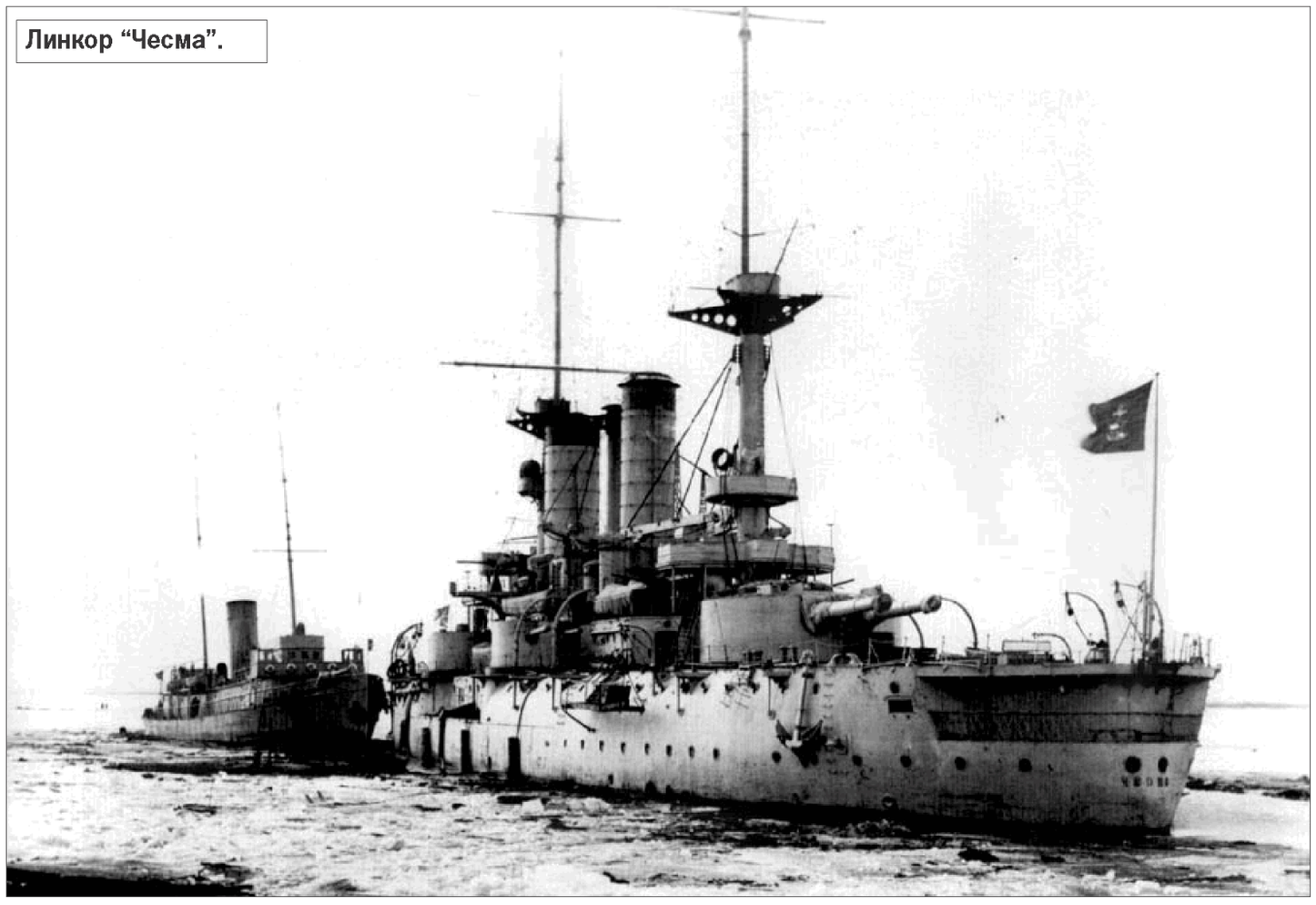
Этот корабль имел несколько названий. Сначала - “Полтава”. Он относился к классу эскадренных броненосцев. Заложен на эллинге Нового адмиралтейства в Санкт-Петербурге 7 мая 1892 года, вступил в строй четыре года спустя. В тот же день заложили еще два однотипных корабля - “Петропавловск” и “Севастополь”, оба они погибли при обороне Порт-Артура в 1904 году. “Полтаву” в составе 1-й Тихоокеанской эскадры в сражениях с японским флотом ожидала та же участь. Сначала от прямого попадания снаряда и детонации боезапаса броненосец сел на дно внутреннего рейда Порт-Артура, а в ночь на 20 декабря 1904 года при сдаче крепости окончательно был подорван экипажем. Через полгода японцы корабль подняли, восстановили, назвали “Танго”.

Первая мировая война вызволила “Полтаву” из плена. Для обороны нового порта в Семеновской бухте, Романова-на-Мурмане, для союзных перевозок на Севере создавался отряд боевых кораблей, который мог бы противостоять нападению германского флота. В начале 1916 года Морское министерство выкупило у Японии броненосцы “Полтава”, “Пересвет” и крейсер “Варяг”. Все корабли в тот же год отправились на Север из Владивостока через три океана. Первым в ноябре в Кольский залив пришел легендарный “Варяг”.

Еще во Владивостоке “Танго” переименовали и переквалифицировали в линкор “Чесма”. Принимать его по железной дороге из Севастополя приехали 600 моряков во главе с капитаном I ранга Василием Черкасовым. Он стал командиром корабля. Из переписки с Андреем Эбергардом, командующим Черноморским флотом, известно, как неприязненно черноморцев встретили моряки-дальневосточники, обозвав их “желтолицыми”, как неохотно помогали готовить “Чесму” к переходу на Север.

В КОЛЬСКОМ ЗАЛИВЕ

Более благосклонно к нуждам чесменцев отнеслись англичане - союзники в первой мировой войне: в ноябре 1916 года в Ливерпуле они устранили все неисправности, полученные при полукругосветном плавании. 28 декабря корабль покинул последний союзный порт и в 15 часов 3 января 1917 года бросил якорь на рейде Романова-на-Мурмане. В тот же день после аудиенции у командующего сводным отрядом флотилии Северного Ледовитого океана А. И. Бестужева-Рюмина Черкасов записал в рапорте: “В настоящее время корабль находится в полном боеспособном состоянии; таковое будет поддержано, если личный офицерский состав его будет сохранен и будет знать, что он имеет определенное боевое значение. В противном же случае поддерживать корабль в этом состоянии будет чрезвычайно трудно или даже невозможно. Сейчас корабль силен не своими боевыми качествами, а духом его личного состава, сильно сплотившегося в продолжительном плавании”.

Линкор “Чесма”.

Увы, дух боеспособности и товарищества утеряли в течение года, после двух сильнейших потрясений: падения монархии и большевистского переворота. На экипаж “Чесмы” сильно повлияли революционные настроения матросов крейсеров “Аскольд” и “Варяг”. А монолит офицерства дал трещину после неожиданных смертей: сначала начальника Отряда судов обороны Мурманского укрепрайона А. И. Бестужева-Рюмина (флаг держал на “Чесме”), а затем и самого Главнамура контр-адмирала К. Ф. Кетлинского, застреленного матросами в отместку за смерть товарищей в Тулоне.

Сразу же после октябрьских событий в Петрограде несколько матросов “Чесмы” написали заявление в судовой комитет о создании вооруженного отряда “для охраны завоеваний революции”. В четвертом пункте заявления говорилось: мол, пусть рабочее правительство нам подскажет, куда наш отряд может двинуться для уничтожения “палачей революции”. А в январе 1918 года на общем собрании матросы “Чесмы” одобрили роспуск Учредительного собрания и поддержали III Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Делегатом съезда был чесменец Григорий Иванович Радченко, член Центрального комитета Мурманской флотилии (Центромура). Собственно, этот комитет и являлся главной властью на Мурмане, держался особняком от Архангельска, от Центрального комитета флотилии Северного Ледовитого океана (Целедфлота) и находящегося там штаба военно-морских сил на Севере. Само выражение “Мурманская флотилия”, а не официальное название “Флотилия Северного Ледовитого океана” говорило об этой обособленности. Еще бы! Какая сила находилась тогда в Кольском заливе - линейный корабль, два крейсера, эскадренные миноносцы. С этой силой считалось и английское командование, заинтересованное в поддержании боевого духа русских моряков. И оно нашло аргументы - уговорило руководителей Центромура и Мурманского Совдепа М. А. Ляуданского и А. М. Юрьева заключить договор с англо-французским командованием, что означало интервенцию и разрыв с ленинским правительством.

ПЛАВУЧАЯ ТЮРЬМА

Через два дня рассерженный Ленин объявил председателя Мурманского Совдепа Юрьева врагом народа. Какого народа - не уточнил, а между тем на Мурмане тогда основное население составляли моряки да солдаты и рыбаки-сезонники.

В то время Григорий Радченко находился в Москве на очередном съезде Советов. По возвращении в Мурманск ни Центромура, ни Совдепа не застал, хозяйничали белая власть и интервенты. Радченко арестовали, посадили в Печенгскую тюрьму, столь ярко описанную писателем Валентином Пикулем в романе “Из тупика”. Там Радченко встретился с членами Центромура, среди них находился сослуживец с “Чесмы” матрос 2-й статьи Арсений Нохрин. Начались их скитания по этапу: Печенга - Александровск и... “Чесма”. Да, линкор стал плавучей тюрьмой, нижние помещения их родного корабля превратились в тюремные камеры. Охраняли заключенных английские морские пехотинцы, среди них попадались сочувствующие, а среди арестантов - знающие английский язык. Общие политбеседы продолжались до 27 декабря 1918 года, когда несколько арестованных, переодевшись в матросскую форму, бежали с корабля. Бежал и Иван Иванович Подвойский - брат Николая Подвойского, видного большевика, соратника Ленина. Занесло его на Мурман по делам снабжения Рабоче-Крестьянской Армии.

Радченко к тому времени освободили по болезни, а Нохрин не захотел расставаться с кораблем. О побеге товарищей рассказал следующее: “В назначенный день арестованные сумели отвлечь внимание английских часовых. Кто-то раздобыл патефон, поставили пластинку с английской песней. Услышав ее, солдаты сразу же подошли к патефону и начали петь, оставив свои посты. Мы только этого и ждали. Пока несколько раз меняли пластинку, семеро наших товарищей выбрались через башенное отделение и междудонное пространство в машинный отсек, где несли вахту русские моряки. Они снабдили бежавших матросской одеждой, и те незаметно сошли на берег”.

После побега тюремный режим на “Чесме” ужесточился: сократили паек, отменили прогулки на палубу, запретили всякое общение с охраной, часовых офицеры даже обыскивали. В ответ заключенные письменно предъявили несколько требований, после их неприятия объявили голодовку. На шестой день британское командование согласилось обитателям тюрьмы улучшить условия: добавили к ежедневному пайку 100 граммов консервированного мяса, разрешило прогулки на 15 минут. Публика на “Чесме” сидела разношерстная, преобладали большевики и кадеты, постоянно спорили. Эти яростные споры и скрашивали долгие зимние вечера.

СПИСАЛИ НА МЕТАЛЛОЛОМ

А на берегу назревали серьезные события. Весной 1919 года интервенты засобирались домой, стали привлекать заключенных для погрузки кораблей, иногда людей возили работать на берег. Вскоре англичане покинули корабль, часть арестованных белая власть разместила в городе в специальных бараках, остальным, небольшевикам, предложила остаться на “Чесме”, готовить ее к переходу в Архангельск. Остался и Нохрин, так как не имел никаких документов, да и свыкся с кораблем, на котором начал службу еще во Владивостоке.

В июле 1919 года “Чесму” перевели в Архангельск. Линкор представлял уже слабую боевую единицу. Половину имущества растащили, артиллерия бездействовала: когда в феврале 1920 года хотели пальнуть по судам, увозящим генералов Миллера и Мурашевского с их штабами, то в погребах не нашлось ни единого снаряда. С приходом красных частей офицеры разбежались, матросы расслабились, на борту царила анархия.

Последним белым офицером “Чесмы” был капитан II ранга Карпоносов, в дальнейшем здесь командовали комиссары. До августа 1922 года Арсений Нохрин временно исполнял обязанности старшего помощника. В дальнейшем плавал на гидрографических судах, в годы войны защищал Мурманск, был главным капитаном рыбного порта. Его имя долгое время носил спасатель, биография Арсения Нохрина есть в “Кольской энциклопедии”.

А “Чесмы” судьба такова. С апреля 1920 года, с установлением советской власти, линкор входил в состав Морских сил Северного моря, стоял в Архангельском военном порту, использовался в качестве учебной базы. Исключен из списков Рабоче-Крестьянского Красного Флота 3 июля 1924 года, разделан на металлолом.

Владимир СОРОКАЖЕРДЬЕВ,
член Союза писателей России.

Поездка министров на Мурман

Сто страниц истории к 100-летию Мурманска

В первых главах проекта "Сто страниц истории к 100-летию Мурманска" говорилось о роли министров А. Ф. Трепова и И. К. Григоровича в судьбе Мурманска. Не повторяя предыдущих авторов, расширим тему, проследим маршрут, уточним время следования высокопоставленных особ и некоторые подробности их поездки на Север.

СПИСОК ТРЕПОВА

Скажем сразу, министры ехали не только для открытия нового города, это было дело попутное. Инициатива исходила от царя: "во исполнение Высочайших предуказаний..." министру путей сообщения Александру Федоровичу Трепову поручалось лично осмотреть Мурманскую железную дорогу для "выяснения на месте некоторых, связанным с таковым сооружением, вопросов". Союзники-англичане жаловались на неготовность некоторых участков. Немцы и нейтралы волновались, что на "Мурманке" жестоко эксплуатируются военнопленные, грозили ответными мерами. Рабочие страдали от казнокрадства чиновников.

Трепов предложил составить компанию морскому министру Ивану Константиновичу Григоровичу. У адмирала на Севере также были дела. С образованием флотилии Северного Ледовитого океана летом 1916 года в порту Семеново закладывалась военно-морская база, некоторые корабли уже пришли. Список сопровождавших лиц составил сам Трепов. Это люди, близкие к министру, некоторые в приятельских отношениях: члены Государственной Думы А. И. Шингарев и А. А. Добровольский, член Государственного Совета барон Р. А. Дистерло, заместитель министра земледелия Н. В. Грудистов, генерал С. С. Всеволожский. Ехали также чиновники из Министерства путей сообщения (4 человека) и начальник строительного Управления Мурманской железной дороги Владимир Васильевич Горячковский. В пути присоединились его помощник по линии Сорока - Кандалакша Евгений Алексеевич Захаров и помощник по линии Кандалакша - Мурман Петр Евграфович Соловьев, а также врач Сергей Павлович Сребренников. По рекомендации редактора газеты "Новое время" М. А. Суворина в списке Трепова значился журналист А. М. Селитренников, работавший под псевдонимом А. Ренников.

Специальный поезд покинул Петроград 14 сентября (здесь и далее даты по старому стилю). До Кеми сделали две остановки, Петрозаводск смотрели полтора часа да на разъезде № 9 два часа любовались Надвоицким водопадом. В Кеми провели больше суток. Сплавали на Соловки, в тамошний монастырь. В Кеми ожидала архангельская группа губернатора Сергея Дмитриевича Бибикова на ледорезе "Канада". С ним был главноначальствующий города Архангельска и Беломорского водного района вице-адмирал А. П. Угрюмов. Из Кеми в Кандалакшу плыли на ледорезе, ибо дорога в районе северной Карелии была еще не готова. Последний "серебряный" костыль забили 3 ноября в районе станции Боярская. На пути в Кандалакшу зашли в Чупу.

Остановка в пути. В центре слева направо: инженер Е. А. Захаров, И. К. Григорович (частично прикрыт Горячковским), С. Д. Бибиков, А. Ф. Трепов.

Конечную станцию Романов-на-Мурмане увидели в 7.30 вечера 20 сентября. На транспорте флотилии Северного Ледовитого океана "Ксения" сразу же отправились в Александровск, где провели ночь.

РОМАНОВ-НА-МУРМАНЕ

Местоположение будущего города Романовска, так его называли между собой путешественники, понравилось Трепову. Постройки начинались с нижней террасы, на песчаном берегу Кольского залива, одна пристань уже принимала пароходы. Радовала глаз березовая роща и текущий лесистым оврагом ручей, именуемый Семеновским, как и сама бухта, по имени Семеновых островов, которые при постройке пристаней и углублении акватории были срыты. Трепов повелел своим сотрудникам из строительного Управления дороги оберегать от порубок рощу и остальной лес по окрестным склонам. Неудобством для будущего города, по его словам, являлось близкое местоположение военно-морской базы, надо бы ее спланировать далее на север по берегу залива. Местоположение порта и железнодорожной станции признал очень удачным.

О текущих работах в отчете Трепова сказано следующее: "Устройство пристанских сооружений ныне уже заканчивается. Первая пристань для разгрузки судов была устроена ведомством путей сообщения; засим, Министерством Торговли и Промышленности было приступлено к ряду работ по устройству пристаней, которые обеспечат к зимнему времени (когда с закрытием навигации в Архангельске в Романов-на-Мурмане направится весь поток прибывающих из-за границы грузов) возможность одновременной разгрузки 5 морских судов. С дальнейшим развитием причалов это число будет увеличено к январю до 6-ти и к марту - до 8-ми. Здесь же строятся складочные помещения и пагкаузы площадью в 6 тысяч квадратных сажен и приспособляется площадь в 6 тысяч квадратных сажен для открытого хранения грузов. Угольную гавань, а также склады легковоспламеняющихся веществ, как-то: бензина и керосина предположено вынести на противоположный берег залива к существующей здесь так называемой дровяной пристани, расположенной в 6 верстах у Лесного завода, принадлежащего норвежцу Бергену, каковой завод предложено реквизировать для надобностей Министерства Торговли и Промышленности, приспособив его для ремонта и починки судов. Наконец, далее по берегу залива, за городской чертой, по направлению к океану, намечено предоставить места для устройства рыбокоптильных, консервных и иных, связанных с рыбным промыслом, заводов, проведя к ним впоследствии и рельсовый путь". Трепов пишет о большом интересе различных фирм и частных лиц в покупке и аренде земли. Уже отведены участки для будущего дома английскому консулу и предпринимателю Шубину для постройки гостиницы и бани.

ЗАКЛАДКА ХРАМА

Утром 21 сентября (по новому стилю - 4 октября) на второй террасе, откуда открывался обширный вид на рейд и порт, состоялась торжественная закладка храма во имя Николая Мирликийского Чудотворца. Место общеизвестно - нынешний Дворец культуры имени С. М. Кирова. На торжество сошлись служащие, рабочие, моряки, приехало почти все население города Колы вместе с церковным хором. Церемонию вел архангельский епископ Нафанаил. Перед иконой Николая Чудотворца, подарком царя Николая II, произнес красивую и содержательную речь, отметив громадное значение для северного края проведение Мурманской железной дороги.

В землю опустили закладную медную доску с надписью на обеих сторонах: "**Во имя Отца и Сына и Святаго духа в лето от сотворения мира 7424 и от Рождества Христова 1916 сентября 21 дня при Державе Благочестивейшего Великого Государя Императора Николая Александровича Самодержавца Всероссийского во вновь строящемся граде Романове-на-Мурмане при святительстве же Преосвященнейшего Нафанаила епископа Архангельского и Холмогорского заложен сей храм во имя святителя Николая Мирликийского Чудотворца. Закладка совершена при участии министров путей сообщения Александра Федоровича Трепова, морского - Ивана Константиновича Григоровича, начальника Архангельской губернии Сергея Дмитриевича Бибикова и начальника работ по постройке Мурманской железной дороги Владимира Васильевича Горячковского в бытность попечителя учрежденного города графа Михаила Евстафьевича Нирода**".

Закладка храма в Романове-на-Мурмане. Справа налево: И. К. Григорович, А. Ф. Трепов, В. В. Горячковский.

Именно момент закладки доски изображен на знаменитой фотографии, без которой не обходится ни один рассказ о начале города Мурманска. Люди, перечисленные на доске, на фотоснимке стоят напротив Нафанаила в таком порядке (справа налево): Григорович, Трепов, Горячковский. Если биографии губернатора и обоих министров можно прочитать в словарях, то о Горячковском сведений немного. В 1897 году окончил Институт инженеров путей сообщения в Санкт-Петербурге, работал на Московско-Виндаво-Рыбинской железной дороге, откуда переведен на Мурманскую дорогу. Строители его уважали, в министерстве жаловали.

МНЕНИЕ ГРИГОРОВИЧА

Трепов положительно оценивал работу Горячковского, мол, "ведомство, в общем, успешно справляется с возложенной на него задачей", а замеченные частичные недочеты будут исправлены. Резкую оценку увиденному дал Григорович: "Поездка эта произвела на меня отвратительное впечатление, видно было, все жалобы, которые до меня доходили, верны. Рабочие и пленные, работающие на дороге, содержатся плохо, о них мало заботятся, особенно о китайцах, которые за работу получают мало, почти голые и голодные, но с них дерут большие деньги за все, что им необходимо, так что заработка не хватает. Я был свидетелем полного отчаяния этих людей и даже скандалов, о чем говорил Министру путей сообщения, но он близко к сердцу это не принимает, а главный инженер-строитель нас успокаивал и обещал улучшить положение рабочих, но было видно, что он попросту обманывал". Когда Трепов попросил подписать телеграмму на имя Государя об открытии дороги, Григорович отказался, мол, не готова и не будет готова еще долго. Обратный путь до Архангельска для министров прошел в натянутых отношениях.

Участие двух министров в мурманских делах отразилось в местной топонимике. Ручей, вытекающий с северной стороны Семеновского озера и впадающий в залив в районе Угольной базы, назвали Министерским, и само озеро получило название Министерское. На планшете 1917 года начальника изыскательской партии инженера Б. В. Сабанина мы видим эти названия. Просуществовали они недолго, до прихода большевиков. По названию южного ручья озеро переименовали в Семеновское.

Владимир СОРОКАЖЕРДЬЕВ,
член Союза писателей России.

Мурманцы: интервенты или союзники?

Сто страниц истории к 100-летию Мурманска

НЕ ТО ОБИДА, НЕ ТО СТЫД

"Я искала русского бравого, отважного, доблестного солдата, но его не было. В то время как проходили церемониальным маршем наши союзники под звуки национальных маршей и гимнов, наши, несколько человек солдат, стояли в сторонке, хотя и под своим флагом, но на их лицах были написаны не то обида, что они не могут принять участие в празднике, не то - стыд. Возвращаясь с площади праздника, я несла в душе тяжелую печаль и мне казалось, что я была на похоронах родного, дорогого, горячо любимого Отечества - нашей России..." - так отозвалась одна из жителей тогдашнего Мурманска о параде, который был устроен у нас союзниками в ноябре 1918-го в честь окончания первой мировой.

Вот так... Кем все-таки были представители Антанты в Мурманске времен гражданской войны? В советское время их упорно, не теша себя сомнениями, называли интервентами. Однако мурманцы, несмотря на многие "но", называли их союзниками. Да, собственно, так ведь оно и было в совсем недавно закончившуюся большую войну...

Разумеется, тут все не так уж однозначно. Англичане, безусловно, вели себя на Мурмане как сущие интервенты - нагло и бессовестно, по-хозяйски. Как отмечал генерал Марушевский, "англичане держали себя на Севере так, будто они находились в завоеванной, а вовсе не в дружественной стране...".

Все так. Но и полезного за то короткое время, пока находились в Мурманске, британцы сделали немало. В том числе некоторые привычные для нас сегодня элементы городской жизни появились у нас именно благодаря пришельцам с Туманного Альбиона.

Парад союзных войск в честь окончания первой мировой войны. Мурманск, 1918 год.

АНГЛИЙСКИЕ ПОДАРКИ

Это и первый общественный транспорт - декавилька. Эту городскую железную узкоколейную дорогу длиной пять километров создали майор королевских инженерных войск Сайрен и инженер Фрозер. И первый стадион - Английский плац - место, где британцы играли в футбол (этот так любимый всеми нами вид спорта на Кольской земле именно благодаря им появился) и проводили строевые занятия, - он, кстати, находился неподалеку от нынешнего памятника Жертвам интервенции, где-то в районе гостиницы "Арктика".

И первый каменный дом в Мурманске - тоже подарок от бывших наших то ли союзников, то ли интервентов. Разумеется, это не здание Транспортного потребительского общества, нынешнего художественного музея, построенное в 1926-м. Первый такой дом находится за Мурманской ТЭЦ, на Траловой. Могучий, сложенный из валунов в жанре замковой архитектуры домина. Этакое, знаете ли, как я когда-то написал, "порожденье инобытия". Год рождения - 1918-й...

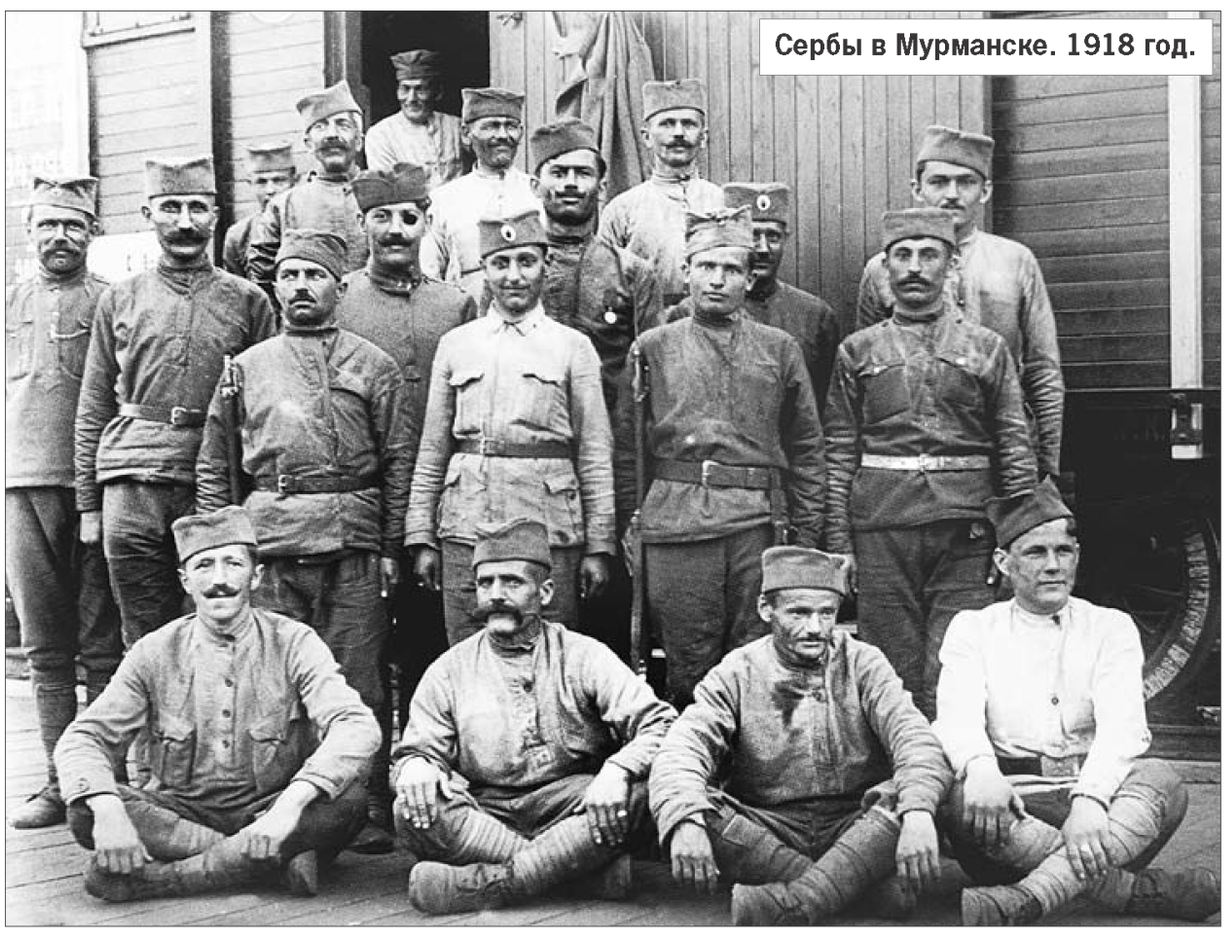

Первый в Мурманске каменный дом.

И деньги местные - знаменитые "моржовки" с изображением всяческих наших заполярных зверей (моржей, тюленей и так далее), которые имели хождение не только у нас, но и во всей Северной области, тоже англичане придумали и отпечатали у себя в Лондоне. Эти своеобразные "северные рубли" были обеспечены валютным вкладом в Британском банке. Первоначальный курс - сорок "моржовок" за один фунт стерлингов. Отсюда же и первый, по сути дела, валютный магазин - кантин, где за "моржовки" можно было купить едва ли не все: от винограда и хорошего вина до шоколада "Нестле" (вот она, глобализация-то, уже тогда свои щупальца алчные к нам протягивала - только держись!).

В значительной степени благодаря британцам Мурманск в то время не голодал. Как отмечал член Мурманского Совдепа, служащий телеграфа Н. Леонтьев, "англичане выдавали пайки и снабжали кооперацию товарами. Первые пять-шесть месяцев пайки давали даже бесплатно...".

Но что мы все об англичанах да об англичанах. Не только они тогда у нас "гостили" с оружием в руках. Здесь были и американцы, и французы, и итальянцы, и датчане. Последние, к слову, задержались дольше многих, даже пытались противодействовать "народным массам" в ходе антибелогвардейского мятежа 21 февраля 1920 года - день, когда закончилась у нас белая власть. Всего к апрелю 1919-го в Мурманском крае числилось около 8 тысяч союзников, около тысячи - в самом Мурманске.

Сербы в Мурманске. 1918 год.

"ПОГОНЩИКИ" И "ВЬЮЧНЫЙ СКОТ"

Да что там говорить, даже югославы у нас были! И не отдельные персонажи, а во множестве. Они прибыли на Кольский полуостров в мае 1918-го в составе Добровольческого корпуса сербов, хорватов и словенцев - их было немало, около трех тысяч. Предполагалось, что они через Мурманск покинут Россию, но возвращение пришлось отложить больше чем на год.

В основном они защищали мурманку - мурманскую железную дорогу. Вели обучение местных добровольцев как инструкторы. Интересно, что в боях за Сегежу союзники, ввиду того что югославская часть была одной из самых боеспособных на северном фронте, использовали сербов как "погонщиков". Как утверждает известный краевед и сербофил Дмитрий Ермолаев, их добавляли в иные воинские подразделения, чтобы в бою подгоняли пассивную солдатскую массу.

Часть - охраняла тюрьму в Печенге. Но чаще все-таки находились на передовой. Мичман Александр Гефтер, ставший в эмиграции писателем морской офицер, в деталях описавший белогвардейский Мурманск в романе "Секретный курьер", отмечал, что англичане третировали сербов "как вьючный скот и окончательно уже с ними не считались".

Да, англичане, конечно, были на коне, главенствовали в тогдашних мурманских раскладах. Да их и больше было. Они ушли из Мурманска в октябре 1919-го. Ушли, в общем-то, цивилизованно, с уважением к местному населению.

Мурманцы, которые не хотели оставаться в погрязшей в смуте России, могли уйти с ними. Каждый мурманец мог получить возмещение ущерба, если таковой был нанесен ему союзными войсками. Уходящие передали остающимся здания и имущество - не только оружие и боеприпасы, но и продовольствие, медикаменты и промышленные товары - с собой ничего забирать не стали...

И все же, возвращаясь к тому, с чего мы начали, - интервенты или союзники? Мне кажется, однозначного ответа тут нет. Пожалуй, можно сказать, что пришедшие к нам в 1918-1919 годах посланцы других стран старались быть союзниками тем силам, что правили в белом Мурманске и Северной области в целом. Но не всегда получалось...

Дмитрий КОРЖОВ,
член Союза писателей России.

Белый Мурманск

Каким был главный город края в гражданскую войну

Сто страниц истории к 100-летию Мурманска

Мы привыкли к тому, что Россия 1918-1920 годов - это братоубийственная бойня, голод и кровь. Однако Мурманск тех лет, эпохи гражданской войны, - особенный, ни на кого не похожий - тогда вел собственную, в значительной степени изолированную от остальной страны жизнь.

Британские офицеры в Мурманске у восстановленного моста.

Какую? Относительно благополучную и спокойную. Жили не роскошно, но и не голодали. При этом и рестораны, и кафе работали, и постановки театральные в городе показывали, и даже кино крутили. Конечно, противостояние белых и красных не миновало и Мурман. Это очевидно по воспоминаниям о тюрьмах Кольского полуострова (одна Иоканьгская тюрьма с ее начальником, сущим людоедом Иваном Судаковым чего стоит!), о боях на юге края. Но Мурманск, повторюсь, жил относительно спокойно.

Интервенция у нас получилась тоже необычная, не такая, как в остальной России, на особинку - мирная. Не без конфликтов, конечно, но вне кровопролития: спокойное, ровное сосуществование с англичанами, которые, если говорить о представителях союзных держав, оказывали наибольшее влияние на жизнь тогдашнего Мурмана.

К англичанам, кстати, как отмечают многие мемуаристы, в ту пору здесь относились если не с ненавистью, то с отчетливой нелюбовью. Почему? Да уж очень по-хозяйски, а подчас попросту по-хамски вели себя. Вот свидетельство служащего телеграфа в Александровске Н. Леонтьева: "Однажды я чуть не был подстрелен, была пробита пулей лодка, которую я на берегу смолил. На мою жалобу на это безобразие капитан тральщика, с которого стреляли, с любезной улыбкой ответил, что лейтенант, который стрелял, еще учится стрелять из револьвера, а потому попал не в меня, а в лодку...".

Попробуем взглянуть на жизнь Кольского края. Она приоткрывается не только в большом - собственно, в ходе событий, расстановке сил, идейных и иных основах участников событий, но и в малом - в бытовых деталях, житейских пустяках, которые подчас сообщают о жизни рядового мурманчанина (мурманца, как называли тогда) много больше, чем серьезные официальные документы. Эти живые, говорящие подробности заставляют почувствовать запах времени, словно переносят нас в иную эпоху.

Примечателен случай, который рассказывает Степан Голованов, в то время - кочегар на судах Мурманского порта. По его словам, матросы как-то разгружали на станции ящики с ручными гранатами, с одного из которых случайно сбили крышку, а там обнаружили бутылки с какой-то неведомой жидкостью. Подумали - квас, стали пить, но "квас" оказался хмельным. Было это, понятное дело, шампанское, которое моряки прежде никогда не пробовали, даже и не знали, что это такое. Вот вам и ручные гранаты! И таких ярких, запоминающихся эпизодов в тогдашней мурманской жизни имелось немало.

Как и людей - интереснейших, причем не только из высшего круга, заметных по определению, вроде первого советского руководителя края главнамура адмирала Казимира Кетлинского (о нем мы уже вели разговор в рамках "Ста страниц") или управляющего делами Мурманского краевого совета Георгия Веселаго, но и совершенно обычных, рядовых. Вот, к примеру, описание машиниста водокачки у Варяжского ручья (в районе нынешнего Абрам-Мыса), бывшего моряка-черноморца по кличке Кронциркуль: "Это был около сорока лет человек, ниже среднего роста, но очень плотный и сильный, а ноги у него действительно были кривые и походили на кронциркуль...".

Интересно, что начальником службы связи Белого моря и Мурмана в 1918-м был Иван Владимирович Мессер - знаменитый русский подводник, один из пионеров отечественного подплава. Мессер в бытность свою командиром субмарины "Волк" потопил за один поход три немецких транспорта: за всю первую мировую этот успех стал самой весомой победой наших подводников. Мессер неоднократно бывал в Мурманске, в эмиграцию ушел именно через наш город. Скончался в Кливленде в 1952-м.

Британские солдаты, американские железнодорожники и русские рабочие в мастерских паровозного депо.

Отдельный разговор - фигура уже упоминавшегося Георгия Веселаго, о котором прежде нам довелось услышать немало нелестных слов - в первую очередь, от Валентина Пикуля, у которого Веселаго в романе "Из тупика" действует как лейтенант Басалаго, фигура анекдотичная, этакий хлюст опереточный. Однако об управляющем делами Мурманского краевого совета самостоятельно мы можем судить по документам. По личным бумагам Веселаго видно, что это был разумный, вдумчивый офицер и руководитель, предрекавший Мурманску и Мурману великое будущее. Он, кстати, дожил до преклонных лет - умер в 1971-м в Калифорнии.

Белый Мурманск перестал существовать 21 февраля 1920 года - именно в этот день случилось антибелогвардейское восстание, повлекшее за собой установление у нас Советской власти. Это, пожалуй, едва ли не самый драматичный момент всей гражданской войны на Кольском Севере.

Люди, что его совершали, та еще шайка-лейка, доложу я вам. Компания, надо признать, в высшей степени интересная. Показательная. Это и Иван Поспелов - командир партизанского отряда по прозвищу Ванька Каин, за голову которого белогвардейцы сулили 25000 рублей, и один из организаторов восстания в Мурманске Иван Александров, действовавший здесь под именем капитана Орлова, и первый комиссар мурманской ЧК Кузьма Песочников, которого Иван Ушаков в книге "Белый Мурман" характеризует как истязателя и палача. Так что, как видим, личности все колоритные и отчасти загадочные, нуждающиеся в отдельном пристальном изучении.

Что ж, в истории Мурманска и гражданской войны на Кольском Севере, в истории Белого Мурмана еще немало белых пятен.

Вид из "портовой Нахаловки" на Мурманск. Зима 1919 г.

Дмитрий КОРЖОВ,
член Союза писателей России.

Мурманцы: командир военного порта

Сто страниц истории к 100-летию Мурманска

Примерно два месяца назад я получил электронное письмо. Из Франции. От совершенно незнакомого мне человека. С не совсем русским именем - Надин и совсем нерусской фамилией - Маршан. Между тем послание это было написано на чудесном, может быть, чуть устаревшем, но от этого еще более прекрасном русском языке. Первые же строчки письма заставили сердце замереть: "Я являюсь внучкой Дмитрия Иосифовича Дарагана. Дедушку я хорошо знала...".

В это было трудно поверить. Надин Маршан оказалась родной внучкой Дмитрия Дарагана - командира мурманского военного порта в 1919-1920 годах, одного из прототипов главного героя моего романа "Мурманцы" Алексея Кольцова...

Дараган в мурманской истории фигура примечательная, интереснейшая. Потомственный офицер русского флота, капитан первого ранга, участник русско-японской - в том числе обороны Порт-Артура, первой мировой и гражданской войн. За боевые действия в Ирбенском проливе награжден Георгиевской саблей с надписью "За храбрость" (показательно, что дед Дмитрия Осиповича - полковник Федор Иванович Дараган - тоже был награжден подобным оружием, шпагой с надписью "За храбрость", на эфесе которой был закреплен орден Святой Анны 4-й степени).

Октябрьскую революцию Дараган не принял. В декабре 1917 года его арестовали за несогласие с реорганизацией Балтийского флота, но в начале 1918-го капитана второго ранга освободили, он смог уехать в Финляндию. Откуда в мае 1919-го его вызвал на Север Евгений Карлович Миллер - помощник по морской части помощника ген.-губернатора Северной области Василия Васильевича Ермолова.

С 5 сентября 1919-го Дараган - командир Мурманского военного порта - тыловой базы Мурманского района Северного фронта и Онежской озерной флотилии.

Вот как он сам описывает это в своих воспоминаниях: "В начале 20-х годов моя жена с детьми жила где-то в средней Финляндии, а я незаконно удерживался в Гельсингфорсе и промышлял "по способности". Вдруг получаю телеграмму из Архангельска с вопросом, могу ли я приехать на Север в распоряжение Генерала Е. К. Миллера, представителя Адм. Колчака... Ген. Миллера я знал давно, уважал как высокообразованного военного. Он был прекрасный Нач. Штаба хотя бы целой армии, но нерешительный главнокомандующий. Я ответил, что согласен...

"Добравшись до Мурманска и не повидавши Ген. Миллера, я получил телеграмму, что назначаюсь командиром порта "Мурманск" и всех наших Морских сил в Мурманском районе. Это были, кажется, 2 миноносца в Мурманске и транспорт-мастерская "Ксения" и какие-то катера на севере Онежского озера (под командой моего товарища по Морскому корпусу). Никаких инструкций ни от кого я не получал.

Через несколько месяцев я собрался через Колу на Белом море добраться до Архангельска, поселиться у Ген. Миллера и представиться своему морскому начальству - Адм. Иванову.

Никто ничего толкового мне не сказал, и я вернулся править портом и флотом. Одно время политическое настроение в М-ске было такое мирное, и я решил позвать жену с двумя старшими сыновьями. Они приехали, мы оставили сыновей у знакомых, а я с женой поехал в салонном вагоне до Колы - показать Русскую Красоту. Шли даже разговоры о переезде ко мне, захвативши учительницу для русских детей мурманских семей...".

Дараган сражался против большевиков, а потом оказался в эмиграции, в Финляндии. Дмитрий Иосифович прожил долгую жизнь - умер в 1978-м, семь дней не дожив до своего 94-го дня рождения. Похоронен на кладбище русских эмигрантов, которое сам и создал.

Интересно, что ко всему прочему Дмитрий Дараган был фотолюбителем. Снимал много, в том числе и в белогвардейском Мурманске, фотосвидельств которого у нас совсем немного, без недавно явленных миру снимков интервентов и вовсе было бы бедно... Часть снимков хранится в Военно-морском музее в Гатчине. Краеведам мурманским известно, что оставил Дараган и воспоминания, которые написал в 1969-м, в восемдесят пять лет. Но опубликованы они не были, находились вне зоны доступа широкого круга исследователей. До того момента, пока мне не написала Надин Маршан...

Но к родственникам Дарагана я обратился по Интернету, в первую очередь ради фото. И получил письмо, с которого начал свой рассказ о первом командире мурманского военного порта. Оно чуть-чуть расстроило, Надин "во первых строках" писала, что мурманских фото дедушки у нее нет, но дальше - дальше был полный восторг и счастье:

"Есть его портрет 1905 года в форме мичмана. Есть портрет 1910 года в форме старшего лейтенанта.

И несколько (плохих) снимков в гражданском костюме 1921-1923-1924 гг. Среди его записей есть кое-что о том, как он попал в Мурманск и как он оттуда выбрался. Не знаю, в какой мере это может вас заинтересовать...".

В какой мере? Да в огромной! Новый источник по истории белого Мурманска! Бесценный. Уникальный. Тот самый, который мы уже цитировали и еще обратимся к нему не раз.

И еще одна очень характерная цитата из письма Надин: "Дедушка сознавал, что его личная история может представить интерес для большой Истории. Поэтому он много чего передал в библиотеку университета в Гельсингфорсе...".

Особенно умилило вот это редко употребляемое ныне, почти забытое название столицы Финляндии. Конечно, для жителя дореволюционной России, к тому же офицера русского флота, никаких местечковых Хельсинки, только имперский Гельсингфорс.

Кроме снимков Надин прислала мне фотокопии воспоминаний Дмитрия Дарагана - те, наиболее интересные для нас эпизоды, что касаются жизни его в Мурманске. Именно их вы видите сегодня в "Вечерке".

Город Кола, пешеходный мост через реку Кола.

Дмитрий КОРЖОВ,
член Союза писателей России.

Окончание следует.

Мурманцы: командир военного порта

Сто страниц истории к 100-летию Мурманска

Окончание. Начало в номере за 26 июля 2013 г.

- Очень жаль, что в детстве я не расспрашивала деда о его жизни, - вспоминает Надин Маршан - внучка Дмитрия Иосифовича Дарагана, командира мурманского военного порта в 1919-1920 годах. - Сам он ничего не рассказывал. Все, что я знаю, это из его воспоминаний. Он жил в Финляндии, а я - в Марокко. Он туда приезжал , как и потом во Францию, когда у меня появились дети. Девочкой я была у него в Финляндии два раза, но тогда он занимался нашим с сестрой воспитанием и о своем офицерском прошлом не говорил.

Спрашиваю у Надин:

- А каким запомнился дедушка?

- Невысокий, подтянутый мужчина с белой бородой. Строгий, справедливый, очень умный.

Умный - безусловно. Это видно и по воспоминаниям. Сквозь неровные машинописные строчки явственно угадывается человек. Ироничный, точный, тщательный, любящий порядок. Не только умный, но и прекрасно владеющий русским языком, хоть вроде бы и не литератор вовсе - простой офицер. Что говорить, такие при "старом режиме" были офицеры.

- Я благодарна бабушке по материнской линии, - говорит Надин, - которая нас с сестрой воспитала и привила мне любовь к русскому языку. И дедушке Дарагану (отцовская линия), от которого начался интерес к истории России.

Став преподавательницей русского в лицее, я много ездила по тогдашнему Советскому Союзу, то одна, то с мужем, то с группами взрослых или учеников. Побывала в Москве, Ленинграде, Ярославле, Риге, Вильнюсе, Киеве, Минске, Кишиневе, Одессе, Тбилиси, Душанбе, Ташкенте, Самарканде, Хиве, Нижнем Новгороде (когда он перестал называться Горьким), Новосибирске, Иркутске, Хабаровске.

- Ваша бабушка тоже русская?

- Да, русская. Из Петрограда. В 1917 году муж - генерал от артиллерии в белых войсках - посоветовал ей покинуть город. После разных мытарств они остановились в Новороссийске с тремя детьми. Там дедушка скончался от разрыва сердца, а бабушка была эвакуирована англичанами с десятилетней дочкой - моей мамой. Через Константинополь бабушка приехала во Францию в 1922 году, а в 1947-м, по совету младшего сына, служившего во французской армии в Касабланке, переехала туда всей семьей. Там я прожила 11 лет, прежде чем уехала в Париж учиться в Сорбонне. Первое назначение получила в город Нанси, где и стала преподавать в лицее.

Дмитрий Дараган, 1905 год.

Мурманский торговый порт. На рейде английский линкор “Глори” и русский крейсер “Аскольд”.

Но вернемся к мурманцу Дмитрию Дарагану, к его воспоминаниям. Насколько он был тщателен, даже скрупулезен, видно и по этим бумагам. На титульном листе указано количество машинописных копий (пять!) и кому они переданы - детям и внукам... Да, осознавал Дмитрий Иосифович ценность этих бумаг, понимал, что его жизнь (в том числе и в Белом Мурманске) будет интересовать потомков.

Изумительное там описание его очередного визита в Архангельск, где он доказывал Миллеру, что тому "надо бросить замерзающий на полгода Архангельск и сделать своей столицей Мурманск". И - чудесная подробность в концовке, очень четко высвечивающая и эпоху, и человека, который нам о ней рассказывает: "Жил я опять у Ген. Миллера, у которого был свой денщик и который иногда говорил Генералу: "Барыня так приказала...". Мне было уютно, но грустно, что не было настоящего Начальства".

"Не было настоящего Начальства" - это да. А сейчас оно есть? Привычная русская беда. Дальше об обстановке в Мурманске - очень показательно: "Политическое настроение в Мурманске все ухудшалось. Сноситься с Архангельском было невозможно, т. к. все прочитывалось "левой" цензурой...".

И - уход англичан, как это было стремительно и нежданно:

"Наши отношения с Английским Правительством кончились полным разрывом из-за бессовестности Ллойд-Джорджа - его главы. На рейде в Мурманске стоял небольшой английский крейсер "Глори", и я был в дружественных отношениях с его командиром и часто ездил к нему пить дневной кофе. Но вот он неожиданно звонит ко мне в контору: "Наступает зима. Нам понадобятся разные материалы, чтобы перезимовать, и, думаю, их надо сейчас заказать в Англии - пришлите мне список того, что вам бы понадобилось зимой. Я очень обрадовался такой любезности и составил нужный список, а сам уехал на Онежское озеро, где несколько катеров с огромными пушками охраняли Север России от врага (!). Нам помогали в этом два английских гидроплана. Один из английских летчиков предложил мне полетать с ним, и я, конечно, принял его предложение.

Вид с высоты был замечательный: на запад - голубая поверхность с золотистыми пятнами (это были песчаные мели), а на восток - зеленые беспредельные леса с белыми пятнами - это были наши православные храмы у маленьких деревушек в лесах...".

На обратном пути в Мурманск на одной из остановок Дарагану повстречались французы, которые, по его словам, приехали "помогать спасать Россию и распивали последнюю бочку красного вина". Они могли, по их собственным словам, и раньше уехать. Но - бочка - как ее оставишь?! "Но за обедом, - пишет Дараган, - выяснилась маленькая "неприятность". Старший полковник встал и громко объявил: "Господа, спарывайте нашивки и все полковники делайтесь капитанами!".

Но вот подходим к Мурманску, и я вижу, что "Глори" дымит в полной готовности сняться с якоря. Я пугаюсь, бросаюсь в порт. Командир в полном смущении, он - моряк, а не обманщик. Показывает телеграмму Ллойд-Джорджа: "Все бросить и возвращаться в Англию". Чувствовал ли Ллойд-Джордж, что он делает? Через несколько месяцев я сидел с этой "рыжей головой" в ресторане при Государственном Парламенте. Но он не чувствовал, как я ненавидел его".

Моя собеседница Надин Маршан теперь на пенсии. При этом старается собрать воедино то, что знает о Дмитрии Дарагане и о своей бабушке и написать это на французском языке. Почему на французском? Как пишет она сама, "к сожалению, мои дети по-русски не говорят. Очень хочется, чтобы они знали, откуда родом".

В порту - на осушке за причалом корпус первой русской подводной лодки “Дельфин”.

Дмитрий КОРЖОВ,
член Союза писателей России.

Мурманцы: зима белогвардейского лейтенанта

Сто страниц истории к 100-летию Мурманска

"Будущность огромная ждет Мурманск; нет сомнения, что этот единственный на севере России круглый год не замерзающий порт расширится, разрастется и по новой железной дороге к Петрограду и к Москве в недалеком будущем потекут вереницы поездов - край оживится, тундра оживет...".

Так писал лейтенант белогвардейского флота Дмитрий Астафьев (1896, Новоржев, Псковская губерния - 1972, Веллингтон, Новая Зеландия), побывавший в Мурманске зимой двадцатого года и подробно рассказавший о том своем визите в наш город в воспоминаниях "Зима 1919-1920 в Архангельске и эвакуация в Норвегию", которые совсем недавно - всего лишь два года назад - стали доступны широкому читателю, увидели свет в Архангельске.

Я НЕ УЗНАЛ ЭТОГО ГОРОДКА...

Выпускник Морского корпуса Дмитрий Астафьев сражался с большевиками в составе Онежской флотилии.

В Мурманске за всю свою архангельскую жизнь Астафьеву доводилось бывать не раз. На пути в наш город в декабре 19-го, в Кеми, куда Астафьев и его спутник Шпаковский заехали погостить к давнему товарищу, они повстречались с местным комендантом, одним из знаковых людей русского флота - старшим лейтенантом Иваном Ризничем, одним из пионеров отечественного подводного плавания.

"Погостив дня два, тронулись дальше, в Мурманск. Теперь мы уже ехали в купе 1 класса. Наш ручной багаж покоился на полке - иного мы не признавали, отправили вперед с эшелоном. Полулежа на мягком диване, мы курили отличнейшие английские сигареты и философствовали...".

Однако какая гражданская война-то неожиданная - вне стереотипов и устоявшихся представлений - без крови, холода и голода, с мягкими диванами и "отличнейшими английскими сигаретами". Послушаем автора дальше - поглядим, что увидел он в Мурманске конца девятнадцатого года:

"Я не узнал теперь этого городка: он разросся, появились вокзал, магазины, частные постройки. Проведены тротуары, гладкие улицы, хотя часто и без домов вовсе, но с намеченными кварталами, площадями и даже с городским общественным садом...".

Следом он пишет про необыкновенное будущее Мурманска, при этом не забывает и о настоящем:" Но сейчас… Сейчас мы сидели в кабинете командира порта, повергнутые в уныние: не хватает помещений для людей и мастерских, нет средств, нет материалов для тщательного ремонта истребителей. А мы-то надеялись быстро и хорошо поставить это дело, чтобы весной во всеоружии вернуться на Озеро.

Очень тяжело и хлопотливо пришлось мне в эти дни: работы навалилось - бездна, о собственном отдыхе нечего было и думать, ...я оставался один с людьми, которых некуда поместить, с мастерской, которую нужно развернуть, с 23-мя катерами, загнанными по железнодорожным тупикам на платформах, и с двумя сотнями вагонов и платформ, которые железнодорожное начальство и требовало, и умоляло разгрузить. ...Я принялся за работу, на каждом шагу встречая препятствия, ссорясь со всеми ведомствами и учреждениями...".

СКАНДАЛЬНАЯ ПЛИТА

Для начала - скандал с местной милицией из-за помещения для дивизиона, которое Астафьев нашел в здании, где прежде помещалась английская почта и находилась очень хорошая плита, из-за которой, собственно, и вышел весь сыр-бор. К матросам прицепился некий "субъект типа старорежимного городового, но в офицерской форме, и заявил, что плиту он забирает".

"Я разорался на него:

- Мало того, что вы приходите сюда без моего разрешения, вы еще хотите нас без плиты оставить! Уходите вон!

- Я не уйду без плиты! Меня прислал за ней начальник милиции.

- Убирайтесь вон!

- Вы не имеете даже права занимать этот дом без ведома и разрешения милиции. Я буду жаловаться помощнику генерал-губернатора!

- Жалуйтесь кому угодно, а сейчас немедленно - вон!

Милицейский стоял, не уходил.

- Плотников! - крикнул я бравого моториста, исполнявшего у меня обязанности фельдфебеля. - Поставить часового с винтовками у двери и без моего разрешения никого не впускать, а этих субъектов вывести вон!

Матросы, конечно, были довольны случаю поссориться с милицией. Когда доблестный представитель ее выходил с угрозами оказать вооруженное воздействие, его провожали усмешками уже стоящие у дверей часовые".

"Субъект" оказался помощником начальника милиции (скорее всего, это был Андрей Палатников - журналист и сотрудник мурманской милиции, о котором мы уже рассказывали вам в одном из предыдущих выпусков "Мурманцев". - **Д. К.)"**.

В итоге дело закончилось ничем - пресловутую плиту Астафьев отстоял.

ЧУРБАН С ГЛАЗАМИ

"Помещался я в том же здании, дощатой перегородкой отгороженной от общего помещения комнаты команды: из щелей дует, двери закрываются плохо, затопишь печь - жара часа на два такая, что дышать трудно. Печь раскалена докрасна старающимся Мишкой Гагариным, моим вестовым по прозванию "чурбан с глазами", а затем сразу же так холодно становится, что зуб на зуб не попадает. Спать надо в спальном канадском мешке: он меня только и спасал - отличная вещь, на гагажьем пуху - легко, мягко и тепло.

Вставал я рано, часов в 7 уже пил чай, хотя и при свете электричества. Голова свежая, от холода масса энергии - ведь на ночь вода, оставленная в стакане в моей комнате, покрывалась слоем льда!".

День Астафьева в Мурманске - это работа в порту, создание здесь целого городка Онежской флотилии ("мне удалось отвоевать еще несколько сараев рядом с развевающимся над моим домом Андреевским флагом"). В Собрании - обед, новости с фронта и архангельские сплетни, затем визит к командиру порта Дарагану или начальнику дороги... С восьми - дома, подготовка списков вагонов для завтрашней разгрузки, для отправки в Медвежью Гору.

"Часов в 10 я все заканчивал, кричал: "Мишка!". В дверях появлялся мальчуган ростом с подростка, но со старообразной физиономией, ибо этому чудовищу на самом деле было 20 с лишним лет, он был, попросту говоря, дегенерат: очень хитрый и развращенный, но способный расплакаться как десятилетний мальчишка, которого он напоминал ростом, фигурой и пискливым голосом.

- И на кого ты похож, Мишка! - говорил я. - Ведь ты рассказывал, что отец у тебя был рослый!

- Прохожий, должно быть, работал, - беззастенчиво, с гнусной улыбкой отвечал Мишка.

Нахал он был страшный, но меня любил и побаивался. Озорничал, рассказывал гадости, а иногда, возвращаясь домой попозже, я заставал его у себя за столом переписывающим какое-нибудь сентиментальное стихотворение из "Сонника" - его книги для чтения.

Все же Мишкой я был очень доволен. Чай он всегда вовремя поднесет, варенье купит, иногда даже испечет оладьи: матросы воровали белую муку на пристани, обманывая бдительность часовых, и давали Мишке, чтобы тот изготовил что-нибудь и мне, но чтобы не говорил, откуда мука.

Так вот, пока я пил чай, Мишка сидел на корточках перед печкой и, помешивая дрова, излагал свои взгляды на положение вещей, передавал новости дня...".

На удивление, едва ли не каждый день Астафьев бывал в театре, билеты на представления которого добывал опять-таки Мишка.

"Меня, не стесняясь, публика рассматривала в театре: я был новый человек здесь, в Мурманске, где все знали друг друга до мельчайших подробностей, а жил я замкнуто, ни с кем не знакомился...". Между тем молодой нелюдимый лейтенант интересовал, видимо, многих. Как он сам отмечает, его еще и дом, где он жил, рекламировал - с развевающимся над ним Андреевским флагом, и "живущие там же матросы, коих все почему-то считали скрытыми большевиками, замышляющими переворот".

ЧУДЕСНЫЙ КЛИМАТ В МУРМАНСКЕ...

Впрочем, команда Астафьева, по его словам, вела себя вполне благопристойно, и если бывали скандалы, то обычно на почве "что вот-де мы с фронта, а вы - в тылу отсиживались". Столкновения у них происходили с милиционерами и солдатами комендантской команды, у которых они отбивали "нежный пол", устраивая каждую субботу "балы" с женщинами.

"Так проходили дни за днями. Скучно бывало лишь по вечерам да по праздникам, - пишет Астафьев, не уставая радоваться нашей заполярной природе. - Зима стояла самая свирепая. Снегом завалило все кругом, и днем небо сверкало самыми нежными тонами красок: от бледно-розового переходя к голубому. Очень красиво небо зимой на свету!

И ночью красиво: северное сияние охватывает добрую часть темно-синего бесконечным количеством ярких звезд усыпанного свода, перекатываются, догоняя одна другую, волны света; если задумаешься, взглянешь вдруг на небо и - страшно становится от величественности этой картины, точно кто-то живой, могущественный светит оттуда, из бесконечной дали колоссальнейшим прожектором, преодолевая темноту ночи.

Чудесный климат зимой в Мурманске, до - 40 морозы доходят, а не холодно, должно быть, вследствие отсутствия ветра, городок закрыт отовсюду высокими горами, усеянными по склонам хвойным лесом и кустарниками, темными пятнами отчетливо выделяющимися на безукоризненно белом снегу.

В темноте вечера огоньки домиков на склоне горы, грея подошвы, манят своим тихим поблескиванием к уюту, к камину, где пылали бы мягким теплым светом уголья, а бледный резкий свет вокзальных фонарей зовет туда, в Петроград, домой!..".

С тоской автор пишет о том, как вспыхнула в белогвардейцах надежда на перемены, когда армия Юденича наступала на Петроград, даже благодарственные молебны служили в Мурманске! Но затем с фронта потекли только скверные вести... Что вызвало волнения в городе и реакцию. Как пишет Астафьев, "открылись даже кое-какие большевистские организации среди матросов (не моих) и рабочих Мурманска. Одно время мне даже пришлось высиживать день и ночь дома при команде, не увольняя людей в город, где производились аресты.

- Что это, г-н лейтенант, кругом нашего дома решили стоять? - спрашивали меня мои мотористы. - Разве что случилось в городе?

- Нет, должно быть, боятся, что вы участие примете. Ловят большевистских агитаторов, - не стесняясь, говорил я, считая, что лучше избегать всякой лжи.

Может, потому и прошли эти дни спокойно среди моей команды, что я ничего не скрывал от людей и честно высиживал вместе же с ними в бараке, пока, наконец, комендантская команда не удалилась, сняв оцепление, а то ведь онежцы наши были народом отчаянным и пулеметов имели много - туго пришлось бы тем, кто вздумал бы их арестовывать".

Несмотря ни на что, Астафьеву удается еще раз прокатиться в Кемь, к старому другу Минторовичу. Едет в одном поезде с матросами, направляющимися на фронт. Отмечает при этом не без сожаления: "Путешествие было весьма не из приятных: перепившиеся денатуратом матросы вели себя шумно и скандалили...".

В Кеми он провел дня 2-3, а потом - снова Мурманск, снова обыденная работа.

Окончание следует.

Дмитрий КОРЖОВ,
член Союза писателей России.

Мурманцы: Зима белогвардейского лейтенанта

Сто страниц истории к 100-летию Мурманска

Окончание. Начало в номере за 21 июня 2013 г.

НОВЫЙ ГОД С РЯБЧИКАМИ И ФЛАГАМИ

Дмитрий Астафьев покинул Мурманск 8 января 1920-го на ледоколе "Соловей Будимирович"... Но перед этим - большой праздник, который в России принято отмечать, что бы ни происходило вокруг, - Новый год. Как это делалось в белом Мурманске? Об этом читаем у Астафьева - с подробностями, порой чрезвычайно говорящими, знаковыми:

"Встречу Нового года решено было устроить втроем: я, Державин и Павловский. Державин помещался в доме рядом с Управлением порта; вечером, часов около 10, собрались мы в его комнате, украсили ее флагами, наладили освещение - вообще придали вид, соответствующий торжественному случаю. Мишка принес из Собрания посуду, рябчиков, закуску, заказанный там специально сладкий пирог, расставил все это на столе и полдвенадцатого доложил:

- Кушать готово!

С его стороны были приложены все усилия, чтобы все выглядело "как в лучших английских семействах". Он даже приоделся почище и против обыкновения причесал свои вихры, неизменно торчащие на затылке.

Обычный разговор, подробно на котором я останавливаться не буду, - его знают все, кто любит в зимний вечер, собравшись в теплой компании за столом с такими закусками, что невольно тянется рука к графину с водкой, продолжался в течение получаса...

В 12 часов, крепко расцеловавшись друг с другом, пожав руки с искренними пожеланиями добра и счастья, уже веселые и радостные, начали мы 1920 год.

Друзья мои! Испытывали ль вы когда-нибудь желание поделиться своими чувствами и мыслями с искренними друзьями, понимающими вас с полуслова, друзьями, которые выслушают вас и взамен выложат и то, что сами на душе имеют, все без утайки, все сокровенные свои мечты? ...Такие моменты часто бывали у меня по вечерам в тесной компании друзей и с бутылкой вина на столе.

Загораются взгляды, кипит речь, смех искрится беззаботный, шутка так добродушна, хотя в другое время и из других уст она была бы оскорбительна и дерзка, а в этот час - все говори, все можно: и тебя поймут, и ты поймешь.

Но вот выпита добрая половина бутылок, уж Мишка, которому то и дело перепадало по рюмке, дремлет в углу, иногда вскакивая и стараясь понять, что ему говорят...".

А потом офицеры заговорили о предчувствиях...

"А МНЕ ВСЕ БОЛЬШЕВИКИ СНЯТСЯ..."

"- Знаешь ли, признаков серьезных нет никаких, - сказал Державин, - а у меня что-то подсказывает внутри, что дело - дрянь... Сны, опять же - все большевики снятся...

Мы засмеялись.

- Ну, брат, что касается снов, то я им не верю! - сказал я. - Не пришлось мне ни разу наблюдать, чтобы они напророчествовали верно.

- Да уж тебе-то, Державин, эвакуации чего бояться? Сел на оленей и айда в Норвегию или в Финляндию - куда хочешь. А вот мы - нам хуже: случись что, прорвут красные фронт на железной дороге, так в Архангельске и останешься, съездили, значит, в отпуск! - засмеялся Сергей Павлович.

- Да, ни один пароход в таком льду не выйдет, да и угля, говорят, мало у нас, добро, если хоть на ледоколы хватит, - согласился я.

Опять разговор перешел на другие темы, но Державина никак было не развеселить, и даже когда, уничтожив все спиртное, отправились из дому к миноносцам поздравлять знакомых - мы с "Собакой" тарахтели, стреляли в воздух из револьверов, а он молча шел сзади, подгоняя засыпающего на ходу Мишку (мы зачем-то захватили и этого последнего с собой, так, в голову пришло).

...Обойдя миноносцы и тральщики, вернулись усталые домой; плакал Мишка, который в темноте упал в угольную яму на "Кап. Юрасовском", где мы посетили нашего знакомого командира - лей-та Милевского...".

В эмиграцию Астафьев ушел из Архангельска на пароходе "Минин". Вот как он сам описывает этот момент:

"Почти прекратилась качка, теплый ветерок задул нам навстречу. Вся палуба "Минина", несмотря на позднее время - был уже 12-й час ночи, усеялась группами разговаривающих беглецов, отовсюду слышен смех, радостные восклицания женщин, любующихся действительно прекрасной картиной начинающихся фьордов - мы входили в шхеры, оставляя Нордкап к северу.

...Остротам и шутливым проектам: кто, как и где будет жить за границей - не было конца, разошлись спать только в два ночи, а через час или два я проснулся от шума отдаваемого якоря - мы стояли в Hammerfest'n, в небольшой шхерной бухте у довольно крупного рыбачьего поселка, назвать который городом я не решаюсь, хотя это селение, разбросанное по склонам горы на обоих берегах бухты и состоящее из лепящихся по скалам деревянных домиков, считается все же городом...".

Далее - особенно интересное для нас подробное описание встречи с удравшим из Мурманска другим пароходом - "Ломоносов". По словам Астафьева, он некоторое время стоял на якоре рядом с "Мининым", и несколько офицеров на лодке отвезли на него своего товарища, онито и привезли точные известия о том, что произошло в Мурманске.

КРАСНЫЙ ПЕРЕВОРОТ ГЛАЗАМИ БЕЛЫХ

"Едва начали поступать туда тревожные телеграммы, как высшее начальство, т. е. начальник службы связи каперанг Мессер, помощник командира порта кавторанг Никонов, находившийся в то время там же нач. Мортрана каперанг Поливанов - все начали принимать меры на случай эвакуации, однако скрывая тревожное положение от младших офицеров.

Была ли у них уверенность, что тревога закончится благополучно, или же они растерялись, или же пеклись только о собственном благополучии - установить трудно. Во всяком случае, они ограничились только лишь тем, что на миноносец "Кап. Юрасовский" погрузили уголь и, когда уже стали получать открытое радио большевиков из Архангельска, перевели на миноносец еще человек 10 офицеров, в том числе Державина и Аннина, так что там было 15 офицеров и около 30-40 человек матросов. Никонов вступил в командование миноносцем вместо прежнего командира лейтенанта Милевского. Когда известие о перевороте в Архангельске распространилось по Мурманску, началось, естественно, волнение.

"Юрасовский" был под парами и должен был отойти от стенки на бочку, чтобы оттуда до выяснения всего угрожать обстрелом городу. Но в последний момент Никонову что-то потребовалось в Базе, и он пошел туда, приняв следующие меры: команда была посажена по кубрикам, а у трапа встали часовыми вооруженные офицеры. Обратно на "Юрасовский" Никонов уже не попал: по городу поднялась пулеметная и ружейная стрельба, ему пришлось броситься на главную пристань, а отсюда вместе с Поливановым и Мессером на буксирном пароходике они удрали в Варде.

По миноносцу в это время рабочие кранов и мастерской "Ксении" открыли со стенки ружейный огонь. Находившиеся на верхней палубе офицеры были перебиты или же расстреляны уже в воде, т. к. двое или трое искали спасения вплавь, намереваясь переплыть залив. Остальные были заперты в кают-компании, команда же - освобождена.

Говорят, что некоторые из офицеров застрелились тотчас же, остальных сварили паром рабочие "Ксении", проведя в иллюминаторы шланги.

Правдива ли эта последняя версия или нет, сказать трудно, однако m-me Мессер, прибывшая уже впоследствии в Норвегию, подтвердила это.

Говорят, что Державин был одним из бросившихся в воду, но это только слух, проверить который пока невозможно. Во всяком случае, он погиб - это не подлежало сомнению. И было, безусловно, самое грустное известие для нас изо всей эвакуации - мы все очень любили Дружинникова!

Уже после всех описанных выше событий несколько датских солдат во главе со старлейтом Скрыдловым (служба связи) на пароходе "Ломоносов" под обстрелом с пристани покинули Мурманск и теперь прибыли в Hammerfest.

Вся эта неудачная эвакуация Мурманска, особенно же трагическая гибель Владимира Дмитриевича Державина, произвела на нас удручающее впечатление...".

Британские солдаты, американские железнодорожники и русские рабочие в мастерских паровозного депо.

ЗЕМЛЕМЕР И ПИСАТЕЛЬ

Дальше - остановка в Тромсе и показательные размышления автора записок:

"Гуляя по вечерам на верхней палубе, грязный, голодный и утомленный уже более чем недельным пребыванием в угольной яме, глядя на льющийся из окон домов свет, манящий к уюту и теплу, я мечтал о спокойной жизни в стороне от войны, от политики, в кругу близких людей...".

После эмиграции из Архангельска в Норвегию Астафьев ненадолго возвращался в Россию, чтобы сражаться с большевиками на Черном и Азовском морях. В декабре 1920 года на крейсере "Генерал Корнилов" он навсегда покинул родину. Эскадра русских кораблей пришла в Бизерту (Тунис).

Здесь Астафьев и написал свои воспоминания о последней свободной архангельской зиме. В эмиграции он стал и автором исторических работ "Адмирал Колчак" и "Династия Романовых", повести "Жорж" (об одном кашнике по Морскому корпусу графе Георгии Гейдене), "День в дебрях" (об африканских племенах на Танганьике) и других. Все они до сей поры не опубликованы.

С 1924 года Астафьев был агентом при английском губернаторе Восточной Африки. Затем - во французской дирекции агрокультур и колонизации. Восемь лет производил съемку земель. Далее - гидротехнические изыскания в Сирии и Ливане, постройка порта в Бейруте; эксперт (в течение восьми лет) по орошению в Саудовской Аравии и Иране, сотрудник ООН...

Вышел на пенсию в 1960-м и жил в Веллингтоне в Новой Зеландии.

Дмитрий КОРЖОВ,
член Союза писателей России.

Мурманцы: за Белое дело - на фронте и в газете

Сто страниц истории к 100-летию Мурманска

О журналистике Белого Мурмана - разговор отдельный. И о журналистах... И о первой газете края, которая называлась "Мурманский вестник". Начальный ее номер не сохранился, а второй увидел свет 2 ноября 1918 года. Первым редактором стал Андрей Федорович Палатников. Личность, очевидно, яркая, из тех, кого относят к людям активного действия, тех, кто любит не теоретизирование, а реальное, живое дело и берется за новое с нахальством и решимостью.

ШТЫКОМ В СПИНУ

Палатников - участник гражданской войны на Кольском Севере, с апреля 1918-го - заведующий школьным делом Александровского уезда Архангельской губернии, с октября 1918-го Андрей Федорович возглавил отдел народного просвещения. Месяц спустя он уже ответственный редактор "Мурманского вестника". Дальше - новый крутой поворот судьбы: весной 1919-го недавний журналист - в белых войсках Северной области. Был произведен в прапорщики; сформировал из добровольцев взвод и сам им командовал, затем - особой ротой военной милиции, предназначавшейся для охраны складов и ночного патрулирования в Мурманске.

Журналист Андрей Палатников в 1919 году возглавил роту военной милиции и лично патрулировал ночной Мурманск.

Примерно в это время и сделан наш снимок. Усатый, средних лет человек в санях не то что в военной форме, точнее, пожалуй, будет сказать, одет по-военному, но и не без гражданской вольницы в гардеробе - фуражка с кокардой, шинель (похоже, английская), но вокруг горла вполне цивильный шарф, руки надежно упрятаны в могучие краги, на ногах щегольские ботинки. Человек смотрит на нас уверенно и сурово, еще не ведая совсем близкой своей трагической судьбы... А за спиной у него очень знакомый нам пейзаж: сопки, редкие деревья, первые дома, некое подобие улиц - тогдашний Мурманск. Интересная деталь: чуть сзади саней вьется у полозьев местный приблудный пес. Весь в движении, он едва виден - силуэт, тень из прошлого.

Жизнь Палатникова закончилась на переломе всей мурманской жизни - его убили (по некоторым данным, в спину, штыком) во время антибелогвардейского восстания 21 февраля 1920 года. Незадолго до гибели, в начале января, Андрея Федоровича произвели в подпоручики...

ГОРЕМЫКА-ПИСАТЕЛЬ

Другой замечательный мурманец - Андрей Андреевич Каретников - инженер, городской архитектор, еще один редактор газеты "Мурманский вестник" тех лет. В Мурманск Каретников, если верить русскому офицеру, а после ухода в эмиграцию - писателю Александру Гефтеру (о нем мы подробно рассказывали ранее), приехал из Архангельска. Как отмечал в своих воспоминаниях Гефтер, "при писательской опытности он мог бы, пожалуй, принести краю известную пользу своей газеткой, так как население изголодалось по печатному слову, особенно рабочие, тем более что на время пребывания союзников существование ее было обеспечено, но К. это было не по силам. Первое время существования газеты он убил время на спор с каким-то издателем энциклопедического словаря, и газетная баталия лишила его и сна, и покоя. Однако благодаря ему у мурманцев все же был свой печатный листок...".

Надо сказать, Гефтер пишет о Каретникове сочувственно, но несколько снисходительно, с иронией: "Он был из тех горемык-писателей, мечта которых всю жизнь состоит в том, чтобы увидеть себя напечатанным. До революции ему это не удавалось, а в Мурманске ему необычайно повезло, ибо теперь он мог писать сколько угодно, и передовицы, и критический отдел...".

А вот что писал о начальном Мурманске образца февраля 1919-го сам Андрей Каретников: "Все здесь новое - город, порт, железная дорога... люди собрались все случайные... выбитые из колеи, беспризорные, слабые, больные, малые... никто не думает и не заботится о них". Характеристика, конечно, жесткая, безжалостная. Что делать, таких людей в Мурманске той поры действительно было немало. Но были и принципиально совсем другие.

Как отмечал все тот же Гефтер, "в Мурманске было несколько домов, поставленных на вполне приличную ногу. Это были дома лиц, занимавших высшее служебное положение, - теплые старые дома, меблированные вполне прилично, где были и гостиная, и столовая, и пианино, где можно было по-человечески посидеть, - не на ящиках, а на стульях, без валенок, сняв с себя меховые одежды...".

ВЕРОЮ И ПРАВДОЮ

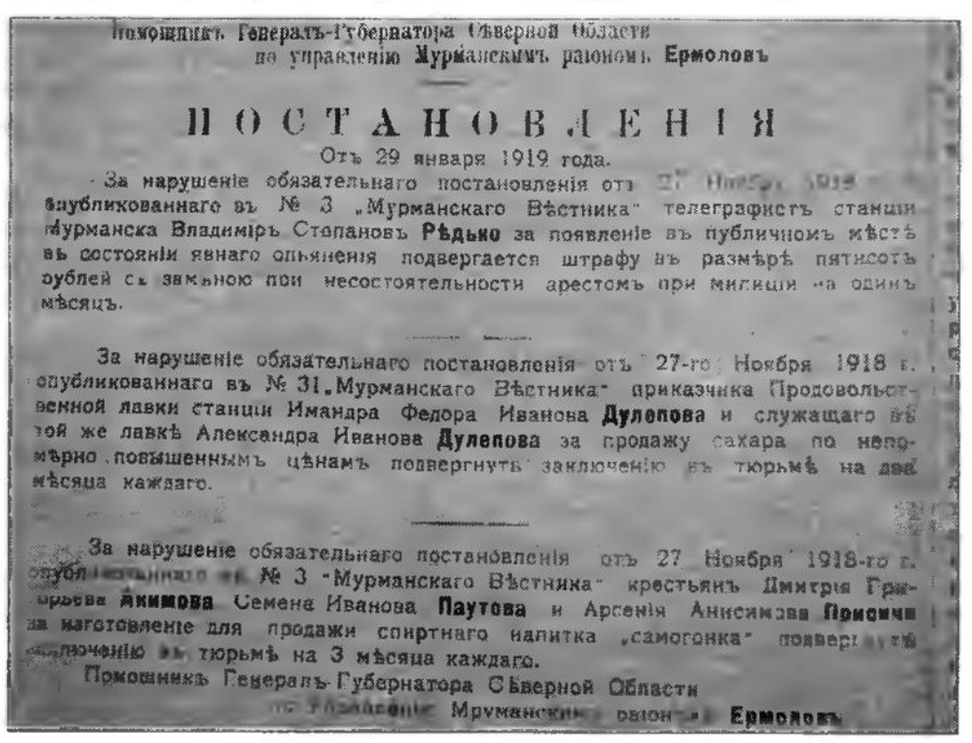
Интересно, что уже тогда у журналистов Мурмана имелись свои традиционные праздники. На одном из таких, состоявшемся 19 декабря 1919 года, даже присутствовал начальник края, помощник генерал-губернатора по управлению Мурманским районом (тогда говорили, сокращая, - погенгуб) Василий Васильевич Ермолов, который "в искренних и задушевных словах благодарил собравшихся и указал... задачи, стоящие перед тружениками печатного слова в деле просвещения народа". Ермолов радовался тому, что газета "Мурманский вестник" информирует жителей "без прикрас и умолчаний" о положении на фронтах, событиях в России и за рубежом.

Александр Петрович Студенцов - последний редактор белогвардейского "Мурманского вестника".

Последний редактор того, белогвардейского, "Мурманского вестника" - Александр Петрович Студенцов. Активный участник гражданской войны на Кольском Севере, воевал в белых войсках Северной области, в том числе с 1919 года - на Мурманском фронте. В августе того же года он стал редактором "Вестника". Первый номер, подписанный им, пришелся на 2 августа, торжественно отмечавшееся как годовщина освобождения Северной области от большевиков. Как отмечает в исследовании "Белый Мурман" замечательный кольский краевед Иван Федорович Ушаков, Студенцов заверял, что будет "верою и правдою" служить белому делу. В газете он публиковал сообщения о текущих событиях, о положении дел в крае и России, перепечатки из других антибольшевистских изданий. Интересно, что и с приходом на Кольскую землю новых правителей, новой власти Студенцов остался при этой власти, на советской работе. На снимке, который хранится в Государственном архиве Мурманской области, мы видим человека лет тридцати... Дальнейшая судьба Александра Петровича Студенцова, как и годы жизни, не известна.

Дмитрий КОРЖОВ,
член Союза писателей России.

Помощникъ Генералъ-Губернатора Сѣверной Области
по управленію Мурманскимъ райономъ Ермоловъ

ПОСТАНОВЛЕНІЯ

Отъ 29 января 1919 года.

За нарушеніе обязательнаго постановленія отъ 27 Ноября 1918 г. опубликованнаго въ № 3 „Мурманскаго Вѣстника" телеграфистъ станціи Мурманска Владиміръ Степановъ **Рѣдько** за появленіе въ публичномъ мѣстѣ въ состояніи явнаго опьяненія подвергается штрафу въ размѣрѣ пятисотъ рублей съ замѣною при несостоятельности арестомъ при милиціи на одинъ мѣсяцъ.

За нарушеніе обязательнаго постановленія отъ 27-го Ноября 1918 г. опубликованнаго въ № 31 „Мурманскаго Вѣстника" приказчика Продовольственной лавки станціи Имандра Федора Иванова **Дулепова** и служащаго въ той же лавкѣ Александра Иванова **Дулепова** за продажу сахара по непомѣрно повышеннымъ цѣнамъ подвергнуть заключенію въ тюрьмѣ на два мѣсяца каждаго.

За нарушеніе обязательнаго постановленія отъ 27 Ноября 1918-го г. опубликованнаго въ № 3 „Мурманскаго Вѣстника" крестьянъ Дмитрія Григорьева **Акимова** Семена Иванова **Паутова** и Арсенія Анисимова **Присича** за изготовленіе для продажи спиртнаго напитка „самогонка" подвергнуть заключенію въ тюрьмѣ на 3 мѣсяца каждаго.

Помощникъ Генералъ-Губернатора Сѣверной Области
по управленію Мурманскимъ райономъ Ермоловъ

Портрет патриота

Сто страниц истории к 100-летию Мурманска

Вовсе не случайно главными людьми в Мурманске в первые годы его существования были морские офицеры. Кольский (переименованный осенью 1917 в Мурманский) район - понятие не столько административное, сколько оперативное - территория, где было объявлено военное положение, а старший морской начальник в Кольском заливе имел полномочия коменданта осажденной крепости. Кто были люди, взявшие на себя огромную ответственность за строительство и оборону северного форпоста?

Казимир Филиппович Кетлинский - пожалуй, самый известный "герой" мурманских событий, известность которого, что удивительно, в последнее время заслонила даже местных революционных деятелей. Имя Михаила Сергеевича Рощаковского вернулось лишь в годы перестройки, впервые появившись в воспоминаниях Л. Э. Разгона. Причем в опубликованных в 1989 году воспоминаниях для многих наиболее запомнился именно рассказ об этом удивительном человеке. Чуть позже, когда стали публиковаться книги начала XX века, для современного читателя стали известны новые подробности о жизни легендарного морского офицера. Однако самая значительная часть его биографии, связанная с Севером, до сих пор остается слабо освещенной.

Михаил Сергеевич Рощаковский - начальник Кольского района.

ДВАЖДЫ НАГРАЖДЕННЫЙ

Русско-японская война для многих морских офицеров стала началом пути на командирские мостики кораблей, те, кто командовал флотом в первую мировую, начинали флотскую карьеру в Порт-Артуре, Владивостоке, на кораблях Второй тихоокеанской эскадры. Там же они получали первые награды.

С именем Рощаковского связан уникальный случай двойного награждения - он был удостоен сразу двух степеней медали "В память русско-японской войны". Ошибку вскоре исправили, оставив только серебряную медаль (более высокого достоинства). Но интересна причина ошибки. Михаил Сергеевич действительно дважды участвовал в этой войне! Лейтенант Рощаковский стал известным среди защитников Порт-Артура благодаря лихим минным постановкам на паровом катере "Авось", а инцидент в порту Чифу прославил его на всю Россию. Для подготовки прорыва Порт-Артурской эскадры в китайский порт был послан миноносец "Расторопный" под командованием Рощаковского, который должен был передать по телеграфу сообщения для русского командования, а затем оставить интернированный корабль в этом нейтральном порту. Но в нарушение международного права миноносец был захвачен японцами. Безоружная команда оказала сопротивление, пытаясь взорвать миноносец. Рощаковский был ранен, вплавь добрался до берега, но как только оправился от раны, бежал в Россию. Там ему удалось добиться назначения на эскадру, формировавшуюся для похода на Дальний Восток. В Цусимском бою снова отличился, командуя артиллерийской башней броненосца "Адмирал Сенявин". После возвращения из японского плена офицеры Второй тихоокеанской эскадры были отданы под суд за сдачу кораблей противнику, но большинство из них были оправданы. По воспоминаниям очевидцев, значительную роль в этом сыграли выступления на суде М. С. Рощаковского. Понятие чести для него не было личным чувством, но было честью флота, которому служил. Тем не менее, как и многие офицеры, Михаил Сергеевич вскоре подал в отставку.

Но и на гражданской службе Рощаковский востребован - приглашен на дипломатическую работу. Женитьба осенью 1906 года на фрейлине императрицы Александры Федоровны делает Михаила Сергеевича приближенным ко двору. У него сложились довольно близкие отношения с царской семьей, о чем свидетельствуют приглашения к обедам в кругу императора и многочисленные упоминания в письмах императрицы. Впрочем, он так и не стал "особой, приближенной к императору", обращаясь с просьбами на высочайшее имя исключительно по поводу решения служебных вопросов.

С началом первой мировой войны старший лейтенант Рощаковский возвращается на флот. Вероятно, он мог бы воспользоваться связями для получения должности, но выбирает назначение на действующий флот, служит на тральщиках, командует миноносцем "Легкий" (впрочем, так же поступили год спустя все офицеры закончившейся Гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана, возглавляемой Б. А. Вилькицким, имевшие право выбирать место службы).

СПЕЦИАЛИСТ ПО "ОСОБЫМ ПОРУЧЕНИЯМ"

На некоторое время сведения о службе Рощаковского исчезают из публиковавшихся газетных сообщений. В послужном списке - мало о чем говорящие записи: присвоен чин капитана 2-го ранга "за выполнение особого по условиям войны поручения". Что это - "особые поручения"? Все они были связаны с Севером. В 1915 году Михаил Сергеевич назначен начальником Службы связи Белого моря. Собственно, до этого назначения службы никакой не существовало. Организовав наблюдательные пункты, оборудовав их телеграфной связью, Рощаковский фактически создал первую структуру, позднее ставшую основой обороны Мурмана. Увидев, что творится в Кольском заливе, забитом грузами, лежащими на берегу, и пароходами, ожидавшими разгрузки (железная дорога еще строилась), Рощаковский организовал доставку оружия на оленьих упряжках.

В самом начале войны несколько британских подводных лодок прорвались в Балтийское море для действий совместно с русским флотом. В июне 1916 года четыре малые субмарины прибуксировали за пароходами в Архангельск. Для их доставки в Петроград опять привлекли Рощаковского.

Довольно резко высказавшись по поводу квалификации корабельных инженеров, проектировавших дорогостоящее оборудование для транспортировки лодок по рекам и каналам, Рощаковский добился, чтобы эту задачу целиком поручили ему. Наняв местных плотников, соорудивших оригинальные понтоны из деревянных барж, он успел выполнить задачу до начала ледостава. Весьма характерен текст донесения: "Прошу позволения представить к наградам горсть молодцов благодаря лихой работы коих так скоро достигнут этот казавшийся весьма сомнительным успех. Счастлив, что лишний раз мне довелось быть свидетелем того, какую пользу можно извлечь из сочетания местных людей с разумно направленной военной рабочей силой даже под руководством самого заурядного, но пользующегося доверием, значит самостоятельностью, человека, коим в данном случае являлся Ваш скромный адъютант". Во всех приказах Михаил Сергеевич не забывал подчеркивать: выполнению всех поручений он обязан прежде всего "дружной работе" подчиненных.

Вот только в памяти этих подчиненных Рощаковский остался иным - тем, при котором на работы выгоняли палками, тем, кто повинен в инвалидности и гибели многих грузчиков и строителей железной дороги от непосильного труда в тяжелейших условиях. Резкость выражений, доходящую до грубости, не раз почувствовали на себе не только подчиненные, но и начальники. Но при этом у тех, кто лично знал Михаила Сергеевича, складывалось двойственное впечатление. Грубиян, "сорбака", при всем этом - не самодур, а человек, не останавливавшийся ни перед какими средствами ради достижения целей. Тем более когда этой целью являлась защита Родины.

НАЧАЛЬНИК КОЛЬСКОГО РАЙОНА

23 марта 1917 года в Мурманске скоропостижно скончался начальник Кольского района контр-адмирал А. И. Бестужев-Рюмин. В условиях войны и начавшейся революции край остался без первого руководителя. Кроме Рощаковского, другого кандидата на этот пост найти было сложно - знавшего местные условия и особенности взаимоотношений различных ведомств, имевшего опыт организации транспортных операций (а именно перегрузочные работы в Мурманском порту стали основной проблемой для местного руководства). Одного не учли в Адмиралтействе - Михаил Сергеевич не менялся в угоду настроениям революционного времени. Конечно, в Мурманске не убивали офицеров, как в Гельсингфорсе, и пока еще не отказывались выполнять приказы, но терпеть командующего, не скрывавшего своих монархических убеждений и демонстративно носившего золотые погоны (после их отмены Временным правительством), долго не собирались. А он как будто не замечал, вернее, отказывался замечать изменившиеся условия, беспощадно наказывая за нерасторопность. Рощаковскому повезло - могли бы и убить. Не чувствуя поддержки ни у подчиненных, ни у начальства, Рощаковский ожидал ответа на свое прошение об отставке по причине расстроенного здоровья. 11 сентября 1917 года в связи с ликвидацией должности начальника Кольского района он был уволен. Одновременно на должность командующего (теперь она стала называться гланамуром - главным начальником Мурманского укрепрайона и Мурманского отряда судов) был назначен К. Ф. Кетлинский.

ПОСЛЕДНИЙ ПОСТУПОК

Выйдя в отставку, Михаил Сергеевич не примкнул ни к одной из противоборствующих сторон, пытался заниматься рыбным промыслом, а в 1918 году уехал в Норвегию. Поселившись в Тромсе, приобрел промысловую паровую шхуну, но особого успеха не имел - начало предпринимательской деятельности совпало с кризисом рыболовства в Норвегии. Постепенно семья привыкала к жизни в чужой стране. Но в 1926 году Михаил Сергеевич совершает необъяснимый для окружающих поступок. Оставив жену и дочь, он возвращается в Советскую Россию и безуспешно просит дать ему работу, связанную с военным флотом, на которой могли бы быть полезны его знания. Голодает, перебивается случайными заработками, дважды арестовывается (но за отсутствием оснований освобождается), в 1937 году 61-летний старик приговаривается к 5 годам лагерей, и при этом ни слова жалобы на судьбу или осуждения властей! След Михаила Сергеевича Рощаковского теряется в Карагандинских лагерях.

К. Ф. Кетлинский и М. С. Рощаковский - что в них общего, кроме того, что служили они Российскому флоту, занимали одну должность? Один - известный, другой - забытый, один - демократ, другой - монархист, один - просветитель, другой - "народник". Общее то, что были они патриотами, ставившими интересы Родины выше личных. Впрочем, для нового государства более важным оказалась партийная принадлежность...

Дмитрий ЖАЛНИН,
кандидат исторических наук.

О "сердечном согласии" и обманутых надеждах

Сто страниц истории к 100-летию Мурманска

Что означает дата 11 ноября? Для всей Европы этот день равнозначен 9 Мая. Это дата окончания первой мировой войны, не только радикально изменившей ход истории, перекроившей карту мира, приведшей к исчезновению четырех империй (в том числе и Российской), заложившей причины будущих войн и конфликтов XX века, но и изменившей само представление о мире. Но в нашей истории эту дату заслонила другая, связанная с нашим городом.

Только возникнув, Мурманск сразу же попал в историю как место начала иностранной военной интервенции. 6 марта 1918 года с английского линейного корабля "Глори" сошли в город два отряда морских пехотинцев в количестве 176 человек с двумя орудиями. Союзный "десант" высадился по соглашению с Мурманским совдепом для оказания помощи в охране военных складов. Это событие, вероятно, осталось бы малозначительным эпизодом в истории Мурманска, если бы не последовавшие события.

СОЮЗНИКИ

С самого начала формирование военно-морских сил на Севере России приобрело интернациональный характер. Но причиной тому стали не совместные планы обороны Заполярья, а просчеты русского командования, недооценившего значения Северного морского театра. Вступая в должность главного начальника Мурманского укрепрайона, контр-адмирал К. Ф. Кетлинский писал в своем донесении: "...преобладающее влияние англичан в русском порту - результат отсутствия нашей морской части". К началу войны охрану территориальных вод на Севере осуществляло всего одно посыльное судно - "Бакан". Ни береговых батарей, ни мобилизационных резервов не было. Российский флот был заперт противником в Балтийском и Черном морях, а приобрести боевые корабли в условиях мировой войны было не у кого. Союзники по мере сил компенсировали недостаток присылкой своих кораблей. Для борьбы с минами была сформирована английская партия траления, периодически в северные воды приходили крейсера и линейные корабли союзников. Командование союзными силами было поручено британскому командеру Кемпу, находившемуся на крейсере "Ифигения" в Александровске. С началом строительства Мурманского порта на рейде Кольского залива обосновался линкор "Глори". Кемп подчинялся русскому командованию, но в отсутствие собственного флота такое взаимодействие часто носило формальный характер.

Только к концу 1917 года русская Флотилия Северного Ледовитого океана, сформированная из вооруженных пароходов, миноносцев, пришедших с Дальнего Востока, старых крейсеров "Аскольд", "Варяг" и линкора "Чесма" (не приспособленных для решения задач современной войны), стала представлять действенную силу.

ИДЕАЛЫ И ИНТЕРЕСЫ

Семнадцатый год изменил многое, но только не зависимость от союзников, усиливавшуюся день ото дня. И причиной тому отнюдь не "коварные планы" британцев, а деятельность новой власти (как центральной, так и местной). Положение вещей на далекой русской окраине интересовало союзников лишь постольку, поскольку они влияли на положение главного фронта войны. Вплоть до лета 1918 года германская армия вела наступательные действия, а неограниченная подводная война держала в напряжении британский флот. Главной задачей союзников на Мурмане стало удержание контроля над Северным морским театром, не только позволявшим сдерживать поставками русское правительство от заключения сепаратного мира, но и препятствовавшим организации германской военно-морской базы для свободного выхода в Мировой океан. Но решение задачи осложнялось тем, что к обстановке военной постепенно добавлялись факторы политические.

Впрочем, русские не только не сопротивлялись усилению влияния союзников, но и с готовностью сдавали позиции, невольно готовя почву для открытой интервенции. В январе 1918 года, когда еще не был подписан Брестский мир, новое правительство начало грандиозную военную реформу. Впрочем, с понятием реформы трудно сопоставить декреты "о роспуске старой армии и флота" и формировании новых "на демократических началах". Солдаты и матросы услышали в этих декретах только одно - демобилизация. На флотилии начались повальные увольнения. Командование тщетно пыталось оставить на кораблях хотя бы минимум команды, необходимый для консервации боевой техники. Удержать людей на короткий срок могла только задержка жалованья. Матросы Кольской роты выдвинули дополнительное требование - выдавать каждому увольняющемуся новое обмундирование и... винтовку (вот и база для будущей гражданской войны).

В декабре 1917-го были остановлены все строительные работы на Мурмане. Город превратился в скопище ничем не занятых людей, которые, однако, получали пайки. Продовольственное положение с каждым днем усугублялось, поставки из центра прекратились практически сразу после октябрьских событий. Не случайно основные баталии в городском совдепе разгорались по поводу дележа продовольствия. Но и получив продукты от союзников, многочисленные продкомитеты умудрялись его потерять. Несколько раз мешки с мукой оставлялись в полосе прилива, а не охраняемые никем гурты "живого мяса" разбредались по окрестным сопкам.

Еще больше, чем в продовольствии, нуждалась флотилия в угле, единственным поставщиком которого была Англия. Когда же командование с трудом договорилось о передаче 500 тонн угля для крейсера "Аскольд", его команда "единогласно постановила", что "погружено 169 тонн, а больше команда грузить не желает, так как уезжает в запас флота с 1 апреля и необходимо время для подготовки к отъезду".

Что же до армии нового типа, формируемой на добровольной (говоря современным языком - контрактной) основе, для нее не было ни денег, ни желающих (зачастую договор подписывали лишь затем, чтобы получить новое обмундирование).

С английского линейного корабля "Глори" на мурманскую землю сошли морские пехотинцы. Март, 1918 год.

Гибель адмирала Кетлинского ликвидировала последнее препятствие для перехода к "коллегиальному руководству". Обилие властей сопровождалось потерей управления. Но союзникам был безразличен характер власти, пока центральное правительство, ведя переговоры с германским командованием, закрывало глаза на присутствие флота Антанты в Кольском заливе. 2 марта Мурманский совет заключил с представителями союзников "Словесное соглашение" о совместных действиях по обороне Мурманского края. Депутаты, оставляя за собой возможность вести бесконечные дискуссии в Совете, с легкостью отдавали в руки союзников ключевые вопросы - обороны (Союзному военному совету были предоставлены права командующего отдельной армией), снабжения и, наконец, охраны внутреннего порядка. Начав с высадки небольшого отряда морской пехоты, "интервенты" постепенно увеличили свои силы до полутора тысяч человек.

РАЗРЫВ

Но летом 1918 года под давлением германской стороны правительство большевиков вынуждено было категорично поставить перед Мурманским совдепом условие "изгнания" вчерашних союзников. К этому времени союзное командование уже полностью контролировало ситуацию на Мурмане. Чем занимались в эти дни Центромур и Совдеп? Между ними шла острейшая борьба за то, кто будет контролировать работу клуба - единственного места проведения досуга.

Дело было за малым. 6 июля руководители Мурманского Совета заключили "Временное соглашение", делавшее легитимными любые действия союзников и одновременно ставившее сам Совет в положение врага центральной власти. Попытки отельных "одумавшихся" руководителей изменить ситуацию заканчивались арестами. Мурманские обыватели (иного определения для населения города после массового отъезда рабочих и демобилизации флота трудно подобрать), разуверившись в способности местных властей навести элементарный порядок, уповали на союзников.

ЭВАКУАЦИЯ

У великой колониальной державы был огромный опыт обустройства на чужих территориях. При этом британцы не видели различий между африканскими аборигенами, австралийскими колонистами и гражданами вполне независимых государств, нимало не беспокоясь об ущемленном самомнении подданных теперь уже бывшей "великой державы". Английское командование берегло свои силы, формируя Славяно-британский легион, в котором русские (в значительной степени - бывшие офицеры) проходили обучение под руководством английских сержантов. Именно они вместе с сербами, задержанными по дороге во Францию для охраны железной дороги, стали основой для развертывания Северного фронта. "Белое" правительство Северной области, вдохновленное первыми победами, планировало объединение сил с армиями Колчака. Но в этот момент было уведомлено, что союзные войска готовят эвакуацию. Их война закончилась. Заботясь об организации отвода войск с наименьшими потерями, англичане перенесли срок эвакуации на осень следующего, 1919 года. Формируемая русская армия должна была стать буфером, позволившим союзным войскам спокойно отвести свои подразделения и подготовить посадку на суда в Архангельске и Мурманске. При этом по-джентльменски было предложено составить списки лиц, желающих покинуть Россию вместе с "интервентами", предупредив, что поставки всех грузов после эвакуации будут прекращены.

В ночь на 27 сентября 1919 года из Архангельска, а 13 октября из Мурманска ушли последние пароходы с союзниками. Белая власть на Севере продержалась еще пять месяцев. А в Мурманске осталось неприметное военное кладбище. Для англичан оно - мемориал Великой войны, для нас - интервенции. Мы продолжаем говорить на разных языках.

ОБМАНУТЫЕ НАДЕЖДЫ

Для человека, знакомого с историей гражданской войны, кажутся нелепыми названия памятников, стоящих в Мурманске и Островном, - "Жертвам интервенции". Похоронены здесь узники Йоканьгской каторжной тюрьмы, созданной спустя месяц после ухода с Русского Севера последнего судна, увозившего на родину бывших союзников. В советских учебниках падение Северного фронта в начале 1920 года именовалось не иначе как "разгромом интервентов и белогвардейцев". Возможно, это было попыткой оправдаться, переложив вину за ужас гражданской войны на сторонние силы? Некоторое время спустя на Севере работала комиссия, собиравшая сведения об ущербе, нанесенном России со стороны интервентов, потребовавшиеся для противопоставления претензиям вчерашних союзников об "уплате царских долгов". Материалы собирались не столько по документам, сколько из устных показаний свидетелей. Те припомнили все: и увод миноносцев (проданных в 1918 году советским же правительством в обмен на уголь), и штабель досок, и убитого (или утонувшего) рабочего Мурманского порта, имени которого, однако, никто точно не помнил. Сводились счеты.

Уникальная возможность сближения народов, возникшая на Русском Севере в годы первой мировой войны, не была реализована. Возобладал всеобщий эгоизм. "Сердечное согласие" (именно так переводится слово "Антанта") закончилось обвинениями обманувшейся в ожиданиях невесты. Впрочем, никто и не обещал жениться...

Дмитрий ЖАЛНИН,
кандидат исторических наук.

Свидетель рождения Мурманска

Известный питерский журналист был направлен редакцией освещать закладку города у подножия Ледовитого океана

Сто страниц истории к 100-летию Мурманска

Всего несколько дней назад он был в Петрограде. "В болтливом, шумном, торгашеском. С конфиденциальными политическими сплетнями, с самодовольно хрякающими автомобилями, с равнодушными глазами электрических фонарей, которые уже не удивляются ничему в мире, считая подобное поведение хорошим тоном". Здесь, на севере, далеко за Полярным кругом, все было иначе. "И ни одной газеты с сообщениями о переменах во внутренней политике России, - мелькнула мысль. - Как хорошо!". Студеный ветер проникал под одежду, леденил лицо, заставлял ежиться тело и приплясывать ноги. Он бродил по заснеженным сопкам, где пока еще рос лес и с трудом угадывались наскоро намеченные улицы. Смотрел, думал, пытался заглянуть в будущее.

МЕЧТЫ ЖУРНАЛИСТА

"Несомненно, - предсказывал он, - в Романове быстро возникнут многочисленные конторы по импорту и экспорту; появится в самом начале немало народу, связанного с нашей торговлей с Западом; возникнут, должно быть, заводы и склады для моторных ботов и их частей для нужд мурманских рыбопромышленников... появятся рыбокоптильные заводы, заводы для приготовления рыбных консервов; вывоз зерна, леса, ввоз английских и американских товаров - все это оживит, создаст кипучую портовую жизнь, даст городу население, средства к существованию... Да, город вырастет, поднимется из земли точно по мановению волшебника", взору явятся "радостные кресты храмов и крыши огромных строений, и порт, гудящий жизнью, пестрый флагами, многострунный высокими гордыми мачтами... Прозвучат слова дружбы и взаимного понимания, раздастся громкая русская речь, свободная, знающая цену себе".

Министр путей сообщения Александр Федорович Трепов из всей перербургской печати решил включить в состав делегации, следовавшей на торжество рождения нового города на берегу Кольского залива, только журналиста "Нового времени".

Поскользнувшись на обледеневшем склоне, едва не упал. В отдалении зашумели голоса, начиналось то, ради чего в этот пустынный край приехали высокие чиновники из столицы, - церемония закладки собора. Торжество рождения нового города на берегу Кольского залива - Романова-на-Мурмане, свидетелем которого ему предстояло стать. Надо было спускаться вниз, но он медлил, чего-то ждал. Хрустнул под ногой снег, вспорхнула рядом птица, села на ближайший валун. А он представлял себе оживленные улицы, высокие дома, многоголосие мегаполиса.

"Интересное чувство, - размышлял он, - ходишь среди сосен и берез и рисуешь в воображении картины. Вот тут, где эта кочка, будет когда-нибудь сидеть городской голова с цепью на шее и звонить в колокольчик: "Прошу господ асных (депутатов городской Думы. - **Прим. Д. Е.**) аккуратнее посещать заседания, иначе придется придумать меры взыскания". Здесь, где сейчас беспечно размахивают ветвями березки, между которыми выстлал землю зеленой шерстью мох, быть может, скоро вырастет гигантский отель, залитый электрическим светом, с рестораном, из которого до волн Ледовитого океана донесутся звуки оркестра, играющего матчиш; нарядная толпа туристов из Петрограда заснует внутри по длинным коридорам, собираясь наверх, на специальную "террасу северных сияний"... А вокруг отеля оживление, грохот колес мчащихся в театр на оперу экипажей, гудки автомобилей, звон трамвая и крики кондуктора, сталкивающего публику на мостовую: - "Нет местов!".

Звали этого человека Андрей Митрофанович Селитренников, но читающая публика в России знала его как журналиста А. Ренникова, сотрудника газеты "Новое время". Под этим же именем до недавних пор он был известен и нам - мурманчанам. Выдержки из его отчета о торжественном открытии нового города на северной окраине страны, переписанные от руки и перепечатанные на машинке, хранятся в Государственном архиве Мурманской области в материалах личного фонда классика кольского краеведения Ивана Федоровича Ушакова.

Андрей Митрофанович Селитренников был единственным журналистом, присутствовавшим при рождении нового города.

ГЕРОЙ ФЕЛЬЕТОНОВ

Родился Селитренников - Ренников в Кутаиси в семье присяжного поверенного, потом жил в Батуми и Тифлисе. Мечтал стать музыкантом, играл на скрипке и изучал теорию музыки. Учился в Одесском университете, где окончил сразу два (!) факультета - физико-математический и историко-филологический. Его сочинение "Система философии В. Вундта" было удостоено золотой медали. И стал бы Селитренников, вероятно, выдающимся философом, благо и при университете его оставили, и диссертация была на подходе. Но в студенческие годы он увлекся журналистикой, и наука была забыта.

В 1912-м Андрей Митрофанович переехал в Петербург, где стал сотрудником, а позже и редактором отдела "Внутренние новости" одного из крупнейших изданий страны - газеты "Новое время", возглавляемой знаменитым Алексеем Сувориным, а затем его сыном Михаилом. Во многом выбор места работы определил его дальнейшую литературную судьбу. Либеральная русская интеллигенция резко отрицательно относилась к этому изданию, считая его черносотенным. Левые думали так же. Как следствие Ренникова любила широкая публика, но ненавидела либеральная пресса и обходила критика. Он даже стал персонажем нескольких фельетонов, едко высмеивавших взаимоотношения внутри редакции "Нового времени". К примеру, один из них, написанный Михаилом Булгаковым, заканчивался так: "Ренников знал, что в случае неудачи Суворину опасно показываться. Рука у него тяжелая, а пресс-папье на письменном столе - еще тяжелее".

Впрочем, подобные оценки не отражались ни на взглядах популярного столичного журналиста, ни на его работоспособности. Селитренников продолжал трудиться со свойственными ему энергией и самоотдачей. Помимо газетных статей, рассказов и очерков он успел до революции выпустить несколько книг, среди которых - фантастический роман "Разденься, человек". В нем прибытие на Землю посланца венерианской "биологической цивилизации" позволяет автору высветить язвы современного ему общества.

Так складывалась судьба человека, в творческом багаже которого осталась и знаменательная для нас поездка по новопостроенной Мурманской железной дороге, состоявшаяся осенью 1916 года. Поезд, которому предстояло дойти до берегов Северного Ледовитого океана, составили из пульмановских вагонов первого класса. В состав делегации вошли министр путей сообщения, вскоре получивший пост премьера А. Ф. Трепов, морской министр адмирал Григорович, члены Государственного Совета, Государственной Думы, высшие представители разных ведомств. Министрам отвели салон-вагоны, остальных разместили по два человека в купе. "Петербургской печати, - вспоминал Селитренников, - оставили одно только место, которое Трепов предложил "Новому времени". Наш редактор М. Суворин решил отправить меня.

- А почему вы сами не хотите поехать, Михаил Алексеевич? - из вежливости спросил я, обрадованный перспективой побывать у берегов Ледовитого океана.

- Куда там! - пренебрежительно отвечал он. - Я человек пожилой, для моего здоровья вредны железнодорожные катастрофы".

Вот так и вышло, что корреспондент "Нового времени" А. Ренников оказался единственным профессиональным журналистом, присутствовавшим при основании Мурманска.

НЕ ЗРЯ РЕДАКТОР БОЯЛСЯ КАТАСТРОФ

Кстати, в полном соответствии с предсказанием Суворина вагоны однажды сошли-таки с рельсов. Вот как об этом вспоминал сам Селитренников: "Однажды вечером... к нам в купе явился курьер и сказал, что его превосходительство господин министр просит меня к себе в вагон.

- Мне очень интересно было бы знать ваше впечатление, - сказал Трепов, любезно усадив меня в кресло и предложив чашку чая. - Надеюсь, вы не будете нас очень бранить в своих описаниях поездки.

- О, почему же бранить? - горячо возразил я. - Наоборот, я в восторге. Столько интересного, столько необычного. Какая природа! Создание этого пути, действительно, завоевание севера. А наши инженеры, с которыми мне приходилось беседовать о постройке мостов, о прокладке пути, показали в своей работе чудеса изобретательности, настойчивости, самоотверженности...

Трепов с удовольствием слушал. Воодушевившись, я решил продолжать. Мне хотелось поддержать инженеров в глазах их министра.

И вдруг вагон подскочил. Накренился сначала на один бок, затем на другой, хрустнул всем телом. И, растерянно стуча колесами, трясясь точно в лихорадке, побежал по шпалам.

Этот сход с рельс и последовавшая за ним сумятица в поезде, к сожалению, не дали мне высказать до конца мою мысль. А на следующий день, встретив Трепова в вагоне-ресторане и увидев, что он находится в обычном сдержанно-благожелательном настроении, я подошел к нему, поздоровавшись, и хотел было в осторожной дипломатической форме оправдать строителей пути в происшедшей вчера неприятности.

- Нужно изумляться, как в такой краткий срок, на льду и на болоте наши инженеры... - начал я.

Но министр замахал руками.

- Ради Бога, не хвалите никого! - испуганно воскликнул он. - Я боюсь! Не надо!".

К счастью, обошлось без жертв, и поезд в итоге благополучно добрался до Романова-на-Мурмане. Селитренников был покорен Севером. С восторгом писал он о трепещущих огнях северных сияний, о синих одеждах озер у подножия Хибин, об аквамариновом море. И конечно, о том, что благодаря сооружению Мурманской железной дороги, конечным пунктом которой предстояло стать еще не построенному городу, "Ледовитый океан согреет Россию; сообщит ей теплым дыханием Гольфштрема новые силы". Все это действительно было так.

Дмитрий ЕРМОЛАЕВ,
сотрудник Государственного архива Мурманской области.

Окончание следует.

Свидетель рождения Мурманска

Сто страниц истории к 100-летию Мурманска

Окончание. Начало в номере от 21.11.2012 г.

Правило веры и образ кро-то-сти, - разносились окрест слова молитвы. Он стоял поодаль в толпе народа. Заканчивалась церемония закладки собора. Уже в специальное углубление была заложена металлическая пластина с выгравированным на ней памятным текстом. Уже министры положили кирпичи в основание алтаря, и владыка - епископ Архангельский и Холмогорский Нафанаил, - окропив место будущего храма святой водой, сделал на бревнах надрезы топором. Уже прозвучала проповедь, в которой архиерей сказал, что на Севере "возникает новый светильник веры и благодати". Уже министр путей сообщения поздравил "строителей дороги с железнодорожным выходом к океану", после чего руководителям стройки были вручены медали. Уже, переговариваясь меж собой, люди начали расходиться, а он все не мог двинуться с места. До тех пор, пока не впитает, не вберет в себя до мельчайших деталей неповторимый момент рождения целого города. Чтобы потом рассказать об этом читателям на страницах газет, поставив в конце корреспонденций известное на всю Россию - А. Ренников.

ОКНО В ЕВРОПУ

"Конечным пунктом Мурманской железной дороги, - вспоминал скрывавшийся за этим псевдонимом Андрей Митрофанович Селитренников, - был маленький рабочий поселок на берегу Кольского залива между городком Колой и Александровском. Здесь, на этом месте, мы должны были заложить новый город Романовск, от которого ожидали, что он впоследствии "явится" северным "окном" в Европу. Благодаря Гольфштрему судоходство отсюда мимо норвежских берегов могло происходить круглый год... Перед закладкой Романовска мы успели посетить и Колу и Александровск. Александровск стоит на скалах, имеет свой маленький залив, напоминающий норвежские фьорды, и для роли окна не годится; Кола, наоборот, находится на ровном месте: но залив тут мелководен и тоже для окна не подходит. Жители ее, разумеется, были очень огорчены, что выбор не пал на их город, которым они очень гордились... Несмотря на недовольство кольских граждан, город Романовск все же решено было закладывать на некотором расстоянии от них, к северу".

Сведу воедино хранящиеся в Государственном архиве Мурманской области фрагменты ренниковских очерков, написанных по горячим следам событий, с выдержками из опубликованных Андреем Митрофановичем уже после второй мировой мемуаров. Еще в поезде он успел проинтервьюировать некоторых ответственных работников портового и железнодорожного ведомств.

- Самый порт располагается непосредственно против города Романова, - сообщил журналисту выдающийся гидротехник, профессор Борис Кандиба, - причем очень благоприятно и для порта, и для города то обстоятельство, что и тот и другой создаются одновременно при гармонической взаимной распланировке.

С этой "распланировкой" и знакомился Селитренников накануне торжеств. "На пустынном, слегка холмистом берегу залива, - пояснял он, - уже стояли в разных местах заранее вбитые столбы с надписями на деревянных табличках: "Собор", "Почта и Телеграф", "Казначейство", "Городское Самоуправление", "Суд" и так далее. Кроме того, маленькие столбики указывали направление улиц. На одном большом пустыре красовался телеграфный столб с заманчивым указанием "Городской Сад".

- Место, где заложен сейчас город Романов, - утверждал в беседе с Ренниковым начальник управления по строительству Мурманской железной дороги Владимир Горячковский, - найдено нашей "Мурманстройкой". Сначала со стороны различных ведомств не было единодушия в определении того места, где следует оборудовать новый порт. Высказывались мнения в защиту Мотовского залива, острова Кильдина. Но в конце концов местоположение Романова было одобрено всеми. Действительно расположение порта в глубине залива в 60 верстах от выхода в океан защищает его от неблагоприятного влияния океанских ветров. Извилистость залива в соединении с удаленностью от открытого океана обеспечивает порт и город от неприятельского обстрела и от подводных лодок. Глубоководность порта дает Романову такие преимущества, каких не имеет ни один из русских портов.

Андрей Митрофанович Селитренников навсегда вошел в историю Мурманска. Он был единственным журналистом, побывавшим на закладке нового города.

ПОЛЯРНЫЙ ЭНТУЗИАЗМ

Было 21 сентября по старому стилю. Несмотря на то, что осень еще не перевалила за половину, вокруг лежал снег. Пока Андрей Митрофанович прогуливался по "улицам и проспектам" будущей заполярной столицы, началась церемония закладки. "Пел небольшой хор из Колы, - сообщает Ренников, - и пел бы недурно, если бы ему не подтягивали товарищи министров, директора департаментов и члены Государственной Думы. Никогда не умевшие спеться бюрократы и депутаты различно истолковывали и гармонию, и мелодию песнопений".

Еще один штрих в картину первого дня Мурманска внесло ведомственное соперничество, описанное Селитренниковым со свойственным ему юмором. "По окончании службы стали подходить к кресту, - поясняет он. - И тут встал во всю свою величину трудный вопрос: кому подходить первому и кому последнему? Кто выше - министр путей сообщения или министр военно-морской? Архангельский губернатор или директор департамента неокладных сборов? Или кто важнее для жизни государства - сухопутные инженеры-путейцы или моряки?.. К счастью, Владыка сам разрешил этот тяжелый вопрос. Затаив недовольство против адмирала Григоровича за опрометчиво рассказанный морской анекдот (в другом месте Ренников называет анекдот "очень скользким". - **Прим. Д. Е.**), он решительно направился к Трепову, любезно поднес крест ему, после него высшим путейским чиновникам, а затем уже всем другим, в том числе адмиралу".

По окончании торжеств поезд двинулся в обратный путь. В Кандалакше его пассажиры пересели на "Канаду" - ледокольный пароход, ставший впоследствии знаменитым под именем "Федор Литке". На нем они благополучно доплыли до Архангельска, а затем по железной дороге вернулись в Петроград. "Как-то странно было, - замечает Селитренников, - после величавой тишины Дальнего Севера вернуться в столицу, окунуться в ее бурливую тревожную жизнь". Вся поездка заняла 11 дней.

Путешествие на Кольский полуостров в той или иной степени оказало влияние на всех его участников. Один из видных чиновников министерства путей сообщения в беседе с Андреем Митрофановичем оценил его итоги следующим образом:

- Север произвел на меня ошеломляющее впечатление. Не так давно, слушая доклады Вилькицкого, читая сообщения о полярных экспедициях или видя блестящие глаза художника Борисова, я, признаюсь, удивлялся этому "полярному" энтузиазму. Защитники Севера и далеких северных путей долгое время были у нас настоящими подвижниками, выносящими и улыбки недоверия, и прямые издевательства со стороны печати и общества. На многих из них нередко смотрели как на "ненормальных". Но вот, возвращаясь с Мурмана, я чувствую, что во мне тоже что-то изменилось. Я понял полярный энтузиазм. Я сам влюбился.

НАВСЕГДА В ИСТОРИИ МУРМАНСКА

Возможно, результатом этой поездки стало бы более активное развитие и обустройство нашего края и его новорожденной столицы, но вскоре старая Россия дотла сгорела в огне революции и гражданской войны. Захват власти большевиками Селитренников воспринял как катастрофу. Неудивительно, что в дальнейшем он оказался в эмиграции, где продолжал работать как журналист, прозаик, поэт, фантаст и драматург. К примеру, известный деятель русского зарубежья Роман Гуль отзывался о нем так: "Острым и лютым фельетонистом был А. Ренников... старый сотрудник петербургского "Нового времени". Помню, полемизируя с эсерами М. В. Вишняком и С. М. Соловейчиком, Ренников писал: "Вишняк в цвету, Соловейчик заливается". На склоне лет пристанищем Андрея Митрофановича стал дом русских инвалидов в Ницце. Умер Ренников в ноябре 1957-го и похоронен там [illegible] в Ницце, на кладбище Кокад. О том, что и в последние годы жизни он вспоминал путешествие на Север, свидетельствуют изданные им в 1954 году в Нью-Йорке мемуары "Минувшие дни", три главы которых - "Мурманская дорога", "Закладка города" и "Немецкие подводные лодки" - посвящены описанию северного вояжа известного журналиста, рождению Романова-на-Мурмане.

"Среди редких разумных мер, предпринятых нашим правительством во время войны, - писал Ренников, - несомненно, нужно считать постройку и открытие Мурманской железной дороги, столь важной для связи с союзниками. Правда, эту дорогу следовало бы построить раньше, перед войной; но, к сожалению, у нас обычно все умное делалось значительно позже, чем глупое. Во всяком случае, с созданием мурманской дороги вышло несколько удачнее [illegible] с приготовлением военных припасов: [illegible] армия оставалась боеспособной, снарядов у нее не было; а когда она развалилась, снаряды стали поступать в огромном количестве. Мурманский же путь как-никак открылся до революции и около года приносил свою пользу".

Ныне имя Андрея Митрофановича Селитренникова почти забыто. Книги его не переиздавались, творчество недооценено. Между тем Ренников заслужил благодарную память мурманчан. Он навсегда вошел в историю нашего края как человек, присутствовавший при рождении Романова-на-Мурмане, оставивший самый первый литературный портрет нового города, описавший первые минуты, первые часы, первый день заполярной столицы.

Редакция газет «Вечернее время» и «Новое время», Санкт-Петербург, Невский проспект, август 1914 года. Из этой редакции журналист Селитренников (Ренников) был командирован на Кольский Север описывать рождение нового города.

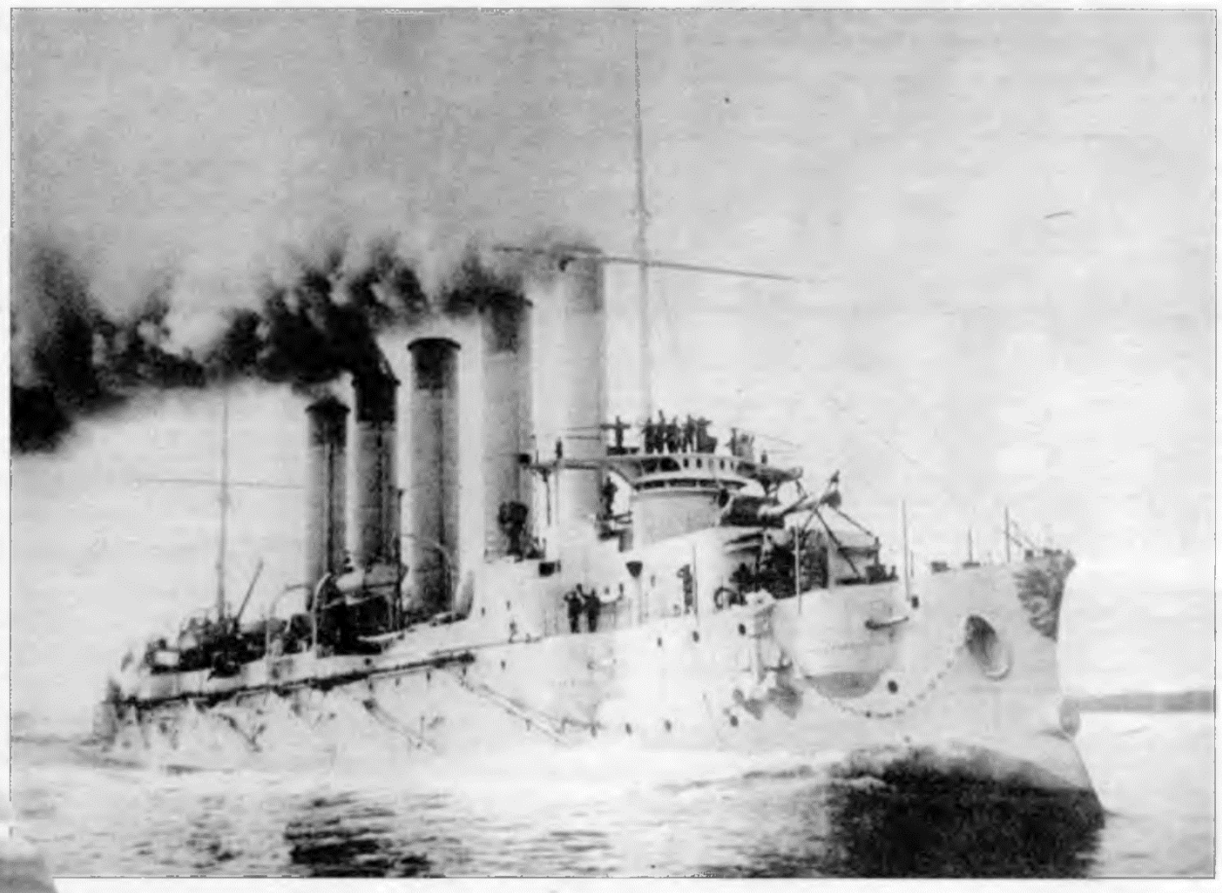
Дмитрий ЕРМОЛАЕВ,
сотрудник Государственного архива Мурманской области.

Мурманцы: будущий конструктор Бжезинский

Сто страниц истории к 100-летию Мурманска

"Мурманск - в то время маленький барачный поселок - производил странное впечатление: с одной стороны - невылазная грязь постепенно распускавшейся трясины, мрачные бараки, и с другой стороны - внезапный наплыв хорошо одетых русских аристократов и буржуа, спешивших эмигрировать, и многочисленных иностранцев. Спальные вагоны международного сообщения целыми составами заполняли запасные пути. Повсюду на вагонах висели флаги иностранных миссий под национальной охраной часовых, ждали очереди эвакуации...".

Так описывает Мурманск 1918 года Валериан Бжезинский - в ту пору офицер, судовой инженер-механик крейсера "Аскольд", с июля семнадцатого по июль восемнадцатого - председатель Центромура. О жизни в том Мурманске Бжезинский достаточно подробно рассказал в своих воспоминаниях, написанных много лет спустя, в конце пятидесятых годов.

Крейсер "Аскольд".

КАКОЕ ВРЕМЯ - ТАКОВ МЕССИЯ

Один из первых мурманцев, выпускник Морского инженерного училища, мичман Валериан Бжезинский, после революции стал одним из руководителей морских сил Республики Советов, с 1933-го - начальник судостроительного КБ. В 37-м - депутат X и XI съездов РКП(б), был репрессирован, но уцелел, после реабилитации работал на Херсонском судостроительном заводе, конструировал боевые катера, в том числе был автором погружающегося катера.

С 1955-го Валериан Людомирович стал главным конструктором Центрального научно-исследовательского института имени академика Крылова. На пенсию ушел капитаном первого ранга, кавалером двух орденов Красного Знамени (1922 г., 1967 г.). Умер Бжезинский в 1985-м, когда ему исполнился 91 год. Так что автор мемуаров о событиях почти столетней давности, по сути, наш современник.

Его воспоминания о Мурманске 1917-1918 годов написаны предельно откровенно и для тех лет неожиданно смело. Одно только абсолютное отрицание какой-либо роли большевиков в мурманских событиях тех лет дорогого стоит.

Вот вам очень характерный, показательный момент - Бжезинский о Самохине, одном из мурманских матросских вождей тех лет: "Самохин был известен как революционер еще в царское время, он был малограмотен, как большинство матросов, которые в основном набирались из деревень, главным образом по росту и внешнему виду. Самохин часто говорил: "Я все понимаю и разбираюсь в политике хорошо, а писаря подберу себе, вот мне бы только арифметике обучиться, и мог бы управлять любым делом революции".

По словам Бжезинского, контр-адмирал и главный начальник Мурманского укрепленного района Кетлинский хладнокровно рекомендовал Самохину планомерно заняться грамотой, т. к. не все же время он будет разрушать старый строй и уничтожать остатки царизма, надо заняться и созидательной работой, для чего потребуются хорошая грамотность и знания. Также председатель Центромура недоверчиво отнесся к доводам адмирала, считая его несовременным человеком. "Нет, сейчас не то время, - возражал он, - надо читать не историю с географией, а о партии и рабоче-крестьянской власти, да вот арифметику кто-либо рассказал...".

Мичман Валериан Бжезинский - автор мемуаров о событиях столетней давности.

Экий демон, однако! Поневоле залюбуешься. И ужаснешься. Почти абсолютная уверенность в собственной правоте и образованности, только с арифметикой нелады, а так все при нем: ничтоже сумняшеся указывает дворянину с едва ли не университетским образованием, адмиралу, какое "время на дворе - таков мессия".

С ШОКИРУЮЩЕЙ ОТКРОВЕННОСТЬЮ

С другой стороны, конечно, время-то было их - абсолютно им соприродное. Именно такие самохины, к сожалению, сначала развалили русские армию и флот, а потом и со страной - Российской империей - в свое удовольствие разобрались, без всякой арифметики. О них Бжезинскому удалось рассказать с подкупающей, шокирующей откровенностью.

Те же самые матросы крейсера "Аскольд" (улица есть в Мурманске - Аскольдовцев, в их честь названа), какими они явлены в книге Бжезинского, - это, к несчастью, уже не флот, а сброд - хищная, малообразованная, охочая до плотских развлечений толпа, чернь, от которой нет защиты.

Сначала крейсер был ограблен англичанами. Союзники не слишком церемонились с чужим имуществом. Командование бриттов обвинило команду "Аскольда" в большевизме и потребовало разоружения крейсера. Разоружили весьма своеобразно. Вот как описывает родной корабль после визита туда британцев Валериан Бжезинский: "То, что мы застали на крейсере, описать трудно. Вся жилая палуба была завалена вещами, выброшенными из рундуков и шкафчиков. На палубе валялась масса старых ботинок иностранных образцов. Свое обмундирование и белье я нашел в разных частях корабля, даже в кочегарке. Все деньги и более или менее ценные вещи были украдены. Несмотря на то, что оставшийся на крейсере старший помощник командира предлагал ключи от кают, все двери были выбитыми. Взломаны кассы...".

Горько, но столь же безжалостно отнеслась к родному крейсеру и его команда - отбывающие на родину нижние чины, списанные с корабля за большевизм, попросту делили "Аскольд"...

"Сборы аскольдовцев, - пишет Бжезинский, - проходили под лозунгом "Бери! Зачем оставлять добро этим прохвостам?!". Многие нагрузили основательно чемоданы и сундучки корабельным добром...

...Проходя мимо кладовых, видал громадного матроса Орлова, держащим на груди кипу обмундирования. Поднимая то тельняшку, а то и брюки, он спрашивал: "Кому?" - а отвернувшийся от него какой-то участник розыгрыша называл фамилию, и под иронические замечания собравшихся вещь летела через кубрик на руки к новому владельцу.

Возможно, что такая дележка была организована комитетом, так как мне, например, принес вестовой-китаец бутылку ликера и сказал, что это выиграл из офицерского погреба, и когда машинный содержатель передал мне, что делят кладовую, не припрятать ли рулон кожи, который у нас старательно хранился для манжет холодильной машины, я послал его за ответом в судовой комитет...".

Вот так.

На удивление, хоть и не устает автор в самых разных формах выражать почтение советской власти, воспоминания-то у него получились отчетливо антисоветские. Не зря столько лет о них почти никто и не вспоминал, о публикации, вводе в круг обязательных первоисточников по заявленной теме уже и не говорю. Где уж там! Полагаю, с точки зрения цензуры конца пятидесятых, когда Бжезинский все это писал, мемуары вышли отчетливо вражеские.

Понимаю, что цели такой он перед собой не ставил, просто старался говорить правду, не придумывать, а вспоминать, как все это было в тогдашнем, таком загадочном для нас, сегодняшних жителей этого города, Мурманске.

Дмитрий КОРЖОВ,
член Союза писателей России.

Мурманцы: Главнамур Кетлинский

Сто страниц истории к 100-летию Мурманска

ГОРОД ПЕРВОПРОХОДЦЕВ

Мурманцы... Именно так называли себя первые жители последнего города, основанного в угасающей Российской империи. Создание Мурманска и других городов края связано с особым кругом людей. Своеобычная такая каста - первопроходцы. Разные, понятное дело, это были люди. Значительная часть - романтики-идеалисты, которых в путь звала мечта о дальних странах и неоткрытых планетах (а Арктика, в принципе Север, тогда была именно такой планетой), из тех, что приезжали сюда за мечтой, в тоске по неизведанному, которое всегда некую тайну скрывает, а вместе с ней и опасность.

Помимо них, конечно, приезжали профессионалы - ученые, зоряки, для которых новая земля могла стать предметом исследования, краем, где можно использовать накопленный потенциал, силы свои, профессиональные и человеческие, в полной мере, что называется, в полный рост. Твердый дух, высокий интеллект, желание и умение добиться намеченной цели - вот основные черты людей, из которых сложился костяк населения Мурманска...

Всех этих людей давно уже нет на белом свете. Их судьбы очень разные. Кто-то сгинул почти сразу же в беспощадном огне революции и гражданской войны, кто-то чуть позже - в эпоху большого террора, кто-то прожил долгую и хоть и не простую, но счастливую жизнь, порой бесконечно далеко от родной страны и города, который стал для будущих эмигрантов последним русским городом, который они видели.

Надо сказать, в начальные свои годы, в гражданскую, да и чуть позже, в двадцатые, областной центр представлял собой не слишком радостное зрелище: цепочка бараков да с десяток казенных зданий вдоль Кольского залива. Это потом уж разросся, встал на ноги, стал красив и удобен для жизни. А восход-то вышел трудный. С Севером не пошутишь, а ко всему прочему эпоха, как раз накануне которой появился на карте страны будущий областной центр, выдалась уж очень беспокойная: революции, войны, кровь и смерть. Но - встал, выпрямился...

Кто они были, жители Мурманска 1918-1920 годов, так называемого Белого Мурманска? Попробуем вспомнить мурманцев поименно (хотя бы нескольких), тех, без кого невозможно представить наш край и его главный город той поры.

ПУТЬ АДМИРАЛА

Начнем с одного из первых советских (именно так, хоть и был он контр-адмиралом и дворянином) руководителей Кольского края и Мурманска - Казимира Кетлинского, подробности убийства и место захоронения которого по сию пору остаются загадкой.

Казимир Филиппович Кетлинский родился 27 июля 1875 года в Могилеве-Подольском.

Из польских дворян. Учился в Морском Корпусе, куда поступил в 1892 году, а окончил его в 1895 году 15-м по успеваемости, получил чин мичмана. В 1902 году окончил артиллерийский офицерский класс с зачислением в артиллерийские офицеры 1-го разряда. После чего командирован в Соединенные Штаты, в Филадельфию, где наблюдал за строительством эскадренного броненосца "Ретвизан", затем служил на этом броненосце до марта 1904 года артиллерийским офицером. Отличился во время нападения японских миноносцев в ночь на 27 января и отражения последующих атак брандеров на броненосец. За бой 10 февраля получил золотую саблю с надписью "За храбрость".

В апреле1904 года назначен флагманским артиллерийским офицером морского походного штаба эскадры Наместника Его Императорского Величества на Дальнем Востоке и переведен на броненосец "Цесаревич". В бою 28 июля 1904 года был ранен осколками снаряда, залетевшими в боевую рубку броненосца. После боя в составе экипажа корабля интернирован в Циндао и не принимал участия в дальнейших событиях русско-японской войны.

В 1906-1909 годах служил на ЧФ в должности флагманского артиллерийского офицера штаба командующего Практическим отрядом Черного моря и штаба начальника морских сил Черного моря. В 1910 году был произведен в чин капитана 2-го ранга и командирован в Англию, Италию и Францию для изучения организации военного флота. После возвращения в Россию преподавал в Морской академии. С 1913 по 1916 год снова служил на Черном море в оперативном отделе штаба начальника морских сил Черного моря и флаг-капитана по оперативной части штаба командующего флотом Черного моря. 25 августа 1914 года был произведен в чин капитана 1-го ранга и в декабре того же года награжден орденом Св. Анны 2-й степени с мечами. 6 ноября 1916 года прибыл в Тулон, где принял командование над находящимся там на ремонте крейсером "Аскольд" и вскоре утвердил приговор корабельного суда, приговорившего к смертной казни четырех матросов крейсера, обвиненных в саботаже в связи с произошедшим на "Аскольде" взрывом.

ТАНЦУЛЬКИ ВМЕСТО ЛЕКЦИЙ

После ремонта в Англии в апреле 1917 года "Аскольд" прибыл в Мурманск, а Кетлинскому указом Временного правительства было присвоено звание контр-адмирала. Он также был назначен Главнамуром - главным начальником Мурманского укрепленного района, то есть, по сути дела, командующим всем северным побережьем Кольского полуострова.

Как отмечал патриарх Кольского краеведения Иван Федорович Ушаков, "Кетлинский решительно боролся с рахлябанностью, дезорганизацией управления, пьянством и другими недугами - наследием февральской революции и нравственного падения значительной части пришлого населения. Многим Кетлинский не нравился. Многие видели в нем скрытого врага нового строя, двурушника или просто считали его классово ненадежным деятелем...".

После Октябрьской революции Казимира Филипповича отстранили от должности и устроили над адмиралом суд - за утверждение смертного приговора матросам "Аскольда" в 1916 году. Допрос вели члены судового комитета "Аскольда" под руководством большевика Самохина. По свидетельству очевидцев, на этом разбирательстве Кетлинский заплакал и в большом волнении заявил: "Сейчас в России совершился переворот в пользу власти Советов. Я лично с сегодняшнего дня целиком отдаю себя на дело революции, и все мои знания, которые имею...". В результате адмирала полностью оправдали, освободили из-под ареста и восстановили в должности Главнамура.

Кетлинский был не просто русский офицер, но и безусловный, отчетливый интеллигент. Крайне показательна история с так называемым Международным матросским клубом, который создали в Мурманске в конце семнадцатого года по требованию матросских комитетов. Матросики жаждали развлечений. Пожалуйте, создали клуб. Кетлинский надеялся, что костяк программы там составят лекции и доклады, в общем, все во славу просвещения. Получилось, к сожалению, иное. "Руководство клуба строило экономику на киносеансах, танцах и буфете... В буфете посетителей привлекали бутерброды и нелегальная выпивка. В конце концов Центромур специальным постановлением учредил контроль за буфетом с целью ликвидации пьянства...". Что говорить, танцульки и горячительные напитки революционную братву интересовали поболе, чем высокомудрые беседы и даже кино...

НИ ДЕРЖАВЫ, НИ ВЕРЫ, НИ ФЛОТА

Казимира Филипповича убили в феврале 18-го собственные матросы с печально известного крейсера "Аскольд". Кетлинский твердой рукой пытался навести в крае порядок - полубандитам-анархистам с "Аскольда" это не нравилось... Впрочем, есть версия, что это была месть аскольдовцев за тулонский расстрел.

Между тем, как свидетельствовали позже советские руководители, Кетлинский "ни одного вопроса не решал Центрального комитета Мурманской флотилии (Центромура), когда совещался с союзниками у себя в кабинете, то приглашал либо комиссара, либо Самохина, никогда не принимал решений самостоятельно...".

Адмирал похоронен где-то в центре города, в районе Междурейсового дома отдыха моряков, точное место могилы теперь установить невозможно. О Кетлинском есть упоминания и в "Из тупика" Валентина Пикуля, и в автобиографической книге дочери адмирала Веры Казимировны Кетлинской "Вечер. Окна. Люди" (одна из первых мурманских комсомолок, Вера, кстати, стала достаточно известной советской писательницей, долгое время, в том числе и в блокаду, руководила Ленинградским отделением Союза писателей СССР), пять лет назад в романе "Мурманцы", писал о нем и я, тогда же появились и вот эти стихи "Адмиралу Казимиру Кетлинскому":

Словно кортик, прямой и острый,
Испытавший и бури, и штиль,
Он попробовал полуостров,
Как корабль, сквозь тьму провести.

Незавидная это работа -
В темноте детишек крестить.
Ни державы, ни веры, ни флота -
Сыплются, как песок из горсти.

Где вы, умницы-кондукторы,
Корабельные профессора,
Как без вас с океанским простором
Сможет справиться адмирал?

Русский флот погребен, под откосом
Вражьи слуги победу трубят,
Если собственные матросы,
Словно в тире, стреляют в тебя.

Страшно. Бес с краснозвездным прищуром
Взялся в салки с Россией играть,
Будет класть на нее с прибором
И гармошку на струны рвать.

"Чудище и стозевно, и обло...".
Суетливы шаги за спиной.
Револьверик недужно и подло
Плюнет в душу свинцовой слюной.

И земля, накренившись устало,
Как корабль, поплывет из-под ног,
И притянет к себе, словно тралом,
На февральское, смертное дно.

Показательный момент: улицы Кетлинского в Мурманске нет, а вот его убийцы увековечены, улочка Аскольдовцев в областном центре имеется...

Дмитрий КОРЖОВ.

Быть посему...

Сто страниц истории к 100-летию Мурманска

У каждого города есть свои легенды. Это история, не написанная в учебниках и не увековеченная в бронзе памятников, а наше, пусть обывательское, представление о том, что нас незримо связывает с историей города. Но наряду с легендами есть красивые мифы, рождающиеся каждый день и обладающие невероятной живучестью. Вот и сейчас, в преддверии юбилея, витает новый миф об основателе города.

УЗКАЯ ФОРТОЧКА

Накануне первой мировой войны широко отмечалось 300-летие Дома Романовых, напоминавшее по размаху и сценарию торжеств нынешний Год российской государственности. Празднования растянулись - уже в годы войны продолжалось награждение юбилейной медалью, отчеканенной к этому событию. Прошло три года, когда представился повод сделать еще один, пусть и запоздалый, подарок "к юбилею".

В 1916 году в далекой Семеновской бухте шло строительство порта, задействовавшее тысячи людей. Назрела необходимость упорядочить управление многочисленными разнообразными структурами - военными, железнодорожными, морскими, строительными, почтово-телеграфными... Напрашивалась мысль придать этому многолюдному новообразованию статус города.

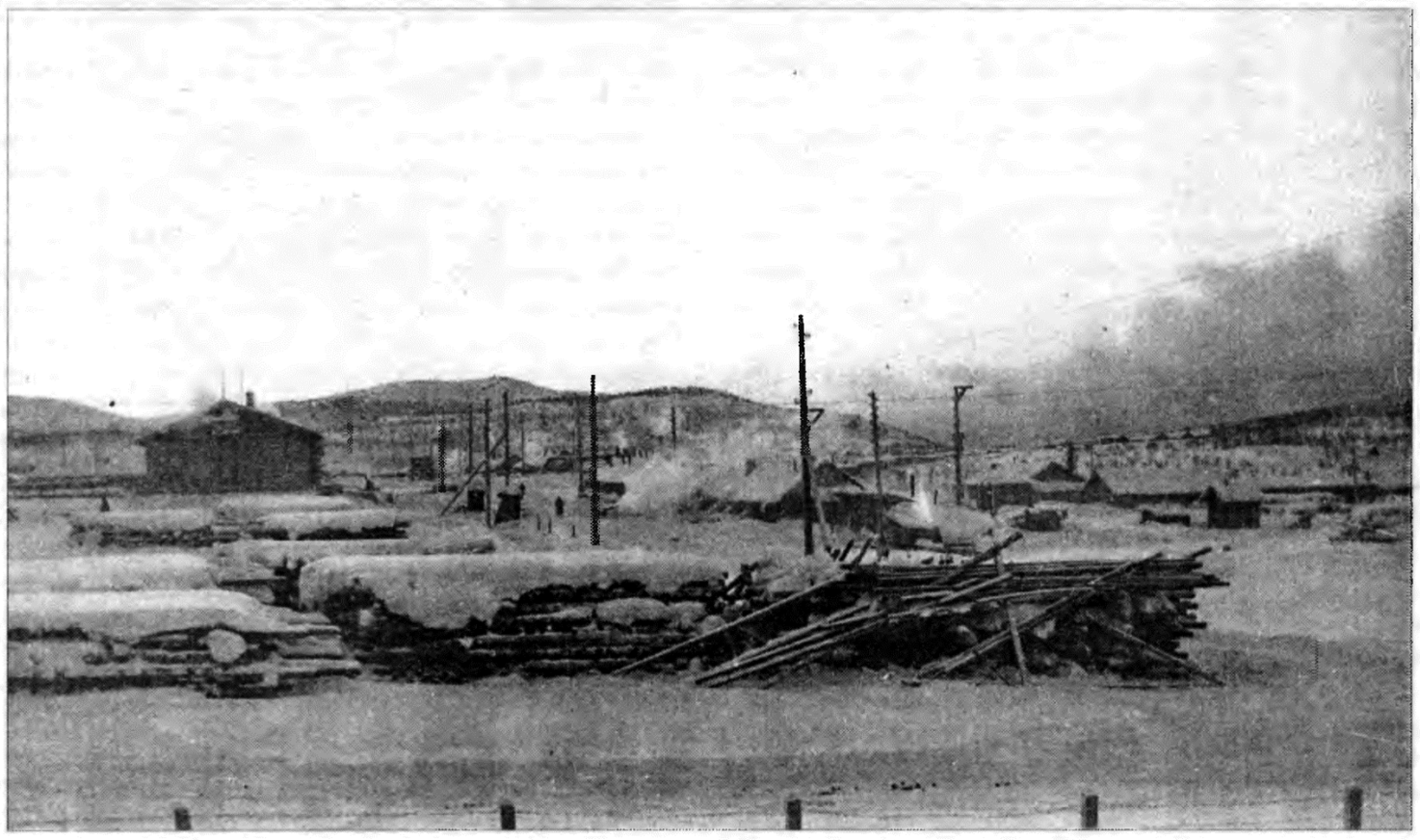
И в верноподданных головах родилась аналогия: Петр Великий "прорубил окно в Европу" и украсил это окно, заложив новую столицу, названную в честь небесного покровителя - святого Петра. А спустя два столетия его потомок открывал выход в океан, и самое подходящее имя новому городу будет Романовна-Мурмане. Правда, император Николай II не закладывал собственноручно город, и даже не выбирал на карте место будущего океанского порта, а лишь подписал на поданном министрами листе: "Быть посему". Спустя несколько месяцев так же обреченно Николай II подпишет сочиненную другими людьми бумагу - Манифест об отречении. И имя "Романов" навсегда исчезнет с карты Кольского полуострова.

А Мурманск еще долго ждал своего часа: город - не город, а скопище построек, складов, в которых только большой оптимист мог разглядеть будущие линии проспектов. Вот и получилась - не окно, а узкая форточка.

БЕСПЛОДНЫЕ ДИСКУССИИ

Сегодня кажутся очевидными просчеты царского правительства, уделявшего крайне малое внимание освоению Кольского Севера. Однако не стоит считать наших предшественников менее дальновидными, чем мы сами. Наверное, спустя десятилетия нашим потомкам будет так же трудно понять, по какому злому умыслу или недомыслию в течение нескольких лет "растворились" создаваемые десятилетиями напряженного труда в тяжелых условиях Севера крупнейший в мире рыбный порт и самый большой в мире город, построенный в Заполярье... И тогда, давя в себе комплекс неполноценности от осознания непоправимости утрат, будут убедительно оправдываться, говоря о командно-административных методах, использовании дармовой рабочей силы, гигантомании и прочем "наследии советской экономики".

В 1899 году был торжественно открыт новый город, названный в память умершего за пять лет до этого императора Александровском-на-Мурмане. Но это событие надолго оставалось лишь ярким эпизодом среди череды однообразных дней, прерываемых короткими заходами

пароходов, следующих мимо "столицы" уезда - из Архангельска в Варде. Коммерческий порт в Екатерининской гавани не имел перспектив развития - без железной дороги он был тупиком.

Но связать новый порт с центром железной дорогой мешали соображения, казавшиеся в то время вполне обоснованными. Причина заключалась в выборе маршрута. Это позднее стратегические цели научатся ставить выше экономической выгоды. В двадцатых годах именно железная дорога вернула к активной жизни Кольский Север после гражданской войны, но в начале века экономисты резонно посчитали, что строить дорогу в безлюдном крае нецелесообразно, поскольку такое предприятие не сможет окупиться ("лишних" денег у России, занятой индустриализацией, не было).

Выходом казалось продолжение одной из ближайших существующих железных дорог до Мурманского берега. Но такое строительство рассматривалось не только нецелесообразным, но и небезопасным. Ближайшие дороги проходили по территории Финляндии - пока еще территории "единой и неделимой" Российской империи, но уже пользовавшейся автономией и активно развивавшейся. К тому же финские предприниматели были заинтересованы получить выход к океану (эти планы сбудутся в 1920 году, когда по договору с большевистским правительством Финляндия получит район Печенги). Ощущение опасности подкреплялось активностью финнов и норвежцев, не боявшихся оставить родные земли и переселиться на суровые берега Ледовитого океана.

Обсуждения перспектив развития Мурмана долгое время оставались бесплодными дискуссиями. Для их воплощения не хватало веской причины, оправдывающей колоссальные затраты, которые предстояло понести для освоения этого пустынного края. И такой причиной стала первая мировая война. Но реальность оказалась не похожей на любые планы. Вернее, воплощение идеи создания города-порта на Мурманском берегу шло не по плану, а под влиянием постоянно менявшихся обстоятельств.

ТЕАТР ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

С началом войны стало ясно, что Север, лишенный каких-либо вооруженных сил, оказался беззащитным перед угрозой нападения. Слухи о появлении у берегов Северной Норвегии неопознанных военных кораблей повергли в шок местных чиновников. Александровский исправник чуть не спалил город, получив предписание губернатора уничтожить запасы угля Архангельско-Мурманского срочного пароходства. К счастью, оказавшийся на его пути капитан второго ранга И. И. Ислямов, готовивший экспедицию, отправлявшуюся на поиски Г. Я. Седова, не только остановил ретивого исполнителя, но и ликвидировал панику в городе. Воспользовавшись крохотным административным пароходом "Мурман", Ислямов перехватил в море германский пароход "Эрик Ларсен" и привел приз в Екатерининскую гавань.

Впрочем, вскоре пришло осознание, что пустынный край, каковым являлся Мурман, вряд ли может привлечь внимание противника, чей флот усиленно готовился к сражению с "владычицей морей" Великобританией.

Вскоре и союзники России поняли, что у страха глаза велики, начав посылать пароходы в беломорские порты России. Война затягивалась, становилось ясно, что в наступившем веке победа зависит не только от мужества и умения солдат, но и от наличия ресурсов. Война становилась делом чрезвычайно дорогостоящим. Не только винтовки и снаряды, но и лес, хлеб, уголь были стратегическими грузами. Традиционные торговые пути стали театром военных действий. Северные моря оказались кратчайшей дорогой, связавшей Россию с союзниками - Англией и Францией.

БОРЬБА СО ЛЬДОМ

С наступлением зимы Белое море покрылось льдом и пароходы с военными грузами, преодолев дальний путь через зону действий германского флота, оказались перед естественным препятствием, не дойдя до цели несколько десятков миль. Для борьбы со льдом Англия прислала свои старые броненосцы - "Альбермарл" и "Юпитер", однако ни толстая броня, ни мощные машины не сделали из боевых кораблей ледоколы.

Может быть, кто-то в это время вспомнил, что когда-то архангельские судовладельцы категорично отказались "взять на баланс" только что построенный ледокол "Ермак", теперь вместе со всем Балтийским флотом запертый в Финском заливе.

Возвращать неразгруженные суда было неразумно. Оставалось оставить их до прихода ледоколов, чтобы перегрузить на них грузы, предназначенные для доставки в Архангельск, или дожидаться весны. Сначала пароходы отстаивались в Александровске, откуда с началом войны протянули по дну океана телеграфный кабель, связавший Россию с союзниками. Но потом нашли более удобное место - в глубине Кольского залива у лесопильного завода в Дровяном. Для охраны мест стоянок пароходов на Мурман пришли английские боевые корабл

СТРОИТЕЛЬСТВО ПОРТА

Русское правительство спешно заказало в Англии ледоколы по типу построенного там в 1899 году "Ермака" (опыт создания первого в мире линейного ледокола был не востребован пятнадцать лет!). Спешно закупались ледокольные пароходы в Канаде - стране, имевшей большой опыт эксплуатации таких судов.

Все это требовало времени, но война не ждала. В 1915 году русская армия переживала "снарядный голод", а закупленные за границей боеприпасы лежали на берегу Кольского залива. Англичане предложили организовать их доставку гуже транспортом. Оленьи упряжки везли груз до Кандалакши, а дальше - в Финляндию до ближайшей железной дороги. Вдоль пути через каждые пятьдесят верст были устроены места стоянок с запасом провизии и корма для оленей. Упряжки могли перевезти небольшой по весу груз, поэтому пришлось привлечь сотни оленей и каюров. Трудно сказать, какую долю участия в эту "авантюру" вложили англичане, но успех организации "секретного" предприятия был признан заслугой старшего лейтенанта Рощаковского. Биография Михаила Сергеевича заслуживает отдельного рассказа. Не раз он возвращался на Север для решения "особо важных поручений", но в официальной истории Мурманска остался лишь одним из царских "сатрапов".

Эти временные меры только у дили, что без принятия кардинальных решений вторая военная зима будет иметь катастрофические последствия для организации союзнических перевозок. В 1915 году началось строительство порта в Кольском заливе, который должен был стать зимним дублером порта Архангельского.

ДОЛОЙ ТИШИНУ

Еще в 1913 году на Мурмане велись изыскательские работы с целью определения мест для организации портов-убежищ. Теперь же район будущего строительства определялся не столько перспективами развития края, сколько сложившейся ситуацией. Из-за удобства подведения железной дороги район Семеновских островов оказался предпочтительн равнинного участка на западном бе регу (эта территория теперь, спустя столетие, рассматривается как район расширения Мурманского транспортного узла). Имена Б. Е. Ляхницкого, И. А. Матвеичева, Г. Я. Наливайко, Н. В. Доризо, Б. Е. Веденеева и других гидрографов и инженеров открывают длинный список "основателей" Мурманска. В апреле 1915 года район будущего порта зашумел голосами пензенских плотников, в июне к ним присоединились первые строители железной дороги. Теперь сюда никогда не вернется первобытная тишина...

Дмитрий ЖАЛНИН,
кандидат исторических наук.

Окончание следует.

Быть посему...

Сто страниц истории к 100-летию Мурманска

Окончание.
Начало в номере за 12 октября.

Война обусловила появление порта на Мурмане, она же определяла сам ход его строительства. Правительство, отнюдь не озаботившись освоением северного края в мирные дни, теперь, наверстывая упущенное время, принимало половинчатые решения. Действовали с оглядкой - вот-вот союзники высадятся в Дарданеллах, а наши войска войдут в Царьград и - блокада прорвана! А там, глядишь, и война закончится. И тогда строительство дороги и порта на Мурмане окажется напрасной тратой сил.

Но надежды на скорую победу не оправдывались. Осенью 1915 года потерпела поражение Сербия, и Россия лишилась единственного надежного союзника на Балканах. Неудачей закончилась Дарданелльская операция союзников (а русский Черноморский флот до конца войны продолжал накапливать огромные силы для штурма Босфора).

ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

Половинчатые решения приводили к тому, что и затраченные усилия не давали ожидаемого эффекта. Рабочих для строительства и погрузочных операций не хватало, но положение усугублялось невыносимыми условиями. Посылая людей на работу в Заполярье, сэкономили на создании элементарных бытовых условий. Ведомственная несогласованность, бестолковость в принятии решений были неискоренимыми спутниками строительства.

Ко всему здесь проявилась одна из черт русского характера - видя наплевательское отношение руководителей, первые жители Мурманска как будто сами доводили сложившуюся ситуацию до абсурда. И без того малочисленные механизмы постоянно ломались. Город утопал в грязи и мусоре, который жители выбрасывали прямо у бараков. Будущий писатель, а в то время молодой флотский офицер С. А. Колбасьев удивлялся, почему при одинаковых условиях на английской эскадре можно было принять горячую ванну и отобедать за сервированным по всем правилам столом, а русские моряки мерзли в железных коробках своих кораблей. И сам давал ответ: трудно было пересилить нежелание выбраться из-под вороха шинелей и растопить погасшую буржуйку. Приближалась та самая разруха, которую потом прекрасно охарактеризовал С. Н. Булгаков. Не успев сформироваться, замороженный город жил в ожидании перемен.

Еще тяжелее приходилось строителям железной дороги, большинство из которых были иностранцами. Чаще всего вспоминают китайцев, завербованных на Дальнем Востоке. Меньше говорят о военнопленных. Использование военнопленных в качестве рабочей силы в то время еще не было обычной практикой.

ИЛЛЮЗИЯ БЛАГОПОЛУЧИЯ

Между тем среди журналистов опять возник интерес к блестящим перспективам Севера. Этому способствовали победные рапорты мурманских начальников и официальные сообщения о планах строительства современного города, обеспеченного всеми благами цивилизации: электрическим освещением, центральным отоплением, общественным транспортом. Разрабатывался план застройки будущей столицы Заполярья, причем каждый год появлялся новый. А на практике "василеостровские" линии многоэтажек воплощались в ряды бараков, сгрудившихся в несколько поселков, сгруппировавшихся "по ведомственному признаку": железнодорожный, портовый, "базский" (здесь располагались дома и казармы военных моряков).

В сентябре 1916 года группа высокопоставленных чиновников, проехав по линии Мурманской железной дороги, прибыла в новый порт для приемки строительства. Торжественным завершением ее должна была стать церемония закладки храма. Это событие вытеснило официальную дату основания города (6 июля), став общепризнанным днем рождения города.

Впрочем, морской министр И. К. Григорович так и не подписал телеграмму на имя государя об открытии пути. Строительство дороги не было закончено по всей длине пути, а для открытия движения она и вовсе была не готова.

МОРЯКИ

Только к 1916 году озаботились организацией морской обороны и защитой союзных транспортов. До сих пор охрану судов, стоявших в Кольском заливе, осуществляли военные корабли союзников (этот факт станет впоследствии основой для начала интервенции на Русском Севере). Нужно было создать многочисленные посты наблюдения, наладить между ними связь, установить береговые батареи, организовать морские дозоры и, разумеется, обустроить структуру базирования боевых кораблей. Было решено построить военно-морскую базу рядом с грузовым портом, под нее был отведен участок, где впоследствии вырастет Мурманский рыбный порт.

Но и здесь не обошлось без конфуза. "Флотоводцы" под адмиралтейским шпилем продолжали мыслить категориями прошлых войн, представляя возможные боевые действия в северных водах как рейды крейсерских эскадр. Почти весь российский флот оказался заперт в Балтийском и Черном морях, а купить новые корабли за границей в условиях мировой войны было невозможно. Через три океана в Кольский залив пришли три старых русских корабля - линкор "Чесма", крейсеры "Аскольд" и "Варяг" (последний тут же ушел на ремонт в Англию).

Но эти корабли оказались здесь не нужны. Изменился характер морской войны. Основным противником грузовых пароходов стали мины и подводные лодки. Нужны были корабли новых типов - тральщики и конвойные суда. В этом качестве стали использовать вооруженные траулеры и паровые яхты. А ветераны русско-японской войны превратились в плавучие казармы.

Военные моряки стали играть заметную роль в жизни города. Нижние чины использовались на разгрузке судов, компенсируя нехватку рабочих. Должности специалистов заняли флотские механики, мотористы, электрики. А офицеры, получившие разностороннее образование, брали на себя самые неожиданные поручения. Именно они под командой уже упомянутого М. С. Рощаковского смогли разгрузить забитый из-за нехватки вагонов и низкой пропускной способности дороги порт.

В районе было объявлено военное положение. На флотское командование были возложены обязанности организации обороны всего края, охраны границы и линии железной дороги. Постепенно к нему переходили и функции управления краем.

ПЕРСПЕКТИВЫ

Кем были основатели города? Энтузиастами, приехавшими воплотить мечту? Подневольными, исполнявшими чью-то волю? Конечно, были и такие. Но большая часть строителей, осознавая или не осознавая перспективы Русского Севера, оказались в этом пустынном крае по велению обстоятельств военного времени. Война собрала людей, война родила город. И с ее окончанием все острее вставал вопрос о дальнейшей судьбе Мурманска, так и не успевшего стать городом.

Один из проектов послевоенного развития Мурманска был подан в начале 1918 года корабельным инженером В. С. Блажеевским. В нем оживление Мурманского края связывалось с развитием судостроения, причем приоритет отводился постройке малых рыболовных судов. А строительство морских коммерческих судов в условиях послевоенного дефицита грузового тоннажа позволило бы сберечь Мурманский порт в качестве важнейшей внешнеторговой коммуникации. Но идея послевоенного развития Мурманского края была похоронена узковедомственным подходом - эксперты морского ведомства не сочли нужным утруждать себя задачами, не связанными напрямую с вопросами военного характера.

Гражданская война воспринималась большинством жителей Мурманска, оказавшегося в тылу белого Северного фронта, как досадное продолжение войны мировой. Им было не до сожалений по бесцельно брошенным плодам своих трудов - рушился смысл всей предыдущей жизни. Но семя было брошено, и через несколько лет на месте временного порта, окруженного барачными поселками, возродилась жизнь.

ПАМЯТНИК

Нельзя назвать историю возникновения Мурманска "белым пятном". Архивы хранят огромное количество уникальных документов, историки многое сделали для их изучения и публикации. Но почти не осталось зримых следов этих событий. Неприметный каменный склад, построенный в 1918 году, название небольшой улицы - Водопроводная (здесь проходил первый городской водопровод от Семеновского озера к первой электростанции, построенной в районе нынешней улицы Челюскинцев, и единственный памятник, поставленный в 1945 году в честь 30-летия начала строительства порта. Памятник находится на закрытой для посещения территории. Недавно его копия в "сувенирном" исполнении появилась у входа в здание портового управления, что вызывает естественное сомнение в сохранности подлинника).

Пустоты исторической памяти неизбежно заполняются мифами. Пока историки тратят время на разоблачение новых "медиавирусов", на Семеновском озере предприимчивые торговцы уже поставили "избу деда Семена", украсив ее изображением, больше напоминающим Щукаря в современной офицерской фуражке.

До недавнего времени лестницу, поднимавшуюся от улицы Воровского к первой школе, украшали железобетонные стелы с основными датами из истории города. Первая сообщала, что в 1920 (!) году на Мурмане была установлена Советская власть. Так легко был вычеркнут целый этап жизни Мурманска! Впрочем, неудивительно - из истории всячески изымалась память о Великой войне, ставшей поворотной вехой в истории нашего края.

Сразу после окончания первой мировой войны по всей Европе стали появляться мемориалы павшим воинам. Первый памятник русским солдатам был установлен в 1935 году... в Белграде. Задолго до 100-летия начала Великой войны европейские страны стали готовиться к этому событию. Не забыли и про русских. В Париже был сооружен памятник солдатам и офицерам Русского экспедиционного корпуса, направленного на помощь французской армии в 1915 году (это уже второй подобный мемориал на территории Франции). 21 июня 2010 года В. В. Путин участвовал в церемонии его открытия. Только на родной земле такому памятнику до сих пор места не нашлось... Впрочем, такой памятник все же есть: Мурманск, железная дорога, порт, рожденные не решением единиц, а трудом тысяч людей и волей обстоятельств.

Дмитрий ЖАЛНИН,
кандидат исторических наук.

Мурманск закладывали будущие белогвардейцы

Сто страниц истории к 100-летию Мурманска

Это знаменитый, растиражированный множеством изданий снимок момента основания Мурманска, тогда еще Романова-на-Мурмане, закладки так и не ставшего реальностью храма Николая Мирликийского.

Интересно, что оригинал этого фото утрачен. На мой взгляд, момент чрезвычайно показательный, естественный для той эпохи, в которую был сделан снимок. Почему? Это, наверное, русскому человеку, хоть чуть-чуть знакомому с родной историей, и объяснять нет смысла... Сентябрь шестнадцатого года по старому стилю, октябрь по-новому. Российской империи осталось жить всего полгода, всего год до большевистской революции, чуть больше - до гражданской войны, утопившей страну в крови и смерти. Так что снимок этот сделан действительно на краю. Не только на краю углубления в земле, в котором упокоен закладной камень будущего города, но и на краю великой империи, на краю прежней своей жизни...

Так что совсем скоро и в России, и в только что рожденном, еще не выбравшемся из пеленок Мурманске начнется иная жизнь. Революции, войны, голод, кровь и террор. Не до снимков там будет, не до архивов.

А фото это знаменитое, и многие другие, большая часть которых по сию пору широкой известности не получили, мы увидели лишь благодаря книге "Мурманская железная дорога", выпущенной в Санкт-Петербурге в 1916 году.

Закладка храма на месте будущего города Романова-на-Мурмане.

КОМПАНИЯ НА СНИМКЕ

Компания на снимке, который сделан в Мурманске 4 октября, как и на том, что был выполнен чуть раньше, когда правительственная делегация почти в том же составе гостила в карельской Чупе, впечатляет. Очень солидная и весьма представительная, что указывает на то немалое значение, которое придавало государство и "мурманке", и новому городу. Два министра, адмиралы, губернатор, депутаты Государственной Думы и члены Государственного Совета...

Интереснейшие люди, удивительные судьбы. Порой уникальные, причем и в той своей части, что состоялась до той катастрофы, которой стала для царской России Октябрьская революция, и в той, что ждала этих заслуженных людей дальше - за этой, для многих трагической, чертой.

В центре снимка, похожие на два полюса - две главные фигуры и строительства "мурманки", и основания будущего главного города Кольского края, два министра - морской, Иван Константинович Григорович, и путейский, Алексей Федорович Трепов. Внешне, действительно, совсем не схожи, будто из разных миров люди.

Адмирал Григорович - стройный, не лишенный аристократического изящества и лоска, человек. Красивый, седобородый. По-адмиральски величественный и в то же время по-матросски простой. К тому же высоченный, как корабельная мачта. И это в десятые годы двадцатого века, когда люди под два метра высотой были беспримерной редкостью! Представляю себе, как он возвышался, царил над толпой - всегда, в том числе и в тот, необычайный для Мурманска, знаковый день.

И - Трепов. Рядом, по правую руку от адмирала. Приземистый, хмурый, насупленный, как недобрый, знающий себе цену бульдог. Малосимпатичный. Тяжелый. Едва ли не квадратный. К тому же в очках. По виду внешнему - безусловный "человек в футляре". Этакий путейский чиновник в квадрате. И семейка, в общем, подобающая. Алексей Федорович - младший из четырех сыновей застреленного Верой Засулич петербургского градоначальника Федора Трепова. Говорят, именно тот выстрел Засулич и ее оправдание судом присяжных послужили причиной стойкой ненависти Александра Трепова и всех его братьев к террористам. Все четверо были монархисты. Убежденные. Отчетливые.

БЛЕСТЯЩАЯ КАРЬЕРА

Но начнем по порядку. С Григоровича. Этот русский офицер и потомственный дворянин был родом из флотской семьи, отец - тоже адмирал. Детские годы провел в Ревеле, тогдашней базе императорского военно-морского флота. Он и в гимназии-то учился в одном классе с Владимиром Бэром, будущим первым командиром крейсера "Варяг", и Евгением Егорьевым, будущим командиром крейсера "Аврора". Так что, очевидно, иного пути для него с детства не имелось. Только море. Только флот.

А потому сначала Морской кадетский корпус в Петербурге, а затем - Балтфлот, а затем уже в качестве флаг-офицера штаба начальника эскадры Тихого океана, Дальний Восток. Дальше - самая блестящая карьера, какую можно представить.

В русско-японскую - с первых дней - капитан первого ранга, командир броненосца "Цесаревич", флагманского корабля 1-й Тихоокеанской эскадры. С апреля 1904 года Григорович - контр-адмирал и Главный командир Артурского порта. После войны - начштаба Черноморского флота и портов Черного моря. Когда убили командующего флотом Чухнина, даже некоторое время командовал ЧФ. И снова Балтика, руководство военным портом в Либаве, нынешней Лиепае. Именно с Григоровичем связано начало, первые шаги славного русского подплава: усилиями Ивана Константиновича здесь был создан первый Учебный отряд подводного плавания.

С февраля 1909-го Григорович в правительстве, сначала товарищем, а по-современному - заместителем морского министра, а потом и министром. И здесь - несомненный успех, основанный на прекрасной организации работы. Иван Константинович был, пожалуй, самым успешным из 18 руководителей российского морского ведомства: не имел конфликтов ни с государством, ни с царем, при этом флот строился, судостроительная программа выполнялась, деньги на нее выделялись в полном объеме, воровство пресекалось быстро и сразу.

Что говорить, если и через 30 лет, в начале второй мировой, основу советского ВМФ составили корабли, построенные в бытность Григоровича военным министром. А именно все линкоры 40 процентов крейсеров и треть эсминцев. Именно при нем возник и прообраз Северного флота, флотилия Северного Ледовитого океана, базой которой стал строящийся Романов-на-Мурмане, будущий Мурманск. Первоначально центральный, прилегающий к порту район города так и назывался - База.

ЗА ТРАГИЧЕСКОЙ ЧЕРТОЙ

Временное правительство адмирала от должности отстранило - он был уволен "с мундиром и пенсией". Имел возможность покинуть Россию. Но не уехал. Мог уехать и после Октябрьской революции, но снова не стал. При большевиках трудился в составе Морской исторической комиссии по обобщению опыта первой мировой войны и боевых действий на море, по ее заданию создал мемуары, где писал и о Мурманске.

Горько, но для того, чтобы не умереть, бывшему адмиралу зимой 1920 года приходилось вместе с другом, еще одним славным сыном России - академиком-кораблестроителем Алексеем Николаевичем Крыловым - подрабатывать пилкой и колкой дров. Позже работал архивариусом Морского архива, преподавал в Высшей школе водного транспорта. Жил впроголодь. Спасали не забывавшие своего адмирала матросы: заносили "гостинцы" - мешок картошки или корабельных сухарей.

Григорович покинул Россию лишь в 1924-м - уже тяжело больной уехал на лечение во Францию. Отказался от положенной ему здесь пенсии. Жил в курортном Ментоне близ Ниццы, где и умер в нищете в марте 1930-го.

Перед смертью Григорович завещал вернуть его прах на родную землю. Через 75 лет после смерти Ивана Константиновича родина вспомнила о нем и исполнила последнюю волю адмирала... Отряд боевых кораблей ЧФ России - ракетный крейсер "Москва" и сторожевик "Пытливый" - в 2005-м доставил его останки в Новороссийск. Когда гроб с прахом адмирала на причале установили на артиллерийский лафет, с борта "Москвы" прогремело 19 пушечных залпов. Самолетом его доставили в Петербург, где траурный кортеж прошел перед зданием Адмиралтейства - последнего места службы русского морского министра. В Александро-Невской лавре прошла панихида, а захоронили прах на Никольском кладбище в семейном склепе, как и завещал покойный.

ИНОГО ПОЛЯ ЯГОДА

Повторюсь, уже по снимку заметно, что сосед Григоровича - Александр Федорович Трепов - совсем иного поля ягода. Это вам не просто дворянин и крупный чиновник, но - собственник. Землевладелец! И не огородом крохотным до октября 17-го владел, но тремя тысячами десятин на солнечной Полтавщине.

Дмитрий КОРЖОВ,
член Союза писателей России.

Окончание следует.

Мурманск закладывали будущие белогвардейцы

Сто страниц истории к 100-летию Мурманска

Окончание.
Начало в номере за 5 октября.

ДВАДЦАТЫЙ МИНИСТР

...Впрочем, юность, как и у Григоровича, у Александра Трепова выдалась в сапогах, правда, не флотская, но армейская. После Пажеского корпуса служил в лейб-гвардии и пехоте. В 1889 году стал помощником статс-секретаря Государственного Совета. Десять лет был предводителем дворянства в Переяславском уезде Полтавской губернии, где как раз и находились его земельные владения. С 1896 - в Госканцелярии. Был помощником статс-секретаря Госсовета, оставаясь чиновником особых поручений при МВД (1889-1892 гг.), камергером (с 1900 г.) и егермейстером (1905 г.). С января 1914-го - член Государственного совета.

В первую мировую - в составе Особого совещания по обороне, руководившего экономической жизнью страны и контролировавшего финансирование оборонных заводов и фабрик. На мурманском снимке он - глава Министерства путей сообщения. Этот пост Трепов занял в октябре 1915-го, став двадцатым министром МПС России. Именно при нем значительно ускорилось строительство Мурманской железной дороги.

МУДРОСТЬ И РАСЧЕТЛИВОСТЬ

10 ноября 1916 года Трепов назначен вместо Штюрмера председателем Совета министров. Интересно, что конкурентом в его борьбе за этот пост был уже знакомый нам сосед по легендарному снимку - адмирал Григорович. Однако Григорович во главе правительства царя не устраивал - слишком уж либерален.

Трепов - другое дело! Закоренелый монархист и собственник, как говорится, правее не бывает. Пламенный реакционер и консерватор. Впрочем, на высоком посту вел себя мудро, расчетливо. Надеясь на поддержку октябристов и националистов, Трепов предполагал расколоть думскую оппозицию, нейтрализовать кадетов. Предложил подобрать кабинет из правых, но - без откровенно одиозных фигур вроде и. о. министра внутрених дел Протопопова. И почти получилось! Но вмешался государь. После убийства Распутина Николай II усилил прораспутинскую группу в правительстве, назначив Протопопова министром внутренних дел и уволив сторонников предсовмина. В знак протеста Трепов ушел в отставку.

После Октября Александр Федорович, что вполне для него естественно, стал одним из лидеров белого движения, пока не эмигрировал во Францию, его неоднократно арестовывала ЧК. В двадцатые - один из руководителей русской эмиграции самого правого, монархического толка. Скончался в 1928 году в Ницце...

"СВЕТИЛЬНИК ВЕРЫ"

Наконец, епископ Нафанаил. Впрочем, он-то в самой церемонии, свидетелями одного из ключевых моментов которой мы с вами являемся, по сути, главное лицо. Ведь происходит не только закладка города, но - закладка нового храма. Не случайно в его окружении на снимке мы видим несколько священников.

Закладка храма на месте будущего города Романова-на-Мурмане.

Епископ чуть склонился к месту закладки, - почти молитвенно, словно вершит великое таинство. Лицо сосредоточенно-серьезно, исполнено пониманием важности совершаемого действа. Последнее очевидно по словам, что произнес епископ в тот день в своей торжественной речи: "Этот Божий храм во имя святителя и Чудотворца Николая, закладку и основание коего церковною молитвою мы освятили в конечном пункте следования железнодорожного пути, в новом граде... есть чудный памятник, венец и завершение гигантского труда, какой верноподданные... по долгу и за совесть вложили и вкладывают в великое строительство... на заре новой трудовой жизни на севере в благословении возникает новый светильник веры и благодати...".

СОГЛАСНО ЗАВЕЩАНИЮ

Нафанаил III, в миру Николай Захарьевич Троицкий, был епископом Архангельским и Холмогорским в 1912-1921 годах, прежде руководил Уфимской и Мензелинской епархией. Один из самых авторитетных иерархов Русской православной церкви, в 1917-1918 годах Нафанаил участвовал в работе Поместного собора, восстановившего патриаршество. В 1918 году возведен в сан архиепископа.

После Октября - безусловный противник Советской власти. Как-никак сподвижник опального патриарха Тихона! В Архангельск после Поместного собора владыка не вернулся, поручив временное управление епархией викарному епископу Пинежскому Павлу. Его привлекли к следствию по делу патриарха Тихона, обвиняли, и, видимо, вполне обоснованно, в связях с архангельским белогвардейским правительством Северной области.

В 1921-м назначен на Харьковскую и Ахтырскую кафедру. Дальше - пора испытаний. В мае 1922-го Нафанаила арестовали и в октябре выслали из Харькова в село Большие Котлы Московской губернии. Спустя два года он был возведен в сан митрополита, вошел в состав Священного синода при патриархе Тихоне. И снова арестован.

В 1927-м управлял Воронежской епархией. В том же году уволен на покой. Скончался в апреле 1933-го. Согласно его завещанию был отпет как мирянин и погребен в селе Акулово (станция Перхушково Белорусской железной дороги) за алтарем Покровского храма.

ИДЕЙНЫЕ УСТРЕМЛЕНИЯ

Главу Архангельской губернии Сергея Дмитриевича Бибикова мы на снимке не видим, вполне возможно, он стоит рядом с владыкой и нам видны лишь его плечо и затылок. Действительный статский советник, совсем скоро, в трагическом для России 1917-м, он станет сенатором. По образованию опять же офицер - окончил Александровское военное училище. До Севера был вице-губернатором на Полтавщине.

На Кольский Север, который был тогда частью Архангельской губернии, приезжал в 1912 и 1913 годах - посещал Трифонов Печенгский монастырь и Терский берег, о жителях которого отзывался очень тепло, с нескрываемой симпатией. Сергей Дмитриевич стал инициатором создания на Мурмане нескольких портов, в частности, на острове Кильдин, в Териберке и Вайда-Губе. Благодаря Бибикову в 1913-м российское Министерство торговли и промышленности выделило тридцать тысяч рублей на проведение здесь изысканий. Его усилия были направлены и на укрепление у нас границы с Норвегией и Финляндией - производилось это с помощью военных кордонов. Много сделал для создания железного пути, связавшего Кольский Север с большой Россией, "мурманки" - стал организатором и председателем санитарно-правовой комиссии по обследованию строительства Мурманской железной дороги.

Горячо поддержал идею создания Мурманска и Мурманского порта. Так что участником закладки главного города Кольского края Сергей Дмитриевич стал не только по должности, но и по идейным устремлениям, собственным представлениям о будущем Русского Севера.

Характерная вещь для эпохи, о которой мы ведем речь: судьба губернатора Бибикова после октябрьского переворота неизвестна. И это, несмотря на столь серьезный пост и высокое положение в дореволюционной табели о рангах.

СМЕРТЬ В ЭМИГРАЦИИ

Сразу за владыкой, вполоборота к нам, по-видимому, Сергей Сергеевич Всеволожский, генерал-лейтенант, потомственный дворянин, представитель древнего русского рода, ведущего свою родословную от самих Рюриковичей. В первую мировую войну - начальник отдела военных сообщений Генерального штаба России, после Октября - в Белой армии. Эмигрировал во Францию, где и скончался, как и Григорович, в 1930 году в Ницце.

Чуть дальше от нас, второй в левом верхнем углу снимка, - вице-адмирал Алексей Петрович Угрюмов, главноначальствующий (особый главнокомандующий) города Архангельска и водного района Белого моря. И, по сути, первый исполняющий обязанности командующего созданной летом 1916-го флотилии Северного Ледовитого океана. Правда, в должности этой Угрюмов пробыл недолго - год с небольшим.

Что вот он в руках держит? Не портсигар же, не сигареты ведь достает... Впрочем, как знать, как знать.

Угрюмова уволили спустя месяц после церемонии, о которой мы ведем речь, - после того, как в порту Архангельска взорвался пароход "Барон Дризен" с грузом взрывчатки. Итог страшный: более тысячи погибших и раненых. Перестав быть главноначальствующим, Угрюмов занял должность председателя Совещания по морским перевозкам.

После Октябрьской революции Алексей Петрович опять же, как и многие другие участники церемонии закладки Мурманска, эмигрировал. Жил в Париже, там и умер, похоронен на знаменитом тамошнем кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.

ПРОТИВНИКИ РЕЖИМА

Я рассказал о главных участниках действа, но на церемонии присутствовали во множестве и чиновники рангом пониже. Скажем, справа от Трепова - начальник работ на Мурманской железной дороге инженер Владимир Васильевич Горячковский. Сотрудники министерств - рангом не ниже товарища министра. Несколько членов Госсовета и депутатов Государственной Думы, включая Андрея Ивановича Шингарева, врача, знаменитого публициста и общественного деятеля, депутата Думы трех созывов, арестованного большевиками почти сразу после Октябрьской революции - в декабре 17-го. В январе следующего Шингарева и другого арестованного вместе с ним депутата Думы - Федора Федоровича Кокошкина - в тюремной больнице пристрелили солдаты. Без суда и следствия. Захотелось - и убили.

Очень показательный момент: почти все упомянутые господа Октябрь не просто не приняли, но стали яростными противниками нового режима. Конечно, с известной долей условности, но можно сказать, что Мурманск основали будущие антисоветчики. Оно, в общем-то, и понятно... Начальство ведь все, причем первостатейное - симпатиям к большевикам откуда тут взяться?

РЕТУШЬ ВРЕМЕНИ

Однако не только начальники пришли в тот день на торжество рождения нового города. Сюда приехали и пришли и жители соседней Колы, прибыли гости и из Архангельска, и из Петербурга, в том числе журналисты центральных печатных изданий. И простые люди. Мы видим их на снимке. Примечательно, что на всех известных мне копиях этого фото в книгах советской поры и Интернете их лица почти не видны, трудноразличимы - словно смыты временем. Современные технологии позволили нам эту проблему, пусть лишь отчасти, но решить. Копия, которую вы видите в газете, самая точная, наиболее читаемая из всех существующих.

И словно преобразилось фото. И лица стали видны! И настроение, и погода - все обозначилось намного четче и определеннее, стало явным. Проявилось то, что было доселе скрыто за ретушью времени.

Все без головных уборов, хоть день был, судя по снежной крошке на одежде и поднятым воротникам, студеный и ветреный, неласковый. Большинство напряженно следит за происходящим. В основном, естественно, мужчины, но есть и женщины. Большинство - активного возраста, от двадцати до сорока. Стариков нет вовсе. На удивление много детей - видимо, ребятишки строителей "мурманки", и - из окрестных поселков, из Колы в первую очередь. Интересный момент: часть публики в правом углу снимка смотрит не на епископа, а в сторону, за пределы фото. Что привлекло их внимание там, мы никогда уже не узнаем...

Конечно, термин "белогвардейцы", вынесенный в заголовок, насквозь условен. Все герои этого материала не были белогвардейцами в научно-историческом смысле, просто так уж у нас сформирован стандарт восприятия - те, кто не принял советскую власть - либо белогвардейцы, либо бандиты. Не в терминах дело, а в том, что великая трагедия гражданской войны сделала врагами многих настоящих патриотов России.

Простые, обычные люди... Первые мурманцы. Что стало с ними после катастрофы, после гибели империи, в эпоху революций и войн, накануне которой сделан этот хрестоматийный снимок? Кто знает... Одно ясно: жизнь их скоро разломится на две части - до и после Октября, многих сделает врагами, разведет по разные стороны баррикады, приневолит под разные знамена. Но это уже совсем другая история. И России. И Мурманска...

Дмитрий КОРЖОВ,
член Союза писателей России.

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

ГОНКА преследования образца 1943 года

В номере «Вечернего Мурманска» от 10 ноября мы рассказали о создании в 1941 году партизанской базы в Сальных тундрах и том, как спустя 70 лет, в 2012 году, предпринимались попытки ее разыскать. Тогда мы пообещали рассказать о драматических событиях, приведших к расконсервированию партизанских запасов.

Надо заметить, что в 2012 году и позднее изучение спецопераций пограничников, партизан и разведчиков на Кольском полуострове в годы войны шло сразу по нескольким направлениям. В том числе изучались документы в архиве управления ФСБ по Мурманской области, в Государственном архиве Мурманской области (ГАМО). Соединить разрозненные данные удалось гораздо позднее, когда совместными усилиями исследователей на свет появилась книга «Фронт без линии фронта». И вот тогда в судьбе партизанских схронов в Сальных тундрах кое-что прояснилось.

Радист И. Борисов и шифровальщик М. Павлов из отряда «Большевик Заполярья». Фото 1942 года.

В помощь летчикам

Напомним, что в августе–сентябре 1941 года в Сальных тундрах была заложена партизанская база с запасом продуктов и амуниции. Но затем ситуация на фронте изменилась настолько, что данный склад оказался в нашем глубоком тылу. Партизанские отряды «Большевик Заполярья» и «Советский Мурман» действовали гораздо западнее. Казалось, что о богатых ресурсах Сальных тундр забыли.

Вспомнил о них противник. В 1943 году диверсионная группа финских пограничников проложила свой маршрут в наш тыл прямо через эти дремучие места. Зачем? Что искали в тех краях сыны Страны Суоми? Тут придется немножко отступить от нашего повествования. Перенесемся ненадолго в Мурманск.

Здесь с января 1942 года порт начинает активно принимать арктические конвои. В Мурманске ценный груз перегружался и потом по железной дороге доставлялся адресатам. Поначалу немцы не воспринимали всерьез мурманский транспортный узел, но к марту 1942 года их мнение изменилось. Начались систематические бомбардировки порта и прилегающей к нему территории. Апогеем их стало лето 1942-го, когда в результате нескольких налетов центральная часть города и Жилстрой практически перестали существовать. Лишь на проспекте Сталина уцелели каменные дома. Они возвышались над черным пепелищем, создавая сюрреалистическую картину. Но цели бомбардировки не достигли. Да, жилфонд перестал существовать, но людей пострадало относительно немного. Мурманчане буквально вгрызались в землю, строя землянки, обживая подвалы пепелищ и каменных домов. И порт продолжал обслуживать суда, а железная дорога – перевозить грузы. Итогом же активности немецкой авиации стало резкое усиление ПВО Мурманска. Уже к 1943 году стало ясно, что авиаудары по городу бесполезны.

Уже после войны стало известно, что партизаны Смирнова преследовали не кого-нибудь, а спецотряд Генерального штаба финской армии, в котором специально для этого похода собрали лучших лыжников Страны Суоми. Так что в гонке преследования у парней Смирнова шансов было изначально мало, и не допустить диверсий на Кировской железной дороге помогла скоординированная работа многих подразделений.

Немецкие партизаны

И тогда немецкое командования решило применить другую систему. Еще в начале 1942 года на Север была переброшена 15-я рота полка «Бранденбург-800» – специального диверсионно-разведывательного подразделения. Здесь под руководством финских инструкторов немцы прошли подготовку по выживанию в тундре. Очевидно, что весной 1942 года противник планировал использовать диверсантов одновременно с авианалетами на Мурманск. Но первая же серьезная операция 15-й роты, усиленной финскими солдатами, провалилась. Большой – до трех тысяч человек – отряд нарвался на ожесточенное сопротивление 997 пограничников 82-го полка погранохраны НКВД СССР. В результате пятидневных боев на реке Лотте финны с немцами откатились назад. Командование полка «Бранденбург-800» сочло эту акцию провальной. 108 «бранденбургцев» отправились на фронт гнить в окопах, а их командир лейтенант **Тромсдорф** навсегда покинул это элитное подразделение с формулировкой «по состоянию здоровья».

Лишившись на этом этапе поддержки диверсантов, люфтваффе пришлось самим решать проблему Мурманска. Но кроме гигантского пожара 18 июня 1942 года летчики ничего добиться не сумели. И немецкое командование снова вспомнило о «бранденбургцах». В августе 1942 года они вернулись на Кольский полуостров и вот тут по-настоящему показали, на что способны. Используя многочисленные ручьи, реки и озера южной части Мурманской области, 90 диверсантов на байдарках прошли 160 километров и вышли к перегону между станциями Жемчужная и Ковда, где в ночь на 13 августа взорвали три железнодорожных моста.

Признать провал теперь уже пришлось советской стороне. Разведка ничего не знала о движении диверсантов в своем тылу, а охрана не смогла обеспечить безопасность вверенных ей объектов.

При отходе немцы понесли незначительные потери, но вынуждены были бросить все свое оборудование. Говорят, что диверсионный отряд лично встречал с задания командующий немецкими частями в финской Лапландии генерал-полковник **Дитль**. Первая его фраза звучала в переводе на русский язык так: «Я поздравляю вас, мои немецкие партизаны!».

На какое-то время Кировская железная дорога перестала функционировать. Немцы торжествовали! Но недолго. В условиях военного времени мосты восстанавливали очень быстро.

Уже 30 августа 1942 года по железной дороге из Беломорска в Мурманск проехал командующий Карельским фронтом. Заодно он и проверил состояние восстановленных мостов в районе Ковдозера.

Кто кого?

Проводить часто диверсионные операции подобного масштаба невозможно. Поэтому следующий поход был запланирован немцами на февраль 1943 года. Судя по всему, наша разведка снова ничего про него не знала, но учла уроки августовского провала. В частности, была не только усилена охрана железной дороги, но и взята под контроль прилегающая территория. Зимой вокруг населенных пунктов прокладывалась контрольная лыжня, а в небе висели самолеты. Правда, в условиях полярной ночи авиация была не всегда эффективна. Оставалось полагаться на людей.

17 февраля 1943 года в очередной поход вышел партизанский отряд «Большевик Заполярья». Через три дня высланная вперед разведка наткнулась на хорошо укатанную лыжню. По ней и по другим следам определили, что в наш тыл прошел отряд численностью не менее 60 человек. Лыжня вела в сторону Сальных тундр, за которыми находился Мончегорск, а еще чуть далее – Кировская железная дорога. Это было уже очень серьезно. Планы на предстоящий поход были мгновенно забыты. Командир отряда **Александр Смирнов**, доложив наверх о сложившейся ситуации, бросился в погоню. И началась беспримерная гонка преследования, призом в которой были сотни человеческих жизней.

Сводный немецко-финский отряд шел налегке – груз не более 20 килограммов на человека, максимум 30. Пройдя 15–20 километров, диверсанты делали привал: готовили пищу на газовых горелках, после чего отправлялись в теплые спальники. У партизан груз был 50 кг на человека, спали на снегу, про газовые горелки вообще ничего не знали, а костры по привычке не разжигали. Противник минировал лыжню, но наши про эти хитрости знали. Противник делал тайники на обратный путь, мурманчане их находили.

Тем временем поднятая Смирновым тревога подняла на ноги сотни людей. Район предполагаемой диверсии был надежно перекрыт, на пути организовано несколько засад. Из Мончегорска навстречу диверсантам выдвинулся истребительный отряд. Видимо, все это движение заметили немецкие летчики. И командование противника, поняв, что задачу, скорее всего, выполнить не удастся, решило вернуть своих людей обратно. Но это было легче сказать, чем сделать. Казалось, что диверсантам деваться некуда. Сзади их гнал Смирнов и присоединившиеся к нему пограничники. Впереди ждали мончегорцы. Но противника выручил… допинг. Да, да, тот самый. У каждого диверсанта в рюкзаке был препарат перветин. И вот наевшись этой химии, немцы с финнами рванули так, что и партизаны, и пограничники увидели лишь снежную пыль.

Александр Смирнов. 1975 год.

И, видимо, именно в этот момент Смирнов приказал оставить часть снаряжения и налегке броситься за беглецами. Расчет партизанского вожака был на пополнение запасов со склада в Сальных тундрах. И, возможно, с другим противником этот расчет оказался бы верен, но про перветин Смирнов ничего не знал.

Уже после войны стало известно, что партизаны Смирнова преследовали не кого-нибудь, а спецотряд Генерального штаба финской армии, в котором специально для этого похода собрали лучших лыжников Страны Суоми. Так что в гонке преследования у парней Смирнова шансов было изначально мало, и не допустить диверсий на Кировской железной дороге помогла скоординированная работа многих подразделений.

Немецкие диверсанты в форме бойцов РККА.

Андрей КИРОШКО. kiroshko@vmnews.ru
Фото из открытых Интернет-источников.

ИСТОРИЯ ОДНОГО ВОСКРЕСЕНЬЯ

Повестку каждому призывнику вручали лично в руки. Под особую охрану брались стратегические объекты. А ближе к вечеру началась первая бомбежка… Каким был этот день, 22 июня 1941 года, в Мурманске? Судя по всему, жители города хоть и были оглушены известием о вероломном нападении фашистской Германии, но самообладания не потеряли.

Призывники Мурманска у дома, где размещался военкомат. Лето 1941 года.

Ночь без сна

Начало июня 1941 года в Мурманске выдалось холодным. Вплоть до 10 числа отмечались заморозки, а днем температура не поднималась выше восьми градусов. В середине месяца на несколько дней потеплело, но уже в ночь на 22 июня столбик термометра не дотягивал и до +4 градусов.

В городе первыми о войне узнали военные. В 2 часа ночи начальник 1-й части областного военкомата (его фамилии не осталось в архивных документах) был вызван в штаб 14-й армии, который тогда находился в Мурманске, и получил приказ собрать весь личный состав областного и районных военкоматов, чтобы ждать дальнейших указаний. Через два часа его снова вызвали в штаб, где и сообщили, пока неофициально, о начале войны. После этого областной военкомат приступил к подготовке к мобилизации.

Но официальной информации не было еще долго. Зато по городу уже циркулировали слухи о начале войны, которые окончательно развеялись после выступления по радио наркома иностранных дел **Вячеслава Молотова**. Сразу после этого выступления в Мурманской области были объявлены большие учебные сборы (БУС). Это позволило начать собирать людей гораздо раньше официального старта мобилизации. Когда в 18.00 22 июня пришла объявляющая ее телеграмма, в городе вовсю уже кипела работа. Правда, в этом отношении Мурманск мало отличался от других городов СССР. Дело в том, что БУС летом 1941 года были запланированы еще годом ранее. И на местах просто воспользовались такими планами как предлогом для сбора призывников. Благодаря этому мобилизационные мероприятия стартовали на 12 часов раньше: официально мобилизация началась в 0.01 23 июня.

Стоит еще отметить, что все приказы в этот день доставлялись нарочными, хотя обычно они просто вывешивались для ознакомления. И все до единого мурманские призывники получили повестки персонально.

Лошадей хватает, людей тоже

Укомплектованность воинских частей, расквартированных в Мурманской области, к началу войны была очень разной. Так, части 14-й и 52-й стрелковых дивизий, которые в скором времени станут главными ударными соединениями на Мурманском направлении, имели почти полный штатный состав. Например, 14-я дивизия была на 93% укомплектована офицерами, на 97% – рядовыми и сержантами. У 52-й стрелковой дивизии эти цифры соответственно были 89 и 98%. Части 23-го укрепрайона, дислоцированные на полуостровах Средний и Рыбачий, были укомплектованы соответственно на 97 и 87%. Тогда как полевое управление 14-й армии испытывало значительный недостаток кадров – там не хватало 38% офицеров и четверти рядовых и сержантов да еще и 35% лошадей (остальные подразделения конным составом были укомплектованы полностью). Плохо дело обстояло и с автомобилями. Лишь 14-я стрелковая дивизия имела 82% нужного транспорта, в остальных частях дела обстояли намного хуже.

Однако, думается, даже 100% укомплектованность автотранспортом в нашей местности не позволила бы справиться с грузопотоком. Ведь на некоторых участках работать не могли даже лошади. Это отлично понимал командующий 14-й армией генерал **Валериан Фролов**. Поэтому сразу после советско-финляндской войны он начал формирование оленьих транспортов, которые сыграют выдающуюся роль в ходе Великой Отечественной войны. К июню 1941 года были не только полностью отработаны действия рогатого транспорта, но даже составлено штатное расписание.

Поездка на Тулому

За три дня до начала войны в Мурманск приезжал командующий Ленинградским военным округом генерал **Маркиан Попов**. Вместе с первым секретарем Мурманского обкома партии **Максимом Старостиным** и генералом Фроловым они обсудили ситуацию на границе обла-

Танкисты Т-26 на Мурманском направлении.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ПОЛЯРНАЯ ПРАВДА

ОРГАН МУРМАНСКОГО ОБКОМА И ГОРКОМА ВКП(б) И ОБЛАСТНОГО СОВЕТА ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ

Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами.

Выступление по радио Заместителя Председателя Совета Народных Комиссаров Союза ССР и Народного Комиссара Иностранных Дел В. М. МОЛОТОВА

22 июня 1941 года

Граждане и гражданки Советского Союза!

Советское правительство и его глава товарищ Сталин поручили мне сделать следующее заявление:

Сегодня, в 4 часа утра, без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны, германские войска напали на нашу страну, атаковали наши границы во многих местах и подвергли бомбежке со своих самолетов наши города — Житомир, Киев, Севастополь, Каунас и некоторые другие, причем убито и ранено более 200 человек. Налеты вражеских самолетов и артиллерийский обстрел были совершены также с румынской и финляндской территорий.

Это беспрецедентное нападение на нашу страну яв-

и провокацией является вся сегодняшняя декларация Гитлера, пытающегося задним числом состряпать обвинительный материал насчет несоблюдения Советским Союзом советско-германского пакта.

Теперь, когда нападение на Советский Союз уже совершилось, Советским правительством дан нашим войскам приказ — отбить разбойничье нападение и изгнать германские войска с территории нашей родины.

Эта война навязана нам не германским народом, не германскими рабочими, крестьянами и интеллигенцией, страдания которых мы хорошо понимаем, а кликой кровожадных фашистских правителей Германии, поработивших французов, чехов, поляков

Номер «Полярной правды» за 23 июня 1941 года с речью В. М. Молотова о начале войны.

Переход границы СССР германскими войсками.

На фронт!

Один из многочисленных плакатов начального периода войны.

сти с Финляндией. Было отмечено, что в пограничной полосе сосредоточиваются финские войска, а на север Норвегии перебрасываются части фашистской Германии и там ведутся военно-инженерные работы. Начиная с мая участились случаи нарушения финнами наших сухопутной и воздушной границ. Возможно, многие к тому времени понимали, что война не за горами, но, связанные приказом Сталина не поддаваться на провокации, начать всерьез готовиться к ней не могли.

В субботу, 21 июня, работники обкома партии с семьями отправились на катере вверх по реке Туломе на природу, благо было тепло и солнечно. Поехал с ними и Максим Старостин. Возвратиться должны были в воскресенье. О том, что было дальше, в своем дневнике рассказал сам первый секретарь Мурманского обкома партии:

«В четвертом часу утра (22 июня) показался и причалил к нам наш пограничный катер. Мне сообщили, что срочно вызывают в обком ВКП(б). Поскольку мотивы срочного вызова не были ясны, то я с женой и сыном, а также с некоторыми товарищами пошел на катере в Мурманск, а остальным разрешил остаться. Договорились с ними, что в случае необходимости пришлю за ними катер.

Приехав в обком партии, выяснил, кто и откуда звонил. Позвонил в ЦК ВКП(б) и узнал, что фашистская Германия без объявления войны напала на нашу Родину. Фашистские самолеты бомбят наши приграничные города. Поехал домой перекусить. В городе спокойно – население спит мирным сном и не знает, что уже началась война».

Репетиция войны

К началу Великой Отечественной войны Мурманск был одним из немногих в СССР, имевших опыт существования в статусе прифронтового города – во время советско-финляндской войны. Опубликованные документы Государственного архива Мурманской области свидетельствуют, что первые серьезные шаги по организации работы партийных, советских и хозяйственных органов в условиях военных действий начались еще раньше. Сразу после получения известия о нападении Германии на Польшу, в ночь с 1 на 2 сентября 1939 года, Старостин в рамках своих полномочий провел ряд мероприятий, направленных на обеспечение безопасности стратегических объектов, например, Туломской ГЭС. Усилилась военная подготовка гражданского населения.

Максим Иванович действовал весьма решительно. Например, для перевозки воинских частей, продовольствия и боеприпасов в точки обороны он использовал свободные торговые суда, даже не согласовав свои действия с их собственниками. Объяснял просто: мол, хозяева пароходов сидят в Архангельске и Ленинграде, в Мурманске их представителей нет, стало быть, и согласовывать не с кем. Причем на свои действия Старостин разрешения не спрашивал даже у Москвы. Лишь только когда все было закончено, он обстоятельно доложил обо всем секретарю Центрального комитета ВКП(б) **Георгию Маленкову**.

Таким образом, первые шаги власти, необходимые в начальный период войны, в Мурманске и области были уже отрепетированы. И в конце июня 1941 года работа шла если и не в штатном режиме, то спокойно и уверенно. Каждый знал, что надо делать. Были, конечно, и исключительные случаи. Так, например, застрелился из личного оружия один из депутатов Мурманского горсовета. Но таких неуравновешенных людей было немного, и их постарались эвакуировать одними из первых. Кстати, именно эвакуация населения и предприятий стала, пожалуй, главным испытанием для власти в начальный период войны, потому что изначально она вообще не была предусмотрена ни одним из документов. Основная нагрузка по ее организации легла на плечи председателей облисполкомов и руководителей предприятий. Армия и флот помогали мало – в это время (июнь – сентябрь 1941 года) у них своих забот было выше крыши. Но 22 июня об эвакуации еще никто не думал. Тогда многим казалось, что война будет недолгой.

Хроника дня

Снова обратимся к дневнику Старостина за 22 июня 1941 года:

*«Говорил с **А. В. Тупиковым** и просил дать по радио закодированное указание всем траулерам и мотоботам рыболовного флота, находящимся на промысле и имеющим достаточный запас топлива, следовать в Архангельск.*

*Звонил командующему Северным флотом контр-адмиралу **А. Г. Головко** и говорил с ним по телефону. Он сообщил мне, что получил от Главкома ВМФ адмирала **Н. Г. Кузнецова** приказание перевести флот в боевую готовность № 1 и по самолетам-нарушителям границы открывать огонь.*

В районе Полярного самолетами-нарушителями были сброшены авиабомбы. Самолеты отогнаны. Выполняем также указание не ввязываться в бой с финскими самолетами и судами, дабы не спровоцировать выступление финских войск на стороне Германии.

Просил А. Г. Головко прикрыть с воздуха или сопроводить морем рыболовные траулеры и другие суда, которым дано указание следовать в г. Архангельск. А. Г. Головко ответил отказом, заявив, что прикрыть их не может. Рискуем, но другого выхода нет, отправляем суда без защиты прикрытием.

*Поздно вечером звонил секретарь Кандалакшского горкома ВКП(б) **Г. В. Елисеев**: доложил, что вернулся из поездки с комиссией по приемке железнодорожной ветки Пинозеро – Ковдор, о работе горкома в первый день войны и просил указаний. Сказал ему, чтобы держали тесную связь со штабом стрелкового корпуса и о важных вопросах срочно докладывали лично мне.*

Сегодня были первые налеты немецкой авиации на Мурманск. Видел, как они плохо умеют бомбить: все бомбы легли в залив».

Так прошел день 22 июня 1941 года в Мурманске. Если не считать того ошеломляющего впечатления, которое произвело на людей известие о начале войны и бомбардировка Мурманска, в городе было спокойно. Большинство мурманчан в тот день еще не понимали, что случилось. Тогда никто и представить не мог, какими трудными и страшными будут следующие четыре года.

Андрей КИРОШКО.
kiroshko@vmnews.ru

Использованы материалы и фотографии Государственного архива Мурманской области, Мурманской государственной областной универсальной научной библиотеки.

К ТЕМЕ

Никакой самодеятельности!

В начале войны помимо стратегических вопросов обороны и мобилизации руководство Мурманска должно было решать обычные текущие проблемы. Многие из них в условиях военного времени приобрели особую остроту. Возьмем для примера сферу здравоохранения.

24 июня 1941 года в хирургическом корпусе городской больницы ломается бойлер. Врачи и пациенты, причем не только в самой больнице, но еще и в роддоме, остались без горячей воды. Своими силами технический персонал медучреждения справиться с поломкой не смог и обратился за помощью в облисполком. Раненые в мурманские больницы начнут поступать лишь через пять дней (29 июня начались боевые действия на Кольском полуострове), но такой уж была особенность советской системы – даже мелкий в общем вопрос должна была решать высшая власть региона.

7 августа 1941 года заведующий областным здравотделом **Свердлов** выпускает распоряжение: «Обеспечить дежурных санитарок 2-й больницы бесплатным питанием за счет местного бюджета». При этом врачи и прочий медперсонал кормятся за свой счет. Хорошее вроде дело – проявить заботу о людях, которым досталась самая грязная работа и самая маленькая зарплата. И которые сутками не уходят домой. Но тут на дыбы встал главный финансист области **Родионов**. Распоряжение Свердлова незаконно, заявил он, постольку такие вопросы, как питание медперсонала 2-й больницы, имеет право решать… только правительство страны. Мне не известно, как в итоге решился этот вопрос. Хочется надеяться, что санитаркам оставили небольшую, но важную привилегию.

В июле 1941-го в Мурманске шло активное развертывание госпиталей. Для полноценного их функционирования не хватало порой самых простых вещей. Например, мешков и мужского белья. «Доставалой» в этом случае стал не кто иной, как председатель облисполкома **С. Берлин**. Он обратился в трест «Арктикуголь», где и выдали медикам 1000 мешков и еще некоторое количество белого нательного белья.

И такие ситуации возникали постоянно в десятках организаций и учреждений. Лишенные самостоятельности, не имеющие права даже распоряжаться доходами своих предприятий и учреждений, руководители вынуждены были перекладывать многие даже чисто хозяйственные вопросы на плечи областного и городского руководства. И последним приходилось очень непросто.

Горные егеря на марше за день до атаки Титовки (28 июня 1941 года).

ЗА ОКНОМ – ВЕСНА И МИРНАЯ ЖИЗНЬ

«Весна стучится в дверь. Но дверь у начальника Беляева окована железом. Весна заглядывает в окно, но Беляев сидит к нему спиной» – так начинается одна из статей «Полярной правды» за конец марта 1945 года. И этот легкий юмор, и критическая суть материала тоже примета времени, как и сама весна. Мурманчане наконец дождались, когда главная газета области начнет писать об этой самой области.

В таком виде встретил победу ДК имени С. М. Кирова.

Один лист – одна газета

На протяжении трех первых лет войны искать на газетных полосах информацию о жизни Мурманска да и всего Кольского полуострова – дело неблагодарное. Главным образом публиковались сводки с фронтов, много места выделялось под патриотические, агитационные статьи. Да и сама «Полярная правда» больше напоминала листовку. Один лист формата А2 – вот и вся газета.

Но весной 1945-го победа близка, она уже не за горами. Это понятно всем, и идеология отступает. Пусть чуть-чуть, но все же этого хватает, чтобы мурманчане узнали, что начальнику Беляеву нужно вывозить на поля навоз, а он ничего не делает. И до него невозможно достучаться не только весне, но даже корреспонденту «Полярки». Что начался 11-й Праздник Севера, и в эстафете 4 х 5 километров победу одержала вторая смешанная сборная Москвы и Ленинграда. Что в доме № 13 на улице Ленина два смежных подъезда имеют одинаковую нумерацию квартир, отчего происходит путаница при вручении корреспонденции. И вообще, в городе множество домов на одной улице имеют один и тот же номер. Обычные, мирные проблемы понемногу вытесняют из сознания людей войну и все, что с ней связано.

Учителя и депутаты

В начале января 1945 года в Мурманске живо обсуждали награждение большой группы учителей. Особое внимание «Полярная правда» уделила директору 2-й школы **Лидии Антроповой**, получившей орден Ленина. Из-за частокола трескучих, пафосных фраз понять, за что наградили Лидию Федоровну, невозможно. Но награду такого уровня просто так не давали. Фото педагога в окружении учениц младших классов – на первой полосе рядом со сводкой Совинформбюро. Такого же внимания удостоен учитель **А. Преображенский**, награжденный орденом Трудового Красного Знамени. Его жизни и работе посвящена отдельная статья, написанная одним из самых ярких журналистов Заполярья **Раисой Троянкер**.

В школах в дни каникул устраивались вечера самодеятельности. Например, такой концерт был устроен во 2-й женской школе. После выступлений с ребятами встретился **Евгений Бройдо** – будущий председатель Мурманской областной организации Союза журналистов СССР. Но тогда, в январе 1945 года, Евгению всего 22 года, он боец Гвардейского разведывательного артиллерийского дивизиона 104-го артиллерийского полка, имеет боевые награды и вряд ли догадывается о своей будущей судьбе.

В первом полугодии 1945-го «Полярка» немало пишет о неприглядном состоянии мурманских улиц и дворов. Горы строительного мусора, переполненные помойные ямы, уличные уборные, обшарпанные, грязные фасады домов – картина действительно тоскливая. Но городские власти в тот момент волновали другие вопросы, например, решение государственных задач по рыбодобыче.

Однако в начале января прошла сессия Мурманского горсовета. Из доклада председателя исполкома Мурманского горсовета **Александра Кольцова** становится ясно, что в 1944–1945 годах райисполкомы почти не привлекали депутатов к работе. В трудные два первых года войны народные избранники делали очень много, а когда же ситуация стала полегче, от их помощи, по сути, отказались. И вот теперь, когда война подходила к концу, о них опять вспомнили. Город надо восстанавливать, убирать грязь, а сделать это лишь силами городских служб не удастся. Нужен порыв всего населения. Короче, организуйте нам связь с массами. В виде субботника, а лучше еще и воскресника. Бесплатно, разумеется. Вы же коммунисты!

Хочу свой дом

И все же разрушенный город надо было сначала восстанавливать, а уже потом думать о чистоте улиц и дворов. Строительные профессии становятся очень популярными. «Полярная правда» призывает всех дополнительно к имеющейся специальности освоить и какую-либо строительную. Интересный факт – власти поощряли возведение частных домов. Если человек хотел построить собственное жилье, то ему необходимо было с заявлением обратиться на свое предприятие, которое помогало получить стройматериалы и ссуду в банке на 10 лет. Никакого проекта постройки не требовалось. Будущий хозяин сам решал, каким будет его жилище и уровень удобств в нем. «Полярка» охотно подсказывает людям все этапы получения разрешений. Городу это было выгодно – человеку надо было лишь помочь со стройматериалами, их доставкой к месту стройки, а дальше собственник уже сам принимался за дело. Главное, что строителя и его семью исключали из списков очередников на жилье.

Раиса Троянкер пережила победу всего на 7 месяцев, скончавшись в декабре 1945 года в возрасте 36 лет.

Рыбакам про рыбаков

После трехлетнего перерыва в Мурманске вновь начал работать драмтеатр. Весной 1945 года он находится в здании ДК моряков, которое специально для этого отремонтировано одним из первых в городе. Первой постановкой, которую мурманчане увидели после длительного антракта, стала комедия «Горе от ума». Военная тема была представлена спектаклем «Так и будет» **Константина Симонова**. Героико-романтическая драма нанизана на жесткий каркас имущественного конфликта, а точнее, пресловутого квартирного вопроса. При этом с удивительно добрым сюжетом и счастливым финалом. Для детей подготовили «Хрустальный башмачок» **Тамары Габбе**, для рыбаков – комедию **Гольдони** «Рыбаки», для любителей классики – «Без вины виноватые» **Островского**.

Незадолго до открытия театра мурманские почитатели высокого искусства могли присутствовать на концертах Ленинградской филармонии, приехавшей с гастролями в Мурманск. Особым успехом пользовался джаз под руководством гитариста **Б. Градского**. В общем, культурная жизнь тоже налаживалась.

По довоенным лекалам

Лишь в апреле 1945 года появляется постановление Мурманского исполкома о благоустройстве города. Пожалуй, самым важным пунктом в документе является положение о запрете посадки картофеля и других овощей в скверах и на газонах Мурманска. Взамен власти выделяли собственникам участки земли в других частях города. Уже к 1 июня планировалось привести в порядок номерные знаки домов, фонари, флагодержатели, номера подъездов и квартир. К этому же сроку надо было отремонтировать ларьки, киоски, павильоны, витрины, а негодные или не подлежащие ремонту – снести. К 15 июня должны были обновиться тротуары, лестницы, заборы, ворота и уличные урны. К 1 сентября хотели закончить ремонт фасадов и благоустройство и озеленение дворовых территорий.

Из всего вышеперечисленного в городе только огороды убрали. Все остальное так и осталось в планах. В конце мая 1945-го «Полярка» вышла с разгромной статьей, посвященной чистоте, точнее ее отсутствию, в Мурманске. Но, несмотря на массу критических стрел, выпущенных в райисполкомы, журналист вынужден был признать: стройматериалов нет, инструментов не хватает. Из-за этого даже субботники не могли спасти положение. Люди приходили, но вооружить их на борьбу с грязью часто было нечем. Проще было на промышленных предприятиях, где были свои инструменты и материалы.

В мае 1945-го жизнь в Мурманске вновь вошла в мирное русло. Но город жил по довоенным лекалам – дома строились также без воды и канализации, очереди вились длинными хвостами, под ногами хлюпала грязь, а из дворов тянулись запахи уборной, подгоревшего масла, кипяченого белья и черт-те чего еще. Правда, уже создавались планы нового города. Но об этом – в другой раз.

Немецкие пленные на проспекте Сталина. Весна 1945 год.

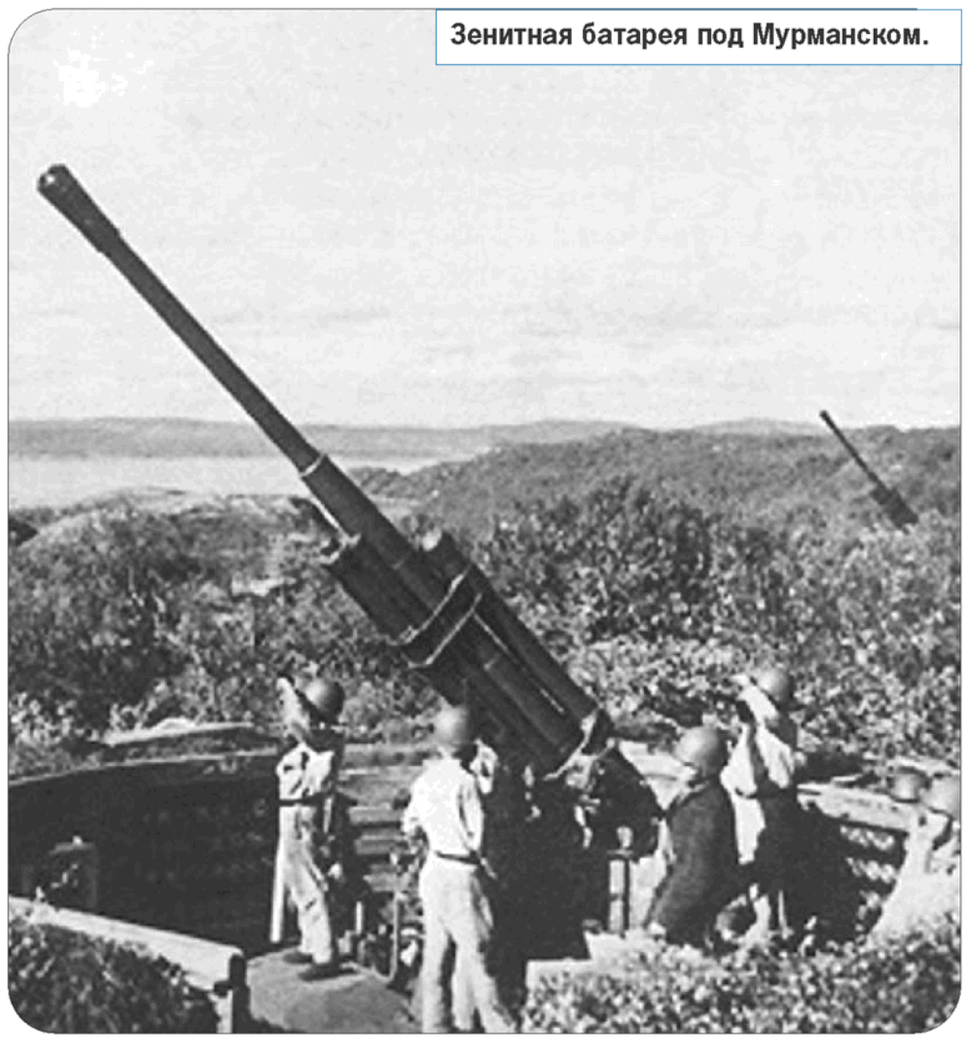
Андрей КИРОШКО. kiroshko@vmnews.ru
Фото из открытых Интернет-источников.

Загадки июня 1942-го

Мурманские пожарные тушат очередной пожар.

Почему Мурманск безнаказанно бомбили и сколько погибло людей?

«Вечерка» продолжает серию публикаций о событиях, прямо или косвенно связанных с самым страшным днем в истории нашего города – 18 июня 1942 года. Напомним, что в этот день в результате бомбардировки Мурманск почти полностью сгорел. Наша газета уже не раз возвращалась к этой теме, используя данные архивов и воспоминания очевидцев. Но многое еще остается неясным. Сегодня мы попытаемся пролить свет на несколько загадок июня 1942-го.

Зенитная батарея под Мурманском.

ЖИВЫЕ О МЕРТВЫХ

Сколько жителей города погибло в тот страшный день 18 июня? В документах Государственного архива Мурманской области (ГАМО) на этот счет данных нет. Там есть лишь сведения о погибших за весь июнь 1942 года – 163 человека. Но сегодня мы наконец можем привести более точные данные.

Работники Мурманского загса по просьбе «Вечернего Мурманска» подняли свой архив 75-летней давности.

– Мы обязаны 100 лет хранить документы, в частности, свидетельства о смерти, – говорит директор отдела ЗАГС администрации города Мурманска **Ольга Гордиенко**. – Только по прошествии этого срока мы передаем дела в областной архив.

Сразу скажем, что сведения из загса не дают однозначного ответа на вопрос о количестве жертв страшной бомбардировки города 18 июня 1942 года. Почему? Потому что в этот день городским статистикам было не до работы. Она для них закончилась около 12 часов дня, после того как первый раз прозвучала воздушная тревога. Люди укрылись в бомбоубежищах и щелях и покидали их лишь на короткое время, главным образом для того, чтобы принять участие в тушении пожаров и спасении имущества. Ничем другим нельзя объяснить тот факт, что 18 июня 1942 года в Мурманске было выдано лишь одно свидетельство о смерти.

По всей видимости, полноценная работа (хотя какая она полноценная, когда помещение загса сгорело и у его сотрудников не было даже стульев и столов) началась только на следующий день. 19 июня было выписано 3 свидетельства о смерти, а еще 14 – на следующий день. 21 июня было воскресенье, загс не работал. В понедельник, 22 июня, было выдано три свидетельства. К этому времени, надо полагать, мурманчане уже пришли в себя, проверили, все ли соседи вернулись домой, а если кого не было, то начинали искать. И довольно быстро находили. Ведь обрушений каменных домов в городе не было, а разбросать пожарище даже большого, но деревянного здания, можно сравнительно быстро. Кстати, пропавших без вести в этот период в Мурманске не значится. Стало быть, скорбный баланс живых и мертвых полностью сошелся. Однако останки погибших 18 июня могли находить позднее и выдавать свидетельства в другие даты.

Поэтому, видимо, точной цифры погибших в четверг, 18 июня 1942 года, сегодня установить невозможно. Лишь только когда документы из Мурманского загса отправят в областной архив (а произойдет это в 2042 году) и с них будет снят гриф «Секретно», можно будет привести более точные сведения.

Примерно 35 000 человек

насчитывало население Мурманска летом 1942-го. Всего, по данным мурманской милиции, в Кировском районе Мурманска, который и принял на себя главный бомбовый удар 18 июня 1942 года, проживало 15 885 человек, в том числе военнослужащих – 2500, детей до 16 лет – 1274, больных и стариков – 590.

СТАЛИНСКИЕ СОКОЛЫ...

Еще один вопрос, на который до сих пор не было исчерпывающего ответа, касается действия нашей авиации. Почему советские летчики позволили безнаказанно бомбить город в течение целого дня? Ведь Мурманск с воздуха прикрывали 122-я дивизия ПВО и истребители Северного флота. Совместными усилиями 18 июня они сбили один самолет противника.

Мурманчанин **Юрий Рыбин** посвятил изучению действий авиации на Севере многие годы, работал в архивах, переписывался и встречался с непосредственными участниками тех событий. В статье «Черный день Мурманска», посвященной событиям 18 июня 1942 года, он пишет: «К сожалению, в этот сложный для нас период воздушного противостояния в небе Кольского Заполярья, когда явное качественное превосходство в технике было на стороне противника, при появлении больших групп «мессершмиттов» многие советские истребители даже и не пыталась отразить налет, предпочитая уйти под защиту заградительного огня своих зенитных батарей, расположенных на сопках вокруг города. Такой «тактический прием» летом 1942 года в районе Мурманска применялся довольно часто».

В другой работе – «Безмоторная авиация» – Рыбин указывает, что именно летом 1942-го ВВС Северного флота и Карельского фронта оказались в самом тяжелом положении за весь период войны в Заполярье. С каждым новым летним днем все меньше истребителей могли подняться в воздух.

Причиной этому стала ситуация с импортными моторами для английских истребителей «харрикейн» и других самолетов, поставляемых в СССР союзниками. Такие самолеты как раз и были на вооружении истребительных полков в Заполярье. По мнению Юрия Рыбина, ненадежная работа импортных моторов, высокая аварийность, массовые поломки, большое количество простаивавших неисправных самолетов, породивших миф о «безмоторной авиации» союзников, – всего лишь следствие. А главными причинами стали дефицит необходимого для этой техники топлива и недопустимо низкая культура ее использования. Например, моторы «харрикейнов» заправляли отечественным бензином с более низким, чем того требовалось, октановым числом. Двигатели поставлялись без пылевых фильтров, что приводило к сильному трению деталей, перегреву. Постепенно моторы теряли свою мощность, а затем и вовсе ломались. Это могло произойти прямо во время боя. А проблемы с запчастями были заложены изначально, поскольку советские делегации, посылаемые в Англию для приема техники, комплектовались по принципу благонадежности, а не профессионализма. В это трудно поверить, но в первое время там не было ни одного человека, знающего английский язык. И пока устраняли эту вопиющую глупость, пока делали технические переводы, пока в войсках их получили, стали изучать новую технику и учиться на ней воевать, прошло немало времени. К лету 1942 года не успели.

Так что советские летчики воевали не только с врагом, но и с собственной техникой, кляня союзников за плохое ее качество, хотя британцы были ни при чем. И как-то все забыли, что именно на «харрикейнах» англичане выиграли воздушную Битву за Англию. Причем выиграли в одиночку. Союзной коалиции на тот момент еще не существовало, помощи британцам ждать было неоткуда. Королевские ВВС сошлись с люфтваффе один на один и не дали асам Геринга безнаказанно бомбить свой остров. Через два года в небе над Мурманском картина, увы, сложилась другая.

...И КРАСНЫЕ АРТИЛЛЕРИСТЫ

Наконец, затронем еще одну тему – действия частей ПВО, главным об-

Мурманчане наблюдают за воздушным боем.

КОГДА ДЫМ ЗАСТИЛАЛ СОЛНЦЕ

Мама закрывала лица детей, чтобы те не видели обгоревшие трупы

По инициативе Совета депутатов, администрации города и газеты «Вечерний Мурманск» было решено собрать все воспоминания о дне ужасной бомбардировки, когда в городе сгорело больше половины деревянных домов.

разом зенитной артиллерии. Сразу оговоримся, что те данные, которыми мы располагаем, полными никак назвать нельзя. В архиве Мурманской области сведений о зенитчиках нет. Тем не менее существуют воспоминания участников событий и позднейшие исторические исследования.

Главной целью немецких пилотов на Кольском полуострове был Мурманск. По данным историка **А. В. Платонова**, в операционной зоне Северного флота немцы за четыре года войны произвели 967 массированных воздушных ударов по разным целям. Из них 387 атак принял на себя областной центр. «Лишь» 124 раза испытал на себе силу бомбардировщиков люфтваффе сухопутный фронт. Полярный, база флота, «всего» 27 раз подвергался серьезным атакам с воздуха. Как говорится, почувствуйте разницу.

Еще до начала войны – в феврале 1941 года – был создан Мурманский бригадный район ПВО. К 10 июля 1941 года на его вооружении находилось 68 орудий. Из них 12 были калибром 37 мм, остальные – 76,2 мм. Имелось также 12 крупнокалиберных пулеметов.

Непосредственно небо Мурманска прикрывал 33-й отдельный зенитный артиллерийский дивизион (ОЗАД). По воспоминаниям народного писателя Белоруссии **Ивана Шамякина**, служившего в этом соединении, дивизион состоял из трех батарей. Штаб находился в Коле. Там же стояла одна из батарей – вторая. Первая занимала позиции в Мурмашах, прикрывая аэродром и Туломскую ГЭС. Третья дислоцировалась в Мурманске. Как пишет Иван Петрович, рядом с их позициями находились зенитчики Северного флота.

«Самым тревожным был сентябрь 1941 года, – пишет Иван Шамякин. – Гитлеровским войскам удалось прорвать фронт, и они двинулись по дороге к Мурманску. Усилились налеты вражеской авиации на город. Были усилены и части ПВО. Сформирован 426-й отдельный зенитный дивизион. Туда из нашего дивизиона направили немало средних и младших командиров. Однако зенитных средств явно не хватало. Надежно прикрывать нам удавалось лишь станции в Коле и Мурманске, где шла разгрузка военных эшелонов с пополнением...».

Положение на фронте вынудило советское командование снять часть зениток, стоявших в Мурманске, и перебросить их на запад, ближе к линии фронта, где они выполняли роль противотанкового щита. Правда, когда угроза взятия города миновала, орудия вернули назад, но эти несколько дней запомнились зенитчикам навсегда.

«Не покидала навязчивая мысль, что это будет последний бой, – читаем у Шамякина. – Мы – смертники. Отступать некуда. Кольский залив не переплывешь».

В начале 1942 года 76-миллиметровые пушки были заменены на 85-миллиметровые. Тогда же начал формироваться Мурманский дивизионный район ПВО.

Итак, к 18 июня 1942 года в Мурманске (в районе Питьевого озера) располагалась 3-я батарея 85-миллиметровых зениток 33-го отдельного зенитного артиллерийского дивизиона, и одна батарея, вооруженная 76,2-миллиметровыми орудиями образца 1931 года, входившая в состав 426-го дивизиона, находилась в поселке Нагорное. В каждой батарее было по четыре орудия. Видимо, столько же пушек было в батарее зенитчиков Северного флота, также находившейся Мурманске. Итого 12 орудий (для сравнения: Севастополь обороняло 160 орудий). Сюда надо прибавить артиллерию торговых судов, находившихся в порту Мурманска. С севера город прикрывали еще две батареи зенитных орудий Северного флота. Одна в Ваенге (нынешний Североморск), вторая – у губы Грязной (район нынешнего Росляково). Правда, помочь 18 июня они никак не могли, так как от них до Мурманска, где происходили главные события, было слишком далеко.

Думается, что в этот страшный день основная тяжесть борьбы легла на плечи третьей батареи 33-го отдельного зенитного артиллерийского дивизиона и флотских зенитчиков. Что могли сделать 8 орудий? Вопрос риторический.

Андрей КИРОШКО.
kiroshko@vmnews.ru
Фото из открытых Интернет-источников.

ГОРОД ГОРИТ!

Большую помощь в этом деле оказала организация «Дети военного Мурмана», а в ноябре подключился клуб «Дети прифронтового Мурманска». Нынешним пенсионерам в 1942 году было от восьми месяцев до девяти лет. Архив организации содержит бесценные воспоминания очевидцев страшных событий. Среди десятков страниц «книги памяти» есть несколько воспоминаний, касающихся именно 18 июня 1942 года. Бывший председатель организации **Анна Федоровна Дербенева** оставила самые яркие воспоминания в виде дневников и записей.

Анна Дербенева (Афанасьева) родилась 12 ноября 1931 года в Долгопрудном (Московская область). Папа, Федор Сергеевич Афанасьев, работавший строителем дирижаблей, в октябре 1934 года вместе с братом решили переехать с семьями на Крайний Север. В 1941 году Анне Дербеневой было 9 лет. Всю войну она провела в Мурманске.

«Папа ушел на фронт 23 июня 1941-го, мама работала на судоремонтном заводе, и на мои детские плечи легла забота о четырех младших детях, – рассказывает в своих дневниках Анна Федоровна. – В августе 41-го умер Слава, а в феврале 1942-го от воспаления легких – Витя. В то время у нас не было даже черного хлеба, началась цинга. Ухаживать порой приходилось и за мамой, которая лежала как стеклянная. На Зеленом мысу я собирала морскую капусту и дохлую рыбу, в сопках – хвою. От цинги болели зубы, и я не могла жевать даже полусырую перловку, которую давали в столовой».

Несмотря на эти ужасы, привычные для детей войны, самым страшным днем Анна Дербенева считает 18 июня 1942 года, когда в один день сгорело пол-Мурманска.

«Жили мы на улице Челюскинцев, 53. Сейчас это улица Кильдинская, – уточняет Анна Федоровна. – Был теплый и солнечный день. Одевшись по-летнему, я с сестрами пошла за хлебом, но сирена воздушной тревоги остановила нас на полпути. Мы вернулись к дому и спрятались в щель под камнями в ожидании, когда закончится бомбежка. Первый самолет появился в 12 часов, а за ним – второй. Вдруг слышим, кто-то кричит: «Город горит!». Это сбросили «кассету» на Дворец культуры имени Кирова. Сильный ветер перекинул огонь с него на столовую и ближайшие дома. Мы вышли из убежища и смотрели, как летели головешки и загорались деревянные дома. Пламя по крышам домов приближалось к нам, а люди бежали в свои дома спасать вещи».

Взяв пример со взрослых, Анна с сестрами тоже пошла домой, взяла там детский матрац, на котором обычно сидела на горе, и стала подниматься выше по сопке к камню, с которого было видно почти весь город.

– Город был похож на огромный костер, – вспоминает Анна Федоровна. – Мы сидели и смотрели, как полыхают дома рядом с нашим. Мама прибежала с работы, нашла нас и вынесла из горящего дома ведро, кружку и ложки. Мы с Галей стали пить воду, а в это время рядом с нами прошла пулеметная очередь. Нас обрызгало грязью, а у ближайшего столба, обложенного камнями, убило бабушку с девочкой. Фашисты летели так низко, что видно было летчиков. По бегущим стреляли из пулемета.

КАК ЖЕ ВЫ ТУТ ВЫЖИЛИ?

Вечером бездомную семью Афанасьевых приютили добрые люди, дом которых остался цел. Утром Анна с мамой пошла в милицию, оставив маленьких детей у соседей.

«По дороге стояли останки труб, из которых шел дым, – пишет Анна Дербенева. – Рядом со столовой на тротуаре лежала женщина с ребенком на груди. Около школы № 6, где сейчас краеведческий музей, мама меня прижала лицом к себе, чтобы я не видела сгоревших заключенных, лагерь которых был рядом. Но я все равно чувствовала запах горелого мяса, от которого меня тошнило. Мы ничего не ели уже сутки».

В милиции Афанасьевым дали новый адрес: улица Косая, дом 17, который находился на самой горе. Огонь до него не добрался, а жильцы уехали в эвакуацию. Рядом стояли зенитки и были расщелины в скалах, куда можно прятаться детям. После очередной бомбежки дом просто съехал по склону, и семье снова пришлось переселяться – в новый дом на улице Ловозерской, ныне – Буркова.

«Осенью 1942-го всех детей Мурманска поселили в городское убежище на улице Коммуны, выделили зал и привезли топчаны. Там мы прожили до июля 1943-го. Учили стихи, песни. Когда моряки Северного конвоя принесли нам одеяла и показали, что их можно распустить, мы стали вязать носки, шили кисеты, обвязывали носовые платочки и отправляли на фронт. А потом у нас собралась группа с Ритой Пашмениковой, Розой Хабидулиной и дядей Колей – гармонистом, с которой мы ходили выступать в госпиталь. Нас даже называли «маленькими артистами».

Федор Афанасьев встретил 9 мая в Праге, а домой вернулся только 6 ноября. Он вышел из поезда на Привокзальную площадь, увидел остовы домов и печные трубы, упал на колени и заплакал, говоря: «Как же вы тут выжили?!».

Павел СТЕПАНЕНКО. stepanenko@vmnews.ru
Фото Марты ЖЕГАЛИНОЙ.

А за занавеской - чужая жизнь

Сто страниц истории к 100-летию Мурманска

Сейчас, конечно, очень трудно себе представить послевоенный Мурманск. Нынешний современный город почти уже избавился от “деревяшек”, а тогдашний - почти полностью сожженный немецкой авиацией, по сути, по большей части из них и состоял. Но “деревяшки”-то ладно. Это ж все-таки какие-никакие, но дома! Люди в ту пору жили в гораздо менее приспособленных для жизни местах.

Мурманск, начало 50-х годов. Семейное общежитие на улице К. Либкнехта, 38.

В том же торговом порту, который, чтобы помешать разгрузке союзнических караванов, бомбили особенно яростно, сгорели все деревянные здания. Все! Понятно, что серьезно пострадал и жилой фонд.

Проблему жилья в порту решали по-разному. В том числе довольно экзотическим способом. Например, из приписных портов Беломорск и Кемь (Кемь и еще Кандалакша очень выручали в этом плане и во время войны - именно там мурманские лесорубы добывали лес для нужд города и порта) перевезли неиспользуемые там рубленые дома: разобрали и доставили в Мурманск, чтобы собрать на Загородной улице и в Кильдинском переулке.

Современным мурманчанам, особенно тем, кто помоложе, пожалуй, будет трудно в это поверить, но после войны многие в городе жили даже не в коммуналках (это-то полбеды), а в коммунальных бараках или в вагонах, а то и в землянках. Условий для жизни - самых элементарных, к которым мы так привыкли в наших нынешних домах, там, разумеется, не было никаких. Но помимо этого было просто тесно. Непредставимо тесно!

В общежитиях плотность населения сложилась немыслимая - 30 человек на комнату, это при норме шесть. Так что одной койкой, как отмечает Борис Романов в книге “Причалы мужества”, жильцы пользовались посменно. Вдвоем-втроем на одной кровати обретались!

Жизнь будущего начальника администрации Мурманского морского торгового порта, тогдашнего молодого специалиста, стивидора Василия Стрижа начиналась примерно в таком семейном общежитии. Вы видите его на одном из фото. Это не комната, это койко-место. А за занавесочкой - уже другая семья, чужая жизнь. Нечто из разряда народных "забав": попробуй повернись, не задев товарища... Та еще задача.

А Василий Сергеевич Стриж после этого круто взойдет по карьерной лестнице: стивидор, начальник отдела грузовой и коммерческой работы, замначальника порта по эксплуатации, первый заместитель начальника порта по погрузочно-разгрузочным работам, вплоть до начальника порта. Станет кавалером ордена "Знак Почета", почетным работником транспорта СССР и почетным работником Министерства морского флота. "Василий Стриж" - есть теперь в порту такой буксир. А началось все с бараков.

Многие находили убежище в скроенных на живую нитку пристройках при служебках и подсобках, лесозаводе и конюшне. Опять же трудно поверить, но, говорят, главный энергетик порта Д. Е. Лапшин жил ни много ни мало в трансформаторной будке.

Но жили! И еще как жили. Счастливо. И не унывали, и детей рожали, умели радоваться малому. Сколько все-таки силы и терпения таится в русском народе, сколько умения выходить победителем из сложных, тяжелейших обстоятельств. С другой стороны, ведь только-только выстояли в страшной, смертной войне, так что ж тесноты и отсутствия туалета бояться?! С какой стати?!

На снимке семейная общага на улице Либкнехта, 38. Здание было построено еще до войны. Сначала там находилась столовая, затем магазин. Во время войны дом частично был разрушен, после восстановления его отдали под жилье.

Традиционное внутреннее убранство: длинный коридор, справа и слева - не двери, нет - шторки, за каждой из которых отдельная семья, конечно, не слишком большая (у того же Василия Стрижа, к примеру, он и супруга с двумя детьми; бывало и покруче: двое взрослых, четверо детей, а кровать - одна!). У семьи побольше могла быть и комната, но теснота подчас была не меньше. Скажем, плотник ЖКО Ларионов с семьей в девять человек занимал комнату площадью всего одиннадцать метров. Что говорить, если обедать людям приходилось в два захода...

Много было ветхого жилья, на иные дома на старых снимках смотришь и удивляешься: да как же там можно жить - это ж жуть какая-то, как под прицелом! Ветер дунет - домик сложится, и поминай как звали! Но что поделаешь, если другого нет. Жить и ждать - иного не дано. Есть снимок такой вот на ладан дышащей развалюхи, которую занимали восемь семей...

Люди спали и на кухнях. Еще один вариант домоустройства - чердаки "деревяшек", на которых временно оборудовалось пристанище. Такие чудо-жилища в Мурманске тогда, видимо не без иронии, называли "мансарды".

Те же портовики в сороковые-пятидесятые жили и в вагонах - без окон, то есть без нормального естественного освещения, кухонь, туалетов, воды... И едва ли не все - с маленькими детьми.

Дмитрий КОРЖОВ,
член Союза писателей России.
Подготовлено на основе материалов, предоставленных Ю. Г. Шумилкиным.

Окончание следует.

Семья плотника Ларионова.

Стивидор Василий Стриж получил место в общежитии.

А за занавеской - чужая жизнь

Сто страниц истории к 100-летию Мурманска

Окончание.
Начало в номере за 18 марта 2016 года.

На рубеже 40-50-х годов в Мурманске началось массовое строительство - в основном пока деревянное. Разумеется, в городе тут же возникли проблемы с лесом. Решение опять-таки чудесным образом пришло с берегов Белого моря. Во время войны во множестве тамошних губ и заливов в достатке скопилось плавника. За этим лесом и отправились в Кандалакшу специальные бригады. В Кандалакше, Умбе, Чупе, Ковде и других пунктах побережья Белого моря были собраны тысячи кубометров деловой древесины, которая на баржах или по железной дороге доставлялась в Мурманск, затем разделывалась на брусья и доски, необходимые на стройплощадках. Порт это делал на собственном лесозаводе (на территории лесозавода организовали специальный стройдвор, который на потоке заготовлял детали для строящихся и восстанавливаемых жилых домов).

Если же говорить о послевоенном быте, то вот вам характерная деталь. Представьте, за войну в Мурманске, среди бомбежек и прочих бед, не осталось целых зеркал! Так вот, когда в полуразрушенном здании на улице Туристов решили обустроить Дом быта, то зеркало для созданной там парикмахерской достали с затонувшего в Кольском заливе парохода. А за инструментом для мастерской по ремонту одежды и обуви пришлось посылать в Вологду.

Замечательный эпизод о послевоенных мытарствах мурманчанок, опять-таки с парикмахерской связанный, находим в рассказе Александры Серапионовны Хрусталевой (личность легендарная - первая в СССР женщина - судовой механик, супруга писателя Николая Блинова и мама еще одного писателя в этой замечательной мурманской семье - Бориса Блинова) "Пирог с секретом". Страна и Мурманск готовились встречать Новый, первый послевоенный, 1946 год, и женщинам, конечно, хотелось быть красивыми:

“Мне очень хотелось сделать прическу, чтобы вечером выглядеть, как раньше, до войны. Пошла в центральный подъезд Дома междурейсового отдыха, где была парикмахерская. И попала в огромную очередь. Заняла два места, для себя и Нины Куликовской. Но вскоре вышел мастер, пожилой человек, и объявил, что может причесать еще лишь десять человек. А потом ему надо успеть выпить за старый год и готовиться к встрече Нового… Народ понял и, огорченный, стал расходиться.

Я тоже ушла. Но спустя немного времени вернулась и стала уговаривать мастера сделать еще две прически - мне и приятельнице. А уж мы дадим за работу буханку хлеба! Посул подействовал - он согласился, но сказал, что прическа будет “до порога”. Я не поняла, но переспрашивать не стала, потому что ломала голову над другим: где взять буханку? И так экономим несколько дней, чтобы на праздничном столе был достаток! Но очень хотелось быть красивой. Подумала и решила попробовать уговорить продавщицу литерного магазина дать хлеб по карточке на день вперед. Получилось!

Прическу мастер сделал быстро. А когда брал буханку, сказал, что у него больна внучка, он пойдет на толкучку, выменяет на хлеб ей подарок и положит под елку. Пусть девочка порадуется, не много теперь дети видят добра”.

В начале 50-х мурманчане жили и в вагонах.

Жили и в таких домах...

Коммунальный рай.

Показательно, что восстановление и реконструкция Мурманского морского торгового порта в первые послевоенные годы велись вслепую, по памяти - чертежи и схемы были утрачены во время бомбежек и вызванных ими пожаров. Это стало возможным благодаря начальнику техотдела Зосиму Александровичу Балакшину, который, как указывает Борис Романов в "Причалах мужества", “буквально наизусть знал техническое состояние зданий и сооружений, расположение коммуникаций, количество и характер повреждений, а также то, каким образом повреждение устранено”.

А Зосим Балакшин между тем - родной отец Юрия Зосимовича Балакшина, начальника мурманского домостроительного комбината, на рубеже семидесятых - восьмидесятых - председателя мурманского горисполкома, тогдашнего мэра города, а затем, в конце восьмидесятых, - председателя уже исполкома областного.

Еще одна любопытнейшая подробность тех мурманских лет - неожиданная находка на СРЗ ММФ, которая позволила решить проблему с доставкой лоцманов. Фирменный лоцманский бот “Пилот” ловил рыбу в составе Полярной моторно-рыболовной станции, порт был вынужден доставлять лоцманов в северную часть залива и обратно на буксирах портофлота, что стоило немаленьких денег и все экономические выгоды от лоцманской проводки судов сводили на нет.

А тут рабочие на судоремонтном заводе наткнулись на корпус катера “Шторм”. Когда-то был спасательный крейсер - парусная яхта “Великая княгиня Ксения Николаевна”, построенная в начале прошлого века в Норвегии, на верфях Колина Арчера и следившая за сохранностью рыболовных промыслов еще до первой мировой войны. С помощью мехмастерских порта крейсер-яхту удалось привести в порядок. Она-то и стала на время отсутствия “Пилота” лоцманским судном.

Вот такая чудесная связь настоящего с минувшим, России царской и России советской, случилась. На то он и Мурманск. Для нашего города чудеса - не новость...

Дмитрий КОРЖОВ,
член Союза писателей России.
Подготовлено на основе материалов, предоставленных Ю. Г. Шумилкиным.

Какая война без сигарет и рома!

Сто страниц истории к 100-летию Мурманска

Мы уже говорили о союзниках (или интервентах) в Мурманске в гражданскую войну. Сегодня разговор о них же, но в другую эпоху - в Великую Отечественную или, если уж о союзниках речь, то - вторую мировую.

Мурманчанка угощает англичан водой. 1942 год.

Один из снимков сделан в июне 1942-го после очередной бомбежки Мурманска. Город тогда немцы бомбили особенно интенсивно - методично, последовательно уничтожая квартал за кварталом. Об этих тяжелых днях мы уже рассказывали в одной из серий нашего цикла.

Как вы видите на снимке, в борьбе с пожарами принимали участие и моряки с кораблей коалиции, которых в ту пору в нашем порту стояло немало. Молоденькая мурманчанка, похоже, в районе нынешней улицы Буркова, угощает помогавших в этом непростом деле англичан свежей водичкой. Водица, должно быть, колодезная - холодненькая, приятная на вкус. А девчонка еще и улыбается замечательно - как-то очень светло и открыто. Пока такое общение возможно. Запрет на любые контакты с иностранцами в городе введут в том же году, но чуть позднее - 25 августа.

“Разговаривать с иностранцами нам запрещалось, отношения с ними были вежливо-отчужденными. Англичан запомнила как чопорных, но порядочных людей, высокого мнения о себе… А вот американцы, напротив, были очень демократичны…” - вспоминала сотрудница таможни Юлия Петрова.

Единственная официальная возможность проводить время с иностранцами - Интерклуб, но сюда попадал не всякий - отбор девушек шел через районные комитеты комсомола. Командир моторной части К-21 Константин Сергеев в своей книге “Лунин атакует “Тирпиц” отмечал, что в Интерклуб наши офицеры не ходили - там было неинтересно: “Иностранные моряки после очередного удачно окончившегося рейса на радостях очень крепко выпивали… Не стоит также говорить об “ограниченном дамском контингенте”, который там бытовал постоянно. Нередко бывали там жестокие драки по самым разным причинам, в том числе национальным и расовым…”.

Матч союзников окончился вничью.

А вот как рассказывает об Интерклубе американский моряк Рональд Райт (цитирую по книге Алексея Киселева “Как жили и сражались мурманчане в войну: менталитет северян в 1941-1945 годах”): “Вечерами нас доставляли на берег, где можно было скоротать время в Интерклубе. Там имелся читальный зал и библиотека, можно было посмотреть фильм или послушать лекцию. Большинство фильмов было из предвоенных, а что касается лекций, то их тематика не способствовала успеху у аудитории: …”О проявлении трусости среди иностранных моряков во время караванов” и другие. Поэтому основное развлечение сводилось к выпивке и танцам…”

Совсем другое настроение встречаем на втором нашем снимке. Только что окончился международный товарищеский матч мурманской молодежи с моряками-англичанами. И те, и другие, как мы видим, в прекрасном настроении и безусловном дружелюбии. Наверное, вничью сгоняли. Или проще - все хорошо у этих ребят, даже несмотря на войну и смерть кругом. Что тут скажешь, молодость - она и в войну молодость.

Экипажи иностранных судов были многолики и экзотичны. Кого только не было в эти дни в Мурманске! И американцы, французы, и малайцы, и поляки, и британцы всех мастей (вроде живописных оркестрантов-шотландцев на еще одном снимке, который вы видите на этой странице), и самые разные латиноамериканцы, и даже русские эмигранты. Об одном таком я несколько лет назад рассказал в романе “Мурманцы 1942”.

В целом моряки союзных конвоев были мужественные, самоотверженные люди. Оно и понятно, их работа неизменно была связана с немалым риском. Многие из них не вернулись домой. Часть погибла по дороге в Советскую Россию, часть уже здесь - в нашем порту и на подходе к нему. Некоторые похоронены в нашей земле - и в Мурманске, и в Североморске.

Однако для союзников, и об этом всегда нужно помнить, все же это не было борьбой за жизнь, вопросом существования нации, народа, родной земли. Конвои для многих из них оставались работой - опасной, чрезвычайно рискованной, но выгодной, не просто достойно, но в высшей степени неплохо оплачиваемой. Хорошим бизнесом, если, понятное дело, уцелеешь, не сгинешь в этой кровавой бойне, которой был подчас путь союзных караванов на Русский Север.

Как отмечает в книге “Причалы мужества” капитан дальнего плавания и писатель Борис Романов, “экипажи по контрактам получали особое вознаграждение, когда они подвергались налетам авиации, подтверждением чего должен был явиться расход боеприпасов. Поэтому зенитные орудия на пароходах в порту приводились в действие при первом же намеке на появление самолетов”. При таком раскладе снаряды, понятное дело, не щадили. Зрелище, полагаю, в свете прожекторов было ярким, эффектным. Однако и эффективным - сильный, хоть и беспорядочный огонь вынуждал немцев бомбить с максимальных высот, часто не доходя до намеченной цели.

Надо сказать, выходы союзных моряков в Мурманск, увольнения на берег властями порта почти не ограничивались, чем те, как мы уже убедились, не без удовольствия пользовались. Центром отдыха были уже упоминавшийся Интерклуб и ресторан гостиницы “Арктика”, пока его в конце 42-го не разбомбили асы люфтваффе. Конфликты с местным населением, конечно, случались, но в целом взаимоотношения оставались вполне себе дружескими, доброжелательными.

Дмитрий КОРЖОВ,
член Союза писателей России.
Фото предоставлены архивом Северного флота.

Окончание следует.

Шотландцы: без волынок и барабанов никуда.

Какая война без сигарет и рома!

Сто страниц истории к 100-летию Мурманска

Окончание. Начало в номере за 27 ноября.

Да что там говорить, полагаю, в ту пору и драки между союзниками в итоге заканчивались миром, а порой и последующим совместным времяпрепровождением. А вот с руководством союзных войск подчас приходилось сложнее.

6 апреля при бомбардировке порта бомба весом в полтонны угодила в британский пароход "Дауер Хилл", стоявший на якоре напротив Зеленого мыса, но не взорвалась: пробила палубу и зарылась в угольном бункере на глубине около шести метров. Бомбу выкопали, извлекли из бункера и разрядили трое специалистов пиротехнической партии МПВО совместно с моряками буксира "Кола" и несколькими матросами "Дауер Хилла". Большая часть команды парохода ждала окончания работ на корме.

Работа по обезвреживанию бомбы продолжалась больше двух суток - 49 часов! Любопытная подробность, которую советские цензоры, кстати, по не совсем понятной причине вымарали из романовских "Причалов мужества": капитан парохода все это время сидел в своей каюте, мирно потягивал коньяк, присланный ему из миссии по случаю такой вот незадачи, гадал на картах, втолковывая капитану порта, что его команда не умеет обращаться с невзорвавшимися бомбами, а сам он фаталист, так как раза четыре уже должен был сгинуть на этом бедовом судне в самых разных передрягах, но Бог всякий раз спасает. Полагаю, последняя фраза ребят из обллита и смутила. Однако вряд ли капитан "гадал на картах" - думаю, тупо пасьянс раскладывал.

В апреле продолжался подъем затонувшего в ковше между первым и вторым пирсами парохода "Оушн Фридом", с которого первым делом английская миссия, невзирая на протесты капитана, распорядилась сгрузить навигационное радиооборудование, мебель, продовольствие, спасательные шлюпки, плоты, медикаменты, личное оружие и боеприпасы, и даже пароходный секстан. В общем, корабль раздели подчистую.

Между тем на "Оушн Фридом" еще оставалось ни много ни мало 300 тонн груза - танки, рации на автомобилях, каустическая сода, сортовая сталь, никель и так далее. Не сняв его, нельзя было и помыслить о подъеме судна.

Когда руководство порта обратилось к британской миссии, мол, "надо разгрузить, ребята", представитель министерства перевозок Объединенного королевства Далглиш заявил, что это является обязанностью порта.

Однако разгрузка была невозможна, ибо "Оушн Фридом" раз за разом атаковали отряды британских мореманов, готовых растащить пароход на кусочки. Проблему решили просто: таможня установила у судна специальный пост и разграбление "Оушна" поутихло. После этого вслед за своей командой пароход покинул капитан Эдварио.

В итоге из Полярного прибыл старший английский морской начальник на Северном флоте адмирал Арчер, который осмотрел судно и заявил, что пароход будут восстанавливать и его нужно беречь.

Но команда "Оушн Фридом" была уже расписана по другим судам, и потому делать это пришлось порту. На пароходе установили вахту ВОХРы, а на дежурство у зенитных пушек встали артиллеристы СФ. Кстати, через несколько дней с борта союзного корабля они сбили фашистский бомбардировщик, что с восторгом приветствовали экипажи судов, что стояли у причалов порта.

Разгрузку судна, кстати, вели с помощью водолазов - они стропили грузы в затопленных трюмах. Что там было? Да чего только не было! В основном для войны в воздухе: пулеметы для самолетов, авиафотопленка, запчасти, техническая литература. Еще - сигареты и ром. Конечно, ну какая война без сигарет и рома! Занятно, но все это богатство не было обозначено документально к выгрузке в Мурманске. Узнав об этом, Далглиш тут же вильнул хвостом: заявил, что все это принадлежит английской миссии. На что ему справедливо заметили, что судно уже передано порту.

В итоге все обнаруженное передали Северному флоту. Но Далглиш не унимался: после разгрузки объявил, что предполагает и имеет на то полномочия ввести пароход в строй в Мурманске, ведет об этом переговоры с судоремонтными предприятиями и, таким образом, освобождает порт от заботы об "Оушн Фридом". Ожидая новый караван, который было невозможно принять на оставшихся в живых причалах, порт предложил англичанам поднять "Фридом" до 28 апреля, после чего счел себя вправе любым возможным способом.

К концу апреля усилились бомбардировки. Должен был прийти новый караван, но не пришел. 30 марта британский премьер Уинстон Черчилль обратился с письмом к Сталину, где значилось, что после потерь караванов JW-52 и JW-53 он не считает правильным усилить охрану конвоев и рисковать своим флотом. В результате следующий караван ушел в СССР лишь в конце 1943-го. Полусгоревший Мурманск и его израненный порт получил передышку.

А "Оушн" подняли лишь в конце мая: пароход оторвали от грунта и буксирами отвели на другую сторону залива, где поставили на обсушку. Транспортировка была столь сложной - даже на акватории судно изгибалось так, что держали вахту на швартовых, чтобы немедля отдать их, если случится что-то непредвиденное.

Представитель британской миссии Мак-Грегор, который сменил к тому времени Далглиша, признал операцию мастерской.

Дмитрий КОРЖОВ,
член Союза писателей России.
Фото предоставлены Музеем Северного флота.

С англичанами - братство в огне. 1944 г.

Английские моряки на стадионе в Полярном болеют за своих. 1943 г.

Совместная с американцами погрузка торпед на катера. Баренцево море. 1943 г.

“Тобрук” идет в Мурманск

Сто страниц истории к 100-летию Мурманска

В 70-е годы прошлого века я работал в Мурманском отделе Географического общества СССР. Одно из направлений деятельности - интернациональные связи. Нередко встречались с польскими учеными из Торуни и моряками из Щецина. Поляки в летний сезон работали на Шпицбергене, останавливались в Мурманске. Во встречах с ними в Обществе, и потом в Польше, куда я ездил по приглашению, меня поражало их глубокое уважение к нашему городу. Не удивительно. Люди в возрасте пережили оккупацию, а студенты хорошо знали историю войны. Для них города Ленинград и Мурманск, отстоявшие независимость, - символы высокого мужества и самопожертвования. А для меня стало открытием, что сами поляки проявили героизм под мурманским небом, тогда я впервые услышал имена “Тобрук” и “Гарланд”.

В ТРИНАДЦАТОМ КОНВОЕ

В начале 1942 года на одной из английских верфей сошло со стапелей судно дедвейтом 10430 тонн, скоростью 10,5 узла, которое нарекли “Эмпайр Балдер”. В марте его передали польскому торговому флоту в качестве компенсации убытков, понесенных Польшей в войне с фашизмом, переименовали в “Тобрук” и в конце месяца направили в Мурманск в составе конвоя PQ-13.

Тринадцатый конвой, подчеркивая свое несчастливое обозначение, хлебнул лиха сполна. Досталось ему от самолетов, субмарин, эсминцев и даже от погоды. Шедшие в эскорте британский крейсер “Тринидад”, эсминцы “Фьюри”, “Эклипс”, два траулера и три тральщика, предназначенные для передачи Советскому Союзу, в течение пяти дней исправно несли сторожевую службу. Налетевший затем ужасный шторм расстроил походный ордер, часть кораблей разметало по разбушевавшемуся морю. Белая мгла, снежные заряды скрыли транспорты от кораблей охранения и противника. Несколько судов потеряли связь с конвоем, среди них был и “Тобрук”. Он вез в Мурманск по ленд-лизу 30 тяжелых и 40 легких танков, 12 самолетов “Харрикейн”, 60 авиационных моторов, радиолокационное оборудование для ПВО Мурманского района и огромное количество взрывчатых веществ.

Немцы знали о выходе конвоя из исландского порта Рейкьявик, готовились к встрече к югу от острова Медвежий силами шести подводных лодок, в помощь к ним из Киркенеса шла 8-я флотилия эсминцев. 29 марта эсминцы потопили отставшее от конвоя панамское судно “Батан”. Захваченные с него моряки сообщили противнику данные о составе и маршруте конвоя. Немецкие корабли изменили направление поиска и вскоре вышли на конвой. Однако прорваться к транспортам не удалось, их встретил британский эскорт. В последовавшем жестоком бою немецкий эсминец Z-26 был потоплен, а крейсер “Тринидад”, получив в бок торпеду, на следующий день сумел дойти до Кольского залива.

Тем временем в шторм потерявший конвой “Тобрук” в одиночку пробирался к русским берегам. 30 марта встретили эскортный траулер “Блэкфлай”, далее шли вместе. На траулере не ведали, что за ним давно уже следит подводная хищница из вражеской стаи. Командир лодки, обнаружив более крупную поживу, изготовился к атаке на “Тобрук”. Траулер смело ринулся в атаку, сбросил серию глубинных бомб. Поляки поспешили покинуть поле боя. Ночью 31 марта бросили якорь на рейде Мурманска, наутро встали под разгрузку к причалу № 14 рыбного порта.

Памятный знак польским морякам - участникам мурманских конвоев. Автор - художник Ирениуш Хмужиньский.

НА ДНЕ КОЛЬСКОГО ЗАЛИВА

Поздно вечером 3 апреля противник нанес мощный воздушный удар по Мурманску, по кораблям. В трех налетах участвовало более ста самолетов, вес некоторых фугасов достигал тонны. Кошмарная ночь, вспоминали союзники. На “Тобруке” часть команды ужинала, остальные мылись в душевой. Помощник капитана Мариан Бельский вспоминал: “Внезапно в тишине кают-компании послышался знакомый гул моторов. Все окаменели. Судно ударилось о причал. Тонны воды обрушились на палубу. Дикий страх охватил мое сердце. Выскочил из каюты. Снаружи царил хаос. Крышки люков сорваны. Столбы дыма поднимаются из четвертого и пятого трюмов. Судно ложится на правый борт... Беспомощные люди прыгали с борта на причал. Старший моряк Барыля упал на снег прямо из душевой в чем мать родила. Матрашек выбросил через иллюминатор офицерской каюты костюм и белье. Судно горело и тонуло. Что последует дальше? Или тысячи тонн взрывчатки превратят Мурманск и всех нас в пух и прах, или вода погасит пожар. Искать спасения негде. Капитан Хурко подает мне бутылку коньяка. Пьем... Судно погружается. Пожар гаснет”.

От прямого попадания бомбы “Тобрук” затонул у причала. По соседству, в пятом районе порта, как вулкан, извергал огонь британский пароход “Нью-Вестминстер Сити”, также получивший прямое попадание. Пламя охватило трюм с тоннами снарядов и прочей взрывчатки. Ослепительный фейерверк залил всю акваторию порта. Пожар тушили с причала и с портового буксира “Строитель”, с которого на горящий транспорт перебрались пожарные А. И. Шишмаров и И. И. Подолян. Огонь с трудом успокоили.

Убитых на “Тобруке” оказалось пять человек, контуженых и раненых - четырнадцать. Из экипажа пострадали три моряка, остальные - грузчики и спасатели. Большая часть команды в одном нижнем белье бежала в курилку на втором грузовом районе, где им дали одежду, и находились там до прибытия английской военной миссии. В дальнейшем с затонувшего парохода груз поднимали с помощью водолазов. Подъемными кранами и понтонами - сначала танки, потом самолеты. Водолазы наложили на пробоину пластырь, после откачки воды из трюмов пароход осторожно вывели на обсушку и притопили, чтоб не привлекал немецких летчиков. Единственный док в это время был занят ремонтирующимся крейсером “Эдинбург”. Время лежания “Тобрука” в Кольском заливе растянулось на месяцы. Команда жила на берегу, капитан Хурко судно не покидал.

ЖАРКОЕ ЛЕТО 42-ГО

Наступило лето. Моряки “Тобрука” пережили страшные мурманские пожары июня - июля 1942 года. Разрушения и пустота царили на берегу. Порт, казалось, замер. С уходом льда в Белом море конвои перенацелили на Архангельск. Освободился док, который за это время десятки раз ремонтировался. И вот когда “Тобрук” стянули с обсушки и довели до ворот дока, прозвучала очередная воздушная тревога. Как вспоминали моряки, это был критический момент их проживания в Мурманске, ибо страшен был сам факт обратной постановки на мель и дальнейшее ожидание в такой “горячей точке земли”, каковой являлся в те месяцы Мурманск. Портовая служба, естественно, отменила постановку в док.

Обратимся еще раз к запискам Бельского: “...Зенитный огонь терзает голову и нервы. Нет времени смотреть, кого бьют. Град бомб, грязь, земля и вода залили судно. Белый свет пропал, а когда тьма рассеялась, нас разделяло сто метров от дока, покрытого дымом и песком... Нет, ни за какую цену не пойдем обратно на мель. Несмотря на страх, спрашиваем, удержится ли пластырь. Моментом появились русские на борту. Что делать? Не тронемся отсюда. В док войдем со следующим приливом - и к черту налеты. Хурко уперся как маньяк. Говорит, что будет звонить в Москву. Решено переждать день на якоре”.

Воспоминания помощника капитана не требуют комментариев. Нервы русских и поляков были напряжены до предела. Но товарищи по оружию нашли общий язык. Капитан Хурко приказал всему экипажу покинуть пароход, а сам с двумя русскими портовиками остался у насоса и не покидал этого боевого поста в течение всего налета. Жаль, неизвестны имена этих двоих.

В конце лета “Тобрук” подлатали и включили в обратный конвой QP-14, формирующийся в Архангельске, с которым он в конце сентября благополучно достиг берегов Англии. А там тогдашнее польское правительство, находящееся в эмиграции, уже вычеркнуло его из списков своего флота, имевшего всего... пять пароходов. В Англии “Тобрук” основательно подремонтировали и отправили... опять в Мурманск. 2 марта 1943 года он снова в нашем порту. И многое здесь повторилось! Как писал один из членов экипажа, “Все было как в первый раз, хотя более спокойнее и морознее”. Капитана Бронислава Хурко наградили медалью за мужество, а с ним и 11 человек его отважной команды. В дальнейшем “Тобрук” плавал в конвоях на Мальту и дожил до победы. Его боевая деятельность ярко отражена в книге Яна-Казимира Савицкого с весьма выразительным названием “Тобрук” в конвоях смерти”.

На Мурманском интернациональном кладбище есть четыре польские могилы, одна именная - кочегар с “Тобрука” Людвиг Лещыловский. Есть памятный знак в виде якоря, поставленный в 1989 году к 50-летию начала второй мировой войны всем польским морякам, погибшим на Севере, на одном только эсминце “Гарланд” в мае 1942 года погибло 24 моряка, 22 похоронены в море. Несмотря на разногласия с нынешней Польшей, мы чтим память бывших товарищей по оружию, все могилы ухожены, на кладбище чистота и порядок.

Владимир СОРОКАЖЕРДЬЕВ, член Союза писателей России.

Спасенный "Мурманск"

Сто страниц истории к 100-летию Мурманска

Под вечер на палубе зыбкой,
Щекой опершись на ладонь,
Лежал я и слушал с улыбкой
Глубин голубую гармонь.
А гармонист океана
Вчерашний стремительный шквал,
Который так дико, так рьяно
Крутые меха разрывал,
Сегодня, склонившись в разводы,
Перебирая лады,
Пел мирную песню природы
Живым переплеском воды.
Я слышал знакомое в плеске,
В шуршании пенных полос,
Казалось, звенят перелески
Листвой белоногих берез.
Казалось, на вогнутом склоне,
Колосья по ветру стеля,
Мехами такой же гармони
Волнуются наши поля.
Ничто не тревожило сердце -
В Атлантике тихо, светло,
Лишь слышно,
как звякали дверцы
Над топками жадных котлов.
Машина дышала спокойно,
И в небо, свиваясь в клубы,
Катился лавиною знойной
Коричневый дым из трубы...

Совершенно уникальный материал нежданно пришел ко мне в руки от знатока и хранителя истории Мурманского торгового порта, фотолетописца - и города, и порта - Юрия Геннадьевича Шумилкина. Повесть о фронтовом Мурманске, да не просто повесть, а - в стихах! Как раз таки с них мы и начали сегодняшнюю нашу страничку к 100-летию родного города.

Стихи, конечно, не ровные, по большей части графоманские, но с множеством подробностей и деталей тех лет, с точки зрения историка, исследователя прошлого Кольского края и войны - документ едва ли не бесценный. Очень важно, что все это написано не с чужих слов, не из книг взято, автор не просто видел Мурманск военной поры, но был непосредственным участником тех событий, одним из тех, кто отстоял наш город в схватке с умелым и беспощадным врагом.

Любопытно, что в ткань повествования вплетена и история романтических отношений главного героя - лоцмана Южина, его любовь, и сложности взаимоотношений с союзниками (автор подробно описывает мурманский Интерклуб, где работал инструктором), и даже разоблачение и поимка немецких диверсантов.

Описание Интерклуба очень живописно - с легкой улыбкой, с иронией и самоиронией, по интонации понимаешь, каким, должно быть, живым, открытым человеком был автор:

Теперь на правах активиста
Я в Интерклуб зачастил,
Хороший буфет Интуриста
Стал новым источником сил.
От смеха до перебранки,
До диких кровавых ссор
За столиком бриттов и янки
Порой доходил разговор.
Кому-нибудь скулы дробили,
Ножом угодили кому,
За это обычно судили
И даже сажали в тюрьму.
Как старшему мудрому брату
В семействе союзных держав
Нередко почин и расплату
Мне удавалось сдержать.
Но чаще такие апломбы
И следом возникший скандал
Гасили немецкие бомбы,
Громившие порт и вокзал.
Сигналы воздушной тревоги
Звучали порой невпопад,
Когда улетал за отроги
Последний воздушный пират.

Надо сказать, автор этой чудо-повести в стихах - абсолютный самородок. Моряк, лоцман Ленинградского торгового порта, штурман дальнего плавания, а затем - капитан Мурманского торгового порта (первый снимок как раз тогда сделан, в 1948-м), Рыбного порта Ленинграда, позже капитанил в порту Клайпеды (как сам он пишет, "там пришлось крепко потрудиться, восстанавливая защитные молы при входе в порт, а также разрушенные причалы"), был директором ленинградского "Тралфлота", строил, а затем директорствовал на питерском заводе "Ленпроммеханизация". Образование - семь классов! И при этом знал два европейских языка... Андрей Иванович Душин.

Андрей Душин. Мурманск. 1947 год.

Он родился еще до революции, в 1915 году, в Костроме. Очевидно, в Мурманск его привела мечта о море. И наш город стал для Душина родным. Это отчетливо ясно даже по тем крохам из его биографии, что нам известны, но особенно по стихам. Вот послушайте еще фрагментик:

Привет тебе, город Мурманск!
Тебя называл МурмАнск
Молоденький третий штурман
С балтийского судна "Брянск".
Я помню ущелье залива
И в третьем колене простор,
Здесь как-то вразброс, торопливо
Раскинулся ты среди гор.
Весь город лежал на ладони,
А пирсы, как пальцы руки,
На горном ступенчатом склоне
Убогих домов островки.
Здесь кажется небо брезентом,
Похожим на грязный шатер.
Не снегом, а серым цементом
Посыпаны выступы гор.
Извечно храня промежуток,
Что делит прилив и отлив,
Два раза в течение суток
Сужается Кольский залив.

Про семиклассное образование - это, пожалуй, громко и не совсем точно сказано. Как многие его сверстники, советская молодежь военной поры, Андрей Душин учился всю жизнь. Вот уж действительно в прямом смысле этого слова сделал себя сам. Окончил в Питере ФЗУ, учился в морском техникуме и на курсах штурманов, которые, правда, как свидетельствует анкета, не окончил.

К сожалению, как закончилась жизнь Андрея Ивановича, мы не знаем. Последнее его письмо датировано мартом 1985 года, когда автору было уже семьдесят лет. Должно быть, возвращение Душина в его мурманскую, боевую юность связано с тогдашним - сорокалетним - юбилеем Победы.

Вот что писал он в своем последнем письме заведующей музеем торгового порта Тамаре Павловне Амелиной: "Посылаю вам свои воспоминания о работе порта в военные годы, которые я написал много лет назад, но не публиковал, конечно. Много здесь несовершенного и, может быть, много лишнего, но исправлять все это я не мог, так как после Мурманска работал капитаном Клайпедского порта, Ленморрыбпорта, Ленинградской базы "Тралфлот" и завода "Ленпроммеханизация". Затем почти ослеп и скоро пойду на операцию.

Прошу вас проконсультироваться с опытными работниками печати о том, как лучше использовать то, что я вам посылаю...".

Поразительно, но мы могли никогда не прочитать эту повесть - к читателю она могла и не добраться. В начале двухтысячных музей порта ликвидировали, все материалы передали на один из складов. Спас и повесть "Мурманск", и часть других экспонатов Юрий Шумилкин.

- Я увидел в самосвале, готовом уйти на свалку, планшеты с моими фотографиями. Ломали уже склад. Несколько коробок я сбросил - что смог, то спас. Ордена чуть не выкинули! В мешке, в пересохшей такой мешковине - она ломалась, чувствую, что-то тяжелое. Открыл, а там - на красных подушечках, поименно - ордена ветеранов порта.

Среди спасенных материалов были и документы - фото, письма, анкеты Андрея Душина. И - его "Мурманск".

Дмитрий КОРЖОВ,
член Союза писателей России.
Фото из архива
Юрия ШУМИЛКИНА.

Душин (второй слева) - директор завода "Ленпроммеханизация". 60-е годы.

У войны не женское, не детское лицо?

Сто страниц истории к 100-летию Мурманска

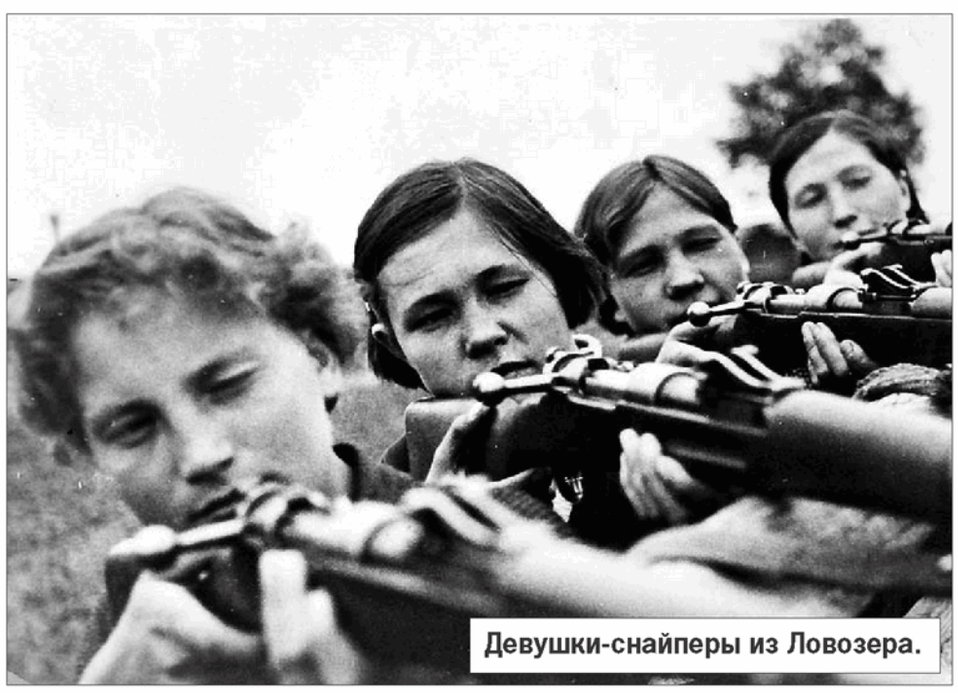
Обычный такой мальчишка. И женщины. И пулемет. Дружинницы Кировского района (самый центр нынешнего и тогдашнего Мурманска - нижняя часть современного Октябрьского округа) готовятся к занятиям по стрелковой подготовке.

Паренек курносый, лет восьми, наверное, хоть куда. Конечно, штанишки с пузырями на коленках не новые, к тому же, похоже, изрядно запыленные, курточка, фуражка - все, как надо. При этом мы видим, как он неотрывно смотрит на девушек-дружинниц. Точнее, смотрит он больше не на них, а за их спины. Не девицы занимают мальца, нет. Они-то, по всему видать, кажутся ему докучливым, ненужным приложением к тому громоздкому длинноствольному чудищу, что тащат девушки по мурманским улицам.

Дружинницы Кировского района перед занятиями по стрелковой подготовке.

Эх, нелегко им, наверное, пришлось. Асфальт-то тогда имелся лишь на Ленинградской, остальное - деревянные мостки вдоль проспекта Сталина, да земля, да грязь вокруг, кое-где еще брусчатка... Маленькой ладони, пожалуй, едва доставало на то, чтобы ухватиться поудобнее за длинную металлическую дугу пулеметной станины. Дуга, впрягшись в которую они и тянули за собой “максимку”, неприятно холодила руки. А тут еще дождь - мелкий, не страшный. Но и такого хватило для того, чтобы заболотить иные мурманские дворы.

Девушки-снайперы из Ловозера.

Они были разными судьбы женщин и детей той поры. У войны, конечно, не женское лицо. И не детское. Но тем не менее. Что касается жизни прифронтового города - такого, каким был Мурманск три с половиной года с 1941 по 1944-й, то невольно усомнишься в упомянутой максиме.

Вот еще один мальчик тех лет - на другом снимке. Чуть смущенно, почти виновато, улыбается... Словно не совсем понимает, что происходит. Словно награда - орден Красной Звезды, который вкручивает в его матросскую форменку капитан первого ранга Кузьмин, к нему прямого отношения не имеет. Это - единственный сохранившийся снимок Александра Ковалева. Автор - знаменитый Халдей. Точная дата неизвестна, но, судя по всему, фото было сделано незадолго до смерти Саши - моряки одеты почти по-летнему. Саша Ковалев - выпускник школы Соловецких юнг Северного флота, легендарный катерник, герой. Орденом Красной Звезды он был награжден за один из апрельских боев 44-го.

А потом был другой бой, в разгар которого пятнадцатилетний мальчишка собственным телом закрыл пробитый коллектор мотора торпедного катера, на котором служил. Если б не сделал так, ТКА-209 неизбежно потерял бы ход, что для катера в бою равносильно смерти. А на следующий день Саша Ковалев погиб. Но не в бою. Катер возвращался на базу и - взорвался бензобак. Случилось это ровно за год до Великой Победы - 9 мая 1944 года... Еще один свой орден - Отечественной войны I степени - Ковалев получить не успел.

В биографии Саши и по сию пору много неясного, запутанного. Горьковчане считают, что родился он в Горьком (теперь - Нижний Новгород), ленинградцы - в Ленинграде... По сути, стал он земляком и для нас - мурманчан. На самом же деле будущий юнга СФ родился и вырос в Москве. Настоящая его фамилия - Рабинович. Родители были репрессированы в 37-м, а Сашу взяла к себе тетя, сестра матери, известная переводчица Раиса Райт-Ковалева. Мальчик переехал к тете в Ленинград, принял фамилию ее мужа - инженер-капитана 2 ранга Николая Ковалева. С конца 1941-го - в Архангельске, по новому месту службу Николая Петровича. Саша окончил школу юнг, стал мотористом, зимой 43-го прибыл на Северный флот...

Да уж, мальчишки... Как считает один из моих коллег, они олицетворяли дух тогдашнего Мурманска. Представляете, когда после чудовищных бомбардировок лета и осени пришла зима, эти прохиндеи приспособили вместо санок половинки кассет от немецких зажигалок. Что же касается женщин, то о них наиболее подробно, с деталями рассказывает в книге “Дружинницы, подруги мои!” знаменитая мурманчанка Екатерина Владыкина. Она там как-то обмолвилась, что те, кто был в Мурманске летом 42-го, никогда не забудут этого.

Именно Екатерина Даниловна и ее подруги - члены медико-санитарной дружины - вместе с пожарными и МПВО приняли на себя главную ношу борьбы с последствиями налетов люфтваффе.

Дружинницы спасли более 400 мурманчан. Порой - ценой собственной жизни. Показательно, что, несмотря ни на что, мурманчанки никогда не забывали, что они женщины. Владыкина описывает чудесный эпизод, как одна из дружинниц опоздала на дежурство из-за того, что была на свидании. Другая история еще более драматична: “Как я была близорука... На обратном пути в штаб Шура Гунина уже не могла бежать! Ведь она готовилась стать матерью! Таясь от меня, от командира, она продолжала командовать отделением, рискуя жизнью, даже двумя жизнями, ходить в очаги поражения, спасать пострадавших...”.

Вот так. И в этом грозном, искромсанном бомбами, изуродованном пожарами городе жизнь продолжалась.

Дмитрий КОРЖОВ,
член Союза писателей России.

Саша Ковалев.

Война и мир - всегда рядом

Сто страниц истории к 100-летию Мурманска

Вглядитесь внимательнее в этот снимок. Какие хорошие, светлые лица… Обстановка - скромнее не бывает: пол да стены. Но лица - замечательные, родные. А еще новогодняя елка на заднем плане - нарядная, праздничная, словно из другого, мирного времени.

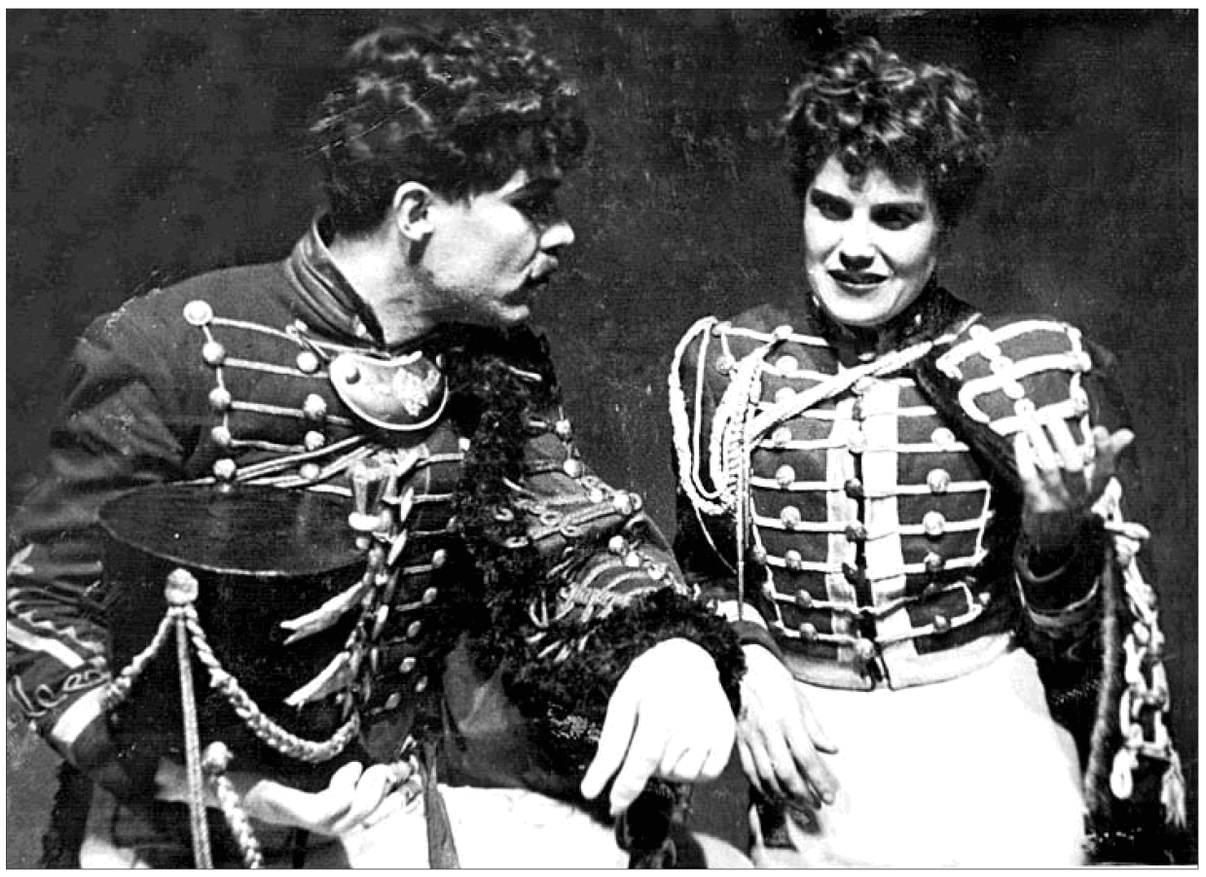
Фото сделано в одном из мурманских бомбоубежищ. Молодежь Кировского района (центральная часть города, ограниченная с юга Милицейской улицей, ныне - Дзержинского) встречает Новый, 1944-й год - год для нашего края особенный, год разгрома фашистских агрессоров в Кольском Заполярье. Но до окончательной победы еще ой как далеко… И неизвестно, каким будет для этих юношей и девушек прифронтового Мурманска завтрашний день, и неизвестно, доживут ли они до победы. Вглядитесь внимательнее в этот снимок. Может быть, узнаете на нем себя, своих близких или знакомых.

Как видим, и это естественно для Мурманска той поры, большинство здесь - девушки, а почти все мужчины - военные моряки. У крайнего справа бравого морячка на груди орден Красной Звезды. Уверен, есть и другие орденоносцы, да уж больно плотен строй девчонок на переднем плане - краснофлотцев за их спинами и не разглядишь почти. Девчата одеты скромно, просто, но, по всему видно, готовились тщательно - чтобы все было ладно да к месту.

Да, хоть и война на дворе, а жизнь, несмотря ни на что, продолжается. Люди отмечали праздники, ходили на танцы и в театр, влюблялись, женились. Жили, конечно, не только войной.

Замечательное описание мирных, нефронтовых Мурманска и Полярного есть в лет так десять назад увидевшей свет книге Константина Сергеева - в 1943-1944 годах командира моторной части К-21 - "Лунин атакует "Тирпиц".

Вот как рассказывает он о Капернауме - офицерском клубе Дома флота в Полярном: "Капернаум любили все. Там было весело и уютно. Небольшой бар, где можно было по билету немного выпить и закусить, зал для танцев, где играл небольшой джаз-оркестр, бильярд, уютные фойе и гостиные. В Доме флота находилась богатая библиотека, шли прекрасные спектакли театра Северного флота, концерты флотских ансамблей и заезжих артистов, можно было посмотреть как советские, так и иностранные фильмы. Например, в 1943 году мы смотрели такие фильмы, как "Серенада солнечной долины", "Леди Гамильтон", "Мост Ватерлоо", "Сестра его дворецкого" и другие. Джаз-оркестр Капернаума, состоявший из хороших "слухачей", быстро подхватывал популярные мелодии из кинофильмов и к большому удовольствию публики исполнял их в танцевальном ритме. В общем, свободному от службы молодому (и не очень) офицеру Капернаум давал возможность культурно и весело отдохнуть…".

“Давным-давно” на сцене театра Северного флота. 1943 год.

Молодежь Кировского района Мурманска встречает Новый, 1944-й год.

Сергеев пишет, что свой офицерский клуб имелся и в Мурманске. Имелся еще интерклуб, но, по словам автора книги "Лунин атакует "Тирпиц", наши офицеры туда не ходили - там было неинтересно: "Иностранные моряки после очередного удачно окончившегося рейса на радостях очень крепко выпивали, тем более что у нас в СССР водка стоила гроши по сравнению с аналогичной продукцией у них на родине. Не стоит также говорить об "ограниченном дамском контингенте", который там бытовал постоянно. Нередко бывали там жестокие драки по самым разным причинам, в том числе национальным и расовым…".

В интерклубе, кстати, можно было не только выпить и подраться - тут, сдается мне, Сергеев несколько сгущает краски. По воспоминаниям многих очевидцев и участников событий там вполне вольготно можно было и потанцевать, и кино посмотреть. Фильмы, правда, показывали в основном трофейные и, разумеется, без дубляжа, в оригинале. То есть на неизвестном большинству аудитории языке.

Еще один снимок 1943 года - фрагмент из спектакля "Давным-давно" в исполнении артистов театра Северного флота. Поручик Ржевский в исполнении Бориса Хотянова и Шурочка Азарова, которую играла Зинаида Дмитриева - жена тогдашнего режиссера ТСФ Валентина Плучека, впоследствии многие годы возглавлявшего Московский театр сатиры с блистательными Папановым и Мироновым. А начинал вот у нас, на Кольском Севере - двадцать спектаклей подготовил, в том числе и "Давным-давно" Александра Гладкова, эпизод из которого вы видите на снимке…

Показательно, что во время войны театр работал сразу с несколькими известными драматургами. Новенькую пьесу Константина Симонова "Русские люди" здесь ставили параллельно с Московским театром имени Ленинского комсомола. Благо Симонов бывал у нас несколько раз в конце 1941-го - начале 1942-го, передал труппе собственный экземпляр этой своей работы, помогал в ее постановке.

Вообще, с точки зрения быта мурманчанам, понятное дело, жилось в войну непросто, но в отличие, скажем, от Архангельска голода не было. Никогда! Все, кто оставался в Мурманске, были закреплены за столовыми, куда сдавали свои продовольственные карточки и где могли один раз в день пообедать.

Конечно, каждый искал добавки к рациону. Тот же Александр Воронин - автор книги "Мурманск в огне войны" в те годы - начальник штаба местной противовоздушной обороны, к примеру (и не он один!), ловил рыбку в заливе. Помогали и огороды. Причем заботы об их разведении взяло на себя государство. Занялось этим всерьез, с размахом: всем желающим отводили земельные участки, выдавали семена. Так что вскоре огороды в Мурманске зазеленели повсюду.

В общем, жизнь продолжалась. И праздники отмечали, и влюблялись, и свадьбы играли. Одну такую замечательно описывает в книге "Дружинницы, подруги мои" политрук санитарной дружины Екатерина Владыкина: "Как положено по традиции, приглашены гости, богато накрыт стол - на нем был не только донорский паек невесты, но и ее подружек, плюс солдатский паек жениха. Чокнулись бокалами, налитыми из солдатской фляжки, прокричали "Горько!". Потом танцевали под патефон, пели любимые песни. Свадьба продолжалась до утра, хотя зимой в Мурманске это понятие условное. И все было бы как раньше, если бы торжество не прерывали вынужденные антракты…".

"Антракты" - это вой сирены, сигнал "ВТ" - воздушной тревоги. Что поделаешь? Война.

Дмитрий КОРЖОВ,
член Союза писателей России.
Фото из архива Музея Северного флота
и из книги М. И. Старостина
"Дневник войны".

Старостин осматривает обкомовский огород. Сентябрь 1942-го.

ДК Кирова после бомбежек в июне 1942 года.

Угол улиц Профсоюзов и Пушкинской.

Не горело только море

Сто страниц истории к 100-летию Мурманска

...Страшно.

Я никогда не бывал под бомбами. Снимки, которые вы сегодня видите, сделаны в Мурманске после 18 июня 1942 года - черный для столицы нашего края день. День, когда город был сожжен авиацией врага. Дотла. Как же страшно узнавать в руинах очертания знакомых, любимых улиц. Впрочем, иногда и очертаний-то не различишь: от улиц и площадей остались лишь печные трубы да бесформенные развалины.

Как вы думаете, что за здание изображено на снимке (вверху слева)? Оно, безусловно, хорошо знакомо каждому мурманчанину. Это Дворец культуры имени Кирова. После прямого попадания фугасной бомбы. Сейчас здание ДК иное - и перестраивали, и восстанавливали его неоднократно, но лестница да и фасад почти не изменились. Только вот скульптур на тумбах справа и слева от ступенек, ведущих к входу, давно уж нет. Да и раны от осколков не видны - зажили.

18 июня 1942-го... В этот день, по сути, не стало деревянного Мурманска. На фото (в центре) пожарные тушат деревянный дом именно в этот скорбный день. Снимок, судя по всему, репортажный, живой. Думаю, делать постановочное фото в том аду, что творился на улицах столицы Кольского Севера, никому не пришло бы в голову - людям было просто не до того.

Вот что рассказывал о летних бомбежках 1942-го один из очевидцев - Г. В. Вольт: "Кругом все горело. Горел новый клуб, дом таможни, клуб имени Володарского. В горящих в овраге складах что-то взрывалось и валил едкий желтый дым. Оглянувшись, увидел, что весь портовый поселок представлял сплошное море огня и дыма...

На Октябрьской прошел мимо трупа обгоревшего мужчины с лопнувшим животом и вывалившимися внутренностями.

На улице Челюскинцев около конечной остановки автобуса лежали незначительно обгоревшие трупы женщины с девочкой лет около десяти на руках, которая обняла женщину обеими руками за шею.

Немного дальше из укрытия с обгоревшим перекрытием достали около десяти трупов задохнувшихся и сгоревших женщин и детей, у которых отвалились конечности...".

Читаешь такое и становится по-настоящему страшно. Стоит ли вспоминать такое? Убежден, что стоит. Победа - прекрасна. Но путь к ней тяжел и страшен. Помнить об этом мы обязаны. Как и о тех страданиях, что принес на нашу землю враг.

В тот страшный для Мурманска день, когда только в центральной части сгорело 600 домов, досталось в первую очередь судоверфи и рыбному порту, примыкающим к нему улицам...

Легендарного Максима Ивановича Старостина, руководившего областью в те трагические дни, 18 июня в городе не было - глава обкома ВКПб уезжал в Москву, а вернулся - вторая волна огня, захлестнувшего город, когда враг бомбил Жилстрой. Читаем в его дневнике запись от 30 июня 42-го:

Пожарные тушат деревянный дом.

"...Поехал на Жилстрой. С горы вид на город - сплошное море огня. Деревянные дома горят как свечки. Дым от пожаров поднялся над городом на несколько километров. Сверху сфотографировал пожар и поехал к горящим зданиям Жилстроя. Много валяется на земле зажигательных бомб, потушенных жителями. Загораются деревянные тротуары, заборы. Люди отрывают горящие доски. Досками же тушат зажигалки. Население прилегающих к пожару кварталов эвакуировалось из домов - сплошной поток людей и вещей...".

В эти дни город фактически перестал существовать - выгорел на три четверти. Тысячи мурманчан остались без жилья и вещей первой необходимости. И тут - надо отдать должное тогдашней власти - среагировала она мгновенно и действенно. Лишенных домов людей переселили на Планерное поле - да, в землянки, но максимально обустроенные, готовые к жизни.

"В землянках за государственный счет были установлены койки с постельным бельем, которое менялось каждые десять дней. Имелись землянки-кухни и кубовые, где можно было приготовить еду, взять кипятку..." - читаем у Александра Андреевича Воронина, начальника Мурманской МПВО в его книге "Мурманск в огне".

Что тут скажешь? О простых людях тогда заботились всерьез - в том числе и потому, что от них зависело, выстоим ли мы в войне. Доставленное по ленд-лизу было стране необходимо как никогда. А потому питание, бытовые условия работников порта - это был вопрос государственный, вопрос жизни и смерти... И конкретных людей, и Мурманска, и всего СССР.

Еще одно наше фото сделано в двух шагах от ДК. Это угол улиц Профсоюзов и Пушкинской. Каменные здания исковерканы, изранены, но все же стоят. И снова - печные трубы... Горький отличительный знак, символ летнего Мурманска 42-го. Все, что осталось от нашего города.

Нет, неправда. Ведь город - не только и не столько здания...

Город - это прежде всего люди. Те, что выстояли, и в страшные дни июньских бомбардировок, и позднее, - все долгие три военных года, пока Мурманск оставался прифронтовым. Годы, когда смерть была рядом с мурманчанами - каждый день.

Памятник Кирову. Вид на горящий порт.

Дмитрий КОРЖОВ,
член Союза писателей России.

Крылатые союзники

Операция "Бенедикт"

Сто страниц истории к 100-летию Мурманска

"Да ему памятник надо в Мурманске поставить!" - так считает Юрий Рыбин - историк, известный исследователь боевых действий в небе Кольского Заполярья в период Великой Отечественной. Речь не о человеке - о самолете - английском истребителе "харрикейн". Не лучшем, не самом на тот момент современном, но очень нас выручившем в 1941-42-м, в самое тяжелое, страшное, смертное время - и для Мурманска, и для всей страны.

Действительно, роль "харрикейна" в битве за Мурманск и Кировскую железную дорогу трудно переоценить. Он нас действительно выручил. На период начала войны, учитывая недостаточную квалификацию советских летчиков и проблемы с техническим обеспечением аэродромов, этот самолет стал настоящей находкой.

- "Аэрокобра" сложнее в пилотировании, а "киттихаук" - в эксплуатации, - рассказывал мне несколько лет назад Рыбин. - У последнего движок был сложный. Хотя вполне возможно, что наши просто не умели им пользоваться. Вот американец Клэр Ли Ченнолт в книге "Путь бойца" с восторгом отзывается о двигателе "киттихаука"...

Конечно, заслуги британской боевой машины безусловны, но вот насчет памятника я бы чуть-чуть поспорил. Уверен, не только и не столько железному нашему союзнику это должен быть памятник, но людям, которые делали это железо живым, - английским и русским летчикам, защищавшим небо над Мурманом. Да-да, появление знаменитых, воспетых Константином Симоновым британских асов на Кольском Севере в первую очередь связано с "харрикейнами".

Операция "Бенедикт" - так окрестили сами британцы деятельность у нас 151-го авиакрыла английских ВВС.

- Их главная задача здесь - научить советских летчиков летать на "харрикейнах", о чем мы, говоря об англичанах, их боевой работе у нас (она, к слову, длилась недолго - чуть больше месяца), не всегда вспоминаем... - сетует историк.

Кстати, по словам Рыбина, первые три боя в кольском небе английские летчики вели и с немцами, и с нашими.

- Да они просто не знали, как выглядят наши самолеты! - разводит руками Юрий Валентинович. - Прибыли на пустой аэродром Ваенга-1, наши самолеты сафоновского полка базировались на другом, на Ваенге-2, в нынешнем Малом Сафонове... Когда читаешь в воспоминаниях английского пилота: "Я атаковал маленький пузатый самолет" - понимаешь, что, скорее всего, атаке подвергся наш И-16. В свою очередь, и советские летчики в тот момент не совсем правильно разобрались в обстановке в воздухе и, по всей видимости, атаковали один из "харрикейнов", приняв его за вражеский одномоторный бомбардировщик Ju-87.

Но обо всем по порядку.

151-е авиакрыло было создано специально для действий в Советском Союзе, состояло из двух эскадрилий: 81-й и 134-й, которые возглавляли майоры Рук и Миллер. Всего около 550 человек, из них 30 летчиков, до сотни офицеров управления, техников и других авиационных специалистов; кроме того, почти 400 человек обслуживающего персонала - медиков, переводчиков, шоферов, поваров. А командовал всем этим воинством подполковник Рамсботтом-Ишервуд. Личность, без преувеличения, легендарная, но о нем чуть позже.

Летчики 81-й эскадрильи рядом со своей землянкой на аэродроме Ваенга. Табло слева указывает, какие "харрикейны" готовы к вылету.

Первый "харрикейн" сел на аэродроме Ваенга-1 7 сентября 1941 года. Как считает Рыбин, скорее всего, им управлял командир 134-й эскадрильи майор Миллер. И он, и его товарищи взлетали с авианосца "Аргус", доставившего к нам в составе первого союзного конвоя двадцать четыре "харрикейна".

Несмотря на плотный туман в море, все англичане достигли цели без потерь. Правда, повредили шасси, и на посадке на нашем аэродроме не обошлось без аварий. Впрочем, поврежденные самолеты очень быстро вернулись в строй.

Как отмечает Юрий Рыбин, советская сторона знала о прибытии союзников и с надлежащим тщанием готовилась к встрече. Уже на следующий день командующий авиацией СФ генерал-майор Александр Алексеевич Кузнецов дал прием и концерт для английских офицеров. С нашей стороны на встречу с союзниками были приглашены лучшие летчики-офицеры 72-го, сафоновского смешанного авиационного полка североморских ВВС.

"Харрикейн" командующего ВВС СФ генерал-майора Александра Кузнецова.

Любопытно отметить, что еще за месяц до прибытия английских летчиков штаб СФ получил указания, как должны себя вести наши военнослужащие с новыми союзниками. Вот что писал об этом позже один из партработников штаба ВВС флота Александр Федорович:

"Меня ознакомили с содержанием директивы, где было сказано, что в случае прибытия союзников в Ваенгу, Мурманск, Полярное необходимо показать такт вежливости, не увлекаться их успехами, не умалять наши достоинства. Союзникам можно показать кинокартины "Александр Невский", "Шел солдат с фронта", "Всадники", "Профессор Момлок", "Семья Опенгейм", "Болотные солдаты", "Борьба продолжается", "Если завтра война", "Танкисты". Меня предупредили, что на аэродроме Ваенга-1 будут базироваться только бомбардировщики и английские самолеты "харрикейн" (все эскадрильи истребителей МиГ-3, И-16, И-153 и И-15бис 72-го САП временно перебазировали на аэродром Ваенга-2). Я несу ответственность за все состояние общественной и политической работы, за высокий патриотизм...".

На следующий день после этого официального приема, где столы ломились от спиртного и всяческих кушаний (даже красная икра имелась!), англичане оказались небоеспособными - к завтраку смогли выйти лишь несколько. Остальные до конца дня не смогли и с постели встать.

Еще 30 августа в пяти милях от Архангельска бросили якорь несколько британских судов, которые доставили в СССР другую часть первой партии "харрикейнов" - шестнадцать самолетов, но в разобранном виде.

Из Архангельска летчиков британского авиасоединения разными путями доставили в Ваенгу: 2 сентября на двух транспортных самолетах "дуглас" была вывезена часть специалистов, которая обеспечила прием "харрикейнов", вылетавших с авианосца "Аргус". Интересно, что при перелете один из "дугласов" столкнулся с вражескими истребителями и был вынужден вернуться. В Ваенгу его пассажиры перелетели лишь на следующий день. Большая же часть участников операции "Бенедикт" во главе с командиром авиакрыла преодолела этот непростой путь по морю на двух английских эсминцах. Остальные участники спецоперации добирались до Ваенги по железной дороге.

Дмитрий КОРЖОВ,
член Союза писателей России.
Фото с сайта lend-lease.airforce.ru

Продолжение следует.

Крылатые союзники

Герой! Хоть и овечья задница

Сто страниц истории к 100-летию Мурманска

Продолжение.
Начало в номере за 25 июля

Теперь, когда "харрикейны", ведомые летчиками 151-го авиакрыла, достигли Ваенги первой и ждут команды на взлет, стоит, как я и обещал, рассказать подробнее об их командире - подполковнике Генри Невиле Гайнсе Рамсботтоме-Ишервуде.

На фото, которое сделано в Лондоне в марте 1942-го, он с орденом Ленина в руках - его только что вручил союзнику посол СССР в Великобритании Иван Майский.

Два года назад мне довелось общаться с его внучатым племянником - Гайнсом Полом Ишервудом. Потомок британского аса побывал в Мурманске в составе новозеландской съемочной группы.

С новозеландскими киношниками и Гайнсом Ишервудом два года назад меня познакомил Андрей Милохин - директор гостиницы "Полярные Зори", где жили наши гости с другого континента. Оказалось, они снимают фильм о своих соотечественниках - участниках второй мировой войны. Снимали и в Новой Зеландии, и в Австралии, и в Европе, и у нас - в Питере, Москве и Мурманске.

Диалог у нас получился своеобразный - полезный и для заморского кино, и для меня: сначала на камеру я им рассказал о военном Мурманске, а потом уж поговорили об их работе в России и, конечно, - о старшем Ишервуде.

Генри Невил Гайнс Рамсботтом-Ишервуд, повторюсь, личность легендарная. Что говорить, если сам Симонов о нем писал! Чудесное такое свидетельство оставил о командире английских асов в "Записках молодого человека". Действие происходило на аэродроме Ваенга первая, в нынешнем Североморске, именно там базировались наши британские авиасоюзники.

"...Мы подъехали на машине к командному пункту крыла и взобрались на скалу, на которой он находился.

Аэродром Ваенга.

В помещении командного пункта сидел подполковник Ишервуд, красивый человек небольшого роста, с тяжелой, начинающей седеть головой и умным лицом. Рядом с ним сидел капитан - офицер Интеллидженс сервис, неплохо говоривший по-русски и производивший впечатление, совершенно обратное тому, какое производил подполковник. Подполковник был, несомненно, солдат, в то время как капитан был, несомненно, разведчик. Чего он, впрочем, и не скрывал.

Особенно длинного разговора не получилось. Мы немножко поговорили с Ишервудом с помощью нашего представителя при англичанах - капитана морской авиации Андрюшина, потом постояли на наблюдательном пункте, потом Бернштейн снял с терпеливых англичан целую дюжину фотографий, и мы двинулись в блиндажи эскадрильи, расположенные по краям летного поля...".

Британские асы в перерыве между боями.

Оказалось, Гайнс Ишервуд-младший никогда этих строк не читал, о Симонове вообще прежде не слышал. Когда рассказываю ему про одного из лучших советских военных репортеров и поэтов, про его легендарное "Жди меня", Ишервуд уточняет осторожно:

- Он был для вас героем? Его правда знала вся страна?

- Да, да! Все так и было... - киваю я.

И все-таки не до конца он мне верит - просит показать место в книге, где про его деда черным по белому. Показываю, а сам тем временем рассказываю, что другой исследователь Великой Отечественной войны на Русском Севере - Михаил Супрун - отмечает, что Ишервуд был великолепным регбистом и очень остроумным человеком.

- Это правда! - подтверждает Гайнс. - У нас спорт любят любой, но регби - главный вид спорта в Новой Зеландии, самый любимый. А насчет остроумного... Да, он пошутить умел.

Гайнс довольно улыбается, а потом спрашивает:

- Знаешь, что у нас обозначает его первая фамилия - Рамсботтом?

- Нет, конечно... - отвечаю.

- Овечья задница! - со смехом переводит внучатый племянник английского аса.

Жизнь старшего Гайнса Ишервуда выдалась яркой, рисковой, но недолгой - он погиб в 43 года, разбился. Уже после войны. Оказалось, мирное небо не стало для него гарантом безопасности. Всему виной профессия - летчик-испытатель... К сожалению, не слишком радостная доля досталась и его ордену Ленина - несколько лет назад награду продали на аукционе "Сотбис". За 40 тысяч фунтов стерлингов.

- Как же так с орденом Ленина дедовым получилось? Как так вышло, что он ушел из семьи?

- Дочь деда, моя тетка, нашла его ордена и медали где-то в буфете, в какой-то небольшой жестяной коробочке, куда много лет никто не заглядывал. А женщина уже в возрасте, болела. Она даже не поняла, что это такое... И продала их на аукционе. Мой отец хотел его выкупить, но не получилось. Насколько я знаю, он "ушел" в частную коллекцию куда-то на Украину.

- А когда вы начали заниматься историей семьи, судьбой своего легендарного предка?

- Всю жизнь, с раннего детства, - признается новозеландец. - Меня ведь и назвали в честь деда - Гайнс. Имя, кстати, у нас редкое, необычное, и мне стало интересно: почему так, откуда оно взялось, это имя? Так что судьба деда меня интересовала всегда... О нем ведь немало писали газеты - и новозеландские, и британские. И фото его хранились у нас.

- А что вообще знают в Новой Зеландии о нашей совместной борьбе против фашизма во вторую мировую?

- Мало, - включается в разговор режиссер-оператор будущего фильма о новозеландцах в великой войне Ричард Ирл Риддифорд. - В том-то и заключается наша задача - рассказать им о том, как это было. Новозеландцам очень трудно представить, каких это стоило вам жертв. Мы хотим показать, насколько была велика роль советских людей в победе над фашизмом.

- Мы знаем, что фронт советско-германский был самым важным в той войне и самым ужасным, - добавляет продюсер фильма Мэтью Хоррокс. - Но и для нас это очень значимая страница в истории Новой Зеландии. В процентном отношении потери нашей страны в той войне больше, чем английские и французские...

Говорим с Ишервудом и его товарищами о том удивительном времени, когда были вместе против общего врага, о том, что это было подлинное братство. Братство в огне. О котором мы обязаны помнить.

Гайнс между тем рассказывает о себе. Живет в Австралии, в Сиднее. Профессия у него долгое время была самая мирная, хотя и не без экзотики и приключений. Он занимался гостиничным бизнесом на курортах по всему миру - в Бирме, на Таити, в дальних уголках Австралии. Но кровь предков взяла свое: сейчас у него новая работа - экстремальный туризм.

- Последние три года я сопровождаю так называемые приключенческие туры: в Южной Америке - по горам, также в Китае и Вьетнаме. Однажды я на каноэ обогнул остров к северу от Австралии - три тысячи километров пути. Не слышал, чтобы кто-то делал подобное прежде. Может быть, в следующем году полезу на какую-нибудь гору альпинистом.

- Вы, кажется, похожи на деда - и не только внешне. Такой же любитель острых ощущений, рисковый человек...

Гайнс улыбается, но сдержанно, показывая, что все не совсем так, как я думаю.

- Это так. Я тоже экстремал, конечно. И похож на дедушку, - говорит мой собеседник, а потом показывает пальцами невеликое пространство - с сантиметр, наверное: - Но вот настолько. Совсем чуть-чуть...

Дмитрий КОРЖОВ,
член Союза писателей России.
Фото с сайта
lend - lease.airforce.ru

Продолжение следует.

Крылатые союзники

Не поймешь, где свои, где чужие

Сто страниц истории к 100-летию Мурманска

Продолжение. Начало в номерах за 25 июля и 2 августа

Бои для английского авиакрыла начались 12 сентября. В одном из вылетов два британских пилота столкнулись с двухмоторным самолетом, который был похож и на двухмоторный "Мессершмитт" Bf-110, и на советский бомбардировщик Пе-2. Потом уж разглядели на плоскостях черно-белые кресты, преследовали противника до линии фронта, но без результата.

Первый полновесный воздушный бой состоялся позже, когда шестерка "харрикейнов" вылетела по тревоге на перехват. Вот как описывает дальнейшие события военный историк, специалист по боевым действиям в небе Кольского Заполярья Юрий Рыбин: "*Несмотря на пасмурное серое небо и нависшие облака, видимость была хорошей. Разрывы зенитных снарядов указали им нахождение вражеских самолетов - чуть выше себя английские летчики заметили несколько черных точек, которые при приближении превратились в четыре "стодевятых", сопровождавших один "Хеншель-126". По воспоминаниям участников воздушного боя, немецкие истребители, заметив приближающиеся "харрикейны", не вступая в схватку, начали разворачиваться. В этот момент ведущий группы сержант Хау снизу атаковал ближайший к себе "мессершмитт", летчик видел, как огненные свинцовые очереди впились в корневую часть крыла вражеского самолета, откуда сразу же повалил черный дым и показалось пламя. После чего Хау заложил крутой вираж с целью атаковать "хеншель", но при этом потерял скорость, и противник вышел из поля его зрения. В это же время сержант Вауд, летевший рядом с командиром звена, выпустил короткую очередь по вражескому корректировщику, который оказался как раз по его курсу...*".

В итоге в небе закрутилась карусель, в свистопляске которой немцам удалось подбить "харрикейн" сержанта Смита. Самолет задымил, начал быстро терять высоту, врезался в землю и взорвался. Летчик его не покинул, видимо, из-за того, что по какой-то причине снаряда заклинило сдвижную часть фонаря и он не смог открыть кабину. Надо сказать, это была единственная потеря 151-го авиакрыла за время их заполярной командировки.

Занятно, источники дают понять, что английские летчики после задания были предельно измотаны, едва выбрались из своих самолетов, однако в докладных записках не преминули отметить, что, по их мнению, "пилоты "мессершмиттов" имели низкую выучку - в бою "совершали довольно много глупых маневров", что дало им возможность сбить три "стодевятых" и один "хенкель".

Как отмечает Юрий Рыбин, "*столь странное поведение немецких летчиков в этом бою можно объяснить тем, что пилотам "стодевятых" пришлось отражать атаки не только английских "харрикейнов", но и истребителей ВВС Северного флота. Дело в том, что в это же время летчики 72-го САП: восемь И-15 бис под командованием капитана Юрия Погорелова в сопровождении пяти И-16 во главе с капитаном Борисом Сафоновым над линией фронта вели штурмовые действия. После штурмовки войск противника, когда "бисы" ушли, группа И-16 атаковала над линией фронта группу немецких самолетов. По докладам летчиков-североморцев младший лейтенант Виктор Максимович сбил "Хенкель-126"...*".

Англичане за любимым занятием.

Надо сказать, несмотря на войну и ежедневную боевую работу, англичане ни в коей мере не изменяли своим привычкам и традициям. Как и когда-то, в 1918-1920-м, в белогвардейском еще Мурманске, они и теперь играли в футбол. Да и быт свой фронтовой обустроили с комфортом. Об этом не без восхищения пишет в своем военном дневнике побывавший у британских летчиков в октябре 41-го поэт и репортер "Красной Звезды" Константин Симонов (он, кстати, к нам тогда приехал в первую очередь ради этого - для того чтобы написать очерк об английских асах, воюющих за СССР):

"*В своем хотя и низком, но довольно просторном блиндаже англичане сделали все, чтобы возможно веселее отбывать время дежурств. В блиндаже стоял патефон с танцевальными пластинками и было несколько игр: бильбоке, китайский бильярд и пробковый круг, в который, как в мишень, бросают металлические стрелки со стабилизаторами из перышек. Эта простая на вид игра требует для успеха довольно длительной тренировки, впрочем, на нее в условиях здешних северных непогод у англичан вполне достаточно времени.*

Из досок и набитых сеном матрацев англичане устроили у себя в дежурке низкие самодельные кресла, на которых можно сидеть развалясь и даже дремать. Меня приятно поразило, по контрасту с тем, что я иногда видел у нас, это отсутствие у англичан серьезности и официальности там, где ни то, ни другое вовсе не требуется...

В блиндаже у англичан царила веселая непринужденность, а в быту, в личном общении они обходились друг с другом по-товарищески, легко и свободно, в этом смысле очень напоминая наших летчиков...".

Занятно, конечно, Константин Михайлович дартс описывает. Для советского человека подобные забавы, разумеется, были в диковинку, как и то, что за выпивку на фронте надо платить:

"*По комнате ходил унтер-офицер, обносивший всех желающих виски с содовой. У англичан своя система питья, диаметрально противоположная нашей. Они наливают на дно стакана микроскопическое количество виски и по нескольку раз доливают его водой. Каждая порция не превышает тридцати граммов, но пьют они целый вечер.*

У разносившего виски унтер-офицера была с собой книжечка, в которой расписывался каждый, кому наливалось виски. Когда мы спросили Ходсона, что это означает, он объяснил, что офицерам, так же как солдатам, в качестве бесплатного рациона полагается ром, а виски - это их личный расход. Поэтому каждый и расписывался за свою порцию.

Вообще-то это понятно, но меня вдруг рассмешило, когда я представил себе на минуту наших собравшихся на отдых летчиков, которых обносят рюмками с налитыми в них тридцатью граммами водки и заставляют каждый раз расписываться за каждые тридцать граммов...".

Сбитый немецкий самолет.

Дмитрий КОРЖОВ,
член Союза писателей России.

Окончание следует.

Крылатые союзники

Прощание - с шиком!

Сто страниц истории к 100-летию Мурманска

Окончание.
Начало в номерах
за 25 июля,
2 и 15 августа

"А вообще англичане сбили здесь уже не то шестнадцать, не то семнадцать самолетов..." - писал Константин Симонов в своем дневнике. Как видим, за очень непродолжительный срок сбили британцы много. При том, что сами потеряли всего один самолет.

Если же говорить об успехах 151-го крыла на Кольском Севере, то они, без сомнения, весомы: уже за первые полмесяца боев - 12 сбитых самолетов. Интересно, что на основании приказа командующего ВВС Северного флота от 2 октября 1941 года английским летчикам за сбитые самолеты противника было выплачено денежное вознаграждение. В приказе прямым текстом говорилось:

"Всего летчиками 81-й эскадрильи сбито за время с 12 сентября по 27 сентября 1941 года двенадцать самолетов противника. Начальнику финансового отделения ВВС Северного флота на основании приказа НК ВМФ № 0786 от 22.08.41 г. выдать наградные деньги в распоряжение командира 81-й эскадрильи майора Рук в сумме двенадцати тысяч рублей...".

Немаленькая сумма, вообще-то говоря! Но англичане, надо отдать им должное, распорядились честно заработанными советскими рублями как истинные джентльмены - перевели всю сумму в один из лондонских благотворительных фондов.

Конечно, не всегда и не везде шло у наших крылатых союзников так уж гладко и безоблачно. Случались и неудачи, и даже несчастные случаи. Так, 27 сентября после метелей, что бушевали над Ваенгой накануне, и последовавшей за ними оттепели аэродром превратился в раскисшее поле с многочисленными лужами. Из-за этого, чтобы "харрикейны" в этой непролазной грязи не клевали носами при выруливании на "взлетку", на хвост самолета сажали по два механика, которые по сигналу пилота спрыгивали с самолета перед самым взлетом.

Именно так, когда по тревоге взлетал командир звена 134-й эскадрильи старший лейтенант Вик Берг, на хвосте у него сидели два механика. Едва набрав высоту (около двадцати метров), самолет свалился на левое крыло и упал на взлетную полосу, при этом погибли оба "хвостовых", а летчик был тяжело ранен. Возможно, произошло это оттого, что в этот день у Берга было много вылетов - пилот попросту устал.

Последний бой в нашем небе истребители 151-го авиакрыла провели 6 октября, когда перехватили идущие к Ваенге Первой "юнкерсы". Тут их ждало несколько новых побед, в чем англичанам изрядно помогли истребители-североморцы и наши зенитки.

Вот как об этом рассказывал на допросе сбитый немецкий пилот унтер-офицер Роберт Хаберман: "В районе Киркенеса к нам присоединились 3-4 Ме-110. Ввиду того, что самолеты шли на высоте четыре тысячи метров (выше облачности), то Ме-109 в районе Петсамо присоединиться к нам не смогли. Пошли к цели без них. При подходе к аэродрому "Ваенга" по группе открыла огонь зенитная артиллерия, а затем мы были атакованы английскими и советскими истребителями. Сбросил бомбы вблизи аэродрома, развернулся и стал уходить на запад. Самолетом "харрикейн" был зажжен один мотор бомбардировщика, летчик пошел на снижение и произвел вынужденную посадку. Самолет сгорел, три ефрейтора и один унтер-офицер имеют ранения. Посадка была произведена западнее Полярного. Экипаж был задержан советскими пограничниками.".

Английские пилоты у своего самолета.

А вот показания лейтенанта Германна Зервоса, пилота второго сбитого "юнкерса":

"...Ваша зенитная артиллерия успешно обстреляла нас и заставила нас рассыпаться, то есть нарушила строй. В 10 километрах от Мурманска осколком зенитного снаряда было пробито брюхо моей машины. Сбросив бомбы куда-то в воду, я повернул самолет на запад, но неожиданно был встречен "харрикейном", которым был сбит. Посадка среди камней и ям закончилась гибелью двух членов экипажа - бортового стрелка ефрейтора Функе и наблюдателя унтер-офицера Камме. Я и бортрадист Моу получили легкие ушибы. Через десять минут после посадки, едва успев покинуть самолет, мы были взяты в плен красноармейцами. Бортрадист фельдфебель Моу [был] доставлен в госпиталь...".

Эти победы стали для летчиков 151-го авиакрыла последними в небе над Мурманском.

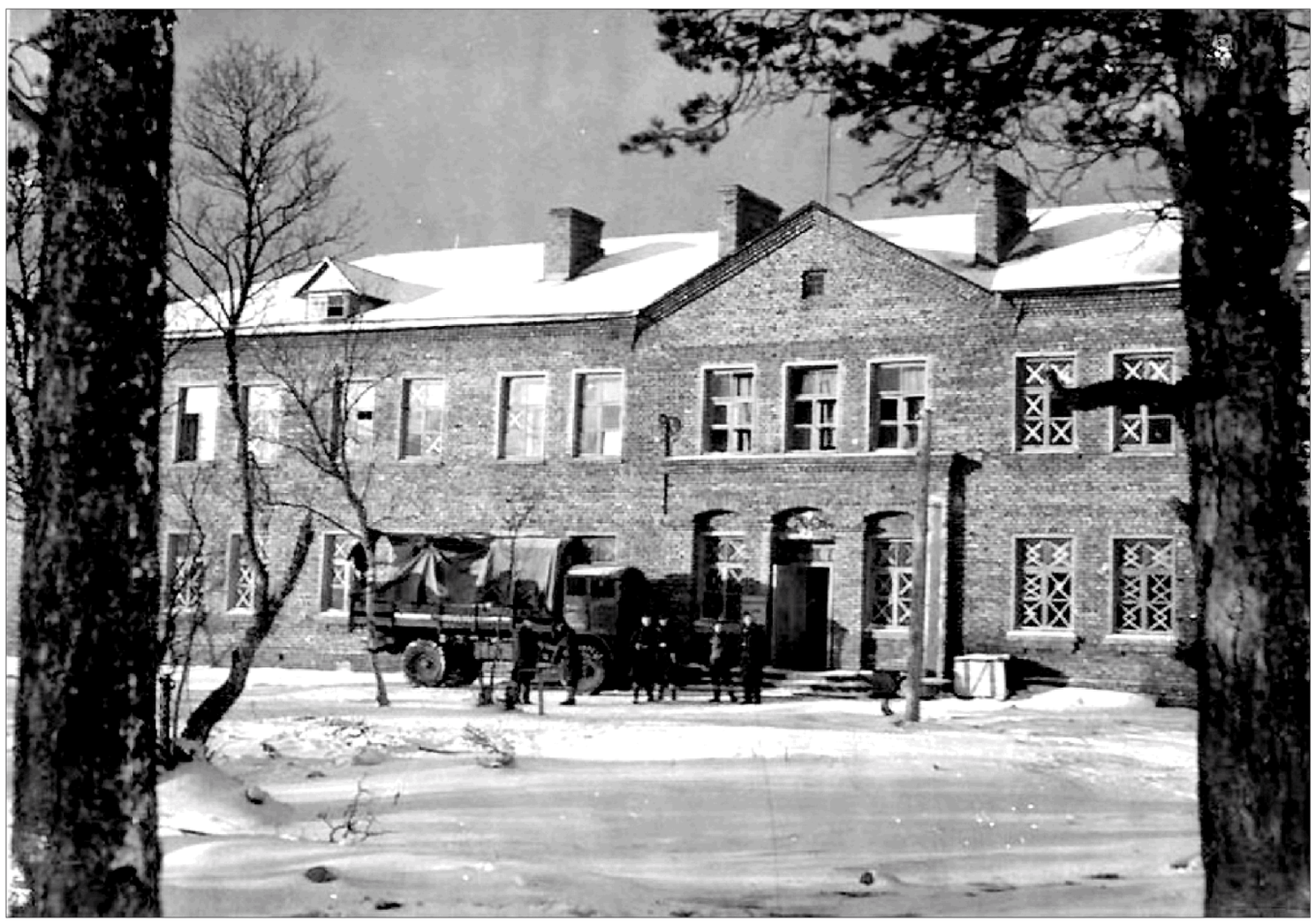
Однако пилоты 30-й ударной эскадры "Adler" люфтваффе 16 октября еще раз заставили англичан пережить несколько неприятных минут, правда, на земле. Пятерка Ju-88 под прикрытием четырех Bf-109 в послеобеденные часы нанесла внезапный удар по Ваенге Первой. К сожалению, наземные наблюдатели традиционно сообщили о появлении вражеских бомбардировщиков одновременно с падением первых бомб на летное поле.

13 октября англичане начали передачу своих "харрикейнов" советской стороне, но продолжали вести боевые действия еще несколько дней. 17 октября стал последним днем боевой деятельности летчиков 151-го авиакрыла в советском небе Заполярья.

Летчики и техсостав 151-го авиакрыла покинули Мурманск 16 ноября. Как рассказывали очевидцы, над палубами уходящих союзных кораблей, где стояли английские пилоты, пронеслись "харрикейны" под командованием Героя Советского Союза капитана Бориса Сафонова. Причем сделано это было с особенным шиком - североморцы летели строем "Hendon Formaggers", которому их научили британцы. Это было и прощание с союзниками и в то же время знак признательности за новую технику и помощь в ее освоении.

Не замедлили и награды. Уже в конце ноября четверка английских асов - командир крыла Рэмсботтом-Ишервуд, комэски Рук и Миллер, а также сержант Хау были награждены орденами Ленина, которые им вручили в марте 42-го. Сделал это, как мы уже знаем, советский посол в Лондоне Майский. Позже - орденом Красной Звезды - наградили и командира группы техобеспечения лейтенанта-инженер Гиттинса.

Дмитрий КОРЖОВ,
член Союза писателей России.

Дом в Ваенге-1, где жили летчики 151-го авиакрыла.

Самый страшный день для Мурманска

Сто страниц истории к 100-летию Мурманска

В XIX веке англичане сожгли уездный центр Колу, в XX веке гитлеровцы спалили Мурманск. За то, что жители этих городов не уступили противнику, не выбросили белый флаг, сражались до конца. Кто-то из историков подсчитал: на каждого жителя заполярной столицы пришлось по тридцать килограммов взрывчатки, упавшей с неба. В России по количеству сброшенных бомб на квадратный метр наш город уступает лишь Сталинграду.

В 1941 году, ожидая скорой оккупации города горными егерями, немцы подвергали Мурманск "щадящим" бомбардировкам, бомбы сбрасывались в основном на военные объекты: порт, железнодорожную станцию, аэродромы. Весной 1942 года в связи с беспрепятственным приходом союзных конвоев в Мурманский порт Гитлер потребовал стереть Мурманск с лица Земли. Бомбардировки усилились и в июне - июле достигли своего апогея. Если в марте отмечено на город 700 самолетовылетов, то в июне - 2895.

МУРМАНЧАНЕ ПОМНЯТ ЭТОТ ДЕНЬ

18 июня 1942 года - день поистине трагический. Начиная с 11.35 и до позднего вечера в четырех вражеских налетах участвовали 53 бомбардировщика-"юнкерса" Ю-87 и Ю-88 под прикрытием 52 истребителей. Самолеты бомбили с высоты 5-6 тысяч метров по площадям. На деревянные кварталы сыпались кассеты с зажигалками. Кассеты в воздухе раскрывались, зажигалки рассыпались веером, охватывая большое пространство. Только на дома Кировского района (нынешний центр) их упало 25 тысяч. На горящие здания падали и тяжелые фугасные бомбы. Разрываясь, они разбрасывали горящие головни на сотни метров.

День 18 июня 72 года назад выдался жарким, ветреным, что способствовало распространению огня. Возникали новые очаги, воды для тушения не хватало, да и сложно было тушить, когда со всех сторон бушевало пламя. Горели проспект Сталина (часть нынешнего проспекта Ленина), улицы Софьи Перовской, Профсоюзов, Челюскинцев, Карла Либкнехта. Спасали в первую очередь людей, отстаивали наиболее важные объекты: Дом Советов, Почтамт, Госбанк, управление НКВД, госпиталь, Дом культуры имени С. М. Кирова. Именно в этот день в него попала фугасная бомба, часть здания была разрушена. Люди, пережившие самый большой мурманский пожар, сохранили его в памяти на всю жизнь.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ЖИТЕЛЕЙ

Вот воспоминания сандружинницы Е. Д. Владыкиной, которая участвовала в спасательных работах:

"...Горело все: дома, телеграфные столбы, провода радиолиний, газетные киоски, машины, остановившиеся по сигналу тревоги, трансформаторные будки, расплавленный асфальт, деревья, овощехранилища с низкими крышами, покрытыми дерном, - горело все, что было на земле, горела сама земля, и, кажется, горели даже камни. Воздух настолько накалился, что нечем было дышать. И так продолжалось весь день, всю ночь... Даже на следующее утро сквозь завесу дыма над городом не мог пробиться луч солнца. Когда дым пожарища рассеялся, огромные костры и развалины на месте больших домов подернулись золой и пеплом, а небольшой дождик залил последние языки огня и тлеющие угли, взору предстала страшная картина опустошения... "Если существует ад, то я видел его здесь", - рассказывал вечером в "Интуристе" кто-то из американцев. И действительно, то, что творилось в городе, было настоящим адом. Ни до, ни после мурманчане не испытывали ничего подобного. В один день тысячи жителей лишились крова. Многие остались только в том, в чем ушли на работу или успели выскочить из горящего дома".

А вот еще воспоминания мурманчанки Н. Чарыковой, санитарного работника: "Жутко и беспрерывно выли сирены, раздавались гудки пароходов. С треском рушились все новые и новые строения. Полевой санитарный склад армейской базы 14-й армии Карельского фронта, в котором мне довелось служить, располагался в каменном здании 6-й школы - ныне это здание краеведческого музея.

Все мы чувствовали, как с каждой минутой все сильнее накаляется воздух, пропитанный густым, тяжелым дымом пожарища. Словно молнии, пролетали горящие щепки. Горящая щепа то и дело впивалась в гимнастерки, в пилотки. Мы отрывали от одежды друг друга горящие угли.

Стало загораться и само здание склада. Медлить было невозможно. Складское имущество стали бросать прямо из окон. Никто не думал о грозящей опасности, у всех было одно стремление - быстрее вывезти все, сохранить от огня. Распоряжений не ждали: молча, задыхаясь в дыму, старались спасти все до последнего комплекта".

В этот день в Мурманске сгорело более 600 домов и было разрушено 7 каменных зданий. Погибло и пропало без вести около ста человек. Несмотря на противодействие средств противовоздушной обороны, налеты вражеской авиации продолжались и в последующие дни. Бездействовали городские коммуникации, не работала железная дорога, молчал порт. Союзники вынуждены были перенацелить очередной караван PQ-17 на Архангельск, что, впрочем, не спасло его от разгрома.

ЧТО ПИСАЛ О ТОМ ВРЕМЕНИ СТАРОСТИН

Максим Иванович Старостин в годы войны - первый секретарь Мурманского обкома КПСС, то есть начальник города и области; был он также членом Военного совета Карельского фронта, генерал-майор. Всю войну он вел дневник, записывал каждодневные события. Недавно дневник почти на 500 страниц издан стараниями писателя Владимира Семенова и администрации города, это важное подспорье тем, кто интересуется историей войны. К сожалению, 18 июня, в трагический для Мурманска день, он был в Москве на сессии Верховного Совета. И все-таки в этот день есть соответствующая интересующая нас запись.

Старостин записал: "Получил из Мурманска от секретаря обкома партии И. И. Федорова телеграмму о том, что фашистские самолеты сделали сильный налет на Мурманск. Сбросили несколько тысяч зажигательных бомб, а так как был сильный ветер (9 баллов), то сгорело около 620 домов, сгорел дом культуры, здание горкома партии и др. Это сообщение меня очень расстроило. Сволочи фашисты! Не могут взять Мурманск с суши, так начали жечь его с воздуха. Ну это мы им не простим. Выжжем все Петсамо - найдем стервецов".

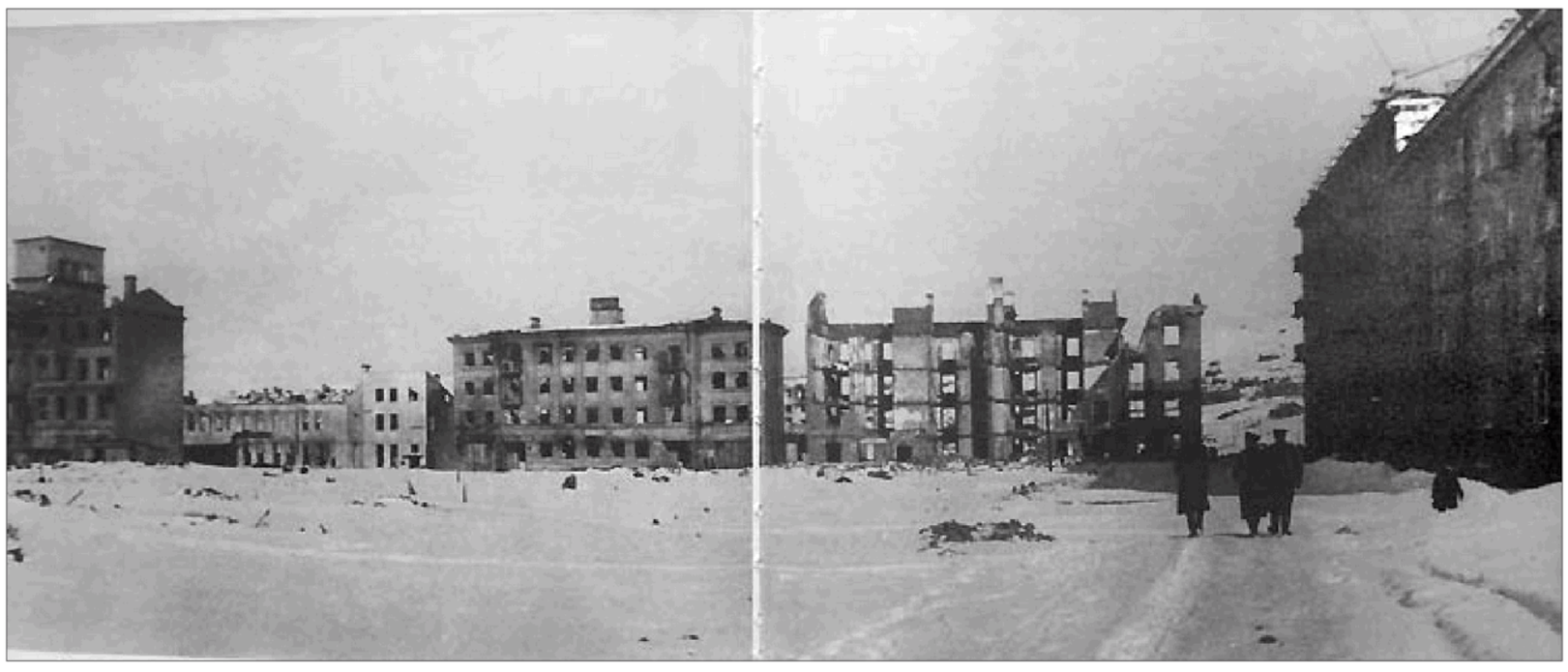
Петсамо - это нынешняя Печенга, там располагался штаб горно-егерьского корпуса, наступавшего на Мурманск, и соответствующие базы. Самолеты на Мурманск летали с аэродромов Луостари и Киркенеса.

ТРУДИЛИСЬ И ВОЕВАЛИ

В июле, как и в июне, в отдельные дни немцы бросали на город до ста самолетов, принося ему новые разрушения. Хотя и сами несли потери. По приказу Ставки противовоздушная оборона Мурманска усилилась новым зенитно-артиллерийским полком и авиационным подразделением. Позднее дивизионный район ПВО был реорганизован в Мурманский корпусной район.

Зимой - весной 1943 года в связи с возобновлением союзных конвоев по северной трассе немцы усилили опять воздушный натиск на Мурманск. Но повторить мощное воздушное наступление на заполярную столицу, как они осуществили летом 1942 года, использовав сотни самолетов, им уже не удалось.

Горожане, потеряв родной кров, имущество, близких, продолжали трудиться и воевать. Рыли землянки, сеяли огороды и защищали свой город, от которого остался лес печных труб и выгоревшие каменные коробки. У бывшего военного фотокорреспондента Евгения Халдея в альбоме "От Мурманска до Берлина" есть исторический снимок: одинокая женщина с чемоданом на плече на фоне бесконечных мурманских руин. Снимок сделан после 18 июня, когда пожара уже не было, но земля еще тлела.

Владимир СОРОКАЖЕРДЬЕВ,
член Союза писателей России.
Фото Евгения ХАЛДЕЯ (1942 г.).

Подвиг мурманских портовиков

Сто страниц истории к 100-летию Мурманска

Далеко еще было до победы, а в Мурманске уже думали над тем, как сохранить память о подвиге защитников Кольского полуострова. В 1943 году начали собирать материалы для будущего музея Северного флота, а в 1944-м было принято решение о создании музея обороны Заполярья. Последний так и не был открыт, как не был осуществлен и проект парка Победы с памятниками и выставкой боевой техники. Город лежал в руинах, а участникам недавних событий казалось, что впереди еще долгая-долгая жизнь.

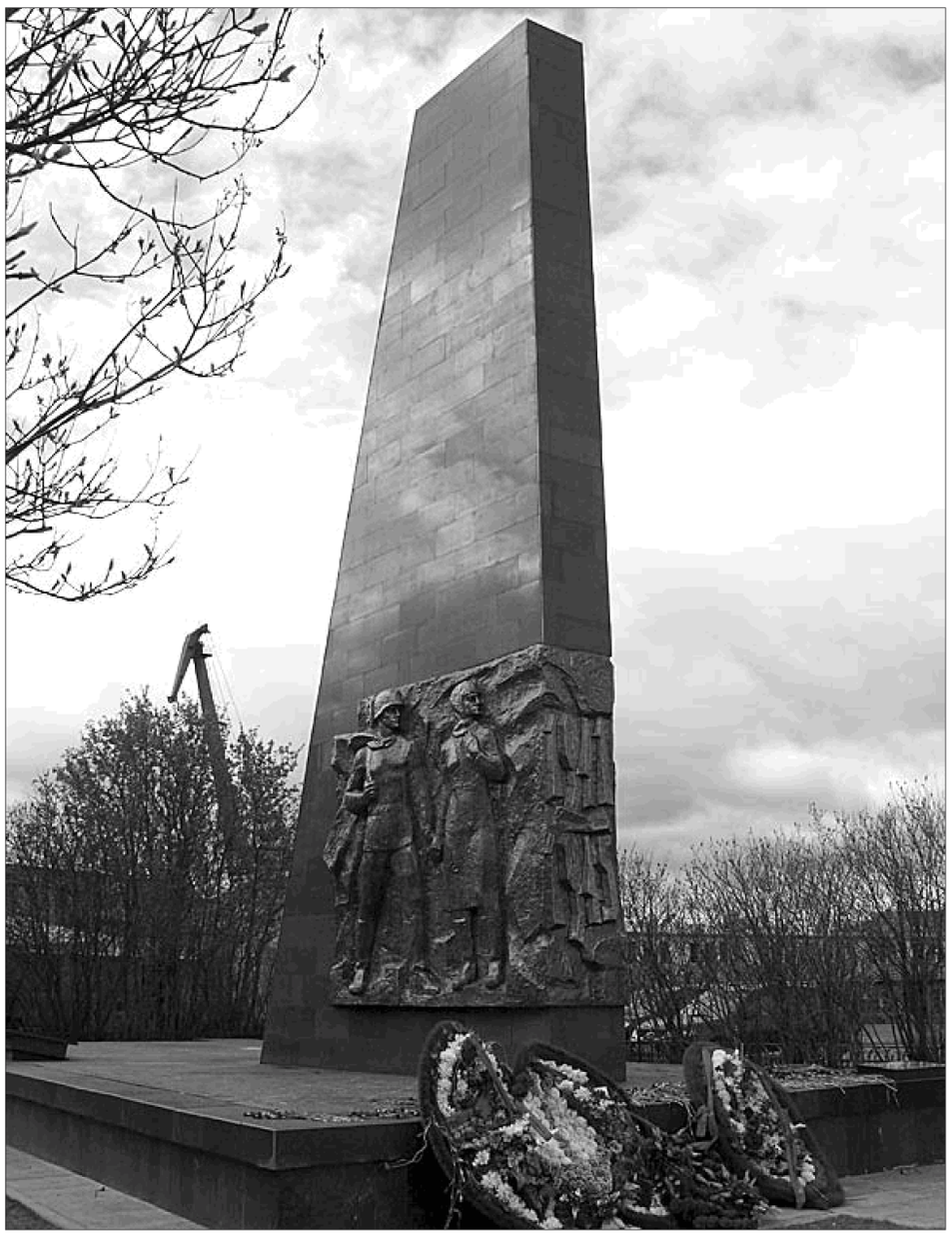
КЛЮЧЕВОЙ ОБЪЕКТ

Впрочем, первый послевоенный памятник был открыт в Мурманске уже спустя три месяца после Дня Победы. И был он поставлен не в честь солдат Карельского фронта, моряков Северного флота или летчиков. На скромном деревянном обелиске, сооруженном рядом с местом, где спустя два десятилетия появится здание морского вокзала, была сделана надпись: "Портовикам, погибшим от вражеских бомбардировок порта в период Великой Отечественной войны". В 1967 году здесь же взамен временного обелиска был открыт обновленный памятник.

Такое внимание к заслугам портовиков не было случайным. Именно Мурманский порт в годы Великой Отечественной войны стал ключевым объектом, во многом определявшим характер войны в Заполярье. Но что он станет таковым, трудно было предположить накануне и даже в первые месяцы войны.

С началом боевых действий на Мурманском направлении работа порта ограничилась обеспечением воинских перевозок, в том числе переправы через Кольский залив до Мишукова, откуда бойцы 14-й армии уходили к линии фронта. К тому же в октябре 1941 года Мурманск оказался отрезанным от центра страны. Участок Кировской железной дороги от станций Масельской и Повенец и южная часть Беломорско-Балтийского канала были захвачены финскими войсками. Эвакуировавшееся из прифронтовой области население следовало до Кандалакши, откуда продолжало свой путь по Белому морю. Готовясь к осаде, руководители города постарались вывезти всех "лишних": детей, неработающих или работавших на закрывающихся предприятиях. Вместе с людьми вывозили оборудование. В том числе портовые краны, в которых нуждался Архангельский порт, куда стали приходить союзные конвои.

Приближалась зима, угрожая повторением ситуации, сложившейся в далеком 1915 году. Тогда иностранные суда, идущие в Архангельск с военными грузами, остановленные льдом в горле Белого моря, были вынуждены зазимовать в Кольском заливе. С этого и началось строительство нашего города. Теперь, зимой 1941 года, Мурманскому порту опять было суждено сыграть роль дублера Архангельска.

В декабре была достроена железнодорожная ветка от Беломорска до станции Обозерской и стало возможным сообщение между Мурманском и Вологдой. Комиссия Государственного Комитета Обороны обнаружила, что к этому времени Мурманский порт был фактически законсервирован: склады закрыты, краны и портовое оборудование отправлены в Архангельск и Кандалакшу, рабочие эвакуированы или ушли на фронт.

11 января 1942 года в Кольский залив пришел первый союзный конвой PQ-7. Накануне в Мурманск приехали рабочие из Рязанской области и Архангельска. Производительность труда на разгрузке оказалась невысока. Несмотря на помощь Северного флота и рыбного порта, выделивших оставшиеся в Мурманске механизмы, преобладал ручной труд. Среди тысяч рабочих, прибывших в заполярный край, преобладали неквалифицированные грузчики и даже люди, не подлежавшие мобилизации из-за физических недостатков. Необходимо было не только организовать работу в условиях заполярной зимы и полярной ночи, усугублявшейся затемнением города, но и обеспечить элементарные условия для приехавших: жилье, продовольствие, снабжение теплой одеждой. Были включены все возможные способы повысить результативность работ: обучение кадров, переход на сдельную оплату труда, дополнительные "папанинские" пайки (введению их немало поспособствовал представитель ГКО И. Д. Папанин). Впрочем, не менее эффективными оказывались различные формы соревнования и ударничества. На время прихода конвоев к работам привлекались военнослужащие 14-й армии и Северного флота, а в 1943-м в порту был сформирован специальный сводный грузовой полк.

По мере расширения перегрузочных работ жизнь прифронтового Мурманска все более ориентировалась на обеспечение работы возрожденного порта.

ПОД ГРАДОМ ПУЛЬ...

Сложно назвать портовиков тружениками тыла. Дело не только в близости линии фронта и работе под постоянными ударами вражеской авиации. Теперь уже не порт помогал фронту, а фронт обеспечивал работу порта, ставшего главной целью противника на правом фланге советско-германского фронта. Отчеты о работе порта, содержащие сведения о бомбежках, мало отличаются от сводок боевых действий.

За годы войны 360 портовиков были награждены орденами и медалями, в том числе боевыми - Красной Звезды и "За отвагу". Совсем пофронтовому звучит "Наградить посмертно". Среди награжденных орденами числятся погибшие в порту главный инженер пароходства А. А. Овсянников, грузчик Г. Г. Коблов, водопроводчик В. Г. Башклеев... А с чем, кроме подвига летчика А. П. Маресьева, можно сравнить возвращение на рабочие места после тяжелейших ранений лебедчицы М. И. Вагановой и главного инженера В. В. Басаргина?

Последний союзный караван пришел в Мурманский порт уже после Победы - 22 мая. За годы войны порт переработал 351 судно, перегрузив два с половиной миллиона тонн грузов, две трети из которых составляли союзные перевозки. Что могут сказать сейчас эти сухие цифры? Порт выполнил свою задачу, ленд-лизовские грузы бесперебойно разгружались и отправлялись по железной дороге, являясь значительным подспорьем в снабжении фронта. За годы войны Мурманский порт четыре раза награждался переходящим Красным знаменем Государственного Комитета Обороны, а после войны знамя было передано порту на вечное хранение.

Подвигу мурманских портовиков посвящены книги и газетные статьи, о них вспоминают в дни торжеств и юбилеев. Приближается День Победы, и опять будут произнесены строки Роберта Рождественского: "Вспомним всех поименно, горем вспомним своим... Это нужно - не мертвым! Это надо - живым!". Важно увековечить имена погибших. Важно поставить памятники и написать книги. Но книгу надо хотя бы прочитать, а камень монумента холоден и молчалив, если людьми утрачено чувство сопричастности.

Не уверен, что поколениям, живущим теперь, выпадет хоть малая часть тех испытаний, которые вынесли наши предшественники. Кажется, что в современной жизни уже нет места массовым подвигам. Сейчас важно не только знать и понимать, но более - чувствовать, что определяло поступки жителей военного Мурманска. Вряд ли рассуждали они о высоких целях, когда, спасая других, жертвовали своей жизнью, бросаясь в рушившиеся дома и горящие вагоны.

2 августа 1945 года одновременно с открытием обелиска, увековечившего подвиг портовиков в годы Великой Отечественной войны, был установлен памятный знак в честь 30-летия самого порта. Организаторы торжеств сознательно приурочили открытие памятника к условной дате рождения порта. Разные времена, разные люди. Одни строили, другие защищали и восстанавливали. В эти переломные периоды, когда здесь, на краю России, решались задачи, важные в масштабах всей страны, разворачивалось новое строительство, возникали и росли новые города. Возможно, именно чувство сопричастности к большим свершениям, осознание значимости общего дела формировали из тысяч людей, в силу разных обстоятельств заброшенных в этот суровый край, новую общность - мурманчан.

В следующем году Мурманский торговый порт отметит свое столетие. Это не просто юбилей предприятия - сто лет назад произошло событие, кардинально изменившее ход истории Кольского Севера. Порту обязан Мурманск своим рождением. Памятником тем, кто строил, возрождал и защищал порт, стал сам Мурманск - город, живущий вопреки обстоятельствам.

Дмитрий ЖАЛНИН,
кандидат исторических наук.

До конца верны

Папа вышел с вокзала, встал перед нами на колени и сказал: "Как же вы тут выжили?!"

Окраина Мурманска. 1940-е годы.

НОВОСЕЛЬЕ НА... СТРОЙКЕ

Мы приехали в Мурманск в декабре 1935 года. Сначала сюда приехал мой папа Федор Сафронович Афанасьев, строитель-десятник по вербовке. Он позвал нас всех, и мы прибыли в заполярный край всей огромной семьей: дедушка Евстафий Иванович Сотников, бабушка Анна Ивановна Сотникова, тетя Лиза, моя мама Прасковья Евстафьевна Афанасьева, я - Анна и Люба, моя сестра. А также брат папы дядя Фрол, его жена Наталья, дети Игнат, Дмитрий, Мария, Валентина, Василий.

Жить нас устроили в строящийся дом. Уже было построено три этажа, мы жили на втором. Лестницы еще не было, вместо нее лежали доски с прибитыми поперек дощечками.

Несмотря на то, что дом был еще не достроен, в нем было много жильцов, а на первом этаже уже работали магазины. Этот дом называли "дом-колодец". Раньше под нашим окном был магазин "Нептун". Бабушка поначалу в Мурманске все время плакала: "Край света, солнца нет!". И все молилась. А когда в январе вдруг появилось солнце, сказала: "Бог услышал мои молитвы и вернул солнце!". Брат мамы дядя Саша с семьей - женой тетей Сашей и детьми Машей и Раей - жили неподалеку от нас. Гулять нас выводили, только когда на стройке был обед. В другое время по недостроенной лестнице то и дело туда-сюда сновали рабочие с носилками, на которых лежали кирпичи.

БИЛЕТЫ В ЦИРК

Весь Мурманск был огромной стройкой, кругом - горы песка, кирпичей, досок. А мы, дети, бегали смотреть, как китайцы строят дорогу. Они укладывали в песок камни и большими деревянными молотками вбивали их что было мочи.

Летом нас всех переселили в рабочий городок на улице Челюскинцев, он состоял из бараков, клуба, прачечной и детского сада. Поначалу перегородки между "комнатами" мастерили из ситцевых полотен, а потом уже стали делать стены. В нашей комнате была круглая железная печка, и вся наша родня приносила нам сушить свою обувь.

Потом дед и бабушка переехали в дом к дяде Саше на улицу Беломорскую, а наш барак сгорел 18 июня 1942 года. В тот день сгорело полгорода.

22 июня 1941 года объявили войну. Помню, что в это время в Мурманск приехал цирк, мы собирались пойти на представление. Но родители нас туда так и не повели.

Мой папа и дядя Саша ушли на фронт. А дядя Фрол с женой и младшими детьми Васей и Люсей уехали в эвакуацию. Да так и пропали без вести. Старших их детей разбросала война кого куда: Игнат воевал на Рыбачьем, Мария работала в госпитале, Валя - в столовой.

Перед войной наша семья увеличилась - в 1941 году родился Славик, а до этого, в 39-м - Галя, а еще раньше, в 37-м - Витя.

СТАРШАЯ СЕСТРА

В первый класс я пошла 1 сентября 1939 года в школу № 6, теперь на ее месте находится краеведческий музей.

Еще помню английские дома-"чемоданы", которые стояли на улице Челюскинцев. Теперь там расположен Ледовый дворец. На месте Дома культуры моряков было овощехранилище, а там, где сейчас Центральный стадион, зиял овраг.

Мурманск был в основном деревянным, но в центре кое-где уже строились каменные дома.

Когда началась война, горожан начали эвакуировать на поездах и пароходах. В Мурманске остались те, кто трудился на железной дороге, в порту, а еще медики, работники пищеблоков. С ними оставались и дети.

Мама работала на судоремонтном заводе, на так называемой каботажке, в кузнечном цехе. Нас у нее уже было пять детей. Я, десятилетняя, старшая. Любе было шесть, Вите - четыре, Гале - два. Самый маленький Славик умер через два с половиной месяца после рождения. А братик Витя - 28 февраля 1942 года.

В "СОСЕДКАХ" БЫЛА БОМБА

Мне часто вспоминается страшный день 18 июня 1942 года, который я уже упоминала. Казалось, что горит весь Мурманск, это был один огромный костер. Я увела младших девчонок из дома в сопки, мы спрятались под камнем. Когда мама прибежала с завода, уже весь дом горел. Она схватила ведро с водой, пыталась тушить пожар, но на ней задымился противогаз. С трудом разыскала нас.

Призыв в действующую армию. Улица Ленинградская. 1941 год.

В нашем городке уцелел только один дом, в котором мы все собрались после пожара. А утром, оставив младших девчонок на соседей, мы пошли с мамой в милицию. Кругом еще дымило. Мама дорогой часто прижимала меня к себе. Она не хотела, чтобы я видела трупы. А на проспекте Ленина очень пахло жареным мясом.

В милиции нам выделили жилье в доме № 17 на улице Косой. Участковый открыл чужой дом, сказал: "Живите!". Мы привели девчонок и начали обустраиваться. Мама принесла матрас и одеяло.

Недалеко от дома стояли зенитки и была "щель", в которую мы прятались на время бомбежек. Дом наш впоследствии начал сползать со скалы, и нас вновь переселили, на этот раз на улицу Ловозерскую, 8. И тут "нашла" нас бомба! Она упала во дворе, но не взорвалась, а как бы утонула рядом с домом. Так мы и жили на ней! "Нашу" бомбу нашли и обезвредили уже после войны, когда на улице Ловозерской начали строить жилье.

Смена аэростата. Проспект Сталина. 1943 год.

КИСЕТЫ ИЗ ПАРАШЮТОВ

Немцы бомбили так часто, что едва заканчивалась одна тревога, начиналась следующая. Нас, детей, поселили в бомбоубежище на улице Коммуны, мы жили там с сентября 42-го по июль 43-го. Выделили нам в убежище ползала, дали топчаны. Из одеял, которые нам подарили моряки с северных конвоев, мы вязали носки, еще шили платочки из парашютного шелка, красиво их обвязывали, шили кисеты, учили стихи и песни. Ходили с концертами по госпиталям, поддерживали раненых. Писали им письма и отправляли посылки на фронт.

Если удавалось выйти на улицу, первым делом смотрели на залив, на линию горизонта. Там в сопках, казалось, все полыхает от пожаров, от взрывов ухало! Мы думали, что это где-то очень близко к Мурманску.

Ходили в лес. Собирали воронику, а в городе - ромашки и хвойные иголки. Все это сдавали в аптеку для изготовления лекарств.

ВСЕ ВРЕМЯ ХОТЕЛОСЬ ЕСТЬ

Помню, все время хотелось кушать. Ели перловку полусырую. Насыплешь в карман и жуешь. Еще жевали вар, ели жмых. А иностранцы угощали нас жвачкой и шоколадом.

Мама во время войны была донором. Ее забирали с завода для прямого переливания крови раненым. Ей за это давали талон на 100 граммов водки, суп и второе. Второе она несла нам, а водку меняла на буханку хлеба.

В 1944 году в Мурманск начали возвращаться горожане. Открыли 34-ю школу. Теперь в этом здании расположено Генконсульство Норвегии. А тогда единственная школа работала в три смены! Город ожил, стало не так страшно. Уже можно было ложиться спать не под кровать, а на нее.

Ждали писем с фронта. Многим уже пришли извещения-похоронки.

ВСТРЕЧА

Победу в Мурманске мы встретили со слезами. И стали ждать всех тех, кто остался жив.

Папа вернулся 6 ноября 1945 года. Он вышел с вокзала, встал перед нами на колени и сказал: "Как же вы тут выжили?!". И вновь, как и до войны, пошел строить дома. Пять папиных ранений дали о себе знать - 6 ноября 1960 года его не стало. А дядя Саша, с которым он уходил на фронт, погиб на войне 11 октября 1944 года.

В мае 1987 года Алиса Викторовна Егорова в газете "Полярная правда" дала объявление о встрече горожан, переживших войну детьми в Мурманске. И эта встреча состоялась.

А в 1994 году мы объединились, нас тогда было 76 человек. У 26 из нас на фронте погибли отцы, 17 из погибших защищали Заполярье.

Теперь мы встречаемся каждый выходной. Нас осталось в живых 36 человек. Мы родились здесь, в Мурманске, пережили с ним все страшные дни войны и будем до конца верны своему родному городу.

Анна Федоровна ДЕРБЕНЕВА (Аня Афанасьева).
Фото из альбома "Мурманск

Дневник Володи Локтева

Сто страниц истории к 100-летию Мурманска

Этот бережно перетянутый бечевкой сверток я нашла в нашем шкафу, когда еще училась в школе. Развернув его, увидела пожелтевший от времени блокнот, в котором каллиграфическим детским почерком были сделаны записи... Вчитавшись, я поняла: это дневник. Военный дневник. Бабушка рассказала мне, что он принадлежал ее брату - Володе Локтеву. Во время Великой Отечественной войны этот талантливый, влюбленный в спорт, иностранные языки и техническое творчество 15-летний школьник начал записывать все, что ему удавалось узнать о жизни военного Мурманска по радиопередачам, сигналам воздушной тревоги, уличным слухам и рассказам очевидцев.

Он не дожил до Победы. Призванный в 1943 году на фронт, юноша погиб на территории Польши незадолго до победного мая 1945-го. В письмах к близким и родным он писал о том, как скучает по родному Мурманску, мечтал вернуться в свой город...

По настоянию профессора Павла Федорова дневник Володи Локтева недавно был издан Мурманским государственным гуманитарным университетом. Но тираж этого издания невелик, так что публикация в "Вечернем Мурманске" - это редкая возможность для тысяч мурманчан познакомиться с этим уникальным документом.

Откровение Володи Локтева своеобразно дополняет дневник первого секретаря Мурманского обкома ВКП(б) М. И. Старостина, отрывки из которого недавно были напечатаны в "Вечерке".

Публикуемые сегодня фрагменты из дневника Володи Локтева характеризуют атмосферу военного Мурманска с лета 1941-го до весны 1942 года.

Володя Локтев не дожил до Победы, но сегодня его дневник - настоящая хроника пылающего в пожаре войны Мурманска.

13 августа 1941 г.

Сегодня днем немецкие самолеты произвели первую бомбардировку города. Рядом с нами был пожар - какое ужасное зрелище!

15 августа 1941 г.

Сегодня опять нас навестил Адольф. Черные клубы дыма - вот результат его бомбардировки.

22 августа 1941 г.

Черные вороны опять летали над городом, сбрасывая свой груз.

31 декабря 1941 г.

Под Новый год эти черные вороны опять налетели. Они крались, как крадется вор, но при появлении наших - наутек. Дорого заплатили они.

12 января 1942 г.

23 час. 30 мин. Только что лег спать, но не успел и заснуть, как завыла сирена. Быстро оделся, вышел на улицу. По-прежнему ничто не нарушало ночной тишины за исключением протяжно завывающей сирены.

17 января 1942 г.

Это было вечером, когда я возвращался домой с водой. Вижу впереди, недалеко от нашего дома зарево пожара, а когда подошел ближе, увидел: под горкой полыхал трехэтажный дом. Пламя уже пробивалось сквозь крышу, черепица лопалась на куски и с треском разлеталась в разные стороны. Не было воды, нечем было тушить, и поэтому уже через некоторое время дом превратился в огромный костер. Это было очень опасно, так как кругом все было освещено. Объявили тревогу, но не удалось выродкам Гитлера прорваться к городу.

26 февраля 1942 г.

Утром объявили тревогу, но ничего существенного не было.

Часа в три, в четвертом я вез ящики от мамочки. Когда поднимался по лестнице, услышал пулеметные очереди в воздухе. Самолеты вели бой. Невозможно было узнать, сколько наших, сколько немецких. Тревоги так и не объявили. В этот раз сбили два немецких самолета. Под вечер, когда я был дома, услышал, как бьют зенитки, вышел на улицу, и, действительно, все небо было усеяно разрывами снарядов. Три самолета кружили над заливом на чрезвычайно огромной высоте, как потом выяснилось, это были свои.

28 февраля 1942 г.

Третья тревога была объявлена в 18 час. Она застала меня в доме культуры. Все высыпали на улицу, в том числе и я. Били орудия по Адольфам. Летело 12 вражеских самолетов. Слышно было, как они спускали бомбы. Четвертая тревога. Минут так без пяти одиннадцать раздался оглушительный взрыв, даже дом задрожал. Я сразу понял, что это разорвалась спущенная с самолета бомба крупного калибра. Только в 23 часа объявили тревогу. Били орудия, огненные мечи разрезали звездное ночное небо. Красные шары один за одним поднимались в небо - это были ракеты.

15 марта 1942 г.

Тревога: 22 час. 15 мин. Сильная артиллерийская канонада. Да, в этот раз была очень сильная с перерывами канонада. Было слышно два сильных взрыва.

Не прошло и пяти минут, после того дали отбой четвертой тревоге, объявили пятую. Много натворил он (враг) в этот вечер...

24 марта 1942 г.

Около двенадцати часов, когда я еще лежал в постели, раздался взрыв, на момент перестало говорить радио и мелькнул свет. Объявили тревогу. Быстро оделся и вышел на улицу. Шел воздушный бой. Слышно было, как строчили пулеметы, ревели моторы.

14 час. 40 мин. Объявили вторую на сегодняшний день тревогу. Но ничего не было. Отбой: 15 час.

Тревога: 17 час. 10 мин. Да, в этот раз было жарко небу. Били зенитки. Над той стороной шел воздушный бой. Летало столько самолетов, даже сосчитать было невозможно. Около нашего крыльца упала какая-то штучка - не то от снаряда, может быть, и от самолета отбили, а может, и от пулеметной ленты - не знаю. Я видел, как кто-то спускался на парашюте на той стороне. Думаю, что это наши подбили немецкого пирата, и тот, дрожа за свою шкуру, выпрыгнул из самолета...

28 марта 1942 г.

Тревога: 17 час. 20 мин. Вышли на улицу, и через несколько минут раздались три взрыва. Вскоре все смолкло. Пришел опять домой, так как замерз. Через несколько минут снова забухали зенитки. Отбой: 18 час. 35 мин. Да, это длительная тревога.

Тревога: 20 час. 15 мин. Отбой: 20 час. 45 мин.

Тревога: 22 час. 25 мин. Вышли на улицу. Несколько взрывов бомб. Били зенитки, несколько прожекторов полосовали небо. Отбой: 23 час. 28 мин. Да, в этот день он (враг) опять налетал на порт. В этот день тревоги отличались своей продолжительностью.

Вот уже на сегодняшний день четвертая тревога. 12 час. ночи. Сначала было спокойно, но потом послышалось несколько взрывов, после чего снова водворилась тишина. Отбой: 0 час. 45 мин.

30 марта 1942 г.

21 час. Сидели как ни в чем не бывало. Слышу шум самолетов, вполне уверен, что это наши. Вдруг - сильный взрыв. Вышли на улицу. Только через некоторое время объявили тревогу. Били зенитки, раздались еще два сильных взрыва. Отбой: 21 час. 15 мин.

3 апреля 1942 г.

Тревога: 20 час. 55 мин. Да, этот налет был чрезвычайно сильный. Ожесточенно били зенитки. Я видел, как самолет шел очень низко, накренившись, наверно, его подбили. Еще один шел низко, по нему били перекрестным пулеметным огнем, он в свою очередь тоже огрызался. Третий самолет пролетел тоже низко, по нему также били. Да, их было в этот раз порядочно. 6 истребителей и 9 бомб. 5 самолетов сбили. Сегодня две бомбежки. Отбой: 22 час. 45 мин.

Тревога: 23 час. 25 мин. Отбой: 23 час. 50 мин.

4 апреля 1942 г.

Тревога: 21 час. 25 мин. Вышли на улицу. Началась артиллерийская канонада. Самолеты поочередно пикировали и сбрасывали бомбы, я слышал, как они визжали, а также видел, как они рвались. Как только самолет пикировал на порт, тотчас оттуда поднималось море огня, и так продолжалось каждый раз, когда следующий самолет шел в пике. Пришли домой, вдруг слышу: рокочет самолет. Вышли на улицу, смотрим, самолет летит по направлению к порту. По нему открыли огонь, он сбросил чего-то вроде ракеты, но по нему продолжали стрелять, вскоре он скрылся. Отбой дали в 0 час.

8 апреля 1942 года

Тревога: 12 час. 41 мин. Отбой: 13 час. 10 мин.

Тревога: 13 час. 45 мин. Сижу, вдруг забахали зенитки, оделся, вышел на крыльцо. Один самолет на большой высоте шел по направлению больших мачт. Потом резко повернул вправо, так как с левой его стороны начали густо рваться с ряды. Потом наши четыре истребителя погнались за ним. Тревогу объявили очень поздно. Отбой: 14 час. 15 мин.

Тревога: 14 час. 54 мин. Отбой: 15 час. 12 мин.

Тревога: 16 час. 23 мин. Отбой: 17 час. 23 мин. 28 немецких самолетов. С ними вступили в бой 6 наших истребителей. Шесть штук самолетов сбили. В этом бою смертью героя пал верный сын русского народа капитан Поздняков.

12 апреля 1942 г.

Тревога: 12 час. 25 мин. В первую тревогу попал на Перовской в дом. Во вторую тревогу - в парикмахерскую. В этот раз два немецких пирата закончили летать над нашим городом. В третью тревогу ничего особенного не было.

15 апреля 1942 г.

Тревога: в 14 час. На этот раз тревогу подали вовремя. Через некоторое время со стороны солнца появились пираты, они шли ровным строем, но как только начали бить по ним зенитки, сразу бросились кто куда. Был воздушный бой. Отбой: 15 час. 22 мин.

Тревога: 18 час. 30 мин. Самолеты появились со стороны залива, они вышли из-за облаков. Я пробовал сосчитать, сколько их, но каждый раз сбивался. Примерно их было 20-23. И все стали сразу пикировать на залив. Сбили 15 самолетов. Отбой: 17 час. 20 мин.

23 апреля 1942 г.

Да, сегодня проклятый Адольф всю ночь спать не давал. Первая тревога была около часа. Били зенитки. Самолеты пикировали и сбрасывали бомбы, слышно было, как они свистели. Раздался сильный взрыв, даже дом содрогнулся, на минуту погас свет, и с улицы яркий свет ударил в глаза. Отбой объявили без пятнадцати два...

Вера МИХАЙЛОВА, студентка МГГУ при участии Павла Федорова, доктора исторических наук, профессора Мурманского государственного гуманитарного университета.

Продолжение следует.

Дневник Володи Локтева

Сто страниц истории к 100-летию Мурманска

Продолжение.
Начало в номере за 18 января.

Володя Локтев не дожил до Победы, но сегодня его дневник - настоящая хроника пылающего в пожаре войны Мурманска.

Во время Великой Отечественной войны этот талантливый, влюбленный в спорт, иностранные языки и техническое творчество мальчик - 15-летний Володя Локтев - начал записывать все, что ему удавалось узнать о жизни военного Мурманска по радиопередачам, сигналам воздушной тревоги, уличным слухам и рассказам очевидцев. Володя прислушивался к себе, о чем также делился с дневником.

Он не дожил до Победы. Призванный в 1943 году на фронт, юноша погиб на территории Польши незадолго до победного мая 1945-го. В письмах к близким и родным он писал о том, как скучает по родному Мурманску, мечтал вернуться в свой город...

Публикуемые сегодня фрагменты из дневника Володи Локтева характеризуют атмосферу военного Мурманска в мае 1942 года.

6 мая 1942 г.

Сегодня уже шестое мая, а уже три дня подряд метель. Идет снег, которого нанесло очень много; да, это очень интересно.

9 мая 1942 г.

Шесть дней тревог не было, а теперь опять начинаются.

Тревога: 13 час. Отбой: 13 час. 28 мин.

Тревога: 17 час. 17 мин.

10 мая 1942 г.

Тревога: 12 час. 55 мин. Отбой: 13 час. 21 мин.

Тревога: 13 час. 44 мин. Отбой: 14 час. 31 мин.

Тревога: 16 час. 43 мин.

Тревога: 17 час. 39 мин. Отбой: 18 час. 35 мин. Да, четвертый раз рвется к городу Адольф, а прорваться никак не удается.

Тревога: 19 час. 45 мин. Отбой: 19 час. 58 мин.

Тревога: 22 час. 35 мин. Тревогу объявили вовремя. Через некоторое время начали стрелять зенитки, и с нашей стороны появились семь пиратов, они не обращали никакого внимания на стрельбу, а шли по направлению к порту. Наших в воздухе не было. Один самолет отвернул от остальных и пошел над нашим домом по направлению к заливу. Он шел низко: я различил, что он трехмоторный бомбардировщик, даже видно было у него полкрыла белого и полкрыла черного. Остальные сбрасывали бомбы по направлению к заливу. Я видел, как они отрывались и летели. Бросали сразу по четыре штуки, которые летели вместе одна за одной. Отбой: 23 час. 30 мин.

12 мая 1942 г.

Тревога: 11 час. 16 мин. Отбой: 11 час. 45 мин.

Тревога: 14 час. 38 мин. Еще до этого, без трех два, стреляли зенитки, но тревогу не объявили. Сейчас же разрывы снарядов были в стороне залива. Видел, как пикировали самолеты на залив, но сосчитать никак было нельзя, так как это было далеко, да и наши самолеты потом к ним примешались. Отбой: 15 час. 25 мин.

Тревога: 21 час. 22 мин. Отбой: 22 час. 17 мин.

13 мая 1942 г.

Тревога: 10 час. 50 мин. Еще до этого минут пять стреляли, но над городом ничего не было. Отбой: 11 час. 4 мин.

Пролетел разведчик.

14 мая 1942 г.

Тревога: 15 час. 21 мин.

Тревога: 16 час. 46 мин. Летел со стороны солнца, наверное, разведчик. Наши три самолета шли за ним по пятам. Развернулись - пошли наперерез. Отбой: 17 час. 9 мин.

Тревога: 19 час. 9 мин. Шли пять бомбардировщиков и шесть истребителей. Я видел, как они пикировали, но взрывов не было слышно, наверное, бросали магнитные мины. Над той стороной шел воздушный бой. Отбой: 20 час. 10 мин.

15 мая 1942 г.

Тревога: 15 час. 37 мин. Отбой: 16 час. 5 мин.

Тревога: 16 час. 45 мин. Отбой: 17 час. 8 мин.

Только вышел из дома, смотрю, над заливом разрывы снарядов. Потом увидел и самолет, он шел далеко и на большой высоте. Тревогу не объявили. Немного спустя тоже летели неприятельские самолеты.

В этот раз враг бросил на проспект Сталина 2 бомбы около универмага. Тревога: 18 час. 57 мин. Сперва десять штук самолетов показалось со стороны Росты, различил 4 истребителя. Зенитки палили вовсю, потом наши самолеты подоспели, завязался бой. Немного погодя, три самолета появились со стороны Колы, но, как только пролетели залив, сразу же наши соколы зажали их в кольцо. Один пират также появился со стороны Колы. Воздушный бой был сильный. Я видел, как четыре самолета вели бой. Правда, далеко, но видел, как один подбили. Хорошо всыпали наши орлы проклятой немчуре. Отбой: 19 час. 40 мин. 12 вражеских самолетов сбили.

16 мая 1942 г.

Я был в это время в городе. Слышу, ревет самолет, думаю, вылетели наши, - вдруг зенитки начали стрелять. Слышно, как летит, а не видно, потому что шел в облаках. Наверное, разведчик.

Тревога: 15 час. 57 мин. Отбой: 16 час. 13 мин.

Новая тревога началась немного спустя после первой тревоги. Эта тревога была дольше, чем первая.

Тревога: 19 час. 35 мин. Слышно было, как вдалеке, в стороне Росты, стреляли зенитки. Отбой: 20 час. 4 мин.

17 мая 1942 г.

Тревога: 5 час. 53 мин. Отбой: 6 час. 20 мин.

Тревога: 9 час. 44 мин. Не успела завыть сирена, как раздались два взрыва. Вышли на крыльцо. Завязался воздушный бой, одного пирата сразу сбили. Еще слышны были взрывы. Отбой: 10 час. 47 мин.

Тревога: 12 час. Только получил хлеб, вышел из магазина. Слышу, стреляют зенитки, посмотрел на небо, вижу, высоко рвутся снаряды, а потом увидел и самолет. Отбой: 12 час. 15 мин.

Тревога: 12 час. 41 мин. Отбой: 13 час. 15 мин.

Тревога: 17 час. 50 мин. Отбой: 18 час. 20 мин.

В этот день во вторую тревогу бросил две бомбы недалеко от нас, одна - около второй школы - недалеко от маленького дома, другая попала в скалу на улице Марата. Еще попал у железнодорожного барака.

Тревога: 21 час. 15 мин. Отбой: 21 час. 37 мин.

18 мая 1942 г.

Тревога: 11 час. 15 мин. В этот раз их вражеских самолетов было много; они пикировали на залив. Был воздушный бой. Отбой: минут 10-15 первого.

Тревога: 13 час. Тревога застала в столовой, но никуда не выходил. В этот раз ничего не было.

Тревога: 16 час. 13 мин. Сначала ничего не было, но вдруг заухали зенитки и прямо с нашей стороны вышли самолеты, их было восемь. Я сразу различил, что это истребители. Зенитки били хорошо. Они сразу повернули к заливу, потом немножко левее вышли три-четыре бомбардировщика. Слышал, как свистели бомбы - враг опять бросил в городе. Тревога длилась недолго. Минут тридцать.

Тревога: 19 час. 20 мин.

Тревога: 23 час. 30 мин. Отбой: 23 час. 49 мин.

19 мая 1942 г.

Тревога: 10 час. 11 мин. В этот раз их вражеских самолетов было много, они вышли опять с нашей стороны и завернули к заливу. Отбой: 10 час. 50 мин. Шел воздушный бой. Я видел, как самолет падал, упал где-то за горой.

Тревога: 12 час. 32 мин. Вижу - полоса, но самолета не видно, когда повернулся, вот тогда я и увидел, потому что самолет блеснул на солнце. Сразу стрелять начали, а самолет пошел к заливу. Был это, наверное, разведчик.

Тревога: 16 час. 5 мин. Насчитал больше дюжины самолетов. Пикировали в стороне Колы, штук восемь. Слышны были взрывы.

26 мая 1942 г.

Тревога: 0 час. 12 мин. Отбой: 1 час. 10 мин.

Тревога: 9 час. 25 мин. Отбой: 9 час. 35 мин.

Тревога: 13 час.

Тревога: 17 час. 1 мин. Вышел и пошел сразу в уборную, где и застала меня тревога. Слышу, ревут самолеты (пикируют), свистят бомбы, ожесточенно бьют зенитки, в воздухе бьют пулеметы, пушки. Это, наверное, наши уже по ним смолили.

Тревога: 18 час. 26 мин. Отбой: 18 час. 41 мин.

27 мая 1942 г.

Тревога: 13 час. 24 мин. Отбой: 13 час. 41 мин.

Тревога: 17 час. 1 мин. Я видел три бомбардировщика. Один бросил сразу пять бомб, все они (самолеты) шли в пике, но один из них шел в глубокое. Был воздушный бой в стороне Колы. Отбой: 17 час. 45 мин.

Тревога: 18 час. 21 мин. Отбой: 18 час. 31 мин.

28 мая 1942 г.

Тревога: 7 час. 30 мин. Отбой: 7 час. 55 мин.

Тревога: в одиннадцатом часу.

Тревога: 12 час. 55 мин. В этот раз их было много. Впереди шли четыре истребителя, значительно выше бомбардировщиков. Они вышли со стороны солнца и стали пикировать, как и вчера, в сторону залива по направлению к Дровяному. Видел, как отрывались бомбы, но сосчитать количество самолетов этот раз мне не удалось, по-моему, их было с дюжину. Отбой: 13 час. 41 мин.

Тревога: 15 час. 28 мин. Отбой: 15 час. 41 мин.

Тревога: 16 час. 20 мин. Со стороны залива (от Дровяного) появились восемь двухмоторных бомбардировщиков, они шли строем по четыре спереди и сзади. Как только дошли до середины, развернулись и стали пикировать на залив. Один бросил 5 бомб, другой - 4, третий - 3, четвертый - 1, а остальные - не заметил сколько. Всего сбросили 17 бомб. Как только они отпикировали, на них навалились 5 наших быстрокрылых сокола. Всыпали, наверно, им здорово в этот раз! Отбой: 17 час. 12 мин.

31 мая 1942 г.

Тревога: 11 час. 25 мин. Отбой: 11 час. 55 мин.

Тревога: 12 час. 15 мин. Да, такой по характеру тревоги еще не было. Минут двадцать было спокойно, но потом вдруг забухали зенитки, засвистели бомбы. Когда я вышел на крыльцо, то все уже было кончено. Со стороны Военного городка по направлению к заливу двигалось черное облако от разрыва бомб. До этого наших самолетов в воздухе было много.

Тревога: 15 час. 55 мин. Адольфы вынырнули из облаков и стали пикировать на залив. В этот раз их вражеских самолетов было тоже порядочно. Все небо над заливом было усеяно разрывами снарядов. Отбой: 16 час. 27 мин.

Тревога: 17 час. 28 мин. Отбой: 17 час. 43 мин.

Вера МИХАЙЛОВА,
студентка МГУ,
при участии Павла Федорова,
доктора исторических наук,
Мурманского государственного
гуманитарного университета.

Продолжение следует.

Дневник Володи Локтева

Сто страниц истории к 100-летию Мурманска

Продолжение.
Начало в номерах за 18 и 25 января.

Володя Локтев не дожил до Победы, но сегодня его дневник - настоящая хроника пылающего в пожаре войны Мурманска.

Во время Великой Отечественной войны этот талантливый, влюбленный в спорт, иностранные языки и техническое творчество мальчик - 15-летний Володя Локтев - начал записывать все, что ему удавалось узнать о жизни военного Мурманска по радиопередачам, сигналам воздушной тревоги, уличным слухам и рассказам очевидцев. Володя прислушивался к себе, о чем также делился с дневником.

Он не дожил до Победы. Призванный в 1943 году на фронт, юноша погиб на территории Польши незадолго до победного мая 1945-го. В письмах к близким и родным он писал о том, как скучает по родному Мурманску, мечтал вернуться в свой город...

Публикуемые сегодня фрагменты из дневника Володи Локтева характеризуют атмосферу военного Мурманска в грозное лето 1942 года.

1 июня 1942 г.

Тревога: 16 час. 10 мин. Со стороны Колы били зенитки, шел воздушный бой, - но вот показались пираты. Их было семь, по ним били наши зенитки; я видел, как один самолет покрылся белым дымом и взорвался на своих же бомбах; ничего не осталось от самолета. Только крыло одно падало. Хорошо, что так получилось, по крайней мере, и от фрицев ничего не осталось. Остальные шесть вражеских самолетов пошли в пике, слышны были взрывы. Потом на той стороне был бой. Отбой: 17 час. 9 мин. Хвала и слава зенитчикам, похоронившим еще троих зверей на сопках Заполярья!

Тревога: 18 час. 50 мин. Самолеты летели с той же стороны. Бросали бомбы с высоты и из облаков, в залив и в город. Отбой: 20 час.

2 июня 1942 г.

Тревога: 12 час. 25 мин. Со стороны солнца появились девять "юнкерсов"; они шли высоко по направлению к заливу. Зенитки били по ним здорово, тогда они свернули вправо и потом стали пикировать на залив. Наши "ястребки" были снизу их, но были и сверху; они сразу их атаковали. Тревога длилась минут сорок.

Тревога: 14 час. 2 мин. Погода испортилась, стала облачная. Когда я вышел на крыльцо, слышу, гудят самолеты, но их не видно. Потом стали бить зенитки; они трахали по облакам; через несколько минут вынырнули пираты. Два, еще два и еще - всего их было семь; среди них были и "ястребители". Они отрывали бомбы и сразу поворачивали обратно. Смотрю, летят бомбы совсем близко - оглушительный взрыв, и за улицей М. Горького вспыхнуло на секунду ярко-багровое облако; с убежища посыпался песок, а у нас открылось окно. Бомбы упали около горы на Халтурине. Одна попала в щель, другая - в дом, но весь не разрушило... Поблизости в домах с окон все доски сорвало и стекла вылетели. На сталинской бомба попала в каменный дом, стоящий рядом с десятой школой. Пробило до самого подвала, и одна сторона рухнула, загорелся к тому же. Еще одна бомба попала на линию около подстанции.

10 июня 1942 г.

После долгих дней затишья опять начинаются тревоги.

Тревога: 21 час. 25 мин. Стреляли зенитки, над заливом были видны облачки разрывов, но самолетов не было видно. Было пасмурно. Отбой: 21 час. 50 мин.

12 июня 1942 г.

Тревога: 17 час. 42 мин. Отбой: 18 час. 6 мин.

Тревога: 20 час. 33 мин. На этот раз им (вражеским самолетам) удалось прорваться к городу. Снаряды рвались в стороне порта и в нашей стороне; но видел я три самолета с нашей стороны, которые сразу повернули обратно, по-моему, это были истребители. Слышен был свист бомбы; она упала где-то у горы. Тревога длилась почти что час.

14 июня 1942 г.

Тревога: 11 час. 13 мин. Вышли пять "юнкерсов" с залива, со стороны Дровяного. Шли на большой высоте, потом немного снизились и стали сбрасывать бомбы. Невдалеке от станции поднялись клубы черного дыма, и через некоторое время он расплылся над той стороной в огромное облако; справа что-то дымило - наверное, дом. Отбой не знаю когда был, так как не работало радио.

Тревога: 12 час. 27 мин. Воспользовавшись этим облаком, они (вражеские) снова сделали налет. Вынырнули из облака и спикировали на пожарище. Их (вражеских самолетов) было пять...

Тревога: 17 час. 36 мин. Вышли с правой стороны солнца; семь пиратов, шли строем, но когда стали уходить на солнце, то рассыпались. Но всем спастись им все равно не удастся, наши соколы рассчитаются с ними сполна за все их подлые дела. Вражеские самолеты бросали на город бомбы.

Тревога: 18 час. 55 мин.

Тревога: 19 час. 44 мин. Один самолет шел от центра города. Да, в этот день совсем нету передышки...

17 июня 1942 г.

Первая тревога была в 0 час. 55 мин. Вторая - в 5 час. Обе эти тревоги я проспал.

Тревога: Около одиннадцати часов. Все теперь ходим на работу в горы. Самолеты появились с обратной от нас стороны, их было порядочно; они сразу стали уходить на ту сторону. Один самолет камнем упал вниз, не знаю, чей только. Второй упал подальше от первого.

И еще один подбили в стороне Дровяного. Воздушный бой был над нами.

Немного спустя после третьей тревоги, причем безо всяких сигналов тревоги, начали стрелять.

Тревога: 13 час. 46 мин. Сидим в красном уголке, и вдруг тревога.

18 июня 1942 г.

Тревога: 10 час. 45 мин.

Тревога: 11 час. 40 мин. Да, в этот раз враг много натворил, дым огромными столбами поднимался к небу. Шло шесть вражеских самолетов.

Враг опять бросал в город. Последняя тревога была в 18 час. 48 мин. Да, в этот раз он набросал фугасок и у нас на Жилстрое. Разбомбило и наш дом. Бомба попала на кухню в плиту, в которой она и взорвалась. Первую комнату, нашу, завалило, во второй вырвало стену и порядком завалило. От кухни и от тети Зининой комнаты ничего не осталось; нижние же комнаты завалило все. Я стоял на крыльце, и еще со мной стояли некоторые, и все остались целы и невредимы. Случилось это так. До тревоги я налаживал электрическую плитку; объявили тревогу, но я продолжал свое дело. Наладил плитку, вышел на кухню, посмотрел в окно. Потом начали стрелять зенитки, и я вышел на крыльцо. Вижу, рвутся детонационные бомбы, я говорю, ложитесь, и сам присел. Вдруг сильный взрыв, в ушах зазвенело и стало темно, как ночью, от пыли и гари.

Мне говорят, давайте выходить сверху, но я содрал дверь и вышел на крыльцо. И, к моему удивлению, вижу, что бомба попала в наш дом, в нашу сторону. Кругом валяются бревна, и на крыльцо упало огромное бревно. Летело в этот раз 15 штук вражеских самолетов. Я сам удивляюсь, как остались мы живы. Счастье, конечно, наше то, что бомба попала в плиту, где она и застряла, к тому же небольшого калибра; но если бы она не попала в плиту, так тогда она прошла бы в нижний этаж и всем нам был бы крах. Но, слава богу, остались живы!

19 июня 1942 г.

Сегодня было семь тревог, но бомбил он (враг) только два раза. Один раз в Росте, другой - в городе.

21 июня 1942 г.

Сегодня была только одна тревога - утром; но ничего не было.

Под вечер погода испортилась, пошел сильный дождь, потом стал тише.

22 июня 1942 г.

Сегодня было шесть тревог, но бомбежек не было.

23 июня 1942 г.

Было тревог семь. Бомбили два раза; был сильный пожар. Да, он (враг) стал бросать много зажигалок, а одновременно и фугасных бомб. Прямо видно, как зажигательные бомбы в воздухе загораются. Утром же был сильный воздушный бой.

25 июня 1942 г.

Сегодня было семь тревог, но город враг не бомбил. Бомбил Росту. Наши соколы с ходу обстреляли их (вражеские самолеты). Последняя тревога была около 21 часа. Летел разведчик.

28 июня 1942 г.

Солнечно. Первая тревога была в третьем часу, а через некоторое время и вторая. Ничего не было. Вот в третью тревогу прилетели паразиты. Было с дюжину, если не больше. В городе ничего не было. В четвертую тревогу пролетело семь одномоторных самолетов к городу. Зенитки били по ним здорово, но все же они (самолеты) сбросили бомбы. Опять пожар. Тот конец города был в пыли от разорвавшихся бомб. Да, однако, здорово он (враг) принялся за город. Предсмертные судороги издыхающего зверя.

30 июня 1942 г.

Да, в этот день много домов сгорело. Пожар был огромный. Около нашего дома упала фугасная бомба. Ну и зажигалок набросал он (враг) в этот день; когда я выглянул после из-за камня, то вся гора была усеяна ими. Вот паразиты проклятые, Адольфы, до какой подлости доходят! Жечь дома мирных жителей, оставлять их без крова - это бесчеловечно! Смерть фашизму - врагу мирных жителей!

2 июля 1942 г.

Четыре тревоги. Гитлеровец опять набросал зажигалок. Зажигалка попала в наш дом, но ее вовремя затушили.

7 июля 1942 г.

Первая тревога была в четвертом часу дня; сильный воздушный бой. Вторая тревога была в седьмом часу, тоже воздушный бой. Третью тревогу не подавали. Внезапно начали бить зенитки.

8 июля 1942 г.

Три тревоги. В первую ничего не было. Во вторую враг бомбил. Летело десять "Юнкерсов-88". Пожар в Колонизации и в Больничном городке.

18 июля 1942 г.

Четыре тревоги. В первую ничего не было. Во вторую в Росте. Один пират упал в залив, другой, горящий, тоже упал поблизости.

22 июля 1942 г.

Три тревоги. Пришел с работы и лег спать. Думал, что и сегодня не будет тревог. Первая разбудила в 12 час. 30 мин. Немного били зенитки. Я ушел после этой тревоги спать в свою землянку и уже вторую проспал. Третья тревога в 21 час.

Вера МИХАЙЛОВА,
студентка МГГУ,
при участии Павла Федорова,
доктора исторических наук,
профессора Мурманского государственного гуманитарного университета.

Летопись сопротивления

Сто страниц истории к 100-летию Мурманска

Сегодня у читателей "Вечернего Мурманска" есть уникальная возможность. Впервые широкой читательской аудитории представляется летопись мурманского сопротивления. Так называют никогда не публиковавшиеся дневниковые записи времен Великой Отечественной войны, которые регулярно вел Максим Иванович Старостин - первый секретарь Мурманского обкома партии, кандидат в члены ЦК ВКП(б), председатель городского Комитета обороны, член Военных советов 14-й армии и Северного военно-морского флота. Долгое время о существовании "Дневника войны" - так его назвал сам автор - мурманчане даже не знали.

ВСТАЛ ЗА МУРМАН НАСМЕРТЬ

Максима Ивановича Старостина уже в апреле 1945 года отозвали из Мурманска в Москву, в распоряжение ЦК ВКП(б), не дав даже отпраздновать День Победы в кругу родных ему северян, чем серьезно ранили душу человека, вклад которого в защиту Кольского полуострова, в успех поставок по ленд-лизу переоценить сложно. А на пост первого секретаря обкома партии поставили А. М. Кутырева, спешно присланного из Москвы.

9 мая 1945 года в "Дневнике войны" Старостина записано следующее:

"А. М. Кутырев говорил мне сегодня вечером, что ему неудобно было проводить митинг и собрание, посвященные Дню Победы, подводить итоги того, в чем он не участвовал. Народ спрашивал: "Кто это выступает? А где Старостин?".

Ну что же. Мне приходится встречать долгожданную Победу, в которую мы верили и боролись за нее насмерть с первых дней войны, как частному лицу, отстраненному от должности. В ЦК поторопились с переводом меня в Москву, поступили не по-человечески, не смогли понять, что отзывать в самом конце войны от дела, которому за всю войну отдано столько сил, - значит причинить боль человеку... Ну это не главное, хотя и обидно. Главное в том, что мы отстояли Кольский полуостров и сделали максимум возможного, чтобы помочь родной стране в это тяжелое время. Думаю, что в будущем историки объективно исследуют работу областной партийной организации в годы войны, и народ по достоинству оценит вклад трудящихся области в деле достижения победы над фашистской Германией".

Сам Максим Иванович в свое время был прислан в Мурманск из той же Москвы, но перед этим прошел немалую жизненную школу и получил основательное образование.

Родился он 15 августа 1902 года в саратовской глубинке, но детство и юность Максима прошли в Сибири. Работать начал с 16 лет в частных слесарных мастерских, затем в железнодорожном депо Иркутска. С 1920-го состоял в комсомоле. В 1921-м был принят в органы ВЧК, потом - в милицию. С 1922 года - член ВКП(б), курсант Иркутской совпартшколы. В 1925-м направлен политработником в части Красной Армии Сибирского ВО, принимал участие в боевых операциях во время конфликта на Китайско-Восточной железной дороге в 1929 году. В 1931-м заочно окончил Институт советского строительства, а в 1938-м - Военно-инженерную академию им. В. В. Куйбышева, после чего и был послан на партийную работу в только что образованную Мурманскую область. Здесь на посту первого секретаря обкома ВКП(б) Старостин с недюжинной молодой энергией занялся развитием экономики Кольского края и укреплением северных рубежей страны.

МЫ ДОЛЖНЫ ОБ ЭТОМ ЗНАТЬ

Именно под его руководством создавались Мурманский пограничный округ, Титовский и Кандалакшский укрепрайоны. Максим Иванович еще до войны успел кровно врасти в эту землю, вложить сюда свою душу, потому и встал за Мурман насмерть, делал все от него зависящее, чтобы не отступить отсюда. А зависело от него многое. Он был накоротке с высшим руководством Союза ССР, имел постоянную прямую связь с Микояном, Ждановым, Маленковым, а при надобности - и со Сталиным. Это Старостин создал знаменитую Полярную дивизию, спасшую Мурманск осенью 41-го. Это Старостин организовал в Мурманске выпуск минометов, мин и гранат, а в Кандалакше - изготовление автоматов ППШ. Это он выбивал у Центра зенитки и самолеты, защищавшие город, порт и поставки по ленд-лизу, добивался сносного питания для войск и трудящихся Мурмана. Это его заботами строилась автодорога Кильдинстрой - Пулозеро, дублирующая нашу "железку". Все это и многое другое неоспоримо видно из "Дневника войны" - подлинной летописи мурманского сопротивления.

Увы, "Дневник войны" уехал от нас в Москву вместе со Старостиным, который дослужился там до заместителя министра Госконтроля по кадрам, но уже в 1948 году в возрасте 46 лет окончил свою земную дорогу и был похоронен на Новодевичьем кладбище. Сын Максима Ивановича - Юрий Максимович, сам будучи военным, хорошо понимая значимость доставшегося ему "Дневника войны", сумел со временем разобрать и перепечатать записи отца. Они составили 700 страниц машинописного текста. Опубликовать их в Москве не удалось, а в 1993-м не стало и Ю. М. Старостина, полковника в отставке. Его вдова Тамара Александровна (урожденная Кольцова) и дочь - Ирина Юрьевна Хмелевская-Старостина сдали оставшиеся от Максима Ивановича документы в военный архив, передав, впрочем, один машинописный экземпляр "Дневника войны" мурманскому журналисту Вячеславу Ищенко. В 2003 году он попытался опубликовать "Дневник войны" в Мурманске, но, по-видимому, "зашел не с того конца", а вскоре и вовсе уехал на свою (и мою) историческую родину, в Великий Новгород. Опуская дальнейшие подробности этой истории, скажу только, что теперь Вячеслав Ищенко и внучка Максима Ивановича Ирина Хмелевская-Старостина благословили меня на возобновление усилий по изданию "Дневника войны", и теперь я не выпущу это дело из рук до полной победы.

Даю читателям "Вечернего Мурманска" для затравки фрагмент "Дневника войны" - два предновогодних дня 42-го.

ДВА ДНЯ ИЗ ЖИЗНИ ВОЕННОГО МУРМАНСКА

30 декабря

В 4 часа утра проснулись от сильной стрельбы зениток и бомбежки. Наша "хибара" вся дрожит.

Вышел на улицу - зенитки ведут яростный заградительный огонь, в городе виден пожар.

*Пошел пешком на КП армии "Кама", а тов. И. И. Федорову (2-й секретарь обкома ВКП(б). - **Прим. В. С.**) и Б. Г. Лыткину (председатель облисполкома. - **Прим. В. С.**) сказал, чтобы срочно ехали в город.*

Максим Иванович Старостин – автор "Дневника войны" - мурманской летописи сопротивления.

Пока шел на КП, сверху на голову летели осколки зенитных снарядов. На КП армии проверил, как работает наша ночная авиация. Дал приказания на самолеты типа СБ подвешивать бомбы не по 250 кг, а по 100 кг - это даст возможность делать больше заходов на бомбометание и держать аэродром "Маятала" более продолжительное время под бомбежкой. Выпустили также 5 наших самолетов типа Р-5 для бомбардировки аэродрома "Луостари".

В 7 часов 40 минут - опять воздушная тревога. Ведется ураганный огонь из всех 120 зенитных орудий и мелкокалиберной автоматической артиллерии, стреляющей светящими трассирующими снарядами. Красивый, но смертоносный фейерверк. Фашистские самолеты продолжают бросать фугасные и зажигательные бомбы.

Начальник МПВО города - председатель Горсовета Кольцов - сообщил, что в порту прямое попадание в пароход "Енисей", его взяли на буксир и тянут к причалу, чтобы не дать ему затонуть. Горит вагон с машинным маслом и дом на улице Коминтерна. Убит заместитель начальника порта по военной работе тов. Ландо. У главного инженера тов. В. В. Басаргина оторвало ногу. Из-за бомбежек и воздушных тревог разгрузочно-погрузочные работы в порту и на железнодорожных путях идут очень медленно. Люди вынуждены больше сидеть в убежищах.

Всю ночь, как назло, погода стоит безоблачная. Дневного времени только три часа, но фашистские самолеты с 4 часов утра до 12 часов ночи произвели на город 13 налетов, то есть повторялись сплошные воздушные тревоги. Грохот зенитных орудий, рвущихся фугасных бомб и яркое пламя тысяч зажигалок. Сегодня Мурманск представлял собой сплошной огненный котел разрывов бомб и артиллерийской канонады.

На КП армии по телефону сообщили, что в районе Фадеева ручья - Колы были выброшены с самолета фашистские парашютисты. Собрал свободных бойцов роты особого отдела армии и поставил перед ними задачу прочесать местность и, если обнаружатся, захватить парашютистов.

В 10 часов 15 минут лейтенант Борисенко доложил, что между 6-9 км по дороге к Зверосовхозу упал фашистский двухмоторный бомбардировщик. Самолет и летчики разлетелись на куски. Подобраны документы и три парашюта.

Некоторое время спустя мне со сбитого самолета привезли целыми иконы Николая Чудотворца, Иисуса Христа и другие. И два металлических креста. Фашистские летчики, вероятно, думали, что они их спасут в случае пленения.

Жена 2-го секретаря обкома Вера Ивановна позвонила из нашей "хибары", где она находится с бабушкой-хозяйкой, и сказала, что согласившись приехать сюда из эвакуации, не представляла себе, что здесь такой ад, и, наверное, не выдержит и уедет обратно в Омск. Но будет за нас за всех неспокойна, так как здесь каждую минуту и на каждом шагу подкарауливает смерть. Обещала по телефону позвонить из Омска моей жене в Иркутск и рассказать о здешней обстановке. Я просил ее этого не делать.

31 декабря

В 3 часа ночи - опять воздушная тревога. Немецкие самолеты бомбили город и бросали зажигалки.

В 5 часов утра позвонил из Москвы тов. А. И. Микоян и спросил, как идут дела в порту с разгрузкой кораблей. Я сказал, что дела идут плохо, так как вчера было 13 воздушных тревог с бомбежками и народ вынужден больше сидеть в бомбоубежищах. Тогда тов. Микоян спросил: "А почему этого не было в прошлом году?". Я ответил, что в прошлом году у немцев не было бомбардировщиков-ночников, они у них появились только в марте месяце этого года. Далее тов. Микоян спросил, что пришло в Мурманск для его противовоздушной защиты. Я ответил, что подошло только 20 оболочек аэростатов заграждения, но их нельзя применить, так как нет водорода и лебедок. Тов. Микоян просил прислать ему сводку о ходе работ в порту.

В заключение разговора я попросил у тов. Микояна взять с кораблей электрокабель для нужд ПВО. Тов. Микоян разрешил.

Сейчас 15 часов, но на улице уже темно, безоблачное небо и ярко светят звезды. Это в полные права вступила полярная ночь. Вероятно, сегодня при такой погоде трудящимся придется встречать Новый год в бомбоубежище.

Рассматривал таблицу о налетах фашистской авиации в 1942 году и нанесенном ущербе.

Всего за год участвовало в налетах на Мурманск 6517 самолетов, из них прорвалось к городу 4198. Ими сброшено 2683 фугасные авиабомбы, а также 129250 зажигательных.

Пострадало всего 1059 человек, из них 315 убито и 744 ранено.

Количество разрушений - 951.

Количество пожаров - 243.

Наиболее напряженными были июнь и декабрь этого года.

В 23 часа собрались все секретари обкома ВКП(б) в нашей "хибаре", приехали к нам И. Д. Папанин и А. Н. Фотченко. Все вместе встретили наступающий новый 1943 год - надеемся, Победный год.

Немцы, вероятно, тоже встречают Новый год, так как не делают налетов на город. Однако народ наш напуган, и многие встречают Новый год, находясь в убежищах.

Владимир СЕМЕНОВ,
член Союза российских писателей,
лауреат университета "Гуманус".

Продолжение следует.

Летопись сопротивления

Сто страниц истории к 100-летию Мурманска

Продолжение. Начало в номере за 5 декабря.

"Дневник войны", который вел первый секретарь Мурманского обкома партии, кандидат в члены ЦК ВКП(б), председатель городского Комитета обороны, член Военных советов 14-й армии и Северного военно-морского флота Максим Иванович Старостин - уникальный документ, настоящая хроника сопротивления в Мурманске. Ранее "хроника" Старостина не публиковалась нигде, так что у читателей "Вечернего Мурманска" есть уникальная возможность стать одними из первых, кто прочел мурманскую военную летопись.

Самым голодным временем для мурманчан стала первая военная зима. И "Дневник" Старостина тому подтверждение.

1941 год

16 декабря

На Военном совете армии рассмотрели вопрос о питании фронтовых воинских частей. Вынесли решение просить увеличить норму пайка для бойцов, так как в связи с зимой имеем 20 смертных случаев от истощения, и 66 человек положены в госпиталь.

Богданов из Оборонстроя обратился за помощью: у него тяжелое положение с питанием рабочих и заключенных. Распорядился выдать ему рыбы. Больше ничего нет.

17 декабря

Дал телеграмму секретарю ЦК ВКП(б) Шаталину и тов. А. И. Микояну о том, что положение с обеспечением продовольствием плохое: продовольствие, выделенное на основании решения СНК от 12.10 и распоряжения Микояна, до сего дня не поступило.

18 декабря

Нарком торговли тов. Шадрин прислал открытым текстом телеграмму на имя Председателя облисполкома с указанием организовать питание для грузчиков в порту, снабжение иностранных кораблей и интуриста.

Ответил на эту телеграмму, что ничего не можем дать, так как продуктов нет, получаем только телеграммы о выделенных фондах.

1942 год

5 января

Работники тыла армии доложили, что в армии нет сена для конского поголовья, а овса осталось всего на 9 дней.

9 января

Звонил члену Военного совета Карельского фронта А. С. Желтову и просил его помочь сеном 14-й армии для конского поголовья. Желтов обещал срочно прислать, но обещанного хватит лошадям всего на три дня.

Заместителю Председателя СНК СССР тов. А. И. Микояну и секретарю ЦК ВКП(б) тов. Г. Н. Маленкову дал телеграмму о том, что Наркомторг вместо реальной помощи и посылки продовольствия и промтоваров шлет нам телеграммы типа "Выдать за счет фондов области продовольствие, ватников 2000 штук и др.".

11 января

Был у меня армейский интендант тов. Левченко и просил сена для лошадей. Сена в армии нет и кормить лошадей нечем. Левченко рассказал, что на Кестеньгском направлении финны из окопов кричат нашим бойцам: "Русь, дай буханку хлеба, десять мин дам" или "Русь, дай полушубок, 100 мин дам". А когда наши бойцы открывают по ним огонь, финны кричат: "Русь, стреляй по правому флангу, там немцы!"

12 января

Сапанин говорил с Микояном по вопросу разгрузки кораблей. Я выпросил у тов. Микояна для Мурманска из привезенного союзниками 200 тонн сахара и 50 автомашин для армии.

19 января

Хлеб, вот что меня сейчас больше всего беспокоит. Несмотря на ряд решений Правительства и телеграммы, что нам много всего отгружено, мы почти ничего не получили. Сейчас осталось всего 100 тонн муки. А чем кормить народ дальше? Финны могут перерезать железную дорогу, и мы будем голодать. Сколько телеграмм давал я тов. А. И. Микояну, но он только сообщает об отгрузке, а к нам ничего не поступает, плохо работают железные дороги.

21 января

Председатель облисполкома Б. Г. Лыткин и его заместитель П. И. Моторин докладывали о положении с продовольствием в области. Муки почти нет. Решили срочно послать в Москву П. И. Моторина для решения вопроса снабжения нас продовольствием. Моторин завтра вылетит в Москву.

Заместителю Председателя СНК СССР тов. А. И. Микояну и секретарю ЦК ВКП(б) тов. Г. М. Маленкову дал шифровку о том, что у нас осталось муки не более чем до 1 февраля с. г. Прошу срочно прислать из г. Вологды маршрут железнодорожного поезда с продовольствием, а также прислать продовольствие для 6-месячного запаса. До сих пор получаем только телеграммы об отправке продовольствия, а последнего нет. Начальник Центрзаготзерно тов. Фомин, дойдя до наглости, прислал телеграмму, в которой предлагает молоть муку из пшеницы, прибывающей из Америки. Как будто он строил мельницы для помола пшеницы на Кольском полуострове!

24 января

Тов. Микоян разрешил взять для области 800 тонн сахара и обещал прислать жернова для помола пшеницы. Просил передать, что доволен ходом разгрузки кораблей.

Начальник тыла 14-й армии тов. Мальцев доложил, что сена для лошадей уже нет два дня, овса осталось всего на полтора дня. Лошади отощали, многие из них дохнут. Тех, на которых уже ездить нельзя, забиваем на колбасу. Что же делать? Ведь могут погибнуть 16 тысяч лошадей.

Позвонил командующему Карельским фронтом генерал-лейтенанту В. А. Фролову, доложил о своей поездке на фронт. Спросил, когда же будут обещанные сено, овес, комбикорм? Фролов ответил, что постарается прислать дня через 2-3. Сильно перегружена Северная железная дорога - нет угля, и поезда стоят.

У развалин своего дома. Мурманск, 1941 год.

26 января

Командующий фронтом В. А. Фролов сообщил, что получена телеграмма от тов. А. И. Микояна, в которой он сообщает, что нам отправлено два постава жерновов для помола зерна в муку. Это очень кстати - теперь надо построить мельницы и будем с мукой, а следовательно, с хлебом. Однако сейчас положение с обеспечением населения хлебом тяжелое. В силу недостаточного количества муки приняли с облисполкомом решение о временном сокращении норм выдачи хлеба. Рабочим вместо 900 граммов теперь будут выдавать 600 граммов хлеба. Райкомам и горкомам партии дано указание провести с трудящимися работу по разъяснению этого вынужденного мероприятия.

27 января

Послал вместе с председателем облисполкома тов. А. И. Микояну телеграмму о том, что ввиду нехватки муки вынуждены сократить норму выдачи хлеба на 300 граммов.

28 января

А. И. Микоян прислал (через НКВД) телеграмму в ответ на наши запросы, в которой сообщает, что из Москвы 26.01.42 г. нам в вагоне № 438220 с сопровождающим от Наркомзага отправлено 8 мельничных камней. Просит принять меры по скорейшей постройке мельниц. Спасибо! Это мы сделаем - уже дал необходимые распоряжения.

31 января

Разбирался с вопросом организации размола пшеницы в муку. Если мы построим мельницы и будем молоть пшеницу, прибывающую из Америки, то будем сыты, а если не сделаем, то будем под угрозой голода, так как Северная и Кировская железные дороги забиты поездами и вряд ли смогут быстро подвезти нам продовольствие. Кроме того, а если удастся перерезать на какое-то время Северную или Кировскую железную дорогу? В каком положении окажемся мы?

Дал категорическое указание в г. Кировск секретарю райкома ВКП(б) тов. В. А. Сергееву за три дня построить мельницу, установить по прибытии жернова и начать молоть пшеницу. Такое же распоряжение дал на заводы тов. П. В. Сапанадзе и тов. Эрмана - срочно сделать вальцовки, с помощью которых также можно будет молоть пшеницу.

7 февраля

После совещания начальник тыла армии тов. Мальцев доложил, что в армии нет овса и сена. Карельский фронт что-либо нам дать не может, так как сам не имеет. От систематического недоедания лошади истощали и начался их падеж.

8 февраля

Дал в Москву тов. А. И. Микояну и начальнику тыла Красной Армии генералу А. В. Хрулеву телеграмму о катастрофическом состоянии в армии конского поголовья из-за отсутствия корма.

11 февраля

В армии чувствуется острый недостаток продовольствия: муки, крупы, мяса и т. п. Дали указание готовить суп из сгущенного молока и крупы. Говорил по этому вопросу с членом Военного совета фронта тов. Г. Н. Куприяновым, который обещал немного подбросить продовольствия. Но когда? Распорядился выдать армии немного рыбы из запасов области.

16 сентября

Поступили сведения о результате сбора грибов и ягод трудящимися области на 14 сентября с. г. Собрано грибов 127,04 тонны, что составляет 39,5%; ягод - 212,042 тонны, что составляет 35,3% планов.

18 сентября

В конце дня пошел сильный снег и похолодало. Кругом все бело - очень странно. Длительное время стояла теплая погода, потом вдруг пошел снег и, видимо, надолго - больше не растает. Это для нас плохо, ибо пропадут грибы, да и не все овощи еще убраны.

27 октября

Разбирался с нормами питания рабочих, предложенными в приказе № 22/П от 26.10.1941 года Наркомторга. По этим нормам рабочие передовых заводов будут ежедневно получать только одноразовое питание по норме:

- мясо - рыба - 70 граммов;
- жиры - 30 граммов;
- крупа - 50 граммов.

А служащие и иждивенцы - еще меньше.

Тов. А. И. Микояну и в Наркомторг тов. Любимову дали вместе с Б. Г. Лыткиным телеграмму с просьбой увеличения норм питания на рабочих:

- мясо - рыба - 4400 граммов в месяц;
- жир - 900 граммов в месяц;
- крупа - 3000 граммов в месяц.

Это даст нам возможность кормить людей два раза в день, иначе может быть цинга, так как колхозных рынков у нас нет.

16 ноября

Получили решение СНК СССР "О нормах снабжения в районах Крайнего Севера". Согласно этому решению всем рабочим установлена норма хлеба - 800 граммов - и увеличены нормы других продуктов. Нормы мяса и рыбы разрешено устанавливать нам самим в зависимости от реальных возможностей. Словом, неплохое решение. Не прошло без внимания наше обращение в СНК СССР по этому вопросу от 27.10.1942 г.

23 ноября

Погода - пасмурно, идет снег.

Занимался целый день хозяйственными делами области, питанием рабочих завода ГУСМП, ходом добычи морской капусты. Тов. Макушин и тов. Шеремет ездили на остров Кильдин, привезли образцы капусты. Смотрел эти образцы и сдал их на анализ. Добыча морской капусты как противоцинготного средства имеет для нас очень большое значение. Положение с возрастанием цинготных заболеваний угрожающе настораживает, в этом году зарегистрировано заболеваний цингой:

- за май - 1177 случаев;
- за июнь - 1226 случаев.

За семь месяцев этого года зафиксировано 8114 цинготных больных и предрасположенных.

27 ноября

Готовил проект постановления облисполкома об улучшении снабжения продовольствием трудящихся области. Согласно решению правительства надо все предусмотреть, так как это решение очень важное и дает нам возможность почти в два раза улучшить питание.

С 1 декабря 1942 года мы вводим нормы:

	Для рабочих	Служащих	Иждивенцев	Детей
Хлеб	800 г в день	600 граммов	400 граммов	400 граммов
Сахар	750 г в месяц	600 -"-	500 -"-	500 -"-
Жиры	800 -"-	700 -"-	500 -"-	500 -"-
Крупа	2000 -"-	1500 -"-	1500 -"-	1500 -"-
Соль	700 -"-	700 -"-	700 -"-	700 -"-
Мясо - рыба	4000 -"-	3200 -"-	1500 -"-	2000 -"-

Вряд ли какая-либо другая область имеет такие нормы снабжения. Что касается рыбаков и плавсостава, то их нормы еще выше.

После 1 декабря 1942 года угроза катастрофического голода от Мурманска отступила. Будем честными перед собой: от военной голодухи мурманчан спасли союзные караваны.

Владимир СЕМЕНОВ,
член Союза российских писателей,
лауреат университета "Гуманус".

Продолжение следует.

Летопись сопротивления

Сто страниц истории к 100-летию Мурманска

Продолжение.
Начало в номерах за 5 и 7 декабря.

"Вечерний Мурманск" продолжает публиковать уникальную летопись мурманского сопротивления - "Дневник войны", который вел Максим Иванович Старостин - первый секретарь Мурманского обкома партии, кандидат в члены ЦК ВКП(б), председатель городского Комитета обороны, член Военных советов 14-й армии и Северного военно-морского флота. Долгое время о существовании "Дневника войны" - так его назвал сам автор - мурманчане даже не знали. Уникальная летопись сопротивления нигде ранее не публиковалась. Сегодня читатели "Вечерки" одними из первых смогут познакомиться с хроникой прифронтового Мурманска.

1941 год

13 августа

Сегодня во время налета фашистской авиации на город, когда бомбы упали около городской бани, моющиеся там люди, не различая пола, выбежали из нее голыми и побежали по домам, но вскоре пришли в себя и побежали обратно в баню за одеждой.

14 августа

Заходил секретарь горкома ВКП(б) В. И. Сойфер и показывал одну из несработавших зажигательных бомб, сброшенных фашистами 13 августа. Бомба с русским клеймом.

15 августа

Сидели во время бомбежки с командующим армией В. А. Фроловым, членом Военного совета А. И. Крюковым и начальником особого отдела Н. Н. Клочевым в штабе (здание средней школы № 1 на проспекте Сталина), а бомбы ложились вокруг нас в радиусе 300-500 м. Летят стекла, отваливается штукатурка, трясутся стены, свистят и воют бомбы, а мы сидим не укрыты и защищены "под ей богу". Положение отвратительное. Вот так именины! Век буду помнить этот день рождения.

Видимо, фашисты окончательно решили разбомбить Мурманск. Надо кончать игру "на авось" и пора уходить за город, перевести туда штаб армии и строить убежища. Для победы над врагом важнее сохранить жизнь, чем глупо умереть под бомбами.

17 декабря

Был у меня воентехник 2-го ранга тов. Ефремовцев и предложил свое изобретение: глушитель шума к винтовке. Стрелял у себя в кабинете для проверки эффективности. Действительно, звука не слышно при выстреле. Освободил тов. Ефремовцева от работы на 10 суток и послал его на завод к тов. Эрману. Надо срочно внедрять изобретение.

1942 год

26 марта

В 12 часов 30 минут - воздушная тревога. Самолеты противника к городу допущены не были. В воздушном бою сбит один самолет. Как уточнили позднее, им оказался наш самолет типа У-2, возвращающийся с бомбардировки фашистского аэродрома "Луостари". Были длинные неприятные переговоры между командующим Северным флотом А. Г. Головко и командующим армией Р. И. Паниным, так как сбитый самолет У-2 принадлежал Северному флоту.

21 апреля

Сегодня исполняется 10 месяцев войны, так как мы начали воевать на сутки раньше. За это время в г. Мурманске было 268 воздушных тревог - это город-Герой. Народ его привык к бомбежкам: спокойно уходит в бомбоубежище по тревоге, сжимая кулаки, хоронит жертв бомбардировок. Все знают, что врагу это даром не пройдет. Мы отомстим, да и сейчас бьем его неплохо.

Максим Иванович Старостин на военном аэродроме.

25 апреля

Погода отвратительная: облачность со снежными зарядами, но коварная - с разрывами облаков. Это дает возможность фашистским самолетам прятаться в облаках и скрытно подходить к городу.

В 18 часов 10 минут - опять воздушная тревога. К городу прорвались два самолета противника. Зенитные орудия встретили их сильным заградительным огнем. Один из этих самолетов сбросил две бомбы в районе управления НКВД - разбил два деревянных дома НКВД. В горкоме партии, в квартире И. Д. Папанина вылетели все оконные стекла. Убито 5 и ранен 21 человек, среди убитых есть сотрудники НКВД. Некоторых убитых не удалось собрать - все разнесло на куски.

26 апреля (воскресенье)

С 4 часов 50 минут утра и до 21 часа вечера было дано 9 воздушных тревог. Некоторые из них продолжались до полутора часов. Жаль, что в воскресенье с хорошей теплой весенней погодой народ просидел весь день в убежищах, подвалах и щелях.

Сегодня фашисты применили тактику измора, ходя все время около города одиночными самолетами.

В воздушных боях наши летчики сбили 5 фашистских самолетов.

3 мая

Сегодня на КП армии доставили дневник одного убитого немца. Дневник интересен тем, что описывает всю его жизнь на Севере в мрачных красках. Он недоволен войной и приходит в ужас от больших потерь. На одной странице дневника крупными буквами написано, что он будет убит 1 мая 42 г. Немного не угадал немецкий солдат, его убили на сутки раньше - 30 апреля 42 г.

23 мая

Познакомился с показаниями командира немецкой роты - обер-лейтенанта, взятого в плен бойцами 10-й гвардейской дивизии у безымянных озер в 10 км юго-восточнее озера Чапр. Пленный - кадровый офицер немецкой армии. В своих показаниях он очень высоко оценивает по боевым качествам наших бойцов, а командный состав оценивает плохо, так как "они всегда наступают в лоб", "лезут всегда на самую высокую сопку". Это дает возможность перегруппировать силы и наносить нам большие потери в живой силе.

Это свидетельство врага имеет под собой основание - опыт последних прошедших боев.

24 мая (воскресенье)

Говорил с тов. Папаниным по вопросам работы порта, так как к нам идет караван в составе 35 судов. Такого большого каравана еще не приходило, и нам придется его разгружать, так как тов. Папанин сегодня уезжает в г. Архангельск, а затем - в Москву. Впрочем, пусть уезжает: меньше будет мешать работе - капризный, избалованный почетом старик. Товарищ он хороший, но с ним трудно длительно работать. Он мало смыслит в ряде вопросов и все хочет брать авралом, дергая и оскорбляя людей без толку. Не любит, когда ему указывают на его ошибки. Начальника Кандалакшского порта тов. Кузьмина он поставил начальником рыбного порта, сняв с этой должности тов. Сидоренко, наградил Кузьмина медалью, а через несколько дней снял его с работы как несправившегося, возвратив на эту должность Сидоренко. Хотя ему говорили, что он делает глупость, назначая Кузьмина, так как Сидоренко сильнее его по работе. Тов. Папанин не послушался, над собой он не работает - живет авторитетом, привезенным со льдины Северного полюса.

18 июня (в Москве)

Получил из Мурманска от секретаря обкома партии И. И. Федорова телеграмму о том, что фашистские самолеты сделали сильный налет на Мурманск. Сбросили несколько тысяч зажигательных бомб, а так как был сильный ветер (9 баллов), то сгорело около 620 домов, сгорел Дом культуры, здание горкома партии и др. Это сообщение очень меня расстроило. Сволочи фашисты! Не могут взять Мурманск с суши, так начали жечь его с воздуха. Ну это мы им не простим. Выжжем все Петсамо - найдем стервецов везде.

Был у тов. Микояна, показал ему телеграмму Федорова. Просил помощи в зенитных средствах и авиации. Он сообщил, что тов. Сталин приказал отправить нам 100-пушечный зенитный полк. Это очень хорошо!

1 июля

Сегодня противник применил новый тип зажигательных бомб, которые после некоторого небольшого горения разрываются и поражают людей осколками - естественно, в первую очередь тех, кто находится рядом и пытается их потушить.

13 июля

Руководство управления НКВД тов. А. Ф. Ручкин и тов. Курылев докладывали о реорганизации своего управления. Я сказал им, что выезд управления НКВД из города на 18-й км после сильных пожаров и бомбежек расцениваю не как признак "храбрости и геройства". Обком ВКП(б) и облисполком находятся в городе, пусть НКВД займет школу рядом с обкомом партии. Во время пожаров или после бомбардировки работники НКВД должны быть в городе, следить за порядком, помогать людям, не допускать паники, а не отсиживаться далеко за городом.

Тов. А. Ф. Ручкин обещал всех своих работников собрать ближе к городу.

На КП армии в скале наблюдал воздушный бой, который происходил прямо над КП. Пушечная очередь, выпущенная каким-то истребителем, попала в наш командный пункт. Снаряды разорвались метрах в пяти от нас, но все обошлось благополучно - никого не задело. Один наш подбитый "Харрикейн" загорелся. Летчик его, видимо, был убит, и этот горящий самолет упал прямо в центр склада с боеприпасами Северного флота между Мурманском и Ростой. Произошел сильный пожар со взрывами - флоту нанесен большой ущерб в боеприпасах. Тушить пожар было почти невозможно, так как снаряды рвались все время.

31 июля

В Мончегорском военном госпитале появился батальонный военный комиссар с двумя шпалами на петлицах. Выдал себя за военного комиссара Карельского фронта по госпиталям и депутата Верховного Совета. Жил там около месяца и "инспектировал" работу госпиталя. Ему сшили сапоги. Знал его и секретарь райкома тов. Жуков, но никто ни разу не спросил у "инспектора" документов. Когда его задержали, оказалось, что он дезертир по фамилии Плотников.

16 сентября

Ночью опять фашистские самолеты летали над городом и сбрасывали бомбы, не давая отдыхать трудящимся. Причем это стало регулярным явлением. Народ сильно устает, так как днем напряженно работает, а ночью невозможно отдохнуть. Пребывание в убежищах, скученность и дремота вместо нормального сна не дают возможности восстановить силы.

22 сентября

Во второй половине дня работал в обкоме партии, занимался решением вопросов обороны города. Рассматривал проект расширения городского скального бомбоубежища за счет строительства театра на 700 мест. Это будет прекрасное дело! Театр сможет работать когда угодно, не считаясь с бомбежками города, и в то же время служить громадным и надежным убежищем для народа.

Одобрили проект и дали санкцию приступить к началу его строительства.

30 сентября

Будучи на КП армии, разговаривал с работниками особого отдела, которые рассказали о двух редких необычных случаях на фронте.

В 10-й гвардейской дивизии в землянке сидело несколько арестованных красноармейцев. Среди них находился один, приговоренный военным трибуналом к расстрелу за уход с поля боя. Во время артиллерийского налета противника снаряд попал прямо в эту землянку, и красноармеец, приговоренный к расстрелу, был убит. Военный прокурор дивизии встал в затруднение. Считать ли приговор приведенным в исполнение? Если да, то кем? Как оформить это дело?

Другой трагичный случай произошел в 95-м стрелковом полку 14-й дивизии на Мурманском направлении. На основании приговора за дезертирство был расстрелян красноармеец Т. Врачи констатировали смерть, и труп расстрелянного был зарыт в землю. Однако, как выяснилось потом, зарыли неглубоко и смерть установили неверно. Красноармеец через несколько часов пришел в сознание, сбросил с себя землю и пришел в свою часть. Его вновь пришлось расстреливать.

Считаю, что в этом случае, поскольку красноармеец добровольно пришел в свою часть, командование, политработники и трибунал поступили жестоко. Надо было пересмотреть приговор.

30 октября

С 1 часа дали опять воздушную тревогу, которая длилась около часа, а затем пошли непрерывные тревоги вплоть до 7 часов утра. Фашистские самолеты-ночники сделали более 40 самолето-вылетов. Небо освещали десятки прожекторов, а гул зенитных орудий превращался в сплошной рев. Свист падающих бомб и зажигалок, сливаясь со стрельбой орудий, создавал впечатление, что все это валится именно на тебя, так как не видно, где и куда летят бомбы. Словом, жуткая картина, и в то же время неповторимо красивая, когда огненные разрывы снарядов и ослепительно яркое свечение зажигательных бомб сливается в одну картину с сильным северным сиянием на небе.

Из-за бомбежки трудящиеся города так и не спали всю ночь, находясь в убежищах и землянках.

8 ноября

Сообщили, что пришел с промысла траулер № 17 и привез выловленный тралом мешок с 200000 рублей советских денег. Вероятно, это часть денег с затонувшего в прошлом году бота "Володарский", на котором было 300000 рублей для выдачи денежного довольствия частям армии, обороняющим полуостров Рыбачий.

20 ноября

Секретарю Кировского райкома ВКП(б) тов. В. А. Сергееву и директору комбината "Апатит" дал указание освоить производство светящихся значков из фосфорной массы. Значки нужны для бойцов армии в качестве опознавательных при проведении ночных боевых операций.

Владимир СЕМЕНОВ,
член Союза российских писателей,
лауреат университета "Гуманус".

Продолжение следует.

ИСТОРИЯ СТРОИТЕЛЬСТВА, ОБУСТРОЙСТВА И ОЗЕЛЕНЕНИЯ ГОРОДА

Взгляд на мурманские школы через призму истории

ОТ БАРАКОВ ДО ДВОРЦОВ

Накануне начала нового учебного года самое время вспомнить о школах. Но не о современных, а о тех, где учились и первые поколения мурманчан, и жители фронтового города, и ребята, вернувшиеся в Кольское Заполярье после эвакуации. Понятно, что в рамках одной статьи обо всем рассказать невозможно. Поэтому остановимся на самых интересных, с нашей точки зрения, моментах.

Школа в Дровяном.

60–80 годы прошлого века – время наиболее стабильного развития образования в СССР. Остались в прошлом трехсменки и учителя без образования. Время ставило новые задачи, и школы должны были подготовить к ним молодых людей. В Мурманске в это время одна за другой строятся новые школы. Профессиональные кадры для них были уже местными – Мурманский педагогический институт превратился в надежного поставщика качественных преподавателей.

Нагорновская малокомплектная школа. 1936 год.

Ликвидаторши

Не так давно «Вечерка» рассказывала, как в нашем городе в 20–30-е годы прошлого века ликвидировали безграмотность. Такая работа шла тогда по всей стране, но в Мурманске она имела свои особенности. Здесь не было большого количества безграмотных (чуть больше 5% населения). Поэтому читать и писать всех желающих научили достаточно быстро. Дело упрощалось еще тем, что в Мурманске было немало людей образованных, с университетским дипломом, не говоря уже о выпускниках гимназий. И именно они, бывшие гимназисты, точнее – гимназистки, и стали главной ударной силой ликвидаторов. Так в те годы называли преподавателей ликбеза. Работали ликвидаторы в порту, мехмастерских и даже в тюрьме.

Первая мурманская, но не в Мурманске

Ликбез теснейшим образом связан с развитием школьного образования. При изучении архивных дел бросилось в глаза то, что больше всего ликвидаторов работало в поселке Дровяном. Почему?

– Да потому, что именно там в 1915 году, когда Мурманск существовал только в проекте, была построена первая школа, – говорит доктор педагогических наук, заслуженный учитель РФ и известный мурманский краевед **Вячеслав Дранишников**. – Сохранилась даже фотография этой школы. И по тем временам она была неплохо оборудована.

Во всяком случае, ликвидаторы никогда не жаловались на проблемы с матчастью. Да, крышу было бы неплохо починить, холодновато зимой бывало, но глобусов, карт, указок, мела и даже методической литературы хватало. В начале 1917 года школу посещали 17 человек.

Город контрастов

Мурманск никак не мог долго довольствоваться дровянской школой-коммуной (так с 1925 года, после объединения с детдомом, назывался первенец мурманского образования). Уже в 1917–1918 годы в городе появляется еще две школы: одна с 4-летним обучением, вторая с 5-летним. В 1916–1919 годы Мурманск – интернациональный город: здесь говорят помимо русского на английском, французском, итальянском, сербском, польском и китайском языках. Немало в городе представителей тюркских народностей. Для них создается еще и мусульманская школа.

В 1921 году в Мурманске уже четыре школы: городская, железнодорожная, учкультвода (водного транспорта) и мусульманская. Самая крупная – городская, 170 учеников.

В 1923 году первые три школы объединили в одно учреждение, для которого специально построили три барака на улице Моряков (ныне улица Челюскинцев). В это время в школе 449 учеников, а в 1929 году – уже 809. К тому времени у школы были уже свои филиалы: три начальных группы, татарская (бывшая мусульманская) и первая школа Мурманска в Дровяном.

Реактивные 30-е

С 1930 года в СССР обязательно всеобщее начальное образование для детей 8–10 лет и, как тогда говорили, для переростков 11–15 лет. В связи с этим значительно увеличивается бюджет Мурманского горono. Если в 1931-м он составлял около 147 тысяч рублей, в то к 1934 году вырос уже до 1 383 тысяч.

Коллектив Объединенной школы. 1927 год.

В это время резко растет население города. Количество учащихся с 1 460 человек в 1931 году выросло до 10 300 человек в 1934-м. В ряде начальных классов преподавание ведется на украинском, татарском и даже немецком языках.

Школ катастрофически не хватает. Занятия идут в три смены. Первый урок в 8 часов утра, а последний – ближе к 23.00. Нагрузка педагогов невероятная. И самое главное, профессиональных учителей мало. Поэтому способных к педагогическому труду выпускников 10-х классов отправляли на полуторамесячные курсы. После этого они возвращались в школу уже учителями.

Впрочем, часто обходились и без курсов. Получил аттестат? Иди преподавай! Удивительно, но такие учителя неплохо работали. Большая часть учеников посещала только начальную школу, как того требовало государство. Для таких школяров знаний выпускника десятилетки вполне хватало.

– А вот к среднему образованию стремились далеко не все, – рассказывает Вячеслав Дранишников. – В те времена в семьях обычно было несколько детей, и родители отправляли в класс наиболее способного. Остальные, получив начальное образование, помогали родителям.

Конец трехсменки

К 1934 году кризис, вызванный нехваткой помещений, достиг апогея. Школьники занимались везде: в ДК Кирова, кинотеатре «Северное сияние», клубе НКВД, морском техникуме, клубе кооперации и даже в помещении партшколы. Под нужды образования отдаются даже строящиеся жилые двухэтажные дома.

Все школы тогда были деревянными. Из них до наших дней сохранилась лишь одна, на улице Декабристов. Сегодня это жилой дом.

В начале 1935 года наконец принято решение о строительстве шести каменных школ. И возвести их должны были за пять месяцев. Для нужд строителей выделяется 100 автомашин, миллионы штук кирпича, тысячи тонн цемента и другие материалы. Все это богатство едет к нам из Ленинграда и предназначено только для школ.

Тем не менее к маю 1935-го готовность школ составляла лишь 12 процентов. И только после взбучки в окружкоме партии строители заработали. Да так, что по темпам строительства школ Мурманск с 23-го места по РСФСР в мае 1935 года к августу уже переместился на четвертое!

Школа № 12.

В 1936 году от трехсменки в Мурманске отказались. Всего в 1935–1941 годы построили 12 каменных школ. Их называли тогда школы-дворцы из-за контраста с преимущественно деревянным городом. Большая часть этих зданий пережила войну и используется по сей день.

Дружим школами

Раздельное обучение – еще одна примета той эпохи.

– Можно много спорить о раздельном и смешанном обучении, – считает Вячеслав Дранишников. – У каждого есть плюсы и минусы. К плюсам раздельного образования можно отнести большую сконцентрированность детей на учебе. К минусам – неумение строить взаимоотношения с противоположным полом. Мне довелось учиться в мужской школе, правда, уже после войны. В то время устраивались каждую неделю танцы. От мужской и женской школ приглашались лучшие ученики. Сегодня это кажется смешным, а тогда все было очень серьезно. Мы собирались в зале, обязательно в присутствии педагогов. Мы танцевали, а учителя нас обсуждали. И их пересуды порой доносились до наших ушей. Но иногда проблема знакомства решалась гораздо проще. Собирались мы своей мальчишеской компанией и шли к женской школе. Меня, как самого маленького по росту и щуплого, подсаживали на окно, я пролезал в форточку и шел к главному выходу. Он был всегда закрыт изнутри на швабру, так я ее вытаскивал и запускал внутрь всю компанию.

Начальная школа в Росте. 1936 год.

10«Б» СШ № 2. Выпуск 1941 года.

Выпускной при закрытых дверях

Война разрушила планы развития Мурманска. Из почти 120 тысяч жителей к октябрю 1941 года в городе осталось чуть больше 30 тысяч. Половина из них – в Кировском районе (ныне Октябрьский округ). Многие считают, что в Мурманске до 1944 года занятий в школах не было.

– Чушь это. Учились, как обычно, – восклицает Вячеслав Васильевич. – Уже 1 августа 1941 года Мурманским областным отделом народного образования был издан приказ о подготовке к новому учебному году.

В Кировском районе большинство каменных школ переоборудовали под госпитали. А школьников выпускных 10-х классов, благо их было немного, разместили в деревянном доме на улице Софьи Перовской (младшие учились в здании, которое сейчас занимает педучилище). Первым делом ученики вырыли во дворе щель, чтобы прятаться во время бомбежек. И начались занятия. Зимой 1941–1942 годов в классах было холодно. За партами сидели в валенках и тулупах. Несколько раз взрывной волной выбивало оконные рамы и двери. Ремонтировали – и снова в класс. После школы, сделав домашнее задание, ученики дежурили в госпиталях, боролись с зажигалками на крышах домов, сдавали кровь для раненых, соревнуясь, кто сдаст больше. Парни занимались в военных кружках.

Выпускной вечер в июне 1942-го прошел при закрытых дверях – гулять по городу было запрещено. Аттестаты выписывались от руки, поскольку бланков не было. На следующий день мужская часть класса отправилась в военкомат, а оттуда – на фронт. Домой вернулись немногие.

Выпускной вечер в июне 1942-го прошел при закрытых дверях – гулять по городу было запрещено. Аттестаты выписывались от руки, поскольку бланков не было. На следующий день мужская часть класса отправилась в военкомат, а оттуда – на фронт. Домой вернулись немногие.

Бомбардировка Мурманска 18 июня 1942 года положила конец школьным занятиям в городе. По предписанию облисполкома детей эвакуировали в Кировск и Мончегорск, где они и продолжили учиться. А в 1943-м открылась школа в Коле, которая не так страдала от бомбежек, как Мурманск.

Учимся летом, или Как стать второгодником

После войны школы СССР столкнулись с большим количеством проблем. И если разрушенные войной здания можно было сравнительно быстро восстановить, то учителей взять было неоткуда, многие из них погибли на фронте. Дефицит педагогов стал одной из причин массового второгодничества.

– В конце учебного года в каждом классе, как правило, на второй год оставляли 5–10 человек, – поясняет Вячеслав Дранишников. – Если ученик не успевал по одному-двум предметам, ему давали задание на осень. На каникулах таких детей из разных школ собирали в одной «летней» школе. Занимались с ними учителя, которые уходили в отпуск осенью. В начале нового учебного года детям назначали месячный испытательный срок. Если они показывали удовлетворительные знания, их оставляли в классе. Того, кто не справлялся с программой, переводили в класс ниже.

Вместо послесловия

60–80 годы прошлого века – время наиболее стабильного развития образования в СССР. Остались в прошлом трехсменки и учителя без образования. Время ставило новые задачи, и школы должны были подготовить к ним молодых людей. В Мурманске в это время одна за другой строятся новые школы. Профессиональные кадры для них были уже местными – Мурманский педагогический институт превратился в надежного поставщика преподавателей.

Знаний, полученных молодыми мурманчанами в школах города, вполне хватало для поступления в самые престижные вузы и техникумы СССР. Среди мурманчан 76 процентов имели дипломы о профессиональном образовании. Ликвидаторы 20-х годов о таком могли только мечтать.

Именно в это время учились в школе многие нынешние читатели «Вечерки». И наверняка у каждого от тех лет в памяти осталось что-то свое, наиболее для него ценное и интересное.

Пионерская клятва.

К борьбе за дело Коммунистической партии будь готов!

ТОРЖЕСТВЕННОЕ ОБЕЩАНИЕ ЮНОГО ПИОНЕРА СОВЕТСКОГО СОЮЗ

Я, юный пионер Советского Союза, перед лицом своих товарищей торжественно обещаю:

Горячо любить свою Советскую Родину.

Жить, учиться и бороться, как завещал Великий Ленин, как учит Коммунистическая партия.

ЗА АКТИВНУЮ РАБОТУ С ПИОНЕРАМИ

Андрей КИРОШКО. kiroshko@vmnews.ru
Фото Максима КОТОВА и из фондов музея истории образования в городе Мурманске.

Второе рождение ГОРОДА

Выступление физкультурников у ТПО.

Большое строительство в Мурманске развернулось в 1931 году. Планы на город у руководства СССР были большие, поэтому и сумма, выделенная на его развитие, тоже оказалась солидной – более 20 миллионов рублей. Но с самого начала все пошло не так, как планировали. В итоге, чтобы хоть как-то решить вопрос с жильем для стремительно растущего населения, горсовет Мурманска был вынужден взять кредит и сосредоточиться на возведении деревянных двухэтажных домов. По замыслу отцов города в этих домах должны были жить в первую очередь сами строители. Таким образом решалась проблема расселения тех, от кого, собственно, и зависел успех будущего строительства нашего города.

Ничего не готово

К началу возведения первых 20 деревянных домов в Мурманске из необходимой для строительства материальной базы практически не было ничего. Направляя в окружком обоснование кредитования, горсовет в графе готовности так и написал: «Ничего не готово». Всего кредитов было три: на проектирование, собственно строительство и покупку необходимой техники. В документе подробно перечисляется, что требовалось: три камнедробилки, шесть километров рельс, две бетономешалки, пять кранов, пять лебедок, десять вагонеток, пять перфораторов с компрессором… На приобретение всего этого требовалось 95 тысяч рублей.

1931 год можно назвать вторым рождением Мурманска. Здесь вновь застучали молотки и завизжали пилы. Город стал стремительно расти.

Чтобы показать, как происходило расширение Мурманска, с какими трудностями приходилось сталкиваться строителям и как они преодолевались, для примера возьмем 1933 год.

К его началу вся жилплощадь города составляла 241 тысячу квадратных метров. Мало? Но на 1 января 1931 года эта цифра была вдвое меньше – всего 106 тысяч. Однако уровень комфорта в новостройках и качество их строительства оставляли желать много лучшего. Газета «Полярная правда» на своих страницах не раз поднимала вопрос о недобросовестности строителей Мурманска. Но ситуация не менялась вплоть до начала войны.

Но вернемся в 1933-й. В городе уже были построены рыбопромышленный техникум (ныне Мурманский морской рыбопромышленный колледж имени И. И. Месяцева ФГБОУ ВО «МГТУ») и поликлиника железнодорожников. Строились Дом культуры (ныне Дворец культуры и народного творчества имени С. М. Кирова), гостиница «Арктика» (названия у нее, правда, в тот момент еще не было, ее просто называли новой гостиницей на улице Ленинградской), хлебозавод, Дом связи. История последнего весьма показательна для того периода.

В 1932 году некая строительная артель приступила к заливке фундамента. Однако выполнила эти работы с большими нарушениями техрегламента. Примерно в этот же момент горисполком, который тогда возглавлял **Петр Максимович Горбунов** (одновременно являясь председателем окружкома), решил, что представленный ранее проект Дома связи его не устраивает. Проект был полностью пересмотрен, и из двухэтажного здание стало четырехэтажным. Все надо было начинать сначала. Год работы, по сути, прошел впустую.

Не меньше было проблем и с хлебозаводом. Сроки его сдачи переносились трижды. Дело дошло до того, что «Полярная правда» организовала общественный контроль на стройплощадке и частенько публиковала нелицеприятные для строителей материалы.

Подвесная дорога на Жилстрое.

Живите где хотите

То, что происходило тогда со строительством жилья, иначе как катастрофой назвать нельзя. За первые полгода план был выполнен всего на 29%. В июле 1933 года эта ситуация разбиралась на пленуме горсовета. Из доклада Петра Горбунова вырисовывается следующая картина. Главный подрядчик строительства «Ленснабстрой» приступил к работе только в марте 1933-го – из-за отсутствия финансирования. Лишь получив кредит в полтора миллиона рублей, подрядчик, наконец ожил. К лету он сумел собрать все необходимые материалы и начать стройку. Но тут возникла другая проблема – отсутствие рабочих.

Изначально, еще когда планы строительства только верстались, все думали, что уж с рабочей силой будет полный порядок. В марте и апреле ее в городе был даже переизбыток. Но сидеть сложа руки в ожидании начала стройки люди не могли, им и их семьям надо было на что-то жить. И когда «Ленснабстрой» сконцентрировал технику и материалы, выяснилось, что народ уже работает на других предприятиях. С грехом пополам руководство «Ленснабстроя» сколотило несколько бригад, которые и кочевали по объектам – сегодня заливали фундамент в одном месте, завтра рубили стены в другом, на третий день переквалифицировались в грузчиков и доставляли материалы…

А что в результате? Комиссия, принимавшая очередной дом, в своем акте отмечает: смазка потолка проводится глиной с большим количеством влаги, которая просачивается в нижний этаж, плиты сделаны такими маленькими, что не могут обеспечить потребности даже одной семьи. Места пересечения труб с кровлей не заделаны, стропила не схвачены скобами. И таких актов множество.

Мощение улицы Ленинградской. 30-е годы.

Мощение проспекта Ленина. 1933 год.

Мрачные кубы

На пленуме, о котором шла речь выше, жестко выступил член горсовета рабочий порта **Легадин**. Он прямо в глаза Горбунову и другим начальникам сказал: «В архитектурном оформлении города нет никакой идеи. Каждый строит как вздумается и где вздумается. Целые кварталы вновь выстроенных жилых домов имеют вид мрачных неуклюжих кубов. Исключительно плохо с больничным строительством. Используем под больницы всякие клетушки, а прекрасное здание железно-

Строительство капитанского дома. 1933 год.

Здание Дома связи, улица Ленинградская, 27. 1935 год.

дорожной поликлиники уже второй год стоит почти готовым и не используется из-за ведомственной грызни. Это по меньшей мере преступление».

«Мрачные кубы» появились в результате почти полного отсутствия озеленения, на которое в Мурманске тогда выделяли всего 8 тысяч рублей в год. На эти деньги в 1933 году посадили тысячу деревьев. Еще четыре тысячи ждали своей очереди в питомниках.

Другим больным местом были городские улицы. В 1933 году их отремонтировали на протяжении всего 5,5 километра. Хотя, что в данном случае подразумевалось под ремонтом, не ясно. Асфальта в ту пору в Мурманске не было. Наверняка привезли песок, засыпали ямы да, возможно, еще деревянные тротуары подправили. Но после первого сильного дождя такая улица превращалась в болото.

Иногда власти в тупик ставила и общественность. В «Полярке» 24 июля 1933 года появилась статья «Мурманск должен иметь большой благоустроенный стадион». Хорошее, в принципе, дело, но ни в каких планах оно не значилось. В городе было футбольное поле, на зиму превращавшееся в каток. Перечить народу в ту пору было небезопасно, особенно если его мнение озвучила главная областная газета. Но деньги-то откуда брать? Пройдет еще пять лет, и только в 1939 году в городе все же приступят к строительству большого стадиона. Сегодня он называется «Строитель».

А вот что было в планах, так это строительство крематория. Причем этот пункт значился в первых строках заданий еще в 1931 году. Руководство города уже в ту пору отлично понимало, что захоронение в Мурманске – совсем не то же, что в других областях страны. Но затем от строительства крематория отказались. Почему, пока разобраться не удалось.

«Любовь» и «Челюскин»

Когда в августе 1933 года в Мурманск прибыл пароход «Челюскин», который только готовился к своему историческому плаванию, это стало событием для всего города. Журналисты «Полярки», уставшие от каждодневной рутины, посвятили кораблю и его пассажирам несколько газетных полос. Они и сегодня читаются с большим интересом, одни заметки известного в то время поэта **Ильи Сельвинского** о жизни в Дании чего стоят. А ведь помимо него на пароходе было немало интересных людей. Например, писатель **Сергей Семенов**, сегодня почти забытый, роман которого «Голод» в свое время выдержал девять изданий. Безусловной звездой среди пассажиров «Челюскина» был **Отто Юльевич Шмидт**, который в Мурманске прочитал ряд лекций.

Кстати, во многих популярных изданиях указано, что «Челюскин» покинул Мурманск 2 августа 1933 года. Между тем случилось это событие 10 августа, что подтверждают и материалы «Полярки», которые указывают, что 6 августа закончилась бункеровка, 7-го при полной воде пароход поставлен к причалу № 7, началась загрузка продовольствия, снаряжения и пресной воды.

Но не только «Челюскин» в 1933 году стал героем «корабельных» газетных публикаций. Незадолго до его прихода в нашем порту со дна Кольского залива была поднята яхта с романтическим названием «Любовь». В Мурманске она появилась еще до революции, принадлежала одному зверопромышленников. Построенная в Норвегии из дуба, с обшитым свинцом килем, яхта обладала прекрасной мореходностью, развивая скорость до 16 узлов, порой обгоняла даже паровые суда. В годы гражданской войны она превратилась в плавучий дом для инженера-портостроителя **Лехницкого** и его сотрудников, затем на ней жили лоцманы, потом яхту передали рыбохозяйственной организации. А в 1921 году «Любовь» затонула по неясным причинам. В 1933 году ее решено было поднять. Две недели у водолазов ушло на то, чтобы освободить яхту от зацепившихся якорей и цепей. Их набралось 13 штук. И потом с помощью понтонов судно подняли на поверхность. К сожалению, проследить дальнейшую судьбу яхты не удалось.

В общем, «Любовь», как и «Челюскин», подняли волну в море рутинных проблем города. Но уход последнего в плавание вернуло горожан и журналистов к обыденным делам. Скоро новый учебный год, а школа на улице Софьи Перовской, которую начали строить еще в 1932 году, готова, как сообщала «Полярная правда», чуть более чем наполовину. «Почему, спрашивается, в мае и июне на стройплощадке было всего три плотника и… три сторожа? – писала газета. – Сейчас август, но вместо 150 рабочих трудятся всего 52. И как думает начальник «Жилкоммунстроя» **Никитин** сдать школу к 1 сентября?».

Впрочем, настоящим событием для Мурманска в 1933 году стал приезд в город **Сталина**. Но об этом мы расскажем в следующий раз.

Андрей КИРОШКО. kiroshko@vmnews.ru Использованы материалы Государственного архива Мурманской области и Мурманской государственной областной универсальной научной библиотеки.

КАК В МУРМАНСКЕ СТРОИЛИ ПЕРВЫЕ ДОМА

Быстро, дешево и грязно

Неделю назад «Вечерний Мурманск» рассказал об особенностях оплаты коммунальных услуг в Мурманске в предвоенный период. Напомним, что постановление Мурманского горсовета о введении платы за эти услуги было принято в июле 1934 года. Эта дата отнюдь не случайна. Городу требовалось постоянное поступление средств в бюджет, чтобы выплачивать ссуду, взятую на строительство жилых домов. О том, как это начиналось, мы сегодня и расскажем.

Камень или дерево?

Большое строительство Мурманска началось в начале 30-х годов прошлого века. В 1931 году облпланом Ленинградской области были приняты контрольные цифры финансирования и строительства жилья в Мурманске. Предполагалось израсходовать 20 миллионов 780 тысяч рублей для создания 140 тысяч метров жилой площади, половина из которых находилась бы в каменных домах, остальное – в деревянных. Участие бюджета Мурманска в этих расходах предполагалось в размере 20 процентов, что составляло более 4 миллионов 150 тысяч рублей. На эти средства планировалось возвести 28 домов: поровну деревянных и каменных.

Но эти планы, как часто бывало в СССР, сразу же подверглись корректировке. Причем ее инициатором выступил сам горсовет Мурманска. В своем объяснении городские власти указали, что «в связи с составлением в настоящее время планировки города Гипрогором *(Государственным Институтом ПРОектирования ГОРодов. – **Прим. авт.**)* вопрос распределения каменных жилых массивов, их проектировка и ведение в настоящее время подготовительных работ по земляным работам и фундаментам не могут быть осуществлены до принятия окончательной схемы планировки города».

Вывод простой – с каменным строительством в 1932 году придется подождать, а пока надо «перенести весь объем подготовительных работ на деревянное строительство». И тогда уже к концу 1931 года можно провести всю подготовку, создать фундаменты, а непосредственно рубку домов начать зимой следующего года. Особо авторы инициативы напирали на то, что такой порядок строительства даст возможность быстро расселить самих строителей «без засорения и так ограниченной площади города большим числом зданий барачного типа».

Всего планировалось построить 20 деревянных домов в районе нынешних улиц Софьи Перовской, Пушкинской, Володарского, Профсоюзов. На эти цели требовались сущие копейки – каких-то 395 тысяч рублей.

Беда была в том, что этих денег у горсовета не было. А еще у них не было проектов и даже необходимых механизмов для начала строительства. Поскольку 1931 год уже подходил к концу и все средства были распределены, то оставался только один путь для получения финансирования – банковская ссуда. В те времена получить заем было делом непростым. Мурманчане обратились за разрешением в окружной исполком. Тот тоже не мог принять подобное решение самостоятельно и послал запрос в Ленинград. В итоге разрешение в том же 1931 году все же было получено.

Поручитель – жизнь заемщика

Сегодня понятия «кредит» и «ссуда» различаются, но в 1931 году мурманский заем был по сути кредитом – по нему надо было платить проценты и пени в случае просрочки платежа. Но назывался такой заем долгосрочной банковской ссудой.

Итак, в окончательном виде кредитование, которое осуществлял Ленинградский областной банк коммунального и жилищного строительства, выглядело следующим образом: 395 тысяч рублей предназначались для строительства, 95 тысяч должны были пойти на закупку механизмов и оборудования и 60 тысяч – на проектные работы. К сожалению, в архивных документах не обозначен срок, на который брались кредиты и процентная ставка по ним.

Неясно также, был ли у мурманчан поручитель. В разрешении, которое выдал окружком Мурманскому горсовету для предоставления в банк, говорится, что горожане отвечают за выплату всеми поступлениями в бюджет и вообще всем принадлежащим им имуществом, где бы оно ни находилось, за исключением изъятого по закону. Возможно, поручителя и не было вовсе. За неисполнение плана в те годы можно было попасть под суд и отправиться в места не столь отдаленные. Так что «поручителем» выступала свобода заемщика. А позднее – в 1937–1938 годах – и его жизнь.

Хотя, возможно, я утрирую. Судя по справке о доходах Мурманского округа, выданной окружкомом для подачи в банк, у Мурманска была возможность расплатиться своими силами, причем не особо напрягаясь. Ежегодно город должен был переводить в банк 61 тысячу 500 рублей, при этом доход Мурманска в 1931 году составлял 1 миллион 844 тысячи рублей. Правда, мы не знаем (это не указано в справке) его расходов, но думается, что ежегодный банковский платеж был вполне по силам городу.

Квартплата в обеспечение

В двадцати домах, построенных на ссуду, предполагалось поселить 1 872 человека. С них ежегодно в виде квартплаты получали 65 232 рубля. При этом расходы, связанные с эксплуатацией самих зданий, горсовет оценивал в 68 732 рубля. С учетом того, что квартиры люди получали бесплатно, получается, что жилищное строительство было абсолютно убыточным делом.

Но еще ведь надо было выплачивать ссуду! И, скорее всего, на эти цели шла как раз квартплата жильцов или же большая ее часть. И тогда становится понятным, почему в Мурманске на улицах и во дворах царила непролазная грязь, мусор не вывозился месяцами, а содержимое выгребных ям иногда выплескивалось наружу. И все призывы газеты «Полярная правда» навести порядок и чистоту ни к чему не приводили. У городских властей просто не было средств на это. Иных путей решения проблемы грязи и мусора, кроме организаций субботников и воскресников, постоянных призывов соблюдать чистоту, тоже не имелось. Но народ, уставший за неделю от работы и стояния в очередях, не спешил на ликвидацию мусорных куч.

Последние из...

До наших дней ни один из 20 построенных в 1932 году домов не сохранился. Все они были либо уничтожены пожаром 18 июня 1942 года, либо пошли на слом. Но уже через год на пепелище вырос новый двухэтажный брусчатый дом. Еще через четыре года рядом с ним появился дом-близнец. Сегодня эти два строения (№ 18а и 18б на улице Профсоюзов) и двор между ними – единственное место в центре Мурманска, которое не изменилось за последние 70 лет. Думается, что и в 30-х годах прошлого века большая часть Мурманска выглядела примерно так же.

Потемневшие от времени стены. Деревянные рамы окон с облезшей краской, торчащим из форточек и сушащимся на ветру бельем. Собачья конура и двор, никогда не видевший асфальта. Лужи здесь застилают травой, а двери подъездов всегда открыты. Удивительно, но этот осколок старого Мурманска стоит в 50 метрах от здания, в котором находятся администрации Мурманска и области. Лишь спутниковые тарелки и пластиковые рамы на нескольких окнах напоминают, что на дворе XXI век. Нечто подобное мне доводилось видеть на Соловках, где в бывших лагерных бараках до сих пор живут люди. Но там контраст не столь разителен, поскольку архитектура островов словно застыла во времени.

Долго ли просуществует в Мурманске на улице Профсоюзов этот музей под открытым небом, сказать сложно. Один из двух домов находится в аварийном состоянии, и, вероятно, его скоро снесут. Сохранить бы последний. Чтобы историю Мурманска можно было не только увидеть на фотографиях, но и по-настоящему прикоснуться к ней.

Андрей КИРОШКО. kiroshko@vmnews.ru Фото из открытых Интернет-источников. Использованы материалы Государственного архива Мурманской области.

КТО ПОСЕЛИЛ В МУРМАНСКЕ БЕЛЫХ МЕДВЕДЕЙ?

Редкий мурманчанин не сможет показать «капитанские дома» на проспекте Ленина. Они знамениты с момента начала строительства. Прежде всего тем, что это первые высотные – семиэтажные – дома. Затем тем, что ордера на квартиры в них получали капитаны флотов. И вот здесь народная молва окрестила их «капитанскими». Однако мало кто вспомнит имя архитектора, подарившего Мурманску свое талантливое творение. Без затруднения назвать его смогут лишь краеведы, историки, журналисты из числа тех, кто пишет о городе. Вклад его в застройку Мурманска так велик, что в ряду имен известных ленинградских архитекторов, по проектам которых возводились здания на центральных улицах, его имя должно звучать первым – Владимир Федорович Овчинников.

КРЕСТНЫЙ ПАПА

Он был знаком с **Сашей Черным**, играл в карты с **Владимиром Маяковским**, сочинял стихи, пьесы, ставил спектакли, дружил с актерами, но главным делом его жизни стала архитектура. Учиться пришлось долго, с перерывами на Первую мировую, потом на Гражданскую войну, сначала в Варшавском политехникуме, затем в Институте гражданских инженеров на архитектурно-инженерном факультете. Блестяще защитив диплом архитектора у знаменитого **Леонтия Бенуа**, немедленно окунулся в работу. Он проектировал для Ленинграда, Астрахани, Петрозаводска, Клайпеды. Но только Мурманск может называть его крестным папой.

«За все время моей работы по моим и нашим (Гипрорыбпромовским) проектам построено больше пятисот домов (включая дома повторного применения), так что я могу вполне сказать, что я был крестным папашей Мурманска с 1930 по 1960 года», – утверждал Владимир Овчинников.

Названная мастером цифра ошеломляет. Пятьсот строений! А ведь это индивидуальные проекты промышленных и административных зданий, жилых домов. Пока выявлены три из них за авторством архитектора – комплекс Мурманского рыбокомбината (1934–1937 годы), Дом междурейсового отдыха моряков (1938 год) и «капитанские дома» (1935 и 1937 годы) на проспекте Ленина, № 70 и 72, известные еще и как «микояновские».

В СТИЛЕ АВАНГАРДА

В начале 1930-х годов рыбная отрасль была одной из самых отстающих в СССР. Требовалось не только оснастить флоты современными рыболовецкими судами, но и наладить переработку уловов. Нужна была мощная индустриализация. Владимир Овчинников начал работу над проектом Астраханского рыбокомбината. Его соавторами стали архитекторы Н. П. Гуреев, Д. Г. Барышев, Е. Э. Ломагина, а также специалисты-технологи А. С. Шибалов и В. И. Взоров. Последний вместе с профессором М. Д. Ильиным разработал технологический процесс производства рыбных консервов. Через год с некоторыми доработками проект был повторен в Мурманске.

Мурманский рыбообрабатывающий комбинат с вводом в 1937 году рыбозавода стал крупнейшим в Европе. Мощнейший комплекс включал в себя восемь основных производственных цехов и шесть вспомогательных – холодильный завод, рыбозавод № 1, посолзавод, консервный завод, филейный завод, коптильный завод, фильтрозавод, мукомольно-экстракционный завод с утильцехом, приемочный цех, погрузочный цех, тарное хозяйство, ремонтно-механический цех, отдел снабжения, перевалочный цех. Среди популярной продукции – филе трески, окунь холодного копчения, мурманские кильки, паштет, сельдь всех видов обработки, консервы из тресковой печени. Архитектура цехов решена в духе авангарда. Конструктивизм как нельзя лучше подходил к созданию промышленных объектов. Здесь ярче всего проявлялись его сильные стороны – функциональность, практичность, лаконизм. Значительная удаленность от жилых кварталов не требовала согласованности с постройками, выполненными в иных архитектурных стилях.

Почти одновременно Овчинников побеждает в двух всесоюзных конкурсах на строительство в Мурманске. Первый – на создание жилмассива на проспекте Ленина (Сталина) для моряков тралфлота, второй – проект Дома междурейсового отдыха моряков. Жюри возглавлял нарком пищевой промышленности **Анастас Микоян**. Ему нравились стилистика работ, масштабное мышление архитектора и то, что его проекты блестяще привязаны к местности. Владимир Федорович часто бывал в Мурманске, место под застройку выбирал сам. Оба проекта выполнены в стиле советского арт-деко. Праздничная торжественность фасадов, оригинальные конструктивные решения, выходящие за рамки простой функциональности, использование скульптуры и барельефов в декорировании зданий, наконец, место, отведенное в городской среде, и символическое значение – все это достойно подробного описания. Остается только сожалеть, что оба проекта не получили архитектурную завершенность.

ПАРКЕТ И ПЕЧКА

«Капитанские дома» – украшение центральной магистрали города. Исполненные в зеркальном отражении, высотой в семь этажей, они создают значительный жилой массив. По замыслу архитектора дома вместе с объединяющей их декорированной кессонами и скульптурой аркой должны были стать въездными воротами на дороге в порт. Архитектор отказался от этого эффектного решения. Выход в порт из города был возможен только по огромному акведуку над железной дорогой. Спроектировать такой в тридцатые годы не успели, потом началась война, после нее надо было строить город заново. К обсуждениям вернулись в конце пятидесятых годов, но ни энтузиазма, ни свежих идей не хватило, решили все оставить как есть.

К тридцатилетию Победы в 1975 году перед ДМО был открыт мемориал в честь рыбаков и судов рыбопромыслового флота, погибших в годы Великой Отечественной войны. Так что идея, заложенная архитектором в проект, неожиданно получила правильное развитие.

Нарядность фасадам и праздничную торжественность домам в целом придает вертикальное членение. Стройные пилястры высотой в

шесть этажей чередуются с рядами балконов, расположенных в шахматном порядке. На крыше установлен парапет. Цокольный этаж занимают магазины, на других этажах – квартиры для семей плавсоставов. Одно-, двух-, трехкомнатные квартиры с высоким потолком – 3,5 м, просторной кухней – 12 кв. м, большими комнатами – 17 и 18 кв. м, раздельным санузлом, горячей и холодной водой – они представлялись будущим жильцам несбыточной мечтой.

Как вспоминает Овчинников, с проектом квартир моряки знакомились без интереса, молча, потом признались: «Мы люди маленькие, и нам вряд ли отломится такой лакомый кусочек». Архитектор, не стесняясь, рассказал об этом в Москве Микояну. Нарком был строг: «Напишите в обком Мурманска и в «Тралфлот», что без моей подписи ни одной квартиры не давать. Я сам буду их распределять». Так потом и было, и первые два огромных дома на главной магистрали Мурманска Микоян распределял лично. Однако квартиры целиком достались далеко не всем. Отдельное жилье получило руководство порта, тралфлота, капитаны флотов **Александр Александрович Егоров**, **Борис Константинович Ануфриевский**, **Витольд Михайлович Маевский**, **Константин Лаврентьевич Бурков**, начальник рыбного порта **Ян Сергеевич Бургутто**, заместитель главного инженера тралфлота **Григорий Филиппович Левкин** и др. Остальные же квадратные метры сразу стали коммунальными. Вспоминает **Людмила Петровна Михайлова**: *«Комнату в двухкомнатной квартире на втором этаже получила моя мама Екатерина Васильевна, сотрудница обкома партии. В то время она уже была замужем за моим отцом **Петром Михайловичем Михайловым**. После войны он работал заместителем начальника рыбного порта. С соседями мы жили очень дружно. Готовили на дровяной плите или керосинке. Помню в квартире, даже на кухне был паркетный пол, который надо было натирать. В нашу комнату заходили по ступенькам, такая особенность – пол на разных уровнях. Никакой лепнины на потолке и обоев на стенах не было. Стены были выкрашены простой масляной краской. Еще до войны дом телефонизировали. Работали лифтеры. Пользовались лифтами только на подъем, вниз спускались пешком».*

О ВОЖДЯХ И ОЛЕНЯХ

Но даже коммунальное расселение не спасало от огромного дефицита жилья в городе. По темпам прироста населения в конце тридцатых годов Мурманск – на третьем месте в СССР после Сталинска (Новокузнецк) и Сталинабада (Душанбе). Строительство надо было продолжать и желательно в кратчайшие сроки.

Дом междурейсового отдыха моряков был задуман и построен в духе тридцатых годов. Масштабный гостиничный комплекс состоял из жилого и административного корпуса, одновременно решалась задача бытового и культурного обслуживания. К услугам проживающих были библиотека, плавательный бассейн, кинотеатр, ресторан и магазин.

Проект ДМО впечатляет с первого взгляда. Массивное симметричное в плане здание сродни замку или дворцу. Фасадом обращено в сторону залива. Мощный центральный объем в шесть этажей увенчан квадратной башней и украшен скульптурой. К входу ведет широкая лестница, с двух сторон ее охраняют белые медведи, хозяева Арктики. Боковые объемы ступеньками поднимаются, словно приращиваются к центру, на фасадах – барельефы с морской атрибутикой. По сути, ДМО должен был стать памятником или гимном в камне, прославляющим труд моряков, рыбаков, покорителей арктических широт. Можно с уверенностью сказать, что Овчинников первый в Мурманске среди архитекторов обратился к теме Арктики и поселил в городе белых медведей.

Проект ДМО впечатляет с первого взгляда. Массивное симметричное в плане здание сродни замку или дворцу. Фасадом обращено в сторону залива. Мощный центральный объем в шесть этажей увенчан квадратной башней и украшен скульптурой. К входу ведет широкая лестница, с двух сторон ее охраняют белые медведи, хозяева Арктики.

Подсказали Овчинникову или он сам догадался, только в разгар сталинских репрессий акцент с восхваления простых моряков был смещен в сторону прославления вождей государства – Ленина и Сталина. Их скульптурные изображения появились у входа в ДМО. В год открытия Дома междурейсового отдыха в Мурманске было арестовано все руководство Севморпути, расстреляны начальник «Севтралтреста» и управляющий строительным трестом «Мурманрыбстрой». Так что от барельефов и статуй на фасаде пришлось отказаться. Вскоре время сменило акценты. После разоблачения культа Сталина в пятидесятые годы руководство города вспомнило о первоначальном замысле мастера и, «свергнув» вождей, вернуло белых медведей, добавив к ним еще и оленей. К тридцатилетию Победы в 1975 году перед ДМО был открыт мемориал в честь рыбаков и судов рыбопромыслового флота, погибших в годы Великой Отечественной войны. Так что идея, заложенная архитектором в проект, неожиданно получила правильное развитие.

Оба проекта Овчинникова высоко оценил Микоян. «В дальнейшем почти все жилые и административные дома, принадлежащие рыбникам, а по капиталовложениям в мурманском строительстве они были на первом месте, были проектированы или мною, или в моей бригаде», – отмечал Владимир Федорович.

Через два года исполняется 130 лет со дня рождения Владимира Овчинникова. Впереди большая работа по выявлению строений, выполненных по его проектам. Но одно понятно уже сегодня – имя его забывать нельзя. Наградой архитектору может стать присуждение звания «Почетный гражданин города Мурманска» – города, который он построил, и памятная доска на здании ДМО.

Светлана ВОДОПЬЯНОВА, искусствовед.
**На основе архивных документов.
С благодарностью Л. П. МИХАЙЛОВОЙ, Л. А. БЕЛОЗЕРОВОЙ, Т. Ф. ГОРОХОВОЙ.**

КАК МУРМАНСК ЖИЛ без канализации и водопровода

В 1932 году Совет Народных Комиссаров (Совнарком) принял постановление о форсированном развитии Мурманского края и его главного города. (см. «Вечерний Мурманск» от 16.02.2016). Прошло шесть лет. 9 июня 1938 года на свет появилась докладная записка оргкомитета ВЦИК по Мурманской области, посвященная фактическому состоянию городской инфраструктуры, застройке и благоустройству Мурманска. Удалось ли претворить в жизнь планы 1932 года?

БЕЗ КАРТОЧЕК, НО ВПРОГОЛОДЬ

За прошедшие шесть лет многое изменилось. Председатель Совнаркома **Ян Рудзутак**, подписавший постановление в 1932 году, уже арестован и жить ему остается полтора месяца. Новый документ направлен на имя председателя Совнарома **В. М. Молотова**. Сам Мурманск с 28 мая 1938 года уже является областным центром. В СССР отменена карточная система, жить становится веселее, хотя многим от такого веселья тошно. Карточки гарантировали пропитание, пусть и не самое сытное и вкусное. Теперь же государство решило, что пришло время гражданам самим заботиться о себе, увеличив при этом розничные цены. Мурманское ОГПУ, переименованное еще в 1934 году в ГУГБ (Главное управление государственной безопасности) и ставшее частью НКВД, в своих сводках отмечает, что работяги недовольны этим фактом, ведь многим из них не хватает зарплаты, чтобы купить самое необходимое.

В июне 1935 года в Мурманске открылся морской пассажирский вокзал на 150 человек.

«*Новый вокзал не уступает лучшим вокзалам портовых городов Союза*, – писала «Полярная правда» 16 июня 1935 года. – *Он прекрасно оборудован: стены выкрашены масляной краской, в зале много диванов, буфет для обслуживания пассажиров, киоск с книгами, газетами и журналами. При вокзале оборудована комната матери и ребенка*».

16 сентября 1937 года в Мурманске произошло эпохальное событие. В этот день вышло постановление облисполкома о сносе поселка Шанхай. Власти торопились убрать это бесформенное нагромождение строений, которое никак не вписывалось в новый облик Мурманска. И как всегда не подумали о людях. Жить-то им где? Нет, формально все было учтено, и ведомства должны были к определенному сроку построить новое жилье. Но те, занятые решением государственных задач, со стройкой не торопились.

Совет депутатов Мурманска 19 октября 1937 года принял драконовское решение: передать в прокуратуру дела на руководителей «Мурманрыбы» и «Муршвейпрома» для привлечения их к ответственности за «*отказ от выполнения постановления облисполкома в части расселения рабочих. Предупредить руководителей организаций и записать в протоколе, что, если до 1.11 с. г. не будут их рабочие расселены, они тоже будут привлечены к ответственности*».

11 февраля 1938 года в семиэтажном доме тралфлота сдали в эксплуатацию первый в Мурманске лифт. А в мае этого же года в 8-этажном Доме межрейсового отдыха моряков открылся первый в городе бассейн.

Но самое главное изменение датировано 28 мая 1938 года. Мурманский округ выведен из состава Ленинградской области, он стал Мурманской областью, а Мурманск – главным ее городом.

ВРАГИ НАРОДА ПОСТАРАЛИСЬ

Докладная записка ВЦИК по Мурманской области – это, по сути, акт приема-передачи Мурманска от Ленинградской области государству. Этакая опись имущества и его состояния.

Авторы докладной, конечно же, знали о планах развития города. Понимали, что они не выполнены. Поэтому попытались отвести от себя возможную угрозу наказания и сделали это в духе времени. «Необходимо отметить, – говорится в документе, – что подрывная работа врагов народа в прошлом, пробравшихся к руководству партийных и советских организаций округа, нанесла значительный ущерб развитию жилищно-коммунального и культурного строительства города Мурманска и области».

В порту. 1931 год.

В Мурманске на 1 июня 1938 года насчитывалось свыше 115000 жителей. Город вытянулся вдоль Кольского залива на 15 километров. Общая жилплощадь составляет 343 тысячи квадратных метров, или около 3 «квадратов» на каждого мурманчанина. Удивительно, но горсовет никакого жилого строительства не вел с 1934 года. Нет, жилье, конечно, строилось, но делали это ведомства, которые потом передавали дома на баланс городу. Таким образом, было введено в строй 9110 квадратных метров жилья, но за это же время, с 1934 по 1938 год, в Мурманске количество учителей выросло со 160 до 791 человека, врачей – с 91 до 280, а население города в целом увеличилось на 35 тысяч 960 человек.

Люди жили очень скученно, в условиях ненамного лучших, чем зимой 1921–1922 годов, когда грянула эпидемия тифа. В тесноте находились и учреждения. Например, обком партии делил дом в 824 квадратных метра с облисполкомом, городскими, советскими, партийными и комсомольскими организациями. Но это еще цветочки. Нехватка помещений загнала в один деревянный двухэтажный дом окружной суд, прокуратуру и местное издательство, а в подвал вселилась типография, со станками, красками и запахом расплавленного свинца. От такого соседства сразу возникало желание помыться.

ГРЯЗНЫЕ ДЕЛА

А вот с этим была беда. В городе находилось всего две бани, в день они пропускали чуть больше 500 человек, что обеспечивало в среднем в год не больше 20 помывок на человека. С прачечными еще хуже – их просто не было. Народ стирал дома, а в большинстве домов Мурманска водопровод отсутствовал. Как и канализация. Ее так и не сделали, хотя и водопровод, и канализацию должны были ввести в строй еще в 1932 году. В первом квартале 1938 года городу грозила катастрофа из-за отсутствия подачи воды, в силу чего была выстроена аварийная насосная станция, которая совершенно не удовлетворяла потребностей населения. Ситуация с водоснабжением оставалась угрожающей. Выделяемых средств хватало только на поддержание имеющейся водопроводной сети. На развитие денег не выделялось вообще.

К безусловным минусам авторы доклада относят и отсутствие в Мурманске зеленых насаждений. Был только небольшой скверик. Видимо, имелся в виду сквер на улице Ленинградской. Очистка города также оставляла желать много лучшего. Транспорта для вывоза мусора не хватало, а свалочного места не было вовсе. Имелся проект постройки эстакады на заливе для свалки нечистот, но для их вывоза требовалась шаланда. Ни на нее, ни на эстакаду денег тоже не было.

На мощение дорог и устройство тротуаров в 1938 году было отпущено только 400 тысяч рублей, а требовалось минимум полтора миллиона. Немощеные улицы, как правило, непроезжие, потому что при строительстве домов создание дорог и благоустройство придомовой территории не предусматривалось.

В 1934 году в Мурманске появился первый автобус. К 1938 году этого общественного транспорта было уже аж семь единиц. Понятно, что удовлетворить спрос на пассажирские перевозки это никак не могло. Мурманск по-прежнему оставался городом пешеходов.

БЕЗДОМНЫЙ МУЗЕЙ

К народному образованию у ревизоров особых вопросов не возникло. Они просто констатировали факт – в городе 15 средних и неполных средних школ, а также пять начальных. Всего учащихся 16500 человек (больше, чем все население Мурманска в 1930 году). Во всех школах города, за исключением двух, занятия шли в две смены.

Библиотекой Мурманск так и не обзавелся, хотя она должна была появиться еще в 1932 году. А вот музей все-таки создали, но он оказался нелюбимым дитятей. Сначала из дома, который он занимал, его выселили, потому что помещение понадобилось какому-то ведомству. Музейщиков с их фондами перевели в Дом культуры, но и там ему оказались не рады – самим помещений не хватало.

Улица Софьи Перовской. 1938 год.

Особое внимание уделялось в городе здравоохранению. По сравнению с 1932 годом тут был явный прогресс. Имелись две больницы на 708 коек и шесть амбулаторий с пропускной способностью по 500 человек в день, в том числе две ведомственные поликлиники. Из всех амбулаторий только одна, железнодорожная, имела специальное помещение, все же остальные размещались во временных приспособленных помещениях, по сути – в бараках. Но в Мурманске шло строительство больничного городка. К тому времени уже возвели родильный дом на 60 коек, терапевтический корпус на 120 коек и достраивался хирургический корпус на 150 человек. Но, как всегда в то время, совершенно не предусматривалось строительство прачечной, подъездных путей и вообще благоустройство территории. Зато еще в 1934 году сдали в эксплуатацию каменный жилой дом для врачей, который существует и поныне.

Итак, за те 11 лет, что Мурманск находился в составе Ленинградской области, он превратился из деградирующего поселка в крупный город. С 1938 года в его истории начинается новый период.

Андрей КИРОШКО. kiroshko@vmnews.ru Использованы материалы Государственного архива Мурманской области. Фото из открытых Интернет-источников.

АРОМАТ УДАРНЫХ СТРОЕК

На исходе лета 1930 года «Полярная правда» опубликовала статью под названием «Новый Мурманск». Заголовок многообещающий. Ведь, несмотря на статус областного центра, в 20-х годах Мурманск городом назвать было сложно. Это была, по сути, деревня, причем с населением, меньшим, чем во многих деревнях тогдашней России. Деревянные дома, грунтовые дороги, которые после дождя превращались в болото, скот, пасущийся в центре города... На этом фоне совершенно неестественно должно было смотреться единственное каменное здание ТПО. Зато были железная дорога, порт и большое количество людей, умеющих писать и читать.

Планы на город возле незамерзающего Кольского залива у правительства СССР были большие. И Мурманск должен был им соответствовать.

ИЗ НИЩЕГО В ПРИНЦА

В 1930 году мурманчане узнали, каким должен стать их город. Проект нового Мурманска подробно обсуждался на горсовете, куда были приглашены представители предприятий и организаций. Желание уйти от деревянно-земельного бытия, видимо, было таким сильным, что в газете самые яркие моменты проекта перечислили в шапке статьи, что в то время было редкостью. И первым делом отмечалось, что в городе будет 33 процента каменных домов, 16 процентов территории отводилось под зеленые насаждения, а длина улиц и шоссе должна составить в общей сложности 13,5 километра. Лишь последним пунктом указывалось, что на превращение Мурманска из нищего в принца понадобится 116 миллионов рублей.

Общая площадь города должна была составить 170 га (для примера: сегодня Мурманск занимает более 15 тысяч га). Название «Новый Мурманск» отнюдь не случайно. Строительство предполагалось вести в стороне от уже обжитого пространства. Так, например, деревянные жилые двухэтажные дома планировалось построить вблизи полотна железной дороги и в районе Халдеева мыса (сегодня это район улицы Подгорной). Каменное строительство пятиэтажных домов собирались развернуть на плато за Варничным ручьем. Восточной его границей становились склоны сопок. Сориентироваться в таком описании сложно, но можно предположить, что речь идет о треугольнике, образуемом нынешними улицами Книповича, Полярные Зори и Карла Маркса.

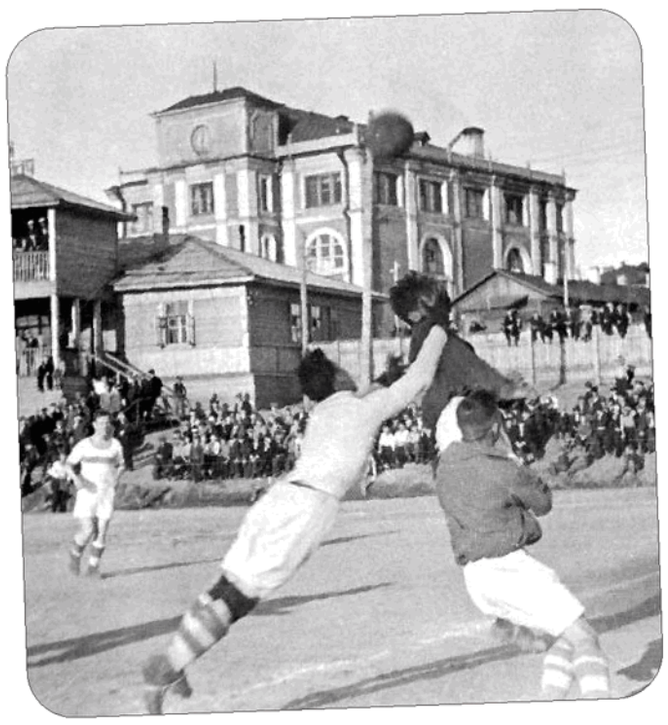

В соответствии с проектом Мурманск делился на старый город и новый. В свою очередь, новый город состоял из двух зон – каменной и деревянной. Плотность населения в первой должна была составить 900 человек на квадратный километр, а во второй – 334. Не имея на руках плана строительства, мы можем только предполагать точное местонахождение того или иного объекта. Так, если бы этот план претворился в жизнь, то, как нам кажется, сегодня центр Мурманска оказался бы между улицами Дзержинского, Траловой и переулком Русанова. Здесь предполагалось возвести главную площадь города со зданиями Севгосрыбтреста, универмага и административных учреждений. «На возвышенности над Варничным мысом будет расположен Дом культуры, кино, Дворец физкультуры и спортстадион, – писала «Полярная правда». – Около Дома культуры прилегающая часть лощины будет использована для устройства парка культуры и отдыха с аттракционами, катальными горами и прудами. На возвышенности по другую сторону ручья будет построена гостиница на 200 номеров. На зеленой полосе, пересекающей каменные кварталы, будут построены общественная столовая, ясли, детский дом, Дом матери и ребенка».

В разных районах Мурманска появились бы школы-семилетки,

кино, прачечные. Стоит отметить, что план предусматривал строительство отдельного школьного городка вместе с ФЗУ (фабрично-заводское училище). Где собирались возвести этот храм науки, неясно. А вот морской техникум должен был открыться в деревянной зоне Мурманска.

А что же старый Мурманск? Как планировалось использовать эту территорию? В заметке говорится мало, лишь сообщается, что по улицам Сталина, Шмидта и Горной будет осуществляться связь между старым и новым городами. И все.

Но этим планам не суждено было сбыться. В 1930 году, когда обсуждались эти перспективы, в Мурманске насчитывалось 14 тысяч жителей. Новый город был рассчитан на 45 тысяч человек. Но уже в 1932 году мурманчан стало 55 тысяч. Власти города понимали, что и эта цифра не окончательная, население будет расти и дальше. Поэтому проект инженера Николаева, за который он получил премию всесоюзного конкурса, так и остался на бумаге.

В ПЕРВОМ РЯДУ

Мурманск в 30-е годы развивался стремительно, как и вся страна. Об успехах строительства города писали центральные газеты, снимали кинохронику.

– Развитие Мурманска в 30-е годы лучше рассматривать в контексте истории всей области, – говорит сотрудник Государственного архива Мурманской области **Дмитрий Ермолаев**. – Тогда сразу становится виден гигантский объем работ на Кольском полуострове. В первую очередь это касается, конечно, разработки в Хибинах апатитового месторождения, строительства городов Апатиты и Кировска.

Каждый год в Мурманской области снимались документальные фильмы, а иногда и несколько. Большая их часть посвящена работам в Хибинах, рассказывает о богатстве недр Кольского полуострова, его уникальной природе. Мурманску кинохроникеры тоже уделяли внимание, но меньше. Чаще всего город становился фоном для освещения какого-то события. Например, работа рыбаков, встреча зимовщиков с парохода «Седов», Праздник Севера и так далее.

Не знаю, как сегодня, а в советских учебниках истории, где пусть коротко, но освещались главные стройки СССР в 30-е годы – Магнитка, Кузнецкстрой, Турксиб и другие, о Мурманске почти ничего не говорилось. Возможно, во мне говорит местечковый патриотизм, но, думается, что развитие нашего региона в тот период должно стоять в одном ряду с названными всесоюзными стройками. По своему значению и масштабам Кольский край нисколько не уступал Магнитке. С нуля здесь строилось сразу несколько крупных городов – Мурманск, Апатиты, Кировск, Мончегорск. В каждом из них создавались предприятия, которые не потеряли своего значения и сегодня. А по приросту населения наш Мурманск полностью «съел» ту же Магниткку. В 1930 году в Мурманске 14 тысяч жителей, в 1940-м – уже 119 тысяч. В Магнитогорске соответственно 65 и 150. Развитие торгового порта, рыбодобычи и рыбопереработки, создание крупной военной базы – все это выводило Мурманск в число ключевых объектов страны. Что и показала в скором времени война, когда Мурманск временами становился единственным в европейской части СССР действующим портом, имеющим выход в открытое море.

ТАМ, ГДЕ И ЛОШАДЬ НЕ ПРОЙДЕТ

Итак, Мурманск строился, но жилось мурманчанам на этой стройке несладко. Лишь в 1930 году городские власти приняли решение о необходимости каменного жилищного строительства. Но пройдет еще несколько лет, пока на проспекте Ленина начнут возводить первые многоэтажки. До этого времени горожане продолжали жить в тех же бараках, в которых зимой 1921–1922 года свирепствовал сыпной тиф. И эпидемическая обстановка в городе была далека от идеала. В 1937 году, когда счастливчики уже въехали в каменные новостройки, в санитарном паспорте города указывается: «Канализации в городе нет. Все сточные воды выпускаются без очистки в овраги и протекающие ручьи непосредственно по территории города». Канализация строилась, но ее проектировщики про экологию не слыхали вовсе. Все нечистоты планировалось сбрасывать в Кольский залив у Зеленого мыса. А пока по городу, ароматизируя все вокруг, двигались ассенизаторские обозы на конной тяге. Но довезти до свалки, которая также находилась на Зеленом мысе, свой «ценный груз» им удавалось далеко не всегда. Дорога была такова, что по ней не могли пройти и лошади. И тогда все содержимое вываливалось на улицу.

ВЫШЕ ЗАРПЛАТА – КРУЧЕ КВАРТПЛАТА!

«Полярка» 12 мая 1934 года с чувством огромной гордости сообщает, что в городе строится первый рубленый трехэтажный дом. В нем 12 двухкомнатных квартир с кухней. Про водопровод и туалет – ни слова. Всего к 1935 году планируется построить четыре таких дома. Квартплата будет составлять... А вот с ней вообще все очень интересно.

В те годы коммунальные платежи формировались на основе заработной платы жильца. Чем выше зарплата, тем круче квартплата! Но беспредела не было. Минимальная ставка – 55 копеек за квадратный метр, максимальная – немногим больше рубля.

В начале 30-х годов принимаются правила уличного движения. Максимальная скорость на автомобиле по городу в дневное время – 20 км/час, в ночное – 15. При приближении к скоплениям людей водитель должен был криком предупреждать их об опасности. Или сигналить. Но звуковой сигнал – роскошь, и был, видимо, не у всех, так как в правилах особо указано на необходимость его иметь.

13 мая 1934 года в Мурманск из Ленинграда прибыл первый курьерский поезд «Полярная стрела». Состав был сформирован из мягких и капитально отремонтированных вагонов. А 16 ноября того же года «Полярная правда» сообщает об открытии первой автобусной линии, которую будет обслуживать 24-местный автобус. Маршрут соединил Жилстрой с центром города.

Андрей КИРОШКО.
kiroshko@vmnews.ru

Фото из открытых Интернет-источников.

Дом на проспекте Ленина, 76 строили с «оглядкой» на дворцы Венеции.

Центральная магистраль Мурманска – проспект Ленина – чуть менее четырех километров. Фотографиями его зданий можно проиллюстрировать отечественные учебники по архитектуре.

Мурманск в венецианском стиле

Бурный рост

Застройка проспекта Ленина, начатая в тридцатые годы, продолжалась до конца двадцатого века. Отдельные сооружения появились здесь совсем недавно – в двадцать первом. Архитектура зданий вобрала в себя почти все стилистическое многообразие советского и постсоветского периодов.

Первыми над проектами жилых и общественных зданий Мурманска трудились архитекторы Ленинграда, затем подключились проектировщики Москвы, последними внесли свою лепту северяне. Смешение стилей стало изюминкой проспекта и превратило его в своеобразный музей под открытым небом.

Прошло пятнадцать лет после закладки города, прежде чем вопрос о строительстве каменных жилых домов был поставлен Мурманским городским Советом перед Центральным банком коммунального хозяйства и жилищного строительства (Цекомбанк). Основными заемщиками Цекомбанка были государственные предприятия. Они имели право на долгосрочное финансирование, поэтому застройку Мурманска жилыми домами начали градообразующие предприятия. Так в центре города появились ведомственные дома «Главсевморпути» (просп. Ленина, 77), «капитанские» дома, горсовета (за памятником Ленину), железнодорожников и так далее.

Главным градообразующим предприятием в тридцатые годы был трест «Мурманрыба». В него входили траловый флот, промразведка, бондарный и судоремонтные заводы, рыбокомбинат, рыбный порт, «Муррыбснаб», морской техникум (ныне Мурманский морской рыбопромышленный колледж им. И. И. Месяцева) и другие организации и предприятия. До начала Великой Отечественной войны только для работников рыбокомбината на проспектах Сталина, Ленина и прилегающих к ним улицах было построено несколько каменных домов.

В конце 1920-х – начале 1930-х годов деревянный Мурманск не мог уместить всех прибывающих для работы в порту и городе людей. Из записки к заявке в Цекомбанк: *«Утвержденный правительством план пятилетки Севгосрыбтреста предусматривает необходимость занять в его производстве к 1932 году 17000 рабочих и служащих, принимая норму семьи в 2–5 человек в среднем, мы будем иметь население до 50000 человек, связанных с производством только одного Севгосрыбтреста. Само собой разумеется, что имеющееся население города в 15000 человек точно так же возрастет. Берем прирост населения, намеченный пятилетним планом развития города в 16000 человек, и в итоге получаем в 1932 году население города, доходящее до 81000 человек»*.

«Дом специалистов» с брутальными карнизами.

Но авторы записки ошиблись в своих расчетах. Согласно переписи населения в период с 1931 по 1939 год население Мурманска увеличилось почти в пять раз – с 29 тысяч до 177 тысяч человек. Потребность в жилищном строительстве была чрезвычайно высока. Ведомства обращались в горсовет с просьбой выделить место для строительства, после чего заключали договор с проектными организациями Ленинграда. Ленинградские архитекторы позаботились о том, чтобы главные улицы города были выполнены с учетом всех градообразующих принципов, а архитектурная композиция в отдельных его частях имела художественную согласованность.

Пять звезд

Мнение, что конструктивизм – исключительное явление на улицах российских городов, совершенно неверное. В архитектуре молодого государства Советов это был главенствующий стиль. Его утилитарность, практичность, лаконизм, использование в строительстве железобетона, каркасных систем способствовали тому, что передовые архитекторы с увлечением принялись создавать проекты промышленных и жилых строений.

Мурманск не был исключением. На улицах города, в портовой зоне первыми появились здания в стиле конструктивизма – Дворец культуры и техники им. С. М. Кирова, гостиница «Арктика» (не сохранилась), морской техникум, рыбокомбинат, здание школы № 2 (сейчас гимназия № 2) и т. д. Начало же застройки города каменными жилыми домами приходится на время, когда в отечественной архитектуре утвердился переходный к сталинскому неоклассицизму – постконструктивизм.

Резкая правительственная критика конструктивизма в 1932 году заставила архитекторов-новаторов пересмотреть отношение к гладким фасадам зданий и начать активный поиск новых художественных решений.

Архитекторы стали черпать вдохновение в эстетике архитектуры итальянских и французских городов – Венеции, Флоренции, Парижа и других, и с увлечением каждый по-своему использовали его. Здания в стиле постконструктивизма несут на себе отпечаток – именно отпечаток, но ни в коем случае не копирование! – элементов архитектуры Средних веков и Ренессанса. Башни, балконы, лоджии, карнизы, фризы обогатили формы и фасады зданий. Одно здание не повторяло другое. Менялись конструкции и образный строй архитектурных элементов. Нашему городу повезло, проспект Ленина украшает пять таких домов. В настоящее время все они включены в список культурного наследия Мурманской области.

А у нас во дворце

Первый из них пятиэтажный жилой дом появился на проспекте Ленина в 1934 году. Его нынешний адрес: проспект Ленина, 76 (здесь и далее будут даны современные названия улиц и нумерация домов). Имя архитектора пока не установлено.

Своим силуэтом «Дом горсовета» обязан средневековым замкам.

Пожалуй, это один из первых угловых домов в Мурманске. Своими неравными по длине фасадами он обращен на проспект и Пионерский переулок. Геометрия стен усложнена ризалитами, чередованием балконов и лоджий. Первый ряд – ряд балконов на углу ризалита, второй – втиснутый между ризалитами ряд лоджий, третий состоит из балконов, переходящих по углу ризалита на стену здания. Дело в том, что дворцовые этажи эпохи Ренессанса имели разную высоту, советские архитекторы не могли себе позволить такую вольность и стремились создать ее иллюзию. С этой целью автор проекта воспроизвел сложный рельеф стены.

Значительный акцент в стиле венецианских дворцов – огромная угловая лоджия. На карнизе над каждым рядом установлены аттики. Благодаря легкому решетчатому ограждению балконов и лоджий не возникает ощущения перегруженности стены. Цокольный этаж, предназначенный для размещения магазинов, отмечен рустом. Улучшенная планировка квартир с индивидуальными хозяйственными помещениями (кухнями, ванными комнатами и туалетом) по нормативам, принятым еще в 1929 году, позволила отнести дом к числу строений первой категории. Артистизм, с которым исполнен фасад дома, говорит о незаурядной одаренности архитектора.

Не меньшим талантом, а может быть, и в какой-то степени превосходящим его, обладал выдающийся ленинградский архитектор **Евгений Адольфович Левинсон** (1894–1968 гг.). Пятиэтажный «Дом специалистов», построенный в 1935 году по его проекту (просп. Ленина, 61) относится к числу типовых строений с улучшенной планировкой. Строительством таких домов администрация привлекала в город необходимых специалистов. Мурманск нуждался в медиках, поэтому первыми сюда заселили семьи врачей, верхний этаж получил назначение гостиницы – множество комнат по обе стороны длинного коридора, общие удобства и общая кухня.

Брутальный карниз

Если характер фасада дома № 76 легкий и отмечен ступенчатым движением, то фасад дома Левинсона совершенно иной – массивный, статичный, основательный. Два корпуса как будто врезаны торцами друг в друга. Большая угловая лоджия имеет сплошное бетонное ограждение, на карнизе над ней установлен аттик.

Мощными акцентами архитектор создает горизонтальное и вертикальное членение фасада. Горизонтальное – карнизом с широким гладким фризом первого и брутальным карнизом последнего этажа, оно же поддержано ограждениями лоджий. Вертикально фасад организуют ряды балконов. Ритм плоскости первого этажа задают пилястры.

Отдельного внимания заслуживает мощный сложный карниз классической формы с фризом, декоративность которому придает чередование кронштейнов с кессонами.

Первоначально в доме была только холодная вода. Печное отопление просуществовало до начала ввода городской теплосети. В военное время дом не пострадал. Реконструкции обрушились на него в середине 1990-х годов. В короткий срок всего за пять лет квартиры первого этажа в части дома, которая выходит на проспект Ленина, были выведены из жилого фонда. В них разместились магазины. Арочное оформление входов нарушило четкую геометрию фасада. Затем переделки затронули и другой корпус, обращенный на улицу Капитана Егорова. Для увеличения площади находящегося там кафе была демонтирована часть внешней стены. Нагромождение стеклянных конструкций, может быть, и кажется кому-то оригинальным, но выглядит совершенно нелепо на выдающемся творении талантливого архитектора.

Средневековый замок

«Дом специалистов» соседствует на проспекте с «Домом горсовета» (просп. Ленина, 63), вместе с ним и сквером он составляет архитектурный ансамбль. Дом построен в 1937 году для сотрудников администрации. Автор проекта – предположительно ленинградский архитектор **Лев Александрович Ильин** (1879–1942 гг.).

Лишенный внешней помпезности, своим силуэтом и образностью дом тем не менее обязан ренессансной замковой архитектуре. Первое здание такого типа – замок Анэ, он был построен во Франции в середине XVI века. Строго симметричный П-образный силуэт здания называется «покой», он образует курдонер – открытый парадный сквер. В России эта форма использовалась при строительстве дворцов. В 1957 году в сквере был установлен памятник В. И. Ленину.

Главный объем здания отмечен протяженным почти на всю длину дома ризалитом со сквозным прямоугольным проходом в виде колоннады в центре. По торцам боковых объемов выполнен ряд лоджий, по фасаду центрального – небольшие балкончики. Думаю, нет необходимости говорить об улучшенной планировке квартир, во все времена власть с заботой относилась к тем, кто ее представляет. Этот дом также не избежал переделок, стилистическое единообразие было нарушено.

Единство ансамбля домов № 61 и 63 создается при помощи карнизов и фризов. Равные по высоте карнизы несколько отличаются по форме, но так же, как и на «Доме специалистов», кронштейны чередуются с кессонами, образуя фриз. Карниз с фризом первого этажа словно перетекает с одного строения на другое. Это хорошо заметно на фотографии 1960-х годов. Правильно выбранный ракурс помог фотографу запечатлеть архитектурное и стилевое единство строений.

Две башни

Чертами постконструктивизма отмечены и два дома с башнями – это здание Главсевморпути на просп. Ленина, 77 (1937 год) и здание госпиталя на просп. Ленина, 73 (1939 год). И в одном, и в другом случае можно говорить о конструктивистской природе формы зданий, но их декоративное решение фасадов соотносится с наследием Ренессанса.

Квадратная башня дома Главсевморпути напоминает замковую. Мощная, высокая, она на два этажа выше боковых частей здания. Ее шестой и седьмой этажи на фасаде разделяет далеко выдающийся вперед широкий плоский карниз. Полукруглые окна седьмого этажа выполнены в форме бойниц. Во время Великой Отечественной войны башня значительно пострадала, ее верхний этаж был реконструирован. Оконные проемы перенесены, окна уменьшены. Несмотря на то, что ширина стен одинаковая, фасады двух сторон башни оформлены по-разному – сказывается конструктивистское мышление автора проекта (имя архитектора пока не установлено).

Решения фасадов боковых объемов здания также отличаются друг от друга деталями, но в целом стилистически едины. Все три части объединяет карниз первого этажа с широким гладким фризом; единообразие боковым частям придают французские фигурные балконы с решетчатым ограждением последнего этажа и балюстрада на карнизе. В оригинальном исполнении на фасаде, обращенном на улицу Карла Маркса, карниз завершал высокий сплошной парапет. Отличие же состоит в высоте двойных пилястр – на фасаде по проспекту Ленина ими выделены два верхних этажа, на фасаде по улице Карла Маркса – только пятый. Для того чтобы в полной мере насладиться авторским замыслом, необходимо войти во двор дома. Угловой вход в подъезд имеет сплошное остекление, сквозь него просматривается четкая геометрия лестничного марша. Остальные входы выделены ризалитами.

С 1932 по 1939 год Главное управление Северного морского пути возглавлял **Отто Юльевич Шмидт** (1891–1956 гг.). По его распоряжению в Мурманске, Архангельске и Владивостоке появились территориальные управления Главсевморпути. На первом этаже здания находились конторы по управлению территориальным отделением, а также управление пароходства; на остальных – квартиры и гостиница.

Конструкция здания госпиталя, который располагался здесь до 2009 года, более сложная. Дом состоит из трех различных по высоте и форме частей с акцентом на башню. В целом такая ступенчатость характерна для конструктивизма, но наличие элементов классической архитектуры не дает усомниться в том, что перед нами образец переходного к неоклассике стиля. Прямоугольная башня врезана в боковой объем здания, который своим фасадом выходит на улицу Профсоюзов. В ней размещаются лестница и лифт. Красивый ряд балконов на торце башни подчеркивает ее доминантное значение по отношению к боковым частям. В поддержку вертикали башни боковые фасады украшены рядом высоких пилястр. Горизонтальное членение отведено широкому карнизу третьего этажа. Он в точности повторяет форму флорентийских карнизов, модульоны чередуются с кессонами на внутренней плоскости карниза. Легкость и декоративность карниза можно было подчеркнуть контрастной окраской его деталей.

С середины 1930-х годов постконструктивизм, который практически сосуществовал со сталинским неоклассицизмом, постепенно под напором критики стал ему уступать. Архитекторы в поисках гармонии обратились к образцам классической архитектуры. Симметрия, классический ордер, лепные декоративные элементы вернулись в отечественную архитектуру.

Здание Главсевморпути несет в себе черты эпохи Ренессанса.

НАША СПРАВКА

Фриз – декоративная композиция в виде горизонтальной полосы или ленты, увенчивающей или обрамляющей ту или иную часть архитектурного сооружения.

Ризалит – часть здания, выступающая за основную линию фасада и идущая во всю высоту здания.

Аттик – декоративная стенка, возведенная над венчающим сооружение карнизом.

Руст – рельефная кладка или облицовка стен камнями с грубо отесанной или выпуклой лицевой поверхностью.

Пилястра – вертикальный выступ стены, условно изображающий колонну.

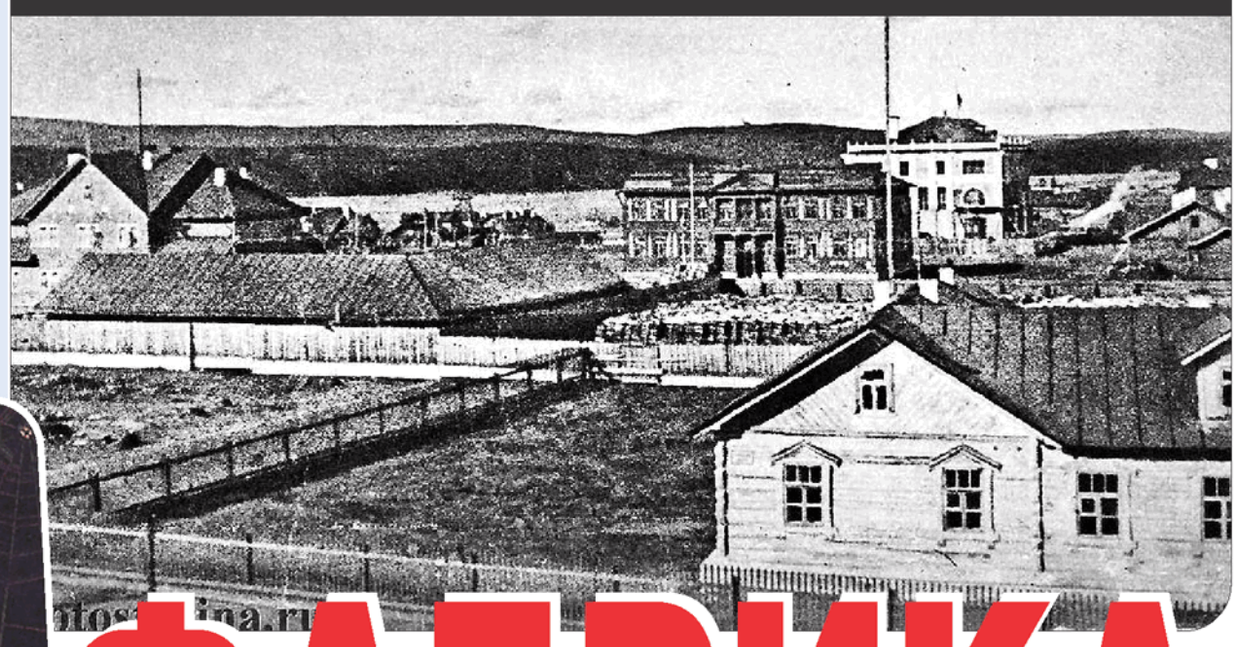
Кронштейн – опорная деталь или конструкция для крепления на вертикальной плоскости выступающих элементов (например, козырьков или балконов).

Кессоны – квадратные или многоугольные декоративные углубления в потолочном своде или на внутренней поверхности арки.

Модульон – архитектурная деталь, которая поддерживает выносную плиту венчающего карниза.

Светлана ВОДОПЬЯНОВА, искусствовед. Фото автора, из фондов ГАМО, открытых Интернет-источников, коллекции Александра ЕЛИСЕЕВА.

Как в котел с супом попала бомба?

ФАБРИКА здорового питания

«Вечерка» уже рассказывала об истории удивительного здания – мурманского «Пассажа», построенного по проекту архитектора Ильи Яковлевича Жижмора в 1927 году (номер за 15 декабря 2017 года). Сначала оно принадлежало Транспортно-потребительскому обществу (ТПО), сейчас в нем расположен областной художественный музей. Сегодня мы продолжаем рассказ. Помимо оригинальных архитектурных решений здание ТПО славилось... своей столовой!

ДАЕШЬ НОВЫЙ БЫТ

Глядя на фотографию 1927 года из Государственного архива Мурманской области, трудно не заметить сходства здания ТПО с фабричным или заводским цехом. В эти годы советские общественные столовые именовались не иначе как «фабрики здорового питания». Они должны были стать, как тогда говорили, «наковальней, где будет выковываться и создаваться новый быт и советская общественность». По всей стране в больших городских промышленных районах строились фабрики-кухни. По мнению идеологов молодого государства, ведение домашнего хозяйства, приготовление еды не должно было отвлекать советскую женщину от коммунистического труда. Именно в это время появились первые жилые дома, в проектной документации которых практически отсутствовало помещение кухни. Реалии новой жизни воплотились в плакатах и лозунгах: «Долой кухонное рабство! Даешь новый быт!». Приготовление обедов и полуфабрикатов на фабрике-кухне было поставлено на поток, некоторые виды работ были механизированы.

СТЕКЛЯННАЯ КРЫША

Юный Мурманск не претендовал на мощный общепитовский комплекс. Кроме того, в случае со зданием ТПО необходимо было продумать размещение не только столовой, но и универсального магазина. Два образа слились в одном проекте – «Фабрика-кухня» и «Пассаж». Воплотив новые конструктивистские решения, автор исключил традиционную конструкцию торговых рядов. Обратившись к каркасной системе строительства и используя железобетон, он был свободен в организации внутреннего пространства, целиком подчинив его утилитарным задачам.

Два нижних этажа здания были отведены под продуктовый и промтоварный магазины. Оконные проемы двух этажей выполнены с учетом размещения прилавков и витрин с товарами. Окна активно решают проблему естественного освещения больших торговых залов. Средняя часть, труднодоступная для солнечных лучей, освещалась при помощи стеклянной крыши и сквозного проема. Да-да, не купола, как писалось ранее, а именно стеклянной вальмовой крыши! Крыша художественного музея в точности повторяет ее форму. Окна третьего этажа равномерно заполняют плоскость стены, при этом обеденные столы можно было поставить произвольно в любой части зала. Лестничный марш, вынесенный в ризалит (ризалит, от итальянского «risalita» – выступ, – это часть здания, выступающая за основную линию фасада и идущая во всю высоту здания. – **Прим. редакции**), высвобождал внутреннее пространство помещений и увеличивал их полезную площадь.

БОРЩ НА СЛАВУ

Столовая представляла собой комплекс специализированных помещений, которые, подобно фабричным, именовались цехами – холодный, овощной, мясной и кондитерский. Овощной вместе со складом занимал помещение рядом с торговым залом на первом этаже и имел отдельный выход на лестницу. В проекте здания был заложен и выполнен при строительстве небольшой подъемный механизм, он функционировал до начала реконструкции 1987–1989 годов. Там же до войны была установлена электрическая картофелечистка. Чистые овощи при помощи подъемника доставляли на третий этаж. Там помимо обеденного зала на 60 мест имелся холодный цех, где готовили салаты, цех по разделке мяса и рыбы, кондитерский цех и оборудованная несколькими плитами кухня.

Обедать в столовую приходили целыми семьями даже в выходные дни. Нельзя сказать, что меню радовало разнообразием, но всегда были и первые, и вторые блюда. По воспоминаниям северян, особенно поварам удавался борщ. Запах наваристого борща распространялся на все три этажа, поэтому обычный поход в магазин заканчивался посещением столовой.

НОВАТОРСКОЕ РЕШЕНИЕ

Многие годы здание ТПО было гордостью Мурманска. В собрании Государственной публичной библиотеки хранится почтовая карточка 1929 года с изображением строения в окружении деревянных домов. О существовании карточки стало известно благодаря **Александру Елисееву**.

Мурманчанка **Людмила Белозерова** вспоминает: «Мы приходили в магазин с папиным другом. Там на полу был большой кафель, квадратики такие, и мы играли в прыгалки. Прыгали там, потом шли в столовую». А вот что помнит об этом здании другая наша землячка **Тамара Ковтун**: «Я живу в Мурманске с 56-го года. Тогда не было такого засилья магазинов, раз, два, три, четыре, пять – и все. А ТПО был один из самых уважаемых магазинов, которые надо было посещать. Здесь всегда что-нибудь можно было купить чуть дешевле. Я помню, там была такая старинная лестница. Казалось, это будет вечно».

Объемно-пространственное решение здания ТПО вызывает восхищение даже у человека, несведущего в архитектуре. Сопоставлением двух объемов горизонтального (основного объема) и вертикального (ризалита) архитектор добивается динамичного восприятия фасада небольшого каменного строения. Ризалит в этом случае не просто разнообразит плоскость стены, а имеет функциональное значение. Конструктивисты довольно часто применяли этот прием, самый яркий пример – Дворец культуры имени М. Горького, построенный в Ленинграде в том же 1927 году, что и наш ТПО. Там тоже в симметрично расположенные ризалиты вынесены лестничные марши. Надстройка над ризалитом в виде объемного аттика не случайна. Она перекрывала острый угол стеклянной крыши и тем самым облагораживала внешний вид фасада, чего, кстати, нет в ленинградском Пассаже. И это также можно считать новаторским решением.

ПОД ЗАЩИТОЙ СТОЛА

Благодаря отклику мурманчан на статью, опубликованную ранее, стали известны подробности не только устройства столовой, но и трагического момента, повлекшего смерть одного из поваров в годы Великой Отечественной войны. Столовая ТПО во время войны продолжала работать. Надо было кормить железнодорожников, солдат, не успевших выехать в эвакуацию жителей города. Электричества не было, готовили на дровяных печах. Дрова, керосин, продукты – все было в дефиците. Повара сами ходили на переезд в порт, пилили на растопку шпалы и на санках привозили в ТПО. **Людмила Попова** вспоминает: «О бомбе, которая попала в здание, нам рассказала повар. Звали мы ее Граня, Гранислава, до конца войны и после нее она работала в столовой. Бомба пробила крышу и упала в суповой котел, стоявший на плите. Все спрятались под столы. Там были такие большие рабочие столы, обитые цинком, по два метра. Бомба не разорвалась, но подружку Грани, не успевшую спрятаться, посекло осколками стекла, и она погибла». Кстати, **Людмила Васильевна Попова**, повар по специальности, с 1983 по 1987 год трудилась в столовой ТПО. Вот что она рассказала о своей работе в то время: «В восьмидесятые овощной цех продолжал работать на довоенном оборудовании. В двух чугунных ваннах мыли овощи, картофель чистили в картофелечистке (большом металлическом барабане с острыми шипами). Подъемник часто ломался, тогда овощи приходилось самим поднимать на третий этаж по той же лестнице, по которой шли посетители. Желающих пообедать в столовой не становилось меньше. Кухня была отменная, на весь город славилась блинами, супами, холодцами и, конечно, пирогами. Многое можно было забрать с собой, работала кулинария. Северяне любили отмечать здесь юбилеи, проводить свадьбы, банкеты устраивать. При нас была уже железная крыша, большой чердак. Там был склад посуды нашей, тарелки, вилки, посуды, помню, было много. Работали магазины – богатейшие, и одежда, и золото, колбаса, вино. Все было».

От себя могу добавить – спасибо всем, кто любит наш город и неравнодушен к его истории.

Светлана ВОДОПЬЯНОВА, искусствовед.
Фото предоставлены автором.

МУРМАНСКИЙ «ПАССАЖ»

За многие десятилетия мы привыкли к эпитетам, которыми щедро награждают Мурманск – «столица Заполярья», «Кольская столица», «рыбная столица». Произносим слова, почти не вникая в их смысл. Но те, кто начинал строить наш город, верили: в сопках на краю земли они возводят город, который по своему размаху, красоте и величию не стыдно будет сравнить со столицами.

НУЖНА БЫЛА СТОЛОВАЯ

В начале двадцатых годов прошлого века очертания Мурманска существовали только в планах на бумаге, редких булыжных мостовых и далеко стоящих друг от друга «деревяшках». Домики-времянки возводили наспех из подручных материалов, чтобы было где переночевать и согреться в холода. Когда же подошла очередь каменных домов, понадобилась помощь опытных строителей и архитекторов. Можно предположить, что именно руководство Мурманской железной дороги по настоятельным мольбам пайщиков Транспортно-потребительского общества (ТПО) обратилось в только что созданное проектное бюро при Ленинградском Стройкоме (1925 г.), позднее известное как Ленпроект. Оно единственное в регионе осуществляло работы по проектированию общественных и жилых зданий, благодаря ему в Мурманске появилось первое каменное здание, сохранившееся до сего дня.

Главной артерией Заполярья была и есть железная дорога. По железной дороге доставляли ценные грузы для строительства города, продовольствие, по ней прибывали свежие рабочие силы, без нее невозможно было бы строительство порта и города. Как и все, кто трудился в порту, на улицах города, семьи железнодорожников нуждались в качественном жилье, испытывали нужды, связанные с приобретением продуктов, товаров промышленного назначения, приготовлением еды. Удаленность нового города от промышленных и продовольственных центров требовала комплексного подхода к решению задачи. Здание, расположенное вблизи вокзала, в котором можно получить несколько услуг сразу, решило бы проблему. Из письма орготдела ТПО Мурманской железной дороги в санитарную комиссию 12-го врачебного участка Мурманской железной дороги о работе столовой ТПО (1926 г.): «Правление ТПО со своей стороны находит, что помещение, занимаемое ныне столовой ТПО, не подходит под место общественного питания, что из-за необорудованности его общество несет значительные потери… Неоднократно местными как общественными организациями г. Мурманска, так и самим правлением ТПО возбуждался вопрос перед правлением Мурманской железной дороги о предоставлении под столовую более приспособленного помещения, но все попытки в этом отношении не увенчались успехом». («Мурманск: начало пути 1916-1940 гг. Сборник документов. К 100-летию со дня основания». М., 2016). В кратчайшие сроки на средства Транспортно-потребительского общества всего за четыре месяца по проекту архитектора **Ильи Яковлевича Жижмора** (1879–?) было построено здание ТПО (1927 г.).

ПЕРВАЯ ЛАСТОЧКА

Проект оказался на редкость удачным. Выполняя заказ для северян, архитектор вдохновился идеей создания первого заполярного универсального здания, включавшего в себя функции магазина и столовой. По его задумке, он должен был стать таким же знаковым в городской среде, как «Пассаж» для Ленинграда или ГУМ в Москве. Поэтому в плане появился сквозной проем на три этажа с возможностью кругового движения вдоль перил и стеклянная крыша. Мурманский «Пассаж» значительно меньше в размерах, но ведь и город только начинал расти. Стоящий на возвышенности на фоне низеньких «деревяшек», он смотрелся небоскребом и сразу стал городской достопримечательностью. Первая ласточка, как ласково называли его переселенцы, подобно маяку встречал входящие в акваторию порта суда. На нижнем этаже на особые «железнодорожные» деньги покупали продукты, на среднем – промышленные товары, на верхнем размещалась столовая.

Здание ТПО относится к периоду советского авангарда в архитектуре. Комплексное решение отвечало духу времени. Сама эпоха преобразований сформировала запрос на новую типологию здания, которое должно было сочетать в себе несколько функций – дома-коммуны, фабрики-кухни и так далее. Одновременно оно является ярким примером ленинградской градостроительной школы, которая к этому времени уже обрела свое лицо. В период 1920-1930 годов прогрессивные ленинградские архитекторы были увлечены идеями конструктивизма.

БОМБА МЕЖДУ ЭТАЖАМИ

Здание ТПО – уникальный сохранившийся памятник ленинградского конструктивизма. При его строительстве были применены новаторские технологические идеи. Это первое в Мурманске каркасное здание с железобетонными перекрытиями и одно из первых в России. Каркас заполнен пескобетонной смесью. Каркасная система получила применение в строительстве именно в период конструктивизма. И то, что архитектор использовал его при проектировании здания, говорит о его принадлежности к передовым представителям школы. Довольно простое по форме трехэтажное строение фасадом обращено в сторону улицы Коминтерна и повернуто по оси. К основному помещению прямоугольной формы примыкает высокая вертикальная пристройка с вынесенным в нее лестничным проемом, вход в здание (до 1989 г.). Для того времени это было революционное конструктивное решение, спустя всего десятилетие на многие годы забытое. Архитекторы вернутся к нему в начале двадцать первого века.

Сквозной проем должен был обеспечить свободную циркуляцию воздуха в многолюдных помещениях, а купол в период белых ночей – помогать экономить электричество. Здание лишено яркого архитектурного декора. Нет лепнины, колонн, узорчатых карнизов и консолей. Отказ от них заложен в самих принципах конструктивизма. Однако строение не смотрится серым и унылым. Внешние стены разнообразят пилястры (как напоминание о фасаде ленинградского «Пассажа») и различной формы оконные проемы. На первом этаже большие квадратные, на втором – полуциркульные окна чередуются с прямоугольными, на третьем – опоясывая весь периметр здания вытянутые по горизонтали прямоугольные. При строительстве не использовались дорогие материалы, в отделке здания их также не было. Внешние и внутренние стены были оштукатурены и выкрашены. Таким неизменным оно оставалось на протяжении почти пятнадцати лет.

В годы Великой Отечественной войны здание устояло, несмотря на то, что в пролете между этажами, пробив стеклянную крышу, застряла авиабомба. Она чудом не взорвалась и таким же чудом была извлечена невредимой. После войны в период восстановления возводить стеклянный купол не стали. Здание лишилось своей изюминки, но город продолжал сохранять свой «Пассаж» еще на протяжении нескольких десятилетий. Только в конце восьмидесятых годов было принято решение о реконструкции здания и размещении в нем сначала выставочного зала (1989 г.), а затем и областного художественного музея (1990 г.).

ТЕПЕРЬ – МУЗЕЙ

Решение было непростым. Старожилы города с негодованием отнеслись к идее реконструкции, писали письма, просили оставить городу здание ТПО, в котором продолжали покупать продукты и посещать столовую. Администрация же пыталась доказать, что в городе достаточно больших магазинов и здание не отвечает потребностям растущего центра города. А вот выставочный зал городу нужен. Заполярные художники активно работают, и новые экспозиционные площади будут ими востребованы. Мурманчане смирились с этим решением, но щемящее чувство утраты осталось.

Реконструкция затронула как внешний, так и внутренний конструктив здания. Неактуальными показались существующие входы в здание. На месте дверных проемов, обращенных на улицы Коминтерна и Профсоюзов, появились новые – главный в сторону улицы Воровского (карниз над ним венчает атик) и запасной – в направлении сквера. Исчез сквозной проем между этажами, до третьего этажа выросла широкая парадная лестница, облицованная мрамором. Подвальное помещение переоборудовали в цокольный этаж, появились перегородки между залами. Чтобы компенсировать отсутствие стеклянного купола, потолочное пространство зала третьего этажа было обрамлено витражными стеклами.

Не могу согласиться с мнением, что реконструкция была выполнена с «максимальным сохранением образной и стилевой характеристики» здания. Отказавшись от функциональных решений, применив в оформлении интерьеров гранит и мрамор, проектировщики нарушили принципы демократичного стиля, рожденного социалистической идеологией.

Можно ли было оставить здание в его родном конструктиве, сохранив для северян пример ленинградского конструктивизма нетронутым как один из символов города-столицы? А для выставочного зала построить новые стены? Спустя годы можно ответить: «Скорее да, чем нет». Художественный музей вновь испытывает нужду в специализированных площадях, он давно вырос из стен небольшого здания ТПО. Если бы в свое время здание передали в качестве филиала краеведческому музею, весь конструктив можно было бы сохранить без изменений. Для того чтобы развернуть в нем экспозицию, посвященную строительству города, не понадобилась бы масштабная реконструкция.

Светлана ВОДОПЬЯНОВА, искусствовед.
Фото из открытых Интернет-источников.

ВЕКОВАЯ МЕЧТА

Какие объекты в городе хотели построить,

«Вечерний Мурманск» продолжает серию публикаций, рассказывающих о нереализованных в нашем городе архитектурных проектах. Сегодня поговорим об объектах, которые не раз обсуждались в прошлом и настоящем, но реального их воплощения в городе так и не увидели. Во всяком случае, пока. Итак, почему в Мурманске до сих пор нет набережной и полноценного парка культуры и отдыха? Нашим лоцманом в море архивных данных стал сотрудник Государственного архива Мурманской области (ГАМО) Дмитрий Ермолаев. Он уже много лет ищет, собирает и изучает документы по истории архитектуры Мурманска.

Здесь должна была располагаться набережная Лейтенанта Шмидта.

ЛОДОЧНАЯ СТАНЦИЯ И ВОДНЫЙ СТАДИОН

На протяжении всей истории Мурманска прослеживаются генеральные идеи, которые горожанам хотелось бы осуществить, но в силу тех или иных причин они так и не получили достойного воплощения. Одна из таких идей – сделать удобный выход людей к водам Кольского залива.

В фондах областного архива **Дмитрию Ермолаеву** удалось найти документы, доказывающие, что о необходимости строительства набережной заговорили почти сразу после основания города.

5 октября 1917 года состоялось межведомственное совещание по рассмотрению плана Мурманска и вопросам благоустройства. Там шла речь о застройке прибрежной Варничной улицы объектами военно-морской базы. Один из авторов плана Мурманска архитектор **Павел Алешин** заявил, что Варничная улица является единственным удобным спуском к воде и что лишение города этой улицы приведет к тому, что у горожан фактически не будет возможности пользоваться заливом.

– Мурманск создавался как временное поселение с совершенно конкретными целями. Он был перевалочным пунктом для союзнических поставок в Россию в годы Первой мировой войны, – говорит Дмитрий Ермолаев. – Соответственно, вся первая терраса города была занята портовыми сооружениями, железной дорогой, другими объектами, которые перекрывали выход к заливу. И первые проекты города вообще не предусматривали какого-либо выхода к нему.

Судьба замечания Алешина, ставшего впоследствии мэтром архитектуры (несколько его проектов считаются шедеврами) хорошо известна: революция, гражданская война и интервенция не давали возможности горожанам основательно заниматься вопросами благоустройства Мурманска. Вернулись к ним только в 30-е годы прошлого века. В архиве есть документы, показывающие, что тогдашние власти города думали о создании на Кольском заливе лодочной станции и водного стадиона. Планировали тогда же приступить и к строительству морского вокзала. Но ничего этого до войны реализовано не было.

Архитектор Павел Алешин.

НАБЕРЕЖНАЯ ЛЕЙТЕНАНТА ШМИДТА

13 апреля 1947 года был принят генеральный план города Мурманска. В нем предусматривался выход к воде в районе нынешнего морвокзала, и там же планировали построить сам морской вокзал.

– Рецензенты этого плана говорили о важности данного шага, даже о его революционности, поскольку город к тому времени выхода к заливу не имел, – говорит Дмитрий Ермолаев. – Но были и критики, которые утверждали, что из-за застройки первой террасы промышленными объектами и проходящей там железной дороги выход к морю на небольшом участке проблемы не решит. Чтобы хоть как-то купировать это противоречие, появилась идея создания набережной на улице Шмидта.

Описание этой набережной появилось на страницах «Полярной правды» в мае 1947 года. «Над самой водой, вдоль побережья Кольского залива будет идти широкая городская магистраль длинной 2 километра 800 метров – набережная Лейтенанта Шмидта. Вдоль нее будут возведены самые красивые городские здания. Эта магистраль на протяжении 900 метров будет лежать на бетонной подпорной стенке. С палубы парохода, катера или яхты набережная Лейтенанта Шмидта откроется взору как естественное основание города», – писала газета.

По плану развития города 1947 года планировалось создать зону отдыха на том же Варничном ручье на территории в 20 гектаров. В ее границах должен был быть искусственный водоем длиной 700, шириной 100 и средней глубиной 35 метров! Для создания этого гигантского аквариума предлагалось перекрыть плотиной Варничный ручей.

Но вообще-то любая набережная должна находиться на берегу водоема, а от улицы Шмидта далековато до залива. Идея заключалась в том, чтобы участок от средней мореходки до улицы Комсомольской заасфальтировать, забетонировать, установить парапет, на него поставить огромные каменные шары и любоваться заливом примерно с полукилометра. Странная получилась бы набережная. Возможно, поэтому она и не была построена. Но идея очень показательна. Оказавшись в тупике из-за застройки прибрежной полосы Кольского залива, и понимая необходимость набережной в морском городе, власти решили сделать хоть что-то. Назвать набережной улицу, например.

После 1947 года о набережной в Мурманске надолго забыли.

– Возможно, какие-то идеи относительно набережной есть в генеральном плане Мурманска 1963 года. – рассказывает Дмитрий Ермолаев. – А достоверно известный

МУРМАНЧАН

но так и не смогли

Танцевальный павильон.

проект относится уже к 90-м годам прошлого века. При строительстве Кольского моста была запроектирована набережная. Территорию к северу от него должны были закатать в бетон, построить подъездные пути. В общем, там можно было организовать и водный стадион, и яхт-клуб и многое другое. Но, видимо, из-за дороговизны от этой идеи отказались. Как мне представляется, в этом месте до сих пор есть условия для создания полноценной набережной.

Действительно, те кто бывал на «Мурманской миле» или фестивале спорта «Гольфстрим», знают, что в районе Кольского моста есть огромная территория, на которой проводятся спортивные состязания. И там, теоретически, возможно размещение набережной.

КЛАДБИЩЕ ВМЕСТО БЕРЕЗОВОЙ РОЩИ

Еще в 1916 году министр путей сообщения **Александр Трепов**, донося государю императору об основании Мурманска, среди прочего отчитался о том, что им приняты меры для сохранения имеющейся в черте будущего города березовой рощи, а также окружавшего город леса, для организации там здравниц и поселений.

Березовая роща находилась в районе бывшего парка аттракционов на улице Буркова. Очень скоро о задании Трепова забыли. И на том месте появилось первое городское кладбище.

А через год, на уже упоминавшемся межведомственном совещании о благоустройстве Мурманска, Павел Алешин, отвечая на вопросы, говорил, что на месте этого кладбища будет разбит парк в честь первых строителей города.

– То есть уже в то время думали о создании благоприятной среды обитания для будущих жителей города, – рассказывает Дмитрий Ермолаев. – Но опять в силу политических событий об этом пришлось забыть. Кладбище просуществовало там до середины 20-х годов, а роща была вырублена. На сделанной в 1932 году фотографии этого места хорошо видны пеньки.

ГИГАНТЫ ПЕРВЫХ ПЯТИЛЕТОК

В 1930-х годах планировалось создать в Мурманске даже не парк, а комбинат культуры и отдыха.

Это был грандиозный проект, в основе которого лежала народная инициатива. Все началось с публикации в «Полярной правде», которую тут же поддержали многие организации, в том числе и профсоюзы.

> **«Мурманск создавался как временное поселение с совершенно конкретными целями. Он был перевалочным пунктом для союзнических поставок в Россию в годы Первой мировой войны Соответственно, вся первая терраса города была занята портовыми сооружениями, железной дорогой, другими объектами, которые перекрывали выход к заливу. И первые проекты города вообще не предусматривали какого-либо выхода к нему.»**

– Было несколько вариантов его размещения, – продолжает свой рассказ Дмитрий Ермолаев. – Первый – у реки Роста площадью 130 гектаров, второй, в 70–90 гектаров, – в районе нынешней областной больницы и третий на горе Соловарака, что в Коле, площадью 200 гектаров. В ту пору было понятие Большой Мурманск, и Кола в него входила. Многие склонялись вести строительство именно там. Был даже создан общественный совет.

Строительство было рассчитано не на один год. А пока мурманчанам предложили мини-вариант парка на 15 гектарах в районе Варничного ручья. Здесь предполагалось развернуть пляжи, души, зоны тихого отдыха, теннисные, футбольные, волейбольные площадки, лыжные станции, катки, туристические лагеря, базы однодневного и суточного отдыха, медучрежения для контроля состояния физкультурников. Особое внимание уделялось созданию яхт-клуба и бассейна для плавания. Театр, кино, эстрада, симфонический оркестр тоже были составной частью комбината. Для развлечений на первое время планировалось создать комнату смеха, аттракцион «гигантские шаги», карусель. И конечно, много внимания уделялось культурно-политической агитации.

Эскизы парка. 1956 год.

– Но и эта идея осталась невоплощенной, – комментирует Дмитрий Ермолаев. – Должность директора парка ввели, а денег на строительство не выделяли. Постоянно переносили его на новое место – то на гору Горелая, то на другой берег Кольского залива.

ИСКУССТВЕННЫЙ ВОДОЕМ В ЦЕНТРЕ ГОРОДА

По плану развития города 1947 года планировалось создать зону отдыха на том же Варничном ручье на территории в 20 гектаров. В ее границах должен был быть искусственный водоем длиной 700, шириной 100 и средней глубиной 35 метров! Для создания этого гигантского аквариума предлагалось перекрыть плотиной Варничный ручей.

– По замыслу авторов, этот водоем должен быть использован для создания водной станции, – пояснил Дмитрий Ермолаев.

Что тут сказать. Похоже, что архитекторы решили убить двух зайцев – построить парк и набережную одновременно, ведь береговая линия искусственного водоема длиной более полутора километров наверняка будоражила воображение зодчих. И возможно, природу и удалось бы перехитрить, но вот городской финансовый отдел был другого мнения.

– Исследования, проведенные «Леноблпроектом», показали, что только стоимость зеленых насаждений будет уже непомерно высокой, – говорит Дмитрий Ермолаев. – Один гектар сквера в Мурманске обошелся бы в 520 тысяч рублей, парка культуры и отдыха без зданий – в 340 тысяч рублей, а годовые эксплуатационные расходы одного квадратного метра составляли 2 рубля 20 копеек. К сожалению, в этом документе не указаны цены подобного строительства в других регионах, но, судя по всему, парк в Мурманске был дороже в разы, чем его аналог в средней полосе.

Но на этом попытки построить парк в Мурманске не заканчиваются. В 1956 году появился проект группы архитекторов, руководил которой ленинградец **Лев Владимирович Сизиков**. Участвовала в нем тогда еще молодой архитектор **Александра Сергеевна Расторгуева**, известная впоследствии как автор 305-микрорайона Мурманска, лауреат премии Совета Министров СССР. Почти через 50 лет, в августе 2005 года, она поделилась воспоминаниями об этом эпизоде истории города в заметке, вышедшей в «Мурманском вестнике». Парк снова собирались возводить на Варничном ручье – в том месте, где сейчас стоит «Мурманск Молл». Описывать его смысла нет, поскольку сохранились фотокопии эскиза.

Андрей КИРОШКО.
kiroshko@vmnews.ru
Фото из архива Александры РАСТОРГУЕВОЙ и Павла СТЕПАНЕНКО.

Вместо заключения

Итак, ни набережная, ни полноценный парк отдыха в Мурманске не появились до сих пор. Причины банальны. В первом случае – это занятость береговой линии Кольского залива промышленными объектами. Во втором – дороговизна.

Помните проект парка 1947 года с огромным водоемом? Что-то в этом все-таки есть, поскольку уже в наше время появилась идея создания парка и набережной на берегу Семеновского озера. И хочется верить, что там-то наконец станет реальностью вековая мечта мурманчан.

«Вечерка» продолжает рассказывать о строительстве Мурманска. В последних публикациях мы больше уделяли внимания тем проектам, которые задумывались, но так и не были претворены в жизнь. А сегодня отойдем от красивых фантазий и расскажем о реалиях становления нашего города. Перенесемся в 1937 год. Это время важно для более точного понимания последующего развития города. Почему? За четыре года до войны Мурманск впервые стал городом трех районов. И эта схема административного деления областного центра с некоторыми изменениями существует и поныне.

Строительство рабочего поселка в Росте. 1938 год.

ТАЙНЫ УЛИЦ

Куда вели Косая, Прямая и переулок Сунь-Ятсена

Строительство каменного дома на проспекте Сталина (1934 год), ныне проспект Ленина, 76.

ТРЕБУЮТСЯ ПЕРЕМЕНЫ

Но для начала нужно вернуться в двадцатые годы.

«Губернский город Мурманск совсем не похож на город, – писал на страницах «Полярной правды» первый председатель Мурманского горсовета **Александр Меллер** о Мурманске образца 1923 года. – «Чемоданы», бараки… Нет ни одного нового дома. Жителей в городе больше 5000. Порт только называется торговым, товары через него не идут, ввозят преимущественно уголь для железной дороги».

Прошло всего 14 лет, и на заседание горсовета Мурманска была подана докладная записка, авторами которой, судя по подписям, были исполняющий обязанности руководителя Мурманского горсовета Большаков и секретарь Кучин. Первые лица города без обиняков признавались, что *«городской совет не в состоянии обеспечить необходимое руководство как хозкультурным строительством, так и другими отраслями хозяйства и обслужить надлежащим образом многообразные нужды трудящихся города»*.

За эти четырнадцать лет население Мурманска выросло более чем в 20 раз – с пяти тысяч до 108 тысяч человек. Город разросся от исторического центра как на север, так и на юг, на востоке забрался на гору и готов был захватывать новые территории. Но к этому не были готовы власти. Нет, ситуацию с жильем для вновь прибывающих худо-бедно можно было решить, но вот обслуживать новые кварталы на основе прежней схемы административного деления уже было невозможно.

РАСТУЩАЯ РОСТА

Особенно авторы докладной записки жаловались на Росту. Этот район находился на отшибе, далеко от центра, но, как и весь Мурманск, рос не по дням, а по часам. И чтобы ситуация не вышла из-под контроля, здесь требовалось организовать райсовет.

К 1937 году, на момент написания докладной записки, Роста не была связана с центром города дорогой. Последняя только строилась, и сдать в эксплуатацию ее должны были в 1938 году. Руководить жизнью поселка можно было только по телефону. Правда, Росту с городом соединяла железная дорога, пассажирские поезда ходили регулярно, но все же по удобству и по скорости «железка» не могла сравниться с автомобилем.

А Роста между тем требовала к себе большого внимания. Эта часть Мурманска по стремительности роста превзошла центр города. Если в 1926 году здесь жили 18 человек (по данным Кольской энциклопедии), то через 11 лет в Росте было уже 16-тысячное население (увеличение в 888,88 раза!), 377 домов, две школы на 360 учащихся, два детских сада и столько же яслей, баня-прачечная, амбулатория, три магазина и 12 ларьков. Через год построили первую очередь судоремонтного завода, вступил в строй кирпичный завод, выпускавший 12 миллионов штук кирпича в год. Кстати, речка Роста в ту пору была полноводной и чистой. Здесь в изобилии водилась форель, и работала водная станция, где можно было взять напрокат лодку.

16 тысяч человек – это целая дивизия, а по нормам военного времени даже две. Такому соединению, конечно, требовался командир. Кто стал первым начальником Ленинского района (именно такое название было предложено для новой административной единицы), нам не известно. Но зато точно известно, что на первых порах у этого районного начальника даже своего кабинета не было. Здание райсовета пла-

Начальник 4-го участка конторы «Мурснабстрой» Густман. Предприятие строило жилые дома в Мурманске в 1931–1934 годах.

Духовой оркестр «Мурснабстроя». Фото 1933–1934 годов.

Мурманск. 1934 год.

МУРМАНСКА

Гостиница «Арктика». 1935 год.

нировалось построить только в 1939 году. В итоге «командование» района временно вселилось в один из новых деревянных домов.

КИРОВСКИЙ ПРЕСТИЖНЫЙ

А вообще Мурманск 1937 года представлял собой любопытную картину. Административно разделившийся на три части (Ленинский, Кировский и Микояновский районы), город все же очень отличался от современного. Возьмем, к примеру, Кировский район. Для более простого понимания мы будем оперировать современными названиями. Итак, с севера на юг район располагался между улицами Туристов и Дзержинского. На севере района были несуществующие ныне улицы Доброхотова, Нариманова, Июльская, Горный проезд, переулок Сунь-Ятсена. Восточной границей Кировского района было озеро Среднее, а западной – берег Кольского залива. Улица Скальная в те годы уже существовала, а рядом с ней были улицы Новая, Прямая, Косая (это не шутка!), Безымянная, Нивская, Кандалакшская, Моховая.

На правах старейшины мурманских районов Кировский был самой продвинутой на тот момент частью города. Здесь сосредоточилась экономическая, политическая и культурная жизнь. Элитарность района выражалась в наличии здесь 60 магазинов, 32-х ларьков, типографии, хлебозавода, дающего 60 тонн мучных изделий в сутки, трех поликлиник, восьми школ и трех яслей, двух гостиниц, двух аптек и бани, в которой одновременно могли мыться 175 человек. В районе находились органы управления не только всего города, но и области (в 1937 году еще Мурманского округа Ленинградской области).

Кстати, в 1938 году в Мурманске ждали большой проект застройки Кировского района, которому первому из районов преимущественно деревянного города предстояло полностью перейти в «каменный век» строительства. Разработкой документа занимался «Ленпроекттрест». Любопытно было бы взглянуть на этот проект. Надеюсь, он когда-нибудь отыщется в архивах. В тот момент в районе насчитывалось 789 домов, большей частью деревянных, и 46 тысяч населения. Имелся здесь и свой стадион – «Каток рыбников». Он находился примерно в районе нынешнего автовокзала. Летом каток превращался в футбольное поле. Перед войной стали строить второй стадион – нынешний «Строитель». Но желание жителей района стать первыми также и в спорте натолкнулось на сопротивление соседей, «микояновцев», которые в этой роли видели себя.

СПОРТСМЕНЫ С ОКРАИНЫ

С Микояновским районом дело обстояло чуть сложнее. Сейчас его точные границы практически невозможно увязать с современными ориентирами. И все же попробуем. Если соединить в одну линию улицы Дзержинского и Сомова, добавить к ним улицу Сполохи, то это будет северная и восточная границы района. С западной все просто – берег Кольского залива. А вот южная заканчивалась, как пишется в документах тех лет, на лыжной базе. Видимо, это современная улица Пономарева. Здесь заканчивался и сам Мурманск.

В Микояновском районе народа проживало столько же, сколько и в Кировском – 46 тысяч человек. На его территории находился общегородской больничный городок, ТЭЦ, высоковольтная подстанция, восемь школ, обязательные для того времени бани в количестве двух штук и новый кинотеатр «Северное сияние» на 1000 мест. Похоже, в 1937 году район выполнял роль спального, крупных предприятий на его территории не было. Если «кировцы» были культурной и политической элитой Мурманска, то «микояновцы» претендовали на звание самого спортивного района. Здесь в 1937 году уже была лыжная база. Руководство города собиралось еще построить водный стадион и тир. И если первый так и остался строкой в планах, то по второму проводилась большая работа. Тиру был отведен участок земли на Жилстрое. Судя по его размерам, этот тир предназначался не только для стрельбы из «воздушек». Возможно, там собирались готовить снайперов для армии, но судьба этого сооружения пока остается неясной.

НЕ ДО КОМФОРТА

Когда сравниваешь два Мурманска – 1923 и 1937 годов – сначала испытываешь восхищение людьми, сумевшими за какие-то полтора десятка лет сделать из едва живого поселка областной центр. Город, сыгравший в годы Великой Отечественной войны выдающуюся роль. Но давайте не забывать, что размах строительства в 30-х годах мало сказывался на удобствах и комфорте горожан. Да, они переехали из английских «чемоданов» сначала в бараки, а некоторые затем получили комнаты в рубленых деревянных домах. Но здания эти, по сути, мало чем отличались от тех же «чемоданов» – печное отопление, удобства на улице, одна комната на всю семью. Частенько дома сдавались с большими недоделками, и бывали случаи, когда новое строение через год уже требовалось капитально ремонтировать. Дороги большей части Мурманска оставались грунтовыми.

Ударник труда «Мурснабстрой» каменщик Ларионов. Фото 1933–1934 годов.

Проблему водопровода и канализации власти Мурманска так и не смогли решить до начала войны. Большая часть конного парка в то время была занята на ассенизационных работах. И даже руководители города, которым срочно был нужен транспорт, далеко не всегда могли добиться от заведующего конюшней выделения телег и лошадей. Но никто его за это не наказывал. Даже в высоких кабинетах понимали, что «водители» гужевого транспорта заняты важным делом – не дают городу утонуть в отходах.

Мурманск с самого начала строился с сугубо утилитарной целью – для обслуживания порта и железной дороги. Важные государственные дела были на первом месте. А для людей создавались лишь минимальные условия бытового комфорта. Те, без которых жить, а главное – выполнять государственную задачу человек не сможет. Все остальное – лишнее. В то время многие думали, что такой подход вполне оправдан. Люди жили и работали ради будущего, настоящее их интересовало гораздо меньше. Но часть строительных решений, принятых в далекие уже 30-е годы прошлого столетия, стали теми самыми подводными камнями, о которые и сегодня спотыкаются современные градостроители.

Пересечение улиц Воровского и Желябова. 1935 год.

Андрей КИРОШКО.
Фото из открытых Интернет-источников.

Во время работы над статьей «1488 метров истории» («Вечерний Мурманск», номер за 14 апреля 2017 года), посвященной строительству 305-го микрорайона, журналистам «Вечерки» удалось ознакомиться с проектами архитектурных сооружений, которые по тем или иным причинам в городе так и не были построены. Тогда и появилась мысль рассказать о том, каким бы мог быть Мурманск. Главным нашим экскурсоводом по собранию архитектурных идей стал председатель регионального отделения Союза архитекторов Евгений Галыгин. В его архиве есть поистине уникальные материалы, которые, не сомневаемся, будут интересны многим мурманчанам.

Общий вид на площадь Пять Углов по проекту 1956 года.

НЕИЗВЕСТНЫЙ

Отдельные дома из проекта 1956 года.

ПОЧЕМУ ПЯТЬ УГЛОВ?

Центральная часть нашего города сегодня могла бы выглядеть совершенно иначе, осуществись хотя бы один из трех известных нам проектов ее реконструкции. Но прежде, чем перейти к рассказу о каждом из них, вспомним историю главной площади Мурманска.

В нынешних своих границах она определилась только после Великой Отечественной войны. До 1941 года ее пересекало не две дороги, как сейчас, а три. Проспект Ленина, который в то время начинался от улицы Октябрьской, проходил сквозь площадь, затем поворачивал и шел параллельно проспекту Сталина. И часть нынешней улицы Самойловой – это не что иное, как довоенный проспект Ленина.

Далее этот проспект пересекал улицу Комсомольскую и, упершись в Красноармейскую, заканчивал свой путь. Именно проспекты Ленина и Сталина (он начинался от самой центральной площади), а также улица Воровского, образовывали те самые пять углов, в честь которых площадь и назвали. Это четко видно на плане Мурманска 1928 года, который нам удалось разыскать на сайте «Кольские карты».

Сколь долго существовала такая «анатомия» центра Мурманска, точно не известно. По всей видимости, от нее отказались уже после войны, когда сгоревший деревянный город надо было восстанавливать. Тогда проспект Ленина уже доходил только до Пяти Углов, фактически сделав эту площадь «четырехугольной», тем не менее ее первоначальное название сохранилось.

Глядя на старые фотографии, приходишь к мысли, что площадь Пять Углов до 1950-х годов была своего рода «водоразделом» между деревянным, пролетарским, но демократичным проспектом Ленина и каменным, многоэтажным, аристократичным проспектом Сталина с его капитанскими домами. Это различие заметно и сегодня, несмотря на то, что от площади Пять Углов до улицы Карла Либнехта проспект Ленина уже давно одет в многоэтажные каменные одежды. Но в них имеется «прореха» – старые двухэтажки между улицами Октябрьской и Карла Либкнехта.

Сама же площадь Пять Углов до середины 50-х годов прошлого века явно тяготела к «пролетарскому» проспекту Ленина. Она была заставлена низенькими деревянными домами, среди которых смотрелись островками чужой цивилизации гостиница «Арктика» и Дом культуры имени Кирова. Они же определяли и границы площади.

НЕ ПО СЕНЬКЕ ШАПКА

Первый из известных нам проектов переустройства центральной площади Мурманска относится к 1956 году. Тогда группа архитекторов «Мурманскгражданпроекта» создала полноценный ансамбль, который и поныне является единственной попыткой придать площади единый стиль. Какой – понятно: сталинский ампир во всей красе. Глядя на этот эскиз, начинаешь думать, что, рисуя его, авторы вдохновлялись Дворцовой площадью Санкт-Петербурга. Не хватает только статуй на крышах. Но зато в Мурманске авторы проекта предлагали расставить многочисленные скульптуры на земле. Так высокое искусство в прямом смысле слова спускалось с небес на землю. Пятиэтажные дома должны были обрамлять площадь по кругу, в центре которого высилась колонна, весьма напоминающая Александрийский столп. Самое интересное, что в этом проекте площадь пересекали две дороги и одна от нее начиналась, что позволило бы сохранить исторические пять углов.

Увы, этот проект не был реализован ввиду нехватки средств. Но кое-что из предложенного тогда архитекторами «Мурманскгражданпроекта» все же построили. Дома № 87 и 60 на проспекте Ленина в какой-то мере дают возможность понять, как могла бы выглядеть площадь Пять Углов, осуществи строители этот проект полностью.

ПОД ЗНАКОМ ДОМА СОВЕТОВ

Следующий большой проект, который мог бы изменить облик центральной площади города, появился только в конце 80-годов прошлого века. К этому времени в центре Мурманска уже были построены многоэтажная гостиница «Арктика», универмаг «Волна» и отель «Меридиан». Да и сама площадь, давно утратившая свой пятый угол, в то время носила имя Советской Конституции.

Дом Советов (слева от гостиницы «Арктика»). Проект И. Неруша и В. Андреева, 1989 год.

Возможно, по причине такой официозности архитекторы **Игорь Неруш** и **Владимир Андреев** предложили возвести в самом сердце Мурманска Дом Советов.

– Понимаете, там все крутилось вокруг памятника покорителям Арктики, – вспоминает спустя почти тридцать лет Владимир Андреев. – Он должен был находится на том месте, где сегодня обычно ставят новогоднюю елку. С нами вместе работал скульптор **Геннадий Глухих**, который и делал памятник. Но дальше рисунка дело не пошло. Мы просто выполнили макет, на котором были памятник и Дом Советов. И все. Никаких детальных проработок не проводилось.

Ну, поскольку конкретики нет, нам придется включить фантазию и предположить, как все могло бы быть. На макете видно, что площадь приобретала новые черты. Полностью исчезал сквер между проспектом Ленина и ДК Кирова. Именно на его месте предполагалось возвести Дом Советов.

Это строение имело абсолютно новую для Мурманска архитектурную форму. Длинное низкое здание стояло не на земле, а на колоннах, которые приподнимали его. Сегодня кажется, что такая оторванность от земли хорошо иллюстрирует положение власти в тот период. Хотя вряд ли архитекторы закладывали в свое творение подобный политический смысл. Это было сугубо утилитарное решение, позволяющие пешеходам прямо под Домом Советов пройти к ДК Кирова и зданию «Севрыбы» (сейчас в нем разместилась областная Дума). В противном случае мурманчанам пришлось бы делать солидный крюк, ведь длина так и не построенного здания должна была достигать 140 метров. Причем его фасад, видимо, одновременно выполнял и роль трибуны, на которую бы поднималось руководство области и города во время торжественных мероприятий, демонстраций и парадов. Центральную часть дома-трибуны украшал огромный герб. Рабочие места сотрудников располагались в боковой пристройке слева, и она, судя по всему, никакой свежестью архитектурных идей не блистала.

Но «внеземное» расположение Дома Советов было не единственным оригинальным решением данного проекта. Здание располагало еще и огромным актовым залом, пристроенным к основному корпусу. Его плавные очертания резко контрастировали с прямоугольными корпусами Дома Советов. При этом трибуна, о которой говорилось выше, еще и выполняла роль перехода между рабочим корпусом и актовым залом.

Вот такой проект был разработан несколько десятилетий назад мурманскими архитекторами. Но заказа на него не последовало, и он остался лишь на бумаге.

С НЕБЕС ПОД ЗЕМЛЮ

В 2005 году архитектурная мастерская **Александра Иванова** предложила инте-

Отдельные дома из проекта 1956 года.

МУРМАНСК

Отдельные дома из проекта 1956 года.

Памятник покорителям Арктики, 1989 год.

ресный вариант дополнения к площади Пять Углов. Именно дополнения, поскольку внешне зона отдыха перед гостиницей «Арктика» мало бы изменилась. По сути, исчезала только центральная клумба, на месте которой появилась бы изящная четырехгранная стеклянная пирамида. Она, эта пирамида, являлась световым колодцем для большого торгового центра, который планировалось соорудить под землей. Войти в торговые ряды можно было со стороны улицы Ленинградской, проспекта Ленина, а также прямо из гостиницы «Арктика».

– Планировалось построить четыре этажа под землей, – вспоминает Александр Иванов. – На этих площадях помимо торговых точек должны были располагаться автостоянка, кинозалы, керлинг, боулинг. Всех подробностей я сейчас уже не помню, но в целом это должен был быть большой торгово-развлекательный центр в самом центре города.

Работа Александра Иванова – последний по времени из известных нам нереализованных проектов по реконструкции площади Пять Углов. Появятся ли в будущем новые, покажет время.

Андрей КИРОШКО.
Фото из архива Евгения ГАЛЫГИНА.

1488 метров

На так давно «Вечерний Мурманск» в статье «Забытые победы» рассказал о мурманчанах, ставших лауреатами Государственной премии СССР за достижения в области науки и техники. Статья эта вызвала интерес у наших читателей во многом еще и потому, что сведений об этих выдающихся людях практически нет. Даже в претендующей на фундаментальность Кольской энциклопедии имена многих из них отсутствуют.

Мы решили продолжить эту тему. Правда, нашим сегодняшним героям повезло несравненно больше, чем бригадам рыбообработчиков Сергея Киреева и портовиков Владимира Куроптева, о которых говорилось в первой статье. В домах, построенных по проектам Александры Расторгуевой и Тамары Немоляевой и сегодня живут люди. О самих зодчих можно кое-что узнать из той же Кольской энциклопедии. А за разработку проекта 305-го микрорайона архитекторы стали лауреатами премии Совета Министров СССР.

Тамара Немоляева пошла по стопам отца и стала архитектором.

А НАЧИНАЛОСЬ ВСЕ С БОЛОТА

Стремительно несущийся вниз от улицы Кооперативной на юг Кольский проспект разделил пополам долину меж двух сопок. Западная ее сторона давно, еще с довоенных времен, была обжита людьми. Ровная, как стол, поверхность с хорошим грунтом позволила сначала возвести здесь деревянный поселок, а затем построить полноценный микрорайон с типовыми панельными девятиэтажками.

А вот восточной стороне не повезло. Здесь было обычное северное болото с зарослями морошки летом и непролазными сугробами зимой. Бесперспективность этого места для капитального строительства впоследствии подтвердил и генеральный план развития Мурманска.

Но «бесперспективность» – понятие для мурманчан условное. Когда-то эксперты заявили о невозможности создать в Мурманске троллейбусные линии. И как только эти спецы уехали, в городе сразу приступили к созданию предприятия электротранспорта. Результат сегодня известен. Вот так было и с этим болотом. В 70–80-х годах прошлого века население областного центра росло как на дрожжах, а другой подходящей площадки для строительства домов в городской черте уже не было.

Блестящая учеба в школе позволила Александре Расторгуевой поступить в архитектурный институт без вступительных экзаменов.

В МУРМАНСК ЧЕРЕЗ ТАШКЕНТ

Обе наши героини родились далеко от Мурманска. **Александра Расторгуева** появилась на свет в солнечном Ташкенте в 1925 году. Через несколько лет ее отца убили басмачи, а вскоре умерла и мать. Девочку взяла к себе сестра матери. Женщина хотела дать ей свою фамилию, но юная Александра проявила упорство и осталась Расторгуевой. Навсегда. Даже мужу впоследствии не удалось ее «переименовать».

В школе Саша училась блестяще. В ее аттестате нет ни единой четверки, только «отлично». Эти успехи дали право девушке поступать в высшие учебные заведения без экзаменов. Она выбрала Московский архитектурный институт, который во время войны был эвакуирован в Ташкент.

У **Тамары Немоляевой** путь в профессию оказался проще. Ее отец был известным архитектором в Новосибирске, где и родилась Тамара. Затем семья переехала в Ташкент, там отец впоследствии стал заслуженным архитектором Узбекистана. Так что ничего удивительного в том, что юная Тома выбрала архитектурную стезю, нет. Она поступила и в 1961 году окончила архитектурное отделение Среднеазиатского политехнического института.

Александры Расторгуевой к этому времени в Ташкенте уже давно не было. В конце войны Московский архитектурный институт уехал обратно на историческую родину, а вместе с ним покинула Узбекистан и Александра. В 1949 году она получила диплом и отправилась на работу в Мурманск.

«На Север никто не хотел ехать, – вспоминает Александра Сергеевна. – А мне было интересно. Ведь был здесь простор для творчества».

Мурманск тогда надо было сначала почти полностью восстановить, а затем начать возводить и новостройки. Так что поле деятельности для молодых мечтателей здесь действительно было.

ПЕТЬ ИЛИ НЕ ПЕТЬ?

В школе, а затем и в вузе Александра Сергеевна серьезно занималась пением. В институте она познакомилась с будущей оперной звездой **Ириной Архиповой**, которая тоже стремилась в архитектуру.

«С Ирой мы были однокурсницами и ходили вместе к одному преподавателю по вокалу, – вспоминает Александра Сергеевна. – В какой-то момент Ире надо было сделать выбор – или архитектура или сцена. Она выбрала сцену. Я же пение не рассматривала как свою профессию. Для меня это было просто любимое занятие, хобби, если хотите. Хотя мне и говорили про немалые способности. Я и потом продолжала часто выступать, в том числе и в Мурманске. Пела все – от оперных арий до народных песен».

Одним из первых проектов архитектора Расторгуевой стала работа в группе, которая трудилась над обликом площади Пять Углов. Сохранился не только эскиз этого варианта, но и рисунки отдельных его элементов. Так что и сегодня можно увидеть, как могла бы выглядеть главная площадь областного центра. Сталинский ампир в чистом виде. Но полностью проект этот реализовать не удалось. Были построены только два дома – № 67 и 80 на проспекте Ленина.

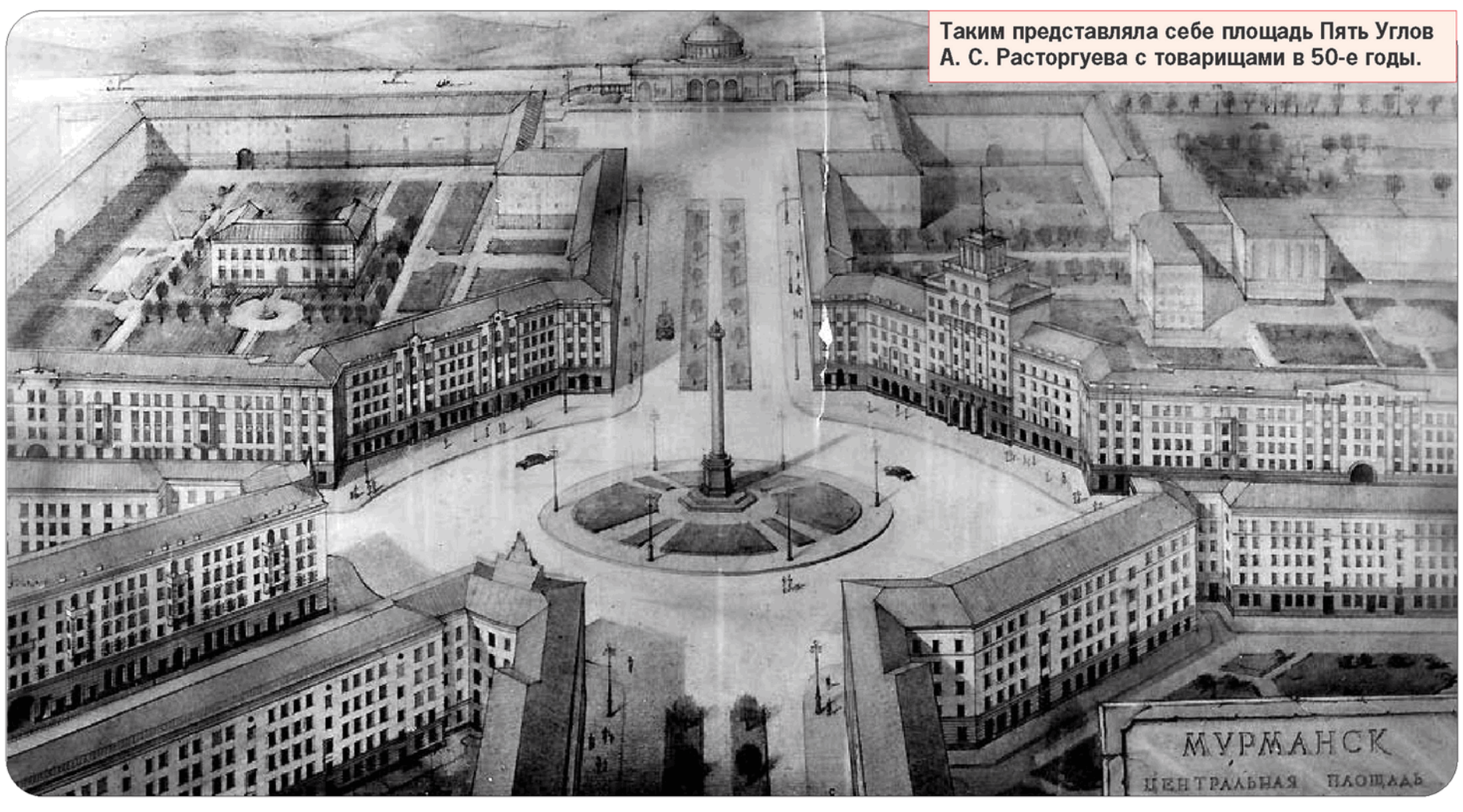
Тамара Немоляева после окончания вуза осталась в Ташкенте и до 1966 года работала, причем небезуспешно, в этом городе. Например, в 1967 году за создание типовых проектов детских садов-яслей и школ она стала лауреатом республиканской премии Узбекской ССР. И в этом же году она переехала в Мурманск, где начала работать в «Мурманскгражданпроекте». К тому времени там уже почти двадцать лет трудилась Александра Расторгуева. Так пути двух зодчих пересеклись, и в дальнейшем они стали эффективным тандемом.

ЗДЕСЬ БУДЕТ ГОРОД ЗАЛОЖЕН

Но вернемся к нашему болоту.

«По краям этого участка был скальный грунт, а в середине жижа, – вспоминает Тамара Немоляева. – Для того чтобы сделать его пригодным для строительства, пришлось провести колоссальную работу. Самосвалами привозили камни, песок, и слой за слоем шла засыпка болота, каждый слой трамбовался. И так до тех пор, пока не получилась ровная площадка».

Уже после окончания строительства 305-го микрорайона и вручения Государственной премии его разработчикам на страницах «Полярной правды» начальник отдела строительства и архитектуры Мурманского облисполкома **Игорь Неруш** рассказал подробности работы. К слову, он в качестве куратора проекта также стал лауреатом премии. Приступая к проектированию, коллектив авторов не ставил перед собой сверхзадач. Это была обычная рядовая работа. Правда, уже имевшийся большой опыт подсказал проектировщикам, как можно уберечь людей от капризов северной природы, как вписать панельные дома в ландшафт и при этом сделать проект своеобразным. Так появилась идея пчелиных сот. При такой постановке домов можно защитить жителей от яростных ветров. Идея была проверена в аэродинамической трубе одной из ленинградских лаборато-

Таким представляла себе площадь Пять Углов А. С. Расторгуева с товарищами в 50-е годы.

истории

Современный вид 305-го микрорайона.

рий. Оказалось, что скорость ветра возле детских садов и школ, которые находятся прямо в центре жилого массива, в два раза ниже, чем на открытых участках.

– Да, в основе проекта лежали обычные панельные дома, – говорит Тамара Вениаминовна. – Для того чтобы создать единое замкнутое пространство, надо было дома соединить вставками. Ох и намучились мы с ними! Ведь надо было состыковать дома под определенным углом, а у нас в распоряжении были только типовые прямоугольные коробки. Но в итоге с этой задачей мы справились.

«Одновременно с работой по 305-му микрорайону мы с архитектором Швецом работали над блок-секцией одно- и двухкомнатных квартир, – рассказывает Александра Расторгуева. – В то время такие квартиры нужны были для молодых специалистов, которые приезжали в Мурманск.

И именно эти работы над блок-секцией легли в основу вставок, соединяющих отдельные дома».

Александра Расторгуева имеет в виду типовой проект 72-квартирной панельной блок-секции серии 1–464 ДМ для Заполярья с одно- и двухкомнатными квартирами. Этот проект зажил потом своей отдельной жизнью.

Но вернемся к 305-му. Вставки дали возможность пустить все инженерные сети по предпольям домов, а не рыть специально для этого траншеи. Они же, вставки, резко уплотнили застройку, а это, в свою очередь, привело к снижению себестоимости. И самое интересное – впервые в СССР дома были украшены глазурованными панно-панелями.

«А о том, что нам присудили Государственную премию, мы узнали из газет, – говорит Александра Расторгуева. – Какую сумму мы тогда получили, я уже не помню, как и где нам ее вручали».

УРАВНЕНИЕ С ОДНИМ НЕИЗВЕСТНЫМ

«Тут вот какое дело. На нашу долю с Александрой Сергеевной выпало заниматься техническими расчетами проекта, – рассказала Тамара Немоляева. – Сам эскиз микрорайона к этому времени был готов. Его автором был **Эдуард Емельянов**. Но он в группу лауреатов в итоге не попал. И мне до сих пор непонятно, почему это произошло. И хотя ни я, ни Александра Расторгуева не имели никакого отношения к формированию списка награжденных, но кошки на душе до сих пор скребут».

«Действительно, первоначальный эскиз сделал Емельянов, – вспоминает Александра Расторгуева, – но мы впоследствии внесли немало изменений. В частности, у него не было единой линии домов. Тем не менее мне и тогда казалось, и сейчас я считаю, что Емельянов должен был быть в числе получивших премию. А вообще, над проектом работало много людей, я приняла его последней».

Поговорить с самим Эдуардом Ивановичем мне не удалось: в 1986 году он с семьей переехал в Новомосковск, где долгое время был главным архитектором города. Полгода назад Эдуард Емельянов умер. Зато в Мурманске нашлись люди, которые помнят эту историю.

1488 метров

– это протяженность самого длинного в мире жилого дома, который стоит в Мурманске в 305-м микрорайоне и давно стал достопримечательностью города.

– Да, действительно, Эдуард Иванович является автором эскиза 305-го микрорайона, – рассказала нам архитектор **Нина Попова**. – Он был начальником архитектурно-строительного сектора «Мурманскгражданпроекта» и моим непосредственным начальником. Дело в том, что уже в зрелом возрасте Эдуард Николаевич окончил Ленинградский инженерно-строительный институт. И проект 305-го микрорайона был его дипломной работой. Потом он уже не принимал участия в доработке проекта, но основные идеи изначально принадлежали ему.

– Мне он запомнился как человек мечтательный, несколько витающий в облаках, – продолжает Нина Попова. – В силу своей творческой натуры был не всегда дисциплинирован. Но идей давал много, в том же 305-й микрорайоне он стал автором глазурованных панно. За них он получил серебряную медаль ВДНХ СССР в 1983 году.

Нина Ивановна предполагает, что медаль стала попыткой признать заслуги Эдуарда Ивановича в создании 305-го микрорайона. Как все было на самом деле, сегодня точно сказать, наверное, уже невозможно.

Над проектом 305-го микрорайона работало много людей, и, наверное, многие из них были достойны звания лауреата премии Совета Министров. Возможно, у некоторых участников тех событий есть свое мнение, кто должен быть награжден. Но получили премию те, кто, на взгляд руководства, был наиболее ее достоин. Такова жизнь.

Андрей КИРОШКО.
Фото автора и из архива.

Слева от дороги место будущей стройки 305-го микрорайона.

Век назад, в октябре 1916-го...

Официальной датой основания Мурманска считается 4 октября 1916 года - день, когда в двух шагах от нынешней "Кировки" был заложен храм в честь покровителя мореплавателей Николая Мирликийского. Тогда Романов-на-Мурмане оказался еще и последним городом, который был основан в Российской империи.

Дрезина на Мурманской железной дороге (крайний справа - С. М. Прокудин-Горский, в костюме и шляпе).

ВСЕ НАЧИНАЛОСЬ С ДОРОГИ

Впрочем, наш город вполне мог бы быть лет на сорок старше. О закладке еще одного помимо древней Колы портового города за Полярным кругом заговорили в 70-х годах XIX века. Было понятно, что новый город должен был стать одновременно и морским портом, и конечной станцией железной дороги, начинавшейся в столице России. Но дальше разговоров дело тогда не пошло.

Все изменилось с началом Первой мировой войны, в которую Россия вступила в августе 1914 года. Российские порты на Балтике оказались заблокированы,Турция закрыла черноморские проливы, что крайне осложнило связь с союзниками. А с наступлением холодов мог замерзнуть и единственный на севере России порт Архангельска. Необходимо было в кратчайшие сроки построить гавань в незамерзающем Кольском заливе. Но без новой дороги сделать это было невозможно.

16 октября 1914 года российское ведомство путей сообщения пришло к выводу о необходимости безотлагательного сооружения железнодорожного пути. В начале ноября начались изыскания по всей линии этой дороги. А уже 30 декабря 1914 года Совет Министров рассмотрел изданное императором Николаем II "Высочайшее повеление о скорейшем сооружении пути на Мурман". При утверждении 1 января 1915 года Особого Журнала Совета Министров об ассигновании кредита на постройку железнодорожной линии Петрозаводск - Сорокская бухта император написал: "Считаю безусловно необходимым в будущем продолжение этой линии на север, до одной из лучших бухт Мурманского побережья".

НА ГОД СТАРШЕ ГОРОДА

Строительство Мурманской железной дороги, впервые в российской практике, велось не от начала к концу, а параллельно, одновременно на разных участках, которые потом были состыкованы в единый путь. Дорогу вступившая в войну страна строила в таких условиях, что даже сегодня кажется невероятным, как эту стройку вообще удалось завершить. Но ведь завершили! Причем в рекордные сроки - на укладку более чем тысячи километров рельсов и шпал ушло всего полтора года.

Панорама строительства терминалов МЖД в Семеновской бухте Кольского залива.

Судя по документам тех лет, очень многое и в организации строительства, и в его снабжении, и в стратегии прокладки железнодорожных путей делалось в России впервые. Стройка двигалась в бешеном темпе. На нее приходилось завозить все, вплоть до последних мелочей. Поэтому, ни на день не прекращая укладку дороги, опять-таки впервые в российской практике, одновременно с сооружением железной магистрали в нескольких ее узловых пунктах начали обустраивать порты. В том числе - на Мурмане.

В конце июня - начале июля 1915 года были проведены первые работы на территории будущего мурманского порта. А уже 1 сентября к его временной пристани пришвартовался первый пароход "Дротт" с грузом из Нью-Йорка. И именно 1 сентября считается днем рождения мурманского порта.

Время подтвердило правильность выбора места. Благодаря теплому течению Гольфстрим климат на севере Кольского полуострова относительно мягкий - залив не замерзает даже в суровые зимы, что дает возможность вести круглогодичную навигацию. Ширина залива и глубина фарватера позволяют заходить в него практически любым судам. С появлением мурманского порта и железной дороги Россия получила возможность освоения природных богатств Кольского полуострова, получила выход на трассу Северного морского пути и к архипелагу Шпицберген.

ПЕРВЫЙ КАМЕНЬ

Но вернемся на век назад. На Мурмане, где заканчивалась железная дорога, не было даже конечной станции. Строители дороги, порта и военно-морской базы, рабочие, которые разгружали пароходы, матросы отряда судов создаваемой флотилии Северного Ледовитого океана, солдаты береговых подразделений - все жили в десяти верстах севернее Колы. Портовый поселок, возникший на голом месте, на берегу Семеновской бухты Кольского залива, где сооружались первые причалы, по имени этой бухты и назвали - Семеновский. На месте поселка вскоре и начал расти город. Проектировали и строили его одновременно с портом и конечной железнодорожной станцией. План города был разработан инженерами и проектировщиками Управления Мурманской железной дороги. Под порт, станцию и город было отведено две тысячи квадратных десятин казенной земли.

4 октября (21 сентября по старому стилю) 1916 года поселок Семеновский стал Романовым-на-Мурмане. В день присвоения статуса города на невысоком холме (рядом с нынешним областным Дворцом культуры и народного творчества имени С. М. Кирова) был торжественно заложен храм Николая Мирликийского, покровителя мореплавателей. 4 октября и считается днем рождения нашего города, который в марте 1917 года получил новое имя - Мурманск. Города, который стал самым большим за Полярным кругом. Российскими воротами в Арктику.

Подготовила Евгения ВОЛКОВА.

Закладка храма на месте будущего города.

Панорама застройки 51-го микрорайона.

Отстояли - отстроим!

Сто страниц истории к 100-летию Мурманска

Доблесть Мурманска и его жителей на протяжении всех военных и послевоенных лет очевидна. Он, словно кость в горле, мешал немцам - в первую очередь из-за и в самые лютые холода незамерзающего порта, из-за грузов союзников - поставок по ленд-лизу, тех самых, что были так нужны фронту, всему СССР - особенно в начальный период войны, в страшный, трагический - и для Мурманска, и для всей страны - 1942 год. Именно в этот год столица Кольского Севера, по сути дела, перестала существовать, на три четверти сожженная немецко-фашистской авиацией, безостановочно бомбившей город. За время войны были сожжены и разрушены более 1100 различных строений, еще около тысячи домов были повреждены и стали непригодны для жилья. Напомню, в 1941-м, до начала войны, в Мурманске насчитывалось 2800 жилых зданий - почти все деревянные.

Начало строительства домов на улицах Либкнехта и Октябрьской.

Полностью был сожжен порт (но не останавливался ни на день - работники Мурманского морского пароходства и торгового порта трудились под лозунгом: "Линия фронта проходит по нашим причалам!") и улицы, к нему примыкавшие: Октябрьская, Либкнехта, Коминтерна и другие. Так что совсем не случайно в ноябре 1945-го Мурманск был включен в число пятнадцати городов, которые необходимо восстановить в первую очередь, - вместе с Москвой, Ленинградом, Новгородом, Смоленском, Псковом, Воронежем… Годом ранее (заметьте, война еще шла!) Совет народных комиссаров СССР принял специальное постановление "О мероприятиях по восстановлению городского хозяйства Мурманска" и выделил для этого дополнительные средства. Всего - сто миллионов рублей.

Город выбрался из бомбежек и пожаров 42-го с потерями, но выбрался, как человек из смертной драки - искореженный, без зубов, волос и кожи, но - выкарабкался. Выжил. Выстоял. Хоть съела (почти подчистую, без остатка, в дым!) весь круг припортовых улочек, все мурманские Октябрьские и Либкнехта - распахнутая настежь пасть огня, запущенного в Мурманск немецкими зажигалками. Подхваченный ветром огонь - природный анархист и бунтарь - адской лихоманкой, ухарем бездомным прошелся по городу, оставив по себе лишь печные трубы да пепел… Пустоту, по сути. Зловещую такую, сумрачную, убойную. Пустота бы и осталась. Если бы не люди. Только благодаря им город снова ожил, вернул, отвоевал навек плацдармы, отданные пустоте, и не торопко, по-хозяйски степенно и неуклонно вновь поднимался ввысь - вовсю обустраивал террасу, уже всерьез, без лишней болтовни, задумываясь о третьей.

В 1949-м был утвержден план застройки Мурманска - он предполагал сделать город воистину, как завещал поэт, "широкоплечим" (Александру Подстаницкому, пророчески нашедшему для Мурманска этот эпитет, не суждено было увидеть его таким - Саша погиб под Орлом в 1943-м), причем намечалось исключительно каменное строительство. Много внимания уделялось тому, чтобы сделать столицу Кольского Заполярья не только красивой, но удобной, комфортной для жителей.

Менялся и центр, причем разительно, до неузнаваемости: грязный овраг, словно гадкий утенок из сказки, что нежданно-негаданно превратился в чудо-лебедя, вдруг обернулся стадионом "Труд"; напротив вырос желтый дом, вместивший разом всю местную многоярусную власть - и обком и горком; сгоревшую шестую школу перестроили в краеведческий музей, а вход на площадь Пять Углов, где еще вдосталь имелось довоенных, уцелевших в пламени 42-го, деревяшек, распечатали литерные близнецы-многоквартирники "А" и "Б".

И это правильно - на рубеже сороковых - пятидесятых городу в первую очередь нужны были именно жилые дома. Жилья-то, как когда-то в самом начале, в первые его, младенческие годы не хватало катастрофически, до жути.

Ошметки той серо-зеленой силы, что так хотела уничтожить Мурманск, помогали его восстанавливать. Пленные немцы отстроили заново и Октябрьскую, и Либкнехта (как раз начало строительства этого своеобразного "немецкого" квартала вы видите на одном из снимков), и Коминтерна, помогли и с литерными…

По воспоминаниям очевидцев, бывшие враги приходили к месту стройки ранним утром из своей казармы-тюрьмы, что имелась неподалеку, - строем, под нестрогим доглядом усталого солдатика с ППШ, а вечером, сделав положенный на день урок, уходили. Все - строго по линеечке, аккуратно, ни шага в сторону.

Однако дело свое бывшие враги знали туго, не сачковали - строили надежно, крепко. Двухэтажки и пятиэтажки на Октябрьской и Либкнехта, их руками спроворенные, получались суровые, но сработаны оказались на совесть - в просторных и теплых тамошних квартирах можно было строить новую жизнь. Еще как!

Как вспоминал известный прозаик мурманчанин Борис Блинов, в построенном пленными немцами доме на Октябрьской, где жила их семья (том самом, № 12, где сейчас памятная доска основателю писательской династии Блиновых - Николаю Николаевичу), на кухонном окне резцом было выведено по-немецки: "Счастливой жизни! Пауль Майер, 1946 год".

Дмитрий КОРЖОВ.
Фото предоставлены Государственным архивом Мурманской области.

ДК им. Кирова, июль 1947 г.

Отстояли - отстроим!

Сто страниц истории к 100-летию Мурманска

Окончание.
Начало - в номере за 30 октября.

Новая (и, надо сказать, гораздо более счастливая) жизнь настала и для рыбного порта, куда вернулись из ВМФ старые траулеры и мотоботы, в войну ставшие под ружье и переоборудованные для боевых нужд, и, конечно, демобилизованные рыбаки. Эти суда и их экипажи наконец-то пошли на мирный промысел.

За первые послевоенные годы существенно улучшилось береговое обслуживание рыболовного флота. Обрастая новыми цехами, росла судоверфь. Естественно, одновременно и быстрее, и качественнее стал ремонт судов. Не случайно объем работ, выполняемых судоверфью, вырос в три раза, при том что рабочих не стало больше.

А тут в городе появилась еще одна крупная рыбопромысловая организация - управление сельдяного флота - "Мурмансельдь", уже к 1955-му ее флот насчитывал 150 кораблей, общий их вылов за тот год составил сотни тысяч центнеров. Так что, сами понимаете, судоверфь была востребована как никогда - работала не отдыхая.

В 1945-1946 годах были восстановлены все поврежденные и разрушенные мурманские школы, а те из них, что стали госпиталями, вернулись к прямым своим обязанностям. Более того, началось строительство четырех новых школ!

Преобразился изуродованный бомбежками Дворец культуры имени Кирова.

После отмены в 1947 году продовольственных карточек жить вроде должно было стать и лучше, и веселей. Снабжение города улучшалось, а заработная плата росла, хотя фактически росли и цены.

Как отмечает в статье "Военные" карточки: от введения до отмены" главный хранитель фондов ГАМО Сергей Руденко: "Чтобы облегчить положение мало и среднеоплачиваемых рабочих и служащих, Совет Министров принял решение о некотором увеличении зарплаты рабочих и служащих, получающих не более 900 рублей в месяц, а также стипендий и государственных пособий. Изменения в ценах и зарплате вводились с 16 сентября 1946 года.

На картофель и овощи, табак и водочные изделия цены не повышались. Не изменялась также плата за городской транспорт, электроэнергию, ремонт обуви и пошив одежды, содержание детей в детских учреждениях.

16 сентября магазины, ларьки и предприятия общепита области начали работать по новым ценам. В первые же дни уменьшилось количество посетителей столовых. Так, об откреплении из столовой № 2 заявили около 200 мурманских студентов. Почти вдвое сократился контингент столовой № 3 Мурманторга. У тех же, кто остался питаться в столовых, большим спросом пользовались овощные блюда.

Большое оживление наблюдалось в коммерческих хлебных и продуктовых магазинах. Особенно вырос спрос на муку и крупу, в течение всего дня 16 сентября за этими продуктами была очередь. Количество посетителей коммерческого кафе-закусочной 16 сентября было на 30 процентов больше, чем в предыдущие дни".

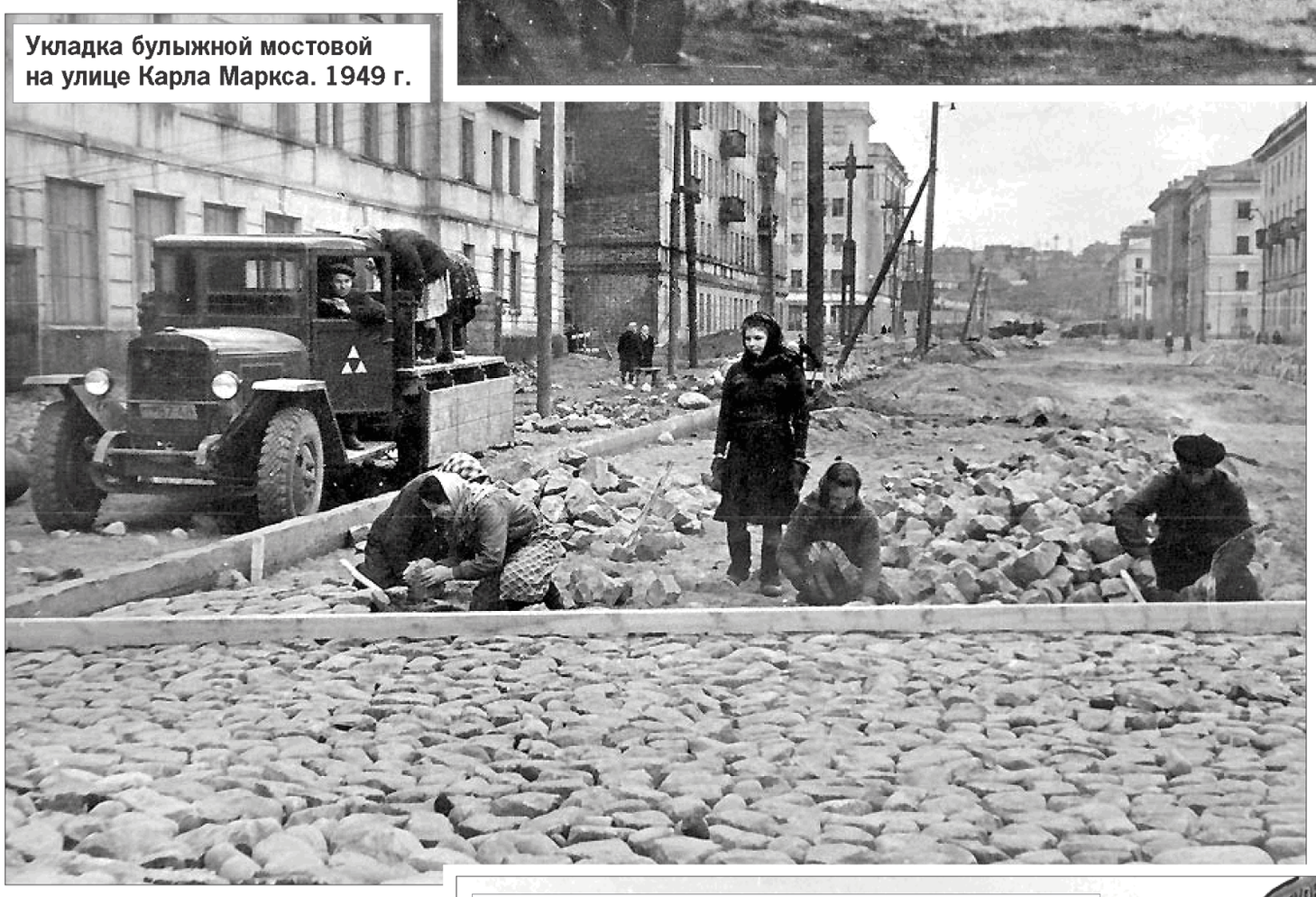
В целом, как свидетельствуют документы Государственного архива Мурманской области, партийные и советские работники, направленные 16 декабря в магазины Мурманска, докладывали, что жители города отнеслись к отмене карточной системы в целом положительно. Как написала в своей информационной записке инструктор обкома ВКП(б) Кабанова, "в основном политическое настроение населения хорошее. Всюду слышатся возгласы: вот теперь заживем!!".

Пятидесятые годы - новый этап застройки Мурманска, который продолжал интенсивно расти - не только вдоль залива, на юг и север, но и ввысь, вверх по сопкам. Как писал один из классиков кольского краеведения Алексей Киселев, только за 1955-1958 годы было возведено 128 каменных домов - 150 тысяч квадратных метров! В городе появилось девять новых школ на три тысячи мест. Власть не забывала и о досуге трудящихся: заработали обновленный кинотеатр "Северное сияние", Дом пионеров имени Анатолия Бредова, ДК железнодорожников, открылся Дворец спорта. К сорокалетию Октябрьской революции в Мурманск пришло телевидение - на Варничной сопке появился уже привычный современным жителям телекомплекс.

Строили и предприятия, и новые причалы, расширились рыбообрабатывающий комбинат и судоремонтные заводы, началось строительство собственного механизированного хлебозавода.

Проспект Сталина. Апрель 1948 г.

Укладка булыжной мостовой на улице Карла Маркса. 1949 г.

Развитию города помогла и новая техника: в начале пятидесятых в Мурманск пришли большие рыболовные суда, которые были в состоянии уходить в море надолго - плавание могло длиться до 70 суток, а посему отныне добывать рыбку стали совсем далеко от родных причалов - в Северной Атлантике. С появлением траулеров-рефрижераторов типа "Пушкин" - этаких плавучих рыбозаводов с кормовым тралением - стало возможным не только ловить рыбу далеко от дома, но и перерабатывать ее - делать консервы и рыбную муку прямо в море.

Дмитрий КОРЖОВ,
член Союза писателей России.
Фото предоставлены Государственным архивом Мурманской области.

Восстановленный ДК имени Кирова. Июнь 1956 г.

Росляково - новая окраина Мурманска

Сто страниц истории к 100-летию Мурманска

В последнее время произошло событие, поистине историческое, изменившее облик Мурманска. Нет, не внешне. Расширилась территория - да еще как! - на целый район, называемый Росляково, с населением около девяти тысяч человек.

СКОЛЬКО СЕЙЧАС НАМ ЛЕТ?

А началось все с Указа Президента Российской Федерации от 1 сентября 2014 года "Преобразовать с 1 января 2015 г. закрытое административно-территориальное образование - город Североморск Мурманской области - путем выделения поселка городского типа Росляково с прилегающей к нему территорией и снять с указанного поселка и прилегающей к нему территорий особый режим безопасного функционирования организаций и объектов, предусматривающий ограничение на въезд и постоянное проживание граждан...". Причина? К Росляково присмотрелась корпорация "Роснефть", предполагает здесь иметь базу арктического ремонта и судостроения. Мощности имеются - на СРЗ № 82 крупнейший в регионе плавучий док грузоподъемностью 80 тысяч тонн, слаженный рабочий коллектив.

После указа последовали местные законодательные распоряжения, и с 1 февраля все бюджетные организации Росляково, относящиеся к Североморску, перешли под юрисдикцию администрации города Мурманска, а росляковцы стали мурманчанами. Вопросов по переустройству возникло немало, они болезненно и успешно решались силами команды мэра города Алексея Веллера и главы администрации Андрея Сысоева в кабинетах и при личных встречах с жителями поселка.

Не будем толковать об этих решенных и решаемых вопросах (контрольно-пропускной пункт, транспорт, телефон, больница, адрес, герб...), порассуждаем о другом.

Росляково на 20 лет старше Мурманска, возникло в конце XIX века, об этом мы еще скажем. Стало быть, возраст областного центра увеличивается на данную цифру? Мы вправе отметить в будущем году не 100-летие, а 120-летие. Не так ли? В связи с этим вспоминаются разговоры еще в советское время о присоединении города Колы к Мурманску и перевод кольской районной администрации в Мурмаши. Партийные головы думали об этом, и был резон - окраины двух городов почти слились. Местные краеведы мечтательно закатывали глаза, с присоединением Колы возраст Мурманска увеличивался на несколько сот лет, он мог быть старше Архангельска.

Вид Росляково.

Но опустимся на землю. Надо ли спешить с "перелицовкой" даты? Давайте отметим в 2016 году достойно наше мурманское столетие, отпущены под это событие федеральные деньги и проводятся немалые мероприятия, одна дорожная развязка с южного направления чего стоит. А после юбилея можно и "состариться". Росляковцы же могут поднять бокалы сразу за две круглые даты - 120 и 100, раз им отмерила судьба стать горожанами. Их нынешний адрес: город Мурманск, район Росляково, улица ...

ПЕРВЫЕ ЖИТЕЛИ

О поселке Росляково в доступной литературе мало сведений из-за его былой закрытости и секретности, из-за наличия номерного судоремонтного завода. Правда, в последние годы зашторенность эта ослабла, в четвертом томе "Кольской энциклопедии" отведено полторы колонки текста и поселку, и заводу. При неторопливой разработке темы эти полторы колонки могут превратиться в солидную книгу. Энциклопедия пишет про поселок Росляково: "Расположен на восточном берегу Кольского залива по берегам реки Рослякова, в 12 км к юго-западу от г. Североморска и в 15 км к северу от г. Мурманска. Основан в конце 1896 как промысловое становище, колония; с августа 1959 - рабочий поселок; в составе Рослякова - поселок Чалмпушка; с 1996 - в составе ЗАТО г. Североморск. Делится на две части: Росляково-1 (Северное) и Росляково-2 (Южное, или Малое Росляково)".

Считается, что название свое поселение получило от реки. А река - от кого? В Писцовой книге Кольского уезда начала XVII века царского служивого Алая Михалкова мы находим сведения о семье Росляковых. Богдашка Росляков, житель Кольского острога, из посадских, владел в то время рыболовной тоней Пинагоревской наволок - место по соседству с нынешним Росляково. До этого тоней владел Гришка Пинагорев. Вот этимология нынешнего мыса Пинагорий в районе Мурманска, некоторые краеведы считали, что мыс назван по имени рыбы, ан нет - по имени жителя Колы. А река Рослякова, согласимся, также ведет свое имя от кольской семьи конца XVI века. Эта фамилия не пропала в глубине веков. В литературе известен мореход из Териберки Афанасий Григорьевич Росляков, умерший на Новой Земле в феврале 1925 года. Его именем названа там губа.

Подобное можно сказать о Чалмпушке, чье название связывают с причальной пушкой, выстрелом возвещающей о возвращении поморов с промысла. Нет, не "пушка", а "опушка", Чалнопушка - селение с 1920 года, со временем слово изменилось. В перечне рыболовных тоней по Кольскому заливу, которыми владели исстари лопари Кильдинского погоста, есть тоня Челнопушка.

В 1896 году в этих местах поселились выходцы из Финляндии Ф. Неронин и А. Текконен, самовольно вели расчистку земли, построили сначала землянку, потом официально упорядочили свое поселение, взяли разрешение на расчистку и ссуду 150 рублей, достроили начатый дом, развели скот - 3 коровы и несколько телят. Кормили животных сеном, которого не хватало, добавляли ягель и водоросли. Причем от кормешки водорослями (по местному - тура) молоко приобретало особый вкус. Так в 1899 году официально образовалась колония Рослякова губа по имени речки. Укоренившиеся финляндцы имели промысловую елу и карбас, ловили треску на поддев и ярусом. Их ярус на норвежский манер имел 30 тюков в три тысячи уд, то есть крючков. У чиновников испрашивали разрешение на лов семги, но получили ответ: "Все лопарское, промышляйте в море, где нет других". Морем считалось окончание Кольского залива.

Зимой Неронин и семья Текконен заготовляли дрова в соседних Чалнопушке и губе Грязной, продавали в Александровск по 4 рубля 25 копеек за сажень торговцу Мецайко. Для перевозки дров арендовали шняку по 50 копеек за перевезенную сажень. При расчете Мецайко с новоселами расплачивался деньгами и товаром.

ПОЕТ ГУДОК ЗАВОДСКОЙ

Мы не знаем судьбу первожителей Рослякова, вероятно, перед войной их, как и всех финнов Мурмана, выселили. Поселение росло медленно, по довоенным переписям там проживало до трех десятков человек, занимавшихся рыболовством и скотоводством. Резкие перемены произошли с переорганизацией Северного флота из флотилии, когда в 1938 году сюда перевели из Мурманска судоремонтные мастерские, ставшие в 1947 году судоремонтным заводом № 82. Поначалу ремонтировались буксиры, катера, с появлением перед войной плавучего дока - боевые корабли, только в 1941 году отремонтировали 45 кораблей Северного флота. В Великой Отечественной войне док и две плавмастерские действовали в районах Дровяного и Абрам-Мыса, обслуживали союзные транспорты.

После войны Росляково обрастало инфраструктурой, строились школы, детские сады, многоквартирные дома, магазины. Увеличивалось население до четырех тысяч жителей к 5 августа 1959 года, когда населенный пункт Росляково стал рабочим поселком, с 1996 года - под крылом Североморска.

С шестидесятых годов прошлого века завод ремонтировал и корабли с ядерными энергетическими установками. Первым здесь побывал атомный ледокол "Ленин", а в 1988 году - тяжелый крейсер "Киров". А еще на нашей памяти незабываемая трагическая страница - гибель, подъем и постановка в росляковский док с оторванной кормовой частью атомной подводной лодки "Курск" в октябре 2001 года.

Многоцелевая атомная подводная лодка К-141 "Курск" под командованием капитана I ранга Г. П. Лячина с 10 августа 2000 года участвовала в общефлотских учениях в Баренцевом море с целью отработки ракетных стрельб по надводным кораблям. Спустя два дня в результате взрыва своей торпеды и детонации боезапаса лодка затонула на глубине 115 метров в 108 милях от Кольского залива. Весь экипаж погиб, 116 моряков, а с ними 2 человека прикомандированных. Президент Путин, тогда же побывавший на Мурмане, пообещал: "Лодку непременно поднимем". В октябре следующего года после трехмесячной подготовки с помощью голландской спасательной техники и североморских специалистов лодку подняли и отбуксировали в росляковский док. Началась кропотливая адовая работа по осушке, расчистке, выяснению причин гибели. Тяжелейшая работа! Изучение лодки в сухом доке позволило с высокой точностью восстановить последовательность трагических событий последних часов экипажа, установить истинную причину катастрофы. Причин же предполагали несколько. Одна из версий - таран иностранной субмарины.

Трагедию "Курска", как и по всей стране, болезненно восприняли жители Росляково. Но их волновало и другое, когда "утопленница" оказалась под боком: не поврежден ли реактор? Не опалит ли невидимое ядовитое испарение поселок? Жителей успокаивали: на случай утечки имеется план эвакуации людей в Мурманск. А не придется ли эвакуировать самих мурманчан? - волновало и такое. К счастью, реактор не пострадал, радиационный фон остался в норме, катастрофы не произошло. Весной 2002 года "Курск" отправили на соседний завод "Нерпа" и разрезали. От подлодки осталась рубка, установлена она по соседству с храмом Спаса на водах в Мурманске.

Мурманск обрастает новыми памятниками и территориями...

Владимир СОРОКАЖЕРДЬЕВ,
член Союза писателей России.

Долгий путь к генеральному плану

Сто страниц истории к 100-летию Мурманска

И в краеведческой литературе, и в публицистике встречается порой термин "Большой Мурманск". Применяется он в основном для того, чтобы подчеркнуть масштабы послевоенного строительства, позволившего создать на Севере СССР крупнейший заполярный город - полумиллионный мегаполис, протянувшийся от Росты почти до Колы. И действительно, размах строительных работ, осуществленных в столице советской Арктики в 60-е - 80-е годы минувшего века, не может не впечатлять. Однако не стоит забывать, что само выражение "Большой Мурманск" унаследовано нами от другой, более ранней эпохи.

СЕПАРАТНЫЕ РАБОТЫ ЧАСТИЧНОГО ПОРЯДКА

Главным бичом заполярной столицы в ее первоначальном, малом варианте, умещавшемся в пространстве между Зеленым мысом и мысом Халдеев, была беспорядочность застройки. Хаотическое расположение городских строений стало следствием обрушившихся на страну после 1917 года исторических катаклизмов. Во время гражданской войны и сразу после нее дома сооружали как попало, где попало и буквально из того, что подвернется под руку. Спустя десятилетие после окончательного установления на Кольском полуострове Советской власти окружной центр, несмотря на отдельные вкрапления капитальных зданий, все еще сохранял прежний ночлежно-барачный вид, более характерный для поселения золотоискателей из рассказов Джека Лондона, чем для крупнейшего арктического незамерзающего порта СССР. "Генерального плана города нет. Строят на глазок, наспех, - возмущалась 10 июля 1931 года "Полярная правда", подчеркивая, что местные власти не имеют "какого бы то ни было представления об общем плане города" и не знают "где же будет находиться подлинный центр нового Мурманска". Проблема требовала незамедлительного решения. Стало ясно, что без четкой планировки Мурманск дальше развиваться не может.

Сперва решили, что перестраивать старый город - грязный и неуютный - слишком сложно и затратно. Проще возвести рядом с ним новый - современный и благоустроенный. Севгосрыбтрест и Мурманский окрисполком провели всесоюзный конкурс на лучший проект социалистического города Новый Мурманск ("Вечерка" писала об этом в номере от 2 октября 2014 г.), определили победителей. Но такому подходу воспротивилось руководство Ленинградской области, в состав которой входил тогда наш край. На совещании, созванном по этому поводу Леноблпланом 13 апреля 1931 года, был сделан вывод: "Установка, выработанная Севгосрыбтрестом... оказалась оторванной от общих проектировок по городу. Поэтому нужно... считать, что на будущее время такие сепаратные проектировочные работы частичного порядка не должны производиться". Планировку Мурманска тогда же решили передать в ведение недавно созданного Государственного института проектировки городов - Гипрогора.

В 30-е годы Мурманск активно застраивался. Отсутствие генерального плана тормозило этот процесс. На снимке: сооружение дома на проспекте Сталина - ныне проспект Ленина, 76. 1934 г. Из фондов ГАМО.

ЧЕТЫРЕ ГОРОДА ВМЕСТЕ

Главной задачей, которую поставили мурманчане перед его сотрудниками, стала подготовка документа, определяющего долгосрочную стратегию градостроительного развития и условия формирования среды жизнедеятельности заполярной столицы. То есть генерального плана. Наметить принципы генплана попыталась 16 мая 1931 года окружная плановая комиссия. Возможно, именно на ее заседании впервые прозвучало словосочетание "Большой Мурманск". Употребил его представитель проектного управления Союзрыбы и Гипрогора, а также соавтор победившего на всесоюзном конкурсе проекта социалистического города Новый Мурманск архитектор Александр Соколов. В Государственном архиве Мурманской области хранится протокол, зафиксировавший его слова о "назревшей необходимости реконструкции существующего города" и о том, что связанные с этим вопросы надо решать не только для запроектированного нового города, но и для старого, "для всего Мурманска в целом, Большого Мурманска".

23 июня 1931 года президиум Мурманского горсовета обсудил вопрос "О заключении договора с Гипрогором на планировку г. Мурманска". Вскоре договор был заключен. В конце года уже был готов схематический проект планировки заполярной столицы, тут же с некоторыми оговорками одобренный Окружным исполкомом и горсоветом. Областные власти торопили, требуя скорее "закончить генеральную съемку г. Мурманска и по утверждении генерального плана в двухмесячный срок разработать капитальный план строительства города". Все это предполагалось завершить к 1 июля 1932 года.

Грандиозные планы по переустройству незамерзающего порта на берегу Кольского залива, рассчитанные на 15 лет вперед, тогда же, в

Центр Мурманска по генеральному плану города, разработанному Гипрогором в 1934 году. Из сборника "Мурман от VI к VII съезду Советов СССР". Мурманск, 1934 г.

1932 году, популяризировал Константин Паустовский. "В 1946 году, - писал он в очерке "Мурманск", - на месте теперешнего скопления бараков, между которыми летом растет морошка, будет построено четыре больших города, связанных трамваями и автобусами: Кола, Горелая Гора, Старый Город и Порт. Все четыре города вместе будут называться Большим Мурманском".

ЧАСТЬ СВЕТЛОГО БУДУЩЕГО

Казалось, постройка Большого Мурманска вот-вот начнется. Но скоро, как известно, только сказка сказывается. Генеральный план описанного писателем города будущего с населением 225 тысяч человек никак не удавалось довести до ума. В ту пору Гипрогор тащил на себе огромный воз проектно-планировочных работ - по 88 населенным пунктам. Мурманск в этом списке шел далеко не первым. Осенью 1932 года окрплан отметил задержку "в составлении проекта по планировке г. Мурманска". Дальше - больше. Планировочные работы не удалось закончить и в 1933 году. Только в следующем году генплан представили на утверждение руководства округа. "Мы имеем сейчас утвержденный план Гипрогора, - объявил 20 ноября 1934 года, выступая на отчетном пленуме Мурманского горсовета председатель окрисполкома Петр Горбунов, - деревянное и каменное строительство идет по этому плану". Однако, как выяснилось позже, радоваться было рано.

Проект генерального плана, принятый на региональном уровне, не получил одобрения научно-технического совета при Народном комиссариате коммунального хозяйства РСФСР. Его рекомендовали к принятию исключительно как схему распределения территории. Лишь генплану центра города дали удовлетворительную оценку, да и то потому, что активно развивавшейся заполярной столице как воздух нужен был хотя бы какой-нибудь, пусть даже не до конца доработанный план. Главный же проект, предусматривавший расширение города от Росты до Колы, что называется, повис в воздухе.

Но к тому времени Большой Мурманск уже стал для многих северян неотъемлемой частью мечты о светлом социалистическом будущем. Пожалуй, афористичнее всех эту мысль выразил один из руководящих работников города - некто Орловский. "Товарищи, - сказал он, выступая в 1935 году на пленуме горсовета, посвященном вопросам строительства, - мы должны выстроить Большой Мурманск и можем выстроить Большой Мурманск, и никто нам не позволит его не выстроить". Дело обстояло именно так, а потому власти незамерзающего порта на берегу Кольского залива отреагировали на возникшую проблему достаточно жестко. "Президиум горсовета, - заявили они на заседании 2 апреля 1935 года, - считает совершенно недопустимым дальнейшую затяжку в составлении проекта планировки Большого Мурманска, тормозящую бурный рост строительства города". В итоге с Гипрогором опять заключили договор, поручив разработать новую версию генплана с включением в городскую черту Росты, Колы и западного берега Кольского залива.

ГЕНЕРАЛЬНУЮ СХЕМУ ОДОБРИТЬ

На протяжении следующего 1936 года шла напряженная работа по корректировке проекта. 29 декабря - "под елочку" - президиум Мурманского горсовета окончательно утвердил "генеральный проект планировки города Мурманска". 6 марта 1937 года "Полярка" сообщила, что генеральный план Мурманска получил одобрение Ленинградского облисполкома и направлен в Наркомхоз РСФСР. Согласно проекту, разработанному под руководством руководителя планировочной мастерской Леноблпроекттреста А. Н. Сорокина и при участии в качестве консультанта главного архитектора Москвы, автора плана реконструкции столицы Сергея Чернышева, предусматривалась террасная застройка окружного центра. Общая высота жилых домов и общественных зданий не должна была превышать четырех-пяти этажей. Больше - только для отдельных - наиболее монументальных зданий. На сопках предполагалось строить малоэтажные каменные дома и коттеджи "типа норвежских построек". В числе архитектурных изысков значились центральная площадь - нынешние Пять Углов, опорная стенка набережной на улице Шмидта, театр на улице Полярные Зори.

Но и на этом разработка генплана Большого Мурманска не закончилась. На протяжении еще трех лет шла доводка проекта, доработка его отдельных положений. И только потом - 5 июня 1940 года - коллегия Народного комиссариата коммунального хозяйства РСФСР во главе с наркомом Константином Памфиловым постановила: "Представленную Главным архитектурно-планировочным управлением наркомхоза РСФСР генеральную схему планировки г. Мурманска одобрить". "Проект реконструкции Мурманска разработан и осуществляется, - восклицала тогда же, в 1940 году "Полярная правда".

Вот так, пройдя долгий и трудный путь, заполярная столица обзавелась, наконец, документом, определившим пути ее развития. И никто уже не сомневался в том, что новостройки Большого Мурманска со временем воплотятся в жизнь: встанут с эскизов и чертежей красивые удобные дома, протянутся просторные улицы, оденутся в кирпич и бетон общественные здания. Но в 1941 году грянула война, и генплан остался на бумаге. Большой Мурманск был возведен уже после Победы - другим поколением мурманчан, по другим проектам и планам. И сейчас мало кто помнит, что сами эти два слова, как и весь наш прекрасный город, корнями оттуда - из давнего довоенного прошлого.

Дмитрий ЕРМОЛАЕВ,
сотрудник Государственного архива Мурманской области.

Парк выдающегося масштаба

Сто страниц истории к 100-летию Мурманска

О значении, которое мурманчане придавали озеленению города, можно судить хотя бы по тому, что еще в момент основания заполярной столицы на ее территории было предусмотрено особое место под городской сад. Однако устроить его до революции не успели. За время гражданской войны деревья в Мурманске уничтожили "как класс" - сожгли на дрова. В 30-е окружной центр вступил, имея лишь один, именовавшийся Комсомольским садиком, сквер, чахлые березки в котором можно было пересчитать по пальцам. В перспективе незамерзающий порт на берегу Кольского залива должен был, точь-в-точь как в знаменитом стихотворении Маяковского, превратиться в город-сад, но пока... "Создание парка культуры и отдыха является важнейшей составной частью мероприятий по реконструкции городского хозяйства", - извещала читателей в 1931 году "Полярная правда".

СОЗДАНИЕ КОМБИНАТА - РЕАЛЬНАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ

Впрочем, для бурно развивавшейся заполярной столицы просто парка оказалось недостаточно. Эпоха, когда пятилетку выполняли в четыре года, а сказку делали былью, диктовала свой размах. 15 февраля 1934 года на первой полосе "Полярки" появилось открытое письмо мурманчан городскому Совету и окружному совету профсоюзов под названием "Построим в Мурманске комбинат культуры и отдыха". Под комбинатом подразумевался опять-таки парк, но парк необычного, выдающегося масштаба, "оборудованный по последнему слову техники". Со спортивными и театральными площадками, торговыми лавками и пунктами общепита, аттракционами и детскими городками, библиотеками и павильонами науки и техники. Именно так - во множественном числе! - "Сюда, по широким дорогам, на простор площадок устремятся тысячи и тысячи трудящихся Мурманска не только в свободный день, но и в свободный вечер, - поясняли авторы письма. - Не только летом, но и зимой. Комбинат должен быть достойным трудящихся Мурманска, с успехом творящих социалистическое дело на Крайнем Севере Советского Союза. Создание такого комбината - реальная необходимость".

Ничего подобного не существовало тогда на заполярных широтах нигде в мире. И мало какой город в СССР имел такое. А для окружного центра, все еще по большей части застроенного сооружениями барачного типа, имевшего деревянные тротуары и в распутицу утопавшего в грязи, это начинание и вовсе было революционным. И произвело оно эффект разорвавшейся бомбы. В тот же день президиум Мурманского горсовета решил считать постановку вопроса о строительстве комбината своевременной. Идею тут же поддержал Окружной совет физкультуры, председатель которого Н. Павлов предложил, чтобы каждый физкультурник "вложил в дело строительства парка культуры и отдыха не менее 6 полноценных трудодней". Подтянулись и медики, решившие, что "именно сейчас назрела необходимость соединения всех сил и средств для того, чтобы в Мурманске был действительно образцовый городской комбинат". Уже 17 февраля появилось постановление Окружного совета профсоюзов. "Комбинат, - подчеркивалось в нем, - явится конкретной реализацией указаний партии и вождя т. Сталина о дальнейшем подъеме материального благосостояния и культуры трудящихся". В общем, используя современную терминологию, консенсус был полным.

ОТ РОСТЫ ДО СОЛОВАРАКИ

9 марта городские власти утвердили постоянный технический совет по строительству комбината культуры и отдыха. В его состав вошли инженеры и архитекторы, в том числе и главный инженер города Миняев. Встал вопрос о том, где расположить центральное место отдыха мурманчан. На совещании при Окружном строительно-техническом управлении, протокол которого хранится ныне в Государственном архиве Мурманской области, было предложено три возможных варианта. Первый - в северной части города около реки Росты на участке площадью 130 гектаров. Второй - к юго-востоку от городской застройки на сопках за нынешней областной больницей на площади от 70 до 90 гектаров. И третий - на горе Соловараке возле Колы на территории площадью около 200 гектаров. Остановились в итоге на последнем варианте, отметив, что первый не подходит из-за "отдаленности от существующего города и отсутствия подъездных путей", а второй - "по своему рельефу". А поскольку строительство предполагалось грандиозное и рассчитанное не на один год, то Соловараку оставили, что называется, на перспективу, а пока мурманчанам предложили удовольствоваться относительно небольшим парком площадью 15 гектаров, который предполагалось в ближайшее время разбить в долине Варничного ручья. Под этот "комбинатозаменительный" парк горсовет в дальнейшем отвел участок на территории Колонизационного поселка, включавший и сам ручей.

Первый сквер Мурманска - Комсомольский садик. 1949 г. Фото Л. А. Белозеровой. С сайта httpkaschey-lp.

И ПОЛИТИЧЕСКАЯ АГИТАЦИЯ...

Между тем в прессе не стихала дискуссия - каким должен стать главный "очаг" мурманского культурно-массового отдыха трудящихся. Наиболее развернутый проект обустройства комбината культуры и отдыха был представлен в статье некого Д. Корхина, помещенной в "Полярной правде" 20 марта 1934 года. Автор рассматривал деятельность будущего парка в разных аспектах. Для массовой оздоровительной и физкультурной работы, по его мнению, нужны "пляжи, души, солярии, зоны тихого отдыха, развернутая система физкультурных игр и развлечений, школ спортивной техники, теннисные, футбольные, волейбольные площадки, лыжные станции, катки, туристские лагеря, базы однодневного и суточного отдыха, медицинские консультации, врачебный контроль физкультуры". Особое внимание предлагалось уделить яхт-клубу и бассейну для плавания. Художественную самодеятельность он планировал развивать с помощью театра, кино, эстрады, цирка и симфонического оркестра, а также "обучения хоровому пению, массовым танцам" и организации "массовых праздников". Из развлечений отдавал предпочтение настольным играм, каруселям, гигантским шагам и комнатам смеха, но подчеркивал, что количество аттракционов может быть увеличено. Работа среди детей, считал Корхин, подразумевает "создание специальных детгородков, детских физкультурных площадок, детских технических станций". Наконец, культурно-политическая работа, по его мысли, "должна занять одно из основных мест в системе работы парка. Здесь и политическая агитация... организация обмена опытом... показ работы изобретателей, лучших ударников. Систематически должна проводиться интернациональная пропаганда, пропаганда марксистско-ленинской теории... работа с газетой, брошюрой на политические и технические темы... с художественной литературой".

В начале 30-х в Мурманске появился еще один сквер - у памятника Жертвам интервенции.

НА ГРАНИЦЕ ФИНЛЯНДИИ

В целом задуманный парк поражал воображение. Но чем масштабнее затеваемое дело, тем труднее к нему подступиться, тем больше надо вложить в него труда и средств. Похоже, разработчики гигантского по мурманским меркам проекта попросту переоценили собственные силы и не справились. Еще весной 1934 года "Полярка" била тревогу, сообщая, что "идея создания в Мурманске комбината культуры и отдыха... до сих пор... очень слабо реализуется. Отдел коммунального хозяйства не принял должных мер. Проектированием... никто не занимается. Вопрос о средствах еще не выяснен. Не ведется архитектурная разработка".

Прошел год, но дело стояло на месте. Менялись лишь варианты предполагаемого размещения будущего комбината. "Приступить к строительству парка культуры и отдыха на Западном берегу залива, - призывала резолюция пленума Мурманского горсовета от 10 апреля 1935 года, - начав с организации устройства дорожек, площадок для игр и танцев, буфетов, перейдя постепенно к общей планировке местности, постройке капитальных строений, аттракционов, устройству постоянных пристаней и приобретению водных трамваев". Спустя еще несколько месяцев горсовет постановил: "Ввиду трудностей, связанных с использованием в течение ближайших лет участка земли, отведенного под парк отдыха на Западном берегу, - считать необходимым отвести участок земли под место отдыха, прилегающий к дороге на Колу в 2 1/2 километра от города". Как видите, остававшийся в мечтах и планах комбинат уже имел богатую географию предполагаемых мест своего расположения. По этому поводу один из членов технического совета по его строительству - инженер судоремонтного завода Росляков ехидно заметил: "Говорили очень много о постройке парка культуры и отдыха и все не могли выбрать для него места... Где сейчас предположено строить парк... совершенно неизвестно, может быть, где-нибудь на границе Финляндии".

УВЯЛ, КАК ЦВЕТОК

В конце концов ситуация вроде бы начала меняться к лучшему. Выступая на пленуме Мурманского горсовета 28 декабря 1935 года, заместитель председателя окружного исполкома Ян Лейтис информировал собравшихся, что "до сих пор на парк культуры у нас не было средств. Теперь этим делом начали заниматься, оно поставлено на более реальные рельсы. Имеется 100000 р., а ассигнованиями по линии профсоюза имеется 150000 р. Так что сейчас мы можем начать это дело - постройку парка культуры и отдыха". 4 июля 1936 года городские власти даже утвердили штат паркостроителей из двух человек - начальника строительства и бухгалтера. К тому моменту парк в очередной раз "уточнил" дислокацию и теперь должен был размещаться на юго-восточном склоне горы Горелой и далее вплоть до Фадеева ручья.

Впрочем, дальше этого дело не пошло. Мурманчане за неимением лучшего ездили летом отдыхать на разъезд Выходной, а проект сооружения в заполярной столице комбината культуры и отдыха увял, как пышный тропический цветок под ледяным северным ветром, не успев как следует расцвести. Правда, периодически с той или иной высокой трибуны звучали громкие призывы "построить", "соорудить", но это были лишь слабые отголоски мощного первоначального энтузиазма. Конец им положила война. А вот сама идея осталась. К ней уже после Победы вернулось следующее поколение мурманчан. Однако об этом - позже.

Дмитрий ЕРМОЛАЕВ, сотрудник Государственного архива Мурманской области.

Социалистический город Новый Мурманск

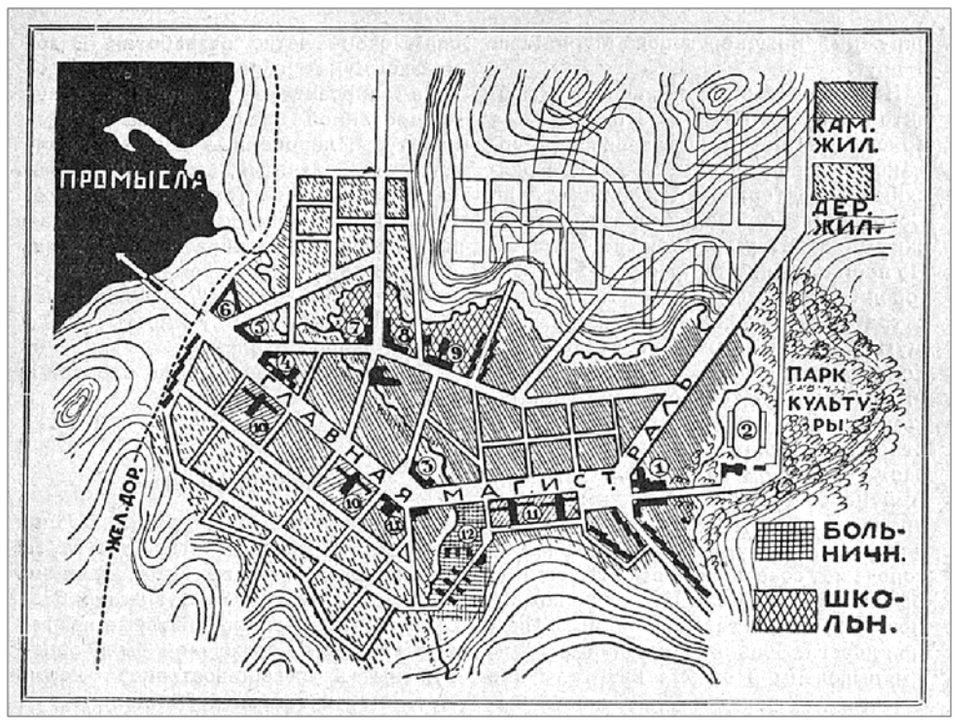
Сто страниц истории к 100-летию Мурманска

Мурманск конца 20-х уже не находился, как после гражданской войны, на грани исчезновения, но по-прежнему нес на себе отпечаток временности и неустройства. Между тем в стране началась первая пятилетка. Планами предусматривалось бурное развитие заполярной столицы как центра рыбной отрасли. Город должен был коренным образом измениться к лучшему. Однако следов "проклятого прошлого" в виде нерешенных жилищных, коммунальных и бытовых проблем накопилось столь много, что казалось, их не удастся изжить никогда. Проще построить еще один Мурманск. И тогда появилась идея: а что, если действительно создать новый, чистый и благоустроенный город рядом со старым - грязным и неуютным.

КВАРТИРА КАК БУРЖУАЗНЫЙ ПЕРЕЖИТОК

В Государственном архиве Мурманской области хранится протокол совещания при президиуме Мурманского окружного исполкома, состоявшегося 6 сентября 1929 года. В нем указано: "Слушали: сообщение представителей Севгосрыбтреста об отводе специальной площади в гор. Мурманске для постройки рабочего городка Севгосрыбтреста с населением 50000 человек. Постановили… Считать возможным отвести под рабочий городок Севгосрыбтреста городскую территорию от квартала, предоставленного заразной больнице и на юго-восток от Варничного ручья… Считать необходимым иметь план рабочего городка не позднее 1 февраля 1930 года…" Учитывая, что население заполярной столицы составляло в ту пору чуть более 18 тысяч человек, это был самый грандиозный строительный замысел за всю, короткую пока, историю города на берегу Кольского залива. К воплощению его приступили немедленно. В начале января 1930 года, проведя необходимую подготовку, Севгосрыбтрест и Мурманский окрисполком объявили всесоюзный конкурс на составление проекта теперь уже не просто рабочего городка, а социалистического города Новый Мурманск.

Социалистическим городом именовали тогда новый тип жилых массивов, принципиально отличавшийся от прежних, дореволюционных. Этот термин вошел в широкое употребление в 1929-м, когда появилась заимавшаяся соцгородами специальная правительственная комиссия под руководством видного государственного деятеля тех лет, архитектора и теоретика градостроительства Николая Милютина. Шли поиски форм жилья, принципов застройки и создания инфраструктуры. Считалось, что многоэтажный дом с индивидуальными квартирами - это наследие капитализма, которое следует ликвидировать, а новым типом жилых зданий должны стать дома-коммуны, обитатели которых, особенно женщины, будут освобождены от малопроизводительного домашнего труда, от "кухонного рабства" и воспитания детей для куда более важных занятий. Среди учреждений соцгорода важное место занимали фабрики-кухни - крупные, механизированные предприятия общественного питания, в идеале позволяющие полностью ликвидировать как буржуазный пережиток домашнее приготовление пищи. В числе десятков социалистических городов, строительство которых шло по всему Советскому Союзу, должен был появиться еще один - в Мурманске.

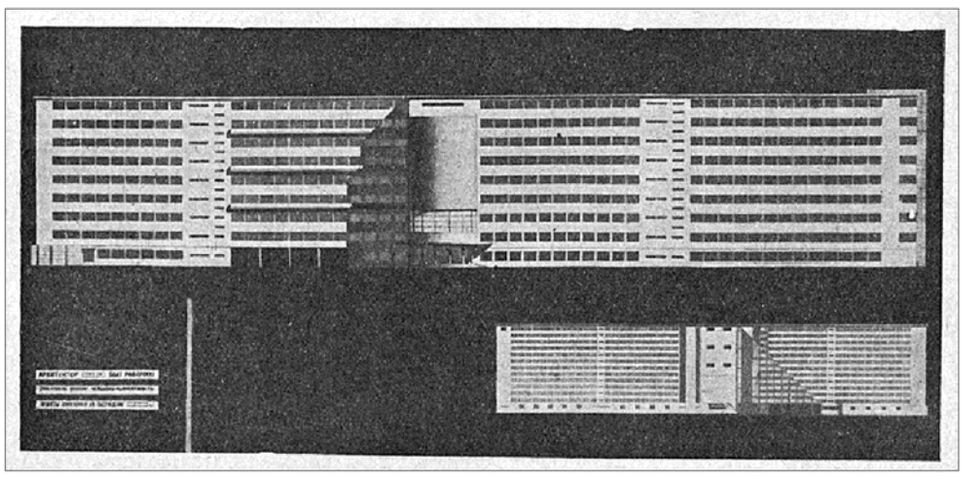

Социалистический город Новый Мурманск по проекту Левинсона, Соколова и Твелькмейера.
1. Дом культуры. 2. Стадион и дворец физкультуры. 3. Административное здание Севгосрыбтреста. 4. Фабрика-кухня. 5. Гостиница. 6. Рынок. 7. Школа. 8. Фабзавуч. 9. Техникум. 10. Дом-коммуна. 11. Театр. 12. Больничный городок.

6 ПРЕМИЙ НА 18 ПРОЕКТОВ

По условиям конкурса новый город площадью 204 гектара соприкасался со старым в районе Варничного ручья и Колонизационного поселка. Прежней, "прошлой" заполярной столице отводилась подчиненная роль пригорода. Особое внимание в связи со сложным рельефом местности предлагалось обратить на архитектурное оформление как всего Нового Мурманска, так и его отдельных зданий. В жюри конкурса помимо представителей Севгосрыбтреста и Мурманского горсовета вошли профессора-архитекторы Беляев, Груббе, Волошинов, Старостин, Лансере. Всего поступило 18 проектов, 6 из них удостоились премий. Все призовые работы выставили для всеобщего обозрения и обсуждения в мурманском клубе пищевиков. Интересно, что московские архитекторы заняли лишь третье место, а победили в конкурсе ленинградцы Евгений Левинсон, Александр Соколов и Виктор Твелькмейер. Их проекту, представленному под девизом "Мурманск - город рыбный", была присуждена первая премия.

По нему новую электрифицированную, теплофицированную, оснащенную водопроводом и канализацией заполярную столицу планировалось разбить на две ясно оформленные зоны деревянного и каменного строительства. Деревянная, в которой предполагалось поселить лишь 3700 человек, состояла из обычных двухэтажных домов, размещенных вблизи полотна железной дороги и в районе Халдеева мыса. Каменная - на плато за Варничным ручьем и далее до подножия сопок. В этой зоне помимо обычных жилищ размещались и девятиэтажные дома-коммуны вместимостью по 1100 человек с механизированными прачечными, гимнастическими залами, яслями, мастерскими, лекционными залами, столовыми с конвейерной системой подачи блюд и прочими чудесами комфорта.

Дом-коммуна на 1100 человек по проекту Левинсона, Соколова и Твелькмейера

ТРИ ПЛОЩАДИ И РЫНОК-РАСПРЕДЕЛИТЕЛЬ

Кроме того, заполярный вариант социалистического города предусматривал широкую сквозную магистраль с возможным трамвайным и автобусным движением, примыкающую к промыслам и тянущуюся затем до соединения со старыми кварталами в районе Колонизационного поселка. Эта дорожная линия включала в себя и три площади. "Первая площадь (ближайшая к промыслам) имеет большую пищевую базу с соответствующими складами, - отмечал один из авторов проекта-победителя Евгений Левинсон. - В непосредственной близости - фабрика-кухня. Эта площадь разгрузит общее движение по линии промысел - город. Вторая площадь объединяет вокруг себя театр, кино, административные здания и общественный гараж. Третья - парадная площадь находится перед Домом культуры, под проездом которого - широкий вход к стадиону и дворцу физкультуры, находящемуся в непосредственной близости от парка культуры и отдыха - этой зеленой базы нового города".

"Около Дома культуры прилегающая к ней часть лощины будет использована для устройства парка культуры и отдыха с аттракционами, катальными горами и прудами, - разъясняла "Полярная правда" детали проекта со слов соавтора Левинсона Александра Соколова. - На возвышенности по другую сторону ручья будет построена гостиница на 200 номеров. На зеленой полосе, пересекающей каменные кварталы, будут построены: общественная столовая, ясли, детский дом, дом матери и ребенка… Больничный городок, представляющий из себя отдельное хозяйство, будет расположен вверх по ручью, в стороне от городского шума и движения".

"В новом городе нет совершенно рынков, помимо рынка-распределителя, расположенного непосредственно у линии железной дороги, - расписывал читателям преимущества жизни в будущей заполярной столице журнал "Человек и природа". - Школьные группы выделены в особые кварталы вне городского широкого движения. Фабрики-кухни рассчитаны на возможность питания всего населения, которое квартально питается в групповых столовых. График движения к промыслам очень четко разработан". Улицы планировалось поставить меридионально, чтобы улучшить освещение и уменьшить порывы ветра.

ПЛАНЫ ОСТАЛИСЬ ПЛАНАМИ

Как только конкурс завершился, его победителей засадили за подготовку исполнительного проекта социалистического города Новый Мурманск. 23 августа 1930 года состоялось заседание президиума Мурманского горсовета, на котором присутствовали представители предприятий и учреждений окружного центра. После подробного обсуждения работы, победившей на всесоюзном конкурсе, было решено принять меры для немедленного начала строительства. К сооружению второго, улучшенного и дополненного "издания" заполярной столицы планировалось приступить тогда же, в 1930-м, с тем чтобы завершить работы к началу 1933 года.

Впрочем, с самого начала находились и скептики, справедливо указывавшие на маниловщину самой идеи Нового Мурманска, на ее оторванность от реальной жизни, на нехватку средств. "Ни один из представленных (на конкурс - **Д. Е.**) проектов полностью не может быть использован для постройки городка (Севгосрыбтреста - **Д. Е.**), - пояснял 25 мая 1930 года корреспондент "Полярки" Борис Зайцев. - Даже больше - использование всех премированных проектов для составления одного плана все же не разрешит вопроса, т. к. проекты страдают столь большими недостатками и упущениями, что даже суммарное их использование не даст желаемого результата". Чуть ранее, 16 мая 1930 года, в специальном постановлении ЦК ВКП(б) "О работе по перестройке быта" получила осуждение и практика строительства домов-коммун. "ЦК отмечает, - сообщалось в нем, - что… имеют место крайне необоснованные, полуфантастические, а поэтому чрезвычайно вредные… проекты перепланировки существующих городов и перестройки новых исключительно за счет государства, с немедленным и полным обобществлением всех сторон быта трудящихся: питания, жилья, воспитания детей с отделением их от родителей, с устранением бытовых связей членов семьи и административным запретом индивидуального приготовления пищи и др. Проведение этих вредных утопических начинаний, не учитывающих материальных ресурсов страны и степени подготовленности населения, привело бы к громадной растрате средств и жестокой дискредитации самой идеи социалистического переустройства быта".

В итоге планы остались планами. Социалистический город Новый Мурманск, который должен был революционно изменить представления о возможном в Заполярье уровне жилищного комфорта и коммунальных удобств, так и не построили. Возведение домов для сотрудников Севгосрыбтреста пошло по привычному деревянно-двухэтажному и барачному руслу. Ныне на месте предполагавшегося царства благоустроенности и уюта находится Жилстрой. Нам с вами, вспоминая о несостоявшемся пятидесятитысячном городе, остается гадать о том, как жилось бы северянам в домах-коммунах и как повлияло бы сооружение нового Мурманска на существование "старого"? Но ответа на эти вопросы не знает никто.

Дмитрий ЕРМОЛАЕВ,
сотрудник Государственного архива Мурманской области.

Успехи и трудности роста

Сто страниц истории к 100-летию Мурманска

В конце 20-х годов минувшего века Мурманск впервые в своей истории стал напоминать город не только по названию. Шел штурм новых строительных высот, отрабатывались принципиально иные технологии, и заполярная столица росла как на дрожжах. Впрочем, новостройки еще тонули в хаосе бараков и "чемоданов", качество сооружаемых зданий оставляло желать лучшего, а некоторые бытовые реалии той эпохи могут не только удивить, но и напугать современных мурманчан. Что ж, был рост, были и болезни роста.

БАНЯ КАК ПИЛОТНЫЙ ПРОЕКТ

1927 год - время первых успехов в каменном строительстве. За четыре месяца возведено здание ТПО - транспортно-потребительского общества - нынешний художественный музей. Окончательно оно было сдано в эксплуатацию в мае 1928-го. "В технологическом отношении, - подчеркивал тогда глава специальной комиссии по его приемке Л. Куракин, - здание построено безукоризненно: вполне можно ручаться за его крепость, долговечность и огнестойкость... может считаться пионером нового строительства на Мурмане. По проекту здание выстроено без малейших уклонений. Зато самый проект этого здания не может быть признан удачным в отдельных своих деталях. Минусом постройки надо признать также громадный перерасход по смете: вместо отпущенных на постройку 120000 рублей было израсходовано около 140000 рублей. Объясняется это тем, что постройка... производилась с чрезвычайной спешкой, так как возникла необходимость окончить постройку не в два сезона (как ранее предполагалось), а в один".

Раньше, чем здание ТПО, - в октябре 1927-го - в мурманском порту вошел в строй железобетонный склад-гигант для экспортно-импортных грузов вместимостью свыше 400000 пудов. "Склад будет иметь громадное значение для успешного хода экспортной кампании, - поясняла "Полярная правда", - так как позволит не держать грузы в вагонах, что увеличит оборот подвижного состава". Кроме того, было задумано строительство первого жилого каменного дома на 30 квартир, начато возведение каменной скотобойни и двухэтажной бани на улице Пионерской, в том месте, где теперь находится спортивно-оздоровительный центр "Гларус". "Термы" заполярной столицы оказались своего рода пилотным проектом для отработки процесса сооружения домов нового типа. "Постройка бани нагляднейшим образом доказывает, что тип каменного здания при почти одинаковой стоимости следует предпочесть деревянной постройке", - информировала читателей "Полярка". Первый этаж каменной бани - мужское и женское отделения и несколько индивидуальных номеров - открылся 20 декабря 1928 года, второй - в конце января 1929-го.

ВАГОНЫ ТРЕЩАЛИ ПО ШВАМ

Важной победой в борьбе с жилищной разрухой стало исчезновение "Красной деревни" - занятых под жилье вагонов. На 1 января 1926 года она состояла из 147 "домов на колесах". Часть их была врыта в землю, другие время от времени перегоняли с места на место. "Дряхлые стенки вагонов трещат по всем швам и осыпаются, - вспоминал очевидец, - а у жильцов каждый раз во время переезда какой-нибудь сюрприз: то посуда перебита, то еще что-нибудь. Вагоны во время переезда наскакивают один на другой, потому что они без буферов и стяжек... их связывают гнилыми веревками... веревки разлетаются во все стороны, и тогда совсем столпотворение получается". Ликвидировали "деревню" в течение двух лет. К началу 1928 года в ее составе осталось всего 4 жилых вагона.

Шагом вперед в обеспечении горожан жильем стало появление севернее Варничного ручья между нынешней улицей Полярные Зори и Планерным полем Колонизационного поселка, где селились в основном переселенцы из других регионов страны, привлеченные на Кольский полуостров обещанием высоких заработков и всяческих льгот. Появился этот поселок в 1925 году. Первым построил там свой дом Семен Сидорович Зимин, бывший в январе - июле 1921 года председателем президиума Мурманского уездного исполкома. Следом за ним стали селиться другие. В конце 1927-го в поселке стояло уже 70 домов. "В домиках колонистов чисто и светло, - сообщала тогда же, в 1927-м, "Полярная правда". - Везде высокие потолки, чистые стены и полы и большие окна, дающие много света. В каждом домике цветы: скромные беленькие и желтые, которыми изобилует Север, и бумажные махровые розы в фарфоровых вазонах перед зеркалом".

Демонстрация на площади Жертв Революции в День мира 1 августа 1928 года.

Так выглядела "Красная деревня", получившая название по цвету вагонов. Фото Ф. Ф. Турчанинова.

КРИМИНАЛЬНАЯ СТОЛИЦА

Однако перечисленные выше достижения пока еще только обозначили тенденцию к преодолению жилищного кризиса, слегка снизив его остроту. Главная проблема решена не была. Темпы роста населения по-прежнему обгоняли в Мурманске темпы строительства. "Город строится и строится, убегая от жилнужды, - констатировал 24 мая 1928 года на страницах "Полярки" один из ее корреспондентов врач Гаврилов, - но нужда почти что по-прежнему царит во всех уголках нашего города, особенно заметно заявляя о себе на окраинах: в Нахаловках, на Базе, в Китайском и др. поселках, где живут главным образом рабочие: железнодорожники, возчики, грузчики".

Недостаток жилых помещений усугублялся криминальными склонностями значительной части жителей заполярной столицы. В 1924 году Мурманская губерния по количеству совершенных преступлений заняла первое место в стране. При этом количество правонарушений в губернском центре превысило их число на периферии в сто раз. В конце 20-х ситуация изменилась не сильно. Главным бичом было хулиганство, развившееся настолько, что горсовет в ноябре 1927-го опубликовал особое постановление "О воспрещении появления в общественных местах города Мурманска с кинжалами, финскими ножами и стилетами". Большинство хулиганов составляли сезонные рабочие, приезжавшие на несколько месяцев за длинным рублем. С жильем они порой обращались весьма своеобразно. "Под вечер из барака выползают с топорами и ломами какие-то темные личности, - писал в "Полярке" мурманчанин, скрывшийся под псевдонимом Прохожий, - и начинают выламывать доски и рейки, очевидно, на растопку. Разобрали уже одну наружную стену дочиста, начали разборку боковых, ломают крышу. Очевидно, скоро от барака не останется ничего, кроме таких же куч мусора, которые лежат рядом на месте другого, возможно, так же разрушенного хищниками барака".

На фоне жилищного кризиса в Мурманске расцвела сдача квартир внаем по спекулятивным ценам. 9 декабря 1927 года на пленуме коммунальной секции горсовета, протокол которого хранится сейчас в Государственном архиве Мурманской области, было решено "всемерно повести борьбу со спекуляцией на почве квартплаты, маскируемой сдачей помещений с топливом, светом и другими коммунальными услугами, не останавливаясь перед передачей дел... в суд". Но легко сказать - трудно сделать. "Как правило, - описывала ситуацию "Полярная правда" 24 мая 1928 года, - частник, эксплуатирующий дом с целью извлечения дохода, разбивает его на каморки с перегородками, не доходящими до потолка иногда больше чем на 1 аршин, называет их "комнатами с мебелью" и дерет аховые цены, непосильные рабочим и большинству служащих".

ЭКЗОТИКА ПРОШЛОГО

Правда, цены подчас "задирали" не только частники, но и официальные власти. Так, в 1927-м в Мурманске в числе прочего построили четыре двухэтажных дома, в которых смогли поселиться только служащие, имевшие высокую зарплату. "Если квартирную плату понизить, дома будут убыточными, - разъяснял недовольным горожанам положение дел прокурор Мурманского округа Ленинградской области Григорий Васильевич Сироткин. - Для постройки этих домов была получена из Центрального банка ссуда на 10 лет, взятую ссуду надо покрыть, и вот с покрытием этой ссуды тесно связан вопрос с квартирной платой, она рассчитана так, чтобы можно было безболезненно покрыть коммунальные расходы, амортизацию, гасить взятую ссуду и проценты по ней. Если бы горсовет не принял этого решения, то в результате откуда-то ежегодно нужно было бы изыскивать 12000 рублей для покрытия ссуды".

Крайне низким оставалось качество жилищного строительства. "Полы в новых домах такие, что ладонь в щели помещается, - жаловались в 1927 году новоселы заполярной столицы. - Жильцы нижних этажей испытывают большие неудобства. Достаточно в верхнем этаже плеснуть немного воды, как нижние жильцы бывают окачены с головы до ног". К 1930 году ничего не изменилось. Вновь выстроенный двухэтажный дом на улице Сталина "едва не развалился пополам, всей тяжестью покачнувшись в одну сторону". В другом здании, готовом к сдаче, обвалился потолок. "Эти недавно отстроенные дома, - резюмировала "Полярка", - уже требуют капитального ремонта, требуют больших переделок многих деталей, как-то: печей, полов, дверей, окон и т. д.".

Так, преодолевая трудности, изживая болезни роста, застраивалась заполярная столица в конце 20-х. Некоторые детали мурманской жизни тех лет вполне можно спроецировать на день сегодняшний. Другие же черты прошлого кажутся нам теперь чистой экзотикой. К примеру, в конце Ленинградской улицы тогда заготавливали камень, подрывая скалу динамитом, и булыжники после взрывов регулярно залетали в окна окрестных домов. Дорожно-транспортные происшествия происходили с участием лошадей. В прессе сообщалось, что "извозчик Дьяков, проезжая по ул. Коминтерна, сшиб с ног трехлетнюю девочку". А еще - 27 апреля 1928 года, почти за 30 лет до выхода на экраны рязановской "Карнавальной ночи", в клубе Совторгслужащих была прочитана лекция на классическую тему "Есть ли жизнь на Марсе?". Близились 30-е - эпоха пятилетних планов и большого террора, индустриализации и высокоширотных арктических экспедиций. Мурманску вновь предстояло измениться.

Дмитрий ЕРМОЛАЕВ,
сотрудник Государственного архива Мурманской области.
Фото из фондов ГАМО.

"Вечерка" в нашем микрорайоне

Сердце Первомайского округа

Северное Нагорное - один из самых необычных районов Мурманска. Прежде всего необычна его история. С одной стороны, это один из самых молодых районов, а с другой - один из самых старых.

ВСЕ НАЧИНАЛОСЬ С БАРАКОВ

Поселок Нагорное возник в первой половине 20-х годов прошлого века возле карбасной мастерской на берегу залива. Селились здесь переселенцы и колонисты. Во время войны с Финляндией поселок разросся за счет военных частей. Во время Великой Отечественной войны Нагорное в отличие от всего Мурманска почти не пострадало - видимо, барачному поселку фашисты не придавали никакого значения.

После войны бараки поселка раскинулись от современной улицы Беринга до нынешней улицы Копытова. Рабочий поселок Нагорновский образован Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 1 августа 1951 года на территории Кольского района. Через два года, 5 августа 1953 года, Нагорновский был передан в административное подчинение Мурманскому горсовету, а еще через пять лет, 30 сентября 1958 года, включен в черту города.

Рассказывают, что своим современным обликом Северное Нагорное обязано Председателю Совета Министров СССР Андрею Косыгину. Он, посещая в конце 60-х Мурманск, удивился: "Что же у вас при въезде в город развалюхи?". Так в 70-80-х весь район и превратился в огромную стройплощадку. Разом появились кварталы современного Первомайского округа.

ЛЕГЕНДАРНОЕ МЕСТО

Самое узнаваемое место Северного Нагорного - это перекресток Кольского проспекта, улицы Беринга и улицы Баумана.

- Это наша площадь Пять Углов, - смеется Нина Ивановна Сидорова, которая согласилась стать гидом "Вечерки" в путешествии по Северному Нагорному. - А что? Пять Углов - центр Мурманска, а здесь - самый центр Первомайского округа, его сердце. И здесь ведь располагается самое первое каменное здание Первомайского округа - знаменитая "Мордобойка". Сейчас в этом здании кафе "Лакомка".

О да, "Мордобойка" - место практически легендарное для Мурманска. В советские годы это была известная всему городу пивная - единственная в Первомайском районе пивная. В ней собирались вернувшиеся из рейса моряки и работники СРЗ и других "сухопутных" организаций. Почему именно это скромное заведение пользовалось такой бешеной популярностью и почему именно сюда ехали мужики со всего города - загадка. Но то, что посиделки за кружкой пива там чуть ли не каждый вечер превращались в драку - исторический факт. Отсюда и появилось народное название - "Мордобойка". Пивнушка, кстати, просуществовала недолго, но и сейчас, через 40 с лишним лет, в троллейбусе нет-нет да и услышишь: "У "Мордобойки" выходите?".

ОВРАГ С ПЕРСПЕКТИВАМИ

- Давайте пройдем вдоль ручья, - предлагает Нина Ивановна.

- Какого ручья? - удивляемся мы.

- Так вот же, в овраге ручей течет, - показывает наш гид. - Одни говорят, что он называется Глубокий, другие - Чистый. Хотя, конечно, сейчас ему до чистого далеко. Но я слышала, что здесь будут делать большой парк. Скорее бы!

Мы идем по площади возле дома № 101 на Кольском проспекте, и Нина Ивановна рассказывает, какие здесь были шумные и веселые праздники. Здесь была настоящая сцена, выступали артисты. Вся "Первомайка" собиралась! А зимой здесь традиционно делают лучшую в Мурманске снежную горку.

- В прошлом году мы узнали, что прямо на этой площадке хотят построить "Макдоналдс", - говорит мурманчанка. - Неравнодушные люди начали подписи собирать против этой стройки, обращаться в администрацию города. Хорошо, что власть нас услышала и "Макдоналдс" перенесли южнее. Я лично не против такого кафе, оно ведь, по сути, детское, безалкогольное, и курить там нельзя. А детей здесь гуляет много. Набегается ребенок на свежем воздухе, а перекусить-то и негде. Так что детское кафе нужно. Но наша площадь - это все же место для праздников, а не для кафе. Я очень надеюсь, что ее скоро благоустроят и самое главное - запретят здесь ставить машины.

"АТЛАНТИКУ" СТРОИЛИ ПО-ПАРТИЗАНСКИ

По народной тропе мы проходим вдоль оврага и выходим к кинотеатру "Атлантика". С ним тоже связана городская легенда. Рассказывают, что когда Северное Нагорное застраивали, по проекту это был исключительно "спальный" район. И кинотеатр здесь не планировался. Тогдашнему городскому руководству не удалось убедить московское начальство, что такое учреждение культуры в новом микрорайоне просто необходимо. И тогда градоначальники пошли на хитрость, граничащую с авантюрой, - самовольно изменили проект застройки, вписав туда кинотеатр. Так что "Атлантика" строилась почти по-партизански, ни в каких отчетах, отправляемых в Москву, не фигурировала. И о ее существовании столичная комиссия узнала только тогда, когда приехала принимать новопостроенный район Мурманска. Был скандал, лавина выговоров, но потом все утихло: уж больно гармонично кинотеатр вписался в застройку, да и не сносить же его было!

А ПАМЯТЬ СВЯЩЕННА!

- А район благоустраивается до сих пор, - продолжает Нина Сидорова. - Несколько лет назад построили новый стадион возле гимназии № 10. Буквально прошлым летом появился стадион возле школы № 20 и там же красивая детская площадка. Эти стадионы никогда не пустуют, там всегда полно и подростков, и молодежи. Смотрю на них и радуюсь.

Короткую экскурсию по Северному Нагорному мы закончили возле детской поликлиники № 4. На этом здании размещена мемориальная доска в честь Героя Советского Союза Ивана Бочкова. В его честь названа улица, на которой стоит поликлиника.

- Здесь часто проводят митинги памяти и школьники, и ветераны, - говорит Нина Ивановна. - Не забывают героев, отдавших жизни за наш родной Мурманск. А мы стараемся сделать его краше и уютнее. Вот прошлым летом мы с подружкой взяли у вас в "Вечерке" несколько кустов спиреи, посадили возле дома. Очень боялись, что поломают или затопчут, поэтому огородили нашу посадку. Теперь с нетерпением ждем весны, очень надеемся, что наша спирея прижилась и будет еще долго радовать и нас, и другие поколения мурманчан!

"Через четыре года здесь будет город-сад"

Ни один район Мурманска не рос такими быстрыми темпами, как Роста

Кажется, именно этим людям посвятил свое стихотворение Владимир Маяковский, герои которого синеющими от холода губами шептали, что они построят город-сад. Наверное, время было такое. По всей стране разворачивались комсомольские стройки. Десятки, а то и сотни тысяч молодых парней и девчат отправлялись на край света создавать светлое будущее. Мало кто знает, но первая комсомольская стройка в нашей области была развернута на месте, которое потом стало микрорайоном Мурманска, сохранившим, правда, название еще того, первого поселка, - Роста.

Но тогда здесь был только голый берег, на котором возвышалось лишь несколько строений подсобного хозяйства тралфлота. Дороги в Мурманск не было. Поэтому молоко и другую продукцию подхоза отправляли в город на карбасах по заливу.

В 1935 году тысячи юношей и девушек приехали сюда со всей страны строить судоремонтный завод Главсевморпути, жилье и железную дорогу. Жили они в палатках, работали много, но еще и умудрялись в свободное время сажать деревья. Потому что были уверены: даже на Крайнем Севере люди должны жить среди красоты. А комсомольцы-строители возвели одну из первых кирпичных школ в Мурманске и Дом культуры судоремонтников (теперь это Дом офицеров, в котором разместился и музей Северного флота).

Начало строительства судоремонтного завода Главсевморпути.

ГРАНДИОЗНАЯ СТРОЙКА

- Это была грандиозная стройка, - говорит старожил Росты Вячеслав Генералов. - Сейчас трудно представить ее размах. Даже при современных технологиях вряд ли бы нам удалось сделать нечто подобное за те же сроки. А наши бабушки и дедушки на голом берегу, среди скал, орудуя ломом и лопатой, сделали, казалось бы, невозможное.

Вячеслав Николаевич всю жизнь проработал на судоремонтном заводе в Росте, выйдя на пенсию, возглавил совет ветеранов этого предприятия. Он уже много лет по крупицам собирает историю строительства завода и микрорайона.

Вячеслав Генералов уверен, что место для строительства завода и поселка Роста было выбрано не случайно. Важным аргументом было то, что Кольский залив не замерзает. Это позволяло осуществлять круглогодичный ремонт ледокольного флота. В район нынешней Росты геодезисты пришли в 1934 году. А уже в 35-м сюда приехали первые строители.

Поначалу не все шло гладко. В 1937 году Главное управление Северного морского пути (ГУСМП) проверило строительство и отметило его неудовлетворительный ход. В приказе отмечались недопустимая медлительность, путаница и неорганизованность проектно-сметного хозяйства и безответственное отношение к геологическим изысканиям.

"Враги народа, пробравшись к руководству строительством завода, использовали недостатки строительства во вредительских целях, а работники строительства и Главсевморпути не взялись по-большевистски за выполнение директив партии и правительства об удешевлении строительства, снижении его стоимости и укреплении хозрасчета", - резюмировали итоги своей работы проверяющие.

- Чтобы исправить положение, - говорит Генералов, - решено было назначить отвечающим за стройку Ивана Папанина. Он тогда был первым заместителем начальника Главсевморпути. Отто Юльевич Шмидт больше наукой занимался, от него финансовые вопросы далеки были. А Папанин очень энергично взялся за дело.

И уже в октябре 1938 года была введена в строй первая очередь Мурманского СРЗ Главсевморпути - заработали кузнечный, литейный, механический цеха и ряд вспомогательных производств. Уже тогда стали ремонтировать суда.

"Первые строители возводили не только завод и жилье, но и Дом культуры, который теперь стал Домом офицеров и музеем Северного флота", - рассказывает Вячеслав Генералов.

В 1939 году были сданы в эксплуатацию инструментальный и ремонтно-механические цеха. В мае 1942-го закончено строительство двух камер сухого дока 200 и 115 метров, началось возведение большого корпусного по металлу дока.

БУРНЫЙ РОСТ РОСТЫ

В апреле 1939-го в Мурманске образованы три района: Ленинский, Кировский и Микояновский. Центром первого стала Роста. Всего за три года здесь построили 377 домов, две школы, несколько детских яслей и садов, банно-прачечную, две столовые, свыше 15 магазинов и ларьков, а также хороший клуб, электростанцию. Поселок соединили с городом шоссейная и железная дороги.

- В "Полярной правде" тогда писали: "Можно с уверенностью сказать, что ни один район не рос и в дальнейшем не будет расти столь же быстрыми темпами, как Ленинский", - делится Вячеслав Николаевич.

В войну судоремонтный завод не только ремонтировал советские и союзнические суда, но и выпускал минометы, мины и гранаты. Территорию завода тогда постоянно бомбили. Поэтому для более безопасной и бесперебойной работы было принято решение вывезти станочный парк в поселок. Всего за шесть суток были изготовлены фундаменты под металлорежущие станки и проведено электричество. Оборудование и станки ночью перевозили с завода в бараки. Во дворе домов № 5 и 7 на улице Нахимова и сегодня можно увидеть остатки тех фундаментов.

На этой же улице прямо в центре Росты находится библиотека. До передачи в муниципальную собственность она имела статус заводской. Профком предприятия на приобретении литературы денег не экономил, фонд по тем временам был богатый. В конце 90-х годов библиотека переживала тяжелые времена. Она находилась в таком аварийном состоянии, что ее вынуждены были на время закрыть. Персонал занялся спасением книг. Пол в помещениях сгнил, так что стеллажи с книгами приходилось периодически перемещать в более безопасные места. Но на встрече с мэром Олегом Найденовым от имени совета ветеранов завода ему была передана просьба принять неотложные меры по спасению библиотеки. И библиотека была спасена.

Рядом с библиотекой сегодня стоит обновленный кинотеатр "Аврора". Уже в наши дни его тоже удалось спасти усилиями городских властей.

КОЧУЮЩИЙ ДОМ

В послевоенные годы Вячеслав Генералов жил в одном из деревянных домов на склоне сопки - в Нижней Росте. А рядом стоял дом деда Ильи Курьянова. Когда началась война, старик разобрал свое жилище и перевез его подальше от бомбежек. А как отбросили фашистов от Мурманска, вернул строение на прежнее место. Но на этом история кочующего дома не закончилась. Когда сыну Ильи Курьянова выделили квартиру, то поставили условие: ордер не выдавать, пока не будет снесена та деревянная изба. Но дед ни в какую не соглашался переезжать. Тогда его сын Константин нашел выход. Вместе с друзьями быстро разобрали строение, бревна сложили, прикрыли толем. После того как комиссия убедилась, что дома нет, ордер Курьянову выдали, и он тут же сам собрал и поставил на место избушку. Так что ростинцы всегда славились своей смекалкой и умением работать.

А вот улица Ивана Сивко для Вячеслава Генералова связана с историческим казусом, который пришлось исправлять. Как-то обратил внимание, что на всей улице нет мемориальной доски Герою Советского Союза Сивко, морскому пехотинцу, который погиб 2 августа 1941 года на правом берегу реки Западная Лица, подорвав последней гранатой себя и окруживших его фашистов.

- Непорядок, - решил ветеран и обратился к властям города Мурманска с просьбой установить памятную доску. 5 мая 2007-го она появилась. А потом Генералов нашел в архиве упоминание, что доска в память о Иване Сивко была и прежде. Существовала даже ее фотография. Вероятнее всего, при сносе дома, на котором она была установлена, строители ее просто "потеряли".

А вот загадку памятника Героям-североморцам даже старожил Росты Вячеслав Генералов отгадать не может. Хотя видел, как создавался и устанавливался мемориал.

- В 1974-м Мурманск готовился праздновать очередную дату разгрома фашистов в Советском Заполярье, - вспоминает он. - Времени на подготовку, как всегда, не хватало. Памятник делали на нашем судоремонтном заводе. По представленному заводчанам рисунку невозможно было понять, что хотел изобразить автор. Поэтому пришлось делать конструкторскую проработку. Этим занимались специалисты-корпусники ОКТБ "Восход". Но все равно было непонятно, что изображает памятник. Мне он напоминает кормовой подзор тонущего корабля. А одному из бывших руководителей округа в нем виделось крыло падающего самолета.

Рассказывая о достопримечательностях Росты, нельзя обойти вниманием еще один памятник. Появился он здесь в трудное время - в конце 90-х прошлого века, когда страна переходила на рыночные отношения и было, в общем-то, не до мемориалов. Именно тогда ветераны судоремонтного завода решили, что необходимо увековечить память тех, кто, живя в палаточных городках, на голых скалах строил светлое будущее. И добились-таки заводчане своего! В октябре 1998 года такой памятник был установлен на улице Торцева, неподалеку от музея Северного флота.

Наталья ГРЕЧИНА.

Мурманские метаморфозы

Сто страниц истории к 100-летию Мурманска

1927 год. В СССР создается Осоавиахим - Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству, происходит сильнейшее землетрясение в Крыму, начинается строительство Днепрогэса. В Варшаве от рук русского эмигранта гибнет советский полпред в Польше Войков. Угар НЭПа. Перелом эпох. Время действия романа Ильфа и Петрова "Двенадцать стульев". Время, когда не только в книгах, но и в жизни существовали великие комбинаторы, осуществлявшие грандиозные аферы. Время, когда в Мурманске начинался строительный бум и строящиеся объекты претерпевали порой самые невероятные метаморфозы. О двух таких случаях я и напишу.

ИНЖЕНЕР-САМОЗВАНЕЦ

В начале 1927 года в заполярной столице появился человек, назвавшийся инженером Севенардом. На самом деле он был студентом-недоучкой, с грехом пополам окончившим три курса института путей сообщения. Но губернский центр тогда настолько нуждался в кадрах, что его немедленно приняли на должность заведующего мелиоративным отделом губземуправления. В мае на заседании стройсекции губплана он сделал доклад, ставший точкой отсчета одной из самых масштабных для Мурманска тех лет строительных катастроф. Севенард поднял вопрос о сооружении большого лесопильного завода. Предполагалось, что он будет приносить ежемесячно 2250 рублей прибыли и всего через полтора года полностью себя окупит.

Идею липового инженера руководство города и региона приняло на ура. "Были приняты во внимание, - сообщала 14 апреля 1928 года "Полярная правда", - и общая ситуация рынка, и отдельные конъюнктурные показания: все сулило большие выгоды. Широкие перспективы работы на заграничный рынок туманили взоры хозяйственников, и в воздухе, казалось, реял первый пронзительный гудок будущего завода". Обсуждалось несколько вариантов места постройки: в городской черте и за пределами Мурманска - на противоположном берегу Кольского залива. Итог дискуссии подвели на пленуме коммунальной секции Мурманского горсовета. В протоколе пленума, хранящемся ныне в Государственном архиве Мурманской области, особо отмечена "нецелесообразность постройки лесопильного завода на Дровяном, т. к. лесопильный завод будет обслуживать город и оторванность его от города будет лежать накладным расходом по перегрузке материалов через залив". Строить решили на мысе Халдеев.

ВМЕСТО ЗАВОДА - САРАЙ

Разработку проекта завода поручили Севенарду. Мурманский собрат великого комбинатора понятия не имел, как это делать, но все же состряпал какой-то полуграмотный эскиз, который, ничтоже сумняшеся, и представил на утверждение. Как оказалось, его уверенность в благополучном исходе дела имела некоторые основания. Дальнейшая судьба "проекта" наглядно демонстрирует "неисповедимость" бюрократических путей в Мурманске второй половины 20-х. Эскиз завода попал в строительную секцию губплана к "научному сотруднику" Кошелеву, компетентность которого ни в чем не уступала компетенции Севенарда. Кошелев передал "проект" инженеру Гольтякову. Гольтяков изучил его и внес некоторые изменения, не отразившиеся, впрочем, на общем уровне документа. После этого "проект" вернули Севенарду и работа закипела.

Стройка, начавшаяся летом 1927-го, продолжалась 10 месяцев. А потом случилось то, что должно было случиться. Помимо безграмотности проекта обнаружились и другие факторы, превращающие мурманский лесопильный завод в чистую утопию: отсутствие свободной площади для хранения разделанного леса, а также достаточного места для разворота бревен при подаче к крану, отсутствие подъездных путей, пресной воды для питания цилиндра двигателя и бассейна для подлежащих разделке бревен. Кроме того, имелось, буквально как у Ильфа и Петрова, полное "наличие отсутствия" самого Севенарда, после утверждения проекта утратившего к нему всякий интерес и переключившегося на другие объекты. В результате здание лесопильного завода, который должен был вывести экономику Мурманска на новый уровень, перепрофилировали в... обыкновенный сарай. 21224 рубля, оторванные от весьма скромного городского бюджета, приказали долго жить. А закончилось все судом, приговорившим Севенарда к двум с половиной годам заключения. Однако строитель особо ценного, учитывая затраченную на него сумму, сарая сумел вывернуться и из этой ситуации: он попал под амнистию и срок ему уменьшили ровно наполовину.

Сквер у памятника Жертвам интервенции. 1930-е годы.

МЕСТО ПОХОРОН - ФУТБОЛЬНАЯ ПЛОЩАДЬ

Не менее интересна и метаморфична история мурманского сквера, расположенного на улице Ленинградской. Изначально это место предназначалось не для тихих прогулок в тени деревьев, а для спортивных баталий. Задолго до сквера там был стадион, устроенный в новоосновании городе на берегу Кольского залива англичанами. При интервентах обширный пустырь, приспособленный для спортивных состязаний, именовали английским футбольным плацем. Его судьба резко изменилась после произошедшего в Мурманске 21 февраля 1920 года антибелогвардейского переворота. Вскоре после смены власти в адрес красного ревкома поступила телеграмма из Йоканьги, где при белых располагалась тюрьма, известная суровостью режима и жестокостью начальства. В телеграмме сообщалось, что сотни только что освобожденных политкаторжан ждут срочной помощи. Положение их отчаянное - ежедневно от дизентерии и цинги умирает несколько человек. Мурманский ревком немедленно отправил в Йоканьгу пароходы, всех бывших заключенных приняли на борт и доставили в заполярную столицу. Истощенные, изможденные до крайней степени люди не выдерживали и гибли в пути. "По дороге в Мурманск умерло 11 (человек. - **Д. Е.**), в лазаретах умерло более 10 - только потому, что ранее у белых больным не была оказана медицинская помощь", - возмущались мурманские "Известия".

Похороны жертв Йоканьгской каторги. Мурманск, 10 марта 1920 года.

Встал вопрос о похоронах. Хоронить собирались торжественно, в черте города, чтобы впоследствии это захоронение стало мемориалом. Но где найти подходящее место? В итоге решили использовать единственную свободную площадку в центре города - стадион. Объявление в "Известиях", оповещавшее население о захоронении, так и заканчивалось: "Место похорон - футбольная площадь".

Скорбная церемония состоялась 10 марта 1920 года в полдень. "Рабочие организации представили несколько венков, - писали "Известия". - От всех организаций были депутации. Гробы, украшенные красной материей, несли на руках рабочие депутаты. Участвовали матросы и красноармейцы". Докладчик от политического отдела (1 стрелковой дивизии. **- Д. Е.**) тов. Иванов говорил, что нужно не плакать, а помнить, что пока есть буржуазия, будут подобные Йоканьги для рабочих и крестьян... После пения похоронного гимна собрание на братской могиле объявлено было закрытым".

ФУТБОЛ, ОРЛЯНКА И ВЫПАС СКОТА

Стадион в одночасье переименовали в площадь Свободы, которая сразу же стала местом проведения митингов и демонстраций. Постепенно захоронение расширялось - рядом с жертвами Йоканьги погребали мурманчан, погибших при различных обстоятельствах на суше и на море. Всего там нашли последний приют 136 человек. Тем не менее рядом с братской могилой по-прежнему продолжались футбольные состязания и, по крайней мере до середины 20-х, на краю площади сохранялась черная доска для объявлений, на которой по-английски значилось "Sport notices" - "Спортивные известия".

В 1925 году на площади Свободы, получившей к тому времени еще одно имя - Жертв революции, разбили газоны и проложили песчаные аллеи. Там же находилась декоративная арка, ставшая одним из первых мурманских архитектурных изысков. Но далеко не все жители заполярной столицы осознавали общественную значимость этого места. Газоны пересекали многочисленные "народные тропы", а на подросшей траве горожане пасли скот. Сама площадь активно использовалась для азартной игры в орлянку. "Группа человек 35, - описывала ситуацию "Полярная правда" 28 июня 1927 года, - безработные, кричат:

- Круг шире.

- А что?

- Вот что, пять копеек есть метать? Кто хочет ставить?

- Давай рубль, - кричит один.

- Три рубля, - второй кричит и пошли метать".

В криминальной хронике тех лет зафиксированы факты проигрыша таким образом довольно крупных денежных сумм.

В конце июля 1927 года начался сбор средств на постройку на площади памятника, который сначала именовали Борцам революции, потом Жертвам революции и, наконец, Жертвам интервенции. "Проект памятника составлен инженером Савченко, - писала "Полярка" 20 сентября 1927 года, - и представляет из себя большое сооружение, расположенное на площади в 55 квадратных метров и состоящее из 22-х колонн и 3 площадок для публики, для оркестров и для установки знамен. На этом сооружении будет также установлена статуя т. Ленина". Памятник был торжественно открыт 7 ноября 1927 года в день десятой годовщины Октябрьской революции. Выглядел он тогда чуть иначе, чем теперь. Слегка отличалась от нынешней и надпись на монументе. "Жертвам интервенции 1918-1920 гг. От мурманских рабочих и рыбаков", - значилось на ней. В 1930 году вокруг памятника начали закладывать сквер, который в конце концов и придал площади ее нынешний вид.

Я описал лишь два эпизода из богатейшей строительной истории заполярной столицы. На самом деле случаев, когда те или иные объекты в процессе сооружения или после, подчас годы спустя, меняли свое предназначение, - множество. Такая уж была эпоха. 1927 год. Угар НЭПа. Время становления Мурманска.

Дмитрий ЕРМОЛАЕВ,
сотрудник Государственного архива Мурманской области.

Продолжение следует.

Город контрастов

Сто страниц истории к 100-летию Мурманска

Мурманск начала 20-х годов минувшего века был, несмотря на юный возраст, городом с богатым прошлым. Основанный еще при царе, он успел узнать власть Временного правительства, Краесовдепа, белых и красных. Через него прошли люди десятков, если не сотен национальностей: от китайцев и корейцев до австралийцев и новозеландцев. А еще заполярная столица являлась в ту пору городом контрастов - начиная с пейзажа, в котором окаменевшие волны окрестных сопок перемежались с болотистыми низинами, продолжая населением, включавшим в себя и вывезенных на Север до предела истощенных голодающих Поволжья, и так называемых бывших - дворян, купцов, в том числе владевших прежде миллионными состояниями, ожидавших возможности выехать за рубеж. И заканчивая архитектурным обликом, совмещавшим землянки и добротные деревянные дома.

Мурманск начала 20-х. Деревянные бараки, жилые вагоны и обилие парных будочек.

ВСЕ РАЗБРОСАНО КАК ПОПАЛО

Жизнь краевого центра тех времен имела характер до некоторой степени анархический. "Находящиеся в Мурманске граждане живут без всяких прописок и паспортов, - писал в докладной записке, хранящейся ныне в Государственном архиве Мурманской области, член губисполкома Дроздов, анализируя ситуацию за 1922 год. - Кто здесь живет, откуда прибыл и зачем - никому не известно. Получить какую-либо справку о том или ином проживающем лице совершенно невозможно". Жилищный кризис, начавшийся буквально с самого рождения города, и не думал ослабевать, всерьез обсуждался вопрос о перенесении некоторых, используя современную терминологию, управленческих структур в Дровяное. Застройка заполярной столицы отличалась почти полной бессистемностью. "Здесь, - сообщал один из горожан в 1924 году в журнале "Вестник Мурмана", - вы можете встретить приспособленный для жилья снятый с колес товарный вагон или просто ящик, красные фанерные бараки и бревенчатые дома, напоминающие обыкновенные русские постройки. Это все разбросано как попало, между ж/д путями, на холмах, по дорогам". "Губернский город Мурманск, - вторил ему со страниц "Полярной правды" первый председатель Мурманского горсовета Александр Меллер, описывая краевой центр образца 1923 года, - совсем не похож на город. "Чемоданы", бараки... Нет ни одного нового дома. Жителей в городе больше 5000. Порт только называется торговым, товары через него не идут, ввозят преимущественно уголь для железной дороги. В порту стоит арестованный английский тральщик, ловивший рыбу в наших водах. Назревает ультиматум Керзона. У служащих еще существуют пайки. Деньги считают миллиардами".

ТРЕХМИЛЛИОННЫЙ МУРМАНСК

Несмотря на столь незавидное положение, будущее основанного осенью 1916 года на берегу Кольского залива города представлялось мурманцам (слово "мурманчане" войдет в оборот позднее) в самом радужном свете. "Снегу нет, - предрекал автор статьи "Все прекрасное впереди. Первое мая на Мурмане в 2423 году", напечатанной в "Полярке" полутысячелетием ранее, - нагрели Гольфштрем исполинской электрической печкой, и потеплел Мурман так, что заросли морошки и брусники на горах разрослись в настоящие тропические леса... Все по-новому: в порту грузятся тысячи судов... в роскошном здании музея показывают под стеклом "настоящий жилой барак" нашей эпохи".

"К огромному красивому зданию Дворца ученых, находившемуся на проспекте Ленина и выстроенному из лучшего тивдийского мрамора, вывезенного из Карелии, - начинал рассказ "В 2023 году" его автор М. Занд, - подъезжали один за другим автомобили. Улица была запружена народом. Казалось, все трехмиллионное население Мурманска было занято одной мыслью: действительно ли сегодня подтвердятся предположения профессора Вавилова, опубликованные им в печати. На крышу Дворца ученых на особо устроенную площадку то и дело спускались, чтобы высадить пассажиров - иностранных ученых, и снова улетали аэропланы". Заводы в том, грядущем, Мурманске занимали целые кварталы, жители разговаривали "по беспроволочному телефону", ездили по электрифицированной железной дороге, летали в "Советскую Англию" и на Северный полюс, покрытый зеленой травой.

Центр города - улица Ленинградская. 1927 год. Фото Ф. Ф. Турчанинова.

ИЗ КУЛЬТУРНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ - ПАРНЫЕ БУДОЧКИ

Что ж, если окружающая действительность слишком уж неприглядна, именно мечта, пусть даже такая, резко контрастирующая с реальностью, позволяет хоть как-то примириться с настоящим. Когда писались приведенные выше строки, руководитель побывавшего в краевом центре с гастролями в 1923 году Петроградского государственного передвижного театра Павел Гайдебуров самые яркие впечатления о заполярной столице сформулировал так: "Из местных культурных мероприятий обращают на себя внимание обильно рассыпанные повсеместно парные будочки. По загрязнению можно судить, что пользуются всеобщими симпатиями. Запоров нет.

- Как же вы пользуетесь ими? Хоть бы веревочки навязали.

- Так и пользуемся. Сидишь и сам караул несешь, заметил в щелочку, что женщина направляется, сейчас даешь окрик".

Это можно было бы счесть анекдотом, рассказанным заезжей знаменитостью, но Меллер свидетельство Гайдебурова полностью подтверждает. "Множество уборных, - вспоминал он краевой центр начала 20-х, - и во всем сквозит "политика открытых дверей" (двери пошли на топливо)". Сейчас подобные нюансы городской жизни тех лет кажутся забавными. Тогда они считались наследием проклятого прошлого, от которого нужно избавиться как можно скорей. И немудрено. Помимо чисто внешней непривлекательности, тесноты и отсутствия элементарных удобств существование во многих "раннемурманских" сооружениях имело и другие последствия. "Что такое "чемодан", знает каждый мурманский обитатель, - повествовала "Полярная правда". - Это железный сарай, некогда построенный английскими интервентами. Жизнь в таком "чемодане" тягостна и мучительна". Далее пояснялось, что, по данным северных медиков, дети, проживающие в подобных постройках, - сплошь рахитики, а взрослые страдают малокровием и туберкулезом.

Еще один парадокс-контраст заполярной столицы состоял в том, что многие мурманцы воспринимали ее как нечто отдельное от остальной российской державы. "Город населен пришельцами, соблазненными перспективами наживы, и служащими, заманенными хорошими окладами и пайками, - отмечали в 1921 году посетившие Мурманск вологодские экскурсанты. - Все мечтают вернуться в "Россию". Это выражение встречается постоянно". "Город новый, от "России" далеко", - констатировал спустя семь лет на страницах "Полярной правды" ее корреспондент А. Лесной. Соответственно стратегической задачей, стоявшей перед советским государством, было среди прочего освоение здешних мест до такой степени, чтобы они не оставались чужеродными, обособленными от "Большой земли", развитие краевого центра от специфического, экстремального, находящегося на грани выживания поселения до уровня нормального, обычного российского города. Одним из способов ее решения стало строительство нового, социалистического Мурманска.

Авторы книги "Улицы Мурманска" Алексей Киселев и Михаил Тулин отмечали в истории застройки города "три слоя: первые дома, бараки и землянки... двухэтажные деревянные дома... каменные здания". Первый слой, ассоциировавшийся со старой, дореволюционной Россией, должен был исчезнуть.

СТРОИТЕЛЬНАЯ ЛИХОРАДКА

Однако скоро, как известно, только сказка сказывается. Жилищное строительство заполярной столицы становилось на ноги не сразу, постепенно. В 1921 году было сдано 232 м² жилья, в 1922-м - 300. Только в 1923-м обозначается ощутимый рост - 1008 м² жилой площади, а в следующем году - уже 2136 м². "Появились первые новые дома Исполкома, Севкорыбы (Северного кооперативного объединения для эксплуатации рыбо-звериных промыслов. - **Д. Е.**)... Морагента и др., - рисует Меллер в 1928 году портрет Мурманска начала 1924-го. - Мурманский порт впервые работает как коммерческий порт. Ввозят хлопок, вывозят хлебные грузы. Население растет". "В юго-восточном направлении от станции жел. дор., - конкретизирует тогда же в "Вестнике Мурмана" очевидец происходившего, - уже построен ряд домов двухэтажных, с архитектурными принципами, большими окнами - теплых, постоянного типа; еще большее количество таких зданий строятся и столько же ожидают очереди, оставаясь в проекте. Это начало будущего Мурманска". "Строительное дело в городе приняло характер "строительной лихорадки", - утверждал в том же номере некто, укрывшийся за инициалами А. Х. - Не проходит недели, чтобы в пределах Мурманска не появлялся новый дом, а иногда и несколько сразу. Строит Откомхоз (отдел коммунального хозяйства. - **Д. Е.**), Мурм. жел. дор., отдельные ведомства и учреждения, так называемое почтовое ведомство намерено построить в ближайший год до 15 зданий. Это усиленное создавание города вызвано, по-видимому, культурно-экономическим развитием как самого города, так и всего края в целом".

Так начинался второй из обозначенных Киселевым и Тулиным периодов застройки краевого центра - время деревянных двухэтажек. Правда, проклевывались пока лишь первые ростки будущего города, но мурманцы продолжали мечтать, по-прежнему предвкушая появление на Кольском полуострове крупнейшего мирового порта. "Я не вижу хибарок, - говорит герой опубликованного в 1923 году в "Вестнике Мурмана" рассказа "Осипыч". - Я вижу двадцати - тридцатиэтажные дома, я слышу кипение жизни русского Нью-Йорка, пристань, полную громадных океанских пароходов, гул работы в глубине подземных шахт, выкидывающих из недр земли неисчислимые богатства...". Но до воплощения мечты в жизнь, до преодоления контраста между ожидаемым светлым будущим и суровым настоящим было еще далеко.

Дмитрий ЕРМОЛАЕВ,
сотрудник Государственного архива Мурманской области.
Фото из фондов ГАМО.

Продолжение следует.

Заполярная столица: между мечтой и реальностью

Сто страниц истории к 100-летию Мурманска

В Мурманске, как, может быть, нигде более, тесно переплетены между собой мечта и реальность, прошлое и будущее. Уже само появление на этих северных широтах полумиллионного мегаполиса - а к концу советской эпохи областной центр был именно таким - всего за десяток лет до его основания могло показаться маниловщиной, беспочвенным прожектерством. А теперь уже тот город - пятисоттысячник - воспринимается юными мурманчанами как нечто давнее, нереальное. О мечтах и реалиях, соединенных в истории заполярной столицы, я и напишу.

ОЛЕНЬИ БЕГА НА КИЛЬДИНЕ

Большое будущее нашему краю предрекали давно, но более или менее явственно контуры грядущей светлой жизни, связанные в том числе и с созданием незамерзающего порта, стали проступать только во второй половине XIX века. Известный писатель Василий Иванович Немирович-Данченко, проницая время, утверждал в 1877 году, что на землях дикой Лапландии вырастут "торговые города… Глушь ее и захолустье прорежутся дорогами. Номады-оленеводы обратятся в оседлых промышленников, и на месте нынешнего царства смерти и безлюдья возникнет живая и кипучая деятельность трудового населения, явятся центральные рынки, и могучая воля человека сумеет вызвать к жизни и недра гранитных гор, и непроходимые дебри земли лопской. У мрачного полюса будет отнята человеком еще одна страна, еще раз мысль и энергия восторжествуют над слепыми силами природы!".

В 1895-м журналист Евгений Львов, побывав в Екатерининской гавани, на берегу которой позже вырос Александровск - нынешний Полярный, предсказал уже и некоторые детали быта еще не построенного краевого центра. "Лет через 25, - пояснял он в книге "По студеному морю", - Екатерининская дума заговорит о канализации города, а репортеры Екатерининского или вообще Мурманского вестника будут сообщать местным читателям об оленьих бегах на острове Кильдине и о том, что тотализатор вчера за такого-то оленя-победителя выдал выигравшим такую-то сумму".

Вот уж точно, чем безнадежней настоящее, тем ярче греза. Когда писались приведенные выше строки, наиболее распространенными типами поселений на Кольском полуострове были колонии и становища. О первых местный уездный исправник в отчете за 1885 год, который хранится ныне в Государственном архиве Мурманской области, доносил вышестоящему начальству, что "колонии, где поселяются русские, есть не что иное, как… несколько изб, построенных тесно между собою, так что развести огород и думать нечего, потому что даже негде поставить отдельного хлева для скота, а через это беспрерывные ссоры колонистов между собою и с промышленниками из-за того, что скот, разгуливая по колонии, портит промысловые снасти… Такие колонии чем будут становиться населеннее, то спорных дел будет становиться больше, а пользы никакой". О втором, предназначенных для житья во время рыбных промыслов, категорически отозвался побывавший на Мурмане в том же 1885-м поэт Константин Случевский, отметивший, что в этих временных пристанищах

"…помору хуже:
тут, как и в море,
вечно сир и нищ,
живет он впроголодь,
а спит во тьме и стуже
на гнойных нарах
мрачных становищ".

Таким был Мурманск первых лет существования.

ПО МАНОВЕНИЮ ВОЛШЕБНИКА

В общем, мечта и действительность не совпадали. Контраст между воздушными замками и суровой реальностью потрясал воображение. И с возникновением Мурманска он не только никуда не исчез, но усугубился еще более. С самого рождения заполярную столицу пышно именовали северным окном в Европу и вторыми Дарданеллами, сравнивая с Петроградом и Константинополем. В 1916 году газета "Русское слово" сообщала читателям, что строящийся на берегу Кольского залива незамерзающий порт станет городом нового типа: с электричеством, канализацией, водопроводом. Уровень комфорта планировался вполне европейский, и все житейские блага ожидались в самом скором времени. "Несомненно, - предсказывал известный журналист и писатель Андрей Селитренников, - в Романове быстро возникнут многочисленные конторы по импорту и экспорту; появится в самом начале немало народу, связанного с нашей торговлей с Западом; возникнут, должно быть, заводы и склады для моторных ботов и их частей для нужд мурманских рыбопромышленников… появятся рыбокоптильные заводы, заводы для приготовления рыбных консервов; вывоз зерна, леса, ввоз английских и американских товаров - все это оживит, создаст кипучую портовую жизнь, даст городу население, средства к существованию… Да, город вырастет, поднимется из земли точно по мановению волшебника", взору явятся "радостные кресты храмов и крыши огромных строений, и порт, гудящий жизнью, пестрый флагами, многострунный высокими гордыми мачтами… Прозвучат слова дружбы и взаимного понимания, раздастся громкая русская речь, свободная, знающая цену себе". Что же вышло на самом деле? Действительно получился город нового типа, но в полностью противоположном задуманному смысле: город-времянка, город-ночлежка, город-развалюха. Да и как он мог быть иным, если его нормальному строительству все время мешали непреодолимые исторические обстоятельства.

Мурманчане в районе портовой Нахаловки, названной так за самовольную застройку земельных участков. 1919 год.

Судите сами. Первому плану застройки Мурманска, предложенному в 1916 году инженером Борисом Сабаниным, помешала осуществиться февральская революция. Улицы, названные именами членов царской семьи, не подходили для новой, республиканской власти. Второму плану, составленному архитектором Павлом Алешиным и принятому 5 октября 1917-го, не позволила сбыться состоявшаяся в конце того же месяца очередная смена власти, коренным образом изменившая общую ситуацию в стране и крае. План постройки, выработанный при белых и утвержденный 9 января 1919 года, также остался на бумаге из-за наступившего в Северной области ресурсного кризиса, закончившегося приходом красных.

ОБРАЗЕЦ ХАОСА

Среди прочего не удалось соорудить и величественный собор, рассчитанный на тысячу молящихся. Решение о его строительстве было принято 12 февраля 1917 года на заседании специального государственного органа - Особого междуведомственного совещания по устроению и развитию Русского Севера. Идею поддержал последний русский император Николай Второй, начертавший на соответствующем докладе совещания: "Вполне сочувствую этой мысли". Собор должен был стать храмом-памятником всем павшим в первой мировой войне, а также трудовому подвигу строителей Мурманской железной дороги. Уже создали комитет по его строительству, объявили всероссийский сбор средств. Но из-за потрясших страну в 1917-м глобальных катаклизмов планы так и не воплотились в жизнь.

В итоге с самого возникновения заполярной столицы мечта и реальность существовали практически параллельно, не пересекаясь друг с другом. Благоустроенный и благополучный Мурманск, задуманный в досоветский период, так и остался "городом, которого нет". Настоящий же краевой центр долго являл собой в архитектурном плане образец хаоса и почти полного беспорядка. При минимуме организованной застройки люди сооружали что могли, как могли и буквально из того, что попадется под руку. Капитальные деревянные дома считались роскошью. Гораздо более популярными, если судить по количеству, были бараки и "чемоданы" - постройки из гофрированного железа с полукруглой крышей. А еще селились в землянках, в вагонах, жили на стоявших в заливе кораблях, возводили "шедевры зодчества" из досок, фанеры, выловленных в заливе бревен, брошенных шпал и даже из бочковой клепки.

ГОРОД КАЗАЛСЯ ВЫМЕРШИМ

"Мы добрались до Мурманска, в те дни грязного и заброшенного", - писал, вспоминая свой отъезд из России в конце мая - начале июня 1918 года бывший глава Временного правительства Александр Керенский. "Вряд ли можно найти более унылое место, чем это, особенно в мрачных лучах полуночного солнца: широкий залив с серо-зеленой водой, окруженный низкими коричневыми холмами без какой-либо растительности, которая могла бы порадовать глаз, и неподалеку от него скопление серых деревянных избушек и домиков… Город казался вымершим", - таким увидел заполярную столицу тогда же, в июне 1918-го британский офицер Филипп Вудс. Служивший в краевом центре в 1919 году Николай Буторов сообщал, что "он поражал своею мизерностью. Это была скорее деревня… Жизнь в Мурманске была лишена даже самых примитивных удобств. Те… которых я мало-мальски знал… попав в Мурманский край и познакомившись с его тяжелыми условиями, не задерживаясь, прилагали все усилия для перевода в Архангельск".

Несоответствие задуманного и осуществленного достигло пика в самом начале двадцатых. Численность населения северного окна в Европу едва переваливала в ту пору за две тысячи человек, а сам город находился в жесточайшем жилищном кризисе. "Нет ни улиц, ни дворов, - отзывались о нем в 1921 году вологодские экскурсанты, - все сделано наспех, как попало". Тем не менее в 1920-м, после окончательного установления на Кольском полуострове советской власти, инженер "для технических работ" Мурманской железной дороги Антонина Васильевна Сабанина-Костяева разработала новый генеральный план Мурманска - на 30 тысяч жителей. И мурманчанам уже вновь грезился мегаполис, отвечающий последнему слову цивилизации. "Мурманск… призван быть Антверпеном, Гамбургом или Нью-Йорком Советской России", - утверждал 1 февраля 1921 года со страниц "Северной правды" военмор Батис. Постепенно, очень медленно заполярная столица начинала меняться.

Дмитрий ЕРМОЛАЕВ,
сотрудник Государственного архива Мурманской области.
Фото из фондов ГАМО.

Продолжение следует.

Как Мурманск становился рыбной столицей

Сто страниц истории к 100-летию Мурманска

Несмотря на явные преимущества своего незамерзающего залива, юному Мурманску пришлось вынести немалую тяжбу с Архангельском за право стать центром заполярного рыболовства.

ИНТЕРВЕНЦИЯ НЕ ПОМЕШАЛА

Первая серьезная попытка начать отечественный траловый лов была предпринята в 1919 году, во время так называемой интервенции. Частная архангельская рыбопромышленная фирма "Беззубиков и сыновья" получила у властей разрешение на аренду шести потрепанных, уже не годных к военной службе минных тральщиков английской постройки. Еще шесть таких тральщиков арендовало местное отделение Центросоюза (объединение потребительских обществ). Арендаторы отремонтировали и переоборудовали полученные корабли, закупили промысловое вооружение, пригласили из Англии и Норвегии группу инструкторов и даже успели сделать по два-три рейса, но осенью того же года из-за отсутствия топлива встали на зимовку. Суда Беззубиковых отстаивались в губе Порчниха, а траулеры кооператоров - в Порт-Владимире (западнее Кольского залива).

На этом отстое и застала их весна 1920 года, когда с возвращением советской власти все 12 траулеров были национализированы и составили первую и поначалу единственную траловую флотилию новой России. Вскоре к ней примкнуло еще шесть судовых единиц - тоже бывшие минные тральщики. Кстати, все первые траулеры были названы "рыбьими" именами: "Ерш", "Камбала" и т. д. Исключением стал единственный РТ "Лучинский", названный в честь члена Архангельского губкома РКП(б), убитого при подавлении Кронштадтского восстания.

КТО ПЕРЕТЯНЕТ

Первые годы траулеры базировались в Архангельске и выходили на лов только после того, как горло Белого моря очистится ото льдов. Таким путем они успевали сделать максимум шесть трехнедельных рейсов, а осенью спешили в устье Двины на зимовку и 6-7 месяцев в году бездействовали. Напрашивалось более эффективное базирование - в Мурманске, но архангельская сторона, которая издавна привыкла распоряжаться выловленной на Мурмане треской, упорно не шла на такое перебазирование, не хотела терять власть над рыбными потоками. В Мурманске, дескать, нет ни причалов, ни мастерских. И - на что особенно нажимали - в Мурманске не из кого набирать экипажи, а в Архангельске готовых моряков сколько угодно.

Все-таки осенью 1922 года Архгосрыбпром решил впервые оставить на зиму в Мурманске два траулера - "Дельфин" и "Пикша". Они вышли на лов в марте 1923-го, и результаты были столь впечатляющи, что наш город сразу заработал решающие выигрышные очки.

МУРМАНСК ПОБЕЖДАЕТ

19 июня 1924 года Совет Труда и Обороны СССР постановил объединить Архангельский и Мурманский облгосрыбпромы в одно предприятие - Северный госрыбтрест (СГРТ) с правлением в Ленинграде. Его возглавил И. А. Мурашов, бывший начальник Мурооблгосрыбы, убежденный сторонник мурманского базирования тралового флота.

Мурашов стал тщательно готовить это перемещение базы, стараясь до поры не будоражить противников перебазирования, но постепенно перетягивая флот в Мурманск. Если в зиму 1923/1924 годов на Мурмане был оставлен всего один траулер - "Щука", и опирался он на Александровск, где имелись неплохая пристань, мастерская и склады, то в зиму 1924/1925 годов в Мурманске уже базировалось шесть, а на следующий год - 12 судов.

Чтобы обеспечить тральщики судоремонтом, решено было арендовать у ОГПУ (у пограничников) Ксениевские судоремонтные мастерские, оборудование для которых было снято с плавмастерской "Ксения", чей экипаж прославился своим активным участием в большевистском восстании февраля 1920 года. Заведующим тралфлотовской мастерской назначили Башмакова Виктора Ивановича, на личность которого следует обратить особое внимание. Именно ему довелось организовывать здешнюю "лечебницу" для судов, выросшую затем в огромное судоремонтное объединение.

Виктор Иванович Башмаков.

Начало строительства тралбазы в 1925 году.

ОСНОВАТЕЛЬ МУРМАНСКОГО СУДОРЕМОНТА

Родился Виктор Башмаков на беломорском острове Жумжуй в семье маячника. Окончил архангельскую мореходку, ходил механиком на пароходе "Кузнечиха". Весной 1915-го взят на военно-морскую службу, направлен на Балтику, а потом в Северную морскую флотилию, где и служил на одном из минных тральщиков, изучив его досконально. После демобилизации работал старшим механиком на судах морского флота, а в 1920-м вновь был призван и назначен флагманским инженером-механиком в штаб Мурманской морской флотилии. Талантливый специалист, новатор, изобретатель, В. И. Башмаков, демобилизовавшись и став заведующим мастерской, изначально задал тон новаторскому духу заполярного судоремонта.

В момент своего старта мастерская тралфлота располагала одной силовой установкой, двумя моторами 33 и 45 л. с., пятью токарными станками, двумя строгальными, шестью сверлильными, кузницей и литейной на 100 пудов. Общая изношенность оборудования - 40 процентов. А живая сила насчитывала всего 15 человек: тридцатилетний заведующий, двенадцать рабочих и два ученика.

ФЛОТ РОС КАК НА ДРОЖЖАХ

В 1927 году строительство Мурманской тралбазы было в основном завершено. В 1928-м правление Севгосрыбтреста в целях приближения к производству было переведено из Ленинграда в Мурманск. С 1929 года благодаря исключительной помощи наркома снабжения А. И. Микояна начался быстрый рост Мурманского тралового флота: сначала за счет импорта, главным образом из Германии, а затем и за счет траулеров, построенных на Северной верфи Ленинграда. Эти суда были крупнее "рыбок", переделанных из минных тральщиков, имели уже специальное оборудование и рассчитывались на 40-суточное автономное плавание. Они и назывались теперь по-другому - "Мурманск", "Большевик", "Дзержинский", "Максим Горький".

Рост флота вызвал необходимость строить крупный судоремонтный завод. При его проектировании Башмаков В. И. сделал много ценных предложений, чтобы расположить цеха СРЗ в соответствии с технологическим маршрутом судоремонта. К сожалению, сам Виктор Иванович, не дождавшись окончания строительства завода, переехал жить и работать в Архангельск, где, кстати говоря, новаторски трудился еще более двадцати лет.

В конце 1933 года мехмастерские, которые к тому времени уже насчитывали 600 работающих и которые из-за скученности людей и станков Микоян Анастас Иванович при посещении Мурманска обозвал курятником, перебрались в новые просторные цеха судоремонтного завода Севтралтреста.

На 1 мая 1935 года Мурманский траловый флот уже состоял из 66 крупных добывающих судов: 41 - импортной постройки (34 паровых и 7 дизельных) и 25 - отечественной. Из прошлых "рыбок" уже не осталось ни одной, флот полностью обновился. Если учесть, что под эгидой нашего города тогда еще работало больше тысячи разнокалиберных деревянных судов-добытчиков, вносящих немалую лепту в общий мурманский улов, то можно без всякой натяжки сказать, что с этого момента Мурманск стал бесспорной рыбной столицей не только Севера нашей страны, но и всего Советского Союза.

Владимир СЕМЕНОВ,
член Союза писателей СССР.

Продолжение следует.

Судоремонтный завод в 1935 году.

ТРАНСПОРТНАЯ ИНФРАСТРУКТУРА, ПОРТЫ, СУДОСТРОЕНИЕ

Любимая

Новую форму мурманских водителей вместо немцев оценили горожане

Если бы дорога умела говорить, то про водителей автобусов, можно не сомневаться, рассказывала бы каждый день. А уж про автоколонну № 1118 давно бы сочинила большой роман. Впрочем, почему сочинила бы? Хотя уже и нет такого предприятия – Автоколонна № 1118 – но дорога и память остались. Дорога и есть открытая книга водительской жизни. И ехать по ней – все равно что листать годы, проведенные за автобусной баранкой, когда чуть ли не каждый твой пассажир знал тебя в лицо.

Так в 70-е выглядел контрольно-технический пункт. Здесь придирчиво выявляли поломки.

ИВАН ИВАНЫЧ, ТЫ КУДА?!

Ивана Ивановича Германова, много лет водившего в Мурманске автобус второго маршрута, как-то временно перевели на «четверку». После поворота на Пяти Углах из салона донеслись недоуменные возгласы: «Иван Иваныч, ты куда?! Ты зачем сюда повернул? Нам же прямо ехать». Оказывается, пассажиры, увидев в лобовое стекло уже ставшего родным водителя, даже не подумали посмотреть на номер маршрута. Они-то точно знали, что Иван Иваныч возит жителей южных кварталов на «двойке». И Германов до сих пор с улыбкой вспоминает об этой истории. А если бы в сфере пассажирских перевозок существовал почетный знак «Безоговорочное доверие пассажиров», он бы наверняка уместился на водительском кителе Ивана Германова вместе с другими наградами. Например, с высочайшим знаком признательности профессионализма – «За безаварийную работу I степени». Шутка ли – 51 год за баранкой автобуса без единой аварии!

Ветераны мурманской автоколонны хорошо помнят годы бурного развития Мурманска в 60-е, 70-е. Тогда остановку «Улица Беринга» в сторону севера в водительской среде называли не иначе как «Казанский вокзал».

«Люди в часы пик спешили на работу, с работы, транспорт был перегружен, двери наших ЛИАЗов было не закрыть, пассажиры в буквальном смысле висели в дверных проемах, – вспоминает **Михаил Белошеев**, заместитель председателя Совета депутатов Мурманска, один из ветеранов автобусной автоколонны. – И мы, молодые энергичные водители, помогали мурманчанам «утрамбоваться». Ставил автобус на ручник, выходил из кабины и проталкивал пассажиров в салон. Помню, на улице Беринга, где пересекались многие автобусные маршруты, в часы пик стояла вереница ЛИАЗов, из дверных проемов которых свисали люди. А рядом суетились водители – мы старались увезти максимальное число пассажиров. Ведь тогда личный транспорт был не у многих мурманчан. Вся надежда была только на автобусы и троллейбусы».

Автоколонна № 1118 – первое пассажирское автотранспортное предприятие Мурманска, оно моложе города всего на 18 лет. Весной 1934 года в Мурманске был открыт первый автобусный маршрут, который связал две городские окраины. Он начинался у кинотеатра «Северное сияние» (сейчас здание казначейства), шел через остановки «Мортехникум», «Площадь Пять Углов», «Ж/д больница». Конечной была «Улица Морская», сейчас это остановка «Улица Челюскинцев».

Первый пассажирский автобус в Мурманске вмещал всего 16 пассажиров. А билет на поездку в нем стоил 75 копеек. Осенью того же года мурманский автомотопарк был объединен с конной базой, а еще через два года в городе появился второй автобусный маршрут – от проспекта Ленина до улицы Красной, теперь она носит имя Книповича.

ПАССАЖИРЫ С ЗАПАХОМ

Водители утренней смены тогда засыпали сразу после детской программы «Спокойной ночи, малыши!». Вставать-то надо было в 4 утра. Проспать на дежурный автобус, который развозил на работу, было никак нельзя – пешком к утренней смене не успеть. О молодых мурманских водителях автоколонны как-то снимали фильм, и один из них сказал: «Это непередаваемое чувство, когда после первого снега твой автобус первым в городе оставляет свои следы на дороге».

«В бытность водителем автобуса 19-го маршрута в ноль часов я забирал со смены работниц Мурманского коптильного завода, – продолжает Михаил Белошеев. – Заходили красивые веселые девчонки, и после них какое-то время по салону еще витал запах копченой рыбы. А после работников тарного комбината пахло лесом… А нас, самих водителей, с ночной смены домой развозил специальный дежурный автобус. Помню, едешь в нем, за окнами ночь, слушаешь байки коллег, так хорошо на душе… Вроде подъехал к дому, а уже и выходить не хочется».

НАЧАЛ С ЛЕНИНА, ЗАКОНЧИЛ АНДЕРСЕНОМ

Когда-то их называли «молодежкой» автопарка. А на этой неделе Владимир Яковлев, Сергей Аристов, Михаил Белошеев, Иван Германов и Владимир Филин на пороге «Вечерки» появились, как и положено «автобусникам», без опозданий. Объяснили: «До сих пор живем четко, по расписанию. По-другому уже не можем!». Встречу приурочили к дню рождения родного города – они его вдоль и поперек изъездили. Причем не все – за баранкой.

Владимир Филин – один из лучших слесарей автоколонны, бригадир. А еще – самобытный резчик по дереву. У него целая галерея портретов! Сам про себя шутит: «Начал с портрета Ленина, закончил Андерсеном». Резьбой увлекся 35 лет назад, на выставке в областной научной библиотеке даже диплом получил за художественно оформленные разделочные доски. Сын Алексей на эти доски посмотрел и предложил: «Может, чей портрет вырежешь?».

В конце восьмидесятых увлечение сыграло свою роль. Филина стали звать резчиком в новоявленный кооператив. Обещали горы золотые!

1958 год. Больничный городок. Кондуктор Нелли Дорофеева и водитель Николай Русаков к выезду на линию готовы!

Легендарная футбольная команда автоколонны «Автомобилист» была непобедимой много лет. Хоккейная команда тоже не отставала!

остановка — «АВТОПАРК»

1967 год. «Иван Иваныч, вы куда?» – кричали пассажиры «четверки» водителю Германову.

Это тебе не с коробками передач и сцеплениями под автобусами возиться. А шедевры создавать. В чистоте. Филин поверил. Пришел к своему тезке и начальнику – **Владимиру Федоровичу Дзида** и попросил расчет. Дзида лучшего слесаря автопарка отпускать не хотел. И как за спасительную соломинку схватился за его работы. Сказал: принесешь и покажешь мне, если понравятся – отпущу. В общем, отпустил.

«Через три месяца вернулся в родную автоколонну, – не без улыбки рассказывает Владимир Филин, проработавший в автопарке с 18 до 60 лет. – Больше не выдержал, ну не мое это на искусстве зарабатывать. То ли дело – моя бригада ремонта».

В автоколонне трудились гениальные слесаря. Об **Анатолии Двинине** до сих пор легенды ходят, что он по звуку определял, где в двигателе поломка. И за десятки лет работы ни разу не ошибся!

Через определенный километраж автобусы ставили в своеобразный профилакторий – проверить. Где рулевые тяги, где колодки поменять. «Обойщицы» перетягивали потертые временем и порезанные хулиганами дерматиновые обшивки сидений. Автобус из профилактория выходил на линию, как отпускник на работу. Почти как новенький!

НАШИВКИ ЗА КЛАССНОСТЬ

В советское время работа на пассажирских перевозках считалась элитной. Водители щеголяли в стильной профессиональной форме – фуражка, галстук, пиджак с нашивками. Нашивки означали классность. Три золотых полоски на рукаве носили водители первого класса.

«Молодежка» автоколонны 60–70-х встретилась в «Вечерке»: (слева направо) Владимир Филин, Владимир Яковлев, Михаил Белошеев, Иван Германов.

«К 1980 году лучшим водителям автопарка сшили новую форму, в ней мы должны были поехать на Олимпиаду в Москву обслуживать немецкую делегацию, – вспоминает Иван Германов. – Но немцы из-за бойкота не приехали. И в этой новенькой парадной форме мы возили по улицам города обычных мурманчан».

А 9 мая водители автоколонны надевали военную форму. Здесь работало много ветеранов Великой Отечественной войны, и они садились за баранку в парадных мундирах и кителях, с наградами! О **Николае Юрасове** коллеги вспоминают с улыбкой. Ему, участнику сражений Великой Отечественной, каждый год в канун 9 мая предлагали взять выходной, встретить праздник в кругу семьи. Но Николай Трофимович неизменно садился за баранку автобусов, возивших мурманчан в Долину Славы. Шутил: «Смотрю на своих воевавших ровесников в зеркало заднего вида и думаю, какой я в медалях и орденах красивый и молодой!».

ЧУВСТВО ЮМОРА

Заслуженный работник транспорта и автотранспорта Российской Федерации Иван Германов говорит, что автобусники не верят в приметы. Да их и не было. Зато чувства юмора – хоть отбавляй.

На медицинском осмотре медики каждое утро требовали анекдот. Шутили исключительно в ультимативной форме: «Не будет анекдота, не будет на линию «визы»!».

«Я им анекдоты про любовь рассказывал, бывало от смеха и давление померять забывали», – признается Иван Иванович.

Однако об автоколонне вспоминает с грустью. Говорит, хотел уволиться в ту же дату, что и устроился когда-то – 8 апреля. Это его день рождения к тому же. Но шел скандальный для автоколонны 2014 год. И в отделе кадров его «попросили» в отпуск. А потом предприятие развалилось. И Иван Иванович ушел с родного предприятия, так и не увидев зарплаты, отпускных и положенной в таких случаях выплаты двойного оклада.

Говорит, сейчас, на пенсии, частенько ездит в автобусе. Смотрит в окошко.

Любимая остановка – «Автопарк».

ОТПУСКНИК НА ЛИНИИ

Сергей Аристов, механик отдела технического контроля, каждое утро давал автобусам «визу». А вечером дотошно их проверял. Говорит, за каждый автобус головой отвечал! «На мне уголовная ответственность висела. Если вдруг ЧП на линии, «первый крайний» – механик, – говорит Сергей Васильевич. – А автобусы были перегружены сверх всяких норм, часто ломались. За один рейс в салоне перевозили до 120 человек!».

В автоколонне было много спортивных традиций. Без автобусников в Мурманске, пожалуй, не обходилось ни одно соревнование.

Анжелика КОВАЛЕВА. kovaleva@vmnews.ru
Фото Марты ЖЕГАЛИНОЙ и из архива Сергея АРИСТОВА.

Младший брат

Какую тайну хранит кораблик на шпиле

История Мурманска неразрывно связана с историей этого предприятия, которое всего на полгода младше заполярной столицы. И ветераны, работавшие на нем, помнят немало ярких страниц из прошлого Мурманска, побед и даже тайн нашего города: как готовился к легендарному первому походу на Северный полюс атомоход «Арктика», благодаря кому появился парк на берегу Семеновского озера и какой секрет спрятан в кораблике, венчающем стелу на южном въезде в Мурманск. Об этом «Вечернему Мурманску» рассказал председатель совета ветеранов Мурманского судоремонтного завода морского флота Василий Жураховский.

Завод-старожил

Мурманский СРЗ родился 8 марта 1917 года. Тогда на базе цеха лесопильного завода в Дровяном было организовано судоремонтное предприятие, позже вошедшее в состав сначала мурманского торгового порта, а затем - Мурманского морского пароходства.

После смутных лет Гражданской войны и интервенции в мае 1924 года впервые был утвержден постоянный штат СРЗ – 35 работников. В августе 1925 года завод получил первый плавучий док и принял первое судно. В 1927 году предприятие перенесли практически в самый центр Мурманска – на площадку между сегодняшним торговым и рыбным портами, напротив улицы Комсомольской. Так начиналась трудовая биография крупнейшего судоремонтного предприятия Мурманска, на котором работали тысячи специалистов и ежегодно готовились к походам более сотни судов – от атомных ледоколов до военных кораблей и нефтяных платформ.

С началом войны завод перенесли в Ваенгу (нынешний Североморск), его специалисты занялись ремонтом военных кораблей.

– Жить рабочим пришлось в свежевырытых землянках, было очень холодно, многие тогда погибли, – рассказывает об этой тяжелой, но героической странице завода Василий Жураховский. – Но люди продолжали работать. Ремонтировали военные корабли и артиллерийские орудия, изготавливали мины и гранаты, минометы.

Если к началу войны на заводе выполняли норму на 200 процентов, то в 1942 году некоторые сотрудники делали уже по три нормы. В начале 1942 года коллективу завода пришлось ремонтировать и подводные лодки.

Универсальная кувалда

Об уровне специалистов завода свидетельствует количество их наград и званий. Мурманский СРЗ не раз становился победителем всероссийских соревнований. Правительственные награды получали многие работники завода. Например, бригадиры Владимир Середа и Владимир Щетинин были удостоены орденов Ленина.

По словам председателя совета ветеранов предприятия, Середа был очень яркой личностью. Это проявлялось не только в работе, но и в общении. Однажды познакомиться с работой наших судоремонтников приехали финны. Особенно их удивило частое применение в производстве… кувалды. С помощью этого нехитрого универсального инструмента откручивались гайки, правился металл и делалось многое другое. Но когда иностранцы предложили помочь с механизацией труда и обучить рабочих, Владимир Середа ответил, что кувалда надежнее. А во время визита в составе партийной делегации в США, увидев ванную комнату площадью в 15 «квадратов» в одной из квартир, мурманчанин резюмировал: «Здесь только травмы получать. То ли дело у нас - поскользнулся, расставил руки, уперся в стены - и удержался».

Работа на СРЗ требовала нестандартных подходов. Здесь было свое конструкторское бюро, в котором разрабатывались, говоря современным языком, технологические ноу-хау. Для доковых работ создали эстакады на колесах, телеги, перевозившие винты и многое другое.

Сложным был ремонт ледоколов. Их валы были длиной десятки метров и весили десятки тонн. Сначала их ремонтировали только в Ленинграде, но позже на СРЗ установили уникальные станки. Они были огромные, длиной более 10, а поставленные парой - более 20 метров. Для них рыли котлованы и заливали фундамент, поскольку надо было избежать вибрации. На самом заводе также изготовили свой фрезеровочный станок для винтов ледоколов.

В 1977 году сюда прибыл атомоход «Арктика». Перед рабочими была поставлена нетривиальная задача: за месяц подготовить судно к первому в мировой истории походу надводного корабля на Северный полюс. Обычно такие работы занимали не менее двух месяцев, но тогда все сроки были сокращены. И полюс был ледоколом покорен!

Атомоход «Сибирь» в доке СРЗ МФ.

Тайна на шпиле

После войны работники СРЗ не только восстанавливали завод, ремонтировали суда, но и помогали подниматься из руин Мурманску.

Были подготовлены бригады строительных специалистов. Судоремонтники выступили с инициативой, чтобы каждый горожанин отработал добровольно от 20 до 60 часов на восстановлении Мурманска. Заводчане-комсомольцы вылавливали лес в заливе, из которого потом строили дома.

Как вспоминает Василий Жураховский, традиция помогать городу сохранилась на СРЗ на десятилетия. Здесь было свое строительное подразделение, благодаря которому появились пятиэтажки на улицах Шмидта и Октябрьской. Именно работники судоремонтного завода расчистили берега Семеновского озера и высадили там деревья, которые и сегодня делают главное городское озеро уютным и красивым.

Благодаря рукам судоремонтников в Мурманске появились и некоторые городские достопримечательности. На СРЗ изготовили доску, которая сегодня украшает стену краеведческого музея над якорем ледокола «Ермак». А в начале 1980-х мастера завода изготовили модель парусного корабля, которая украсила стелу на южном въезде в город. Шпиль же был сделан на 35-м СРЗ.

– Корабль сделали из нержавеющей стали, – говорит ветеран СРЗ. – Модель довольно большая, снизу она кажется маленькой, но этот кораблик более метра в длину. Но главное то, что скрыто внутри. Внутрь корпуса судна судоремонтники поместили послание будущим поколениям. Когда со временем стела будет демонтирована из-за возраста, тогда горожане и смогут прочитать это письмо из прошлого. Судя по тому, насколько качественно работали судоремонтники, произойдет это еще очень не скоро, так что секрет может остаться следующим поколениям мурманчан.

Мурманска

у южного въезда в город

После смутных лет Гражданской войны и интервенции в мае 1924 года впервые был утвержден постоянный штат СРЗ – 35 работников. В августе 1925 года завод получил первый плавучий док и принял первое судно. В 1927 году предприятие перенесли практически в самый центр Мурманска - на площадку между сегодняшним торговым и рыбным портами, напротив улицы Комсомольской. Так начиналась трудовая биография крупнейшего судоремонтного предприятия Мурманска.

1950-е годы. На СРЗ – масштабная модернизация, строят новый причал.

На пути к полюсу

На заводе проходили ремонт все атомные ледоколы. В 1959 году, когда начал свою историю первенец атомного флота России – «Ленин», на СРЗ доставили два изготовленных в Югославии огромных дока, специально под ледоколы.

В 1977 году сюда прибыл атомоход «Арктика». Перед рабочими была поставлена нетривиальная задача: за месяц подготовить судно к первому в мировой истории походу надводного корабля на Северный полюс. Обычно такие работы занимали не менее двух месяцев, но тогда все сроки были сокращены. И полюс был ледоколом покорен!

Это был настоящий звездный час для нашей страны. В той экспедиции принимало участие более 200 человек, в том числе министр Морского флота СССР Тимофей Гуженко. 9 августа 1977 года «Арктика» вышла из мурманского порта. 14 августа судно вошло во льды. 17 августа в 4.00 по московскому времени атомный ледокол достиг географической точки Северного полюса. Через несколько часов над Северным полюсом был поднят флаг Советского Союза.

– За тем походом следил весь мир, – вспоминает Василий Жураховский. – Одни страны радовались вместе с нами, другие завидовали.

К этому времени на СРЗ прошла масштабная реконструкция. Была построена собственная кислородная станция, возведены новые здания котельного и трубопроводного цехов, вступил в строй новый механический цех, а затем – кузнечный и другие цеха.

В те десятилетия завод был загружен под завязку. Суда в доках стояли в три–четыре борта. Председатель совета ветеранов говорит, что работали в три смены, сам он забывал, что бывают выходные.

Владимир Середа (слева) с коллегами ремонтируют винт ледокола.

Памятную доску для композиции о «Ермаке» изготовили на СРЗ.

Многие из достижений завода, да и всего Мурманска того времени, связаны с именем Александра Головченко, возглавлявшего предприятие с 1963 по 1989 год.

Почетный директор

Он приехал в Мурманск, как и многие коллеги, по распределению после окончания Одесского института инженеров морского флота и прошел путь от инженера-технолога до директора. При нем на заводе действовали подразделения по обучению молодежи, частыми гостями здесь были школьники.

Александр Демьянович не раз избирался членом горкома КПСС, членом комитета народного контроля, заместителем председателя областного комитета защиты мира. 11 ноября 1988 года решением Мурманского городского Совета народных депутатов Александру Головченко было присвоено звание «Почетный гражданин города-героя Мурманска». Сейчас он живет в Николаевской области Украины. Но связи с коллегами не теряет.

К сожалению, нынче объединяет их уже не действующий завод, а только воспоминания. Мурманского СРЗ сейчас фактически не существует. Его постигла участь многих крупнейших предприятий. В 2011 году здесь начались процедуры банкротства. Коллектив, некогда многотысячный, сократился до десятков человек. На заводе вводилось конкурсное управление. Сейчас некоторые работы здесь ведутся, однако масштабы и значение предприятия уже в прошлом.

Но Мурманский СРЗ морского флота навсегда занял свое место в истории нашего города. И рожденный благодаря судоремонтникам один из главных символов Мурманска – кораблик на стеле – всегда будет встречать возвращающихся домой горожан и приветствовать гостей столицы Кольского Заполярья.

Илья ВИНОГРАДОВ. Фото Людмилы БЕЛОЗЕРОВОЙ, из архива Василия ЖУРАХОВСКОГО и открытых Интернет-источников.

Дирижабельные ворота захлопнулись, не открывшись

Сто страниц истории к 100-летию Мурманска

Как известно, Мурманск - ворота в Арктику. В годы первых пятилеток этот тезис получил наглядное подтверждение на море: СССР приложил огромные усилия для освоения Северного морского пути, отправной точкой которого и является заполярная столица. Но мало кто знает, что масштабные и по разным причинам неосуществленные проекты должны были сделать наш город не только морскими, но и сухопутными, и воздушными арктическими воротами. Что касается сухопутья, Великий Северный железнодорожный путь связал бы Мурманск с другими полярными районами страны. Что касается воздуха, в полет от Кольского залива планировалось отправлять дирижабли.

ОТ МУРМАНСКА ДО АЛЯСКИ

В июле 1925 года Советский Союз посетил знаменитый немецкий воздухоплаватель Вальтер Брунс. Именно он впервые попытался соединить в единое целое заполярную столицу и бескрылые воздушные корабли. Еще в 1919-м на заседании Берлинского общества естествоиспытателей Брунс выдвинул идею трансарктического дирижабельного пути по маршруту Амстердам - Ленинград - Архангельск - Северный полюс - Америка. В качестве дополнительных баз на случай изменения метеоусловий или потребности в дозаправке были намечены Мурманск и Земля Франца-Иосифа.

Проект получил поддержку в научных кругах Германии и Скандинавии. Именно из него выросло созданное в 1924-м международное общество “Аэроарктик”, генеральным секретарем которого стал Брунс. Приехав в СССР, он обсудил возможность осуществления своих грандиозных планов с властями и учеными Страны Советов. К тому времени первоначальные общие наметки трансарктических перелетов на дирижаблях были уточнены.

Проект Брунса состоял теперь из двух частей - организации научного полета от Мурманска до Аляски и учреждения регулярного грузопассажирского сообщения вдоль берегов Сибири, а также из Европы в Америку и Азию через полярные пространства.

Для обслуживания этой линии предполагалась постройка шести громадных по тому времени воздушных кораблей. Каждый из них имел бы объем 150 тысяч кубических метров, семь моторов общей мощностью около трех тысяч лошадиных сил, среднюю скорость полета 100 километров в час и мог бы перевозить одновременно от 50 до 100 пассажиров и 10 тонн груза.

Что касается научного полета, для него требовался пусть достаточно мощный, но всего один дирижабль. “Базой является Мурманск, - информировал читателей в 1925-м “Вестник Карело-Мурманского края”. - Из Мурманска курс берется на Землю Франца-Иосифа, далее к области около полюса, затем на мыс Барроу в С. Америке, а оттуда в Ном на Аляске. После трехдневного отдыха экспедиция отправляется обратно, но иным путем, именно, вдоль берегов Сибири к Земле Николая (ныне - Северная Земля. - **Д. Е.**), каковая подвергается тщательной стереофотографической съемке, далее путь лежит через Новую Землю в Мурманск”.

ОБЕРЕГАТЬ СЕВЕРНЫЕ ГРАНИЦЫ

“Советские дирижабли должны и будут реять над Страной Советов, будут обеспечивать победу мировому Октябрю совместно с красной авиацией”, - утверждал 23 февраля

Вальтер Брунс.

1931 года в передовице “Правды” командующий ВВС Красной Армии Яков Алкснис. Перспектива милитаризации летающих кораблей казалась в ту пору очевидной. И, кстати, проект Брунса косвенно способствовал обострению международной обстановки в Арктике. Сам немецкий воздухоплаватель, а также канадец Вильялмур Стефансон, активно поддерживавший идею трансполярных перелетов на дирижаблях и самолетах, одним из наиболее удобных мест для промежуточной остановки в Восточном секторе Арктики считали остров Врангеля. Стефансон дважды высаживал на острове добровольцев, поднимал английский флаг и объявлял его территорией Британской империи.

Советский Союз, в свою очередь, в октябре 1924 года направил всем заинтересованным странам ноту о том, что все арктические острова вдоль побережья Сибири - от острова Врангеля до Новой Земли - принадлежат СССР. В 1925-м журнал “Самолет” сообщал: “Оберегать свои северные границы мы можем только при помощи дирижаблей, опираясь на свои базы, которыми должны являться Мурманск и остров Врангеля”. Далее последовало широко известное постановление Президиума ЦИК от 15 апреля 1926-го, обозначившее границы советского сектора Арктики.

Брунс приезжал в Мурманск в июне 1928 года с делегацией проходившего в Ленинграде второго конгресса общества “Аэроарктик”. Вместе с другими “конгрессменами” он пытался определить в заполярной столице наиболее удобное место, где можно было бы установить причальную мачту для дирижаблей (см. “Вечерний Мурманск” от 31 марта 2014 года). Однако мачта в итоге не понадобилась. “Граф Цеппелин”, совершивший в июле 1931-го арктический перелет, на Кольском полуострове так и не побывал.

Но дирижабельные мечты продолжали будоражить умы мурманчан. И немудрено. В ту пору дирижабль казался наиболее удобным и доступным видом транспорта, который мог бы связать отдаленные районы СССР с его центром.

ВОЗДУШНЫЙ ПОРТ В УСТЬЕ РОСТЫ

“Именно в Арктике дирижабль явился совершенно незаменимым орудием освещения малоисследованных или совершенно неизвестных областей”, - писал 3 сентября 1933 года в “Полярной правде” выдающийся полярный исследователь Рудольф Самойлович. Чуть раньше, в 1931-м, при управлении Гражданского воздушного флота возник Дирижаблестрой. Первую дирижабельную линию намечалось проложить из Москвы в Мурманск. Проект создания в заполярной столице базы для воздушных кораблей обрел второе дыхание. В самом северном окружном центре Ленинградской области начались изыскания участка под строительство дирижабельного порта.

Документы Государственного архива Мурманской области свидетельствуют, что самое пригодное для этих целей место обнаружилось неподалеку от устья реки Росты. 8 августа 1932 года начальник изысканий летчик-наблюдатель Пахомов обратился в Мурманский окрисполком с предложением “указанный участок закрепить за Дирижаблестроем и выдать протокол постановления, воспретив производить строительство и прочие сооружения”. На скорейшем отводе земли настаивал и ленинградский облплан.

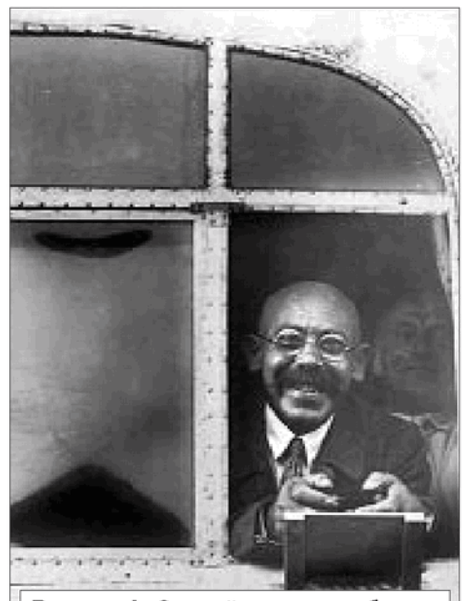
Но при рассмотрении заявки выяснилось, что у территории, предназначенной под воздушный порт,

Аэростат воздушного заграждения на проспекте Сталина в Мурманске. 1943 год. Фото К. Моисеева из архива С. Поповой.

уже имеется хозяин - совхоз “Арктика”. Его директор тут же доложил, что если отдать требуемый участок, то придется закрыть ферму, снабжавшую мурманчан молоком. Окружное земельное управление поддержало руководство совхоза, заявив, что передача земли возможна “лишь при условии ограничения… фермы до 50-60 голов рогатого скота, а также при обязательном возмещении со стороны Дирижаблестроя… убытков, вызванных постройкой дирижабельного порта”.

Кроме того, неподалеку от будущей воздухоплавательской базы планировалось начать строительство металлургического завода. В качестве сырья для него предполагалось использовать железную руду

Рудольф Самойлович на борту дирижабля “Граф Цеппелин”.

из месторождения, открытого в районе Кольского залива. А еще по этой территории хотели провести дорогу. В общем, препятствий оказалось слишком много.

В итоге президиум Мурманского окрисполкома Пахомову отказал, объяснив это тем, что “отвод просимого Дирижаблестроем участка потребует фактически ликвидации единственного существующего молочного совхоза… перенос же такового на новое место потребует длительного времени (около двух лет)”. Помимо этого были отмечены относительно неблагоприятные условия “размещения воздушного порта в изысканном районе”. Одновременно рекомендовалось провести дополнительные изыскания - около станции Пулозеро.

ИДЕАЛЬНАЯ БАЗА ДЛЯ ДИРИЖАБЛЕЙ

Таким образом, строительство базы для дирижаблей в заполярной столице застопорилось, даже не начавшись. Но сам проект пока никто не отменял. “Мурманск как самый северный крупный индустриальный центр, расположенный далеко за Полярным кругом, на стыке железнодорожных и морских путей сообщения, является идеальным пунктом для организации мирового значения базы арктических перелетов на дирижаблях, - пояснялось в плане развития народного хозяйства Мурманского округа на вторую пятилетку. - Ввиду этого… принято сооружение в районе Кольского залива посадочной площадки с эллингом для крупных дирижаблей (объемом до 200 тысяч кубических метров), газовым заводом и мехмастерскими”.

Общая стоимость работ оценивалась в 1 миллион 450 тысяч рублей. 800 тысяч рублей из этой суммы предполагалось истратить уже в 1933 году. Мурманский дирижабельный порт должен был войти в эксплуатацию в 1934-м. В 1937-м намечалось увеличение мощности газового завода и расширение мастерских.

Однако реализовать этот проект так и не удалось. Дирижабельные ворота в Арктику захлопнулись, даже не открывшись. Воздухоплавание окончательно проиграло конкуренцию авиации. Планы так и остались планами. Единственным практическим воплощением дирижабельной мечты стали для мурманчан аэростаты заграждения, защищавшие небо над заполярной столицей в годы войны. Впрочем, сегодня воздухоплавание вновь набирает обороты, и кто знает, может, когда-нибудь мы еще увидим дирижабли над Мурманском.

Дмитрий ЕРМОЛАЕВ,
сотрудник Государственного архива Мурманской области.

Мурманская подвесная

Сто страниц истории к 100-летию Мурманска

С высоты сегодняшнего дня довоенный Мурманск кажется нам порой маленьким, грязным и совершенно заурядным. Мол, дома в ту пору строили деревянные, гаджетов, кроме разве что радио и стационарных телефонов, не было никаких, машины на улицах оставались редкостью. Сплошная отсталость, да и только. Отчасти это действительно так. Город тех лет был в разы меньше нынешнего, и в распутицу в иных его местах действительно составляло проблему перебраться с одной стороны улицы на другую. И все же, думаю, в заполярной столице 30-х годов минувшего века нашлось бы чем удивить жителей современного областного центра. Имелись тогда в Мурманске сооружения по теперешним меркам экзотические. Об одном из них я и напишу.

ОТ ПЕТУШИНКИ К ЖИЛСТРОЮ

Когда произносишь слова “подвесная дорога” - молодое поколение мурманчан не реагирует на них никак. Знатоки-краеведы могут припомнить “канатку” в районе Титовки, построенную в 1942-м гитлеровцами для доставки на передовую необходимых грузов. И лишь старожилы, да и то не все, скажут, что нечто похожее существовало когда-то и в заполярной столице. И не просто существовало - активно работало. Впрочем, особых подробностей не знают и они. А потому обратимся к документам Государственного архива Мурманской области.

В 1931 году в Мурманске широко развернулось жилищное строительство Севгосрыбтреста. Ударными темпами сооружался Жилстрой - первый, как сказали бы теперь, спальный район самого северного незамерзающего порта страны. Одной из главных проблем, мешавших его возведению, являлся недостаток разного рода подсобных механизмов. “В настоящее время механизация основных работ на Мурмане почти полностью отсутствует, - констатировала Ленинградская областная плановая комиссия. - Необходимо… обеспечить снабжение отдельных, наиболее трудоемких работ механизмами”. Решением того же вопроса были озабочены и местные власти. В постановлении пленума Мурманского горсовета, состоявшегося 25 апреля 1931 года, отдельным пунктом значилось: “Поручить отделу коммунального хозяйства для ускорения темпов хода строительства максимально использовать и применять в работе все имеющиеся механические приспособления”. Самым масштабным проектом по механизации жилстроительства и стало возведение подвесной дороги.

Проектировали и сооружали ее для того, чтобы доставлять сплавной лес из Кольского залива туда, где трудились, поднимая к небу стены двух-трехэтажных домов, бригады плотников строительного управления Севгосрыбтреста. Или, как формулировали то же самое руководители региона, “от складов материалов на место строительства”. Начальной точкой дороги стала Петушихина губа, попросту - Петушинка, где согласно постановлению горсовета, принятому 3 июня 1931 года, решили устроить лесобиржу. Далее опоры и тросы тянулись вверх по склону близлежащей сопки и переваливали через нее. Там, наверху, установили лесопилку, вплотную к которой подходили рельсы узкоколейной железной дороги. Распиленные бревна в вагонетках спускались на Жилстрой. Вернее, должны были спускаться. Потому что реализовать задуманное мурманским строителям оказалось очень непросто.

КОНЦА ПОСТРОЙКИ НЕ ВИДНО

Первоначально подвесную дорогу, на сооружение которой отпустили несколько сотен тысяч рублей, намечалось ввести в строй к 15 июня 1931 года. Но уложиться в намеченные сроки не удалось. Дело оказалось настолько неизведанным и для Заполярья почти революционным, что ввод новой грузовой магистрали в эксплуатацию постоянно откладывался. “Конца постройки подвесной дороги еще не видно”, - информировала читателей “Полярная правда” 18 августа. “Работы на сегодня выполнены только на 70%”, - сообщала она же неделю спустя. Проблемы возникали буквально на ровном месте. То не подвезут вовремя необходимые материалы, то обнаружится, что вопрос пересечения “канаткой” железнодорожных путей не согласован с транспортным начальством, то нет разрешения от связистов на переброску опор и тросов через телеграфную линию.

Несостыковок было множество. “Сейчас плотники крепят опоры болтами, которые являются временными, - возмущалась “Полярка”. - Впоследствии эти болты будут снова переделываться, но это делается только для того, чтобы дать работу плотникам… До сих пор не выяснено точно, какое количество опор нужно установить. Нет точных указаний о 41-й и нулевой опоре. 19-я опора требует увеличения своей высоты, иначе в дальнейшем будет вынужденная переделка”. На протяжении нескольких месяцев дорогу, действуя буквально методом проб и ошибок, реконструировали трижды. А в ноябре установленные прежде опоры сняли и приступили к монтажу других - иного типа. В итоге стройка увязла в преодолении различного рода трудностей, и запустить подвесную дорогу в 1931 году так и не удалось.

Подвесная дорога в Мурманске. 1933-1934 гг. Из фондов ГАМО.

ДОХОДИЛО ДО ДРАК

В 1932-м ситуация поначалу складывалась точно так же. Более того, если специальным актом от 1 октября 1931 года было признано, что мурманская “канатка” готова на 95 процентов, то проведенная в феврале 1932-го ревизия снизила степень ее готовности до 80 процентов. Это, в свою очередь, вызвало издевательские комментарии в прессе, иронизировавшей по поводу того, что “когда будет окончена дорога, сами строители не знают” и “технические работники тоже не могут сказать, когда они закончат работу, так как отдел оборудования через два дня на третий меняет чертежи”.

Затягивание сроков ввода трассовой магистрали в строй сильно нервировало мурманские власти. С городских и региональных “верхов” регулярно раздавались грозные окрики с требованием исправить положение. Так, 29 мая 1932 года на заседании оперативной тройки по руководству ходом строительства при президиуме окружного исполкома было особо отмечено, что подвесная дорога до сих пор не используется из-за отсутствия зацепов для бревен и приказано эти зацепы немедленно изготовить, с тем чтобы окончить сооружение “канатки” не позднее 10 июня. Однако нетрудно догадаться, что, как и прежние начальственные “громы и молнии”, эти тоже не привели к желаемому результату. Возведение гиганта городской механизации продолжало буксовать. 1 июля Севтралтрест, “унаследовавший” дорогу от Севгосрыбтреста, отчитался, что из 25 тысяч отпущенных на подвесную магистраль в текущем году рублей освоено 17 тысяч и произведен пробный пуск, по результатам которого ведутся очередные переделки путевых роликов и зацепов. Датой возможного ввода нового грузового пути в строй в отчете названо 2 августа. Но и этот срок остался на бумаге.

Между тем снабжение Жилстроя древесиной по-прежнему находилось в аховом состоянии, из-за чего строительство домов и бараков пришлось приостановить. Лучшие по тем временам бригады Мокина, Лукина, Полозова, Иванова простаивали без дела, ожидая, пока подвезут хоть что-нибудь. Вынужденные простои, как нетрудно догадаться, сказывались на зарплате. Дошло до того, что из-за недостатка пиломатериалов между плотниками начались ссоры, доходившие буквально до драк. Введение в эксплуатацию подвесной дороги могло бы смягчить древесный голод, но до окончания ее строительства было еще далеко. В течение полугода на “канатке” пять раз производили пробные пуски - и каждый раз неудачно, четырежды переделывали головки опор - и все-таки не смогли добиться того, чтобы бревна не срывались.

ЧУДО ТЕХНИКИ НАЧАЛА 30-Х

К октябрю 1932 года в перечне устранения недоделок на подвесной дороге значилось следующее: “На опоре № 2, 7 и 18 устроить кронштейны… На приемной станции устроить направляющую для приема груженых зацепов во избежание их проскальзывания. Обработать сцепные приборы по шаблону роликов. Во избежание ударов сцепных приборов о гайки обоймы… на наружный железный лист обоймы приклепать куски полосового железа со сведением концов на нет. Проверить сцепные приборы под прямой угол. Устроить соответствующую сигнализацию и освещение. В районе рабочего городка, где проходит подвесная дорога, устроить ограждение, вывесив соответствующие плакаты”.

В тот момент ожидание скорейшего пуска мурманской “канатки” доходило уже до истерики. “Полярная правда” посвящала этому вопросу гневные статьи, поясняя, что, сделав заказ на новые болты для тросовой магистрали, строители дороги не позаботились указать, к какому сроку их нужно изготовить. “Исходя из этого, - негодовала газета, - можно сделать вывод, что никто не заинтересован в скорейшей сдаче подвесной дороги в эксплуатацию”. Начиная со слова “никто” все дальнейшее было выделено жирным шрифтом. Кипя яростью, корреспонденты “Полярки” утверждали, что строители дороги сами не верят, что ее удастся сдать в 1932 году, а потому для устранения перебоев в доставке стройматериалов приобретают гужевой транспорт - лошадей. И в конце концов опять-таки жирным шрифтом объявляли, что, оказывается, за достройку столь необходимой городу грузовой магистрали никто никакой ответственности не несет. А раз так, то нужно эту ответственность ввести, причем в самой полной мере.

Неизвестно, что оказало свое волшебное действие - почти неприкрытые угрозы в прессе или регулярно следовавшие окрики мурманского начальства. А может, просто удалось решить техническую сторону задачи и все множество доделок и переделок дало наконец свой результат. Так или иначе, в начале 1933 года заполярная столица получила-таки долгожданную механизированную подачу круглого леса от Петушинки к Жилстрою, а горожане - одно из самых необычных сооружений в истории Мурманска, своего рода чудо техники начала 30-х. Подвесная дорога вступила в строй.

Дмитрий ЕРМОЛАЕВ,
сотрудник Государственного архива Мурманской области.

(Окончание следует).

Мурманская подвесная

Сто страниц истории к 100-летию Мурманска

Окончание. Начало в номере за 14 августа.

Появление в Мурманске подвесной дороги способствовало не только улучшению механизации строительных работ. Вдоль линии, где проходила "канатка", ускоренными темпами были возведены десятки отданных под общежития бараков, образовавших новую улицу заполярной столицы - Подвесную, именовавшуюся также Подвесной дорогой. Ведала ими организация под названием Ленснабстрой, преобразованная чуть позже в Мурснабстрой. К 1 мая 1933 года на Подвесной открыли культбазу, ставшую, по терминологии тех лет, "первым культурным очагом в рабочем районе на жилстроительстве". В 1936-м рядом с бараками встали новые двухэтажные брусчатые дома. Во всех этих весьма густонаселенных деревянных строениях кипела жизнь, с печалями и радостями, характерными для своего времени.

ВОПРОСЫ БЕЗОПАСНОСТИ

Конечно, и достижения, и неудачи у каждого человека, у каждой семьи были свои. От премии за перевыполнение плана до пропитой получки, от свадеб до похорон. Но имелись и общие проблемы. От успешного решения некоторых из них зависело очень многое, в том числе жизнь. "С Петушинки бревна поднимали в гору, - вспоминает почетный гражданин Мурманска Лев Журин. - Наверху стояла пилорама, там бревна пилили и грузили на вагонетки. Дальше на вагонетках их спускали по улице Максима Горького. Для этого по Жилстрою проложили специальную линию узкоколейки. Спуск был крутой, и вагонетки шли на тросах. Помню, однажды трос у вагонетки, груженной тесом, оборвался, и она, что называется, самотеком покатилась под гору. А внизу играли дети. Нескольких ребятишек задавило".

О том, что вопросы безопасности на "канатке" стояли остро, свидетельствует и заметка, опубликованная в "Полярной правде" 28 апреля 1933 года. "На подвесной дороге жилищного строительства Ленснабстроя, - сообщалось в ней, - нет никаких мер предосторожности от несчастных случаев. Первоначально были вдоль подвесной дороги сделаны перила, а сейчас они снова уничтожены. В прошлом и текущем году неоднократно срывались сверху бревна, в результате чего могут произойти несчастные случаи. Необходимо без промедления установить вдоль подвесной дороги перила и вывесить аншлаги, предупреждающие об опасности".

ЖИЛЬЦЫ НИКОГДА НЕ РАЗДЕВАЮТСЯ

Актуальной была и проблема благоустройства общежитий. Мурманская пресса порой даже не просила, а требовала от властей обратить внимание на тот или иной барак, в котором условия проживания принимали совсем уж "спартанские" формы. Так, в номере от 24 декабря 1932 года "Полярка" указывала на бедственное положение в общежитиях № 9 и 10 по Подвесной улице. Населявшие их 250 рабочих Ленснабстроя с семьями буквально замерзали. "Общежития совершенно не отеплены, не засыпаны опилками, - информировала читателей газета. - В помещении холодно. Жильцы никогда не раздеваются. Требуем немедленного отепления общежитий". "По Ленснабстрою еще не отремонтированы общежития 17 и 18 (на Подвесной дороге). Там нужно засыпать цоколя, утеплить стены и потолки", - рекомендовала газета 17 ноября 1933-го.

Справедливости ради отмечу, что власти отзывались не всегда, но достаточно часто. В феврале 1933 года жильцы общежития № 8 по Подвесной дороге во главе со старшим барака Иваном Михайловым направили благодарственное письмо в адрес Окружкома ВКП(б), прокуратуры и Рабоче-крестьянской инспекции за помощь в улучшении условий своего существования. "Общежитие отеплили, стены засыпали опилками и побелили, - радовались они. - В каждой комнате и в коридорах поставлены плиты. Несмотря на затруднения с транспортом, воду мы получаем теперь каждый день. Кроме того, к нашему общежитию прикрепили санитарного врача, который помогает нам бороться с антисанитарией. Правда, еще не совсем урегулирован вопрос с дровами, дрова доставляются с перебоями, но все-таки гораздо лучше, чем раньше. В общежитии у нас сейчас стало тепло и чисто, и, придя после работы, можно хорошо отдохнуть".

К 1 МАЯ - СМЕНИТЬ МАТРАСЫ

Нередки были случаи, когда к ответу приходилось призывать нерадивое барачное начальство, забывавшее о своих прямых обязанностях. И обычно во избежание оргвыводов это самое начальство старалось побыстрее исправить ситуацию. "В бараке Ленснабстроя № 2 по Подвесной дороге, - подводила "Полярная правда" 18 апреля 1933 года итоги одного из рейдов по общежитиям города, - комендант Томилин обязался в ближайшие дни поставить... уборную, очистить яму, для сушки белья приспособить чердак, сделать двери, лестницу и отремонтировать крышу. Кроме того, комендант обязался к 1 мая сменить всем рабочим матрасы, ликвидировать перебои в снабжении водой и дровами".

Еще через несколько дней газета отчиталась об улучшении жилищных условий рабочих, проживавших в бараке № 2. "В общежитии, - рассказывали корреспонденты Кушнеренко, Шматько и Воронова, - были засыпаны стены, в каждой комнате поставлены плиты, общежитие было побелено. В общежитии стало тепло и чисто. Дезинфекция бывает два раза в месяц. Рабочие баню-пропускник посещают 2-3 раза в месяц, полы моют два раза в пятидневку. Кроме того, в общежитии была развернута культурно-массовая работа, открыт и оборудован красный уголок, куда регулярно доставлялись газеты, проводились читки, беседы, было проведено радио".

Проблемы имелись не только внутри бараков, построенных вдоль мурманской "канатки", но и снаружи - на прилегающей к ним территории. "В начале Подвесной улицы установлена водораздаточная колонка, - описывала "Полярка" в апреле 1934 года коммунальный "беспредел", царивший близ тросового пути. - От нее во все стороны расползлась ледяная гора. Надо потратить много труда, чтобы вскарабкаться до колонки, взять воду и уже совсем рискованно сойти с ледяной горы вниз. Дворники Жиляев, Федяшин, Потракеев, Зодков работают в районе Подвесной улицы, но они не откалывают лед, не посыпают песком, не выбивают в ледяной горе ступени".

ДВЕ ТЫСЯЧИ КУБОВ МУСОРА

Тогда же, в 1934-м, за Подвесной дорогой утвердилось весьма нелестное звание самого грязного места Жилстроя. И к этому были все основания. "Управление коммунального хозяйства Мурснабстроя ничего не делает, чтобы благоустроить жилгородок, очистить улицы и дворы от мусора, - жаловалась "Полярная правда". - Всю зиму нечистоты и мусор не вывозились... Пригрело солнце, и обнажились горы грязи... Около общежитий №№ 12, 17, 18 по Подвесной улице больше двух тысяч кубических метров мусора и нечистот. Это подсчет самого начальника УКХ Мурснабстроя тов. Чурилова. На вывозке мусора работают всего две лошади. В сутки они вывозят два кубометра. Куча не только не уменьшается, но день ото дня увеличивается".

Разумеется, подстегнутое мурманской прессой руководство Мурснабстроя и города принимало меры, проводило субботники по очистке улицы, но помогали они слабо. Возможно, дело было в том, что Жилстрой, как писали о нем газеты, оставался "основным пролетарским районом Мурманска". И среди "пролетариев", его населявших, были и такие, для которых выливать помои на двор возле крыльца или даже сваливать мусор внутри общежития являлось, что называется, нормой жизни. Да что там мусор! В марте 1933 года в Мурманске ликвидировали воровскую шайку, руководил которой вор-рецидивист Иван Слепец. Бандиты облюбовали под жилье барак № 9 именно на улице Подвесной.

15 КРАЖ ЕЖЕДНЕВНО

"Эта банда, - раскрывала "Полярка" подробности уголовного дела, - не прописавшись, заняла кухню, а чтобы на них никто не донес, всех лиц, которые, по их соображениям, могли быть опасными, вытаскивали из комнат в коридор и беспощадно избивали. Затем пошли кражи из квартир и кладовых. Воровали все, что подвернется под руку: мясо, рыбу, муку, крупу и другие продукты, снимали с чердаков белье, продавали за бесценок шинкарям, а вырученные деньги тут же пропивали". О размахе деятельности преступников свидетельствует и тот факт, что после ликвидации шайки в Мурманске на протяжении нескольких дней не было совершено ни одной кражи, в то время как прежде их число доходило до 15-16 ежедневно.

Впрочем, среди жителей улицы Подвесной встречались и примеры противоположного характера - самые что ни на есть положительные. "В общежитии Ленснабстроя № 2 по Подвесной дороге, - писала пресса весной 1933-го, - при красном уголке был организован кружок ликбеза, где занималось 30 рабочих. Уборщица барака Анякова, несмотря на загруженность и на большую семью, в порядке общественной работы регулярно занималась в ликбезе с неграмотными рабочими, не считаясь со временем. Кроме того, она образцово работала на своей основной работе и благодаря ей в общежитии чисто". "Следуйте примеру уборщицы Аняковой", - рекомендовали мурманские журналисты и называли ее "ударницей борьбы за образцовое рабочее жилище".

Вот так год за годом и протекала жизнь на Подвесной: хватало и позитива, и негатива. Что касается сооружения, давшего улице свое название, просуществовало оно недолго. Уже в 1934 году Мурманский окружной исполком принял решение о запрещении деревянного жилищного строительства на нижней и средней террасе заполярной столицы. К середине 30-х завершилась и эпоха наиболее активного роста Жилстроя. Узкоколейку сменили автомашины. Подвесная дорога стала не нужна. А в 1936-м часть протянувшегося во всю длину Колхозной улицы троса, при помощи которого раньше поднимали бревна из залива, была уже снята и валялась на улице, по свидетельству современников, совершенно бесхозно, втоптанная в грязь. Постепенно бывшее чудо мурманской механизации исчезло с лица земли. На память о прошлом горожанам осталась только улица Подвесная, но со временем пропала с карты Мурманска и она.

Так выглядела культбаза Ленснабстроя - первый очаг культуры на улице Подвесной. Рядом - опора подвесной дороги.

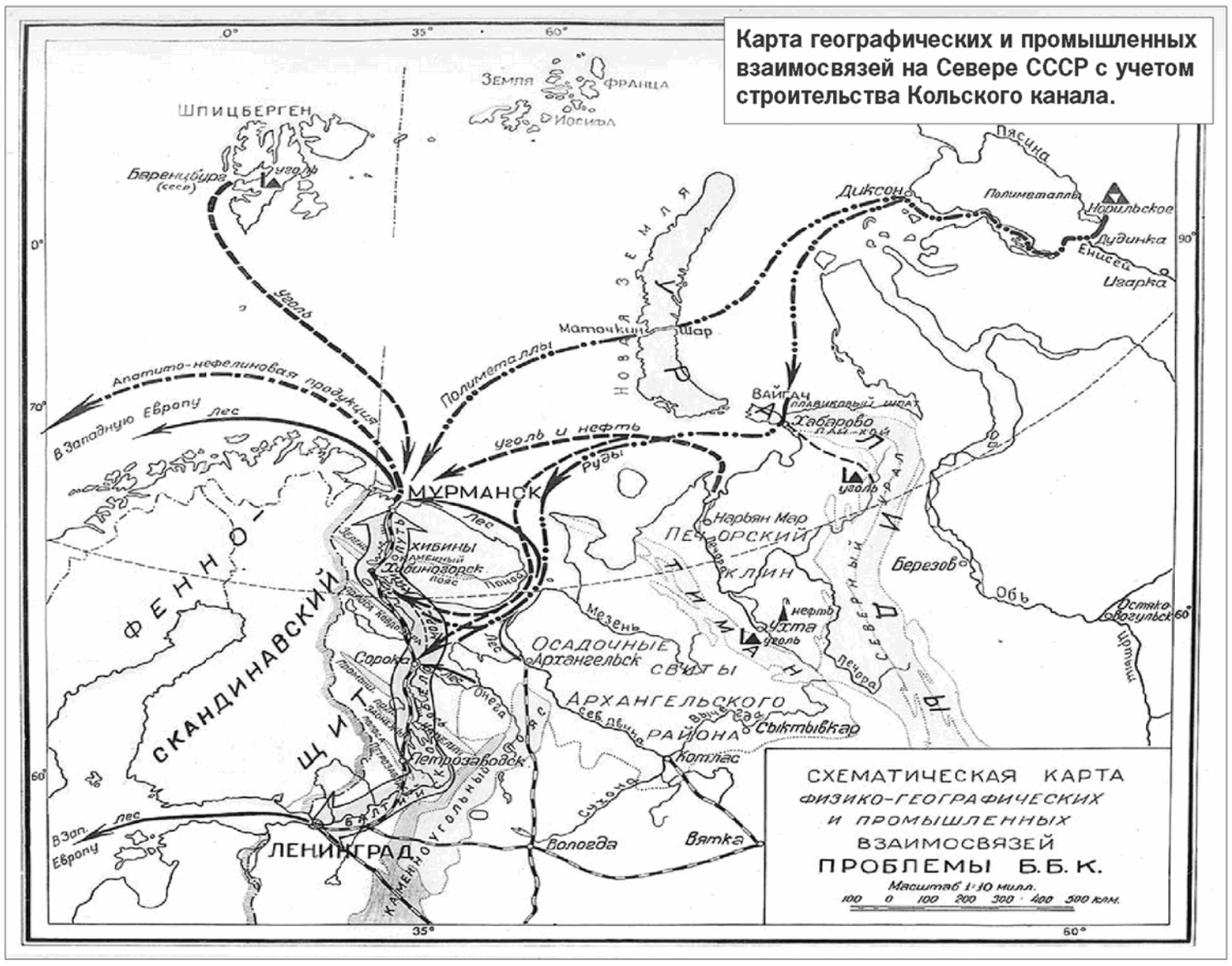

Дмитрий ЕРМОЛАЕВ, сотрудник Государственного архива Мурманской области.
По материалам научно-справочной библиотеки ГАМО. Фото предоставлено Государственным архивом Мурманской области.

Кольский канал - сказка, не ставшая былью

Сто страниц истории к 100-летию Мурманска

Представьте себе, что ваш хороший знакомый рассказывает: "Сел я вчера утром в апатитском порту на рейсовый пароход и отправился в Мурманск. Пока плыл - пейзажами любовался. Красотища!". Или - что вы разворачиваете газету, а там заголовок: "Мончегорские докеры перевыполнили план". Или - пришли вы на выставку в художественный музей и увидели картину под названием "Окрестности шлюза № 5 на реке Коле". Думаете, такого не может быть? Сейчас - не может. Но то, что теперь кажется нам фантазией, когда-то пытались реализовать на государственном уровне. Впрочем, обо всем по порядку.

ПРОДОЛЖЕНИЕ БЕЛОМОРКАНАЛА

30-е годы минувшего века - время, когда в нашей стране настойчиво стремились "сказку сделать былью". Время индустриализации и первых пятилеток. Время осуществления грандиозных проектов, воплощавшихся в жизнь зачастую силами заключенных и спецпереселенцев. Конечной (или исходной - с какой стороны смотреть) точкой одного из них должен был стать Мурманск.

Еще в начале 30-х мурманские власти задумывались о развитии "внутренних водных путей на соединении Баренцева моря с Белым через систему озера Имандра". 5 августа 1933 года состоялось торжественное открытие Беломорско-Балтийского канала имени Сталина. Спустя 12 дней - 17 августа - появилось постановление Совета Народных Комиссаров СССР о создании Беломорско-Балтийского комбината НКВД СССР. Территория, закрепленная за новой организацией, составила 2 миллиона 800 тысяч гектаров. Главной рабочей силой стали десятки тысяч заключенных Белбалтлага. Основной задачей - эксплуатация Беломорканала и освоение прилегающих к нему районов.

Тогда же правительство страны приняло решение о проведении изыскательских работ по строительству второй, глубоководной линии канала, получившей название "Большой Беломорстрой". Поддержку властей получила и идея продления Беломорско-Балтийского водного пути по территории Кольского полуострова: от Кандалакши через озеро Имандра и реку Кола к побережью Баренцева моря - к Мурманску.

Первоочередное значение имели здесь не экономические, а военные соображения. Глубоководную транспортную артерию Финский залив - Баренцево море планировалось использовать не только для усиления взаимных связей и развития промышленности северных районов страны, но и для военных перевозок в случае образования фронта на Севере. Документы Государственного архива Мурманской области свидетельствуют, что повышенные требования предъявлялись, прежде всего, к глубине задуманного водного пути. Поскольку Беломорско-Балтийский канал, несмотря на возражения военных, соорудили мелководным, глубину Большого Беломорстроя предполагалось увеличить почти в два раза - до 6 метров 40 сантиметров.

ГОЛОВНОЙ УЧАСТОК СЕВМОРПУТИ

Кольский канал хотели сделать еще на метр глубже, а на участке Апатиты - Мурманск расстояние от поверхности воды до дна и вовсе посчитали необходимым довести до восьми с половиной метров. Протяженность новой дороги, соединяющей Белое и Баренцево моря, должна была составить 246 километров. На трассе канала предполагалось разместить 26 шлюзов напором 10-13 метров и еще 58 других сооружений. В подготовленном главным инженером Белбалткомбината Вержбицким в 1933 году технологическом очерке особо отмечалось, что "перестроенный на глубоководный путь Канал имени т. Сталина (Повенец - Сорока) и его естественное продолжение Кольский канал (Кандалакша - Мурманск), являясь морскими воротами Советского Союза в Арктику, представляют собою головной, западный участок Северного морского пути и звено проектируемой единой водной системы Союза, соединяющей четыре моря".

Для Мурманского округа Ленинградской области, каковым в ту пору являлся наш край, это, безусловно, была бы стройка века. Причем стройка экономически неоправданная. "Расчеты показывали заведомую убыточность Кольского канала ввиду дороговизны строительства, крупных расходов на его содержание, а также ввиду наличия Мурманской железной дороги, которая с переходом на электрическую тягу была способна самостоятельно переработать намечающийся грузооборот, - поясняет в книге "Северный вектор в российской истории: центр и Кольское Заполярье в XVI-XX веках" доктор исторических наук Павел Федоров. - По оценкам специалистов, высокие годовые издержки по содержанию Кольского канала не смогли бы окупиться даже в том случае, если бы он работал в режиме полной загрузки (13 млн. т в оба направления). И это при том, что канал предполагалось использовать как источник гидроэнергетики, и кроме того, с его помощью выравнивать сезонные колебания грузопотока на железной дороге".

В ПОРТ - БЕЗ ПРОБОК

Однако оборонно-стратегические соображения в данном случае перевешивали экономические. Судоходная коммуникация между Балтийским, Белым и Баренцевым морями позволяла облегчить маневрирование флотом, а значит - сократить количество необходимых на Севере кораблей и, возможно, избежать сооружения крупных баз и судостроительных заводов. То есть сулила серьезные выгоды. После образования Северной военной флотилии строительство Кольского канала встало в повестку дня. В 1934 году вдоль всей его трассы начались первоочередные изыскательские работы.

Сотрудники Беломорско-Балтийского комбината успели сделать многое. Действовали они, по их же собственным словам, "главным образом в тех местах, где не было никаких данных или же данные были особенно неполны и недоброкачественны". Топографические работы проводились в районах водораздельных озер, рек Большая и Сыройок. Геологические и гидрологические - по всей линии будущего канала. В марте-мае 1934 года была составлена рабочая гипотеза водного пути через Кольский полуостров. Дважды - 5 июля и 14 сентября - она обсуждалась на заседаниях Секции водных ресурсов Госплана СССР. Следующие два года ушли на составление схематического проекта канала и разработку его экономического обоснования. Из двух имевшихся изначально вариантов южного участка трассы канала - по реке Ниве и по реке Колвице - был выбран один - нивский. Специально под эксплуатацию Баренцево-Беломорской транспортной артерии предполагалось построить новые суда. Рассматривался вопрос о сооружении крупного порта на озере Имандра близ Апатитов.

Но главной узловой точкой проектируемого водного пути стал Мурманск. Небывалое по размаху строительство должно было придать мощный импульс развитию города на берегу Кольского залива. Особое внимание предполагалось уделить переоборудованию Мурманского порта, с тем чтобы окончательно превратить его "в порт мирового значения". "С образованием водного пути в Баренцево море открывается возможность чрезвычайно гибкого регулирования экспортируемых советских товаров, - сообщали планировщики. - Импортируемые грузы могут с большой маневренностью направляться... в Мурманский порт, не опасаясь создания пробок... т. к. в летнюю часть года морские суда могут свободно направляться по каналам для разгрузки".

СТИМУЛ ДЛЯ РОСТА МУРМАНСКА

На первоочередное переустройство порта в Мурманске выделялось 13 миллионов рублей. Предполагалось соорудить новые причалы для перевалки апатита и нефелина, леса и полиметаллических руд, угля и нефти, цемента и хлеба. В районе Росты создавалась мощная сельдяная база. Все это неизбежно требовало сооружения береговой инфраструктуры, появления новых рабочих рук, которым, свою очередь, было необходимо жилье, снабжение, бытовое и культурное обслуживание. В общем, с прокладкой канала самый северный окружной центр Ленинградской области получал новый стимул для расширения и роста.

Но громадье планов и проектов в итоге так и не воплотилось в жизнь. Подготовительные работы, которые велись с 1933 по 1937 год, не перешли в практическую фазу. К строительству не приступили. Кольский канал на карте нашей страны не появился. Виной тому, прежде всего, международная ситуация. Напряженность в мире постепенно росла, а вместе с ней росли и военные расходы. Реализацию, как сказали бы теперь, амбициозного, требовавшего огромных вложений плана создания водного пути Финский залив - Баренцево море сперва отложили, потом признали нецелесообразной.

Ныне от масштабного замысла, над осуществлением которого работали когда-то тысячи человек, остались лишь документы. Отчеты по геологическим изысканиям, проекты, схемы, чертежи. Тщательно подготовленные рабочие гипотезы, экономические обоснования и технологические очерки. Изучая их, понимаешь: если бы все задуманное удалось осуществить, изменилась бы не только карта нашего края. Вся жизнь региона стала бы другой. Иным был бы теперь и Мурманск. Но история, как известно, не терпит сослагательного наклонения.

Дмитрий ЕРМОЛАЕВ,
сотрудник Государственного архива Мурманской области.

Потерянный символ города

Сто страниц истории к 100-летию Мурманска

На гербе нашего города изображено стилизованное морское судно. А какое судно можно было бы назвать символом нашего города? Не океанские сухогрузы, не мощные ледоколы, а небольшие пароходы - рыболовные траулеры, как принято говорить, "скромные труженики" сформировали облик Мурманска.

ВТОРОЕ РОЖДЕНИЕ МУРМАНСКА

В начале 20-х годов в Мурманске отсутствовало все то, что делает город городом. Скопление безликих строений, существовавшее как придаток железнодорожной станции и опустевшего после окончания войны порта. Объем внешней торговли Советской России сократился настолько, что у Мурманского порта не было работы, а у самого молодого города страны - перспектив.

Новая жизнь Мурманска началась в 1924 году с переводом из Архангельска базы тралового лова. Базирование в незамерзающем Кольском заливе позволило избавиться от сезонности, освоить новые районы промысла. Но первоначально лов велся траулерами, переоборудованными из тральщиков расформированной флотилии Северного Ледовитого океана, возраст которых усугублялся отсутствием надлежащего содержания и ремонта.

С 1927 года началась закупка в Германии и Италии новых траулеров для Севера и Дальнего Востока, а в 1928-м Совнарком принял решение о постройке подобных судов в Ленинграде и Севастополе. Эти суда относились к классу траулеров с бортовым спуском трала и обработкой рыбы на открытой палубе, имели одинаковую конструкцию и сходные технические данные (за основу был взят проект немецкой фирмы "Дойче Верфт"). Прочные клепаные корпуса обеспечивали достаточную мореходность. Паровые двигатели немецкого производства отличались надежностью (только 10 судов были оснащены дизелями, но по мощности и скорости уступали угольным). С 1929 года траулеры, купленные за границей, стали приходить на Север. В следующем году ленинградская Северная верфь спустила на воду свой первый траулер РТ-57 "Смена", и вскоре Мурманский траловый флот стал пополняться судами отечественной постройки. К началу Великой Отечественной войны на Севере вели промысел больше восьмидесяти траулеров.

С появлением новых траулеров связано превращение северных морей в крупнейший отечественный район рыбного промысла (ранее таковым традиционно являлся Волго-Каспийский бассейн). Но приход в Мурманск новых судов не сразу оправдал ожидания. Местные газеты того времени много писали о "достижениях" тралфлота - низкой дисциплине, хроническом невыполнении плана, высокой аварийности. Виной всему был человеческий фактор. Команды траулеров в значительной степени комплектовались за счет людей, приехавших за длинным рублем, привлечь и удержать в Мурманске специалистов было нечем. Вахтовый метод освоения природных богатств Севера не выдержал проверку практикой.

Ситуацию удалось изменить, только создав нормальные условия для жизни моряков тралового флота и их семей. 27 января 1932 года Советское правительство приняло постановление о перспективах развития Мурмана. Временное поселение стало превращаться в современный город. Для командного состава (капитанов, штурманов, тралмейстеров и т. п.) начали возводиться каменные многоэтажки, а для рыбаков, еще не успевших обзавестись семьями, был построен Дом междурейсового отдыха - самое высокое здание в Мурманске с библиотекой, кинозалами и бассейном. По сей день являющаяся культурным центром заполярной столицы "Кировка" возникла в 1932 году как Дом культуры рыбаков. Больница, детские сады, школы (а для них - учительский техникум, прародитель нынешнего гуманитарного университета), библиотеки, магазины... В 1931-м начал работу морской рыбный техникум - это уже было кардинальным решением кадровой проблемы.

Траулер РТ-23 "Чайка" в Териберке, 1996 г.

Техническая реконструкция, начавшаяся с приходом на Север траулеров типа РТ, способствовала развитию инфраструктуры Мурманска. Первое время существовала диспропорция между рыбодобывающим флотом и обрабатывающими предприятиями. В 1927 году в Мурманске вошла в строй первая очередь рыбного порта. К 1934 году рыбокомбинат объединял 8 заводов и 4 самостоятельных цеха. Развивалась судоремонтная база, обеспечивавшая не только ремонт, но и постройку промысловых судов.

В 1938 году была принята большая программа военного кораблестроения. Для ее выполнения ленинградские заводы были освобождены от постройки траулеров. Готовые корпуса и механизмы перевезли для достройки в Мурманск, первые из них - "Иван Папанин" и "Валерий Чкалов" - вошли в строй в 1940-м. В 1937-м в Мурманске были заложены первые траулеры собственной постройки. Считалось, что строительство рыболовецких судов удастся развернуть здесь, рядом с промысловой базой. Но спущенный на воду в декабре 1939 года РТ-107 "Михаил Громов", как и второй - РТ-106 "Сталинская Конституция" (строительство началось в год принятия Основного закона Советского государства) смогли ввести в строй только после войны. Праздничный рапорт мурманских судостроителей, обещавших ежегодно строить по 10-12 траулеров, оказался слишком оптимистичным. Сказывались отсутствие опыта, слабость технической базы, а главное - специалистов (не последнюю роль сыграли репрессии конца тридцатых). Вскоре судостроителям Мурмана и вовсе пришлось отложить планы постройки современного рыболовного флота.

РАТНЫЕ ПОДВИГИ МИРНЫХ КОРАБЛЕЙ

Трудовые достижения экипажей мурманских траулеров оказались заслонены подвигами, совершенными ими в годы Великой Отечественной войны. Названия "Туман" и "Пассат" в истории российского флота стоят в одном ряду с легендарным "Варягом". Но рядом с ними не нашлось места для СКР-23 (бывшего РТ-57 "Смена"), в ноябре 1942 года вступившего в неравный бой с эскадрой, состоявшей из тяжелого крейсера "Адмирал Хипер" и четырех эскадренных миноносцев противника. РТ-46 "Лосось", войдя в состав Северного флота как тральщик Т-887, стал единственным траулером, награжденным боевым орденом Красного Знамени.

Рыболовные суда, отличавшиеся хорошей мореходностью, крепкими корпусами и опытными экипажами, традиционно составляли мобилизационный резерв военно-морского флота. Интересно, что в составе германского флота, базировавшегося в Северной Норвегии, также действовало 10-15 вооруженных траулеров. Мобилизация гражданских судов в начале войны была тщательно спланирована и подготовлена. Сторожевые корабли "Туман" и "Прилив" уже 24 июня вышли на выполнение боевой задачи. Развертывание мобилизованных траулеров было отработано двумя годами ранее. Во время советско-финляндской войны в состав Северного флота вошло 17 судов данного типа. После окончания боевых действий 4 РТ оставалось в составе военного флота, а остальные вернулись к военной профессии в 1941-м. Переоборудованным траулерам пришлось впервые испытать себя в новом качестве - они высаживали десант в Петсамо, тралили фарватеры, несли дозорную службу и участвовали в проводке конвоев.

Согласно мобилизационному плану 1941 года 28 траулеров подлежало включению в состав действующего флота и 20 - в резерв. Но постоянное расширение масштабов боевой деятельности потребовало дополнительных сил. В результате в течение всей войны в состав Северного флота в качестве сторожевых кораблей, тральщиков, посыльных и брандвахтенных судов входило 56 траулеров.

С началом войны часть траулеров, не подлежащих мобилизации, и оборудование ремонтных мастерских были эвакуированы в Архангельск. Но обострившаяся проблема продовольственного снабжения Севера заставила возобновить лов рыбы. Организовать промысел в Белом море не удалось, и траулеры были вынуждены возвратиться в районы, ставшие театром боевых действий.

Северному флоту передавались суда, материальная часть которых находилась в лучшем состоянии. Из 14 траулеров, остававшихся в Мурманске, половина не могла дать ход. Пришлось заново восстанавливать производственную базу, причем кроме ремонта судов и боевых кораблей здесь еще и выпускали мины-тралы. Не хватало обученных рыбаков даже для сокращенных экипажей. Запасы топлива шли в первую очередь для нужд военного флота, а траулеры, демаскируя себя, коптили небо углем, поднятым с потопленных судов. Нередко вместо рыбы трал поднимал сорванные мины. За годы войны тралфлот потерял 7 траулеров, уничтоженных авиацией, кораблями и подводными лодками противника (без учета судов, восстановленных после выхода из строя, и 18 траулеров, на момент гибели входивших в состав Северного флота). Северный флот, перегруженный новыми задачами, связанными с обеспечением проводки союзных конвоев, не смог сразу организовать охрану или вооружить суда, находящиеся на промысле. Более того, с 1942 года немобилизованные суда вошли в состав Мурманской базы военизированного флота, то есть кроме своих функций выполняли задания военного командования (военные перевозки, участие в десантных операциях, дозорная служба). Тем не менее тралфлот выполнил задачу обеспечения фронта и тыла рыбой, а к 1944 году многие траулеры превзошли довоенный уровень годового вылова рыбы.

ПОСЛЕДНИЙ ПРИЧАЛ

Эпоха бортовых траулеров завершилась в 1955 году, когда на Север прибыл первый большой морозильный рыболовный траулер "Пушкин". Появление таких судов коренным образом изменило всю организацию рыбного промысла, но еще некоторое время "бортовики" составляли основу мурманского тралфлота. Последний построенный в Мурманске по довоенному проекту РТ-106 "Советская Конституция" (бывшая "Сталинская") был исключен из состава флота в 1980 году. Некоторое время старые траулеры продолжали использоваться в качестве вспомогательных плавсредств.

Подвиги мурманских траулеров не забыты. Книги, музейные экспозиции, обелиск, открытый в Мурманске 9 мая 1975 года в память рыбаков тралового флота, погибших в годы войны. Но навсегда потерян шанс сохранить хотя бы один легендарный траулер в качестве плавучего музея. Сравнительно недавно в районе южных причалов Мурманского рыбного порта был разрезан корпус траулера РТ-309 "Мудьюжанин", в годы советско-финляндской и Великой Отечественной войн воевавшего в составе Северного флота. В Териберке на территории судоремонтных мастерских сохраняли РТ-23 "Чайка", построенный в 1930 году в Эмдене. И он, оказавшийся последним из первых мурманских траулеров, незаметно исчез в начале нового века, разделив судьбу древнего поморского села.

Мурманск не в первый раз стал последним причалом для знаменитых кораблей. Здесь в двадцатых годах закончилась история первой российской боевой подводной лодки "Дельфин", а в 1966-м разделали "на иголки" первый в мире арктический ледокол "Ермак". Такая же участь постигла траулеры, которым многим обязан наш город. Память, не опирающаяся на подлинные свидетельства, позволяющие почувствовать сопричастность с историей, оказывается слишком непрочной.

Дмитрий ЖАЛНИН,
кандидат исторических наук.

Как Мурманск не стал "мачтовым" городом

Сто страниц истории к 100-летию Мурманска

В 1928 году мир напряженно следил за арктической эпопеей Умберто Нобиле. Информация о полете на Северный полюс, о катастрофе дирижабля "Италия", о поисках уцелевших участников экспедиции и спасении их советским ледоколом "Красин" вышла на первые полосы газет, затмив на время даже политические новости. На этом фоне появился проект постройки в Мурманске сооружения, которое должно было закрепить за городом на берегу Кольского залива звание не только морских, но и воздушных ворот в Арктику.

СТАНЦИЯ ВОЗДУШНЫХ КОРАБЛЕЙ

Вторая половина 20-х - начало 30-х годов минувшего века - время расцвета дирижаблестроения. Воздушные корабли с двигателем и системой управления, позволяющей летать независимо от ветра, в ту пору успешно конкурировали с самолетами. А еще их активно использовали для освоения полярных просторов Земли. В 1924 году было создано международное общество "Аэроарктик", поставившее целью изучение полярных стран посредством воздухоплавательных аппаратов. Возглавил его великий норвежец Фритьоф Нансен. Его не менее знаменитый соотечественник Руаль Амундсен в 1926 году на дирижабле "Норвегия" совершил перелет от Шпицбергена до Аляски, попутно достигнув северной макушки планеты. В августе 1927 года он посетил Советский Союз и наметил новые маршруты.

- В проектированном воздушном пути между Европой и Америкой через Арктику… - утверждал Амундсен, находясь в Ленинграде, - северо-западная часть СССР и, в частности, г. Мурманск, несомненно, будут выдвинуты на первый план как отправной пункт.

"Полярная правда" тотчас перепечатала эти слова, добавив, что "Мурманск стоит на пути к Северному полюсу. И вот такое благоприятное положение Мурманска в недалеком будущем может быть использовано для устройства в нем станции воздушных кораблей, пролетающих в Арктику".

В следующем году планы создания в заполярной столице всего необходимого для обслуживания дирижаблей были конкретизированы. Произошло это благодаря второму конгрессу общества "Аэроарктик". В заполярной столице внимательно следили за его подготовкой. "Получено сообщение от директора Института по изучению Севера проф. Самойловича, - информировала читателей "Полярка" 21 февраля 1928 года, - о том, что им закончены переговоры с иностранными учеными об организации в июне 1928 года II-го международного съезда по изучению Арктики с помощью воздушных кораблей… По окончании заседаний съезда ученые в полном составе выедут на Мурманское побережье для уточнения вопроса о месте установки причальной мачты для дирижаблей. Проект мачты уже разработан, и стоимость сооружения ее определена в 20000 рублей". Позже, в номере от 17 марта, было уточнено, что речь идет о постройке "аэробазы, которая будет служить промежуточной станцией великого пути Ленинград - Мурманск - Северный полюс".

ОТ МУРМАНСКА ДО АЛЯСКИ

О том, что мурманские власти тех лет придавали созданию аэробазы большое значение, свидетельствует образование в начале июня 1928-го на заседании президиума окрисполкома специальной комиссии "для встречи и оказания содействия во время нахождения в Мурманске советских и иностранных ученых - членов Международного общества по изучению Арктики". Возглавил ее председатель окружного исполкома Аксенов.18 июня - в день открытия конгресса исполком направил в адрес начавшего работу форума приветственную телеграмму. "Мурманский окружной исполнительный комитет, - пояснялось в ней, - шлет привет международному аэро-арктическому съезду и высказывает пожелание плодотворной работы, надеясь, что результатом научных исследований явится оживление ныне мертвых огромных пространств полярного севера".

Между тем на конгрессе было подтверждено, что в распоряжение исследователей будет предоставлен немецкий дирижабль LZ-127 (получивший впоследствии имя "Граф Цеппелин"), тогда еще только достраивавшийся в Германии. Председательствующий Нансен озвучил план перелета на нем от Мурманска до Аляски.

- Мы не собираемся еще раз "открывать полюс", - сказал норвежский исследователь в беседе с ленинградскими журналистами, - настал момент, когда техника дала нам в руки могучее средство для планомерного систематического и продолжительного изучения полярного бассейна. Мы сделаем на пути из Мурманска до Аляски 4-5 продолжительных остановок, спустимся на лед с помощью ледовых

Фритьоф Нансен.

якорей, исследуем зондами глубину полярного моря, здесь, где рождается погода Северной Америки и Европы, мы соберем метеорологический материал для того, чтобы превратить метеорологию из искусства в науку. Здесь мы хотим открыть новые законы магнетизма".

Трансарктический полет LZ-127 был назначен на весну 1929 года.

КОНГРЕСС НА МУРМАНЕ

23 июня, когда форум еще продолжался, в заполярную столицу прибыл командированный конгрессом инженер Иконников. В его задачу входило предварительное определение места, где будет построена причальная мачта для дирижаблей. Обследовав несколько точек, он решил, что "наиболее удобным местом для установления причальной мачты будет одна из окрестностей Мурманска, так как строить причальную мачту в Коле или Александровске не совсем удобно по целому ряду главным образом экономических причин". Кроме того, поскольку до рейса LZ-127 установить мачту уже не успевали, Иконников подчеркнул, что посадку немецкого дирижабля "удобнее всего можно произвести… на одном из окружающих Мурманск озер, в это время года еще находящихся подо льдом". "Для посадки дирижабля, - подчеркнул он, - необходима ровная площадка не менее 1500-2000 метров площадью, открытая с двух сторон, с выходами по направлению господствующих на Мурмане ветров".

26 июня в 10 часов утра в Мурманск прибыли участники конгресса, за исключением Нансена, из-за болезни жены срочно вернувшегося в Осло. На вокзале их встретили члены окрисполкомовской комиссии, представители железной дороги и порта, а также множество любопытствующих мурманчан. Позднее в здании окружного исполкома состоялось заседание, главной темой которого была все та же причальная мачта. Выступивший на нем один из пионеров арктического воздухоплавания Вальтер Брунс уточнил, что "для причальной мачты нужна ровная площадь размером примерно в 1 квадратный километр. На этой площади должна быть установлена причальная мачта и несколько построек, где бы дирижабль, покрывший расстояние от Ленинграда до Мурманска почти в полторы тысячи километров, мог бы получить запасы водорода, горючего материала, также мог бы произвести мелкий ремонт и т. п. Для приема и отправки дирижабля, если он идет в полном порядке, нужно 10-12 человек обслуживающего персонала, причем этот персонал должен иметь возможность перемещаться по площадке совершенно свободно. Если же дирижабль приходит с аварией, то принять его могут только около 500 человек. Но так как члены конгресса, внимательно изучившие карту окрестностей Колы, Мурманска и Александровска, не могли выбрать подходящего места на суше, то было решено построить мачту в одном из спокойных мест Кольского залива, где бы мачта была защищена от ветров, а также не препятствовала бы нормальному движению судов. Вблизи Мурманска, таким образом, предполагается построить так называемую вспомогательную мачту на воде. Для этого необходимо построить четырехугольный паром, где бы можно было воздвигнуть мачту высотой до 20 сажен от поверхности воды. Один из концов дирижабля будет пришвартовываться к вершине этой мачты, а гондола дирижабля на особых поплавках будет держаться непосредственно на воде".

LZ-127 "Граф Цеппелин" в Ленинграде перед полетом в Арктику. 1931 год.

СЕРЕБРИСТЫЙ ДИРИЖАБЛЬ В МУРМАНСКОМ НЕБЕ

Казалось, развитию заполярной столицы как "мачтового" города - центра изучения Арктики с помощью дирижаблей уже ничто не сможет помешать. 6 сентября 1928 года состоялось заседание арктической комиссии при Совнаркоме СССР, на котором в числе прочего было отмечено, что вопрос о сооружении мачты уже проработан на основании материалов обследования Мурмана. "Из намеченных на ближайшее время экспедиций… несомненно, самой грандиозной по масштабу и значению будет экспедиция, предпринимаемая весной будущего года, - рисовала "Полярка" радужные перспективы 15 сентября 1928-го. - Центральная база будет находиться в Мурманске, где в недалеком будущем начнется сооружение причальной мачты и специальных хранилищ для бензина и газа".

Однако в 1929 году "Граф Цеппелин" в Арктику не полетел. И в 1930-м тоже. "Причины технического порядка задержали выполнение этой задачи, - пояснялось летом 1931 года на страницах журнала "Карело-Мурманский край". А потом умер Нансен, мечтавший возглавить экспедицию на LZ-127, и в итоге маршрут "Цеппелина", арктический полет которого состоялся в июле 1931-го, пролег в стороне от Мурманска.

Тем не менее проекты развития заполярной столицы как базы для дирижаблей по-прежнему существовали. В том же 1931-м при управлении гражданского воздушного флота появился Дирижаблестрой, одним из руководителей которого стал приехавший в СССР по контракту Умберто Нобиле. Первая линия, осуществлявшая воздушное сообщение с помощью дирижаблей, должна была соединить Москву и Мурманск, для чего в городе на берегу Кольского залива планировалось создать соответствующую инфраструктуру. Конец этим планам положили отъезд Нобиле из СССР в 1936 году и катастрофа советского дирижабля В-6 под Кандалакшей в 1938-м. В конце 30-х дирижаблестроение было свернуто практически по всему миру. Аэробаза для воздушных кораблей в Мурманске так и не появилась. А жаль. Я иногда представляю себе, как выглядел бы похожий на плывущую в небе огромную серебристую рыбину дирижабль, тихим летним утром пристающий к многометровой мачте где-нибудь в окрестностях областного центра. И мне кажется, это было бы здорово.

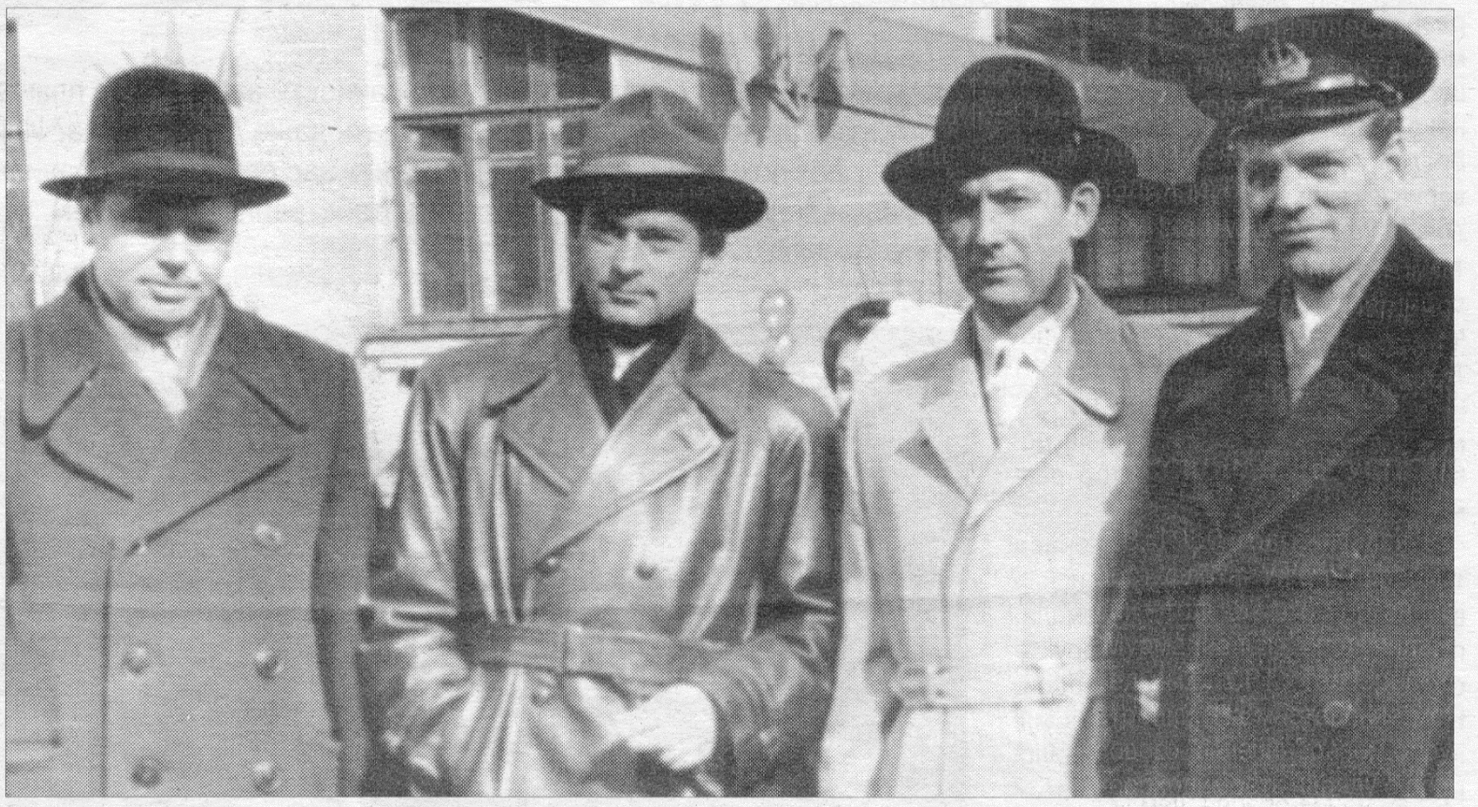
Дмитрий ЕРМОЛАЕВ,
сотрудник Государственного архива Мурманской области.

Продолжение следует.

Фирма Тарабарина

Сто страниц истории к 100-летию Мурманска

Так в пятидесятые годы стали называть завод междурейсового ремонта, выросший из мехмастерских тралового флота. Они располагались в районе 6-го причала рыбного порта, занимая те допотопные помещения, где в 1924-м начинался мурманский судоремонт, руководимый Виктором Ивановичем Башмаковым. После ввода в строй большого предприятия в 1934 году, куда переместилась основная масса людей и оборудования, освободившийся "курятник", как его назвал когда-то Микоян, вскоре снова стал использоваться тралфлотом для "скорой помощи" - для неотложного междурейсового ремонта.

Руководство СРЗ-1 в начале 60-х. Слева направо: А. П. Гальянов, Б. К. Власов, А. Ф. Бушмин, М. И. Ковальский.

"СКОРАЯ" НЕ УСПЕВАЕТ

В 1950 году начался взрывной рост флота. Уже в первом полугодии только что организованная "Мурмансельдь" получила 42 дизельных СРТ гэдээровской постройки. На мастерские междурейсового "лечения" разом обрушилась необходимость наряду с привычным ремонтом тралового флота ремонтировать и эту внезапно образовавшуюся эскадру, которая практически одновременно, ну с растяжкой в одну неделю, являлась к причалам рыбного порта из очередной сельдяной экспедиции, и почти каждому из прибывших судов требовался какой-нибудь ремонт. Чаще всего это были наружные повреждения, связанные со швартовками к базам в открытом неспокойном море: помяты корпуса, снесены фальшборты, пробиты ватервейсы. Но случались, конечно, и поломки механизмов, и все это нужно было исправлять срочно, потому что бурно растущий отряд СРТ должен был опять же в полном составе отправляться на промысел. Такой режим ремонта даже скорой помощью не назовешь, - не работает скорая помощь в таком режиме.

Яков Иванович Тарабарин.

Поэтому-то сюда в феврале 1950 года в качестве директора и был направлен Яков Иванович Тарабарин, приобретший к тому времени черты легендарной личности.

СВОЙ СРЕДИ СВОИХ

Он был из тех, про которых говорят: щедро наделил Господь - незаемный ум, сметка, целеустремленность, способность быть лидером. Самородок высшей пробы, причем местный.

Родился он в 1905 году в селе Тетрино, где Белое море испокон веков воспитывало в поморах мужество и силу. Работать начал в 14 лет, многое что перепробовал, но в 1931 году уволился из тралового флота, где, не имея образования, дослужился до второго механика, и пришел на Мурманскую судоверфь слесарем. И именно судоремонт полномерно раскрыл талант этого человека.

Слесарь, мастер, старший мастер, заместитель начальника ведущего на верфи механосборочного цеха. На этом посту его застала война, а сразу после войны он назначается начальником механического цеха, а через полтора года - слесарно-монтажного. Оттуда и направляется директорствовать на тяжелейший участок - в мастерские междурейсового ремонта, куда ежедневно приходили десятки траулеров. Эту массу судов нужно было встретить, осмотреть, принять в ремонт и, главное, провести его в надлежащие сроки.

А сроки устанавливались буквально по часам. И не откажешь в ремонте, не имеешь права, хотя мощности мастерских были тогда плачевны и помещения не выдерживали никакой критики. Участки располагались в сараюшках с настолько низкими потолками, что не позволяли оснастить их даже простейшими грузоподъемными средствами.

В этой умопомрачительной круговерти выручали только люди: их руки, голова и сердце во главе с талантом руководителя. Тарабарин был требовательным и подчас жестким начальником, но очень внимательным и зорким. Его невозможно было ввести в заблуждение: он отлично знал судоремонт, пропустив все его премудрости через себя. Он своей жизнью показывал пример отношения к труду, поэтому и люди не обижались на жесткую манеру Якова Ивановича. Директор был свой среди своих. И его бригады совершали невозможное, немыслимое.

Конечно, это была работа на износ. Люди порою по двое, по трое суток не покидали рабочего места, на них страшно было смотреть, особенно зимой: в полутьме, со скрюченными от мороза пальцами, с воспаленными глазами, но их не приходилось даже просить, они сами не уходили с корабля, пока не сдадут механизм. Как во время войны. Тарабарин и сам был такой. Война находилась еще недалеко от них и далеко не отпускала.

Мурманские рыбаки оценили эту работу по достоинству, назвав СРЗ-1 (так вскоре стали именоваться мастерские официально) "фирмой Тарабарина". Они своим народным способом выразили глубокую признательность рабочим завода и его руководителю.

ИНЖЕНЕР ОБЯЗАН УМЕТЬ ВСЕ

По-своему трепетно, но и требовательно относился Яков Иванович к молодым специалистам: коль имеешь диплом инженера, то обязан уметь все. Владимир Данилович Кривощекин, ставший на СРЗ-1 главным технологом, а по сути, впервые организовавший там службу главного технолога (у него и стола-то своего не было на первых порах), вспоминает:

"Пришли как-то раз зимой около ста СРТ, и большинству требуются корпусные работы, еще и плавбазу "Атлантика" повредили,. там тоже надо варить корпус. А мороз - за 30. В таких условиях качественной сварки не получишь. И вот вызывает меня Тарабарин:

- Ты инженер? Нужно сделать так, чтобы мы могли варить в любой мороз. И сроку тебе десять дней.

А я где-то в журнале читал и запомнил, что в Сибири в лютые морозы военной поры варили емкости под нефть и тогда изобрели прибор ИНА (индукционный нагревательный агрегат). Он представлял собой обыкновенный электромагнит, сделанный из трансформаторного железа, с обмоткой в определенное количество витков. И когда это устройство прикладываешь к металлу и включаешь питание, оно надежно держится на вертикальной плоскости и, что главное, - электромагнитные токи очень быстро нагревают околоконтактную область.

Мы с главным энергетиком сделали расчеты, изготовили этот нагреватель, испытали и показали Якову Ивановичу - это уже через неделю после получения задания.

- О, молодцы! - заулыбался Тарабарин.

Вскоре с абрам-мысовских мастерских сюда пришел инженер-практик Мирон Абрамович Литинский, волевой, жизнедеятельный человек, беззаветно любящий технику. Он создал технический отдел, появились конструкторы, и очень хорошие. Из Москвы приехала Елена Вацлавна Воеводская, конструктор от Бога (а до этого она работала в бериевских лагерях). И вот эта дама за очень короткое время решила проблему грузоподъемных работ на заводе. У нас был металлический венгерский склад оцинкованный, где располагалось корпусно-сварочное производство, трубопроводное и кузнечное. И она умудрилась настолько ловко вписать туда кранбалки, что люди, приходя, удивлялись: как вы сумели это сделать? Она своей талантливой работой внушила на заводе действительное уважение к инженерному знанию."

ПЕРВАЯ ЗАБАСТОВКА В МУРМАНСКЕ

А потом случилась история, круто повернувшая судьбу Якова Ивановича Тарабарина.

В 1960 году в связи с переходом на семичасовой рабочий день были значительно ужесточены нормы выработки. И когда рабочим механического цеха стали выдавать первую зарплату, рассчитанную по новым нормам, люди возмутились и отказались получать деньги. Из цеха не ушли, но работу прекратили. Вторая смена присоединилась к бастующим, обстановка накалялась. А Тарабарин, которого рабочие уважали безгранично и который, наверное, мог бы разрядить ситуацию, оказался как раз в ту пору на больничном.

Областные власти всерьез обеспокоились: незадолго до этого была расстреляна демонстрация рабочих в Новочеркасске, и в партийных органах никак не хотели допустить подобную трагедию в Мурманске.

На завод приехал Е. И. Шапкин, секретарь обкома и куратор рыбаков, пообещал выплатить рабочим по среднему. Постепенно люди успокоились, хотя нормально работать завод начал только на третий день.

Сразу после этих событий сняли Тарабарина и начальника отдела труда и зарплаты завода. Директором СРЗ стал Александр Павлович Гальянов, молодой специалист, всего четыре года назад окончивший Мурманскую высшую мореходку, но хорошо себя зарекомендовавший в аппарате Совнархоза.

Вот как мне рассказал об этом сам Гальянов - светлая ему память:

"Зарплату выдали. Нормы пересмотрели, поправили наиболее зарезанные. КГБ усилил свою работу, агентов внедрили. Все стало известно на заводе заранее - любой шум, любое начинание. В первую очередь я взял в руки финансы, экономику. Спасало меня то, что я прежде работал в Совнархозе, всегда мог туда обратиться за советом. Ремонтники-то на заводе были отменные, об этом мне беспокоиться не приходилось, хотя встретили меня поначалу холодно.

Вскоре позвонил Сапаев: "Возьми к себе Тарабарина, не ошибешься. Он порядочный человек, он тебе поможет".

Я взял его замом по общим вопросам. Пришлось кого-то, конечно, и встряхивать, что как раз хорошо удавалось через Тарабарина. Главным инженером был Поташный, Ковальский - начальником техотдела, Молчанов - главным технологом. Я для этих людей был чужаком, но помог мне Яков Иванович".

Гальянов и Тарабарин подружились, несмотря на большую разницу в возрасте. И когда в 1963 году три основных судоремонтных предприятия объединились под эгидой Мурманской судоверфи и Гальянов был переведен сюда замом директора по производству, Яков Иванович ушел за ним. А через год его свалила болезнь.

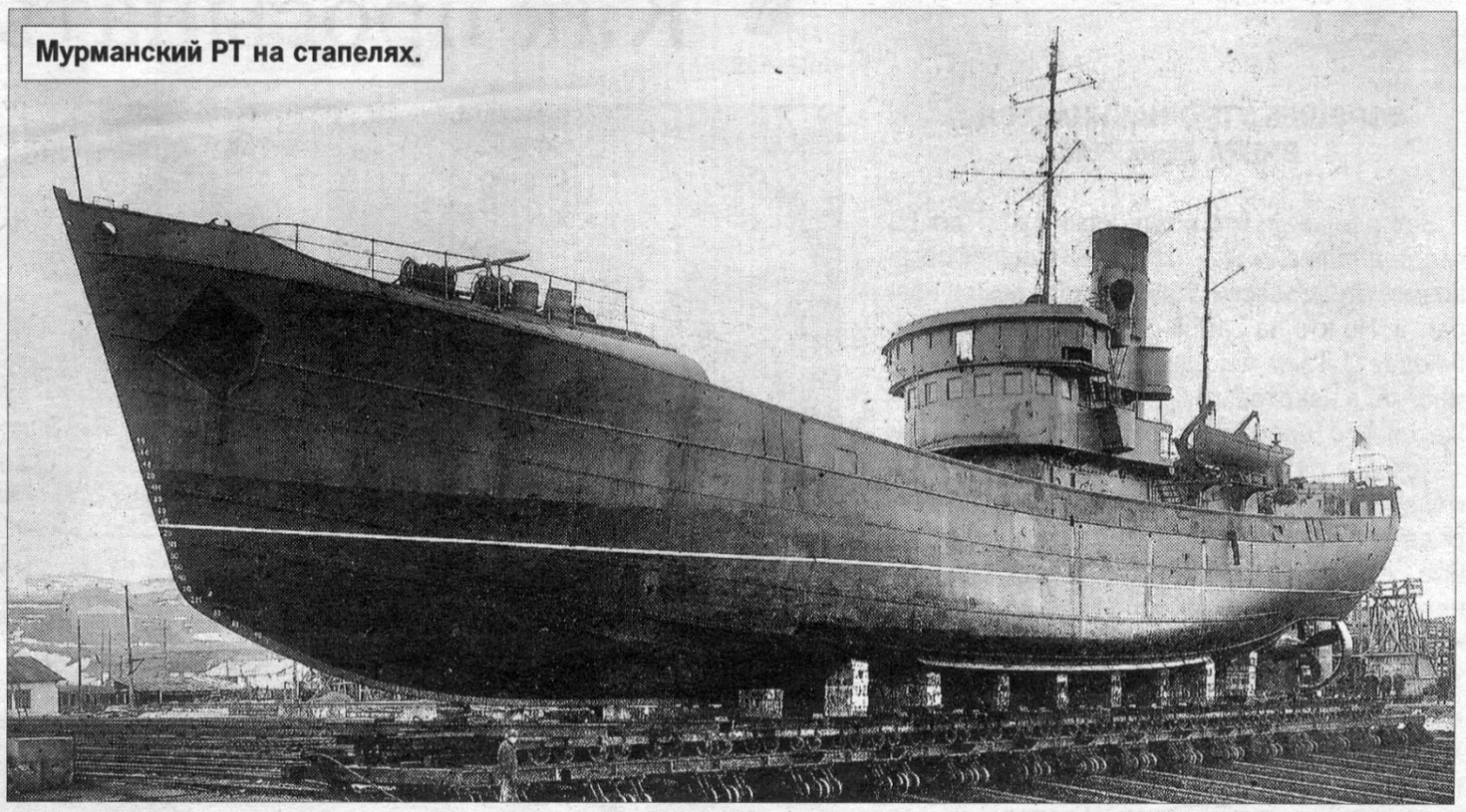
Тарабарин умер на пороге своего шестидесятилетия, и эта смерть была для Мурманска большой и неожиданной потерей. Его знал весь город - большого, светловолосого, с серо-голубыми глазами, любящего жизнь и распоряжающегося ею. Впрочем, и жизнь его любила, то есть люди. И в последний путь провожали Якова Ивановича всем флотом, всем судоремонтом, всем Кольским Севером.

Владимир СЕМЕНОВ,
член Союза писателей СССР.

Мурманчане строили стальные корабли

Сто страниц истории к 100-летию Мурманска

Итак, в 1937 году Советское правительство сочло город Мурманск подходящим местом для строительства собственных рыболовных траулеров с металлическим корпусом. Решено было возвести новые цеха на обобщенной территории и снабдить "Мурманскую судостроительную и судоремонтную верфь Главрыбы", как она теперь именовалась, дополнительным оборудованием. В июне 1938 года уже на новых стапелях были заложены два траулера: "Сталинская Конституция" и "Михаил Громов".

Мурманский РТ на стапелях.

"ГРОМОВ" ОПЕРЕДИЛ "КОНСТИТУЦИЮ"

Заложить-то суда заложили, но нервотрепка образца 37-го года в Мурманске все еще продолжалась. На судоверфи то и дело менялись руководители, которые в атмосфере всеобщей подозрительности ничего не успевали сделать. Лишь в ноябре 1938-го главным инженером предприятия стал Усач Моисей Семенович - грамотный, толковый специалист с деловой хваткой. А директором в апреле 39-го был назначен Сапанадзе Платон Васильевич - выдающийся организатор производства. Сапанадзе и Усач оказались той парой, которая своей организационной энергией сумела сомкнуться с энтузиазмом рабочих-стахановцев и вывести Мурманскую судоверфь из затяжного кризиса. Уже в середине 39-го кроме "пожарных" мероприятий намечаются системные, далеко глядящие.

12 декабря 1939 года был спущен на воду первенец мурманского стального судостроения - РТ-101 "Михаил Громов", названный в честь Героя Советского Союза № 8 - участника знаменитого чкаловского трансарктического перелета. "Сталинская Конституция", хотя и была заложена первой, оставалась пока недостроенной.

Коллектив судоверфи отправил телеграмму А. И. Микояну, инициатору стального судостроения в Мурманске: *"В результате Ваших забот о рыбном Мурмане 12 декабря в 19 часов, в условиях полярной ночи, впервые в истории Заполярья спущен на воду первый траулер, построенный на Мурманской судоверфи. Коллектив МССВ заверяет Вас, Анастас Иванович, - на достигнутом не успокоимся. Приложим все силы для выполнения задания: выпускать 10-12 траулеров в год".*

"ПОБЕДУ" ДОСТРАИВАЛИ ПОД БОМБЕЖКАМИ

Наступающий 1941 год Мурманская судоверфь встретила красиво. Вот как об этом писал директор верфи Платон Сапанадзе:

"В канун праздника все спешили к стапелям, где стоял готовый красавец траулер, построенный руками мурманских судостроителей. Сборщики, клепальщики, гибщики, инженеры суетились около своего детища, еще и еще раз заглядывая в каждый уголок корабля. Когда наконец все было осмотрено и проверено, рабочие выбили удерживающие корпус упоры и его огромное металлическое тело заскользило по полозьям. Вода Кольского залива с шумом расступилась, и он очутился в родной стихии".

Это был спущен на воду РТ-103, третий по счету траулер, построенный мурманчанами полностью, от киля до клотика. Или пятый, если считать "Ивана Папанина" и "Валерия Чкалова", чьи корпуса все-таки были ленинградскими.

Назвали траулер символически - "Победа", хотя великая и страшная Отечественная еще не началась. Она начнется через полгода, и "Победу" станут достраивать под бомбежками, стремясь к действительной победе над фашизмом, но до нее будет еще очень далеко.

ВЕРФЬ СТАЛА "КАДМИЕМ"

Предвоенный личный состав судоверфи насчитывал 2708 человек. В первые же дни войны она лишилась почти половины кадровых работников. Верфь переподчинили. Вернее, формально она оставалась в подчинении Главрыбосудостроя, но оперативно шагу не могла ступить без согласования с техническим отделом Северного флота, который стал генеральным заказчиком верфи. Ремонт военных кораблей стал главной задачей предприятия. Другим крупнейшим заказчиком стала 14-я армия.

Трудовой распорядок на верфи коренным образом изменился. Введена была двухсменная круглосуточная работа. Люди работали по двенадцать часов с одним перерывом на обед - это в самом легком случае, если Родина в лице дирекции не потребует большего.

Петр Савичев - один из первых и лучших конструкторов судоверфи.

Для телефонных переговоров с военным командованием ввели систему условных обозначений. Верфь стала "кадмием", корабль - "диаграммой". И так далее:

"география" - ремонт закончен;
"календарь" - отошел от завода;
"диктовка" - прямое попадание;
"вибрация" - нужен водолаз;
"ватрушка" - требуются аварийно-спасательные средства;
"обложка" - имеются убитые;
"биография" - имеются раненые;
"открытка" - пожар;
"анатомия" - затонул.

Заказы для фронта росли по всем направлениям. Требовались макеты кораблей для маскировки и обмана противника. Потребовалось навести понтонный мост в устье Колы, и судоверфь передала под плавучие опоры семь корпусов недостроенных "касаток". Уже в сентябре 1941 года верфь обязали произвести 200 минометов, 7000 мин и 5000 гранат-лимонок. У войны заказы свои, специфические. Строительство новых траулеров было отложено "на после войны".

Средний рыболовный траулер мурманской постройки с танковыми двигателями.

ДЫМ ИДЕТ ИЗ МАЧТЫ

Уже в 1947 году подлеченная от разрушений судоверфь по заданию А. И. Микояна приступила к проектированию и постройке среднего рыболовного траулера собственной конструкции с мощностью двигателя 400 л. с. Проект был разработан инициативной группой верфи: директор Сапанадзе П. В., главный инженер Семенов И. М., главный технолог Зеленко Л. Н., конструкторы - Тассо Х. С., Савичев П. А. и Смолин Л. А.

Проект получился своеобразным и продемонстрировал зрелость и незаурядность мурманской судостроительной мысли. Например, у этого судна, предназначенного как для тралового, так и для дрифтерного лова (ставными сетями), был носовой дополнительный руль, улучшающий маневренность, и не было привычной дымовой трубы: отработанные газы утилизировались и отводились через полую мачту. Конструкцию корпуса разработал Петр Алексеевич Савичев. Он выбрал основные параметры, сделал теоретический чертеж и произвел все расчеты по остойчивости и прочности судна.

В сентябре 1947 года после утверждения эскизного проекта министром Ишковым началась скоростная постройка судна. Главным строителем логгера был назначен инженер-кораблестроитель Груднев Борис Владимирович. Для премирования рабочих и ИТР за скоростную и качественную работу был образован специальный фонд в размере:

отрезов импортного бостона - 6;
отрезов импортного драпа - 6;
рыба улова подсобного хозяйства - 4000 кг;
картофеля подсобного хозяйства - 4000 кг.

6 ноября 1947 года - да, к 30-летию Великого Октября - корпус корабля был спущен на воду, а в начале февраля "Кораблестроитель" - именно так назвали первенца - сдали в эксплуатацию. Достройка шла в условиях полярной ночи, палубу закрывали от осадков навесами из брезента, но судно достроили в рекордно короткий срок - за 80 суток.

В 1948 году "Кораблестроитель" в качестве флагманского судна участвовал в специальной сельдяной экспедиции восточнее Исландии. Высокую оценку нашему СРТ дал ученый Ю. Марти. Находясь на испытании этого судна в районе Шпицбергена, он писал с моря: "Для меня теперь бесспорно, что суда нужно строить только в Мурманске. Этот тип СРТ намного лучше немецких судов.

Цельносварной мурманский "Кораблестроитель" стал прототипом большой серии СРТ, заказанных за границей, хотя и на стапелях нашей судоверфи он не был единственным: вслед за СРТ-1 в 1948 году был построен СРТ-2, а в 1949-м - СРТ-3. Правда, в отличие от головного судна оба они были с трехвальной силовой установкой. Модификация случилась не от хорошей жизни: для них не нашлось подходящего двигателя, и поставили три танковых. Говорят, при работе этой установки грохот в машинном отделении стоял неимоверный.

А вот корпус СРТ-4, заложенный осенью 1949 года, строился уже не на открытых стапелях, а в помещении корпусносборочного цеха: не мерзли теперь ни люди, ни металл.

Владимир СЕМЕНОВ,
член Союза писателей СССР.

Продолжение следует.

Тридцать седьмой не минул и нас...

Сто страниц истории к 100-летию Мурманска

В середине 30-х годов жизнь Мурманска в основном уже была жизнью рыбаков, портовиков и судоремонтников. В 1935 году был провозглашен лозунг "45 траулеров на промысле!", означающий, что береговые службы должны построить работу таким образом, чтобы в порту (на выгрузке, в ремонте и т. п.) одновременно находилось не более 20-25 судов, а остальные обязаны быть в море и ловить рыбу. Главная окружная газета "Полярная правда", которая в то время была ежедневной, пристально следила за этим соотношением, постоянно публиковала сводки - где какой траулер находится сегодня - и "прессовала" береговые предприятия. Особое внимание пресса уделяла новому судоремонтному заводу - крупнейшему предприятию города, насчитывающему к тому времени уже более 1200 работающих и обеспечивающему важнейшее занятие мурманчан - рыбацкий труд.

ХАРИЗМАТИЧНЫЙ ДИРЕКТОР

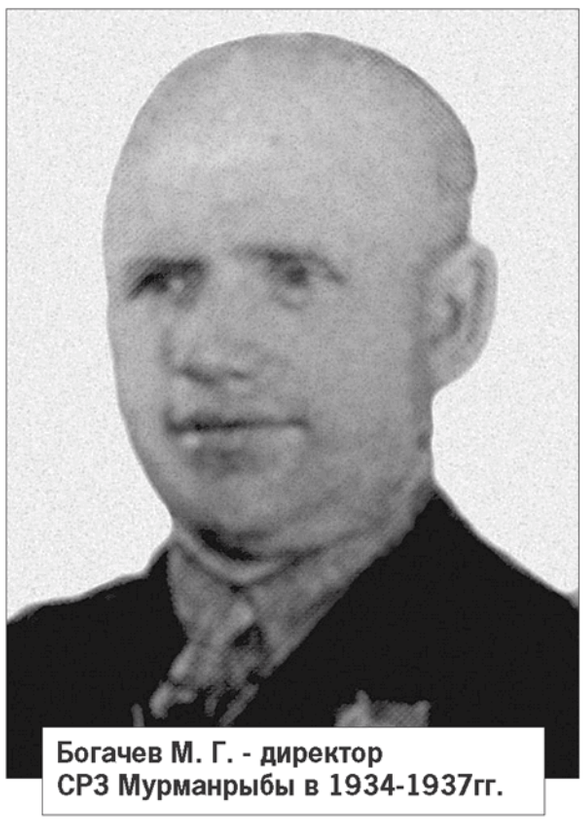
В августе 1934 года директором СРЗ стал Богачев Михаил Григорьевич, присланный Ленинградским обкомом партии. Он родился в 1898 году в семье крестьянина-бедняка. Отец умер, когда Михаил был еще младенцем, и до 1916 года будущий директор жил на родине с матерью, занимался сельским хозяйством. Потом уехал в Петроград, работал конторским мальчиком, сортировщиком на почте. В 1918 году служил в продотряде трудармейцем, а в 1919-м ушел добровольцем на Западный фронт, предварительно вступив в партию. Там вскоре стал комиссаром стрелкового полка. Дважды ранен и за свои боевые заслуги был награжден орденом Красного Знамени.

В 1920 году Богачев направлен в Петроград на партийную работу. В 1923-м командирован в комвуз, а по его окончании в 1925 году выбран ответственным секретарем ВКП(б) Балтийского завода. Был делегатом XV Всесоюзной конференции ВКП(б) и XV съезда партии, где выступал по заданию С. М. Кирова "с разоблачением разрушительной работы троцкистско-зиновьевской оппозиции на Балтийском заводе" - это слова из его автобиографии. В 1929 году был послан на учебу в Ленинградский технологический институт. При реорганизации втузов переведен в Ленинградский машиностроительный институт. Окончив теоретическую часть института, работал уже начальником большого механического цеха Балтийского завода, откуда и прибыл в Мурманск.

Вот такой боевой товарищ возглавил более чем тысячный коллектив Мурманского СРЗ. Боевитая хватка Богачева, сращенная с основательным образованием, живо сказалась на работе предприятия. Харизматичный директор быстро оброс единомышленниками, и уже весной 35-го коллектив и директор завода были премированы за ударную качественную работу.

"ДОВЕДЕН ДО КРАЙНОСТИ..."

А потом началась нервотрепка. На завод стали поступать заказы на ремонт кораблей только что появившегося Северного военного флота, и от этих внеплановых заказов, не

Богачев М. Г. - директор СРЗ Мурманрыбы в 1934-1937гг.

обеспеченных даже материалами, отказаться было немыслимо, а выполнить без ущерба для графиков невозможно. С таким трудом налаженный плановый ремонт рыболовных траулеров неизбежно рушился.

Вслед за критическими статьями в прессе последовали соответствующие оргвыводы. Летом 1936 года над руководством СРЗ уже нависла гроза. В августе арестовали прораба Левакова Алексея Ивановича, начальника слипа Кантемирова Ивана Ивановича, зам. директора Сыроежина Александра Федоровича. Чуть позже, в начале сентября, арестовали прораба Галицкого Сергея Владимировича и зам. начальника котельно-корпусного цеха Сидоренко Анатолия Сафроновича.

Разумеется, арест этих во многом ведущих специалистов, большинство которых было выпускниками лучшего в стране Ленинградского политехнического института, не мог не повлиять на ход ремонтных работ. План 1936 года был сорван.

Богачева тоже стали вызывать на допросы. 4 января 1937 года он отправляет отчаянную телеграмму в Москву начальнику Главрыбы (она сохранилась в следственном деле):

"Помогите, товарищ Андрианов. Затравили окончательно. Доведен до крайности. Обвиняют в связи с троцкистами, произносят речи о вредительстве. Мне же конкретно ничего не известно".

6 февраля 1937 года был арестован и Богачев. Всех арестованных объявили троцкистско-зиновьевской группой и обвинили в контрреволюционном заговоре... Обвинения были абсурдными. Дескать, "в одном из сборищ в начале 1934 года в гостинице "Арктика" Кантемиров, Сыроежин, Леваков и Сидоренко (Богачева еще не было. - **В. С.**) договорились сменить директора Киселева (члена ВКП(б) с 1914 года) за то, что он хотел освободить завод от троцкистов". Для этого Сыроежину якобы поручили написать заведомо неверный отчет о работе завода, с которым Киселев поехал на доклад к наркому. Будущим директором заговорщики наметили именно Сыроежина. Но после снятия Киселева директором назначили Богачева, и, оказывается, он ничуть не помешал замыслам заговорщиков (как это ни странно, при его прошлом и при том, что раньше Богачев не был даже знаком ни с кем из них. - **В. С.**), а "взял группировку под свое покровительство" и сам повел вредительскую работу - срывал сроки ремонта военных кораблей, маскируясь разными причинами: отсутствием материалов, неосвоенностью работ и т. д.

СЛОМАТЬ НЕ СМОГЛИ

Методы дознания, насколько можно судить по позднейшему письму Анатолия Сидоренко, применялись пыточные, изуверские. Многие сломились, стали оговаривать Богачева. Надо отдать ему должное, орденоносец не сдался. Как отверг поначалу все обвинения в контрреволюционной деятельности, так на том и стоял.

В деле "троцкистско-зиновьевской группы" есть красноречивый акт, вызывающий глубокое уважение к репрессированному директору СРЗ:

"Составлен настоящий в том, что вызванный на допрос обвиняемый Богачев М. Г. отказался давать показания о своей контрреволюционной троцкистской вредительской деятельности на судоремонтном заводе треста "Мурманрыба". Написать о причине своего отказа от дачи показаний Богачев также отказался. Обвиняемый Богачев объяснил, что по названному он уже имел разговор со следователем, а потому повторять своих разговоров не намерен и никогда не будет. При этом Богачев добавил, что следствие по этому вопросу ничего больше от него не добьется".

Уже в конце февраля 1937-го состоялся суд. Всего по этому делу судили 10 человек. Троих приговорили к расстрелу: Левакова, Кантемирова и Свердлова, преподавателя мортехникума. Остальных - к разным срокам заключения. Богачеву и Сыроежину дали по десять лет с дальнейшим пятилетним поражением в правах. Достоверно известно, что по крайней мере двое из этой группы репрессированных - Богачев и Сидоренко - прошли через лагеря и выжили. Богачев даже сумел побороться за возвращение ему ордена Красного Знамени.

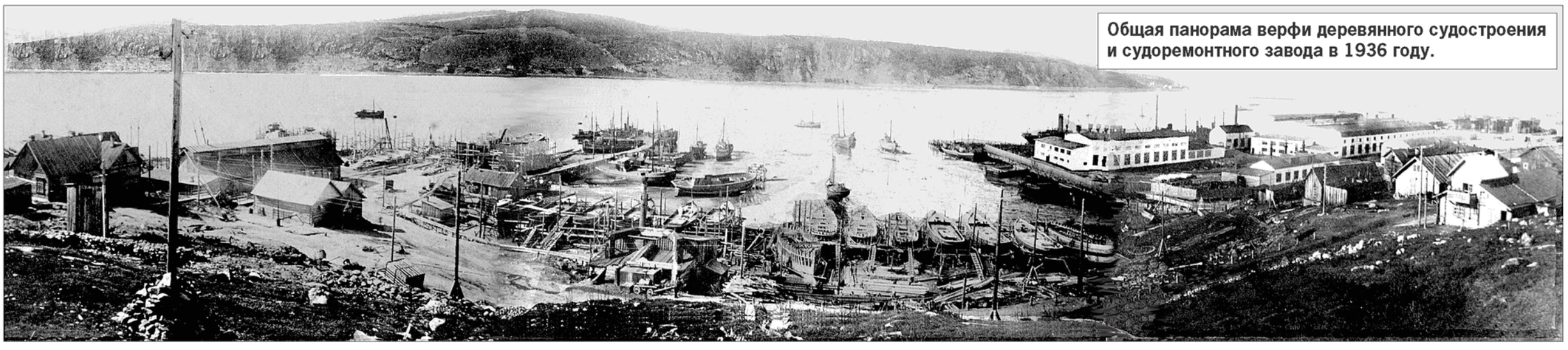
ВРАГИ НАРОДА ИЗ НАРОДА

1937 год стал пиком ожесточенных репрессий не только на СРЗ, но и по всему нашему городу, по всему тогдашнему Мурманскому округу, по всей стране. В этом году были арестованы и расстреляны секретарь Мурманского окружного комитета партии Абрамов Абрам Иванович, управляющий Мурманрыбой Светов Михаил Сергеевич, директор Полярного института рыбного хозяйства Хлыновский Георгий Иванович. Вслед за ними репрессировали Ивана Борисовича Богачева, начальника тралфлота. И, разумеется, их брали не одних, а вместе с ближайшими соратниками. Люди, работавшие на износ, исключительно много сделавшие для развития народного хозяйства, в горячечной атмосфере всеобщей подозрительности разом превратились во "врагов народа" - того народа, чьей плотью и закваской они были.

Но вот еще одна яркая примета того времени. Наряду с репрессиями, наряду с ужесточением закрепощения крестьян все шире разворачивалась плановая индустриализация страны. В частности, решено было соединить СРЗ с соседствующей верфью деревянного судостроения, о работе которой мы уже писали в предыдущих статьях, и создать на этой территории мощную судостроительно-судоремонтную базу рыбного хозяйства, чтобы Мурманск в третьей пятилетке мог уже строить металлические траулеры своими силами. Такой приказ был подписан 23 июля 1937 года наркомом Пищепрома СССР тов. А. И. Микояном.

Но об истории этого строительства мы вспомним в следующей публикации.

Владимир СЕМЕНОВ,
член Союза писателей СССР.

Общая панорама верфи деревянного судостроения и судоремонтного завода в 1936 году.

Мурманцы: командир военного порта

Сто страниц истории к 100-летию Мурманска

Примерно два месяца назад я получил электронное письмо. Из Франции. От совершенно незнакомого мне человека. С не совсем русским именем - Надин и совсем нерусской фамилией - Маршан. Между тем послание это было написано на чудесном, может быть, чуть устаревшем, но от этого еще более прекрасном русском языке. Первые же строчки письма заставили сердце замереть: "Я являюсь внучкой Дмитрия Иосифовича Дарагана. Дедушку я хорошо знала...".

В это было трудно поверить. Надин Маршан оказалась родной внучкой Дмитрия Дарагана - командира мурманского военного порта в 1919-1920 годах, одного из прототипов главного героя моего романа "Мурманцы" Алексея Кольцова...

Дараган в мурманской истории фигура примечательная, интереснейшая. Потомственный офицер русского флота, капитан первого ранга, участник русско-японской - в том числе обороны Порт-Артура, первой мировой и гражданской войн. За боевые действия в Ирбенском проливе награжден Георгиевской саблей с надписью "За храбрость" (показательно, что дед Дмитрия Осиповича - полковник Федор Иванович Дараган - тоже был награжден подобным оружием, шпагой с надписью "За храбрость", на эфесе которой был закреплен орден Святой Анны 4-й степени).

Октябрьскую революцию Дараган не принял. В декабре 1917 года его арестовали за несогласие с реорганизацией Балтийского флота, но в начале 1918-го капитана второго ранга освободили, он смог уехать в Финляндию. Откуда в мае 1919-го его вызвал на Север Евгений Карлович Миллер - помощник по морской части помощника ген.-губернатора Северной области Василия Васильевича Ермолова.

С 5 сентября 1919-го Дараган - командир Мурманского военного порта - тыловой базы Мурманского района Северного фронта и Онежской озерной флотилии.

Вот как он сам описывает это в своих воспоминаниях: "В начале 20-х годов моя жена с детьми жила где-то в средней Финляндии, а я незаконно удерживался в Гельсингфорсе и промышлял "по способности". Вдруг получаю телеграмму из Архангельска с вопросом, могу ли я приехать на Север в распоряжение Генерала Е. К. Миллера, представителя Адм. Колчака... Ген. Миллера я знал давно, уважал как высокообразованного военного. Он был прекрасный Нач. Штаба хотя бы целой армии, но нерешительный главнокомандующий. Я ответил, что согласен...

"Добравшись до Мурманска и не повидавши Ген. Миллера, я получил телеграмму, что назначаюсь командиром порта "Мурманск" и всех наших Морских сил в Мурманском районе. Это были, кажется, 2 миноносца в Мурманске и транспорт-мастерская "Ксения" и какие-то катера на севере Онежского озера (под командой моего товарища по Морскому корпусу). Никаких инструкций ни от кого я не получал.

Через несколько месяцев я собрался через Колу на Белом море добраться до Архангельска, поселиться у Ген. Миллера и представиться своему морскому начальству - Адм. Иванову.

Никто ничего толкового мне не сказал, и я вернулся править портом и флотом. Одно время политическое настроение в М-ске было такое мирное, и я решил позвать жену с двумя старшими сыновьями. Они приехали, мы оставили сыновей у знакомых, а я с женой поехал в салонном вагоне до Колы - показать Русскую Красоту. Шли даже разговоры о переезде ко мне, захвативши учительницу для русских детей мурманских семей...".

Дараган сражался против большевиков, а потом оказался в эмиграции, в Финляндии. Дмитрий Иосифович прожил долгую жизнь - умер в 1978-м, семь дней не дожив до своего 94-го дня рождения. Похоронен на кладбище русских эмигрантов, которое сам и создал.

Интересно, что ко всему прочему Дмитрий Дараган был фотолюбителем. Снимал много, в том числе и в белогвардейском Мурманске, фотосвидельств которого у нас совсем немного, без недавно явленных миру снимков интервентов и вовсе было бы бедно... Часть снимков хранится в Военно-морском музее в Гатчине. Краеведам мурманским известно, что оставил Дараган и воспоминания, которые написал в 1969-м, в восемдесят пять лет. Но опубликованы они не были, находились вне зоны доступа широкого круга исследователей. До того момента, пока мне не написала Надин Маршан...

Но к родственникам Дарагана я обратился по Интернету, в первую очередь ради фото. И получил письмо, с которого начал свой рассказ о первом командире мурманского военного порта. Оно чуть-чуть расстроило, Надин "во первых строках" писала, что мурманских фото дедушки у нее нет, но дальше - дальше был полный восторг и счастье:

"Есть его портрет 1905 года в форме мичмана. Есть портрет 1910 года в форме старшего лейтенанта.

И несколько (плохих) снимков в гражданском костюме 1921-1923-1924 гг. Среди его записей есть кое-что о том, как он попал в Мурманск и как он оттуда выбрался. Не знаю, в какой мере это может вас заинтересовать...".

В какой мере? Да в огромной! Новый источник по истории белого Мурманска! Бесценный. Уникальный. Тот самый, который мы уже цитировали и еще обратимся к нему не раз.

И еще одна очень характерная цитата из письма Надин: "Дедушка сознавал, что его личная история может представить интерес для большой Истории. Поэтому он много чего передал в библиотеку университета в Гельсингфорсе...".

Особенно умилило вот это редко употребляемое ныне, почти забытое название столицы Финляндии. Конечно, для жителя дореволюционной России, к тому же офицера русского флота, никаких местечковых Хельсинки, только имперский Гельсингфорс.

Кроме снимков Надин прислала мне фотокопии воспоминаний Дмитрия Дарагана - те, наиболее интересные для нас эпизоды, что касаются жизни его в Мурманске. Именно их вы видите сегодня в "Вечерке".

Город Кола, пешеходный мост через реку Кола.

Дмитрий КОРЖОВ,
член Союза писателей России.

Окончание следует.

Мурманцы: командир военного порта

Сто страниц истории к 100-летию Мурманска

Окончание. Начало в номере за 26 июля 2013 г.

- Очень жаль, что в детстве я не расспрашивала деда о его жизни, - вспоминает Надин Маршан - внучка Дмитрия Иосифовича Дарагана, командира мурманского военного порта в 1919-1920 годах. - Сам он ничего не рассказывал. Все, что я знаю, это из его воспоминаний. Он жил в Финляндии, а я - в Марокко. Он туда приезжал , как и потом во Францию, когда у меня появились дети. Девочкой я была у него в Финляндии два раза, но тогда он занимался нашим с сестрой воспитанием и о своем офицерском прошлом не говорил.

Спрашиваю у Надин:

- А каким запомнился дедушка?

- Невысокий, подтянутый мужчина с белой бородой. Строгий, справедливый, очень умный.

Умный - безусловно. Это видно и по воспоминаниям. Сквозь неровные машинописные строчки явственно угадывается человек. Ироничный, точный, тщательный, любящий порядок. Не только умный, но и прекрасно владеющий русским языком, хоть вроде бы и не литератор вовсе - простой офицер. Что говорить, такие при "старом режиме" были офицеры.

- Я благодарна бабушке по материнской линии, - говорит Надин, - которая нас с сестрой воспитала и привила мне любовь к русскому языку. И дедушке Дарагану (отцовская линия), от которого начался интерес к истории России.

Став преподавательницей русского в лицее, я много ездила по тогдашнему Советскому Союзу, то одна, то с мужем, то с группами взрослых или учеников. Побывала в Москве, Ленинграде, Ярославле, Риге, Вильнюсе, Киеве, Минске, Кишиневе, Одессе, Тбилиси, Душанбе, Ташкенте, Самарканде, Хиве, Нижнем Новгороде (когда он перестал называться Горьким), Новосибирске, Иркутске, Хабаровске.

- Ваша бабушка тоже русская?

- Да, русская. Из Петрограда. В 1917 году муж - генерал от артиллерии в белых войсках - посоветовал ей покинуть город. После разных мытарств они остановились в Новороссийске с тремя детьми. Там дедушка скончался от разрыва сердца, а бабушка была эвакуирована англичанами с десятилетней дочкой - моей мамой. Через Константинополь бабушка приехала во Францию в 1922 году, а в 1947-м, по совету младшего сына, служившего во французской армии в Касабланке, переехала туда всей семьей. Там я прожила 11 лет, прежде чем уехала в Париж учиться в Сорбонне. Первое назначение получила в город Нанси, где и стала преподавать в лицее.

Дмитрий Дараган, 1905 год.

Мурманский торговый порт. На рейде английский линкор “Глори” и русский крейсер “Аскольд”.

Но вернемся к мурманцу Дмитрию Дарагану, к его воспоминаниям. Насколько он был тщателен, даже скрупулезен, видно и по этим бумагам. На титульном листе указано количество машинописных копий (пять!) и кому они переданы - детям и внукам... Да, осознавал Дмитрий Иосифович ценность этих бумаг, понимал, что его жизнь (в том числе и в Белом Мурманске) будет интересовать потомков.

Изумительное там описание его очередного визита в Архангельск, где он доказывал Миллеру, что тому "надо бросить замерзающий на полгода Архангельск и сделать своей столицей Мурманск". И - чудесная подробность в концовке, очень четко высвечивающая и эпоху, и человека, который нам о ней рассказывает: "Жил я опять у Ген. Миллера, у которого был свой денщик и который иногда говорил Генералу: "Барыня так приказала...". Мне было уютно, но грустно, что не было настоящего Начальства".

"Не было настоящего Начальства" - это да. А сейчас оно есть? Привычная русская беда. Дальше об обстановке в Мурманске - очень показательно: "Политическое настроение в Мурманске все ухудшалось. Сноситься с Архангельском было невозможно, т. к. все прочитывалось "левой" цензурой...".

И - уход англичан, как это было стремительно и нежданно:

"Наши отношения с Английским Правительством кончились полным разрывом из-за бессовестности Ллойд-Джорджа - его главы. На рейде в Мурманске стоял небольшой английский крейсер "Глори", и я был в дружественных отношениях с его командиром и часто ездил к нему пить дневной кофе. Но вот он неожиданно звонит ко мне в контору: "Наступает зима. Нам понадобятся разные материалы, чтобы перезимовать, и, думаю, их надо сейчас заказать в Англии - пришлите мне список того, что вам бы понадобилось зимой. Я очень обрадовался такой любезности и составил нужный список, а сам уехал на Онежское озеро, где несколько катеров с огромными пушками охраняли Север России от врага (!). Нам помогали в этом два английских гидроплана. Один из английских летчиков предложил мне полетать с ним, и я, конечно, принял его предложение.

Вид с высоты был замечательный: на запад - голубая поверхность с золотистыми пятнами (это были песчаные мели), а на восток - зеленые беспредельные леса с белыми пятнами - это были наши православные храмы у маленьких деревушек в лесах...".

На обратном пути в Мурманск на одной из остановок Дарагану повстречались французы, которые, по его словам, приехали "помогать спасать Россию и распивали последнюю бочку красного вина". Они могли, по их собственным словам, и раньше уехать. Но - бочка - как ее оставишь?! "Но за обедом, - пишет Дараган, - выяснилась маленькая "неприятность". Старший полковник встал и громко объявил: "Господа, спарывайте нашивки и все полковники делайтесь капитанами!".

Но вот подходим к Мурманску, и я вижу, что "Глори" дымит в полной готовности сняться с якоря. Я пугаюсь, бросаюсь в порт. Командир в полном смущении, он - моряк, а не обманщик. Показывает телеграмму Ллойд-Джорджа: "Все бросить и возвращаться в Англию". Чувствовал ли Ллойд-Джордж, что он делает? Через несколько месяцев я сидел с этой "рыжей головой" в ресторане при Государственном Парламенте. Но он не чувствовал, как я ненавидел его".

Моя собеседница Надин Маршан теперь на пенсии. При этом старается собрать воедино то, что знает о Дмитрии Дарагане и о своей бабушке и написать это на французском языке. Почему на французском? Как пишет она сама, "к сожалению, мои дети по-русски не говорят. Очень хочется, чтобы они знали, откуда родом".

В порту - на осушке за причалом корпус первой русской подводной лодки “Дельфин”.

Дмитрий КОРЖОВ,
член Союза писателей России.

Синусоида мурманского судостроя

Мурманская судоверфь была единственной в СССР, строящей большие деревянные суда

Сто страниц истории к 100-летию Мурманска

ПАРАМЕТРЫ ВЗЛЕТА

Мурманская верфь деревянного судостроения в начале 30-х годов стремительно набирала силу. В представительном ежемесячном журнале "Карело-Мурманский край", выходящем в Ленинграде, уже в конце 1933 года была помещена большая, более чем уважительная статья видного тогда публициста Б. Фаворова под названием "Мурманская верфь", где говорилось о производственных достижениях молодого предприятия.

"Гордость Мурманской верфи - зверобои. И действительно, после 14-метровых рыбопромысловых ботов, постройкой зверобойного судна длиной 33 метра, шириной 7 метров, водоизмещением 435 тонн можно гордиться.

Зверобойные суда предназначены для промыслов морского зверя: тюленя, моржа, нерпы, белухи, морского зайца и белого медведя в Баренцевом и Белом морях среди льдов. Судно предохраняется ото льда ледовой обшивкой, идущей сплошь в подводной части.

Мурманский зверобой.

Кроме 200-сильного двухцилиндрового "Болиндера" зверобой оснащен и двумя парусами. Скорость судна в полном грузу при трехбалльном встречном ветре достигает 8 узлов. Судно рассчитано на 4-месячное плавание без захода в порт и пополнения запасов. Экипаж составляют 8 человек команды и 10 зверобоев-промышленников.

Другой тип строящихся верфью крупных деревянных судов - лихтерфактория. Они принимают улов с рыбопромысловых судов и во время транспортировки обрабатывают рыбу в полуфабрикат, сдавая на береговые рыбообрабатывающие заводы для дальнейшей переработки. Для мелких колхозных ботов это наиболее удобный и совершенный вид рыбоприемного плавучего пункта, сохраняющего дорогое промысловое время.

Наиболее интересный из видов строящихся на верфи судов - это комбайны, не имеющие аналогов у нас в стране. Комбайн приспособлен для комбинированного дрифтерного, тралового и сейнерного лова рыбы, поверхностного и глубинного, в течение круглого года, у кромки льда и в плавучем битом льду.

Размеры комбайна: длина - 32 метра, ширина - 7 метров, высота борта - 3,8 метра, поднимает полезного груза 70 тонн. Двигатель - 200 л. с., скорость - 9,5 узла. Команда - 18 человек, продолжительность плавания - 18 суток.

Для использования ветра комбайн имеет два паруса на грот и бизань мачтах. Судно оборудовано сушилкой, душем, красным уголком, имеет радиоустановку. Имея радиосвязь, может уходить далеко от своих баз, неся не только промысловую, но и разведывательную службу".

СТРЕЛКОВ И СТАТИСТИКА

В этой широкообзорной доброжелательной статье "Карело-Мурманского края" не обойдены вниманием и люди, специалисты мурманского судостроя.

"Всеми своими достижениями верфь обязана хорошо сработавшему основному ядру работников. Организатором верфи, несомненно, надо считать ее директора т. Стрелкова. Работающий с 1927 года заведующий снабжением т. Сапальский (мы говорили о нем в прошлой публикации. - **В. С.**) всегда вовремя умел доставить необходимый материал, надежды на который, казалось, были потеряны. Налаженная им заготовка древесины сберегла верфи немало средств.

Выросли кадры. Верфь имеет уже не одного мастера, которым был в 1929 году Михаил Панкратьевич Кучин (брат Александра, самого первого здешнего строителя судов. - **В. С.**), а 6 инженеров и 10 мастеров".

В дополнение к журнальной статье отмечу, что в Советском Союзе Мурманская судоверфь была единственной, строящей крупные деревянные рыболовецкие и зверобойные суда.

И - статистика стрелковского дела. За четыре года под его руководством верфь выпустила 128 крупных и средних рыбопромысловых судов и 540 мелких, вспомогательных типа шлюпок.

"ЗИНСКИЙ ПЕРИОД"

В августе 34-го Стрелкова Г. В. отозвали в распоряжение Рыбосудостроя - всесоюзного гостреста, созданного, чтобы объединить под его руководством все производственные организации деревянного судостроения. Во главе нашей верфи поставили Зинского Ивана Лаврентьевича, который до того был первым, то есть изначальным директором Харьковского тракторного завода.

Программой 1935 года предусматривался выпуск 10 комбайнов, 3 зверобоев, 24 "Касаток", гидрологического судна и ряда мелких посудин - всего на 6 миллионов рублей.

Для нового директора и дело было совершенно новым. Судостроительная хватка, которой обладал Стрелков, у Зинского не обнаружилась. На судоверфь вскоре стали сыпаться обвинения, за которыми в середине 30-х годов уже скоропалительно следовали оргвыводы. В объективных трудностях, которых всегда хватало на судоверфи, начали, не особо разбираясь, обвинять субъектов. А в 37-м вся накопленная прежняя газетная критика в адрес руководства судоверфи была интерпретирована в сторону вредительства.

Зинскому поначалу определили 10 лет лишения свободы. Он обжаловал приговор и, что называется, - на свою голову. В результате на "плодородной" почве сталинской юстиции родилось частное определение, где сказано, что "проектное бюро Рыбосудостроя в 1935-37 гг.

И. Л. Зинский.

спускало на Мурманскую судоверфь явно вредительские проекты, а Зинский, зная об этом, выполнял их без изменений, дополнительно внося ухудшения судостроения за счет применения сырого материала, высверливания сучков и забивкой этих отверстий пробками".

НЕ ВЫСВЕРЛИВАЙ СУЧКОВ И НЕ ДАРИ АЛЬБОМЫ

Особенно показательно здесь обвинение Зинского в том, что он высверливал сучки в материале судового корпуса и ставил пробки. Ведь так требуют законы технологии, а не вредительства.

Теперь Зинского судила уже "тройка" УНКВД, и 15 декабря 1937 года приговорила к расстрелу, который исполнили без проволочек, через три дня.

Собирая всякие обвинения в одну большую кучу, Зинскому вменили в вину и то, что он "в припадке угодливого подхалимства изготовляет роскошные фотоальбомы, каждый стоимостью в 1100 рублей для торжественного вручения разоблаченным ныне врагам народа Светову (упр. трестом Мурманрыба. - **В. С.**), Абрамову (первый секретарь Мурманского окружкома ВКП(б). - **В. С.**) и иже с ними".

Трудно сейчас однозначно определить индивидуальную вину директора Зинского. Во всяком случае, мы имеем официальную бумагу о реабилитации Ивана Лаврентьевича - ни одно из обвинений в его адрес не доказано. Имеем, слава богу, и тот помпезный альбом, который, если быть точными, изготавливался вовсе не Зинским, исполнялся всесоюзным издательством и показывал не то[лько] работу Мурманской верфи деревянного судостроения, но и других предприятий всесоюзного Рыбосудостроя. Именно благодаря этому чудом сохранившемуся альбому мы с вами сейчас, через 75 лет, получаем возможность увидеть людей, строивших зверобои, комбайны и "Касатки", увидеть картину этого строительства.

Вместе с тем в конце 30-х годов для Мурманской верфи деревянного судостроения наступали категорически новые условия существования. Деревянные корпуса судов стремительно вытеснялись стальными. Так распорядилось время.

В том же 1937-м судоверфь приписали к действующему рядом большому судоремонтному заводу. Объединенное предприятие стало называться "Мурманской судостроительной и судоремонтной верфью Гл[авного управления] рыбы".

Именно на МССВ состоялся удачный опыт строительства мурманчанами оригинальных судов с металлическими корпусами, но эту историю мы надеемся высветить несколько позже.

Владимир СЕМЕНОВ,
член Союза писателей СССР.

Суда у причала Мурманской судоверфи. 1936 г.

Мурманские "Касатки"

Сто страниц истории к 100-летию Мурманска

1929 год стал началом новой жизни для верфи деревянного судостроения вместе с началом массовой коллективизации, которая не минула и рыбаков Мурмана. Постройки и инвентарь на Халдеевом мысу были переданы только что образованному Мурманскому Интегралсоюзу. Его продекларированная задача звучала так: "организационно-хозяйственное обслуживание кооперированного населения, а также руководство местным рыбацко-оленеводческим населением и пришлыми рыбаками из других регионов".

ПРОТИВ МЕЛКОБУРЖУАЗНОГО УКЛОНА

11 января 1930 года при Мурманском Интегралсоюзе состоялось представительное совещание, где определялись типы и размеры судов, которые нужно строить для мурманских промыслов. Докладывал новый, а по сути, первый полноправный заведующий верфью Григорий Стрелков, с именем которого будет тесно связан подъем деревянного судостроения в Мурманске.

На этом совещании уже зазвучал разговорный стиль эпохи сплошной коллективизации. Было заявлено, что "*мелкой посудой интересуются рыбаки с мелкобуржуазным уклоном, для которых рыбный промысел является подсобным. Они промышляют только в летнее время и только своей семьей. А другая часть рыбачества, считающая для себя рыбный промысел основным и работающая артельно, требует крупных судов, на которых можно промышлять и зимой, и в открытом море*".

Здесь же был рассмотрен проект бота типа "Касатка", разработанный инженером Невским, который ранее был здешним представителем Регистра. Невский взял за основу популярное норвежское судно подобного типа, но существенно изменил обводы корпуса, достигнув тем самым большей остойчивости.

Проект был принят. Договорились изготовить модель и обсудить ее на конференции рыбацких уполномоченных при участии специалистов.

В феврале 1930-го после бурных дебатов по ряду становищ мурманского побережья общий выбор подавляющей массы рыбаков остановился именно на предложенной "Касатке". И вскоре на судоверфи была заложена первая серия - четыре бота. Больше в эллинг не помещалось.

Строили первую партию "Касаток" хорошо, вдумчиво. На этой постройке учились кадры рабочих, отрабатывалось наиболее рациональное использование материалов. Лучше и надежнее делались крепления с расчетом удобств, легкости и быстроты проведения будущего возможного ремонта. Тщательно планировались помещения кубрика и машинного отделения с ходовой рубкой.

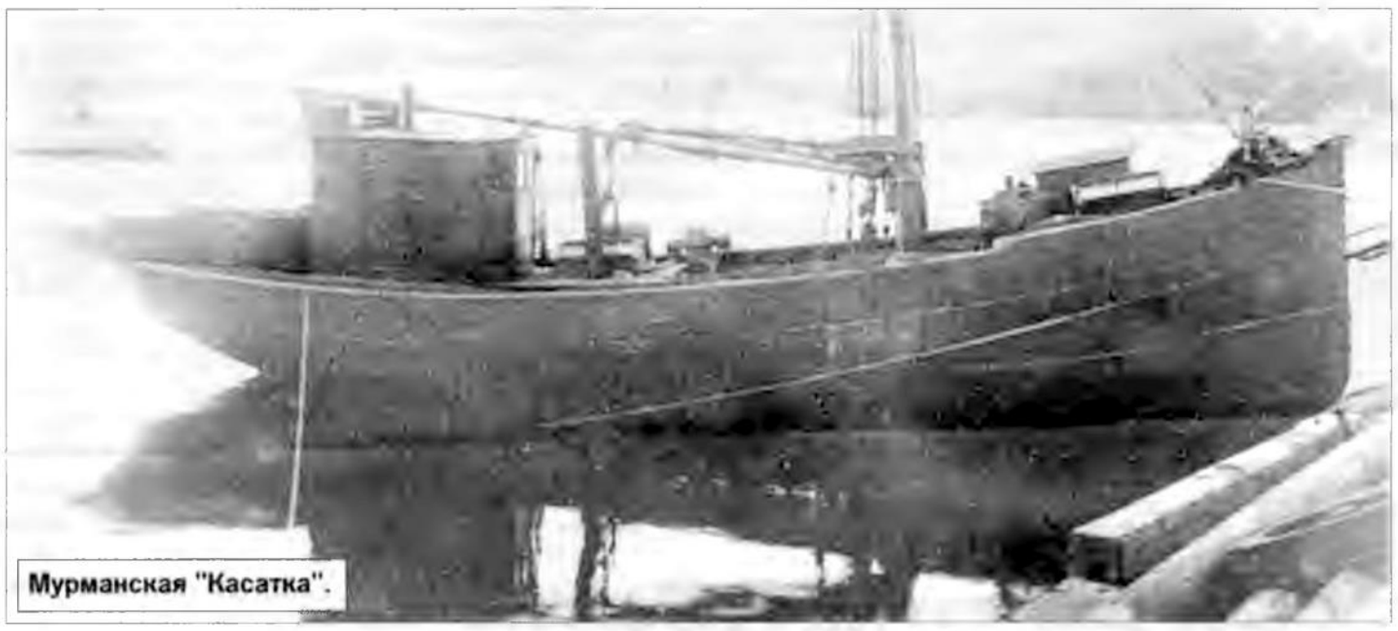
Уместно будет сказать о тогдашних заработках на верфи. Они были весьма скромными, но дело не только в этом. Мы привыкли к тому, что директору полагается оклад больший, чем у любого подчиненного ему специалиста. В описываемые годы было еще не так. Директор Стрелков получал 280 рублей в месяц, а механик по установке и ремонту моторов - 300. Столько же зарабатывал корабельный техник. А старший мастер - 275. Оплата строителей первых советских судов на Мурмане еще носила следы некоторой демократичности, что ли. Вскоре исчезнувшей.

КАСАТОЧКА ВЗЛЕТЕЛА

Кстати говоря, первые проектировщики судна этого типа, вероятнее всего, назвали его "Косаткой", охотницей морских просторов, но русскому слуху, а также сердцу оказалась ближе ласточка-касаточка.

Вот характеристики этих первых "Касаток". Длина - 14,85 м. Ширина - 4,85 м. Высота борта - 2,28 м. Водоизмещение - 43 тонны. Грузоподъемность - 20 тонн. Материал - сосна, шпангоуты еловые. Две мачты, четыре паруса: кливер, грот, стаксель и бизань. На бот предполагалось ставить моторы Ижорского завода мощностью 30-35 л. с. Эти моторы успешно выдерживали плавания на Севере.

По окончании постройки и снаряжения первого бота под названием "Норд" были назначены испытания.

Мурманская "Касатка".

Погоду нарочно выбрали непромысловую. Летней дождливой ночью 1930 года при ветре в 3-4 балла "Норд" вышел из Мурманска в Териберку, показав в пути хорошую ходкость и прекрасную управляемость. Идеально работал 35-сильный "Дейтц", запуск которого производился сжатым воздухом, что особенно нравилось рыбакам, имевшим дело с "Болиндером", который требовал на разогрев более получаса и отчаянно коптил.

В Териберке после осмотра бота рыбаками группа выборных - наиболее опытных рыбаков - вышла на пробный промысел при 6-балльном ветре и волнении.

"*...выкидка сетей в море и при 6-балльном ветре и сильном волнении была произведена удовлетворительно: сеть не попадала под корму и не путалась. Бот был остойчив и воды на палубу не брал. Поворотливость и управление рулем отличные. Бот произвел первый вылов в 500 кг и промышлял в море один, так как остальные бота выйти не решились, оставались в становище*".

Так гласит акт комиссии Териберского кооперативного товарищества. Столь же положительные отзывы были получены во всех становищах, где побывал "Норд".

Экзамен был сдан. В первый же месяц после испытаний верфь получила заказы от колхозов и артелей на 12 "Касаток".

В КЛЕТУШКАХ, НО С БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ГОРДОСТЬЮ

Производственный план 1930 года молодое предприятие выполнило с честью, что хорошо видно из наказа судостроителей, данного новому созыву Мурманского (теперь уже окружного, а не губернского) Совета.

"*Мы, рабочие и служащие верфи, в 1930 году организовали промысловое деревянное судостроение и доказали всем нытикам и маловерам полную возможность строительства. Несмотря на ряд трудностей, с какими нам пришлось встретиться в этот период, а именно: внеплановое снабжение верфи материалами и инструментами, отдаленностью от города, абсолютным вначале неимением жилищ для рабочих, мы все же добились тех результатов, которых ожидало от нас Советское правительство и наша партия. Мы построили в 1930 году 32 бота и отремонтировали ряд старой ветхой посуды, не имея даже настоящей кузницы и мехмастерской. Имели малоприспособленный эллинг и строили по большей части во временных клетушках. Но на всякие попытки международных хищников и империалистических агентов мы с еще большей энергией и сознательностью идем к социалистическому строительству нашей страны. И тем самым мы добьемся полной независимости от капиталистических стран в промысловом деревянном судостроении*".

М. В. Сапальский. Национальность - поляк. Арестован в 1938 году. Осужден на 5 лет ИТЛ. С тех пор о нем ничего не известно.

Трудностей и вправду хватало. В связи с новой генеральной линией большевистской партии, направленной на социализм, ускорились управленческие перемены. В марте 1930-го Интегралсоюз, под крылом которого воспряла судоверфь, прекратил свою деятельность, не прожив и года. Его правопреемником, тоже, правда, недолговечным, стал Муррыбаксоюз. Полное его имя - "Мурманский окружной союз рыбацких промысловых товариществ и колхозов". Смена власти - она, подобно переселению семьи с одной на другую квартиру, в любом случае на время выбивает из колеи. Именно из-за реорганизации были задержаны кредиты для верфи.

Реорганизация обострила и без того острые проблемы со снабжением. И хотя снабженец Сапальский Марьян Владимирович, который и для первого Товарищества был палочкой-выручалочкой, да и теперь оставался на высоте, обеспечивая верфь качественной древесиной (она поступала или сплавом по Туломе, или от Желлеса по железной дороге, для чего Сапальский то и дело мотался по станциям), да только древесиной, все умел добывать, но вот, например, обеспечение моторами из-за рубежа - это в режиме первой советской пятилетки оказалось вне компетенции славного добытчика.

ЗАПРОСЫ РАСТУТ

А задания, возлагаемые на верфь, тем временем бурно росли. В конце сентября того же 30-го от Ленинградского госторга на судоверфь приехал А. А. Жилинский, заведующий морскими зверобойными промыслами. У нас всего четыре специализированных судна, сообщил он, и те мы закупили в Норвегии, что очень дорого, а нам до конца пятилетки понадобится еще 12 подобных судов. Ни один из отечественных судостроительных заводов постройку зверобоев не берется. Поэтому, видя развитие Мурманской верфи, мы полагаем, что именно она могла бы включить в перспективный план изготовление судов такого типа.

Стрелков ответил согласием, поставив обязательным условием тесный контакт с Ленгосторгом в деле подготовки производства.

А уже через две недели после этого разговора Стрелкова вызвали в Ленинградское отделение совнархоза, где сообщили о том, что в Мурманский край переселяют 2000 семей рыбаков - раскулаченных. Для того чтобы их в полной мере использовать на путине, нужно к весне 1931 года построить около 400 ботов. Какую часть из них к марту может поставить Мурманская судоверфь?

Как наша судоверфь ответила на эти запросы, чем окончилась судьба деревянного судостроения в Мурманске, - об этом мы расскажем в заключительной части "трилогии".

Владимир СЕМЕНОВ,
член Союза писателей СССР.

Окончание следует.

Первые блины мурманского судостроя

Сто страниц истории к 100-летию Мурманска

Многие мурманчане еще помнят нашу судоверфь - большое предприятие, насчитывающее до 10 тысяч работающих. Но помнится мурманчанам и то, что эта верфь, несмотря на "судостроительность" своего названия, вовсе не строила, а лишь ремонтировала суда разных типов.

Такой застал ее и я, поселившись в Мурманске в 1966 году. Но такой она была далеко не всегда. Есть у нее - и у нас с вами - своя история судостроения. Интересная и значительная.

ШНЯТНИКИ

До возникновения Мурманска самым распространенным рыболовным судном мурманского океанического берега была шняка - тяжелая беспалубная лодка из толстых сосновых досок, сшитых можжевеловой вицей или тонкими веревками. Лодки эти, длиной 11-12 метров, оснащенные тремя парами весел и одним прямоугольным рейковым парусом, рассчитаны были на артель из четырех человек. Шняки выдерживали удары о камни и служили долго, до 18-20 лет. И лучшими строителями шняк издавна считались кольские мастера. За колянами даже утвердилось прозвище - "шнятники".

Но уже в XIX веке со шнякой стала активно и успешно конкурировать ела - судно, пришедшее к нам из Норвегии, сшитое из тонких досок, но более мореходное - со значительным килем и по-викингски высоким вертикальным форштевнем.

В результате первой мировой и последующей гражданской войн мелкий промысловый флот мурманского океанского побережья пришел в упадок. Необходимость его возрождения была понятна всем. В Мурманске, ставшем столицей новой губернии, уже на Первом губернском съезде Советов 16 июля 1921 года было заявлено: "Строить мы будем именно рыболовные суда и надеемся дать на зиму максимум".

Заявление это оказалось лишь декларацией о намерениях, а дать ничего не смогли. Ни на эту зиму, ни на четыре последующие.

НОРВЕЖЕЦ НАМ ПОМОГ БЫ

А верфь в Мурманск настолько просилась, что организовать ее брался даже иностранец. В архивах сохранилось заявление норвежского предпринимателя Edv. S. Aspen (так он обозначил себя в документе), направленное мурманскому губернскому руководству, где, в частности, говорится:

"Довольно странно, что в такой богатой лесами стране, как Россия, идет ввоз деревянных рыболовных судов из-за границы, в то время как нет ничего легче иметь ваше отечественное судостроение путем учреждения специального акционерного предприятия, в котором я бы мог принять непосредственное участие и руководство.

Думаю, что для Вас не было бы затруднительным добиться от центра лицензии или права беспошлинного ввоза из-за границы всех нужнейших материалов и инструментов для оборудования судов и вместе с тем разрешения привезти из Норвегии 5 человек высококвалифицированных рабочих. Инструмент, машины, вообще все необходимое я привезу из Норвегии за собственный счет при готовой от Вас лицензии...".

Инициатива норвежского предпринимателя не имела видимого продолжения и результата, но 8 февраля 1926 года на заседании президиума Мурманского губисполкома признано наконец необходимым собственными силами "начать постройку верфи на паевых началах, организовав товарищество промыслового судостроения".

"НАЧАЛО" В САРАЕ

Решено было поначалу построить пробную елу как образец, чтобы доказать реальность сметы и прозондировать запросы рыбаков - будущих покупателей.

Первые боты и их создатели.

Для постройки судна арендовали помещение бывшей прачечной на Варничном мысу - обыкновенный сарай, частично с засыпными стенами (песок с опилками), а наполовину просто стойки, зашитые горбылями, - все это под толевой крышей. Именно там в феврале - марте 1926 года была построена парусно-моторная ела под символическим названием "Начало", положившая начало советскому мурманскому судостроению.

Полная длина елы "Начало" - 10,96 метра, ширина - 2,68 метра. Полная вместимость - 6,6 регистровой тонны. Двигатель "Скандия", шведского производства, одноцилиндровый, 5 л. с. Строил елу мастер Александр Панкратьевич Кучин.

Предполагалось, что обойдется она не дороже 1300 рублей, но в спешке пришлось переплачивать и за мотор, и за материалы, да и сарай пришлось хоть как-то дооборудовать. В итоге затраты вспухли до 3700 рублей.

15 марта судно прошло ходовые испытания в Кольском заливе при участии представителя Регистра инженера Невского. В акте испытания записано, что ела вела себя хорошо, под мотором и парусом бежала очень резво. В завершение испытаний, однако, случился казус. Александр Кучин, взявшийся управлять елой, подходя к причалу, резко дал задний ход, и мотор заглох. Концы на причале принять не успели. Свежим ветром елу отнесло от причала и крепко постукало о каменистый берег, повредив винт и корпус. Для оценки повреждений назначили комиссию, ущерб оценили в 130 рублей.

"Начало" отремонтировали и продали в Териберку. Нужда рыбаков в промысловой посуде действительно была очень велика.

ХОРОШИЙ СТАРТ

Вскоре было выбрано правление Товарищества рыбопромыслового строительства и судоремонта, учреждена контора, помещение для коей сняли в новом доме Сельхозбанка, своего кредитора. Установили периодичность совещаний, заказали бланки и вывеску.

Первые строения Мурманской судоверфи.

Место для постройки верфи было выделено товариществу на Халдеевом мысу, ныне исчезнувшему из-за намывки и подсыпки. Вплоть до зимы там велись земляные работы. Возведение построек начали в феврале 1927-го, когда свету прибавилось. Все техническое руководство строительством поручили технику Губземуправления Александру Эмильевичу Калю.

А пока продолжали "выпекать" елы на Варничном мысу, в том же сарае, бывшей прачечной, где больше одного судна не помещалось. Александр Кучин числился там заведующим, а мастером-строителем стал Недугов Ефим Иванович, который совсем не знал грамоты, вместо подписи ставил крестики, но в работе своей успевал достаточно. Моторы заказали в Петрозаводске, на Онежском заводе. Установили цены на готовую продукцию. Парусно-моторную елу с двигателем Онежского завода продавали за 1750 рублей, а парусную - за 1150.

Новую верфь построили быстро и неплохо. Техник Каль, родом из немцев (арестован в 40-м, и с тех пор о нем ничего не известно), оказался хорошим специалистом и толковым распорядителем. Уже в августе 1927 года ангар, мехмастерская, кузница и дом для рабочих были готовы (см. фото). Сразу же заговорили о возведении рядом с верфью лесопильного завода. Его постройку признали целесообразной и постановили строить без промедления. Решили, что завод будет обслуживать пайщиков товарищества в первую очередь и на самых льготных условиях, а на других заказчиках станет зарабатывать хорошие деньги.

При этих, казалось бы, блестящих перспективах текущие дела товарищества были далеко не блестящи. Большинство рыбацких кооперативов не торопилось вступать в судостроительную организацию, обходилось пока своим кустарным судостроением. Не забудем, что на дворе СССР в ту пору жила НЭП, колхозное построение "во фрунт" еще только задумывалось.

По плану, намеченному товариществом на 1928 год, предполагалось выпустить 36 судов на сумму в 274 тысячи рублей, но первый же квартал показал, что план построить легко, а осуществить его в тогдашних мурманских условиях - труд неимоверный. Главные из препятствий: сравнительно слабая квалификация судостроительных рабочих, трудность приобретения крайне необходимых материалов - моторов-нефтянок, парусины, оцинкованных гвоздей и прочего. Чтобы достать парусину, приходилось командировать специального сотрудника, чтобы достать оцинкованных гвоздей, посылались телеграммы в Архангельск с унизительными просьбами, ибо кроме архангельского кустаря Опарина не найти было человека, оцинковывающего гвозди.

Финансовое положение товарищества отягощалось и курсом кредитования рыбацких артелей, который избрал Сельхозбанк. Вместо ранее практиковавшегося пятилетнего срока он стал трехлетним, что вынуждало рыбаков быть осторожными в приобретении моторных судов.

ПЛАЧЕВНЫЙ ФИНИШ

1928 год стал последним в судьбе товарищества промыслового судостроения первого созыва. Он вдобавок сопровождался и скандальной историей с инженером Севенардом, который весной 1927 года убеждал правление в пользе строительства лесопильного завода. Он же взялся изготовить чертежи за относительно небольшое вознаграждение. Ем верились, а он вместо здания, требуемого технологией лесопильного дела, начертил обыкновенный сарай. И обнаружилось это только в ходе постройки, когда уже были потрачены деньги.

В конце концов выяснилось, что Севенард Юрий Владимирович, которому 26 лет от роду, только представляется инженером, диплома у него нет. Лжеинженера судили и приговорили к двум с половиной годам лишения свободы. Товариществу от этой истории не поздоровилось. И без того натянутые отношения с банком совсем разладились.

Летом 1929 года была учреждена ликвидационная комиссия. По акту инвентаризации верфь на Халдеевом мысу включала в себя следующие постройки:

здание ангара, дощатое, кры толем: 38 х 16 х 4,5 м;

здание мехмастерских, бревенчатое, крытое толем: 8,52 х 4,26 м;

здание жилого дома с двумя вышками, бревенчатое, крытое толем: 12 х 6,4 м;

здание кузницы, дощатое, крытое толем: 10 х 4 м;

здание склада, из горбылей, крытое толем: 21 х 5 м;

уборная дощатая;

колодец;

навес для локомобиля.

За три года существования товарищество изготовило, насколько известно, 37 ел, 13 ботов и небольшое количество мелкой посуды. Не так уж много. Но что поделаешь, первым всегда трудно, тем более что эти годы верфь работала без ощутимой государственной поддержки, в обстановке того Кольского Заполярья, где все создавалось впервые.

Опыта поднабрались, и то хорошо.

В 1929 году верфь деревянного судостроения была законсервирована. Но судьба ее тем не завершилась.

Владимир СЕМЕНОВ,
член Союза писателей СССР.

Продолжение следует.

Северный форпост России

Сто страниц истории к 100-летию Мурманска

В этом году Северный флот отмечает свое 80-летие. О его создании и боевой деятельности написано немало, и, казалось бы, не осталось ничего неизвестного. Но вот что особенно любопытно - при внимательном изучении материала возникает много вопросов. В первую очередь это касается изложения довоенной истории флота: довольно-таки поверхностно рассматривается предыстория событий 1933 года, деятельности Мурманского военного порта и многое другое. А ведь большинство из них напрямую связано с историей Мурманска...

ИЗ ПРЕДЫСТОРИИ ФЛОТА НА СЕВЕРЕ

Важность военно-морского присутствия в северных водах европейской части России признавалась еще в XVIII веке. В конце XIX - начале XX в. вопрос о создании незамерзающего порта на Севере неоднократно возникал в Морском министерстве. Однако практически к строительству порта приступили лишь в 1915 году.

В ходе первой мировой войны с целью обеспечения безопасности морских перевозок между союзниками по Антанте - Великобританией, Францией и Россией - началось формирование морских сил и строительство порта. В конечном итоге это привело к созданию 6 июля 1916 года флотилии Северного Ледовитого океана (ФСЛО)...

В результате постигших Россию катаклизмов в ходе революций и последовавших вслед за этим гражданской войны и интервенции ее экономика и промышленность оказались практически полностью разрушенными, при этом особенно пострадал флот, который фактически перестал существовать как полноценная военная организация. В частности, по окончании боевых действий на Севере, 22 марта 1920 года, флотилия Северного Ледовитого океана была расформирована, а оставшиеся корабли составили основу сформированной 1 марта Беломорской флотилии. Однако уже 25 апреля Беломорскую флотилию реорганизовали в Морские силы Северного моря. Цель ее деятельности - обеспечение безопасности северных морских границ республики, подготовки морских путей Севера к мирному судоходству и охраны рыбных промыслов. База находилась в Архангельске, Мурманск являлся вспомогательной морской базой.

Экономические проблемы, разруха, отсутствие полноценной судоремонтной и кораблестроительной базы отразились на состоянии Морских сил Северного моря, задачи которых свелись лишь к обеспечению безопасности кораблевождения по Белому и Баренцеву морям. А с 1 марта 1922 года Мурманский военный порт теряет свою самостоятельность и преобразовывается в отделение Архангельского военного порта.

В итоге это привело к тому, что с 1 января 1923 года Морские силы Северного моря расформировали, а оставшиеся корабли и суда передали в ведение Морпогранохраны и Управлению по обеспечению безопасности кораблевождения на Севере (Убеко-Север). Одновременно происходит ликвидация Мурманского отделения Архангельского военного порта. На этом прекратили свое существование военно-морские силы на Севере, Мурманский военный порт.

Все это было связано в первую очередь с тяжелым экономическим положением страны, и региона в частности.

ЭКСПЕДИЦИЯ ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ

По мере восстановления экономики и промышленности в СССР в конце 1920-х годов вполне естественно встал вопрос обеспечения безопасности и обороны страны.

На Севере наиболее эффективно решать задачи обороны могли только морские силы. В середине 1920-х годов Мурманск периодически посещают корабли Военно-Морского флота. Походы эти осуществляются с учебными целями, а сам факт посещения Мурманска боевыми кораблями имеет хоть и нерегулярный характер, но уже становится очевидным - первый шаг к формированию флота на Севере сделан. Начиная с 1929 года вопрос о формировании флота все чаще рассматривается военно-политическим руководством страны.

Мурманск. Осень 1932 г. С. М. Киров во время посещения Мурманска на борту корабля Морпогранохраны перед осмотром Мурманского рейда и Кольского залива. (2-й ряд слева направо: 5-й - С. М. Киров, секретарь Мурманского Окружкома ВКП(б) Светов, первый управляющий комбината "Апатит").

Тем не менее флот в первую очередь это не только и не столько корабельный состав. Для его нормального функционирования в первую очередь необходима развитая береговая инфраструктура: система базирования, судоремонтная база и многое другое. Именно по этой причине дата создания Северного флота, определенная как 1933 год, по сути своей условна и связана с формированием корабельного состава. Переводу кораблей на Север предшествовала большая и кропотливая работа нескольких комиссий по обследованию побережья Кольского залива и непосредственно Мурманского порта.

Изначально планировалось, что главные силы должны базироваться не в Архангельске, как это было с флотилией Северного Ледовитого океана и Морскими силами Северного моря, а исключительно в Кольском заливе. Из существующих пунктов предполагаемого базирования - села Полярное и города Мурманска, только последний в той или иной степени мог удовлетворить хотя бы минимальным требованиям.

Таким образом, работы по восстановлению Мурманского военного порта напрямую связаны с решением о создании Северной военной флотилии.

В 1931 году в Мурманске работает комиссия Морских Сил РККА "для производства обследования работ по судоремонту непосредственно на месте в целях более полного изучения этого дела".

Интенсивность работ комиссий различного уровня по созданию условий базирования военных кораблей увеличилась в 1932 году. Весной в Мурманске работает комиссия под руководством А. И. Микояна. Летом этого же года Мурманск посещает С. М. Киров, который помимо других вопросов интересовался состоянием дел и перспективами развития Мурманского порта. С 25 июля по 7 августа комиссия под председательством И. С. Исакова производит обстоятельный осмотр Кольского залива. Осенью в Мурманском округе работает бригада Президиума ВЦИК СССР. Одновременно с этим Начальнику Убеко-Север ставится задача проведения гидрографических работ в акватории Мурманского порта и описания губ Кольского залива.

В начале апреля 1933 года комиссия под председательством И. С. Исакова снова обследует Мурманский порт с целью его использования как временной базы боевых кораблей. Комиссия делает выводы о том, что при существующем уровне развития инфраструктуры Мурманского порта в нем может базироваться не более девяти кораблей (трех эсминцев, трех подводных лодок, трех сторожевых кораблей). Выводы, сделанные этой комиссией, ложатся в основу решения, определившего первоначальный состав будущей военной флотилии. При этом отмечается неудовлетворительное качество проведенных в акватории Мурманского порта Убеко-Севера гидрографических работ. Особо подчеркивается, что связано это с отсутствием в Убеко-Севере отдельной структуры в Мурманске (лоцдистанции).

13 апреля 1933 года состоялось заседание Совета Ируда и Обороны (СТО). В протоколе заседания, в частности, записано: "Слушали доклад т. Ворошилова о выполнении особого задания. Постановили: перевести из состава Морских Сил Балтийского моря в Белое море эсминцы "Урицкий", "Валериан Куйбышев", подводные лодки "Декабрист" и "Народоволец", сторожевые суда "Ураган" и "Смерч". В свете реализации постановления СТО 15 апреля Народный комиссар обороны издает приказ о создании экспедиции особого назначения (ЭОН-1) для перевода отряда кораблей по Беломорско-Балтийскому каналу на Север.

ТАК ВСЕ НАЧИНАЛОСЬ

3 мая 1933 года Начальник Морских Сил Рабоче-Крестьянской Красной Армии В. М. Орлов отдает приказ Начальнику Управления по обеспечению безопасности кораблевождения на Белом и Баренцевом морях (Убеко-Севера, по совместительству - старшему морскому начальнику на Севере) А. А. Утенькину о немедленном формировании Мурманской лоцдистанции и подготовке к переводу Управления Убеко-Север в Мурманск.

В начале мая 1933 года в Мурманск прибывает комиссия под руководством заместителя начальника Морских Сил Рабоче-Крестьянской Красной Армии П. И. Куркова, которая осматривает инфраструктуру Мурманского порта (торговый порт и базу Совтралтреста) на предмет выбора места базирования кораблей ЭОН-1. В докладной записке на имя В. М. Орлова от 5 мая 1932 года предлагается провести ряд конкретных мероприятий по обеспечению базирования боевых кораблей на Мурман[illegible] порт: передача баков Союзнефтеторга; подвести к причалам электроэнергию, пресную воду; передача двух буксиров; перевод с Балтики плавбазы "Смольный", плавмастерской "Красный горн" и другие. 8 мая были осмотрены места для постройки операционной базы Морских Сил Севера.

Следствием работы этой комиссии стало начало формирования в мае 1933 года в Мурманске военного порта Северной военной флотилии. Для осуществления работ по строительству объектов Мурманского военного порта дано указание на формирование Управления начальника работ № 95 (УНР-95). Согласно решению Совета Труда и Обороны в ведение военного порта Северной военной флотилии были переданы причалы № 1 и 2, Мурманская пристань с прилегающей к ним территорией Мурманского торгового порта, группа складов, расположенных в непосредственной близости от причалов, выделена часть емкостей на нефтебазе для хранения жидкого топлива. Этим [illegible] постановлением предлагалось форсировать строительство судоремонтного завода и Мурманской электростанции.

Во исполнение решения СТО Совнаркома Союза ССР своим решением выделяет на строительство Мурманского военного порта в 1933 году 2000000 рублей...

Таким образом, еще до начала формирования Северной военной флотилии в Мурманске проводились исследования и работы по формированию инфраструктуры флотилии. Интенсивность работ особо возросла в 1932 году. После принятия Советом Труда и Обороны 13 апреля 1933 года решения о формировании флотилии начались интенсивные работы в Мурманском порту по организации и строительству береговой инфраструктуры. Уже 3 мая в Мурманске начинают формироваться первые организации и учреждения флотилии.

10 мая 1933 года из Кронштадта вышел продотряд в составе двух барж с продовольствием, а 15 мая - вспомогательный караван из барж с вооружением и техническим имуществом. 18 мая 1933 года ЭОН-1 в составе эсминцев "Валериан Куйбышев" и "Урицкий", сторожевых кораблей "Смерч" и "Ураган", подводных лодок "Декабрист" и "Народоволец" вышли из Кронштадта на Север. Кораблям еще предстояло преодолеть пороги Свири, шлюзы Беломорско-Балтийского канала... Приказ Народного Комиссара обороны о формировании с 1 июня 1933 года Северной военной флотилии был подписан 5 июля...

А в Мурманске тем временем уже вовсю кипела работа по подготовке базы флотилии...

Павел СТЕЖКО,
главный герольдмейстер Северного флота.

Продолжение следует.

Северный форпост России

Сто страниц истории к 100-летию Мурманска

Продолжение.
Начало в номере за 15 февраля.

Лето 1933 года. События, происходившие в это время, для современников были покрыты густой завесой тайны. Да и в наше время события этого лета либо недостаточно известны, либо изложены с примесью мифов и легенд.

НЕУЖЕЛИ ПОТОРОПИЛИСЬ?

Корабли экспедиции особого назначения идут к месту своего нового базирования. Для большинства участников этих событий еще неведома конечная цель похода. Предпринят ряд мер по обеспечению секретности: замена ленточек на матросских бескозырках, полное сокрытие названий кораблей (доски с накладными буквами были демонтированы с бортов) - вплоть до закрашивания надписей на спасательных кругах. С личным составом проводятся беседы для исключения любых упоминаний названий кораблей в разговорах и конечной цели похода...

А в Мурманске тем временем в обстановке строжайшей секретности разворачиваются работы по созданию базы военной флотилии. Прибывший в Мурманск после окончания военно-морского училища Михаил Августинович впоследствии так вспоминал события июля 1933 года: "Мурманск встретил нас проливным дождем. Кругом была непролазная грязь... Мы долго искали военного коменданта станции, располагавшегося тогда в небольшой комнате деревянного полутораэтажного вокзала. Еще большим разочарованием для нас было заявление коменданта, что ни о какой флотилии он "ни сном ни духом не слышал" и ничем помочь нам не сможет... О создании Северной военной флотилии Мурманск еще не знал".

Тем не менее в соответствии с указаниями Генерального штаба Рабоче-Крестьянской Красной Армии формируется Мурманский военный порт. От гражданских организаций принимаются складские помещения, административные здания и причалы, готовятся строительные площадки для казарм, госпиталя, жилых домов и других сооружений.

Возникают первые проблемы - материально-техническое состояние предприятий и организаций Мурманска не в состоянии обеспечить выполнение даже минимума необходимых работ как в количественном, так и в качественном отношении. Утвержденный штат военного порта явно недостаточен. На месте ощущается острая нехватка квалифицированных специалистов, даже несмотря на всестороннюю помощь, оказываемую партийными и хозяйственными органами города. Инфраструктура не развита. Морской театр практически неизвестен, большинство сведений о нем как минимум полувековой давности.

Выводы далеки от оптимизма: с решением о создании флотилии явно поторопились.

Во второй половине июля 1933 года в Мурманск прибывает Начальник Морских Сил Владимир Орлов. Основная цель визита - осмотр Кольского залива и выработка рекомендаций по строительству баз Северной флотилии. Но ему приходится изменить план своего пребывания на Севере - вопросы, связанные со строительством Мурманского военного порта, не требуют отлагательства, каждый день приносит все больше и больше проблем... В итоге осмотру Кольского залива был посвящен всего лишь один день - 21 июля он обходит залив на гидрографическом судне "Мороз".

МЫ ЗДЕСЬ ПО ВОЛЕ СТАЛИНА И ОТСЮДА НИКУДА НЕ УЙДЕМ!

26 июля 1933 года ТАСС передает следующее сообщение: "18 июля тт. Сталин и Ворошилов приехали в Ленинград и вместе с тов. Кировым в тот же день выехали на Беломорско-Балтийский канал. По ознакомлении с работой канала и с состоянием гидротехнических сооружений выехали через Беломорский порт Сорока в Мурманск. В Мурманске тт. Сталин, Ворошилов и Киров осмотрели Мурманский порт и бухту Полярную (Александровск) в Мурманском заливе. 25 июля по возвращении в Ленинград и осмотре Ленинградского порта тт. Сталин и Ворошилов выехали в Москву".

О поездке Иосифа Виссарионовича Сталина в Мурманск писалось немало. Нам бы хотелось осветить лишь некоторые эпизоды, сокрытые за скупыми строками сообщения, которые имели непосредственное отношение к создаваемой флотилии и строительству Мурманского военного порта.

18 июля 1933 года пароход "Товарищ Анохин" отошел от Озерной пристани и взял курс на Беломорско-Балтийский канал. На борту помимо Сталина находились Климент Ворошилов, Генрих Ягода и Сергей Киров.

Утром 21 июля пароход "Товарищ Анохин", проследовав вслед за кораблями экспедиции особого назначения Беломорско-Балтийским каналом, прибывает на Сорокский рейд (ныне - Беломорск). Именно там состоялся торжественный митинг, на котором официально было объявлено о решении правительства сформировать флотилию. О самом митинге существует множество противоречивых свидетельств. С одной стороны, имеются упоминания о "пламенной речи товарища Сталина со словами наказа краснофлотцам и командирам". Само собой, большинство подобных воспоминаний относится к 1930-1950-м годам. С другой стороны, говорится о дурном расположении Сталина и на многочисленные просьбы выступить "...тот вдруг вынул трубку изо рта и довольно громко сказал: "Нэ буду!", после чего повернулся и пошел...". Нетрудно догадаться о времени публикации подобных воспоминаний. Но есть и любопытные сведения. По воспоминаниям Д. Ф. Фролкина, написанным еще в 30-е годы, "на 19-м шлюзе тов. Ворошилов принимал парад краснофлотцев, на котором выступал и тов. Киров". И ни слова о выступлении Сталина! Интерес представляют описания этих событий Константином Симоновым, записанные в 1960-х годах со слов адмирала Ивана Исакова: "В Сороках, когда прошли Беломорско-Балтийский канал, был небольшой митинг, на котором выступили то ли начальник, то ли заместитель начальника "Беломорстроя" Рапопорт, начальник ГПУ Ленинграда Медведь и еще кто-то. Стали просить выступить Сталина. Сталин отнекивался, не хотел выступать, потом начал как-то нехотя, себе под нос. А перед этим, надо сказать, все речи были очень и даже чересчур пламенны, говорили, что мы теперь здесь встали по воле Сталина и отсюда никуда не уйдем, что море наше, что мы завоюем Север, что мы разобьем здесь любого врага, и т. д. И вот после всех этих речей Сталин, как бы нехотя, взял слово и сказал:

Беломорско-Балтийский канал, июль 1933 г. И. В. Сталин, К. Е. Ворошилов, С. М. Киров, Г. Г. Ягода и другие на борту парохода "Товарищ Анохин".

- Что тут говорили: возьмем, победим, завоюем. Война, война... Это еще неизвестно, когда будет война. Когда будет - тогда будет! Это север!.. - и еще раз повторил: - Это север, его надо знать, надо изучить, освоить, привыкнуть к нему, овладеть им, а потом говорить все остальное".

Вечером того же дня высокие гости пассажирским поездом выехали в Мурманск, для чего к составу были прицеплены два купейных вагона.

"ВОТ ЗДЕСЬ МОРЕ, ЗДЕСЬ ОКНО! БОЛЬШОЙ ФЛОТ ЗДЕСЬ..."

Тем временем в Мурманске шли приготовления к встрече комиссии. "21-го числа уже в основном все было готово. Вечером приходит Фомин. Он занимался подготовкой судна. Приходит и говорит: "Как у вас дела?". Прошел по помещению... Спрашиваю его, кто же у нас будет. Говорю, все-таки я капитан, желательно знать. Потом, говорит, увидишь", - вспоминал капитан парохода "Буревестник" Андрей Михайлович Чухчин.

Утром 22 июля 1933 года в 8.30 комиссия прибыла в Мурманск. Два купированных вагона отцепили от пассажирского поезда и в 9.35 доставили в Мурманский торговый порт. Гости спустились по трапу на судно. "Без свистков, концы отдали и пошли...". Сперва осматривали со стороны залива сооружения Мурманского порта, мастерских. Во время следования обсуждали вопросы о перспективах развития Мурманского порта, необходимости строительства судостроительного и судоремонтного заводов и другие вопросы. После осмотра Мурманского порта последовали по Кольскому заливу на север. Андрей Чухчин вспоминает: "Спрашиваю, куда следовать. - Прямо по заливу. Идем по Кольскому заливу...". Воспоминания отразили даже мелкие бытовые подробности, в частности, Сталин и Ворошилов находились не на мостике, а на полубаке. На судне было семь мелкокалиберок и дробовиков. "Тов. Ворошилов стрелял с полубака из дробовика, очень брал метко, обстреливал очень хорошо, одну чайку крепко посадил на воду... Фотограф все время заснимал, как Ворошилов стрелял по чайкам, потом как Сталин накладывал табак из своего резинового кисета. Разговаривали между собой, живой разговор вели, были в веселом настроении".

"Буревестник" проследовал до Цып-Наволока, после чего было решено зайти и осмотреть Екатерининскую гавань, но с таким расчетом, чтобы в 19.30 быть в Мурманске. "Сталин курил из трубки, всматривался в побережье Кольского полуострова, и был оживленный разговор между тов. Ворошиловым и военными моряками. Между прочим, карта Кольского залива была разостлана, рассматривали карту и оживленно разговаривали". Именно в это время Сталиным были произнесены слова, поразившие, по словам Андрея Михайловича, своим предвидением даже присутствовавших на борту моряков - представителей командования ВМС РККА: "Что такое Черное море? Лоханка. Что такое Балтийское море? Бутылка, а пробка не у нас. Вот здесь море, здесь окно! Большой флот здесь...". Любопытно, но спустя десятилетия (цитата была стенографически записана со слов Андрея Чухчина в 1935 году на совещании команды "Буревестника") фраза эта была воспроизведена Иваном Исаковым (тем более в период апогея в развенчании культа личности, а Иван Степанович, как известно, не относился к поклонникам вождя, а скорее, в ряде случаев - даже наоборот). Отличие состояло только в некоторых деталях. При этом уточняется: "Это было сказано в те времена, когда идея создания Большого флота на Севере еще не созрела даже у самых передовых морских деятелей. А после того как он это все сказал, продолжая глядеть в иллюминатор на серый невеселый горизонт, он добавил: "Надо попробовать в этом году еще караван военных судов перебросить с Балтики. Как, можно это сделать?".

Вечером того же дня по прибытии "Буревестника" в Мурманске состоялось совещание с руководителями местных партийных и хозяйственных органов. Обсуждались самые наболевшие вопросы, связанные с развитием города и региона, не требующие отлагательств. А ближе к полуночи комиссия поездом выехала в Ленинград.

ПОСЛЕДСТВИЯ НЕ ЗАСТАВИЛИ СЕБЯ ДОЛГО ЖДАТЬ

В результате поездки комиссии было принято окончательное решение о выборе места для строительства баз и оборонительных сооружений, передаче в ведение флотилии судов гражданских ведомств. Решение проблем, связанных с формированием флотилии, требовало срочного вмешательства на высшем партийном и государственном уровне...

26 июля принимается решение об отправке из Кронштадта в Мурманск второй экспедиции особого назначения. Ядро этой экспедиции составили суда с материально-техническим имуществом, столь необходимым для нормального функционирования флотилии на начальном этапе. В состав второй экспедиции вошло только три боевых корабля.

1 августа в Мурманск из Кронштадта прибывает учебный корабль "Комсомолец" со слушателями Особого курса военно-морской академии, штурманского класса специальных курсов командного состава и курсантами военно-морских училищ. Принимается решение о временном включении его в состав Северной военной флотилии в качестве штабного корабля и плавучей казармы командного состава.

До прибытия кораблей первой экспедиции особого назначения в Мурманск оставались считанные дни...

Павел СТЕЖКО,
главный герольдмейстер
Северного флота.

Не будем ставить точку...

Мечты о мурманском трамвае живы и сегодня

Сто страниц истории к 100-летию Мурманска

Много лет назад - еще в XIX столетии - французский инженер Поль Декавиль, ломая голову над тем, как по размытым ливнями грунтовкам подвезти остававшийся в полях урожай свеклы к своему винокуренному заводу, придумал особую узкоколейку. Интересно, предвидел ли он тогда, что его изобретение будет со временем востребовано не только в плодородной Франции, но и за Полярным кругом? По-моему, вряд ли. Тем не менее все получилось именно так. Мурманскую декавильку, именуемую также мурманским трамваем, можно считать первым общественным транспортом заполярной столицы. Хотя, как свидетельствуют архивные документы, перевозила она в основном грузы.

Эстакада на узкоколейке в Мурманске. Фото Франка Дж. Макграфа, 1919 год.

ОТ ХРУСТАЛЯ ДО НЕЧИСТОТ

Конечно, декавилька отличалась от трамвая, как жизнь от мечты, то есть была грубее и проще. Она обходилась без электричества - не нужно было строить подстанции, устанавливать столбы, тянуть провода. Ее рельсы и шпалы сравнительно легко укладывались и разбирались. Вагонетки и платформы при необходимости можно было передвигать хоть вручную, хоть при помощи лошадей. Характер перевозимых грузов мог быть любым - от хрусталя до нечистот. А в целом мурманская узкоколейка представляла собой военно-полевую дорогу, широко использовавшуюся в годы первой мировой по обе стороны фронта.

Построили ее в 1918-1919 годах англичане. При этом они далеко не всегда считались с интересами мурманчан. "Рабочие для балластировки пути закладывают карьеры в тех местах, где должны пройти улицы города, а местами в кварталах участков, отведенных частным лицам, - возмущался в мае 1919-го комиссар Мурманска Иван Сербинов. - Кроме того, укладочный материал на некоторых улицах загромождает дороги, переезды через пути устроены так, что могут повлечь несчастья с людьми и лошадьми". В итоге получилось сооружение с шириной колеи 60 сантиметров протяженностью 5 верст, обошедшееся в 5 миллионов рублей. Руководил строительством инженер Фрозер, а командовали декавилькой военные: сначала полковник Лефевр, потом подполковник Томсон. В качестве тяговой силы использовались трактора британской фирмы "Симплекс", работавшие на бензине: 5 машин мощностью 20 лошадиных сил и две сорокасильных, применявшихся в основном зимой.

После эвакуации союзников в октябре 1919 года узкоколейка перешла в ведение города вместе со множеством запасных частей и 7134 галлонами бензина. Действовала она тогда как транспортное предприятие: за плату 80 копеек с пуда грузы доставляли в нужную точку. Летом по ней ежемесячно перемещали до 200 тысяч пудов, зимой - в два раза меньше. Учитывая, что выручка за перевозки составляла около 125 тысяч рублей в месяц, декавильку того времени можно считать одним из самых выгодных городских учреждений.

НЕДЕЛЯ ЧИСТКИ

Правда, использовали ее не только для официальных целей. Поскольку зимой узкоколейку очищали от снега, по ней нередко передвигались простые горожане, порой даже конные. Что, в свою очередь, было чревато опасностью дорожно-транспортных происшествий. "Во многих районах города полотном узкоколейной жел. дор. пользуются для сокращения пути как пешеходы, так и возчики, - информировал краевое руководство Начальник города Мурманска, сокращенно "Нагор", Борис Полевицкий. - Ввиду того, что для прохода подвижного состава расчищается только необходимая для этого часть полотна, по краям же расчищенного пути лежат горы снега, при встречах поезда с пешеходами или лошадьми последним некуда свернуть, что может привести к несчастным случаям". Таковы были в ту пору реалии мурманской жизни.

Декавилька начиналась от Зеленого мыса и тянулась через Мурманск к району Морской базы. Осенью 1919-го было решено проложить ответвление дороги к Лихтерной пристани - "крайне необходимое, - как пояснял Полевицкий, - для разгрузки пароходов вследствие отсутствия лошадей". Материалов на эту ветку не хватило, и их принялись разыскивать по всему Карело-Мурманскому краю. Рельсы везли из Сороки - нынешнего Беломорска, шпалы - из Чупы. Но воплотить задуманное в жизнь так и не успели - к власти пришли красные.

Вскоре после изгнания белых узкоколейка уже служила новому строю. Так, в апреле 1920 года в Мурманске состоялась "неделя чистки", в ходе которой город очищали от скопившегося за зиму мусора. "Сердце радуется при виде высоко вздымающихся лопат, быстро нагружающих вагонетки, - повествовал корреспондент местных "Известий". - Длинными вереницами тянутся они по городу, унося за пределы его остатки гнили и отбросов - наследия наших предшественников. За пять дней Мурманск "стал легче" на 120 вагонеток грязи".

Рельсы декавильки на улице Воровского. Мурманск, 1929 год.

ГРЕЗЫ О ТРАМВАЕ

А потом наступил топливный кризис. Архангельская комиссия, обследовавшая положение в Мурманске, отчитываясь губернскому совнархозу, констатировала, что декавилька, заменяющая все виды городского транспорта, бездействует из-за отсутствия бензина. Перебои в работе продолжались и дальше. "Наступает весна, начинается оттепель, - извещала читателей 31 марта 1923 года "Полярная правда", - узкоколейка... покрыта утоптанным снегом на толщину свыше аршина. Необходимо принять меры к очистке ее от снега во избежание размыва полотна и излишних расходов на ремонт".

Характерно, что пока декавилька простаивала, мурманчане продолжали грезить о трамвае. "Жители Дровяного, - фантазировал один из них в заметке "Первое мая на Мурмане в 2423 году", - не ездят в Мурманск и обратно с опасностью для жизни на пароходах с сомнительной репутацией, а носятся туда и обратно через грандиозный мост, в невесомых вагонах умопомрачительного трамвая". Трамвай, таким образом, воспринимался буквально как символ светлого будущего. В отличие от узкоколейной железной дороги, прочно связанной в представлениях жителей заполярной столицы с суровой реальностью.

Имелась у декавильки и еще одна, немаловажная по тем временам функция - агитационная. Масштабные пропагандистские мероприятия нередко сопровождались специально оформленными поездами, курсировавшими по городским улицам. К примеру, 20 июля 1924 года в Мурманске проводился праздник "Красной Авиации и Общества Друзей Воздушного Флота". "С самого утра члены ОДВФ... хлопотали у гаража, украшая вагоны узкоколейки, - описывал происходившее очевидец. - В час дня пришел оркестр и поезд в восемь вагонов с двумя моторами, весь разукрашенный плакатами, флагами и зеленью, двинулся по городу, переполненный публикой".

ДЕКАВИЛЬКУ ЗАКАТАЛИ В АСФАЛЬТ

К середине 20-х узкоколейный "трамвай" вновь набрал обороты. Работать ему приходилось весьма интенсивно. Откомхоз - отдел коммунального хозяйства, управлявший "малой" железной дорогой, заключал договоры на доставку грузов с разными предприятиями. Везли стройматериалы, дрова, уголь, делали частные рейсы по цене 4 копейки за пуд. И все было бы в порядке, если бы не одно "но": узкоколейка, порождение трудных военных лет, постепенно ветшала. Пришло в негодность ответвление дороги к Зеленому мысу. Из семи тракторов способность передвигаться сохранили четыре, да и те из-за отсутствия запчастей дышали на ладан. Требовали ремонта и сами пути.

Между тем столица Заполярья постепенно росла и развивалась. Из города, в котором все, включая население, имело временный характер, Мурманск становился центром рыбной промышленности и морских перевозок, воротами в Арктику. Все непостоянное, недолговечное уходило, сменяясь капитальным и прочным. Незаметно ушла и декавилька, разобранная, засыпанная, закатанная в асфальт и впоследствии почти позабытая. В 2010-м рабочие, ремонтировавшие теплотрассу на проспекте Ленина возле гимназии № 2, обнаружили кусок ржавого рельса. Чуть позже нашли другой обломок - на улице Капитана Егорова. И, похоже, это все, что осталось от мурманской узкоколейки.

В 1934 году в городе на берегу Кольского залива появился новый вид транспорта - стали ходить автобусы. После Великой Отечественной, в 1947-м, Совет Министров РСФСР утвердил генеральный план Мурманска, включавший организацию троллейбусного движения.

Казалось, с трамвайными проектами покончено навсегда. Но не тут-то было. Жители областного центра продолжали верить и писать в прессе о том, что вот-вот "по новым широким и благоустроенным городским магистралям блестящими полосками стали лягут рельсы и по ним с веселым звоном побегут трамвайные поезда". Уже после принятия генерального плана на страницах "Полярки" сообщалось, что "улицы и площади нового Мурманска с севера на юг пересекут трамвайные рельсы. Трамвай пойдет по улице Карла Либкнехта, проспекту Ленина, проспекту Сталина до Кольского шоссе. Протяженность этого маршрута - 5,8 километра. Второй маршрут представит собой кольцо, связывающее основной промышленный район города... с его жилой частью. Длина его - 8,4 километра".

История сложилась иначе. Трамвай так и не построили. Но и теперь, после многих лет успешной работы в заполярной столице автобусов и троллейбусов, после закрытия в 2004-м из-за убыточности самого северного в мире архангельского трамвая мечты о рельсовом электротранспорте не покидают мурманчан. Активные сторонники проведения в областном центре трамвайных линий открывают свои сайты, разрабатывают свои проекты, предлагают свои маршруты. А потому - не будем ставить точку...

Дмитрий ЕРМОЛАЕВ,
сотрудник Государственного архива Мурманской области.

Мурманские Помпеи

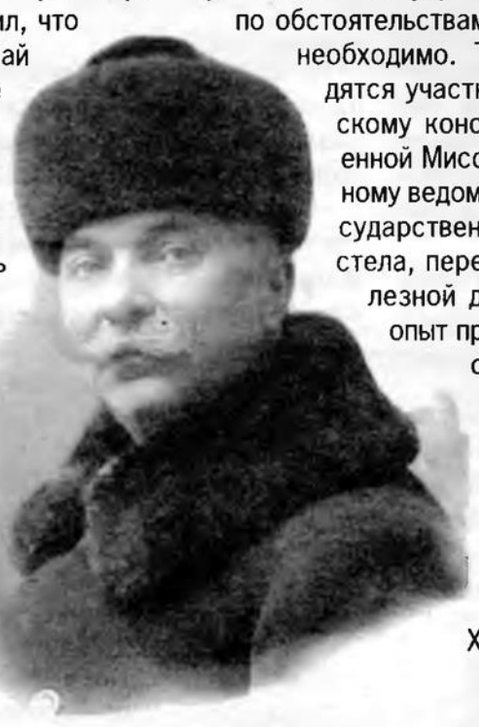
Сто страниц истории к 100-летию Мурманска

- Что творят, дармоеды! Посыпать-то кто будет?! Безответственность какая! Ой, держите меня!

Старушка в пальто и очаровательной шляпке по моде пятидесятых поправила кокетливо выбившийся локон, осторожно ступила на вышарканный множеством ног до прозрачной синевы лед и неожиданно бойко засеменила по остановке к подъехавшему трамваю. С реки, обгоняя автомобили, дул резкий ветер, подходил к концу короткий зимний день и параллельные прямые рельсов тянулись вдали друг к другу, как несчастные влюбленные, которым по злой прихоти судьбы никогда не быть вместе. Держа наперевес сумку, откуда воинственно торчало не по сезону зеленое перышко лука, и, продолжая костерить нерадивых коммунальщиков, старушка бодро вскочила на подножку. Лязгнули двери, и вагон, погрохатывая и позванивая, двинулся вперед.

ГОРОД, КОТОРОГО НЕТ

Этот эпизод я воочию наблюдал в Архангельске в самом конце минувшего века. Наблюдал, признаюсь, не только с сочувствием к пожилой женщине, но и с некоторой завистью: мол, везет же людям - какой у них транспорт есть. Романтика! А потом выяснил, что самый северный в мире трамвай вполне мог появиться не в городе на Северной Двине, а у нас в Мурманске...

Архитектор Павел Алешин - автор проекта застройки Мурманска.

"План линии электрического трамвая в гор. Мурманске намечен так, чтобы удовлетворить двум основным требованиям: а) соединить между собой главнейшие центры городской жизни, б) образовать сеть такой густоты, чтобы расстояние от любого квартала до линии трамвая было по возможности не более 250 сажен, т. е. 5-7 минут ходьбы".

Передо мной картонная папка с тесемками и металлической окантовкой по углам. Надпись "Эскизный проект электрического трамвая в г. Мурманске. Май 1918 г.". Клеймо "Писчебумажный магазин А. Ю. Теуфель. Киев". Внутри стопка листов. Пожелтевшая бумага, алфавит с ерами и ятями, множество графиков и чертежей. Вчитываюсь.

"Линия № 1. Вокзал - Думский проспект - Жилой район... длина 3,52 версты. Линия эта обслуживает важнейшие районы города - торговый, административный и восточную часть жилого района, пересекая город по диаметру в направлении от С-З к Ю-В. В частности, она проходит по Вокзальной площади, по Беломорской площади, где предполагается расположить банки, мимо гостиного двора и затем кратчайшим путем поднимается из торгового района в административный, на Думский проспект, проходя около зданий важнейших правительственных и городских учреждений".

Это был город, который так никогда и не построили. Он погиб, не успев родиться, был, как Помпеи, залит раскаленной лавой гражданской войны, засыпан пеплом сгоревших в кратере революционного вулкана человеческих жизней. Сегодня мы подобно археологам по крупицам восстанавливаем его возможный облик. А какие люди задумывали его! Автором проекта был Павел Алешин - один из виднейших архитекторов того времени, создатель десятка шедевров, воплощенных в стиле модерна и конструктивизма, впоследствии академик и прижизненный классик. В протоколе заседания межведомственного совещания, состоявшегося 5 октября 1917 года и посвященного застройке Мурманска, указано: "П. Ф. Алешин представил совещанию составленный им в общих чертах план... Мурманска... Далее П. Ф. Алешин пояснил, что в настоящее время в связи с новым проектом плана происходит работа по нанесению улиц в натуре, разбивок кварталов и отведению срочно мест тем учреждениям и лицам, коим по обстоятельствам данного момента это необходимо. Таким образом, отводятся участки для церкви, Английскому консулу, Французской Военной Миссии, Почтово-Телеграфному ведомству, казначейству, Государственному Банку, для костела, переселенцам с линии железной дороги и т. п.". Позже опыт проектирования Мурманска был использован Алешиным во время его практической деятельности на посту киевского городского архитектора и в процессе проектирования соцгорода "Новый Харьков". Но это потом, а в ту пору Мурманск планировалось сделать современным европейским портом. Одним из признаков коммунального благополучия нового поселения, по которому можно судить о высоком уровне городского благоустройства, своего рода символом цивилизации и технического прогресса, должен был стать трамвай.

ТРАМВАЙ, ОСТАВШИЙСЯ В МЕЧТАХ

"Линия № 2 - Портовая улица - База - Халдеевский виадук... длина 4,00 версты. Эта линия пересекает город по другому диаметру, от севера к Ю-З, обслуживая последовательно районы - рабочий и портовый, торговый, Морскую Базу, западную часть Жилого района и оканчиваясь у Халдеевского района. Местности эти (за исключением центра торгового района) не входят в сферу влияния линии № 1 и представляются более или менее однородными в отношении возможной интенсивности движения".

Григорий Дмитриевич Дубелир - "отец" заполярного трамвая.

"Отцом" заполярного трамвая стал соавтор Павла Алешина в проектировке Мурманска профессор Григорий Дубелир. Ученый мирового уровня, изумительно талантливый человек, выдвинувший идею адаптации планировки городов к перспективным транспортным реалиям в связи с наступлением века автомобилизации, Григорий Дмитриевич с увлечением взялся за дело. К тому времени в его творческом багаже уже был проект строительства метрополитена в Москве, руководство сооружением первой в Российской империи электрической железной дороги, связывающей польский город Лодзь с его пригородами Згерж и Пабианице, попытка создать трамвай в Минске, статьи "Устройство и ремонт пути русских трамваев", "Городские электрические трамваи", "Планировка городов и устройство сети трамваев в их взаимной связи". Он вникал в детали, старался учесть все возможные маршруты, вплоть до ответвлений к спортивному полю и кладбищу, продумывал каждую мелочь, пытался заглянуть в будущее недавно основанного на севере страны незамерзающего порта.

В целом трамвайные пути должны были, по его словам, представлять собой центральное кольцо "с шестью ответвлениями. Эти ответвления при помощи кольца могут быть соединены между собой любым способом, образуя диаметральные маршруты. Возможность изменять маршруты представляется в данном случае особенно важной, так как нельзя точно предвидеть, какие части города будут фактически развиваться раньше, какие позднее и как в зависимости от этого будет изменяться потребность в направлениях движения".

Трамвайный парк новорожденного города на берегу Кольского залива планировалось составить из восьми вагонов. Они должны были ходить по линиям с интервалом 10-11 минут, что соответствовало ожидаемому количеству пассажиров. Движение предполагалось начинать в 7.30 утра и заканчивать в 11.30 вечера.

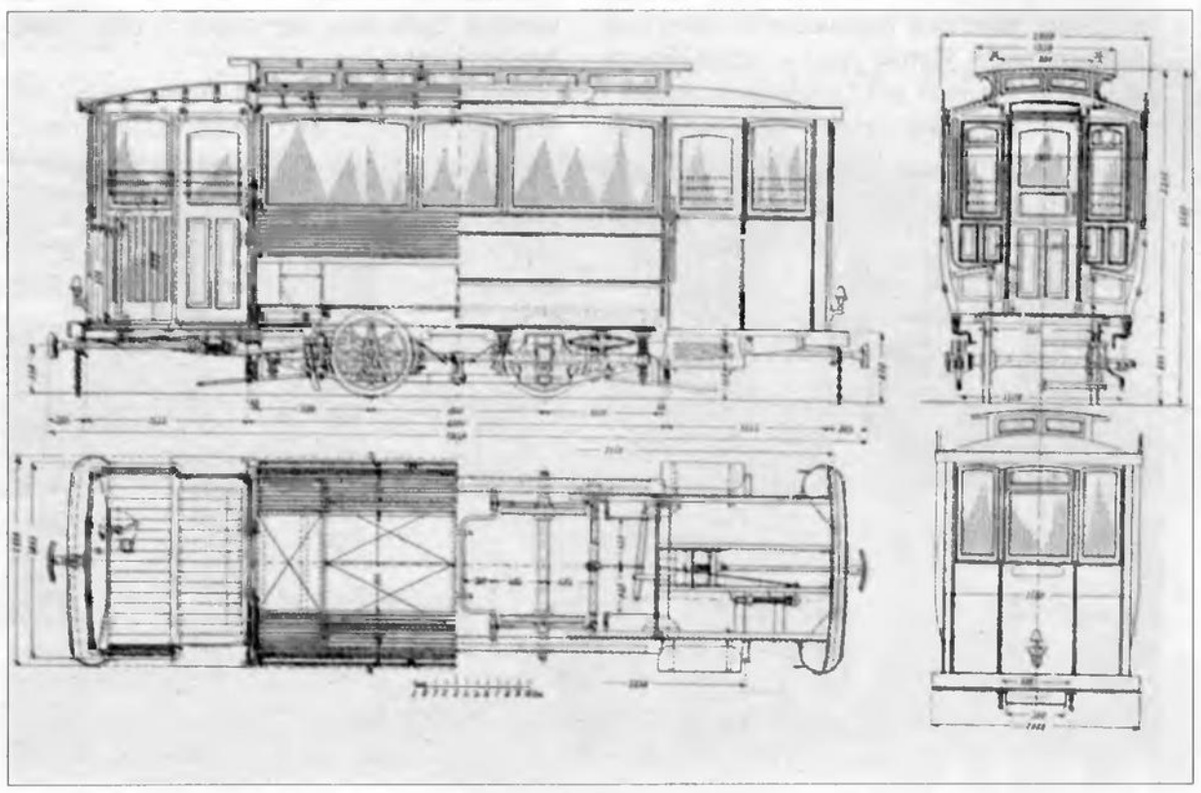
"Предполагая, что в первое десятилетие число жителей в Мурманске будет не более 30000 и определяя вероятное число поездок на жителя до 40 в год, - писал Дубелир, - получим ожидаемое число пассажиров... 1200000 в год... В будущем, к концу первого 30-летия, когда, как предполагается, число жителей в Мурманске дойдет до 50000, а число поездок на жителя возрастет до 50-60 в год, число пассажиров может возрасти до 2,5-3,0 миллионов в год".

Так и видишь: город, стынущий во мраке полярной ночи, одинокие пассажиры в тулупах и валенках, вагон, озаренный изнутри по-домашнему уютным светом и движущийся со скоростью не более 25 верст в час, суровый кондуктор, кулаком грозящий мальчишкам-безбилетникам. Город, которого нет. Трамвай, оставшийся в мечтах.

ИНТЕРЕСНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ

Реалии жизни оказались иными. Мурманск рос и развивался быстрее, чем предполагал Дубелир. Уже к 1939 году - через 23 года после основания - население заполярной столицы составляло 119 тысяч человек. Иной масштаб, иные перспективы, иные требования к транспорту. Да и сам Григорий Дмитриевич, не успевший уехать после большевистского переворота, будучи человеком чрезвычайно осторожным, переключился с градостроительства и электротранспорта на расчет прочности дорожных одежд для передвижения тяжелой военной техники. Это позволило ему прижиться в СССР, сохранить профессорское звание и место на кафедре, но не уберегло от гибели во время войны. В 1942 году он умер от истощения в узбекском городе Ягиюль. Что же касается проекта мурманского трамвая - в числе других старых бумаг он достался "в наследство" объединению "Мурманрыба". В 1951 году его "как интересный исторический материал" передали в облисполком, откуда он попал в Государственный архив Мурманской области, где и хранится по сей день.

Впрочем, хотя задуманному профессором Дубелиром заполярному электротранспорту так и не суждено было появиться, в Мурманске первых лет существования имелось другое сооружение, заслужившее прозвище "мурманского трамвая". Об этом, однако, в следующий раз.

Чертеж вагона мурманского трамвая.

Дмитрий ЕРМОЛАЕВ,
сотрудник Государственного архива Мурманской области.
План предоставлен Научно-справочной библиотекой Государственного архива Мурманской области.

СПОРТИВНАЯ БИОГРАФИЯ

Извилистый путь мурманского бенди

Команда по хоккею с мячом ДСО (добровольное спортивное общество) «Рыбник Севера» на стадионе ДСО «Рыбник Севера» (возле здания ТПО). Слева направо: Ломакин, Дмитрий Горшенин, Зубарев, Еремин, Копырин, Муринов. 1938 год.

Одним из важных событий уходящего года, без сомнения, являются успехи заполярных спортсменов. Главных, на мой взгляд, три. Две золотые медали биатлонистки **Анастасии Егоровой** на чемпионате России. Участие, пусть и безмедальное, **Екатерины Мошковской** в Паралимпиаде в Пхенчхане (она вообще была единственным представителем Мурманской области, сумевшим отобраться на главные зимние спортивные старты четырехлетия).

И вот во второй половине года случилось еще одно событие, мимо которого никак нельзя пройти – возвращение хоккейного клуба «Мурман» в Суперлигу отечественного бенди. На сегодняшний день «Мурман» – единственная команда региона, играющая на высшем спортивном уровне. Первый же домашний матч нашей команды собрал почти тысячу зрителей. На следующих матчах, уверен, будет гораздо больше. И сам вид спорта, представляющий Мурманск на высшем спортивном уровне, достоин того, чтобы о нем знать как можно больше.

Пионеры

Никто не знает, в каком году мурманчане сыграли первый хоккейный матч. Но известно, что каток в довоенном Мурманске был. И не один. В начале 30-х годов большая спортплощадка с трибунами появилась в районе нынешнего автовокзала. На его деревянных воротах, обращенных в сторону сквера на улице Ленинградской (где, кстати, в 1917–1920 годах было футбольное поле), деревянными же буквами было написано название – «Каток рыбников». В 1939 году начинают строить стадион «Строитель». Известно, что оба сооружения организовывали в зимнее время массовое катание.

– В 1939 году, спустя всего год после образования Мурманской области, получили право на участие в Кубке СССР по хоккею с мячом команда завода «Севморпуть» и «Рыбник», – рассказывает **Антон Скляров**, пресс-атташе «Мурмана» в 2011–2018 годах. – Дебют оказался неудачным – мурманчане уступили своим соперникам в первом же раунде соревнований. На следующий год область во всесоюзных соревнованиях в одиночестве представлял «Рыбник», но в единственном финальном матче зонального турнира мурманчане в гостевом поединке уступили петрозаводскому «Динамо» с неприличным счетом 2:11.

На вторых ролях

А дальше была война. «Каток рыбников» исчез с карты города навсегда. А на «Строителе» даже в военное время кипела спортивная жизнь. Вот только места хоккею в ней не нашлось. Но уже в 1946-м сборная города дошла до полуфинала в своей зоне. Затем был безрадостный отрезок: лучший коллектив области «Пищевик» (бывший «Рыбник»), несмотря на регулярное участие в Кубках РСФСР и ВЦСПС, на протяжении пяти лет так и не добился мало-мальски значимых успехов на всесоюзном уровне.

– Один из доподлинно известных результатов матчей с участием команд из Мурманска относится к 1951 году, – рассказывает Антон Скляров. – В 1/32 финала Кубка РСФСР архангельский «Водник» громит наших земляков со счетом 10:0. В следующем, 1952 году, обыграв с отнюдь не хоккейным счетом 2:0 псковский «Локомотив» в 1/4 финала Кубка ВЦСПС, «Пищевик» на стадии полуфиналов был бит «Металлургом» из Боровичей.

Возможно, эти неудачи стали причиной того, что участие мурманских команд в чемпионате и Кубке страны надолго прекращается.

Со следующего года право представлять область переходит сперва к военным морякам из Североморска (1952–1962 гг.), а с 1963 года – к мончегорскому «Североникелю». Клубы из Мурманска, регулярно принимая участие в матчах областного чемпионата и традиционного Праздника Севера, эпизодически представляли город и в матчах второй лиги чемпионата СССР, однако радовали своих поклонников только регулярностью смены названий. Так, название «Маяк» команда Мурманска носила в 1976–1977 годах, «Пищевик» – в сезоне 1980–1981 годов, а в 1982–1989 годах город на всесоюзной арене представлял «Труд».

Итак, с 1963 года флагманом хоккея с мячом в Мурманской области становится Мончегорск. Команда «Североникель», опиравшаяся во многом на воспитанников местной спортивной школы, уже 1966 году завоевывает право играть в классе сильнейших. Дерзкий прорыв новичков был, однако, быстро ликвидирован грандами, и, поиграв один сезон в «вышке», мончегорцы снова опустились в первую лигу. Через три года, правда, вернулись, но снова лишь на один сезон. В 1974 году северянам удалось вроде закрепиться в Высшей лиге, но через два года команда вновь отправилась в первую. После этого наступил длительный перерыв, и только в 1990 году команда вошла в элиту отечественного бенди, где оставалась восемь лет.

Фабрика звезд

Тем временем в истории мурманского хоккея наступил интереснейший период. С одной стороны, в 80-х годах наши команды не показывали ничего выдающегося, но в детских спортивных школах появилась целая поросль талантливых ребят. На «Строителе» работает тренер **Алексей Проскурин**, а на «Юности» – **Владимир Ладыжинский**. Одна за другой вспыхивают ярчайшие звезды русского хоккея – **Николай Ярович** (чемпион России и мира, будущий главный тренер архангельского «Водника»), **Константин Залетаев** (чемпион России и мира, обладатель Кубка европейских чемпионов), **Андрей Стук**, тоже выигравший в бенди все, что можно, и впоследствии возглавивший казанское «Динамо». Позднее, уже 90-е годы, засверкали **Дмитрий Савельев** и **Сергей Чернецкий**, нынешний главный тренер «Мурмана». Последний установил рекорд на все времена. Тренер Владимир Ладыжинский выпустил парня на лед в официальной игре Высшей лиги, когда тому было всего 14 лет. Сергей воспользовался подарком тренера, забив гол!

– Еще 80-е годы запомнились тем, что по решению федерации с целью популяризации вида спорта финальные серии игр на Кубок СССР в 1985, 1986 и 1987 годах проводились в нашем городе, – рассказывает Антон Скляров. – Ни один из трех финалов не собрал аудиторию, меньшую 5000 зрителей, что продемонстрировало большой интерес к хоккею с мячом в Мурманске. Еще одним подтверждением популярности нашего вида спорта в Заполярье стало формирование в 1988-м женской команды по хоккею с мячом. Она получила название «Восходящие звезды» и состояла из совсем молодых девчонок. Забегая вперед, скажем, что этот же коллектив, четыре года спустя переименованный в «Арктику», завоюет для Мурманска три Кубка мира.

Прерванный полет «Арктик-Сервиса»

После распада Союза в первом чемпионате России наш город представляла команда «Арктик-Сервис». И небезуспешно: по итогам турнира мурманская команда, пусть не в спортивной борьбе, а по решению федерации, заслужила долгожданное право принять участие в матчах Высшей лиги.

В сезоне 1993–1994 годов команда «Арктик-Сервис» заняла 20-е место в чемпионате, хотя целый ряд игр был проведен на очень хорошем уровне, например, историческая ничья с «Водником» – 5:5. В следующем сезоне команда вновь заявилась в «вышку», но денег хватило только на пять матчей, после чего Мурманск снялся с соревнований и, как тогда казалось, навсегда исчез с хоккейной карты России.

История продолжается

Нынешний этап в развитии бенди в Мурманске начинается в 1999 году, когда в городе образуется команда «АМНГР-Мурман». Она сразу заявила о своих амбициях, и поначалу все складывалось неплохо. С четвертой попытки «разведчикам» удалось пробиться в Высшую лигу. Следующие пять сезонов (начиная с 2005 года) Мурманск был представлен на самом высоком хоккейном уровне. Но затем у титульного спонсора команды «Арктикморнефтегазразведки» начались финансовые трудности, и хоккейные результаты пошли на спад. Последний раз, уже под названием «Мурман», команда выступала в Суперлиге (бывшая Высшая лига) в сезоне 2011–2012 годов. Затем на протяжении шести лет играла среди команд классом ниже. При этом мурманчане регулярно добивались права играть в Суперлиге, но каждый раз отказывались по финансовым причинам.

Ситуация изменилась с приходом в клуб нового президента – **Александра Масько**. Нашлись средства для участия в Кубке России и Суперлиге, «Мурман» серьезно усилил состав. Однако о перспективах команды руководство пока говорит с осторожностью. Действительно, сначала нужно освоиться в элите, а выводы будем делать уже после сезона.

Команда по хоккею с мячом ДСО (добровольное спортивное общество) «Пищевик» города Мурманска на стадионе ДСО «Пищевик» (ныне – стадион «Строитель»). Слева направо: 1-й – Сергей Исаев, защитник; 2-й – Александр Заборщиков, защитник; 3-й – Дмитрий Горшенин, центральный нападающий, играющий тренер команды; 4-й – Юрий Горшенин, левый крайний нападающий; 5-й – Александр Жилинский, защитник; 6-й – Валентин Чухчин, полузащитник; 7-й – Владимир Шаталин, правый крайний; 9-й – Владимир Беляев, полузащитник; 10-й – Николай Исаев, вратарь; 11-й – Василий Калашников, защитник. 1951 год.

Подготовил Андрей КИРОШКО.
kiroshko@vmnews.ru
Фото из фондов Мурманского областного краеведческого музея.

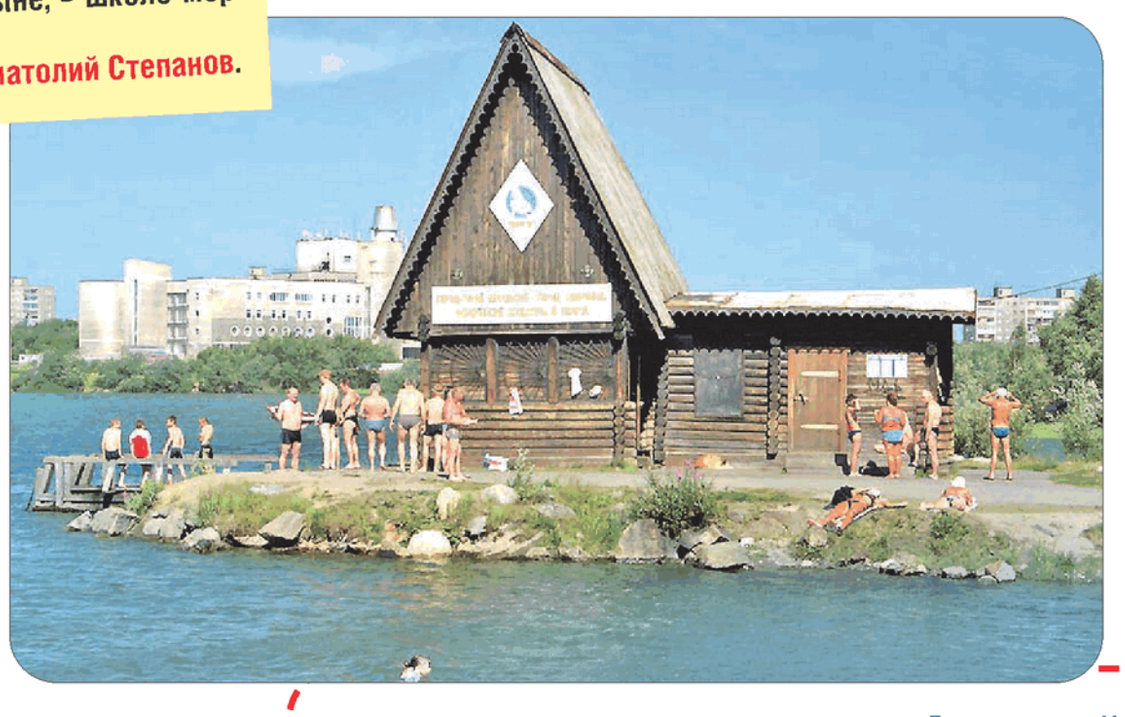
ПОЧЕТНЫЕ МОРЖИ

Наш город-герой Мурманск славен не только своими боевыми подвигами в период Великой Отечественной войны, но и его послевоенным восстановлением. А за последние годы мурманчане и вовсе превратили заполярную столицу в цветущий город-сад, который по праву сравним со столицами соседних скандинавских стран. А ведь их история – в веках, а нам всего-то 100 с небольшим!

Гордимся мы и творчеством нашей молодежи и ветеранов, и художественной самодеятельностью детей и взрослых, и успехами во многих видах спорта. Об одном из весьма редких его зимних видов, где особенно видны достижения мурманчан, мы бы хотели рассказать.

Официально этот спорт называется «зимнее плавание», хотя многие наши моржи о таком названии вряд ли слышали и будут по-прежнему называть его просто моржеванием. Сегодня на страницах любимой городской «Вечерки» мы бы хотели вспомнить о двух отцах-основателях уникальной мурманской школы, живущей и здравствующей и поныне, – школе моржей и о ее клубе.

Эти люди – Михаил Беседин и Анатолий Степанов.

Отцы-основатели мурманской школы зимнего плавания были верны ей до самой смерти

Михаил Беседин

Михаил Иванович Беседин (27.10.1917 – 27.07.2011) родился в многодетной крестьянской семье на Ставрополье и с 5 лет начал помогать семье по хозяйству. Работать начал с 18 лет, закончив в 1935 году курсы бухгалтеров.

В 1940 году он был призван в Красную Армию, где прошел славный путь от сержанта 52-й стрелковой дивизии до гвардии старшего лейтенанта 10-й Гвардейской стрелковой дивизии.

За боевые заслуги при защите Советского Заполярья, а затем за бои по освобождению Гданьска, Штеттина и полосы Балтийского побережья Михаил Иванович был награжден орденом Отечественной войны II степени и 8-ю медалями.

В 1946 году, после демобилизации, Михаил Иванович несколько лет проработал на Камчатке, а с 1950 года, переехав в Мурманск, в течение 61-го года и до последнего дня жизни в 2011 году трудился бухгалтером-ревизором, экономистом-ревизором и главным бухгалтером на предприятиях рыбной промышленности, а также в системе образования и спорта города.

Ветеран труда РФ, он был отмечен более чем 80-ю благодарностями, грамотами и премиями города и области. В эти годы Михаил Иванович активно занимался и общественно-политической работой: был бессменным председателем совета ветеранов 10-й Гвардейской стрелковой дивизии и членом Мурманского городского совета ветеранов войны.

В 1950 году Михаил Иванович женился на мурманчанке **Нине Васильевне Равиной**, и в своей счастливой семье стал не только отцом пятерых детей, но и дедушкой, и прадедушкой. А сколько у него за 61 год служения ледовому плаванию родилось благодарных моржей и моржат – не сосчитать, их тысячи!

Михаил Иванович Беседин, пройдя боевую армейскую школу, с 1950 года в Мурманске активно участвовал в соревнованиях по конькобежному спорту, велоспорту, легкой атлетике, марафону, зимнему плаванию. В своей возрастной категории он участник, призер и победитель более 40 Праздников Севера и 27 Московских Международных «космических» марафонов мира.

За выдающиеся заслуги в спортивной и общественно-патриотической деятельности он удостоен звания и знака «Почетный ветеран спорта города-героя Мурманска».

Анатолий Степанов

Верным другом и помощником Беседина был Анатолий Степанов. Анатолий Яковлевич родился 27 декабря 1928 года в селе Минцы Новгородской области в семье мелких служащих. В начале 1941 года от тяжелой болезни сердца умер отец, а в июле 1941 года был призван в действующую армию 18-летний старший брат Генрих. И тогда на плечи 13-летнего Толи легла вся забота о двух малых братиках трех и полутора лет, ибо их мама, бригадир совхоза, пропадала на работе без выходных с рассвета до темноты.

Окончив в 1942 году семилетку, Толя Степанов с 14 лет начал свой трудовой путь, приносил в дом первые заработанные рубли. Около года он работал как подмастерье у сапожника, а затем в неполные 15 перешел в депо помощником кочегара на паровоз. Кто теперь представляет себе, каково пацану в 15 годков штивать тяжелый уголек в раскаленную паровозную топку?

Вот так и вышло, что с 1943 года Анатолий Яковлевич навсегда связал себя с железной дорогой, пройдя все ее тяжелые ступеньки от кочегара паровоза до машиниста тепловоза – вплоть до выхода на пенсию в 1988 году. Но порвать с делом всей своей железнодорожной жизни он не смог. До 1998 года, не чураясь никакого труда, Анатолий Яковлевич в родном депо проработал слесарем еще 10 лет! А в свои юбилейные 70 он стал методистом по спорту в депо, а также управляющим турбазой Октябрьской железной дороги в поселке Кица Мурманской области.

На этих должностях он проработал еще 10 лет, и тогда, уже в 2008 году, в возрасте 80 лет Анатолий Яковлевич Степанов ушел наконец-то на заслуженный отдых.

Моржи

Вместе со своей женой **Серафимой Васильевной** Анатолий Степанов занялся спортивным воспитанием своих двух любимых дочерей – **Ольги** и **Алевтины** и внучки **Наталии**, а впоследствии и правнучек – **Софьи** и **Виты**.

Ветеран труда РФ Анатолий Яковлевич был чрезвычайно спокойным, скромным, непубличным человеком, имел отзывчивое сердце, он с готовностью всегда помогал всем и по работе, и в спорте, и в быту.

Список личных спортивных достижений в летних и зимних видах спорта у Анатолия Яковлевича Степанова не меньший, чем у его старшего друга и сподвижника Михаила Ивановича Беседина. Он был участником и много раз победителем или призером лыжных марафонов Праздника Севера и 18-ти легкоатлетических сверхмарафонов и марафонов, в том числе Кандалакша – Мурманск (240 км), Мурманск – Долина Славы (90 км), «Дорога жизни» (40 км), Кола – Мурманск (20 км).

Он был участником и серебряным и бронзовым призером в более чем 30 городских, областных и международных соревнований по зимнему плаванию. Общее количество завоеванных им кубков, медалей, вымпелов и грамот поражает воображение – их более 150!

Но особые заслуги перед жителями города-героя эти два замечательных человека – Михаил Беседин и Анатолий Степанов – имеют как отцы-основатели городской школы закаливания и зимнего плавания «Морж». Создав школу в 1965 году, они бессменно руководили ею около 40 лет, вплоть до конца XX века. И до самой смерти оставались в ней в должностях соответственно почетного председателя и его заместителя.

За более чем 45 лет их совместного руководства школой «Морж» были приобщены к многолетнему закаливанию в холодной воде более 3000 человек – от детишек 2–3 лет до почтенных мурманчан, сравнимых по возрасту с их любимыми руководителями.

Имена

«И бодрей, и здоровей ты нас сделал, клуб моржей!» – этот слоган близок всем, кто посещал уникальную мурманскую школу. А чтобы иметь представление о технических, хозяйственных и организационных работах, которые Михаилу Беседину и Анатолию Степанову пришлось выполнять для того, чтобы их школа жила, перечислим хотя бы некоторые из них:

- ✓ укрепление береговой линии для постройки домика под школу;
- ✓ асфальтирование и чистка пешеходной тропинки к зданию школы;
- ✓ строительство, электрификация и содержание в должном порядке и безопасности школы «Морж» на Семеновском озере;
- ✓ строительство и поддержание в надлежащем состоянии деревянного схода (мостика) для купания в проруби;
- ✓ приобретение и ремонт инвентаря для расчистки проруби;
- ✓ организация моржами систематической чистки льда в лунке;
- ✓ подготовка, организация и проведение многочисленных соревнований разных уровней по плаванию в ледяной воде.

Было бы несправедливо предать забвению добрые имена этих двух замечательных людей, посвятивших свою трудовую и общественную деятельность на благо и здоровье мурманчан.

Нам кажется, что Михаил Иванович Беседин и Анатолий Яковлевич Степанов заслуживают того, чтобы их имена на долгие годы были запечатлены на мемориальной доске школы «Морж» на Семеновском озере. Пусть школа моржей вместе с такими памятниками, как мурманский Алеша, Анатолию Бредову, «Ждущая», здания морвокзала и высшей мореходки, площадь Пять Углов, и многими другими станет символом нашего любимого города-героя Мурманска.

А от себя еще добавим. Дорогие мурманчане, не забывайте: каждый день и круглый год клуб моржей вас в гости ждет!

Владимир ГРОХОВСКИЙ, Александр РОЖКОВ, Анатолий КАЦЕНЕЛЬСОН, Борис ВУЛЬФОВИЧ.
Фото из архива Бориса ВУЛЬФОВИЧА.

НЕ ПОДМАЖЕШЬ – НЕ ПОЕДЕШЬ

Неспортивные итоги первого Праздника Севера

Недавно закончился 84-й Праздник Севера. Пока он шел, «Вечерка» рассказывала о том, как в 1934 году проходил самый первый праздник. А теперь мы хотим напомнить о том, какие выводы сделали организаторы Праздника Севера № 1 по окончании состязаний.

Смело и масштабно

Начнем с официальных документов. Уже 3 апреля 1934 года, то есть всего через два дня после окончания соревнований, прошло объединенное заседание Мурманского окружного комитета профсоюзов и оргкомитета Праздника Севера. Как сказано в постановлении этого заседания, Праздник Севера, по существу, «*должен явиться итогом всего Советского Союза по зимнему спорту. Этот праздник должен не только закрепиться, но стать традиционно ежегодным по подведению итогов, показу работ лучших мастеров Советского Союза по зимнему спорту*». Вот так, ни много ни мало, а провинциальные руководители отводили новому соревнованию роль всесоюзного спортивного смотра, который, как им виделось, стал бы вообще самым крутым спортивным состязанием зимнего сезона. И не только по лыжам, а вообще по всем зимним видам спорта. Смело и масштабно!

Но уже буквально в следующем абзаце сами же профсоюзные боссы и убили всю эту инициативу. «*Имея в виду, что в феврале месяце 1935 года исполняется пятнадцатилетие освобождения Мурманска от интервентов, считать необходимым проведение второго зимнего физкультурного праздника приурочить к этой дате с участием лучших мастеров физкультурного лыжного спорта*». Все как-то забыли, что в феврале зимний спортивный сезон в самом разгаре и подводить итоги его слишком рано. Так и получилось. На второй Праздник Севера, который, как и планировали, прошел именно в феврале 1935 года, никто из ведущих спортсменов не приехал. Мурманчане соревновались сами с собой. А в 1936-м праздник и вовсе не состоялся.

Председатель оргкомитета 1-го Праздника Севера Владимир Ляпкин. За успешное проведение праздника получил премию 200 рублей.

Лыжи или хлеб?

К явным плюсам Праздника Севера начальники отнесли резкое увеличение числа физкультурников, в том числе и тех, кто сдал нормы ГТО. Правда, их было не так уж много – 780 человек на весь Мурманский округ. Отметили большой зрительский интерес к соревнованиям. Ну, тут иного и ждать было нельзя. Не избалованные хлебом, муранчане зрелищ вообще отродясь не видали. Вот и рванули в рабочий день поглазеть на гонки. О прогульщиках в отчете не сообщается. Отдавалось должное отличной работе судейской коллегии, которая во многом была сформирована из спортивных работников других областей, прежде всего – из Ленинграда.

> **«Вчера (то есть 30 марта 1934 года) наши лыжники, что в Колонизации живут (поселок Колонизации находился примерно в районе драмтеатра), будто алхимики смазку колдовали. Сам наблюдал, как паяльные лампы у них до поздней ночи шипели. И смолой, и горячим парафином, и резиной расплавленной пахло, и даже граммофонную пластинку растопили. Без нее, говорят, и мазь – не в мазь!»**

Из недостатков отмечалось невыполнение всей намеченной программы. Имеется в виду отмена соревнований оленеводов и конькобежцев, виной чему стала ранняя весна в Мурманске. На лыжных трассах были установлены телефоны, но их количество признано недостаточным. А мурманский радиоузел вообще проигнорировал соревнования. Не до зрелищ было многим мурманским предприятиям, в первую очередь финансово-банковским. Наплевали на спортивный праздник и мукомолы. Но с ними как раз все понятно – им город кормить надо.

Обещать – не значит жениться

Но, пожалуй, самым неприятным оказалось то, что ВЦСПС из обещанных 10 тысяч рублей (вся смета турнира составляла 26 тысяч 300 рублей) на проведение праздника не выделил ни копейки. Получается, что все расходы легли на советы профсоюзов Ленинградской области, Мурманского округа, а также на Мурманский окружной исполнительный комитет.

Сумма очень приличная, и Окрпрофсовет отказываться от нее не собирался. Муранчане попросили ленинградских коллег напомнить москвичам об их обещании. Поскольку праздник уже прошел, то эти средства в случае их получения планировалось использовать на постройку лыжного трамплина.

В конце документа его авторы, явно под влиянием серьезного успеха, просят у вышестоящего руководства решить вопрос с выделением средств на строительство в городе бассейна.

Критика проигравших

Подводили итоги первых крупных соревнований и сами спортсмены. «Полярная правда» дала слово представителю Московского института физической культуры **Маркову Д. П.** Москвич, несмотря на поражение от мурманчан, в пух и прах разнес технику скольжения хозяев, отметив попутно еще ряд недостатков.

«*В отношении техники хода по горной местности приходится отметить, что большинство участников имеют весьма смутное представление о ней*, – писал эксперт. – *При легких подъемах многие шли переменным (русским) ходом, а некоторые даже одновременным (финским). Наиболее правильной была бы в таких случаях более редкая работа рук, что достигается при ходе в «перекидку» или при норвежском беге.*

Отсутствие техники сказалось у большинства участников и при спусках с гор. При спусках с гор стойка должна быть низкой. Иногда при крутых спусках нужно было занимать так называемую альпийскую стойку. Эту стойку начинают уже применять и мастера нашего Союза.

Удивляет некоторый консерватизм финнов, которые игнорируют твердую лыжную обувь и твердое крепление для лыж. До сего времени они ходят так, как ходили их деды».

Александр Синцов – участник 1-го Праздника Севера, позднее написавший книгу по истории Полярных Олимпиад.

Сами муранчане и без посторонних подсказок обратили внимание на некоторые нюансы:

«*До соревнования москвичи разогреваются*, – писала «Полярная правда». – *Они даже в этом успевают показать технику, невиданную еще здесь, – норвежский ход. Смешанный, когда в движении (чрезвычайно экономном) все тело. Бег на лыжах. Прыжки вокруг палки. Повороты, остановки. Все многообразие новейшей техники, заслуживающее каждый раз справедливое одобрение зрителей*».

Агитационный плакат.

Мурманские алхимики

Особенно много проблем у мурманчан вызвала лыжная мазь. Не то чтобы наши про нее ничего не знали, но, соревнуясь в основном друг с другом, не особо на это обращали внимание. Праздник Севера заставил над этим компонентом задуматься всерьез. Оказалось, что многие просто не знали, чем мазать лыжи в теплую сырую погоду. **Александр Синцов**, один из участников тех событий, в своей книге «Полярные Олимпиады» вышедшей в 1961 году, приводит подслушанный им разговор:

«*Вчера (то есть 30 марта 1934 года. –* **Прим. авт.**) *наши лыжники, что в Колонизации живут (поселок Колонизации находился примерно в районе драмтеатра), будто алхимики смазку колдовали. Сам наблюдал, как паяльные лампы у них до поздней ночи шипели. И смолой, и горячим парафином, и резиной расплавленной пахло, и даже граммофонную пластинку растопили. Без нее, говорят, и мазь – не в мазь!*».

В общем, не подмажешь – не поедешь. Но все столь заметные усилия пропали зря. Мокрый снег стер с лыж всю алхимию вместе с граммофонной пластинкой. В первый день соревнований многие лыжники сходили с дистанции еще на первом круге. Преимущество имел не тот, кто лучше владел техникой, а кто был сильнее и выносливее. К мурманской погоде оказались не готовы и крутые гости – чемпионы Москвы и Ленинграда.

И уж полной неожиданностью для них стала физическая форма мурманчан. Возможно, что гости были уверены в своей победе. За два года до первого Праздника Севера команда Мурманска участвовала в командной гонке в Ленинграде и заняла там второе место, отстав от победителей более чем на 10 минут. Может, это и повлияло на самомнение питерцев. Но, как говорится, это их проблемы. Мурманчане же показали, что они на равных могут соревноваться с лучшими советскими лыжниками, а руководство Мурманского округа способно организовывать турниры высокого уровня.

Андрей КИРОШКО. kiroshko@vmnews.ru **Использованы материалы Государственного архива Мурманской области, Мурманской государственной областной универсальной научной библиотеки. Фото из открытых Интернет-источников.**

Окончание. Начало в номере за 16.03.2018.

Без бани, электричества, но с факельным шествием

Анна Бодина – победительница в женской гонке на 5 километров.

Без света

Год первого Праздника Севера для Мурманска начался отнюдь не празднично. 1 января 1934 года произошла авария на электростанции «Севтралтреста». Из-за большого количества снега и льда, скопившегося на крыше, последняя не выдержала и рухнула в машинный зал, повредив не только оборудование, но и накрыв 16 человек, находившихся в помещении. Половина из них отделались синяками и шишками, остальные были госпитализированы. Состояние троих было очень тяжелым, вскоре один человек умер в больнице.

В городе это событие вызвало немалое волнение, и не только из-за трагедии, но и потому, что часть промышленных предприятий, учреждений и многие жилые дома лишились электричества.

СМИ не сообщили о произошедшем, но многие знали подробности случившегося. В отчете ОГПУ от 15 января 1934 года говорится о недовольстве рабочих молчанием прессы.

Возможно, чтобы сгладить впечатление от случившегося, 9 января в городе были проведены митинги. Официально они состоялись по случаю окружной партконференции, но завершилось все грандиозным факельным шествием по улицам Мурманска, в котором, по оценкам чекистов, приняли участие до 11 тысяч рабочих и служащих.

Лишь в двадцатых числах января 1934 года в «Полярной правде» появилась небольшая заметка, посвященная событиям на электростанции. Но подробности случившегося в ней искать бесполезно. Зато сообщается, что в результате проведенного расследования к суду привлечены девять человек, включая директора электростанции. Суд начался 23 января в 19.00 в клубе моряков «Севтралтреста». Вход был только по пропускам. А вот о результатах разбирательства информации пока найти не удалось.

Моемся снегом

Думается, что события на электростанции лишь ненадолго заняли внимание мурманчан. Куда большей проблемой являлась баня. О ней стоит рассказать чуть подробнее.

План строительства банно-прачечного комбината был принят в 1932 году, а на следующий год он уже должен бы работать. Но и в 1934 году ничего готово не было. Одной из причин стало отсутствие водопровода и канализации. Построить в срок-то можно было, но откуда брать воду для паровых котлов и помывочной и куда ее потом сливать? Горсовет выпустил грозное постановление о сдаче банно-прачечного комбината к 1 июня 1934 года, забыв совершенно, что строительство водопровода и канализации только в это время начнется.

А пока мурманчане мылись в одной-единственной бане на весь город. Напомним, что в этот период практически все жилые дома Мурманска не имели водопровода. Баня, таким образом, превращалась в наиглавнейшее дело. Но чтобы туда попасть, нужно было выстоять две огромные очереди – одну в кассу, другую в зал – и при этом не заснуть. Дело в том, что баня начинала работу в 20.00 и работала до утра. Но не всегда. 21 марта 1934 года, например, она открылась вовремя, но уже через час исчезла вода. Всякая. И холодная, и горячая. Люди домывались снегом, принесенным с улицы, или взятым за окном. Потом баню закрыли до 2 часов ночи. Все это время люди стояли в очередях и никто никуда не уходил, ведь другой возможности помыться не было.

Жизнь в очереди

Другой проблемой был тотальный дефицит промышленных и продовольственных товаров. Сводки ОГПУ из раза в раз повторяют жалобы рабочих и служащих на нехватку товаров, длинные очереди в магазины. Если верить этим документам, то организация продаж тоже была не на высоте. В один день можно было купить только хлеб, в другой – крупы, в третий – мясо и т. д. В общем, народ из очередей не вылазил.

Но люди в 1934 году стояли в очередях не только в баню или за хлебом. В это же время в городе проходила перепрописка и паспортизация населения. Очереди достигали 200 человек и более. Причем в некоторых пунктах паспортизации посетителей нет вообще, поскольку расположены они в местах малопосещаемых. В Мурманске было немало лишенцев – высланных в административном порядке раскулаченных крестьян. Лишенцам паспорта не полагались, но они всеми правдами и неправдами старались их получить. Иногда удавалось.

ГТО под духовой оркестр

«Полярная правда» большое внимание уделяла спорту. До начала первого Праздника Севера в Мурманске успели провести несколько лыжных соревнований. Например, 24 марта, за шесть дней до открытия праздника, состоялся военизированный поход на приз окрисполкома. В третий раз подряд его выиграли динамовцы, и главный приз навсегда стал их собственностью.

Это пусть и яркие, но эпизоды спортивной жизни. Настоящие страсти, причем почти ежедневно, кипели в местах сдачи норм ГТО. *«Физкультурный коллектив строителей после постановления окрсовпрофа дал обязательства рапортовать о выполнении контрольной цифры норм ГТО по лыжам, – писала «Полярная правда». – Каждый день с духовым оркестром строители выходили сдавать нормы. На 25 марта по союзу строителей сдали нормы 470 человек, что составляет 107 процентов контрольной цифры».*

Тот самый день

На первый Праздник Севера в Мурманск прибыли команды Московского института физкультуры, целых пять команд прислал Ленинград, четыре приехали из Карелии, по одной из Кандалакши и Вологодской области (Бабаево). Вообще, первый праздник смело можно назвать открытыми соревнованиями железнодорожников, поскольку из 12 команд шесть представляли это ведомство.

Алексей Лопинцев – победитель в гонке на 20 километров.

И вот наступил день 30 марта 1934 года. Первый старт (10 километров у мужчин) был назначен на 8.00, через двадцать минут на лыжню уходили участники 20-километровой гонки. Организаторы до последнего надеялись провести оленьи бега и назначили их на 16.30. В итоге они все же не состоялись из-за быстрого таяния снега.

В 17.30 старт брали женщины на дистанции 5 километров, а через двадцать минут – на 10 километров. Стартовали, как писала «Полярка», от Дома культуры. Финишировали здесь же.

Зрителей собралось немало, что удивительно, – 30 марта была пятница, рабочий день. Гонку они могли видеть лишь на ограниченном пространстве. Проводив на первую дистанцию спортсменов, народ решил, что место у Дома культуры не самое удобное. И когда был дан старт 20-километровой гонки, зрители рванули за лыжниками. Всем хотелось увидеть подробности борьбы! Тем временем к финишу стали приближаться те, кто ушел на 10 километров. Впереди шел ленинградец **Николай Магаюмов**, за ним его земляк **Лазарев**. За 30 метров до финиша Магаюмов попал палкой в собственную лыжу и упал. Лазарев приближался, а Магаюмов никак не мог подняться. И тогда он вытащил ногу из крепления, встал и поехал к финишу на одной лыже. И успел! Вторым пришел Лазарев, третьим – мурманчанин **Абрамов**. И лишь четвертым финишировал чемпион Москвы **Элькин**.

Старт женской гонки на 5 километров.

Финиш!

Драма на лыжне

Гонку на двадцать километров зрители запомнили надолго. И сам ее победитель – мурманчанин **Алексей Лопинцев** (жил он в Коле, но работал на мурманской судоверфи) считал самой важной победой в своей жизни. Развернулась настоящая спортивная драма. Вот как ее описывала «Полярная правда»: *«Бежит москвич Кохановский. Поодаль от Кохановского – Лопинцев. Он идет вторым, но какая разница в ходе. Он берет силой. Сначала на руках, а потом простым русским ходом, таким неэкономным и тяжелым на этой дистанции. Сошел Кохановский. Он ошибся в составе мази. Мазь, прекрасно помогающая взбираться на гору, затормозила движение по лыжне. Ошибка, повлекшая за собой проигрыш. Впереди на дистанции остался Лопинцев. За ним Мастюгин, с каждой минутой сокращающий просвет. В середине дистанции Мастюгин рывком обходит и становится впереди. На втором круге разыгралась серьезная борьба. Лопинцев сумел перенять кое-что из техники хода у ленинградца и уже на крутом подъеме близко подошел к Мастюгину. Они мчались по озеру, взбирались в гору, скатывались с нее, и около больницы Лопинцев решил перейти в наступление. Теперь Лопинцев уходил. Просвет становился все больше. Казалось бы, что победа несомненная. Но на спуске Лопинцев не смог удержаться. Он сошел вправо с лыжни, и, когда вылезал на лыжню, Мастюгин обошел его и оказался метров на 50 впереди. Это было за три километра до финиша. Но Лопинцев был упрям. На последнем подъеме Лопинцев догнал Мастюгина и быстрым энергичным рывком выбросился вперед. Когда с горы на финиш спускался знакомый всем рабочий судоремонтного завода, возбуждение зрителей разрядилось громкими аплодисментами, приветствиями. Один час 50 минут 27 секунд – время Лопинцева. Мастюгин проиграл дистанцию на 28 секунд».*

Билет участника Северного лыжного праздника.

Второй день соревнований тоже был интересным, но уже не столь ярким. Мурманчанин **Петр Косоуров** выиграл, причем очень уверенно, гонку на 10 километров, опередив ближайшего преследователя аж на четыре минуты. Удивила всех команда Полярного района, обыгравшая в гонке на 30 километров и москвичей, и ленинградцев, и мурманчан. У женщин на дистанции 5 километров лучшей была **Анна Бодина** из Полярного района, а на трех километрах – **Вилкс** (имя этой барышни и откуда она, выяснить не удалось).

Считаем медали

Давайте подводить итоги. Начнем с медалей. Тут не все так просто. Победитель первой гонки в истории Праздника Севера Николай Магаюмов не получил ничего. Как и выигравший гонку на 30 километров его земляк **К. Михайлов**. Дело в том, что они оба заявились на соревнования вне конкурса. Организаторы выдали им по грамоте и сказали спасибо. И долгие годы их имена никогда не упоминались среди победителей. Формально – это верно. Вне конкурса же выступали ребята.

Запутанной является история и занявшего второе место вслед за Магаюмовым Лазарева, также представлявшего северную столицу. В «Полярке» указано, что он стал вторым, но в официальных документах чемпионом на этой дистанции считается мурманчанин **Георгий Абрамов**, отставший от Лазарева на 4 минуты. Может, он тоже выступал вне конкурса? Это возможно, учитывая, что все они – Магаюмов, Лазарев и Михайлов – представляли сборную промкооперации, наверное, сильнейшую на тот момент команду лыжников СССР.

Итак, официально в соревнованиях мужчин заполярные лыжники выиграли все! Вообще все. Три колянина – Абрамов, Лопинцев и Косоуров (хотя затем их стали называть мурманчанами) – и представитель Полярного района финн **Хаттала**, ставший вторым на тридцатке вслед за выступавшим вне конкурса Михайловым.

Георгий Абрамов и Петр Косоуров – победители первого Праздника Севера.

У дам успехи были куда скромнее. Здесь только Анна Бодина из Полярного района сумела выиграть первое место. Возможно, поэтому именно ей как единственной представительнице Мурманского округа организаторы вручили самый шикарный приз – патефон с 26 пластинками. Изначально этот приз, кстати, предназначался оленеводам.

Теперь об организаторах. Было запланировано три вида соревнований: лыжные гонки, оленьи бега и забеги конькобежцев. Состоялось только одно – лыжные гонки. С современной точки зрения – полный провал. Но так тогда не думали, а сделали все возможное, чтобы преподнести итоги турнира как выдающийся успех. И сегодня я присоединяюсь к такой оценке. Никогда до этого в городе не организовывали соревнований такого масштаба. Никогда в Мурманск не приезжали ведущие спортсмены. Никогда не собиралось столько зрителей. Сами гонки прошли очень интересно. И главная цель – популяризация лыжного спорта, вхождение его в быт мурманчан – была выполнена полностью.

Вот так и завершился первый Праздник Севера. Вечером 31 марта 1934 года в ДК имени Кирова состоялось вручение наград. Затем был праздничный концерт и товарищеский ужин.

Товарищ Муртола, занявший второе место на дистанции 5 километров.

Андрей КИРОШКО.
kiroshko@vmnews.ru
Использованы материалы Государственного архива Мурманской области и Мурманской государственной областной универсальной научной библиотеки.

На первом Празднике Севера ПРОПАЛО наградное ружье

Плакат 1932 года.

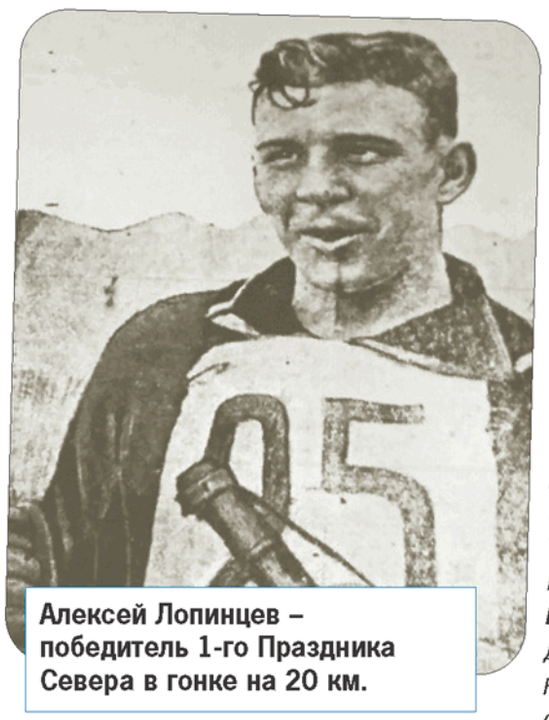
Рассказывая о Мурманске 30-х годов прошлого века, никак не пройти мимо Праздника Севера. Вряд ли ошибусь, если скажу, что на сегодня это один из старейших спортивных турниров в России. А возможно, и старейший. Причем это один из немногих примеров инициативы снизу. Идея родилась не в кабинетах спортивных чиновников, а в среде обычных лыжников. Сегодня мы вспомним, как это происходило 84 года назад.

Спасибо Англии родной

Мурманчане 20-х годов не были такими уж большими любителями лыжного спорта. Нет, энтузиасты были, но ни о какой массовости не могло идти и речи. Интервенция, когда англичане заразили спортом многих северян, уже осталась в прошлом. Кстати, именно сыны туманного Альбиона 23 марта 1919 года организовали первые в истории Мурманска лыжные соревнования – детские. Заключались они в спуске с горы и пробеге 100 ярдов от места спуска. Получается, что в следующем году Мурманск будет отмечать столетие этого вида соревнований. Но затем интервенты убрались домой, а мурманчанам стало не до спорта. В 1920–1922 годах город переживал острую нехватку всего необходимого, вдобавок на его жителей обрушилась эпидемия тифа.

Подъем спортивного духа начался в середине 20-х годов. Связан он прежде всего с политикой центральной власти, которая обратила пристальное внимание на развитие спорта в регионах. Развитие шло отнюдь не быстро. «Полярная правда» на своих страницах отчаянно призывала горожан на лыжню, но те не торопились. Пример лентяям из областного центра показали коляне. Братья **Лопинцевы** и **Синцовы**, **Василий Торопов, Семен Гусев** проторили 15-километровую лыжню, и 27 января 1927 года прошли гонки Кола – Мурманск. Финиш организовали на площади Пять Углов. Победителем стал **Александр Кочеров**. В том же году 17-летняя мурманская телеграфистка **Ольга Китова** попала в сборную железнодорожников СССР и на турнире в Осло выиграла «золото» в толкании ядра и «серебро» в беге на 100 метров. Но это были все-таки единичные случаи. В 1929 году на весь Мурманский округ Ленинградской области насчитывалось всего 600 физкультурников.

По сути, серьезное развитие спорта в СССР началось в 1931 году, когда был введен в действие комплекс «Готов к труду и обороне». Теперь спорт из хобби превратился в государственную задачу. Уже в январе 1932 года прямо по улицам Мурманска проложили лыжни длиной 5 и 10 километров. Нормы сдавали не только в выходные дни, а часто сразу после работы. Число физкультурников резко пошло вверх.

Алексей Лопинцев – победитель 1-го Праздника Севера в гонке на 20 км.

В это же время в городе много говорили и писали о лыжном переходе Мурманск – Ленинград, посвященном IV съезду советов. Путь длиной более 1000 километров заполярные лыжники проделали за 17 дней.

Кто сказал «Мяу»?

Так потихоньку лыжный Мурманск подкатил к 30 марта 1933 года. В этот день в здании исполкома шло заседание судейской коллегии, подводившей итог прошедшего лыжного сезона. А в вестибюле собрались рядовые спортсмены, ждавшие решения о награждениях лучших, а пока также говорившие о спорте. Кто первый высказал вслух мысль о проведении праздника спорта, увы, выяснить так и не удалось.

Вот отрывок из книги «Праздник Севера», которую написали **Мечислав Дубницкий** и **Александр Храповицкий:**

*«– Вот бы и нам больших мастеров пригласить из Москвы и Ленинграда. – Пауза. А потом разговор, взволнованный и горячий, захлестнул всех и каждого. Мысль моментально стала обрастать деталями. Кого пригласить? Когда? Какие назначить дистанции? Какой зачет – личный или командный. Расшумелись так, что не заметили вышедших из судейской **Владимира Ляпкина** и **Ивана Малышева**. Едва дождались конца награждений, как кинулись к ним поделиться своими соображениями. Идея понравилась».*

Видимо, к этому времени мурманские лыжники почувствовали свою силу. Им уже было мало гоняться друг с другом. Хотелось большего. Они, без шуток, готовы были вызвать на бой лучших лыжников СССР. И руководству Мурманского округа этот молодой задор пришелся по нраву. Идее дали зеленый свет.

Три минус два

Привычное ныне название «Праздник Севера» появилось не сразу. В документах 1933–1934 годов он именуется то как первый Северный праздник физкультуры, то как Северный лыжный праздник. Главную заботу о предстоящих соревнованиях взял на себя оргкомитет. Он и подготовил первую смету. На все мероприятия требовалось 15 425 рублей. Еще 974 рубля – резервный фонд. Всего участников – 104 человека, из них местных товарищей – 61. Но вскоре эти цифры подверглись изменению и на свет появилась вторая смета. Теперь участников стало 140 человек, увеличились расходы на призы, питание и, главное, на организацию заключительного вечера с товарищеским ужином. Сумма расходов оценивалась уже в 26 300 рублей.

В литературе, посвященной Празднику Севера, говорится, что в первом празднике принимали участие только лыжники. Это правда, но изначально планировалось проведение еще соревнований по конькобежному спорту и старты оленьих упряжек. Они не состоялись ввиду резкого потепления. Организаторы очень старались: специально назначили 30 и 31 марта первые старты на раннее утро – в 8.00, пока еще солнышко не стало пригревать, а вторые – после 17.00, но ничего не получилось. Первым «уплыл» каток, затем «сдалась» трасса для оленьих бегов. Можно только предполагать, сколько потребовалось усилий, чтобы спасти лыжню. Хотя, возможно, ее никто и не спасал.

К ТЕМЕ

Книга «Праздник Севера» вышла в 1974 году. Ее авторы Мечислав Дубницкий и Александр Храповицкий имели возможность разговаривать с участниками первой Полярной Олимпиады. Кроме этого они использовали архивные документы и газетные публикации той эпохи. Все это сделало книгу весьма информативной, она и сейчас читается с большим интересом. Но сегодня эта работа стала библиографической редкостью. К тому же в Государственном архиве Мурманской области есть документы, которые Дубницкий и Храповицкий не использовали в своей книге. В целом эти бумаги не влияют на уже утвердившуюся оценку первого Праздника Севера, но делают его историю полнее и ярче.

Призы победителям

Призы тоже были в духе времени. Для команд за первое место – красное знамя и грамота, за второе – спортивная статуэтка и снова грамота. В индивидуальных забегах у мужчин победитель 30-километровой гонки получал велосипед, 20-километровой – шелковый лыжный костюм и горнолыжные ботинки. А вот пришедший первым в гонке на 10 километров премировался лишь отрезом на костюм. У женщин победительнице по разряду сборных на 5 километров вручали наручные часы, а лучшая в индивидуальном забеге на этой же дистанции получала шелковый лыжный костюм и ботинки. Победительница на трех километрах становилась обладателем шерстяного спортивного костюма.

Просто шикарными даже по нынешним временам можно считать призы для оленеводов. Планировалось две дистанции – два километра на резвость и десять на выносливость. Самый резвый получил бы двуствольное охотничье ружье, патронташ с патронами, сумку и чехол. А самый выносливый – патефон с 26 пластинками. Какие призы должны были получить конькобежцы, не известно, но в смете на них выделено 1000 рублей. Ввиду того, что соревнования у оленеводов и конькобежцев не состоялись, призовой фонд был перераспределен на лыжников. В итоговом перечне уже врученных призов нет только ружья…

Подробнее о том, как проходил первый Праздник Севера, мы расскажем в следующий раз.

ПРАЗДНИК БОДРОСТИ, СИЛЫ, ЗДОРОВЬЯ!
ПРОЩАЙ, ЗИМА!
Сем. Езерский
Северный Физкультурный Праздни
ПРОВОДИТЬ ЕЖЕГОДНО
Л. Фролов
Отчет «Полярной правды» о 1-м Празднике Севера.

Андрей КИРОШКО.
kiroshko@vmnews.ru
Использованы материалы Государственного архива Мурманской области и Мурманской государственной областной универсальной научной библиотеки.

КУЛЬТУРА, ИСКУССТВО, ЛИТЕРАТУРА

В Мурманске был свой цирк

Сто страниц истории к 100-летию Мурманска

Заезжие цирки гастролируют в заполярной столице регулярно. Ежегодно летом или в начале осени Мурманск "прирастает" шатрами шапито. Появляются они то на центральном стадионе, то у Долины Уюта. Старожилы могут припомнить их в районе касс Аэрофлота. Или, как на этом архивном снимке, поближе к вокзалу, на задворках площади Пяти Углов. Мурманчане, особенно дети, охотно посещают цирковые представления. И мало кто знает, что когда-то в областном центре существовал свой собственный не передвижной, а постоянный цирк, пользовавшийся большой популярностью у горожан.

Мурманский цирк.

В ЮЖНОМ КОНЦЕ ПРОСПЕКТА СТАЛИНА

Соорудить его решили вскоре после того, как наш край был выделен в самостоятельный регион, главным городом которого стал незамерзающий порт на берегу Кольского залива. В протоколе заседания оргкомитета ВЦИК по Мурманской области от 17 ноября 1938 года записано: "Признать необходимым постройку в г. Мурманске стационарного деревянного цирка к летнему сезону 1939 года". К концу декабря 1938-го разработали проект, в марте 1939-го утвердили смету на строительство в размере 307 тысяч девятисот рублей, горсовет выделил земельный участок в южном конце проспекта Сталина (нынешнего проспекта Ленина), по соседству с Варничным ручьем, и работа закипела.

О строительстве нового учреждения культуры регулярно рассказывала "Полярная правда", причем тональность опубликованных в газете материалов далеко не всегда была положительной. Впрочем, начиналось все вполне оптимистично. "Вот как будет выглядеть новый цирк: широкие, идущие полукругом ступени ведут к трем выходным дверям, - информировала читателей "Полярка" 14 апреля 1939 года. - Фасад украшает колоннада. По бокам здания колонны образуют галерею, где будут расположены павильоны для продажи кондитерских изделий, фруктовых вод, мороженого. Между ступенями, ведущими к павильонам, будут озелененные газоны. Озеленена будет и площадка перед входом. Внутри вокруг манежа расположены восходящие амфитеатром ряды. Здесь разместятся 1500 зрителей. Над артистическим входом помещается сценическая площадка, где будут разыгрываться цирковые пантомимы".

ПУБЛИКА МОЖЕТ БЫТЬ ОБМАНУТА

Месяц спустя пресса уведомила мурманчан, что "земляные работы уже подходят к концу. Осталось вырыть траншеи для фундамента главного входа. После установки каркаса здания начнется обшивка стен". Однако строители не успевали к запланированным срокам и в результате две первоначальные даты открытия мурманского цирка - 5 и 15 июня - оказались сорваны. "Облстройтрест не приложил достаточных усилий для своевременного окончания строительства, - возмущалась корреспондент К. Григорьева. - Сейчас при наличии всех необходимых материалов нужно форсировать окончание строительных работ, - поясняла она. - Следует организовать работу в две смены - круглосуточный полярный день как нельзя лучше способствует этому... Следует отметить, что городской совет ни планировкой площадки, ни общим благоустройством местности, где воздвигается цирк, до сих пор не занимается. Надо не позабыть и такую существенную "мелочь", как окраска и сушка скамеек. Печальный опыт... подсказывает, что нужно учесть все элементы культурного обслуживания зрителя".

Чем ближе подходил очередной срок ввода здания в строй, тем резче становилась интонация газеты. "Если верить красивым афишам, расклеенным по городу, то открытие Мурманского стационарного цирка произойдет 1 июля, - сообщала "Полярка" 24 июня 1939 года. - Однако положение на стройке цирка таково, что публика может быть обманута. До открытия осталась всего шестидневка. А еще необходимо поставить скамейки, выкрасить здание, натянуть парусный купол, наконец, оборудовать и украсить здание изнутри. А площадка, окружающая здание будущего цирка? Это сплошное грязное болото, пробираться по которому необычайно трудно и неприятно".

Опасения "Полярной правды" подтвердились - цирк открылся не 1 июля, а почти неделей позже - 6-го числа. Но все-таки открылся. И, положа руку на сердце, для довоенного Мурманска, практически все серьезные постройки которого возводились годами, а то и десятилетиями, темпы его сооружения были очень быстрыми.

РАБОТУ ПРИЗНАТЬ УДОВЛЕТВОРИТЕЛЬНОЙ

Стоит отметить, что мурманский цирк не отапливался, а потому работал только в теплый сезон. Его директором стал уполномоченный Управления передвижными цирками М. Е. Цукер. Документы Государственного архива Мурманской области свидетельствуют, что за 1939 год в цирке было дано 63 вечерних представления, 11 утренних, 2 для школьников, 2 для красноармейцев и краснофлотцев. Кроме того, цирковые артисты выступили в пионерском лагере в Мурмашах. На представлениях побывало 86749 зрителей, которые увидели 24 разных номера. В том числе - дрессированных львов Макса Борисова и большую программу иллюзиониста Петра Златогорова. 14 сентября 1939 года президиум Мурманского горсовета постановил: "Учитывая плохие метеорологические условия в течение всего лета, работу цирка по охвату зрителей, благодаря хорошей организации сезона, признать вполне удовлетворительной. В отношении же художественного уровня программы отметить, что Управление цирков обслужило мурманского зрителя в отчетном сезоне номерами среднего качества... За инициативу, энергию и добросовестное отношение к делу, проявленные во время строительства цирка и в период активного сезона директору цирка тов. Цукеру М. Е. объявить благодарность".

В начале 1940 года Мурманский цирк передали с баланса областного отдела по делам искусств на баланс Объединения городских цирков Главного управления цирков СССР. Лето он встретил хотя и функционирующим, но со множеством недоделок, допущенных ранее из-за спешки в строительстве. Пожалуй, главной проблемой, тянувшейся с самого момента официального открытия нового "очага культуры", оставалась протекающая крыша, что нередко приводило к отмене представлений из-за дождя. Перед началом сезона для ее ремонта выделили 15 рулонов рубероида. Другим вопросом, требующим решения, оказалось приведение в порядок окрестной территории. 20 марта 1940 года исполком Мурманского горсовета решил "обязать горкомхоз благоустроить и озеленить существующую площадку у городского цирка и просить Областной исполнительный комитет отпустить на начало устройства в 1940 г. городского парка в долине Варничного ручья 100 тысяч рублей". Но, увы, ни одну из перечисленных выше неполадок до конца устранить так и не удалось: крыша, хотя и залатанная, все равно текла, а благоустройство прилегающей территории отложили на потом. Да и парк в долине Варничного ручья, частью которого планировалось сделать новопостроенное развлекательное учреждение, так в итоге и не появился.

Шатер передвижного цирка в Мурманске. 1980 г. Фрагмент фотографии В. Е. Кононова. Из фондов ГАМО.

"ПОЛОЖЕНИЕ... КАТАСТРОФИЧЕСКОЕ"

Тем не менее цирк работал, и работал неплохо. В постановлении исполкома Мурманского горсовета, посвященном деятельности Мурманского госцирка в 1940 году, принятом сразу по окончании сезона, значилось: "С 30 мая по 8 сентября... было дано вечерних представлений - 83, дневных -17, целевых - 1, шефских - 2, всего 103 представления. За этот период обслужено зрителей на представлениях: утренних - 25735, вечерних - 84785, шефских - 3200, всего - 113720. Кроме того, было организовано два выезда цирковых бригад в Н-ские части". Программа выступлений стала более разнообразной - всего зрители увидели 38 номеров. В конечном счете городские власти решили: "Признать деятельность Мурманского цирка в отчетном сезоне удовлетворительной... Отметить энергичную работу директора... т. Цукер".

Весной 1941 года обнаружилось, что будущий сезон находится под угрозой срыва. "Положение... создалось прямо катастрофическое, - докладывал Цукер в Объединение городских цирков 1 апреля. - Амфитеатр цирка занесен снегом, который абсолютно необходимо вывезти до таяния, так как в противном случае цирк затопит. Нужно немедленно купить телегу и лошадь... так как в противном случае своевременное открытие будет сорвано". На помощь пришел Мурманский облисполком, выделивший средства для проведения необходимых работ.

ПЕРЕЛОМНЫЙ ГОД

Для цирка заполярной столицы 1941-й во многом должен был стать переломным. На крыше здания началось сооружение деревянного купола вместо существовавшего прежде брезентового. Стены популярного у горожан учреждения культуры утепляли и красили. Предполагалось построить общежитие для цирковых артистов. Горкомхоз наконец занялся благоустройством примыкающей к зрелищному предприятию территории. На радость почтеннейшей публике, местные власти решили сделать более удобными для проезда ведущие к цирку дороги, установить электроосвещение и укрепить близлежащий берег Варничного ручья. "Территория будет ограждена архитектурно оформленной оградой с небольшой аркой, - поясняла "Полярка" в мае 1941-го. - Перед зданием разбиваются цветники и клумбы, устанавливаются скамейки, где в антрактах на свежем воздухе смогут отдыхать зрители". Все это выводило мурманский цирк на новый уровень комфорта и значительно удлиняло цирковой сезон.

Более того, облисполком поставил перед Объединением городских цирков Главного управления цирков СССР вопрос о том, чтобы "дооборудовать в течение ближайших лет здание цирка для круглогодовой работы". Однако масштабным планам и радужным надеждам не суждено было сбыться. И 1941 год стал для мурманского цирка переломным совсем по другой причине. Но об этом, а также о том, какие артисты и с каким репертуаром выступали в Мурманске в ту давнюю пору, я напишу в следующий раз.

Дмитрий ЕРМОЛАЕВ,
сотрудник Государственного архива Мурманской области.

Мурманский цирк - творческие падения и взлеты

Сто страниц истории к 100-летию Мурманска

Каждому из нас хочется чуда. Некоторым - отчетливо и явно, некоторым - подспудно и неосознанно. Даже завзятые прагматики и закоренелые реалисты втайне мечтают о чем-то, что вырвет их из серой, обыденной повседневности, окунет в иной, красочный мир, принесет радость. Одно из подтверждений тому - неизменная на протяжении столетий популярность циркового искусства. Ведь действо, происходящее на арене, - это всегда слегка волшебство, чуть-чуть сказка. И хотя за невесомым изяществом парящих под куполом воздушных гимнастов, за бесшабашной лихостью клоуна и непринужденной улыбкой укротителя, входящего в клетку к тиграм, кроется тяжелый, порой опасный труд, зрителям верится, что все именно так легко, просто и празднично, как им показывают. Вот и жители заполярной столицы, собиравшиеся 6 июля 1939 года на первое в истории мурманского цирка представление, ждали чуда, волшебства, сказки. Вышло, однако, по-другому.

ПЕРВЫЙ БЛИН КОМОМ

“Программа составлена явно непродуманно, в ней преобладают акробатические номера, что создает однообразие цирковых жанров, - отмечал в рецензии на открытие циркового сезона корреспондент “Полярной правды”, будущий известный писатель Александр Шевцов. - Кроме того, некоторые из объявленных номеров еще не прибыли (конюшня Бакшеева, эквилибристы на шарах, сатирик Южин)... Слишком слаб и немощен оркестр... Артистам оркестр только мешал,... его почти не слышали. Не совсем удачному началу... “помог” еще и дождь. Крыша протекала, зрители вынуждены были покидать места. Наиболее предприимчивые сидели в цирке под... зонтиками... В целом... программа не удовлетворила зрителей”. В общем, первый блин вышел комом.

Отрицательной оценки удостоился коверный клоун Сосин. “Его обязанность заполнять паузы, - пояснял Шевцов. - На самом же деле получилось так, что артист Сосин появлялся тогда, когда можно было обойтись без паузы... и делал ее длинной и томительной, и наоборот, когда происходила пауза из-за совершенно не слаженной работы униформистов, артиста Сосина на манеже не оказывалось. Две-три плоских и древних, как сам цирк, шутки оставляли гнетущее впечатление. Смеха на манеже нет и, по-видимому, пока на нем будет работать Сосин - не предвидится”.

На самом деле такой отзыв - свидетельство скорее своеобразной журналистской моды того времени, чем реальной творческой беспомощности клоуна. Дело в том, что клоунада считалась тогда старорежимным жанром, наследием “проклятого прошлого”, и “прорабатывали” ее буквально в каждой критической заметке. Так и писали: “К сожалению, приходится констатировать, что самым слабым местом программы было выступление клоунов таких-то...”. А мастера в ту пору работали талантливые. И тот же Александр Иосифович Сосин начинал карьеру еще в XIX столетии, гастролировал во множестве европейских цирков, впервые в СССР исполнил двойное сальто в партере. Среди его трюков “львиный прыжок” - прыжок через карету и лошадь, прыжок через 24 солдата со штыками в руках. Так что о какой-либо профессиональной некомпетентности тут говорить не приходится.

ПРОФЕССИОНАЛЫ ВЫСОКОГО УРОВНЯ

Из других артистов, выступавших летом 1939-го в мурманском цирке, отмечу музыкального эксцентрика

Петр Златогоров демонстрирует эффект левитации. Фото Л. Хлюппе. С сайта http.magicpedia.ru

Анатолия Владимировича Ирманова, демонстрировавшего жителям заполярной столицы свой самый известный номер. Он выходил на сцену в образе чудаковатого маэстро с худощавой фигурой и уныло свисающими усами, в темном костюме, будто с чужого плеча, и пытался укротить “норовистый” инструмент - скрипку. Та имела два грифа, и музыкант всячески стремился удалить “лишний”. И прежде чем зрители слышали прекрасно сыгранную мелодию, Ирманов показывал целый ряд комических моментов: играл скрипкой на смычке, музицировал на лопнувшей струне и так далее.

Выдающимся мастером своего дела был жонглер Константин Михайлович Никольский, в значительной степени революционизировавший классическое жонглирование. В Мурманске он работал и с палочками, и с тарелками, и с мячами, связывая свой номер в единое целое с помощью разного рода акробатических элементов. В том же 1939 году Никольский первым среди жонглеров удостоился почетного звания заслуженного артиста РСФСР и получил высокую награду - орден Трудового Красного Знамени.

Словом, зрителям заполярной столицы показывали свое мастерство профессионалы самого высокого уровня. Но безусловным гвоздем первой программы Мурманского цирка стали “Львы Макса”. Так назывался аттракцион укротителя Георгия Борисовича Борисова, выступавшего под псевдонимом Макс и выходившего на манеж с группой дрессированных хищников.

69 РАН

Георгий Борисович играл на арене роль грозного повелителя животных, яростно хлопающего бичом и заставляющего зверей свирепо рычать и иступленно прыгать на своего властелина, а публику замирать от страха. Номер Борисова настолько впечатлил мурманчан, что судьбе дрессировщика, родившегося в Румынии, воевавшего и в первую мировую, и в гражданскую войну, посвятила отдельный большой материал газета “Комсомолец Заполярья”. “На протяжении всей дрессировки львы нанесли ему 69 ран, - сообщали читателям корреспонденты Константин Полтев и Василий Боровой. - И вот теперь Георгий Борисович Макс стал мастером арены, его знают в десятках городов нашей страны, его работу видели тысячи зрителей... Сейчас он в столице советского Заполярья. Нужно сказать, что мурманчане восхищаются его работой”.

С августа 1939 года в мурманском цирке демонстрировалась новая программа, которая, по единодушному мнению критиков, была гораздо лучше предыдущей. “На этот раз программа и хороша по качеству, и разнообразна. Зрители имеют возможность видеть различных представителей цирковых жанров”, - делился впечатлениями на страницах “Полярки” Александр Шевцов. Жителей областного центра покорили акробаты-эксцентрики Игвич, выступавшие на роликовых коньках артисты Стефани, акробаты Чаровы, жокеи-наездники Лерман, эквилибристы Орландо, воздушные гимнасты Джиовани.

Александр Николаевич Буслаев. Фото с сайта http.suploud.wikimedia.

Центральное место на сей раз занимал аттракцион иллюзиониста Петра Ильича Златогорова. И хотя наиболее принципиальные мурманские критики отметили, что “все эти “чудеса иллюзии” можно встретить на любой эстраде, причем очень часто значительно лучше и чище технически выполненные”, мурманчанам Златогоров приглянулся. О чем свидетельствует хотя бы тот факт, что три десятилетия спустя, в 1969-м, когда артиста провожали на заслуженный отдых, одна из множества поступивших в адрес Петра Ильича официальных приветственных телеграмм пришла из заполярной столицы.

ПОЛЕТ ПОД КУПОЛОМ И ТАНЦУЮЩАЯ ЛОШАДЬ

Главными звездами мурманского цирка в следующем, 1940 году стали Александр Николаевич Буслаев и легендарная Ирина Николаевна Бугримова, выступавшие со своим коронным номером “Полет на санях из-под купола цирка”. “У распределительного щита - маленькая фигурка женщины, - описывал увиденное на арене начинающий поэт и журналист Александр Подстаницкий. - Еще минута - и она, включив ток, заставит вращаться большие тяжелые кольца, установленные под куполом цирка. Стройный мужчина застегивает ремни, прикрепляя себя к тяжелым саням, на которых через минуту ему лететь с этой крутой горки, набирать высоту и скорость для прыжка.

- Готово?

- Есть!

Человек напрягся. Три кольца вращаются одно в другом. Надо выбрать момент, когда их грани станут на миг параллельными. И тогда можно совершать прыжок через кольца на бешено летящих санях”.

Мурманская пресса не скупилась на восторженные эпитеты. Выступление Буслаева и Бугримовой называли “захватывающим”, “замечательным по смелости и технике”, “последним достижением мастеров советского цирка”. Жители областного центра буквально отбивали себе ладони, приветствуя артистов. А Бугримова, которая тогда только осваивала принесшее ей в дальнейшем громкую славу амплуа укротителя, выступала в заполярной столице еще и как наездница. Ее лошадь, танцевавшая под популярные джазовые мелодии, судя по воспоминаниям очевидцев, стала общей любимицей публики.

НА ПОДЪЕМЕ

Большое впечатление на мурманских зрителей произвел номер воздушных гимнастов Изяслава Борисовича и Раисы Максимилиановны Немчинских. “Одним из наиболее эффектных и по-настоящему цирковых” назвал его в очередном “разборе полетов” Александр Шевцов. “Здесь сила и ловкость со смелостью доведены до наивысшего предела, - отмечал он. - Под самым куполом цирка, без предохраняющей сетки, артисты Немчинские проделывают ряд головокружительных эволюций, проделывают их абсолютно безошибочно”. Добавлю к этому, что Раиса Максимилиановна - единственная среди воздушных гимнасток мира, проработавшая в избранном раз и на всю жизнь жанре 46 лет, до конца исполняя уникальные по сложности трюки и оставаясь ведущей в своем амплуа.

Из других выступавших перед мурманчанами в том сезоне артистов вспомним замечательных велофигуристов Польди, музыкальных эксцентриков Герони, акробатов-эксцентриков Рыбалко и Рябинина, эквилибристов на шарах Мауль, клоуна-дрессировщика Станислава Шафрика. Характерно, что Шевцов, ставший главным “цирковедом” заполярной столицы и, если помните, в пух и прах разгромивший самое первое действо мурманского цирка, рецензию на заключительные представления 1940 года озаглавил коротко и ясно - “Отличная программа”.

Вот так, на подъеме мурманский цирк и встретил трагический 1941-й.

Дмитрий ЕРМОЛАЕВ, сотрудник Государственного архива Мурманской области. По материалам Научно-справочной библиотеки ГАМО.

Окончание следует.

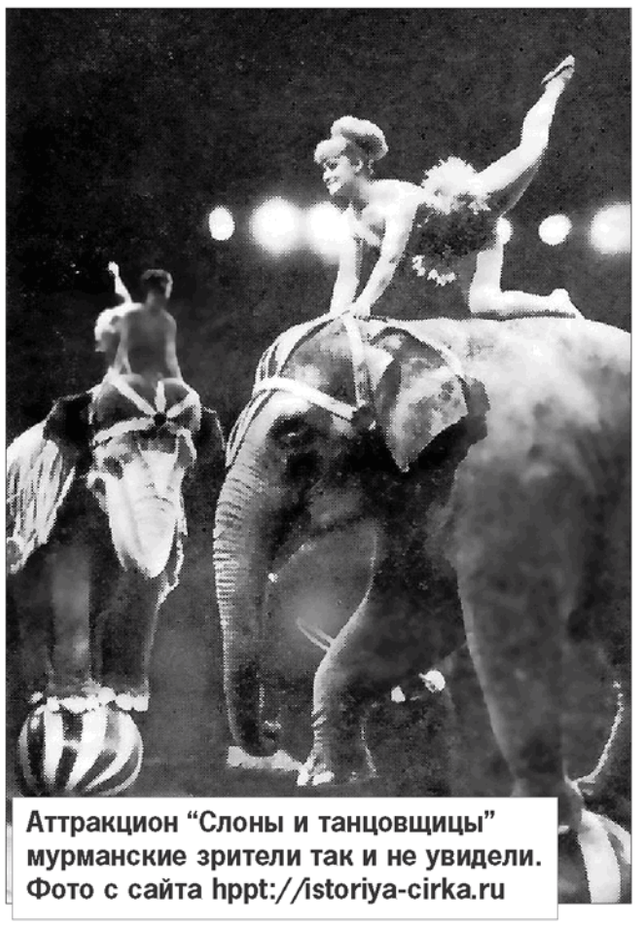
Мурманский цирк закрыла война

Сто страниц истории к 100-летию Мурманска

Циркового сезона 1941 года мурманчане ждали с нетерпением. Предыдущее лето избаловало жителей заполярной столицы выступлениями звезд первой величины, захватывающими аттракционами, рискованными трюками и веселыми шутками. Новая программа, как следовало из расклеенных повсюду афиш, обещала быть ничуть не хуже. К тому же горкомхоз привел в порядок территорию вокруг цирка, что еще более увеличило популярность этого зрелищного предприятия среди населения областного центра. В общем, и взрослые, и дети находились в предвкушении новых представлений, новых впечатлений, новых цирковых чудес.

Михаил Ван-Ю-Ли (в центре) не смог выступить в заполярной столице. Мурманский цирк закрылся из-за войны. Фото с сайта http://magicped

Аттракцион "Слоны и танцовщицы" мурманские зрители так и не увидели. Фото с сайта hppt://istoriya-cirka.ru

КОМИЧЕСКИЙ ПОЛЕТ И КИТАЙСКИЕ ИГРЫ

"Завтра открывается сезон в Мурманском госцирке", - оповещал читателей "Комсомолец Заполярья" 30 мая. "В программе открытия ряд интересных номеров", - вторила ему "Полярная правда", добавляя затем, что "в течение сезона в Мурманске побывает ряд выдающихся представителей циркового искусства - дрессировщик слонов Корнилов, Ван-Ю-Ли - исполнитель интереснейшего китайского аттракциона и другие". Пресса рекламировала "замечательный номер орденоносца Вязова - комический полет с амортизатором", работающих сразу на трех площадках веломотоциклистов Ефимовых, приезд в августе мотоциклистов Ващенко. Новшества касались не только репертуара, но и организации выступлений. "В текущем сезоне, - поясняла "Полярка", - смена программы будет проходить не так, как в прошлые годы, когда заменялись постепенно отдельные номера, сейчас она будет сменяться каждый раз полностью. После программы открытия будет работать цирковой коллектив № 1".

Надо отметить, что уровень приглашенных на новый сезон артистов вполне соответствовал ожиданиям мурманчан. В 1936 году, вскоре после выхода на экраны страны фильма "Цирк", акробат Анатолий Михайлович Вязов сделал на главный аттракцион, показанный в этой картине, пародию-парафраз - "Комический полет". Сам Вязов работал в гриме Чарли Чаплина. По словам очевидцев, он был так похож на "оригинал", что зрители нисколько не сомневались в его подлинности. Михаил Иванович Ван-Ю-Ли - создатель номера "Восточно-китайские игры", многое взявшего от настоящего китайского национального цирка. Фарфоровые чашки, "сами собой" наполнявшиеся молоком, яйцо, мгновенно превращавшееся в живую утку, гирлянды зажженных фонариков, появлявшиеся из вороха разноцветных бумажных лент, дополнялись боем на мечах, жонглированием трезубцем и прыжками сквозь огненный обруч. "Слоны и танцовщицы" Александра Николаевича Корнилова, впервые представленные публике как раз в 1941 году, сразу завоевали широкую популярность. Ловкость и грациозность танцующих девушек оттеняли громоздкость и неповоротливость животных, пытавшихся доказать, что они тоже по-своему изящны и способны даже плавно вальсировать.

МЕЛАНХОЛИЯ ВМЕСТО ВЕСЕЛЬЯ

31 мая состоялось первое представление. Вскоре, однако, выяснилось, что объявленные заранее звезды не приехали, а действо, происходящее на арене Мурманского цирка, вызывает у публики не только восторг и радость, но и недовольство. Накопленные отрицательные эмоции воплотились в разгромную рецензию под названием "Неудачи первой программы", написанную журналисткой и поэтессой Раисой Троянкер. 19 июня 1941 года ее опубликовала "Полярная правда". "Первые посещения разочаровали зрителей. Номеров, обещанных в программе открытия, не оказалось, - расстраивалась Раиса Львовна. - Программа вся сплошь акробатическая. После посредственно работающих в первом отделении на кольцах Заянчковских - вновь с кольцами выступают Марковы. В значительной степени однородны и все другие номера. Из-за этой однотонности теряется живой акробатико-эксцентрический номер Мумжиу, недостаточно заметно проходит своеобразное выступление Бысенко (баланс на трапеции) и перш (цирковой снаряд в виде деревянного или металлического шеста длиной от двух до десяти метров. - **Прим. автора**) с переходной лестницей (Томниковых)".

На орехи досталось не только акробатам, но и представителям других жанров. "Выступление Изабеллы Кудрявцевой с медведями отнюдь не является стержневым номером программы. Такого вообще нет", - возмущалась Троянкер. А потом едко замечала, что "остроты буффонадных клоунов Сакеуса и Беляева вызывают меланхолию, а не веселье". И в конечном счете делала вывод: "Летний сезон только начинается. Ошибки его надо сразу учесть. В последующих программах мы ждем того большого разнообразия, которым располагает цирк".

ТРЕТЬЕГО ПРЕДСТАВЛЕНИЯ НЕ БЫЛО

Администрация цирка отнеслась к критике со всем возможным вниманием. Исправить указанные на страницах "Полярки" недостатки она попыталась в новой программе, впервые показанной публике 20 июня в 9 часов вечера. Но так уж вышло, что отзыв Раисы Троянкер о работе цирковых артистов на арене заполярной столицы оказался последним. 21 июня новая программа прошла во второй раз. Третьего раза не было. "22 июня 1941 года объявили войну, - вспоминала мурманчанка Анна Дербенева. - Мы собирались пойти на представление, но родители нас туда так и не повели". Анонсированных прессой дрессированных слонов вкупе с китайским аттракционом и комическим полетом зрители не увидели. Мурманский госцирк прекратил работу.

Окончательно история цирка в самом большом городе мира за Полярным кругом завершилась страшным для областного центра летом 1942 года. Днем мурманской памяти и скорби называют краеведы 18 июня, когда город пережил самый массированный авианалет немецкой авиации. Бомбежка, последовавшая 30 июня, не многим ему уступала. "В 18 часов 40 минут - опять воздушная тревога, - записал тогда в своем дневнике первый секретарь Мурманского обкома ВКП(б) Максим Старостин. - Фашистские самолеты сбросили 50 фугасных и около 12 тысяч зажигательных бомб. Бомбы легли от Военного городка, цирка и на Юг по Жилстрою. Начались огромные пожары". И - несколькими строчками ниже: "От Военного городка до педучилища проехать невозможно. Горит мебельная фабрика, Военный городок, цирк, склады… Поехал на Жилстрой. С горы вид на город - сплошное море огня". Вот так - в пламени пожара, вызванного вражеской бомбардировкой, закончило существование здание Мурманского цирка, просто-явшее всего около трех лет - с июля 1939-го по июнь 1942-го, но оставившее у жителей заполярной столицы хорошую память о себе.

В РАМКАХ ПЯТИЛЕТНЕГО ПЛАНА

Настолько хорошую, что сразу после Победы мурманчане задумались о его восстановлении. Вернее, о строительстве нового цирка. Среди документов Государственного архива Мурманской области есть и те, что рассказывают, каким образом это предполагалось сделать. "В 1940 году в городе Мурманске был цирк-шапито, который приезжал из центра только на 2 летних месяца. Площадка цирка сгорела в 1942 году, - сообщала вышестоящему руководству начальник отдела по делам искусств Мурманского облисполкома Зинаида Николаева. - Для обслуживания взрослого и детского населения Мурманска развлекательным жанром считаю необходимым в 1949 году начать строительство областного цирка на 1500 мест".

Областные власти согласились с Зинаидой Петровной и включили сооружение цирка в проект пятилетнего - с 1946 по 1950 год - плана строительства культурно-зрелищных предприятий. Со временем параметры будущей стройки были конкретизированы. "Строительство цирка намечено по проекту плана… в течение 1948-1950 года, - разъясняла Николаева. - Радиус цирка предусматривается в 35 метров при высоте стен 4 с половиной метра и высоте купола 20 метров. Общая кубатура строительства этого цирка со всеми необходимыми пристройками (конюшни, уборная, сцена, склады) принята в 15200 м^3". Стоимость возрождения Мурманского цирка оценивалась в 5 миллионов 16 тысяч рублей.

С ПОДПИСЬЮ ВОЖДЯ

Архитекторы приступили к разработке проекта циркового здания. Председатель Мурманского горисполкома в 1984-1989 годах Владимир Горячкин утверждает, что ему доводилось держать в руках датированный 1953 годом генеральный план одного из городских микрорайонов с обозначенным на нем и привязанным к местности цирком. Новое-старое учреждение культуры должно было появиться на прежнем месте - в южном конце проспекта Сталина у Варничного ручья. Кстати, по словам Горячкина, на плане имелась положительная резолюция самого "вождя народов".

Однако, несмотря на большие планы, несмотря на то, что еще в 1944 году правительство СССР приняло постановление "О мероприятиях по восстановлению городского хозяйства Мурманска", несмотря на включение областного центра в число 15 городов РСФСР, воссоздание которых объявлялось первоочередной задачей, до возведения цирка в заполярной столице дело так и не дошло. Впрочем, как и до сооружения многих других запланированных, нужных, но, увы, по разным причинам не воплотившихся в конкретные здания, набережные и парки объектов.

С тех пор и по сей день мурманчане любуются лишь представлениями гастролирующих цирковых артистов, ежесезонно раскидывающих свои шатры в городе на берегу Кольского залива. Память же о стационарном цирке со временем перешла в разряд городских легенд. А ведь все могло быть иначе… Если бы не война…

Дмитрий ЕРМОЛАЕВ,
сотрудник Государственного архива Мурманской области.

Ранняя поэзия Мурманска

Сто страниц истории к 100-летию Мурманска

Старый Мурманск жил не только портом, строительством, защитой своих рубежей, но и словом. В годы интервенции и правления белого правительства выходила газета “Мурманский вестник”, на ее страницах печатались даже стихи. Но самое поразительное, что первой книгой, вышедшей в Мурманске, был именно поэтический сборник - стихи политработника Федора Чумбарова-Лучинского, чьим именем названа улица в северной части города. И вторая книга, выпущенная местной типографией, была также поэтической! Имя ее автора малоизвестно, его знают только краеведы - Виктор Гудков. Об этих людях и уникальных изданиях наш рассказ.

СОЛНЦЕ ЧУМБАРОВА-ЛУЧИНСКОГО

Федор Степанович Чумбаров, уроженец Каргопольского уезда Архангельской губернии, прожил всего 22 года, но это была насыщенная жизнь идейного романтика, полная приключений. Подростком уехал на заработки в Петроград, где увлекся марксизмом, тогда-то подпольщики придумали ему псевдоним - Лучинский. В годы революции и гражданской войны он на руководящих постах - комиссар, лектор, публицист. Его боевой маршрут - Ярославль, Вологда, Онега, Усть-Сысольск, Архангельск, Мурманск...

Кроме газетных передовиц и заметок с

Федор Чумбаров-Лучинский (за письменным столом).

фронта Чумбаров писал стихи. В них - высокий революционный пафос, ненависть к врагам, скорбь о павших товарищах, ожидание счастливого будущего. Автор не мечтал о звании поэта, стихи считал частью своей партийной работы. Это стихи-призывы, стихи - отклики на революционные события (“На баррикады!”, “Смерть буржуазии!”, “За работу!”, “Наш путь”, “Восставшему Мурманску”). В авторском вступлении к своей единственной книжке поэт писал: “Просьба ко всем... не рассматривать ее как что-то претендующее на руководство или признание, а рассматривать как наброски рабочего, перегруженного текущей партийной работой”.

Сборник “На Севере” выпустила редакция “Известий Мурманского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов” буквально через месяц после приезда Чумбарова-Лучинского в Мурманск, а приехал он на броненосце в должности партработника с воинскими частями Северного фронта 7 марта 1920 года. Эта 15-страничная книжица - величайшая библиографическая редкость, долгое время ее не имела ни одна российская библиотека. Ее упорно разыскивал исследователь жизни и творчества поэта-публициста ленинградец Н. Н. Парфенов, который в 1968 году в Сыктывкаре выпустил небольшой сборник Чумбарова-Лучинского “Наш путь”, так и не сверив, как сообщал он мне в письме, с текстами мурманского издания. Между тем книжка сохранилась, известна судьба двух экземпляров.

Один экземпляр сберег и еще в советское время передал в Карельский филиал Академии наук драматург Л. Я. Циновский (1894-1970 гг.), друг Чумбарова-Лучинского. Он также в юности писал стихи-призывы, служил политработником на Северном фронте. Незадолго до смерти Леонид Яковлевич рассказал Парфенову о своем экземпляре: “Это случилось в архангельском пролеткульте. Федя уезжал на X съезд партии в Москву и за минуту до расставания дал мне на хранение до его возвращения книжечку своих стихов. Я горько тосковал по нему...”.

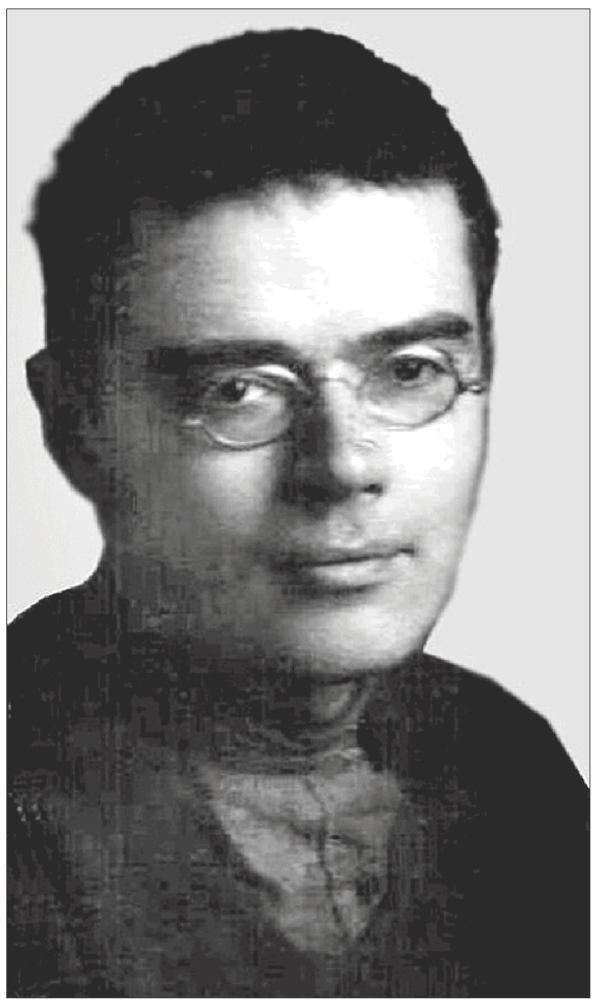
Сборник “На Севере” имел в своем выдающемся поэтическом собрании известный библиофил и литературовед А. К. Тарасенков (1909-1956 гг.). В его коллекции находились редчайшие поэтические издания, уничтоженные цензурой, выпущенные крохотными тиражами в походных типографиях на фронтах гражданской и Великой Отечественной войн, в партизанских отрядах, в осажденном Севастополе. В 1978 году “поэтику” Тарасенкова - около 7500 названий - приобрела у вдовы нынешняя Российская государственная библиотека, бывшая “Ленинка”.

В сборнике семь стихотворений: “Восставшему Мурманску”, “Думы деда”, “На Севере”, “Маяк”, “В пути”, “В окопе”, “Наша кузница”. Напечатаны также заметки “Наше воскресенье”, “Пролеткульт”, “Задачи пролеткульта”. Пролеткульт - это литературно-просветительская организация, воспитывающая новые литературные кадры из рабочих, из низов, пропагандирующая революционное словотворчество.

Федор Чумбаров-Лучинский был первым секретарем Мурманской партийной организации, редактором местных “Известий Мурманского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов”, впоследствии - областной газеты “Полярная правда”. Затем он - на партийной работе в Архангельске. Горожане-партийцы избрали его на X съезд большевиков. В составе большого отряда делегатов Федор Степанович подавлял Кронштадтский мятеж моряков и погиб на балтийском льду в атаке от прямого попадания снаряда 18 марта 1921 года.

МУЗЫКАЛЬНАЯ ДУША ПОЭТА

Виктор Гудков, уроженец Воронежа, появился в Заполярье в 1917 году. Родительской ласки не добрал, рано лишился отца, жизнь матери эсерки-революционерки - это подпольные собрания да тюрьма. Освободившись, она подалась с сыном на Север, приехала в зарождающийся Мурманск. Гудков работал в Коле на железной дороге, с установлением советской власти на Севере заведовал губполитпросветом, клубом железнодорожников в Мурманске, с 1925 года редактировал газету “Полярная правда”.

Виктор Гудков.

Университетов Гудков не кончал, образованность и увлечение поэзией передались от матери. Поэтическая стихия раннего Гудкова - одиночество, внутренние переживания, юношеская инфантильность, грустные картинки природы, мрачные краски Севера. Его лирика - это не стихи-призывы, как у Чумбарова-Лучинского. У него явная склонность к декаденству, воспевающему индивидуализм, модному тогда литературному течению. Но среди подобных упаднических стихов есть простые лирические картинки, отличающиеся простотой изложения и точностью наблюдения. Например, стихотворение “В лесу”:

Как хорош весенний лес!
В нем подснежников полянки
Полны солнечных чудес
В голубые позаранки.
Приходи и отдохни,
Голубой сплети веночек.
В теплой ласковой тени
Льется сладкий запах почек.
Подыши им, подыши,
Поцелуйся с солнцем вешним.
И тогда в лесной глуши
Станешь милым, станешь здешним...

В 1922 году Гудков в Мурманске издал сборник стихов под названием “С севера” тиражом 1500 экземпляров, на невзрачной газетной бумаге. Цена - 20 копеек золотом, “4-я часть стоимости книжки исчисляется в пользу голодающих”. Этим, видимо, объясняется печатание стихов, не соответствующих тогдашней идеологической линии, коммуниста-поэта. После ликвидации НЭПа, с наступлением жесткой цензуры, идейной уравниловки в жизни и литературе, повторить поэтический эксперимент Виктор Пантелеймонович не решился, он удалился в область более политически безопасную - фольклор.

Автор серьезно отнесся к изданию книги, сумел два десятка стихотворений сгруппировать в четыре цикла на 24 страницах, каждый цикл тематически и композиционно живет своей жизнью. Рецензий на сборник в тогдашней единственной в Мурманске газете “Полярная правда” не появилось, да и сама книга в наших библиотеках отсутствует, возможно, была изъята. К слову, для работы над биографией Гудкова мне присылали экземпляр из Петрозаводска. В собрании упомянутого выше литературоведа Тарасенкова книжка имелась.

После издания сборника “С севера” Гудков стихов больше не печатал, хотя работал редактором губернской газеты. Он проявил себя в другой творческой области - музыкальной. В начале тридцатых годов он жил в Кандалакше, там начал выпускать новую газету “Кандалакшский коммунист”, первый номер вышел 10 февраля 1931 года. Кандалакша в ту пору административно относилась к Карелии. Разъезжая по району в поисках газетных новостей, ночуя в старых русских и карельских селах Ковда, Княжая Губа, Лувеньга, Умба, Виктор Пантелеймонович слышал местные песни и сказы, невольно ими увлекся. Он имел музыкальный слух, любил фольклор, всячески поощрял самодеятельность. Позднее, когда устроился в республиканский научно-исследовательский институт в Петрозаводске, песенный фольклор стал его новой профессией. В карельской глуши он нашел старинный инструмент кантеле, подобный тому, на котором рунопевец Вяйнемейнен из знаменитой “Калевалы” играл, и слушать его сбегались со всей округи люди, животные и всякая тварь.

Гудков и мастер Евдоким Клюхин после немалых опытов создали новое кантеле - более звучный современный инструмент, появились музыканты-любители из молодежи. Так образовался самодеятельный ансамбль “Кантеле” под руководством Гудкова. Первый выездной концерт состоялся в Кандалакше, а потом добрались и до Москвы.

Поэтическое творчество сопутствовало интересам Гудкова. Он переводил карельские, финские, вепские народные песни, составил сборник “Песни народов Карело-Финской ССР”, написал пьесу в стихах “Сампо”, создал поэтический цикл “Выбор”, перерабатывал старинные мелодии. В 1940 году Гудкова приняли в Союз писателей СССР. К сожалению, жил Гудков недолго, умер 17 января 1942 года в столице Киргизии Фрунзе, в эвакуации.

Короткая, но яркая жизнь! А все началось с изданной книжки стихов в Мурманске.

Владимир СОРОКАЖЕРДЬЕВ,
член Союза писателей России.

Первый звуковой

Сто страниц истории к 100-летию Мурманска

Мурманск начала 30-х был поистине рабочим городом. Торговый порт, железная дорога, бурно прогрессировавшая рыбная отрасль, нарождавшийся судоремонт, активно развивавшееся строительство - мест, где требовалось приложить силы и умения, хватало. А вот с культурным отдыхом была проблема. Правда, существовали клубы. Там показывали немые фильмы, давали представления заезжие артисты, сосредоточивались мурманские спортивные и творческие кадры. Но период расцвета клубов уже минул, а уровень демонстрируемых ими зрелищ часто оставлял желать лучшего. К примеру, в конце 20-х неискушенным зрителям заполярной столицы были среди прочего предложены опера "Демон" в исполнении двух (!) человек, спектакль, анонсированный как "грандиозное гала-представление, проездом из Мексики" и состоявший из беганья полностью обнаженного артиста по сцене на четвереньках, а также конкурс на лучшую... лысину. В общем, стремительно росшему городу требовался новый уровень культурной жизни. И новые здания, призванные обслуживать культурные нужды населения. В том числе в сфере "важнейшего из искусств" - кино.

КИНОТЕАТР В КОНЮШНЕ

О необходимости строительства в Мурманске своего кинотеатра задумывались давно. Еще осенью 1925 года на VII губернской партконференции обсуждался вопрос о том, чтобы соорудить в городе "скромный, но уютный кинематограф". Естественно, деревянный, поскольку каменного строительства в городе тогда не существовало. Но скоро, как известно, только сказка сказывается. В начале следующего десятилетия о капитальном здании для кино в заполярной столице по-прежнему оставалось только мечтать. "В городе отсутствует помещение для постоянного кинематографа, - огорчалась "Полярная правда" 3 августа 1931 года, - взамен последнего функционирует под именем "кинотеатра "Маяк" бывшая конюшня. В связи с бурным ростом города необходима самая срочная постройка настоящего кинематографа не менее чем на 1000 мест".

Мечта о кинотеатре воплощалась непросто. Документы Государственного архива Мурманской области свидетельствуют: постановление о необходимости постройки в заполярной столице предназначенного для просмотра фильмов здания из железобетона окружной исполком принял в сентябре 1930 года. Тогда же Стройуправление Севгосрыбтреста подготовило соответствующий проект. Но его не утвердили в Ленинграде. Напомню, Мурманский округ являлся в ту пору частью Ленинградской области. После этого за изготовление проекта взялось Ленинградское проектировочное бюро Союзрыбы. Но в результате "головотяпского", как его назвали позже, распоряжения Союзкино работы по проектированию были остановлены в декабре 1930-го. Вместо капитального сооружения мурманчанам предложили упрощенный вариант: деревянный кинотеатр, рассчитанный на 1000 человек. Но даже с возведением здания из дерева получались постоянные проволочки.

ДАЛЬНЕЙШАЯ ЗАТЯЖКА НЕДОПУСТИМА

Между тем 1 июня 1931-го на экраны страны вышел первый советский звуковой фильм "Путевка в жизнь". Эра "великого немого" уходила в прошлое. Рассказанная режиссером Николаем Экком история о перевоспитании беспризорников не только открыла отечественному кино мир звука, но и предъявила повышенные требования к кинотеатрам страны - их надо было переоборудовать под звуковые показы. Изменились представления о будущем кинотеатре и у мурманчан - им теперь грезилось здание в современном стиле, оснащенное в соответствии с последним словом науки и техники.

Первый в Мурманске звуковой кинотеатр “Северное сияние”. 1930-е годы.

Впрочем, грезы все еще оставались грезами - в 1931-м сооружение кинотеатра так и не началось. Члены президиума Мурманского горсовета, кипя от негодования, на заседании 28 июля 1931 года признали "дальнейшую затяжку с постройкой кино совершенно недопустимой", призвав приступить к строительству не позднее 1 сентября 1931-го с тем, чтобы к 1 октября 1932-го уже ввести кинотеатр в эксплуатацию. Но все их грозные призывы и суровые распоряжения не получали воплощения в жизнь - не было средств.

Ситуация сдвинулась с мертвой точки в следующем году. 28 мая 1932-го решение о постройке в заполярной столице не одного, а сразу двух кинотеатров принял секретариат Ленинградского областного комитета партии. 5 августа его подтвердил Леноблисполком. Правда, в итоге решили, что одного кино пока будет достаточно. 19 августа был заключен соответствующий договор с Ленснабстроем. По нему на строительство выделялось 200 тысяч рублей и планировалось начать его 15 сентября, а закончить к 1 января 1933 года. Но гладко было на бумаге... "На строительном участке в настоящее время нет ни лесоматериалов, ни пиломатериалов, - била тревогу "Полярка" 26 сентября 1932-го. - Администрация 3-го строительного участка Ленснабстроя, загородив территорию будущего кинотеатра, на этом успокоилась".

ЗВУКОВОЕ КИНО БЕЗ ЗВУКА

Работы начались только в октябре и шли ни шатко ни валко. К 1 февраля 1933 года здание было готово... на 8 процентов. Ввод нового кино в строй перенесли на 1 апреля. Однако не получилось и тут. "Срок строительства Ленснабстроем был сорван, - поясняла мурманская пресса в мае, - из-за безобразного и безответственного отношения к строительству, из-за разбазаривания стройматериалов, полученных от "Роскино". Открытие кинотеатра перенесли на 1 августа. И опять не справились. Наконец к 7 ноября 1933-го первое звуковое кино Мурманска было готово. Накануне, 6-го числа, оно приняло первых зрителей - ударников строительной отрасли. Ну а регулярные сеансы начались 25 ноября показом фильма "Два океана", посвященного преодолению ледокольным пароходом "Александр Сибиряков" Северного морского пути за одну навигацию.

Кинотеатр, поэтично названный "Северным сиянием", находился в новом районе города, получившем позже название Жилстрой, на возвышенности южнее Варничного ручья. Он представлял собой оригинальное здание, выполненное в стиле конструктивизма. Крылья его возвышались над центром, имевшим большие окна. Внутри находились вместительный зрительный зал на 900 мест и фойе. Парадокс заключался в том, что из-за разного рода неполадок и недоделок первый в Мурманске звуковой кинематограф какое-то время не отвечал своему высокому предназначению и звуковые фильмы не демонстрировал. "За два с половиной месяца, - возмущался корреспондент "Полярки", укрывшийся под псевдонимом К. Аренин в статье "Когда же в Мурманске будет звуковое кино?", опубликованной 11 марта 1934 года, - в городе не был показан ни один звуковой фильм. Мало того, не был показан ни один новый немой фильм... Кино "Северное сияние" уже больше двух месяцев звуковых картин не демонстрирует. Да оно, в сущности, с самого начала своего существования их не демонстрировало, - оно и как немое кино работает нерегулярно, с перебоями".

САМОЕ ВЕСЕЛОЕ МЕСТО ЖИЛСТРОЯ

Постепенно, однако, все пришло в норму, и звуковые картины нашли своих мурманских зрителей. Отопление в "Северном сиянии" поначалу было печным, но уже в 1936 году в наказах городскому Совету значилось: "Установить в кинотеатре "Северное сияние" паровое отопление". Проработав несколько лет, кинотеатр потребовал ремонта. Выглядел он в конце 30-х весьма непрезентабельно. "Длинное приплюснутое здание барачного типа, - сообщала 24 апреля 1938 года на страницах "Полярной правды" И. Розанова в статье "О кинотеатре "Северное сияние", - истлевшая крыша, зияющие трещины на стенах, смытая дождями, обвалившаяся штукатурка... Зал - вдоль грязных стен протянуты трубы, низкие стенные панели похожи на банные кабинки, на полу обширные лужи". Подобной критики в прессе заполярной столицы тех лет было немало. Как, впрочем, и доказательств тому, что первый звуковой, несмотря ни на что, оставался любимейшим местом отдыха мурманчан. В качестве одного из них приведу отрывок из воспоминаний мурманского старожила Ивана Матвеевича Ульянова:

"Вечера после работы в основном проводили на Жилстрое, ходили в кинотеатр "Северное сияние". До войны он был деревянный, одноэтажный, штукатуренный снаружи и изнутри. В нем всегда было много посетителей, работал буфет, иногда играл духовой оркестр. В большом фойе по стенам устраивались выставки картин и фоторабот местных умельцев. Около "Северного сияния" всегда было многолюдно, это было самое веселое место Жилстроя. Кто не пошел в кино, гуляли по Кирова парочками или группами, там же знакомились, ругались и дрались. Ходить по улице было безопасно: никакого транспорта, разве что телега проедет, в выходные дни и того не было. Напротив "Северного сияния" - отделение милиции, а справа салон "Пиво-воды". Воды почти никогда не было, а вот пиво - всегда, и причем не одного наименования - "Жигулевское", "Ленинградское", "Московское", иногда "Мартовское".

Как видите, "Северное сияние" было весьма органично вписано в мурманскую жизнь.

Судьба не пощадила первый звуковой кинотеатр заполярной столицы. Он был уничтожен во время наиболее ожесточенных вражеских бомбежек летом 1942 года вместе со множеством других деревянных зданий прифронтового города на берегу Кольского залива. Теперь, по прошествии десятилетий, в этом видится и некий символизм - как будто "Северное сияние" - одно из наиболее ярких сооружений довоенного Мурманска - ушло вместе с эпохой, сгоревшей в пламени военного пожара. Остались только фотографии да имя, которое унаследовал новый, каменный кинотеатр, возведенный в 1958-м на месте прежнего. А еще осталась память.

Дмитрий ЕРМОЛАЕВ,
сотрудник Государственного архива Мурманской области.
Фото из фондов ГАМО.

Как начинался "Путь к причалу"

Сто страниц истории к 100-летию Мурманска

Этот фильм давно стал классическим. Любовь зрителей он завоевал сразу, с самой премьеры, а звучащую в нем "Песню о друге" распевала когда-то вся страна. Этот фильм - один из самых мурманских, и заполярная столица в кадре - не просто фон для происходящего. Она - полноценный персонаж, полноправный герой. Недаром копия ленты, о которой я пишу, хранится в коллекции кинодокументов Государственного архива Мурманской области. Причем берегут ее не на DVD-диске и не на каком-либо другом электронном носителе, а на 35-миллиметровой кинопленке - в том виде, в каком крутили когда-то в кинотеатрах и клубах областного центра, показывали в воинских частях и на судах, находящихся в рейсе. Этот фильм - "Путь к причалу".

Сценарий картины написал Виктор Конецкий - в ту пору, в начале 60-х, начинающий, мало кому известный литератор. По сюжету главный герой - старый, угрюмый, одинокий и в море, и на берегу - боцман Росомаха со спасательного буксира "Кола". Буксир тащит в Мурманск, на слом, отслуживший свое корабль "Полоцк", на котором Росомаха когда-то воевал. Начинается шторм. Спасатель получает сигнал бедствия - тонет лесовоз. Для того чтобы успеть оказать помощь, нужно освободиться от "Полоцка". На "Полоцке" четыре человека: Росомаха и три матроса, они сами должны принять решение. Если обрубят трос - могут погибнуть. Решают - рубить. "Полоцк" налетает на скалы. Спасаются все, кроме боцмана.

ТЕНЬ "ВАРЯГА" НАД ТРАУЛЕРОМ

В основе сценария лежали реальные события, произошедшие во время службы Конецкого на судах 441-го отдельного дивизиона аварийно-спасательной службы Северного флота. "Редкий для меня случай, - вспоминал он с присущим ему юмором много лет спустя, - в рассказе "Путь к причалу" у главного героя, боцмана Росомахи, существовал прототип. Это был мичман Росомахин. Мы плавали с ним на спасателе в 1952-1953 годы. Не только плавали, но и тонули, 13 января 1953 года у камней со "скупердяйским" названием Сундуки, в Баренцевом море, на восточном побережье острова Кильдин, севернее рейда с "веселым" названием Могильный. Мы спасали средний рыболовный траулер № 188. Но тень "Варяга" витала над этим траулером. Он спасаться не пожелал. Он нормальным утюгом пошел на грунт, как только был сдернут с камней, на которые вылетел. Аварийная партия разделилась на две неравные группы. Одна полезла на кормовую надстройку, другая - на задирающийся к черным небесам нос: траулер уходил в воду кормой. Я оказался на кормовой надстройке и наблюдал оттуда за волнами, которые заплескивали в дымовую трубу. Температура воды минус один, воздуха - минус шесть, ветер - пять баллов, метель, полярная ночь, огромное желание спасти свою шкуру любой ценой. И когда подошел на вельботе капитан-лейтенант Загоруйко, я заорал и замахал ему. Я решил, что первыми надо снимать людей с кормовой надстройки, ибо нос будет дольше торчать над волнами. Я очень глубоко замотивировал решение. В корме - машина: наиболее тяжелая деталь - раз; чем глубже уходит в волны корма, тем труднее снять с нее людей, так как вокруг надстройки куча разных шлюпбалок, выгородок и другого острого железа - два; в носовом трюме нет пробоин и там образовалась воздушная подушка - три и т. д. и т. п. И тогда прототип моего литературного героя спас мне душу. Он заорал сквозь брызги, снег и ветер и грохот волн, что я щенок, что командиры аварийных партий и капитаны уходят с гибнущих кораблей последними. Если бы не его вопль, я попытался бы отбыть с траулера одним из первых, как нормальная крыса, и навсегда потерял бы уважение к самому себе, не говоря уже об уважении ко мне следователя и прокурора".

УШЕЛ С КОРАБЛЯ ПРЕДПОСЛЕДНИМ

Эту версию случившегося Конецкий опубликовал в очерке "Сценаристы и режиссеры", намеренно изложив ее в комическом ключе, соответствующем духу всего произведения.

На съемках фильма "Путь к причалу". Первый слева - Виктор Конецкий. Второй справа - Георгий Данелия.

На самом деле все было иначе - куда более жестоко и страшно. И никакого малодушия он не проявил. Скорее наоборот. "Корабль стащили с камней, и он лег на другой борт. Залитые водой, заглохли помпы. Единственным спасением для нас было: аварийный корабль оттянут в море, и к его борту сможет подойти кто-нибудь из спасателей, чтобы взять людей. Единственная надежда была, что он не затонет раньше, - сообщал Конецкий брату Олегу 20 января 1953 года по горячим следам событий. - Я сидел спиной к морю и закуривал, когда корма стала очень быстро тонуть. Волна захлестнула кормовую надстройку и рухнула мне на колени. Когда я вскочил, вокруг бушевала вода, в ней отчаянно барахтались люди, перебираясь к рубке, которая торчала из воды. Корабль быстро кренился... Когда бросился к рубке, меня ударило волной, руки не выдержали и меня потащило к борту, но, очевидно, помирать было рано - вода хлынула в машинное отделение, вытолкнула из него воздух через раструбы вентиляторов, которые были рядом, и эта струя воздуха отбросила меня к рубке. Выступавшая над водой ее боковая стенка была сплошь покрыта людьми и нам со стариком-боцманом, который тоже замешкался в корме, места на ней не было. Волна отрывала руки, корабль продолжал погружаться кормой и кренился на левый борт. Я крикнул, чтобы люди переходили по поднимавшемуся правому борту (по его внешней части) в нос... Секунд за 40 они перешли на задравшийся нос. На рубке осталось нас четверо. Путь на нос для нас был уже закрыт - через весь спардек, перемахивая через оба борта, шли волны. Мы лежали на верхнем краю рубки, ноги были в воде, брызги заливали лицо. Крен прекратился, но корабль продолжало бить о камни, а нос "водило".

Единственная оставшаяся в живых шлюпка... в первый раз подошла к нам минут через 30 после аварии. Как она подходила и как снимала людей, ты себе не представишь. Она сделала три рейса. Я ушел с корабля предпоследним".

РАБОТАЛИ, КАК ОБЫКНОВЕННЫЕ ГРУЗЧИКИ

В конце 50-х Конецкий написал рассказ "Путь к причалу", вошедший впоследствии в одну из его первых книжек. Затем подготовил сценарий, который попался на глаза молодому кинорежиссеру Георгию Данелия, только что выпустившему на экраны свою первую картину. "Следующий фильм снимать было страшно, - рассказывал Георгий Николаевич. - Конечно, хотелось такого же успеха, призов на фестивале, статей в газетах... Но я понял: буду рассчитывать на успех - вообще ничего не сниму. Не надо думать о результатах. Надо снимать то, что самому нравится и за что потом не будет стыдно. И я взял в Первом объединении сценарий Виктора Конецкого "Путь к причалу".

Часть действия фильма должна была происходить в Арктике. Для доработки сценария и лучшего изучения натуры Данелия и Конецкий отправились в творческую командировку по Северному морскому пути. Попутчиком их был еще один кинорежиссер - Игорь Таланкин. 7 сентября 1960 года на ледокольном пароходе "Леваневский" они отплыли в восточный сектор Арктики для снабжения отдаленных и труднодоступных островных полярных станций. Путешествие продолжалось два с полови[illegible] месяца, и работать соавторам будущей картины пришлось не только творчески. В Восточно-Сибирском море севернее Новосибирских островов на 75 градусе северной широты лежит остров Жохова. "Леваневский" оказался первым за три года судном, которому удалось пробиться к острову и расположенной на нем полярной станции, оказавшейся из-за недостатка снабжения на грани закрытия. Началась выгрузка. "Работали и Данелия, и Таланкин, - писал Конецкий. - Работали, как обыкновенные грузчики. Только выгрузка была необыкновенная. Судно стояло далеко от берега. Ящики с кирпичом, каменный уголь, мешки с картошкой, тяжеленные части ветряков из трюмов переваливались на понтон, катерок тащил понтон к берегу среди льдин, затем вывалка груза на тракторные сани, оттаскивание грузов к береговому откосу... Работа и днем и ночью при свете фар трактора. Понтон не доходил до кромки припая. И часто мы работали по пояс в месиве[illegible] воды, измельченного льда и песка со снегом".

В конце плавания "Леваневский" изрядно потрепало штормом. И произошло это в Баренцевом море недалеко от острова Колгуев - почти в тех самых местах, где в финале сценария погибает боцман Росомаха. В результате Данелия решил для пущего правдоподобия снимать всю натуру на месте событий - в Арктике. "Дорого нам потом обошлась любовь к правдивости и подлинности, - сокрушался Конецкий. - Ведь мы действительно опять полетели в Арктику и на Диксон! И ухлопали уйму денег и главное - времени, ибо все пришлось переснимать в довольно далеком от Полярного круга Новороссийске и во дворе "Мосфильма".

Тогда же, в 1960-м, режиссер и сценарист приехали в Мурманск. Данелия познакомился с городом, попытался уловить его дух, настроение, наметил места будущих съемок. Кадры, снятые в заполярной столице, должны были занять значительную часть экранного времени. Кроме того, события, которые по сюжету картины происходят в областном центре, играют определяющую роль в понимании личности главного героя - боцмана Росомахи. Именно здесь, в городе на берегу Кольского залива, Росомаха снова, после многих лет разлуки, встречает Марию - женщину, которую когда-то любил. И узнает, что у него есть сын... Начало съемок запланировали на следующий, 1961-й год.

Дмитрий ЕРМОЛАЕВ,
сотрудник Государственного архива Мурманской области.

Окончание следует.

Мурманские истории фильма "Путь к причалу"

Сто страниц истории к 100-летию Мурманска

Окончание.
Начало в номере за 29 ноября

САМОЕ ВАЖНОЕ - МНЕНИЕ МУРМАНЧАН

В конце лета 1961 года на улицах областного центра появился автобус с надписью "Студия "Мосфильм" и табличкой на лобовом стекле "Путь к причалу". Снимался фильм, копия которого хранится ныне в Государственном архиве Мурманской области, на протяжении двух лет. Одним из главных мест, где шла работа над картиной, стала заполярная столица.

- В Мурманске я побывал еще в прошлом году вместе с автором сценария, - рассказывал 10 сентября 1961-го **режиссер-постановщик ленты Георгий Данелия**. - Мы знакомились с местами, где должны были вести съемки, на два месяца выходили в море на пароходе "Леваневский", были на полярных станциях. Все это пригодилось при теперешних съемках нового фильма, которые мы выполняем с большой душой и желанием. Мы обязательно привезем для премьеры новую кинокартину в Мурманск, где нас так тепло встречают и оказывают большую помощь в нашей работе. Мнение мурманчан о нашем новом кинофильме будет для нас самым интересным и самым важным.

Для ознакомления жителей края с сюжетом будущей ленты "Комсомолец Заполярья" опубликовал отрывок из рассказа Виктора Конецкого "Путь к причалу", который лег в основу ее сценария. Самый драматичный момент, когда главный герой рубит буксирный трос, обрекая себя и своих товарищей на возможную гибель ради того, чтобы тащивший их спасатель успел на помощь другим морякам, описан в нем так: "Росомаха рубил буксирный трос обыкновенным пожарным топором. Рубить было трудно. Наконец из-под топора сыпанули искры: лопнула первая прядь. Свистящий круг понесся по тросу к острому огоньку впереди - гакобортному "Колы". Прядь раскручивалась. Больше можно было не мучиться. Росомаха швырнул топор за борт. Оживление покинуло боцмана. Тягучие мысли о себе, своей судьбе вновь вернулись и мучили. Только сейчас Росомаха до самого конца понял совсем простую вещь - разве простил бы сын, узнай он о малодушии своего отца, узнай он, что Зосима Росомаха дорожит своей шкурой больше, чем жизнью многих людей, больше, чем старыми русскими моряцкими законами. Никогда бы не простили ему этого ни сын, ни Мария. И чего он так долго решался, когда все равно никакого другого решения для него, Зосимы Росомахи, сегодня быть не могло?..".

В предисловии к отрывку газета сообщала, что мосфильмовцы уже отработали на острове Кильдин и заканчивают трудиться в море - на судне аварийно-спасательной службы, на буксирных судах транспортно-буксирного флота Мурманского рыбного порта "Стерегущий" и "Смелый". Вместе с профессиональными актерами снимались и мурманские моряки - члены экипажа "Смелого": боцман Анатолий Арсентьевич Плюснин, кок Василий Дмитриевич Захарчук, матросы Александр Чужмаров, Владимир Ковтун и Василий Липатов. Продолжились съемки в Мурманске. Некоторые из случившихся тогда в заполярной столице историй Данелия припомнил в опубликованной в 2003 году книге "Безбилетный пассажир".

Кадр из фильма "Путь к причалу". В мурманском порту. Слева боцман Росомаха - Борис Андреев, справа - Георгий Вицын.

ПАРТБИЛЕТЫ НА СТОЛ

"В Мурманске по плану было намечено первой снимать сцену на набережной. Выбрали точку. Красиво, вид на порт, на Кольский залив. Только в кадр попадал грязный покосившийся забор. И я попросил администратора Федорца, чтобы завтра на съемку пригнали автобус - закрыть забор от камеры... Утром на следующий день приехали на съемку - автобуса нет.

- Не дали, - объяснил Федорец...

Я попросил... позвонить Залбштейну. Директором фильма "Путь к причалу" был Дмитрий Иосифович Залбштейн, осанистый пятидесятилетний мужчина с начальственным басом...

- Не снимайте! - завопил Залбштейн. - Будет автобус.

Минут через сорок приехала милиция, а за ней начали подъезжать автобусы один за другим. Все прибывают и прибывают. Милиционеры спрашивают, где автобусы расставлять... а потом приехали два БТРа. Из башни одного торчала голова Залбштейна.

После звонка... Залбштейн помчался в обком партии к первому секретарю. Секретарша пыталась остановить его, но Залбштейн отодвинул ее и ворвался в кабинет. Там за длинным столом сидело человек двенадцать - шло заседание бюро обкома...

- Сидите? Не чешетесь? - заорал Залбштейн. - Хотите, чтобы мы очерняли советскую действительность? Не выйдет! Все партбилеты на стол положите!..

Пауза.

- В чем дело? - спросил первый секретарь. - Выражайтесь конкретнее.

Залбштейн выразился конкретно: автобус не дали.

Все облегченно вздохнули и заулыбались.

Кадр из фильма "Путь к причалу". Юнга Васька на фоне здания мурманской областной администрации.

И тогда к нам отправили автобусы с городских маршрутов. А член бюро обкома командующий военным округом на всякий случай прислал два бронетранспортера, на одном из которых и приехал на съемочную площадку Дмитрий Иосифович Залбштейн".

Снимали и на улицах Мурманска, и в рыбном порту. Но больше всего - в торговом. Там работали над сценой проводов в море спасательного судна "Кола" и возвращения его из рейса. Там же запечатлели встречу с матерью одного из героев картины - юнги Васьки. Попали в кадр и мурманчане - грузчики и механизаторы торгового порта, участвовавшие в некоторых эпизодах. Судя по тому, что вспоминает Данелия, сниматься в кино мурманчанам понравилось.

РЕЖИССЕР! Я ВЕРНУЛСЯ...

"Между прочим. Как мы ни старались держаться подальше от государственных секретов, все равно никак не могли их избежать.

В тот день, когда Никита Сергеевич выступил с официальным заявлением, что на Кубе советских ракет нет, пошли мы в ресторан. Только сели, в другом конце зала поднялся человек и крикнул:

- Режиссер! Я вернулся, когда сниматься будем?

Я узнал его: этот моряк был у нас в массовке в очереди у пивного ларька.

- Опоздал, отсняли уже все сцены с массовкой, - крикнул я. - Надо было раньше приходить!

- Раньше не мог. Мы на Кубу ракеты возили!

А строжайшую государственную тайну - об испытании на Новой Земле атомной бомбы - мы узнали за две недели до взрыва...

Когда в центральных газетах появились опровержения слухов о новых испытаниях атомного оружия, на главной площади Мурманска, на доске объявлений среди прочих был прикноплен и такой листок: "Граждане туристы, в связи с непредвиденными обстоятельствами турплавания на Новую Землю переносятся на весну будущего года".

Главную роль, боцмана Зосиму Семеновича Росомаху, играл один из самых популярных в ту пору актеров - Борис Андреев. Известность его была настолько велика, что командующий Северным флотом выделил лично для Бориса Федоровича свой адмиральский катер. В фильме есть сцена: боцман, у которого вся жизнь прошла на кораблях, а на берегу ни кола ни двора, выпил с приятелем, вышел на берег и стал ногами бить волны. В Баренцевом море вода очень холодная, поэтому хотели снимать дублера. Андреев запротестовал: "Никаких дублеров, Росомаху играю я". Эту сцену снимали на острове Кильдин, и актер, пожилой уже человек, на пронизывающем ветру в мокрой одежде и без переодеваний два часа самоотверженно искал варианты. Сняли четырнадцать дублей.

В картине были задействованы и другие замечательные мастера экрана - Георгий Вицин, Любовь Соколова. Юнгу Ваську играл московский школьник Саша Метелкин, уже имевший, несмотря на молодость, солидный актерский стаж - участвовал в фильмах "Анна на шее" и "Военная тайна". Роль матроса Чапина досталась Валентину Никулину. Капитаном Гастевым должен был стать Марк Бернес. Но, увы, не сложилось.

- Марк снимался в фильме "Путь к причалу" у Данелия. И параллельно в Риге, - вспоминала жена Бернеса Лилия Михайловна Бернес-Бодрова. - И кто-то из группы Данелия прислал ему телеграмму, чтобы он срочно выезжал. А сроки Марк всегда оговаривал точно. И тогда он дал телеграмму: "Пьете - закусывайте". Я ему: "Марк, что ты делаешь?!". В результате его сняли с роли.

В итоге роль, предназначавшуюся Бернесу, в картине сыграл другой замечательный артист - Олег Жаков. А звучащую в фильме песню исполнил Валентин Никулин. Кстати, о песне у Данелии рассказ особый.

ЗАПЕЛИ ПЬЯНЫЕ, ЗНАЧИТ - ШЛЯГЕР

"На фильм "Путь к причалу" музыкальный редактор Раиса Александровна Лукина... порекомендовала пригласить молодого ленинградского композитора Андрея Петрова.

Он приехал - молодой, застенчивый. Я сказал ему, что срочно нужна мелодия песни...

Музыка была утверждена...

Песню записали, она нам нравилась, но мелодию никто не мог запомнить - ни члены съемочной группы, ни я сам. "Не будут петь, - понял я. - Ну и не надо. Главное - есть настроение".

Когда фильм был готов, мы повезли его в Мурманск и показали морякам. Ночью меня разбудило пение. За окном пьяные голоса нестройно выводили нашу песню: "Е-е-если радость на всех одна, на всех и беда одна...".

Ну если пьяные запели, то это будет шлягер. Так оно и было".

Картина вышла на экраны в конце 1962 года и была по достоинству оценена зрителями. Хотя - не только ими. "Молодые и одаренные люди делали фильм, - писал в журнале "Искусство кино" маститый кинокритик Ростислав Юренев. - В фильме есть неровности, упущения, но не о них хочется думать, их можно не замечать, потому что в фильме так много подлинно тонкого, доброго, человеческого. Фильм будоражит воспоминания, манит к новому, незнакомому. Он романтичен и современен".

А еще "Путь к причалу" стал одним из самых "мурманских" фильмов отечественного кинематографа. И одним из самых любимых мурманчанами. Что, впрочем, неудивительно, ведь Мурманск - самостоятельный и полноправный персонаж этой замечательной ленты.

Дмитрий ЕРМОЛАЕВ,
сотрудник Государственного архива Мурманской области.

Праздничный век

Сто страниц истории к 100-летию Мурманска

Через несколько дней мурманчане в 96-й раз в истории города будут провожать старый год и приветствовать новый, а спустя еще неделю встретят Рождество. Новогодние праздники отмечают в заполярной столице с момента ее основания - уже почти век. Уходили в прошлое даты, эпохи, руководители страны и города, а любимые народом новогодние торжества оставались. Правда, в зависимости от исторических условий менялись и они. Судите сами.

"БЕЛОЕ" НОВОГОДЬЕ

Становление заполярной столицы пришлось на трудные годы революции и гражданской войны, однако, несмотря на острый жилищный голод и общую неустроенность, о праздниках не забывали. На стыке 1918-го и 1919-го их помимо горожан встречали расквартированные в краевом центре части союзных войск держав Антанты. Год спустя праздновали уже без союзников. Для детей тогда устроили новогодний утренник и рождественскую елку. Отмечали, конечно, и взрослые. Вот характерное объявление из газеты "Мурманский вестник" от 6 января 1920 года. "К празднику Рождества Христова продаю пятинедельных поросят. Справиться: Порт, внизу фанерный барак № 420, квартира Попова". Новогодние торжества были омрачены тем, что из-за нехватки дров мурманская электростанция с 1 января отключила от электричества некоторые районы города. И все-таки - праздновали.

Последнее "белое" новогодье в Мурманске описал в своих мемуарах лейтенант Дмитрий Астафьев. "Встречу Нового года, - повествовал он, - решено было устроить втроем: я, Державин и Павловский. Державин помещался в доме рядом с Управлением порта; вечером, часов около 10, собрались мы в его комнате, украсили ее флагами, наладили освещение - вообще придали вид, соответствующий торжественному случаю. Мишка (вестовой Астафьева. - **Прим. Д. Е.**) принес из Собрания посуду, рябчиков, закуску, заказанный там специально сладкий пирог, расставил все это на столе и в полдвенадцатого доложил:

- Кушать готово...

В 12 часов, крепко расцеловавшись друг с другом, пожав руки с искренними пожеланиями добра и счастья, уже веселые и радостные, начали мы 1920-й год".

Не прошло и двух месяцев, как белые были вынуждены покинуть Кольский полуостров и бежать за рубеж, а Державин, у которого происходило описанное выше новогоднее торжество, погиб во время антибелогвардейского переворота в Мурманске.

ЖИТЬ СТАЛО ЛУЧШЕ, ЖИТЬ СТАЛО ВЕСЕЛЕЕ!

После установления на Кольском полуострове советской власти Рождество и Новый год были объявлены "старорежимными" праздниками. В пику православию комсомольцы устраивали антирелигиозное "красное рождество", а строчки из стихотворения А. Введенского "Не позволим" "только тот, кто друг попов, елку праздновать готов" получили тогда широкое распространение. "Знаете ли вы, - информировал читателей в начале 1924 года журнал "Вестник Мурмана", - что надо было проделать и что миллионами делалось между первым и двенадцатым ударами часов? А вот что: на маленьком, заранее заготовленном клочке бумаги писалось самое большое, самое пламенное желание, торопливо сжигалась бумажка в огне свечи и проглатывался пепел, но обязательно до конца боя часов и так, чтобы ни одна из начертанных и сожженных букв не прилипла ни к языку, ни к гортани. Операция - не из легких... Так бывало когда-то. Но - сорваны завесы со сверхъестественного, сорваны маски и плащи пришельцев, сбиты венцы с чудесного и бессильны давно магические круги и заклинанья. На опыте прошлых дней, побед и поражений строим будущее свое сами, становимся сами кузнецами своего счастья и задорно и весело смеемся порой в лицо пришельца - нового года".

Так продолжалось до середины 30-х. На исходе 1935 года "Правда" неожиданно напечатала заметку "Давайте организуем к Новому году детям хорошую елку". Реабилитация праздника произошла как раз тогда, когда Сталин произнес памятную фразу "Жить стало лучше, жить стало веселее". Новогодние торжества служили теперь укреплению советского строя, являясь одной из иллюстраций к знаменитой формуле "За детство счастливое наше спасибо, родная страна". Комсомольцам и пионерработникам давалась директива в срочном порядке устроить под Новый год коллективные елки для детей. В Мурманском округе Ленинградской области отреагировали на нее с годовым опозданием - уж слишком неожиданным оказался очередной поворот "генеральной линии". Спектакль для детей в кукольном театре по рассказу Чехова "Хирургия", вечера в ресторанах и столовых для взрослых - вот и все, чем запомнилось тогда северянам новогодье. Зато уже в 1936-м елки устраивали повсюду - в школах, клубах, Доме культуры. А в 37-м уже даже не елки - настоящие балы с играми, песнями, танцами, конфетти, серпантином, костюмами и духовым оркестром. В центре города на проспекте Сталина построили в конце декабря две ледяные, шестиметровой высоты, горки для катания детей с желобом для спуска длиной 60 метров. Наконец, тогда же в "Полярке" появилось первое изображение Деда Мороза.

Это, а также фактъ, что сѣв.-зап. армія при своемъ отходѣ беретъ пленныхъ, а у Луги переходила въ удачное контръ наступленіе,— является лишнимъ доказательствомъ, что отходъ арміи вызванъ не пораженіемъ, а исключительно невыгодами стратегическаго положенія на ея флангахъ.

Несомнѣнно нѣкоторыя части прессы въ цѣляхъ воздѣйствія на легковѣрную публику

Комитетъ «Національнаго Ополченія» глубоко благодаритъ гостей, посѣтившихъ черъ, а также артистовъ и устроителей.

Предсѣдатель, подполковникъ барон Траубе
За секретаря членъ Комитета Мих. Ивановъ.

Отвѣтств. редакторъ А. СТУДЕНЦО

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Вслѣдствіе отсутствія дровъ на Городской Электрической Станціи съ 1-го января 1920 года впредь до полученія дровъ будутъ выключены линіи Рабочаго Поселка и Портовой Территоріи.

16—1—1 Начальникъ города Полевицкій.

Торговля М. Е. Григорашвили. Честь имѣю осѣдомить м. теперь что съ 15 декабря открыто отдѣленіе, временно помѣщающееся на гогодскомъ рынкѣ № 5, гдѣ регулярно будутъ поступать иностранныя и мѣстныя ПРОИЗВОДСТВА.
ИМѢЮТСЯ: мануфактура, галантерея, парфюмерія, скобяныя, колоніальныя, писчебумажныя И ТАБАЧНЫЯ ИЗДѢЛІЯ.
ГАСТРОНОМІЯ ФРАНЦУЗСКАГО ПРОИЗВОДСТВА: вафли, варенья, паштеты, мясныя блюда томатъ, горошекъ, бобы зеленые въ стручкахъ, шпинатъ, зеленыя ягоды, изюмъ, сушеные фрукты, хмель, дрожжи сухія, макаронъ и рыбныя консервы. ЕЖЕНЕДѢЛЬНО будутъ поступать свѣжіе продукты: мясо, дичь разная, рыба мороженая: семга, треска, пикшей, навага, сельди МОЛОЧНЫЯ ПРОДУКТЫ.
ХОЗЯЙКИ! не забывайте ларекъ № 5, гдѣ вы можете достать всѣ необходимые свѣжіе продукты для приготовленія вкусныхъ блюдъ.
ИМѢЕТСЯ ВЫБОРЪ ДАМСКИХЪ И МУЖСКИХЪ ЧАСОВЪ.
Получено въ ограниченномъ количествѣ «Каскаринъ Лепина» наилучшее средство для исчезнія запора (РЕГУЛЯТОРЪ ЖЕЛУДКА).
Главн. торг.: Арханг., Троицкій, 37. Отдѣл.: Кандалакша, ст. Полежаева, Мурманскъ, рынокъ, № 5.
1216—4—3 Съ почтеніемъ М. Григорашвили

Повѣнецкая Земская Управа приглашаетъ на службу медицинскихъ и ветеринарныхъ врачей, фельдшеровъ, повивальныхъ бабокъ и провизора для завѣдыванія аптекой въ г. Повѣнцѣ.
Заявленія съ документами адресовать въ Управу, которая сообщаетъ и объ условіяхъ службы по запросамъ.
Председатель Мартыновъ.
1262 3—3

Утеряна регистраціонная книжка, выданная С.-В.-К.-В. на имя Ивана Будылева Калужской губерніи, считать недѣйствительной.
4 3—2

Утеряна удостовѣреніе, выдано Александровской Уѣздной Милиціей на имя Ольги Петровны Булгининой, считать недѣйствительнымъ.
1257 3—1

Утеряна безсрочная книжка, выда-а Бельскимъ волостнымъ правленіемъ на имя Ивана Захарова, считать недѣйствительной.
1 3—2

Утеряна регистраціонная книжка, выдана С.-В.-К.-В. на имя Егора Будылева Калужской губерніи, считать недѣйствительной.
4 3—2

Утеряна регистраціонная книжка, выдана С.-В.-К.-В. на имя Семена Васильевича Ивановскаго, считать недѣйствительной.
12 3—2

Утеряна безсрочная паспортная книжка, выданная Иркаскимъ роз. отд. за № 1548 на имя Григорія Дмитріевича Крючкова, считать недѣйствительной.
6

Утеряно удостов. выданное Александровской уѣзд. милиц., на имя Жантовой. Считать недѣйствительнымъ.
5

Утерянные врем. свид. выданы Кандалакшской уѣзд. в и регистрац. купонъ Мурманскаго Военно-Бюро за № 4087—на имя Ник. Мих. Бобина считать недѣйствительными.
13

Сгорѣли: видъ на жительство, выданный Уѣзд. Мих. и рег. книж., С.-В.-К.-В. на имя Никифора Потапова, с 1253 недѣйствительными.

Ну а Рождество так и не получило официального признания вплоть до начала 90-х.

ВЫПЬЕМ, СТАЛИН, ЗА ТЕБЯ!

Великая Отечественная, казалось, отодвинула на задний план все мирные дела и заботы. До праздников ли, когда вокруг столько горя? Но факты свидетельствуют: Новый год отмечали и тогда. К примеру, 1944-й мурманские портовики встретили ударным трудом, сумев за последние 44 часа уходящего года поставить своеобразный рекорд - выгрузить на рейде с 6 пароходов 19 торпедных катеров. Работу они закончили около полуночи 31 декабря. Не забывали и о детях. Для них устраивали елки в главном мурманском бомбоубежище - с хороводами, подарками и просмотром "союзной" английской комедии "Джордж из Динки-джаза".

В первые послевоенные годы, когда культ личности Сталина достиг апогея, новогодние поздравления по всей стране, в том числе и в Мурманской области, сопровождались обязательными славословиями в адрес вождя. В мурманской прессе того времени можно собрать богатую коллекцию "сталинских тостов". Вот лишь несколько примеров.

Так прославим того,
кто возглавил победы народа,
Кто зажег над страною
сиянье рубиновых звезд.
Мы ему посвящаем на празднике
Нового года
Нашу первую песню и первый
торжественный тост.

...До краев наполним чашу
И поднимем выше всех
За того, кто в мыслях наших
И на сердце кто у всех.
Кто стоит всегда на страже,
Словно кормчий у руля.
В Новый год страна вся наша
Выпьет, Сталин, за тебя.

С новогодней заздравною чашей
За большим и за дружным столом
Мы о верности Родине нашей,
Мы о Сталине песню поем.

БОЙ КУРАНТОВ НА ЛЫЖНЕ

В 50-е - 80-е годы минувшего века Новый год уже был устоявшейся традицией. Хотя первая фотография елки на главной городской площади появилась в "Полярной правде" только в январе 1957 года - уже после XX съезда партии. В дальнейшем жители Мурманской области вместе со всем Советским Союзом, встречая праздник, досрочно выполняли и перевыполняли планы, подводили итоги социалистического соревнования, а также смотрели "Карнавальную ночь", "Иронию судьбы..." "Голубой огонек", собираясь за праздничным столом, ждали боя курантов и слушали поздравления партийных лидеров. Впрочем, сформировались и свои, специфические, северные традиции. Например, морякам порой приходилось встречать Новый год в море, в рейсе, а спортсменам нравилось дожидаться двенадцатого удара часов на лыжне или - как моржам - в проруби. Мурманчане, отметив праздник дома, спешили на площадь Пять Углов, под елочку - проветриться, пообщаться с народом, других посмотреть, себя показать.

В канун 1986-го в центре Мурманска появились прекрасно выполненные из дерева и фанеры Дед Мороз и Снегурочка. Они были настоящими великанами: рукавица Деда Мороза достигала полуметра в длину, а сам он - пяти метров! Рядом стояла Снегурочка - ему под стать. Годом позже 31 декабря в областном центре состоялось красочное карнавальное шествие с музыкой и танцами. В конце 1989-го мурманские коммунальщики соорудили в центре города сказочный замок с башнями и ледяной горкой, увенчанной фигурой крылатого коня. Кроме того, в тот год вместо живой ели на площади Советской Конституции впервые собрали искусственную конструкцию высотой 20 метров и диаметром у основания - 10. Подходящий проект отыскали в Новосибирске, а все остальное сделали в Мурманске. Для "озеленения" этого чуда техники потребовалось 7 тысяч веток лапника. Их добыли на лесозаготовках - из отходов.

Послесоветские праздники тоже имели свои, особые приметы. Из политической нестабильности и продовольственной скудости начала 90-х, когда хозяйкам приходилось прикладывать невероятные усилия для того, чтобы накрыть, иногда используя для этого продукты из гуманитарной помощи, приличный праздничный стол, Россия шагнула в сытые 2000-е.

Сегодня новогодние торжества знаменуются скидками и распродажами в супер- и гипермаркетах, обилием корпоративов, праздничными шоу на телеканалах, десятидневными каникулами. Вернулось и быстро обрело былое признание в народе Рождество. Ныне стала уже привычной картина, которую прежде нельзя было представить: руководители города, региона, государства на торжественном богослужении в православном храме.

Что впереди? Приближается столетие Мурманска, и хочется верить: новогодние праздники, преодолевшие вместе с нашей страной, с нашим краем и с самым большим заполярным городом мира длинный непростой путь, останутся с нами и впредь.

Дмитрий ЕРМОЛАЕВ,
сотрудник Государственного архива Мурманской области.
(По материалам Научно-справочной библиотеки ГАМО).

Без единого мурманского кадра

Сто страниц истории к 100-летию Мурманска

О фильмах, снимавшихся в разное время на Кольском полуострове, написано немало. Еще бы, ведь среди них классические "Ночь перед Рождеством" и "Морозко" Александра Роу, "Торпедоносцы" Семена Арановича, "Забытая мелодия для флейты" Эльдара Рязанова. А всего в нашем крае сделано более ста картин. Столица Заполярья тоже внесла свой вклад в развитие отечественного кинематографа: достаточно вспомнить замечательные ленты "Путь к причалу" или "Случай с Полыниным", снимавшиеся в Мурманске. Но съемки - это только надводная, доступная глазу часть айсберга кино. Остальная работа не столь заметна, но не менее важна. Поэтому, как ни удивительно, есть фильмы без единого мурманского кадра, которые мы с полным правом можем считать своими, местными. Областной центр порой был связан с процессом производства той или иной картины не напрямую, опосредованно. Некоторые из таких незаметных с первого взгляда, неявных, неочевидных связей я и попробую сейчас прояснить.

КАК МУРМАНСК СТАЛ ОДЕССОЙ

В 1959 году в Москву приехал император Эфиопии Хайле Селассие I. Руководитель страны тех лет Никита Хрущев в рамках культурной программы повел его в цирк, где выступала известная дрессировщица тигров Маргарита Назарова. После представления она принесла в правительственную ложу тигрят. Император и партийный лидер умилились, и Хрущев высказался в том смысле, что вот, мол, такая у нас есть женщина замечательная, такие тигры, а фильма хорошего про нее и про тигров нет. И по всем киностудиям страны был брошен клич: немедленно сделать фильм с Маргаритой Назаровой в главной роли. Стали искать сценарий. Отклонили несколько вариантов. В одном из них тигры появляются в коммунальной квартире. Это объявили очернительством. В другом колхоз-миллионер при помощи кукурузы достиг такого уровня благосостояния, что труженикам села для полного счастья не хватает только собственного зоопарка, который они и покупают. Это посчитали лакировкой действительности.

"Вот тут-то, - вспоминал автор сценария фильма "Полосатый рейс" Виктор Конецкий, - совершенно случайно под руку попал я, который уже добрый год не мог закончить сценарий о морских героях, но аванс за который я, ясное дело, давным-давно пропил, и возвращать его было не с чего. Положение для молодого писателя довольно обычное. И тут от безвыходности мне вспомнилось, как мы везли с острова Врангеля в Мурманск через Арктику двух белых медведей. Медведи вылезли из клеток и устроили на пароходе полный тарарам. Никакого оружия на судне не было, а следовало любыми средствами загнать зверей обратно в клетки. Трудность заключалась еще в том, что мы боялись, как бы мишки не попрыгали за борт, на лед, ибо тогда пришлось бы платить за утрату экзотического груза очень большие деньги. В конце концов кому-то пришло в голову применить углекислотные огнетушители. Я рассказал этот эпизод директору студии и уже на следующий день летел в Москву на Цветной бульвар к Маргарите Назаровой и ее тиграм. Сюжет просто не приходилось выдумывать: моряки везут звериный цирк, звери повылезали из клеток, ну а дальше крути что хочешь".

В результате Конецкий с Алексеем Каплером, добавившим в картину любовную линию, написали сценарий, где белые медведи стали тиграми и львами, а Мурманск превратился в Одессу. Так появилась одна из самых любимых зрителями лент советского времени.

ПЛОЩАДКА ОБЛОЖЕНА МЕДВЕДЯМИ

В конце 50-х - начале 60-х годов получили распространение совместные фильмы, когда одна из советских студий заключала договор на постановку той или иной картины с какой-либо зарубежной кампанией. В числе первых лент, сделанных в формате копродукции, была "Красная палатка" о спасении экспедиции Умберто Нобиле, снятая "Мосфильмом" вместе с итальянской "Видес чинематографика" при участии Великобритании.

"Адрес съемок необычайно широк, - извещала читателей 18 октября 1968 года "Полярная правда", - в Италии будет отснято 165 метров пленки, во Франции - 100, в Норвегии - 200 и в Арктике (на Шпицбергене и советском Севере) - 2100 метров пленки". Что называется, почувствуйте разницу.

Кинематографисты арендовали у мурманского пароходства дизель-электроход "Обь", которым тогда командовал опытный полярный капитан Олег Воденко, и ледокол "Сибиряков", "загримированный" под спасшего итальянцев в далеком 1928-м "Красина". Мурманск на время производства ленты стал своего рода перевалочной базой. Особенно ярко эта его роль проявилась в августе 1968 года в процессе съемок на Земле Франца-Иосифа. Вот лишь несколько отрывков из дневника Юрия Визбора, сыгравшего в фильме участника экспедиции чеха Бегоунека:

"5 августа. Курс - норд. 200 миль от Мурманска, вокруг туман, видимость полмили... 19 августа. У Григория Гая, Никиты Михалкова и других актеров не очень веселое настроение. Все они "красинцы", их съемки должны происходить на "игровом" ледоколе "Сибиряков", который к нам вышел из Мурманска, но еще находится в трехстах милях, работает в тяжелых льдах, помогая запросившему помощь ледокольному кораблю "Дежнев"... 28 августа. Площадка по-прежнему обложена медведями. В сторону пролива видны уже занесенные снегом торосы, будто здесь никто и никогда не плавал. Погоду обещают, что, возможно, придется вызвать из Мурманска

Белые медведи в "Полосатом рейсе" стали тиграми, а Мурманск - Одессой.

самый мощный из имеющихся там ледоколов - "Киев", а если и он не поможет, то ждать надо декабря, в декабре рубить во льдах взлетно-посадочную полосу для самолетов... 4 сентября... Трое суток бортовой качки. Крена достигают сорока одного градуса. На нас летит все. Капитан меняет курс, чтобы дать команде и пассажирам пообедать. Видели кашалота. Провели вечер встречи с моряками "Сибирякова". Кончилась пресная вода. Сломали гитару. Пришли в Мурманск".

"Пароходцы" помогали киношникам чем могли: следили за ледовой обстановкой, отгоняли белых медведей. А трещину, которая, согласно сценарию должна была пройти под той самой палаткой, мастерски пробил во льду форштевнем судна капитан Воденко. Премьера фильма состоялась 24 декабря 1969 года в Риме и четыре месяца спустя в Москве. На Западе и в СССР картина шла в разных вариантах монтажа и с разными звуковыми дорожками. В 1972 году "Палатка..." номинировалась на премию "Золотой глобус" в категории "Лучший англоязычный иностранный фильм". В успех ленты, несомненно, внесли свой вклад и мурманские моряки, помогавшие обеспечивать съемки.

В ДВУХ СЛОВАХ

Немало картин, в которых главный город Кольского полуострова присутствует не в виде зафиксированных на пленке улиц и домов, а просто упоминается в диалогах героев. Иногда буквально в двух-трех словах. Вот, к примеру, "мосфильмовская" лента "Зеленый огонек" 1964 года выпуска. Веселый юноша Сергей Никитин устраивается на работу в один из таксомоторных парков столицы, получает на пробу списанный за непригодностью "Москвич" и отправляется в свою первую поездку. Среди прочих пассажиров подвозит он и девушку Иру, окончившую, как вскоре выясняется, мурманское музыкальное училище по классу рояля. Характеризуя Мурманск, Ира говорит, что он "веселый, бесшабашный, ну город-морячок". Всего одной фразой дан, по сути, настоящий портрет заполярной столицы. Причем для времени, когда наш областной центр не только был важнейшим морским и рыбным портом на севере страны, но и входил в число самых динамично развивавшихся ее городов, портрет весьма точный.

В финальных кадрах известной комедии главный герой "Афони" пытался улететь в Мурманск.

- Милый Муха! Папу неожиданно перевели в Мурманск...

Это из пронзительной подростковой мелодрамы Динары Асановой "Не болит голова у дятла", вышедшей в 1974 году и повествующей о семикласснике Севке Мухине по кличке Муха. Он не блистает успехами в школе, но зато страстно мечтает стать ударником, целыми днями барабанит по бог весть как и из какого мусора собранной ударной установке, вслушивается в стук дятла и находит музыку в скрипе железных ворот. Муха влюблен в соседку по парте красавицу Иру, отец которой - военный - срочно убывает вместе с семьей к новому месту службы. И в финале Муха долго бежит за мурманским поездом.

В 1975 году появилась комедия Георгия Данелия "Афоня". В конце картины на сельском аэродроме милиционер подходит к главному герою - слесарю-сантехнику Борщову, блестяще сыгранному Леонидом Куравлевым:

- Ваш билетик, гражданин! (Изучает билет.) В Мурманск хотели лететь, потом в Петрозаводск. Теперь, значит, в Череповец? От кого бежим?

- От себя.

- От себя-то убежать можно, а вот от милиции... (Смотрит паспорт.) Гражданин, пройдемте!

- Да в чем дело-то???

- Паспорт-то не ваш.

- А чей?

- Глядите сюда. (Показывает паспорт.) А теперь сюда! (Показывает зеркало!)

- Ну а если так? (Улыбается.)

- Извините! (Сконфуженно.)

И можно сколько угодно иронизировать по поводу провинциального сельского аэродрома, с которого самолеты улетают и в Мурманск, и в Петрозаводск, но заполярная столица стала неотъемлемой частью классической отечественной ленты. Как, впрочем, и многих других кинокартин, о которых я сейчас написал.

Дмитрий ЕРМОЛАЕВ,
сотрудник Государственного архива Мурманской области.
По материалам Научно-справочной библиотеки ГАМО.

Окончание следует.

Без единого мурманского кадра

Сто страниц истории к 100-летию Мурманска

Окончание. Начало в номере от 28.11.2012

Искать мурманские вехи в не имеющих вроде бы никакого отношения к заполярной столице кинокартинах - занятие увлекательное. И поиск этот иной раз приводит к открытиям там, где не ждешь.

ЕГО ЛИЦО ИЗЛУЧАЛО СИЯНИЕ

К примеру, фильм "Черная курица, или Подземные жители" по чудесной сказке Антония Погорельского я помню с детства. Но мне и в голову не приходило считать его мурманским до тех пор, пока не выяснилось, что главную роль в этой ленте сыграл ученик мурманской средней школы № 35 Виталий Сидлецкий. Дело было так. Старшая сестра Виталия Светлана училась в Киеве, в хореографическом училище. Летом 1979 года Виталик с мамой приехал ее навестить. Там и приметил его режиссер студии имени Довженко Виктор Гресь, искавший подходящего парнишку на роль Алеши в своем фильме.

- Когда я впервые его увидел возле балетного училища в Киеве, то просто обомлел! - рассказывал Гресь. - Узнал того мальчика, которого представлял себе, читая в детстве "Черную курицу". Поражали его ангелоподобные, светящиеся, бездонные глаза. Была у него и еще одна важная особенность: из-за болезни эндокринной системы пятиклассник ростом был чуть больше пятилетнего ребенка. А еще помню его очень тонкую кожу, через которую просматривались каждая вена и прожилка. Операторы поражались тому, что его лицо излучало сияние, попадая под свет камеры.

Виталий Сидлецкий победил других кандидатов, что называется, за явным преимуществом и сыграл Алешу. Его партнерами были звезды советского кино Аристарх Ливанов, Альберт Филозов, Валентин Гафт, Евгений Евстигнеев. "Черная курица" вошла в историю мировой киносказки и собрала множество наград. Золотой приз по разделу детских фильмов, приз Союза художников СССР, приз пионерского жюри исполнителю главной роли Виталию - на Московском кинофестивале в 1981 году. Первый приз творческому коллективу в этом же году на фестивале в Вильнюсе. Награды французского и итальянского фестивалей детского кино. "Виталий вырос в рабочей семье, - сообщал в ту пору "Комсомолец Заполярья". - Мать Светлана Леопольдовна работает в гостинице "Арктика". Отец Валерий Николаевич - сантехник аварийной службы. Здесь интересно отметить, что родители мальчика - люди увлеченные: мать хорошо поет, участвует в художественной самодеятельности, отец раньше играл в духовом оркестре и сейчас не расстается с баяном".

Теперь тот фильм называют советской готикой. Он и поныне любим зрителями. Что касается Сидлецкого - было в его жизни еще несколько киноработ, но первая роль так и осталась лучшей. Несколько лет назад, находясь в областном центре на гастролях, Аристарх Ливанов спросил мурманских журналистов, как сложилась судьба Виталика.

- Актером не стал, - ответили ему.

- Не повезло...

Главную роль в "Черной курице" сыграл ученик мурманской школы № 35 Виталий Сидлецкий.

ТАЛАНТ ИЗ МУРМАНСКА

Из фильмов периода перестройки и гласности давайте вспомним ленту Анатолия Эйрамджана "Моя морячка", снятую в 1990 году. В небольшом южном городке (работа над картиной шла в Феодосии) в парке культуры и отдыха массовик-затейник Людмила Пашкова, сыгранная Людмилой Гурченко, вместе с подругой - аккордеонисткой Татьяной Пашук, роль которой исполнила Татьяна Васильева, проводит свой коронный конкурс "Где вы, таланты?". Однажды на сцену поднимается некий Михаил Гудков из Мурманска - он же артист Михаил Державин - и поет незамысловатую песню о морячке. Гудков рассчитывает получить главный приз, но Пашкова отдает его другому участнику. Возмущенный несправедливостью, мурманчанин каждый день выступает в конкурсе все с той же песней, пытаясь победить, а массовик-затейник - сама актриса с несложившейся карьерой, мечтающая о большой сцене, - всякий раз находит новый предлог, чтобы лишить его приза.

Песня о морячке, сочиненная Людмилой Гурченко, стала после выхода фильма настоящим шлягером. Простые слова, незатейливый мотив, но было в ней что-то, заставлявшее людей напевать:

И когда на море качка
И бушует ураган,
Приходи ко мне, морячка,
Я любовь тебе отдам...

Время от времени зрители ленты узнают некоторые подробности мурманской биографии Гудкова. Как-то, в очередной раз не дождавшись приза, а заодно получив обвинение в бесталанности, он поясняет: "Это песня простого моряка. Он поет про то, о чем думает, что чувствует. Знаете, что было, когда я впервые ее спел в Доме моряка? Овацию мне устроили, три раза на бис вызывали". Среди прочего выясняется и то, что Михаил работает механиком на судоремонтном заводе. Потом уже Пашкова упрекает его в том, что он якобы не музыкант-любитель, а штатный артист Мурманской филармонии. И оказывается в итоге недалека от истины. В конце картины обнаруживается, что добившийся своего и получивший-таки главный приз Гудков - известный московский режиссер. Он возвращается из столицы для того, чтобы забрать с собой Пашкову. В общем, получилась добрая, чуть наивная история о том, как нашли друг друга два одиночества. Мурманск же здесь выступает в роли далекой провинции, нужной для легенды известному москвичу, чтобы на время стать незаметным, слиться с народом и подчеркнуть свою провинциальность.

Герой фильма "Моя морячка" представляется мурманчанином, механиком с судоремонтного завода.

ГОРОД, КОТОРОГО НЕТ

В кинокартинах, снятых после распада СССР, одним из самых заметных стал мурманский след "Турецкого гамбита", поставленного по одноименному детективу Бориса Акунина. Есть в этом фильме эпизод, где персонаж, сыгранный известным артистом Виктором Бычковым - казачий хорунжий, - мечтательно смотрит в ночное небо и произносит фразу:

- А вот в городе Мурманске ночью такие сияния можно увидеть...

Когда ленту показывали в столице Заполярья, во время этой сцены зал взорвался от хохота! Некоторые же особенно щепетильные зрители после такого вопиющего свидетельства исторической недостоверности картины просто покинули кинотеатр. Дело в том, что события фильма разворачиваются в 1877 году, когда на Кольском полуострове был только один город - Кола. Что касается Мурманска, его основали осенью 1916-го. То есть в "Гамбите..." упомянут город, которого еще нет.

Сначала киноманы пытались списать досадную ошибку на Бычкова, решившего таким неудачным образом "сымпровизировать" на съемочной площадке. Ну не мог же вставить эту фразу сам Акунин, который писал сценарий к фильму! Конфуз объяснил режиссер картины Джаник Файзиев:

- Когда мы с Борисом Акуниным в очередной раз сокращали этот эпизод, у нас ничего не получалось. И уже глубоко ночью решили вставить упоминание про какой-нибудь российский город. Выбор пал на Мурманск... А Виктор Бычков здесь ни при чем. Это мы прошляпили.

МУРМАНСКИЙ "КОСМОС..."

Действие фильма "Космос как предчувствие", ставшего в 2005 году победителем XXVII Московского международного кинофестиваля, происходит в портовом городе "где-то на границе СССР с Норвегией". Главный герой по прозвищу Конек всегда хотел стать кем-то, кто может принести человечеству пользу. Он - разумеется, в исполнении Евгения Миронова - работал поваром, любил официантку и перемещался по городу на велосипеде, но при этом верил в свое великое будущее. Однако его жизнь резко изменилась после знакомства с таинственным человеком по имени Герман. Он рассказал Коньку о возможных полетах в безграничный и непокоренный (на дворе 195[illegible]) космос, влюбил в себя его девушку и... исчез. А Конек под влиянием рассказов Германа захотел стать космонавтом и отправился в Москву.

Заполярная столица в картине прямо не называется, но в том, что имеется в виду именно она, сомнений нет. Да и режиссер ленты Алексей Учитель, приступая к работе над "Космосом...", в интервью радиостанции "Эхо Москвы" сообщал, что "действие происходит в городе Мурманске". Есть в фильме и знакомые мурманчанам приметы: Дом культуры с памятником у входа, который при желании можно принять за "Кировку", деревянные бараки, которые и поныне можно встретить на окраине областного центра, военные корабли в порту. Мелькает в кадре поезд Мурманск - Москва.

Наконец, в финале ленты Конек знакомится с молодым застенчивым курсантом. "Вот в Мурманск еду по распределению, - поясняет тот, - ночью пересадка". Курсантом оказывается будущий первый космонавт планеты Юрий Гагарин, которого мурманчане по праву считают земляком. С конца 1957-го по начало 1960 года Юрий Алексеевич служил в поселке Корзуново, в 769-м истребительном авиационном полку 122-й истребительной авиационной дивизии Северного флота. Здесь он получил свою первую награду - медаль "40 лет Вооруженных Сил СССР". Здесь у него родилась дочь Елена. Здесь он написал заявление с просьбой зачислить его в группу кандидатов в космонавты. Отсюда началась его дорога в космос. Дорога, которую, хочется в это верить, по силам пройти и Коньку.

Я написал лишь о нескольких самых известных "мурманских" лентах, в которых нет ни одного кадра, снятого в областном центре. Порой их связь с заполярной столицей заключается в "точечном" упоминании, занимающем секунду-другую времени в одном из эпизодов, иногда в изначальном, переработанном позже замысле или строчке в сценарии. Но думаю, не только у меня радостно дрогнет сердце, когда герой какого-нибудь фильма, торопящийся прожить за час-полтора свою экранную судьбу, произнесет вдруг такое знакомое, такое родное слово "Мурманск".

Дмитрий ЕРМОЛАЕВ,
сотрудник Государственного архива Мурманской области.
По материалам Научно-справочной библиотеки ГАМО.

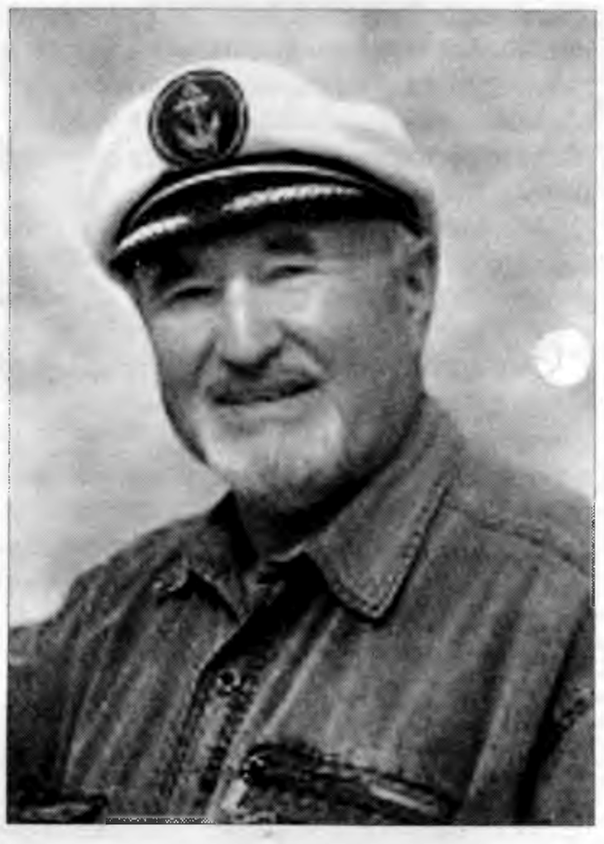
Жизнь замечательных мурманчан

Сто страниц истории к 100-летию Мурманска

Как тебя встретят, таким город и запомнится. С этим наблюдением живу уже многие годы, и не было повода в нем усомниться.

Оказалось, я не одинок. Как-то мы прогуливались по улицам с писателем Виктором Тимофеевым, и он неожиданно заговорил: "Знаешь, почему насовсем не уезжаю из Мурманска?". Не дожидаясь ответа, продолжил: "Город мне продлевает жизнь...".

С каждой улицей, с каждым домом, даже отдельными окнами у Виктора Леонтьевича связаны воспоминания, возвращающие к встречам с дорогими ему людьми в тот или иной период прошлого. Эти воспоминания усиливают желание жить. А летние "каникулы" в более южных краях, по его мнению, тоже нужны, чтобы подкрепить не сколько духовные силы, а физические возможности организма. Похоже, тысячи мурманчан неосознанно исповедуют эту формулу Тимофеева.

Виталий Васильевич Яковенко мечтал построить на месте закладки Мурманска часовню.

ПАХОМЫЧ

Своеобразие нашего молодого города надо искать отнюдь не в архитектурной привлекательности - откуда ей взяться за короткие по меркам истории сто лет. Достойна восхищения разве что архитектура каменистых сопок, окружающих городские массивы... Мурманск может гордиться многими достойными людьми, чьи имена навечно вписаны в его историю. Но есть и другие имена, которые хранит не официальная, а народная память, именуемая молвой. А приметы их прошедшей жизни нет-нет да и встретишь на улицах, только не всем они известны... Наверное, у каждого пожившего мурманчанина есть отсчет встреч и с теми, и с другими людьми. Поделюсь своим.

На железнодорожном въезде в Мурманск почти вплотную к полотну подходит Южная ТЭЦ. Неравнодушные свидетели советского периода жизни города сразу напомнят, чья жизненная энергия подпитывала строительство этой тепловой магистрали. В народе человека звали Пахомыч, официально же по всей огромной стране гремело имя - Владислав Пахомович Сериков, Герой Социалистического Труда, лауреат Государственной премии СССР, основоположник метода бригадного подряда в строительстве. Теперь название этого метода мало о чем говорит. А был Пахомыч первым в СССР рабочим, который решил и начал считать деньги на стройке. Делать это не умели, а скорее, просто не хотели тысячи и тысячи управленцев, потому что заинтересованности экономить в железных тисках административно-планового хозяйства не было. Помню, за кулисами студии Мурманского телевидения я, начинающий журналист, переживал, как вместе с Сериковым - назначили нас обоих ведущими телепередачи - найти контакт с рабочей молодежью. Видя откровенный мой мандраж, Пахомыч ободрительно шепнул на ухо: "А ты не робей. Растеряешься, подхвачу разговор. Меня хоть в четыре утра подними, с полслова за подряд буду драться...". С той встречи я захотел разобраться, отчего он и его работяги вцепились в этот бригадный подряд мертвой хваткой и заставили дрогнуть Систему, обезличивавшую трудовой вклад человека.

МУРМАНСКИЙ ЛЕОНАРДО ДА ВИНЧИ

И познакомился с другим человеком, без которого ни подряда, ни пришедшей с ним всесоюзной славы Серикова могло не быть. Его имени, к величайшему сожалению, страна не знала и теперь уж точно не узнает. Игорь Феодосьевич Шупа-Дуброва, инженер треста "Мурманскпромстрой", теоретически обосновал преимущества работы по методу бригадного подряда - для самих рабочих и для государства. Вплоть до самой его смерти жизнь несколько раз нас сводила. И я поражался, отчего никто не знает, что в Мурманске живет свой Леонардо да Винчи. Создатель более ста изобретений не только в строительстве, но и даже в ракетной отрасли, он каждый раз удивлял своей непредсказуемостью. То знакомил с собственноручно созданным языком универсального общения людей, то разрабатывал рацион питания пенсионеров лихих 90-х годов, позволявший получить жизненный минимум калорий при долгой задержке пенсии... Кто сегодня из молодых мурманчан помнит двух этих строителей Южной ТЭЦ? А тепло от нее идет и идет в наши дома...

Герой Социалистического Труда Владислав Пахомович Сериков.

С Владимиром Ждановым жизнь меня свела на его закате. Увы, он где-то сам его приблизил лишней рюмкой, хотя тянулся к ней не столько от слабости воли, сколько от душевной неудовлетворенности, нерастраченности своей натуры. Потому разбрасывался, хватался за разные дела, но остывал и придумывал что-то новое. Не так уж все давно было, те же лихие 90-е, когда самого необходимого не хватало и людям, и предприятиям. Собирались мы как-то на необитаемые острова, по сведениям Жданова, море выбрасывало на них рыбацкие поплавки-кухтыли еще во времена благополучного рыбацкого прошлого Мурмана. Теперь же океанский флот реже и реже выходил за треской и пикшей из-за развала, обернувшегося повсеместным дефицитом, в том числе и на сетевые поплавки, рыбаки были готовы щедро платить за них... Дальше мечтаний и планов тогда не пошло, а вот за папоротником в окрестностях Мурманска мы выезжали со Ждановым не раз. Собирать его можно было в короткий весенний период, когда еще не успел наливаться ядовитыми веществами. Жданов сдавал обработанный папоротник в один из фешенебельных мурманских ресторанов: охотно брали, потому что деликатес для гурманов. А я до сих пор вспоминаю аромат папоротника в кухне, он поглощал все сопутствующие жарке неприятные запахи... В те же годы Володя Жданов издавал (а точнее, переиздавал) "Советы трудного времени", которыми мурманчане пользовались в годы войны. По части лишений время было похожее: учительница, не первый месяц работавшая без зарплаты, отдавала последнее своему ребенку, оттого падала в обморок во время проведения урока... Пожелтевшие листочки-советы Жданова до сих пор у меня хранятся.

Однажды Владимир Петрович заявился ко мне на работу взъерошенно-возбужденным и с порога заторопился: "Только что от Найденова, он добро дал...". Тогда мэр поддержал идею Жданова о конкурсе среди горожан на создание лучшего палисадника во дворах Мурманска. К идее конкурса Жданов пришел не сразу. Сначала разбил палисадник рядом со своим домом, потом ходил по мелким частным фирмам, располагавшимся в первых этажах домов, уговаривал хозяев дать немного денег на зеленое благоустройство при входе в их офисы, а лучше - завезти землю, деревья, цветы, откуда он попросит. Хлопоты же по самому благоустройству земли брал на себя. Где теперь те фирмы и фирмочки - прогорели, перерегистрировались, а на улице Полярные Зори по-прежнему встречает меня палисадник Жданова.

МИРО ИЗ ИТАЛИИ

А память о враче на судах Мурманского пароходства Виталии Васильевиче Яковенко в облике города по сей день стоит немым вопросом. Ему принадлежит идея, поддержанная городскими властями, построить на месте закладки города - это около Дворца культуры имени С. М. Кирова - часовню, посвященную судьбоносному событию в истории Мурманска. В знак поддержки этого решения был поставлен православный крест на зеленом холме перед дворцом, да что-то затихли-забылись разговоры о часовне. А ведь самое время подкрепить обещания делом. Самого-то Яковенко мысли и заботы о Мурманске никогда не покидали. И стихи ему посвящал, и привез из итальянского города Бари священное миро (ароматическое масло для миропомазания) с места хранения останков святого Николы - Николая Мирликийского, самого почитаемого на Руси святого, покровителя мореходов, которыми наш город всегда гордился. Миро это Виталий Васильевич передал в наш храм Спаса на водах...

Рассказ о примечательных, а точнее - замечательных горожанах можно продолжать и продолжать. Вспоминается журналист Мечислав Дубницкий, благодаря которому Праздник Севера входил буквально в каждую квартиру. Невозможно было провести грань, где при этом он выполнял служебные обязанности, а где заряжал своим энтузиазмом горожан. Стар и млад - тысячи мурманчан выходили на марафонскую лыжню. Не могу не напомнить и о живущих ныне в Мурманске. Владимир Самойлович, многие годы упорно созидающий миниатюрный флот второй мировой войны - модели кораблей в масштабе 1:500. А параллельно уже создал десятки моделей судов пароходства и ледоколов атомного флота. Говорят, в России и в мире таких мастеров-умельцев единицы. А Геннадий Пятлин, бывший моряк пароходства, связал за свою жизнь около полутысячи разноцветных корзин и ни за одну из них не взял ни рубля. Дарит их мурманчанам, зарабатывая доброе слово, особенно пожилым, не представляющим себе жизни без северного леса, окружающего любимый город.

Владимир БЛИНОВ, вице-президент Мурманской городской организации "Ассоциация исследователей Арктики".

Жизнь замечательных мурманчан

Сто страниц истории к 100-летию Мурманска

Рассказывая о людях, выразивших любовь к Мурманску в добрых делах во имя его процветания, хотел бы затронуть и тему обратной связи. А именно: перед кем из своих известных горожан Мурманск в долгу? Именно так встает вопрос. Не в одних же будничных жалобах рядовых мурманчан на коммунальные неудобства и прочую неустроенность в сложном городском хозяйстве этот долг выражается. Более того, люди, о которых я поведу речь сейчас, никогда бы сами не пошли что-то просить, хотя нередко они и вправе это делать. Вправе, конечно, не юридическом, а моральном, нравственном. Но чтобы не уходить слишком далеко в рассуждениях, обратимся к конкретным примерам.

ЕГО ЧЕРЕД ЕЩЕ ПРИДЕТ

В городе, в Мурманской области, да и в России известно имя писателя Николая Александровича Скромного, безвременно ушедшего, но успевшего сделать такое, чего хватило бы не на одну жизнь обычного человека. Хотя и подзабывается сейчас его имя и дело после смерти. Это ведь только на прощальной панихиде все клянутся, что не пожалеют сил ради сохранения памяти об ушедшем. На

Роман-эпопею мурманского писателя Николая Скромного литературоведы ставят в один ряд с "Тихим Доном" Михаила Шолохова.

деле же в Мурманске до сих пор нет мемориальной доски на доме, где жил писатель, создавший роман-эпопею "Перелом", который литературоведы ставят в один ряд с романами Михаила Шолохова "Тихий Дон" и "Поднятая целина". Помнится, на улицу Шолохова в Мурманске вместе со Скромным мы ездили в День славянской письменности и культуры, чтобы цветами почтить писателя-предшественника. Но мемориальная доска, конечно же, далеко не исчерпывающая примета сохраненной памяти.

Лучшая о писателе память - его изданные книги. У Скромного и при жизни здесь было все не просто. Первые книги четырехтомника "Перелом" были в стране восприняты с восторгом. Их печатали в журналах, издавали отдельным томом, писателю присуждали престижные премии. (Скромный дебютировал в печати в 1986 году, когда в журнале "Север" (1986. № 10-12) увидела свет первая книга тетралогии "Перелом". Вторая вышла в 1989-м (№ 5-7), третья - в 1993-м (№ 7-9), четвертая публиковалась в "Севере" (1998. № 4-5; 2000. № 1-2). Автор дорабатывал роман и для отдельного издания 2003 года. Скромный создавал роман, не оставляя своей основной профессии, на протяжении многих лет собирал материалы, встречался с очевидцами, работал с архивными документами). А когда роман был полностью закончен, былая страна уже рухнула и выяснилось, что никому книга уже не нужна. Почти никому. В конечном итоге четырехтомник был опубликован в бедном бумажном переплете, да еще и на деньги, которые предоставила канадская писательская организация. Дело прошлое - и то хорошо, что при жизни автора роман увидел свет. Я верю, его черед еще придет и мы, мурманчане, будем гордиться, что на нашей земле великая книга создавалась, а автор ходил рядом по тем же улицам. Беспокоит другое. Еще одну книгу, свой роман-завещание о Михаиле Юрьевиче Лермонтове, Скромный тоже успел дописать. И, судя по прессе, был сигнальный экземпляр книги, подготовленный в издательстве "Современник"... А не дошла книга до читателя по сей день. Говорю об этом не в упрек кому-то конкретно, адресую предложение городу, в котором Н. А. Скромный прожил самую большую и важную часть своей жизни.

КНИГА НА КАРТЕ

История с изданием произведений Николая Александровича Скромного не исключение. В свое время, прочитав одну из первых книжек стихов Николая Колычева, я искренне обрадовался, что у нас появился яркий незаурядный талант, какие встречаются раз в поколение. Боль нынешнего перелома в жизни нашей страны и ее народа он выразил как никто остро и искренне. И продолжает писать все так же взволнованно и пронзительно. Но не было предела изумлению, когда узнал, что на издание той книги заполярные учителя собирали деньги, что называется, по копейке из своих скудных, нередко задерживаемых зарплат. Это ж насколько надо было почувствовать, понять поэта, чтобы отрывать от себя с трудом заработанные крохи...

Портрет мурманского поэта Николая Колычева. Автор - Анатолий Сергиенко.

К счастью, уже позади самое сложное время, когда основная масса народа прочно погрузилась в нищету. Заметные мурманские писатели жили тогда нисколько не лучше, чем основная масса населения, и все-таки искали и использовали любую возможность, чтобы донести свое творчество до земляков и хотя бы словом поддержать их. Порой шли на невиданную изобретательность. Храню у себя как дорогую реликвию книжечку рассказов писателя Викдана Синицына с белой бумажной обложкой, на обратной стороне которой отпечатаны навигационные карты. Списанные карты Викдан Викторович совершенно удачно использовал, ведь многие его рассказы посвящены будням, тревожным раздумьям и настроениям моряков, еще недавно самых уважаемых и почетных горожан.

НЕТ ПРОРОКА В СВОЕМ ОТЕЧЕСТВЕ

Другая история. Как-то в компании мурманской творческой интеллигенции зашел разговор: а почему, собственно, ничем не отмечен вклад в литературу города, края известного мурманского писателя, поэта, философа Владимира Семенова? (Владимир Петрович Смирнов (Семенов). Родился в 1939 году в Новгородской области. С 1966 года живет и работает в Мурманске. Окончил Ленинградский политехнический институт и Высшие литературные курсы Союза писателей СССР. Автор 6 поэтических сборников, выходивших под разными псевдонимами в Мурманске и в Москве (основной псевдоним - Семенов): "Пороги" - 1968 г., "Ау-у!" - 1974г., "Отражение" - 1975 г., "Контуры" - 1981 г., "Давай взойдем на холм" - 1987 г., "Вместо сладкого созвучья" - 1989 г. Член Союза российских писателей. Публицист, последние годы занимается культурологией). Помню, еще мальчишкой зачитывался его стихами, которые мне казались лучшими из созданных в поэзии Кольской земли. Во всяком случае, святая тема памяти павших и по сей день наиболее сильно и пронзительно раскрыта в "Поэме огневой позиции", которую автор посвятил подвигу Шестой комсомольской героической батареи на подступах к Мурманску в сентябре 1941 года. Выяснилось, не я один так думаю: широко известный в стране поэт, один из столпов авторской песни Александр Городницкий считает, что Семенов во времена знаменитой оттепели 60-х годов был в числе лучших советских поэтов. А "Поэму огневой позиции" Городницкий ставил в один ряд с "Реквиемом" Роберта Рождественского, без которого не обходился ни один школьный литературный вечер. А по-моему, в России вообще никто не сказал глубже и точнее о нашем земляке-северянине, чем Владимир Семенов:

Люблю взойти на самый верх,
взглянуть на Кольский полуостров,
где все затем и низкоросло,
чтоб был высоким человек.

И вот на тебе. Творчество Владимира Семенова всего лишь один раз было отмечено, да и то международной премией, учрежденной, кажется, в Германии. Это по-нашему: нет пророка в своем Отечестве. Но это вечная проза жизни, а остается во времени, в народной памяти истинная поэзия...

Владимир Петрович Смирнов (Семенов), автор шести поэтических сборников.

Между прочим, в общероссийском проекте "Школа цифрового века" в разделе "Преподавание русского языка в 11-м классе" приводится урок мончегорской учительницы Веры Королевой, где рассматриваются тексты Владимира Смирнова-Семенова. В частности, "Я эту землю люблю".

Это ли не признание значимости творчества нашего земляка на самом высшем уровне?

НАРОДНОЕ ЗВАНИЕ

В Мурманске, а впрочем, и во многих других городах есть такая форма официального признания, как звание "Почетный гражданин". По определению, таких людей не может быть много, потому каждый год тщательно взвешивают, выбирают лучших. С довольнотаки громоздкой процедурой выдвижения на присвоение почетного звания довелось знакомиться. И понятно, что таким ОФИЦИАЛЬНЫМ признанием просто невозможно охватить всех замечательных мурманчан, которые всю жизнь свою посвятили и Северу вообще, и Мурманску в частности. Может быть, они не совершили чего-то такого, очень уж примечательного, но свой вклад в ИСТОРИЮ Мурманска они, безусловно, внесли. Не обязательно высекать их имена на мраморе в центре города, но отметить обязательно нужно - и не по совокупности заслуг, а иной раз за одно доброе, полезное и бескорыстное дело для города и горожан. В этом случае выбор достойных не будет так уж сложен. Может быть, вручать этим людям скромный, но выразительный значок. Предлагаю назвать его просто - "Замечательный мурманчанин". А летопись добрых дел во имя дорогого нам города может вести та же газета "Вечерний Мурманск", недаром же она любит подчеркивать свой статус главной газеты горожан. Даже подходящую рубрику на страницах можно ввести. Есть такая прекрасная книжная серия - ЖЗЛ - "Жизнь замечательных людей". А у нас будет ЖЗМ - "Жизнь замечательных мурманчан". Не сомневаюсь, сами же горожане помогут журналистам, рассказывая о людях, достойных называться этим именем. И тогда все встанет на свои места: если звание почетного гражданина - знак официального признания, то звание замечательного мурманчанина - знак признания чисто человеческого, народного.

Владимир БЛИНОВ,
вице-президент Мурманской городской организации "Ассоциация исследователей Арктики".

Мурманцы: джазмен и радиолюбитель Колбасьев

Сто страниц истории к 100-летию Мурманска

ГОРОД СКУКИ И ПУСТЫХ КОНСЕРВНЫХ БАНОК

Лейтенант, водивший канонерки
под огнем неприятельских батарей,
целую ночь над южным морем
читал мне на память мои стихи...

Эти хрестоматийные строчки из стихотворения "Мои читатели" Николай Гумилев написал о Сергее Колбасьеве - русском флотском офицере, прекрасном писателе-маринисте, ставшем в тридцатые годы в СССР не просто знатоком, но подлинным проповедником джаза. Для нас - мурманчан - важно, что Сергей Адамович не просто был у нас, на Кольском Севере, в Мурманске, в начальную его пору, но - написал о том, начальном, Мурманске, его людях повесть...

Сергей Колбасьев. Сентябрь 1918 года.

"Центромурцы" - так называется эта небольшая вещь. Она написана еще совсем молодым человеком, но сделана мастерски и, что особенно ценно для нас, насыщена зримыми, яркими деталями, подробностями жизни мурманцев. Описание, кстати, достаточно жесткое, резкое, впрочем, как и быт Мурманска 1918 года. Когда читаешь: "...на Мурмане страшный воздух, разреженный и сладкий, как мороженый картофель", с ходу понимаешь, что автору воздух этот самый знаком не понаслышке. А вот еще любопытный фрагментик: "Он медленно шел по главной улице города - по железнодорожным путям. Это был город скуки, грязного снега и пустых консервных банок: усеченных пирамид английского корнбифа, красных столбиков французской солонины и широких золотых цилиндров русских щей с кашей. Люди жили в вагонах. Счастливцы - в припаянных, то есть приросших к земле сталактитами нечистот...".

Текст, как когда-то говаривали, "попахивает антисоветчиной". О матросах с революционного крейсера "Аскольд" Колбасьев пишет уничтожающе правдиво. Мичману Болотову - главному персонажу "Центромурцев", оказавшемуся с аскольдовцами на английском крейсере, то и дело становится стыдно за соотечественников. Это уже не моряки, а "непонятная куча разномастных людей", не подчиняющихся приказам, по мнению британцев, небоеспособных. И так-то вот - о тех людях, в честь которых в сегодняшнем Мурманске даже улицу назвали. Напротив, об англичанах автор пишет с неизменным искренним уважением. Об интервентах!

В ЦЕХЕ ПОЭТОВ - НЕ ПОДМАСТЕРЬЕ

Любопытно, Колбасьев был на Кольском Севере недолго - может быть, месяц-другой. Приехал после окончания Морского корпуса в марте, уехал, очевидно, в апреле. И надо ж такому случиться, участвовал в одном из знаковых для тогдашнего Мурмана событий - совместном с англичанами бое против белофиннов за Печенгу, который Сергей Адамович, к слову, подробно описал в "Центромурцах".

В Петроград он вернулся в мае восемнадцатого и тут же поступил на Красный флот - стал командиром миноносца "Московитянин". Девятнадцатилетний будущий писатель воевал два года: на Волге и Каспии, Балтике и Ладоге. С апреля 1920-го - командиром одного из дивизионов канонерских лодок Азовской флотилии. Через год, после окончания боевых действий в Крыму, стал начальником оперативной части штаба действующей эскадры Черного моря. Именно в Крыму Колбасьев, который еще в Морском кадетском корпусе начал писать стихи, познакомился с Николаем Гумилевым, с которым они - офицеры и поэты - очевидно, быстро нашли общий язык, сошлись.

Осенью 1921-го, когда Сергей вернулся на Балтику, Гумилев представил "лейтенанта, водившего канонерки под огнем неприятельских батарей" литературной богеме Питера. Николай Чуковский, сын Корнея Ивановича, вспоминал позже, что именно автор "Шестого чувства" и "Капитанов" привел Колбасьева в тамошний Дом искусств, где моряка тут же приняли в Петроградское отделение Всероссийского союза поэтов. В ЦГАЛИ хранится его членский билет № 79, подписанный опять-таки Гумилевым. Отношения писателей, судя по всему, были очень близкими, дружескими - Колбасьев помог Гумилеву издать книгу стихов "Шатер".

В двадцать втором он ушел с флота, работал переводчиком в ленинградском отделении издательства "Всемирная литература", а год спустя в той же должности уехал в Кабул - в наше посольство. В Афганистан он попал по протекции Ларисы Рейснер, с которой познакомился в гражданскую, в бытность Ларисы комиссаром Волжской военной флотилии. Муж Рейснер, Федор Раскольников, был там в то время советским посланником. В Афгане он пробыл недолго - глава полпредства едва ли не тут же отправил его обратно в Россию. В письме Рейснер Раскольников дает бывшему военмору убийственные характеристики, пишет, что "гнилой дух гумилевщины, который Колбасьев носит с собой, заражает воздух", что Сергей Адамович "тип, каких мало, он обладает всеми отвратительнейшими чертами деклассированного интеллигента..." - и так далее и так далее.

Потом - пять лет работы в Финляндии, в Гельсингфорсе, в торговом представительстве СССР. В Суоми он впервые услышал джаз, в который по-настоящему влюбился. Вообще, Колбасьев жил ярко и интересно, человеком был, судя по тому, что мы о нем знаем, увлекающимся и разносторонне талантливым - все его привязанности и увлечения и перечислить-то трудно. Но главные из них, без сомнения, джаз и радио.

Кадет Морского корпуса Сергей Колбасьев - четвертый слева в третьем ряду сверху.

Об увлечении Колбасьева джазом нам напомнили в 1983 году создатели замечательной музыкальной киноленты "Мы из джаза" - причем там мы встречаем как реального капитана и джазмена, так и поддельного, которого друзья героя Игоря Скляра нанимают специально, чтобы он, "признанный авторитет", убедил того не оставлять джаз, поверить в себя. Действительно, уже в начале тридцатых Колбасьев становится признанным знатоком джаза. Адамыч, как его называли друзья, первым начал постоянно писать об этой заморской новинке. За время работы за границей он собрал серьезную коллекцию грампластинок джазовой классики - Дюка Эллингтона, Луи Армстронга, Бенни Картера и других. С 1933 года Колбасьев - постоянный ведущий передач о джазе на ленинградском радио. Позже стал одним из руководителей первого советского молодежного джаз-оркестра. Его питерская квартира на Моховой, 18 стала своего рода музыкальным салоном: сюда приходили слушать джаз и говорить о нем лучшие джазмены страны - Ландсберг, Дидерихс, Терпиловский, Утесов.

ФАШИСТСКОЕ ТВ ИЗ 36-ГО

Радиотехник-любитель, он не только стал автором нескольких популярных брошюр по радиоделу, но сначала собственноручно сконструировал оригинальное звукозаписывающее устройство, а затем, вы не поверите, - телевизионный приемник! В 1936 году! Причем в своем доме устраивал для друзей публичные просмотры передач, которые принимал из-за границы.

Думается, это стало еще одним веским основанием для того, чтобы объявить Колбасьева фашистским шпионом. Ведь единственной страной, которая могла похвастаться собственным телевидением, в ту пору была гитлеровская Германия.

В НКВД, понятное дело, припомнили Колбасьеву и Мурман, и службу на британском корабле. На допросах Колбасьев пояснил, что служил в Мурманске, в штабе союзного военного совета, а затем был командирован в Печенгу на английский "Кокрен" в качестве офицера связи. Провел на крейсере около двух недель, потом вернулся в штаб. На вопрос о его взаимоотношениях с командиром корабля, последующих связях с членами экипажа ответил, что крейсером командовал капитан первого ранга Пери, отношения у них были чисто служебные, что да, "Кокрен" принимал участие в боевых действиях против Советской власти, но никакой связи с членами команды после отъезда из Мурманска он, Колбасьев, не имел.

Сергея Колбасьева не миновала судьба многих выдающихся, заметных людей того времени, в одночасье объявленных "врагами народа". Его расстреляли в октябре 1937-го, когда автору "Центромурцев" было всего тридцать восемь лет...

Дмитрий КОРЖОВ,
член Союза писателей России.

ИЗВЕСТНЫЕ ЛЮДИ В МУРМАНСКЕ

КАПИТАНСКАЯ УЛИЦА

Если посмотреть с высокой террасы, по которой пролегает улица Капитана Буркова, вниз на город, то можно увидеть и улицу Капитана Егорова. А если дорисовать взглядом их продолжения, то они непременно пересекутся. Кажется, было бы неправильным, если бы они не пересекались, эти улицы двух легендарных капитанов. В жизни они ставили рекорды промысла, спорили в уловах, после рейсов встречались в одном дворе, ходили друг к другу в гости, дружили. А после их смерти капитанские улицы словно бы ведут перекличку друг с другом. С балконов микояновского дома, где и жили две легенды, можно увидеть улицу Буркова. А с нее, в свою очередь, хорошо видна улица Егорова.

И еще. В серванте у Бурковых до сих пор стоит серебряный подстаканник, который Константину Лаврентьевичу когда-то на день рождения подарил Александр Александрович. Подстаканник давно потемнел от времени, но его никто не чистит. Может даже показаться, что никто не может этого сделать, что этого делать нельзя. Потому что под темным слоем благородного металла хранятся уже непостижимые для нас капитанские секреты большого мужества и фантастической души.

Серебряная луковица

Мне рассказывали, что первой наградой за ударную работу на промысле для **Константина Лаврентьевича Буркова** стал именной подарок наркома рыбной промышленности – карманные часы, большая серебряная луковица. Капитан хранил и берег их ровно до того дня Великой Отечественной войны, когда начался сбор денег и изделий из драгметаллов в фонд обороны. В квартире Бурковых самой большой ценностью оказались эти наркомовские часы да еще серебряные столовые ложки. Надо ли говорить, что Мария Владимировна, жена капитана, отдала в фонд и то и другое.

Жили, как и все тогда, очень тяжело. Константин Лаврентьевич с первых дней Великой Отечественной воевал на тральщике Северного флота, жену с детьми из прифронтового Мурманска отправил в Архангельск. Сказал ей: «Мне так будет спокойней». В эвакуации Мария Владимировна подрабатывала шитьем – шить и вышивать она была большая мастерица. Както, выручив небольшую сумму, купила на рынке детям вкусно пахнущие котлеты. По дороге не выдержала, отломила от одной кусочек и увидела человеческий ноготь…

Был голод, по Архангельску ползли слухи, что какие-то темные люди куда-то обманом уводят маленьких детей. Бывало, находили в укромных местах человеческие останки – кости…

Кот Антон, семейный любимец, все военные годы по-своему заботился о домочадцах: каждое утро приносил под дверь трофеи – обезглавленные тушки крыс. Крысы в войну стаями удирали с кораблей. Была верная примета – если с корабля убежали крысы, значит, с ним в море наверняка что-то случится.

Военная вахта

Бурковский траулер, ставший тральщиком, словно заговоренный был. Все бои прошел! Бывало, бомбы ложились у самого борта и вода бурлила, как кипяток, но ни одна из них не попала в корабль. Константин Лаврентьевич на командирском мостике маневрировал мастерски, при этом не прекращая огня по самолетам противника. А их могло быть больше полутора десятков! Может ли кто-то представить этот ад сейчас, в мирное время, когда в небе над Мурманском и гражданские-то самолеты не разглядишь?

А тогда все лучшие корабли Мурманского тралфлота приняли военную вахту. Была дозорная служба, траление фарватеров, конвоирование судов, высадка десантов, трудные, сквозь бури и штормы, походы к Диксону, в Карское море, к Новой Земле, вокруг нее… Как пишет сам легендарный капитан, он «участвовал в боях с воздушными пиратами, с подводной лодкой во время конвоирования, выходил на боевые траления, уничтожал мины, перебрасывал десант на территории, занятые противником».

После одного из обстрелов Буркова доставили в госпиталь с тяжелым ранением. А потом он вернулся на командирский мостик. Теперь уже траулера «Киров», который в дни войны также стал военным тральщиком. С ним он дошел до Великой Победы, с ним еще год вылавливал мины в Баренцевом море и с ним в 1947-м, наконец, вышел на мирный промысел. Всего через год его экипаж повторил довоенный рекорд – привез в Мурманск 60 тысяч центнеров рыбы.

Сколько отмерено

Когда траулер «Киров» Константина Буркова возвращался в родной порт, чуть ли не на каждом мурманском заборе экипаж встречали плакаты: «Товарищи моряки! Берите пример с «кировцев»! Они вернулись в Мурманск с еще одной трудовой победой!». А матросы шутили: «Как ни посмотришь на капитанский мостик, на нем всегда Бурков. Когда же он спит?». Он поражал работоспособностью. Говорят, даже в шкерке рыбы его не мог обогнать никто. И было невозможно поверить в то, что у него почти не действует левая рука.

«Никто не знал, даже я, какой тяжести у отца было ранение, – говорит дочь капитана Надежда Константиновна. – Знала только, что в районе лопатки у папы была яма, мама шила специально для него маленькую подушку-думочку, она крепилась к подкладке пиджака, чтобы никто этой ямы не заметил».

Во время артобстрела у полуострова Рыбачий осколок снаряда перебил ему четыре ребра, отломил кусок ключицы и лег на сердечную сумку. И остановился. Еще немного – и все, конец. Капитан чудом остался жив. В Тюва-Губе, куда его привезли вместе с другими ранеными, капитану стало плохо, он упал. Там, на земле под дождем, его разглядел коллега – капитан **Александр Сапогов**. И обалдел. Тут же организовал носилки. И срочно отправил Константина Буркова в госпиталь.

ИЗ ДОСЬЕ «ВМ»

Константин Лаврентьевич Бурков (03.06.1906 – 03.12.1964 гг.), капитан-промысловик. Родился в деревне Патракеевка Архангельской губернии. С 11 лет ходил в море зуйком (юнгой. – **Авт.**), затем матросом, помощником тралмейстера на промысловых судах. В 1933 году окончил Архангельский мореходный техникум. Возглавлял экипажи судов многих траулеров. С 1938 года – и. о. начальника Архангельского тралового флота. В советско-финляндскую и Великую Отечественную войны – командир тральщика. После войны – капитан траулеров «Киров», «Семга» Мурманского тралового флота. В 1947 году повторил довоенный мировой рекорд вылова рыбы – 60 тысяч центнеров. А всего за время мирного промысла на счету траулеров Константина Буркова – подсчитано – миллион центнеров выловленной рыбы.

С 1950 года Константин Лаврентьевич – начальник промразведки, заместитель начальника объединения «Мурманрыба». С 1958 года – вновь в Мурманском тралфлоте. Член ЦК профсоюза рабочих пищевой промышленности, депутат Мурманского горсовета.

Умер и похоронен в Мурманске.

Константин Бурков (в центре) с экипажем военного тральщика.

Такую фотокарточку супруги Бурковы подарили родителям.

Представление к награде медаль «За отвагу» (приложение к наградному листу):

«7 марта во время восьмибалльного шторма Бурков спас от гибели терпящий бедствие в открытом море миноносец. Товарищ Бурков проявил отвагу, мужество и исключительное морское мастерство при поиске миноносца, место которого было приближенно. И при буксировке на волне и в плохой видимости, несмотря на опасность, товарищ Бурков дважды подходил к миноносцу, подавал буксир, оказывая помощь как раз в тот момент, когда кораблю угрожала гибель.

Товарищ Бурков во время Отечественной войны, стоя в дозоре и при тралении мин, неоднократно отражал налеты вражеской авиации, его корабль из кормового орудия сбил самолет «Ю 88» у мыса Медвежий. Все задания командования по тралению, дозору и высадке десанта товарищ Бурков выполнял хорошо, проявлял при этом смелость, умение и разумную инициативу.

Представляем товарища Буркова к награде.

18 марта 1942 года».

ГОРОДСКОЕ РЕШЕНИЕ

Исполнительный комитет Мурманского городского Совета депутатов трудящихся

Решение о переименовании улиц города

В связи с застройкой города, упорядочением нумерации домов и в целях увековечения памяти капитанов тралфлота Александра Александровича Егорова и Константина Лаврентьевича Буркова исполком горсовета депутатов трудящихся **решает:**

Переименовать улицу Красноармейскую в улицу капитана Егорова.

Переименовать улицу Беломорскую и часть улицы Полярные Зори, идущих от улицы Карла Маркса до Варничного ручья, в улицу капитана Буркова.

28.12.1964 года

Председатель исполкома Мурманского городского Совета депутатов трудящихся Василий МОСИН.

Секретарь исполкома Мурманского городского Совета трудящихся Федор ВАРЫХАНОВ.

НАГРАДЫ

С 1939 по 1940 год во время советско-финляндской войны Константин Бурков участвовал в освобождении Печенги и разминировании печенгского причала. За эти боевые заслуги он был отмечен орденом Красного Знамени.

Всю Великую Отечественную Константин Лаврентьевич прошел на тральщиках, был тяжело ранен. Награжден орденами Отечественной войны I степени, Красной Звезды, медалью «За отвагу».

В 1947 году экипажем капитана Буркова был повторен довоенный рекорд вылова: 60 тысяч центнеров рыбы. Его траулеры всегда отличались рекордными уловами. В 1950-м Константин Бурков стал начальником промысловой разведки. В этом же году был удостоен высшей награды Советского Союза – ордена Ленина. Ему также было присвоено престижнейшее советское звание капитана флота рыбной промышленности СССР первого ранга.

Константин Лаврентьевич (справа) обсуждает районы промысла.

Ему несколько часов без наркоза вынимали пинцетом осколки лопатки, разбитой вдребезги. Наркоз нельзя было давать ни в коем случае – иначе бы не выдержало сердце. После операции хирург сказал Буркову, что как минимум 15 лет из тех, что отмерено, он не доживет.

Но через несколько месяцев госпиталей капитан снова встал на мостик.

– Даже разговоров не было о том, что отец может не пойти воевать. И не только он – все наши шли воевать, невзирая ни на что, – говорит дочь капитана Буркова Надежда Константиновна. – В документах написали: «тяжелое ранение», в результате которого он стал инвалидом третьей группы. Его левая рука почти перестала подниматься.

Большая семья

Широта души Константина Лаврентьевича поражает. В послевоенное время, когда советских людей обязывали выкупать облигации государственного займа, Константин Лаврентьевич выкупил их и за себя, и за многодетного моряка со своего траулера «Киров». Жене сказал просто: «У него шесть детей». И она все поняла. Бурковы сами растили шестерых.

От пенсии по инвалидности прославленный капитан отказался. Ему было неловко получать деньги за военное ранение. И вообще он был бессребреником, никаких богатств не скопил. Сейчас его бескорыстие, пожалуй, тоже навряд ли поймут. Но Константин Бурков жил другими ценностями.

Мария Владимировна – Константину Лаврентьевичу: «Не вижу любви в твоих глазах!».

Из Архангельска семья капитана Буркова приехала в Мурманск в 1946 году. Поначалу жили в очень стесненных условиях, ведь выделенную трехкомнатную квартиру в центре города Константин Лаврентьевич еще перед войной сдал государству. Разместились в небольшой комнате в доме на проспекте Сталина, 40. Потом им дали комнату побольше. А затем поменяли архангельское жилье на квартиру в так называемом капитанском доме – на проспекте Сталина, 38. Дочь капитана Надежда Константиновна живет там и сейчас. И бережно хранит память о тех временах. В гостиной до сих пор стоит круглый раздвижной стол, за которым когда-то собиралась большая семья Бурковых.

Родился моряком

Константин Лаврентьевич Бурков родился в поморском селе Патракеевка Архангельской губернии. Кажется, где Патракеевка, а где Мурманск? А вот поди ж ты, это поморское село сумело сыграть значимую роль в становлении заполярного тралового флота. Оно и сейчас известно тем, что отсюда вышли прославленные мореходы – Бурковы и Копытовы. Промысловиков с такими фамилиями из Патракеевки в Мурманском тралфлоте было больше десятка. Именами самых знаменитых – Константина Лаврентьевича Буркова и **Степана Дмитриевича Копытова** названы городские улицы.

Отец Константина Лаврентьевича ходил на парусном судне из Патракеевки на Мурман за треской. Как-то летом впервые взял с собой в море семилетнего сына. А в одиннадцать тот уже вовсю помогал отцу. В пятнадцать вышел в первое самостоятельное плавание на парусной шхуне «Андромеда». Весной поморы отправлялись в рейсы на так называемую беломорскую зверобойку за тюленем, а летом доставляли рыбу с мурманского побережья в Архангельск. Путь был неблизким, а потрепанная штормами шхуна такая ненадежная! Но Бурков-младший с честью выдержал все испытания.

В общем, доказал, что родился моряком.

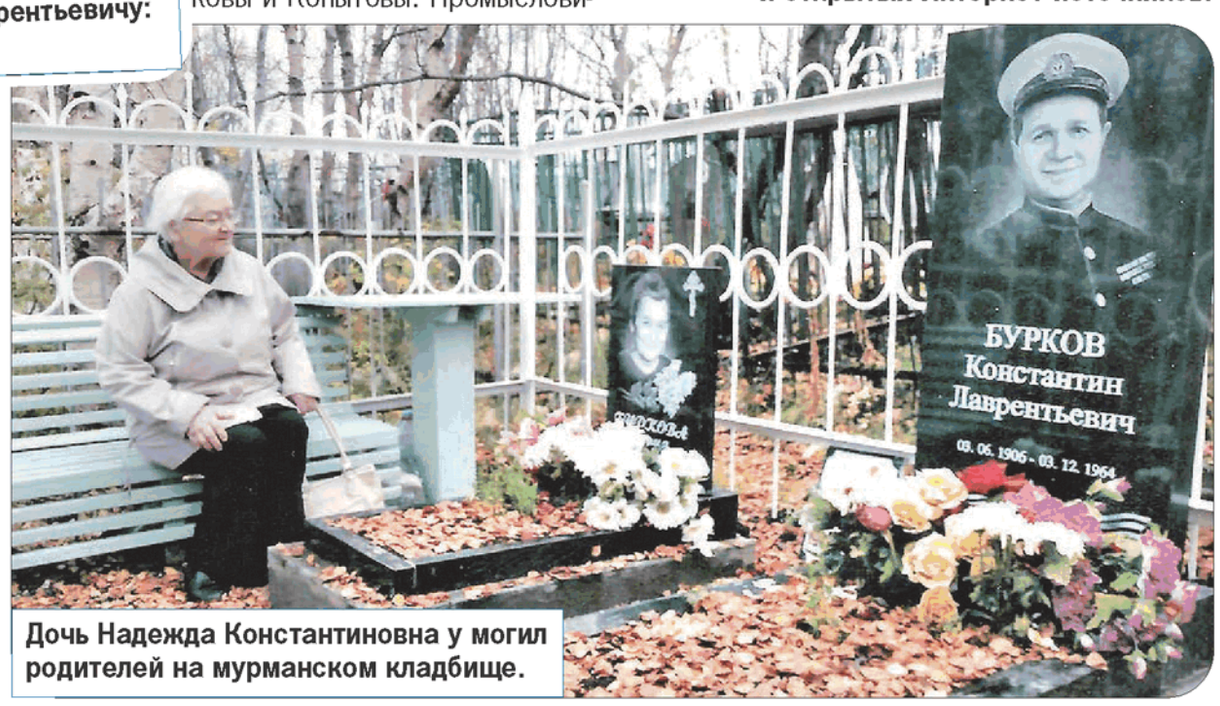
Причал

В семейном архиве Бурковых есть серия трогательных фотокарточек. Она родилась в 1958 году. Мария Владимировна, заметив, что на них с мужем смотрит глазок фотообъектива, сказала Буркову: «Не вижу любви в твоих глазах». Константин Лаврентьевич ответил шутливой мимикой. Так родилась домашняя серия из нескольких снимков, с которых улыбаются два любящих счастливых человека – супруги Бурковы.

А часы капитанской жизни тикали.

3 декабря 1964 года утром он шел на работу. И умер на шестом причале рядом со своим траулером. Остановилось сердце.

Анжелика КОВАЛЕВА.
kovaleva@vmnews.ru
Фото из архива семьи БУРКОВЫХ и открытых Интернет-источников.

Дочь Надежда Константиновна у могил родителей на мурманском кладбище.

Тем, кому сегодня за пятьдесят, хорошо помнят имя советского лыжника Ивана Гаранина. Он блистал в 70-х годах прошлого века, был призером зимней Олимпиады в Инсбруке в 1976 году и неоднократным призером чемпионатов мира. Гаранин стал первым победителем мурманского лыжного марафона. Но, как это часто бывало в советские времена, его имя вдруг исчезло со страниц газет после 1978 года. Нет, Иван Иванович не бросил спорт. Но в его жизни произошел настолько крутой поворот, что даже сегодня, спустя почти 40 лет, подобное кажется невероятным. Однако обо всем по порядку.

Как Госкомспорт СССР обменял советского спортсмена на 200 пар лыж

Извилистая лыжня Ивана Гаранина

44 года назад

В Мурманске Иван Гаранин не был очень давно. Но в этом году, получив приглашение оргкомитета Праздника Севера, он посетил наш город. Город, в котором когда-то начиналась его спортивная слава. Он и сегодня, в свои 73 года, продолжает участвовать в соревнованиях ветеранов. И даже собирался бежать мурманский марафон наравне со всеми, но нелепая случайность не дала осуществиться этим планам.

– Упал со снегохода и сломал ребро, – пожаловался ветеран. – Неприятная штука, доложу вам. И чтобы не усугублять ситуацию, решено было на лыжню в Мурманске не выходить.

Гаранин прославился именно как марафонец. Ему не было равных в сборной СССР на длинных и сверхдлинных дистанциях. Не случайно он единственный из советских и российских спортсменов выиграл самый престижный марафон мира Vasaloppet. 90-километровая лыжная гонка проходит по маршруту легендарного бегства от датской стражи шведского короля **Густава Вазы** из Муры в Сэлен в канун нового, 1521 года. Сейчас эта гонка популярна настолько, что, например, в 2015 году ее 15800 номеров были забронированы за 83 секунды! Но для нас важна другая победа чемпиона – в первом мурманском лыжном марафоне.

– Я очень хорошо помню ту гонку 1974 года, – рассказывает Иван Иванович. – Погода была сложная, около ноля. Стартовал я не очень удачно. Лыжи шли плоховато, и я проигрывал лидерам где-то около минуты на первой половине дистанции. Затем лыжи побежали получше. Сначала я увидел спины соперников впереди себя, а за три-четыре километра до финиша догнал лидеров. Помню, там были два немца, а из наших – **Василий Рочев и Федор Симашев**. На последнем подъеме я их опередил и пришел к финишу первым.

Федор Симашев – олимпийский чемпион 1972 года, Василий Рочев олимпийское «золото» выиграл в Лейк-Плэсиде, а вот Гаранин так и не стал победителем Олимпиады. Но в то время, в 1974 году, все они – члены сборной СССР. Незадолго до марафона в Мурманске эта тройка плюс еще **Юрий Скобов** выиграла «серебро» на чемпионате мира по лыжным гонкам.

Драма в Инсбруке

Звездный час для Гаранина мог наступить в 1976 году в Инсбруке. Всем надолго запомнилась эстафета, в которой Гаранин принес нашей команде «бронзу». События развивались очень драматично. У **Евгения Беляева**, бежавшего на первом этапе и уверенно лидировавшего, неожиданного сломался пластиковый носок ботинка. Найти запасной ботинок на трассе оказалось крайне сложно, так как у Беляева был 45-й размер. Он натянул на ногу ботинок меньшего размера и кое-как добрался до финиша, оставшись далеко позади лидеров. Выступавший вторым 22-летний **Николай Бажуков** сделал невозможное и вывел сборную СССР на второе место. На третьем этапе выступал **Сергей Савельев**. Однако тренерский штаб не решился перемазать его лыжи, хотя погодные условия существенно изменились. В результате Савельев пришел только шестым. Пока он был на трассе, Иван Гаранин на свой страх и риск вопреки решению тренеров буквально выхватил у кого-то «плюсовую» мазь.

– Я успел подготовить полностью только одну лыжу, – вспоминает Иван Иванович. – На вторую лишь смазку нанес. И все, надо было бежать.

Он и побежал. Да так, что сумел вытащить сборную СССР с шестого на третье место. На той Олимпиаде в гонке на 30 километров он завоевал еще одну «бронзу», и стал четвертым на 15-и и 50-ти километрах.

Добегался

В 1980 году товарищи Гаранина по сборной СССР Рочев, Бажуков, Беляев едут в США и выигрывают «золото» Олимпиады в Лейк-Плэсиде. Но Гаранина в команде нет. Почему?

– До 1978 года все было нормально, – объясняет он. – А потом мои результаты стали падать. Причина в том, что я был единственным лыжником в команде, бежавшим все четыре дистанции – 15, 30 и 50 километров плюс эстафета. И каждый год я участвовал в нескольких марафонах. А ведь помимо соревнований были еще и тренировки. Однажды за шесть часов с небольшим прошел 122 километра. В месяц порой набиралось до 1600 километров. А за год в среднем только на тренировках я проходил почти 12 тысяч километров. Не думаю, что сегодня кто-то из наших лыжников сможет это повторить. Короче, в 1978 году я устал. Надо было дать организму отдохнуть, а я этого не сделал.

Пластиковая эпопея

Итак, в сборную Гаранин перестал попадать, но о нем не забыли. В 1979 году австрийский производитель пластиковых лыж предложил Иван Ивановичу рекламный контракт. И удивительное дело, Госкомспорт СССР согласился. Но при одном условии: австрийцы должны были подарить Советскому Союзу двести пар пластиковых лыж. После того как груз прибыл в Москву, Гаранина вызвали в Госкомспорт и вручили билет на самолет. Катись!

– Переход с деревянных лыж на пластиковые произошел где-то в 1973 году, – вспоминает Иван Иванович. – На сборную тогда выделили одну пару и отдали их мне. Но на сборах в Бакуриани одна лыжа треснула. Вообще, проблем поначалу с ними было много. И самая главная – смазка. Она на пластиковых лыжах очень сложная. Но мы понимали, что именно за такими лыжами будущее. А 1974 году на чемпионате мира нам уже всем выдали такие лыжи. Но первую гонку на 30 километров мы завалили – не знали, как правильно мазать. Дальше мы уже сумели приспособиться. Рочев выиграл медаль на 15-ти километрах, а в эстафете мы взяли «серебро». При этом женская команда СССР, выступая на деревянных лыжах, добилась успехов больших (три золотые медали. – **Прим. авт.**). Девчонки физически были лучше подготовлены. И вот в 1979 году я лечу в Австрию. Там буквально через несколько часов мне подобрали лыжи, палки, а чуть позже сделали лыжный костюм. Очень красивый, сейчас таких не делают.

Russische Idioten

В 1979-1981 годах Гаранин, по сути, являлся добытчиком современных лыж для сборной СССР. Каждый год австрийцы отправляли нам двести пар лыж, а в ответ Госкомспорт отправлял туда Гаранина. Такой обмен всех устраивал.

– Обычно я уезжал на месяц-полтора за границу, где почти каждые выходные участвовал в марафонских гонках, – вспоминает Иван Иванович. – Ниже третьего-четвертого места никогда не опускался. Моим работодателям результаты нравились, и каждый год мне продлевали контракт.

Все деньги, выигранные в контрактных гонках, оставались у Гаранина. Редчайший случай в советском спорте. Обычно призовые суммы спортсмен сдавал государству. Но тут, видимо, решили, что государство и так не в накладе, пусть человеку что-то перепадет.

Возможно, это обстоятельство многим не давало покоя. Гаранина даже нет в сборной, а он валюту лопатой гребет. Как так? Желающих на его место, наверное, было немало. И именно из-за одного из них вся австрийско-советская лыжная любовь разом рухнула. Парень вопреки подписанному контракту вышел на соревнования в лыжах другого производителя.

– Русские, вы идиоты? – сказали земляки Штрауса и Гайдна. – Если наши лыжи плохие, мы выплатим вам неустойку. Но так, как вы, делать нельзя. Auf Wiedersehen!

От корней не оторваться

После европейских приключений Гаранин вернулся в свой родной город Рудный в Казахстане. Собственно, он его и покидал только на время соревнований.

– Мне не раз предлагали переехать в другой город, – вспоминает Иван Иванович. – В Алма-Ате даже показали квартиру. Но я никогда не думал уезжать из родного города. Здесь мои корни, а кроме этого я увлекаюсь охотой и рыбалкой. А в большом городе с этим сложно.

Вообще, мы могли никогда не узнать лыжника Гаранина. Его отец, председатель колхоза, видел в сыне приемника своего дела.

– С малых лет он возил меня по полям. Показывал, рассказывал, объяснял. Я очень много знал о сельском хозяйстве. Поэтому когда принял решение посвятить себя спорту, отец очень расстроился. Но потом смирился. Искренне болел и переживал за меня.

Сегодня Иван Иванович по-прежнему живет в Рудном. Работает тренером в местной спортивной школе. Вырастил троих детей.

– Все они неравнодушны к спорту, – сказал в заключение Иван Иванович. – Самый старший, Славка, например, бегает на лыжах на уровне мастера спорта. Старшая дочь – пловчиха, а младшая великолепно играет в футбол и хоккей.

Можно только пожалеть, что наша встреча с Иваном Гараниным была столь короткой. Удивительно открытый, простой в общении и с отличной памятью, он многое смог бы еще рассказать. И готов был рассказывать. Но его уже ждали в другом месте. На том мы и попрощались.

Андрей КИРОШКО. kiroshko@vmnews.ru
Фото автора и из открытых Интернет-источников.

Чекист и фотограф

Сто страниц истории к 100-летию Мурманска

Ходил по городу обычный, не слишком заметный человек. Делал свою непростую работу и при этом наблюдал. Внимательно и с любовью следил за Мурманском и его жителями. Многое подмечал-замечал. И не только замечал, но и фотографировал. Не на мобильный телефон, как многие из нас, а нормально - фотоаппаратом, который частенько таскал с собой. И вот ведь как получилось: то, что этот человек тогда заметил, он подарил нам, оставил в наследство.

Все самые известные снимки Мурманска 50-60-х годов, веером разошедшиеся ныне по Интернету (первомайская демонстрация 1958 года - один из тех снимков мы сегодня публикуем; уникальные снимки центральной части города тех лет - улиц Софьи Перовской, Карла Маркса, Профсоюзов), сделаны этим простым человеком. Впрочем, не таким уж и простым. Все-таки фотографировать направо и налево в тогдашнем Мурманске мог далеко не каждый. Помните знак специальный запретительный с зачеркнутым фотоаппаратом? Я даже помню, еще в девяностые их у нас имелось в достатке! Что делать, особый у нас город. Стратегически важный.

Сергей Булдаков. Карельский фронт. Декабрь 1942 г.

Во время учебы в Горьком на набережной Волги.

Но Сергею Дмитриевичу Булдакову - тому самому "простому" человеку, офицеру и фотографу, подобные запреты были нипочем. Он был офицером госбезопасности и после войны - уже при солидных и звании, и должности.

И скорее всего, и в силу специфики профессии, и просто потому, что мы традиционно "ленивы и не любопытны", ничего бы мы и не знали об этом человеке, оставившем нам в наследство послевоенный Мурманск, если бы не его дочь - Ольга Потапова, и внуки - Ростислав и Антон.

Ольгу Сергеевну я знаю давно - она постоянный участник самых разных литературных событий края - внимательный и преданный читатель, всегда с книгой, а иногда, как и отец, и с фотоаппаратом. Но то, что она имеет отношение к автору классических, ставших хрестоматийными, мурманских фото, и представить себе не мог! По ее словам, кстати, отец ничего о службе и войне не рассказывал, а после того, как в 1988-м умер, спросить было уже не у кого. Восстановить и сохранить память о нем помогли внуки. Они и дорогу себе в жизни выбрали подобающую, почти, а то и вовсе, как у деда.

Оба - медики. Старший, Ростислав, майор ФСБ в Петербурге, младший, Антон, анестезиолог в Кронштадте (у него, кстати, чрезвычайно, и не только материалами о деде, интересный ЖЖ: avp.livejournal.com). Им-то и удалось раскопать биографию, а по сути боевую судьбу Сергея Булдакова. Его самого уже не было на свете, но за него заговорили вещи (полный офицерский набор: френч, брюки-галифе, китель, хромовые сапоги) и документы, найденные братьями на чердаке дома в Кирове, куда дедушка и бабушка переехали из Мурманска в 1972 году. Там же отыскали и старые фотопленки - коробку с драгоценными негативами...

Понятное дело, парень из Кировской области, родившийся в деревне Н. Булдаки 18 июля 1916 года, в НКВД попал не сразу.

Сначала Сергей Булдаков окончил Кировский медицинский техникум, где познакомился с будущей женой Евдокией Михайловной Весниной. После этого два года работал фельдшером в больнице в Трудпоселке № 1 Поломского района Кировской области.

В 1938-м - армия, то есть флот, но не Северный - Тихоокеанский, где он служил лекарским помощником Владивостокского района Службы наблюдения и связи ТОФ. Там же в 1939 году появился первый сын, Эдуард. Второй, Александр, родился уже после войны, в 1947-м, в Кирове.

После службы вернулся в Киров, где стал милиционером, должность - оперуполномоченный по спецназначениям. В 1940 году Булдакова направили на учебу в Горьковскую межкраевую школу НКГБ СССР. А потом... Потом была война.

Разбирая найденные на чердаке бумаги, ребята обнаружили две серенькие записные книжки с почерком деда. Это был дневник, который капитан Булдаков вел в войну.

С сентября 41-го Булдаков служил в ОО НКВД Карельского фронта. Из дневника внуки фронтовика узнали, что их дедушка был капитаном СМЕРША 10-й гвардейской стрелковой Печенгской Краснознаменной дивизии.

После освобождения Петрозаводска в течение полутора месяцев работал в городе. А в октябре 1944 года, когда на Мурманском направлении началась Петсамо-Киркенесская операция, ОК УКР СМЕРШ Карельского фронта перевел капитана Булдакова в ОКР СМЕРШ армии, в 10-ю гвардейскую дивизию.

Сергей Дмитриевич стал участником освобождения Киркенеса. Вот как он описывал эти дни в своем дневнике: "21 октября 1944 г. В 9 час. 30 мин. утра пересекли Государственную границу СССР - Норвегия.

Ведем бои уже на территории Норвегии. Фрицы, оказывая упорное сопротивление под ударами наших частей, отступают.

Жгут все склады, за исключением складов со шнапсом.

Шнапсу и разных винзапасов на несколько лет.

С освобождением порта и города Киркенес заканчиваются военные действия на Севере.

Несколько дней стоим около города Киркенес, приводим себя в порядок...

9 ноября начался марш.

Идем обратно в Мурманск.

Марш Киркенес - Кола заканчиваем в 5 суток.

Прошли по каменным сопкам Заполярья более 200 км...".

Дмитрий КОРЖОВ,
член Союза писателей России.
Фото из архива С. Д. Булдакова.

Окончание следует.

1 Мая 1958 года в Мурманске.

Чекист и фотограф

Сто страниц истории к 100-летию Мурманска

Восточная Пруссия. 1945 г.

Окончание. Начало в номере за 4 марта 2016 года.

С января 45-го будущий фотолетописец Мурманска капитан Булдаков воевал на Втором Белорусском фронте. И славно воевал!

Вот вам фрагмент из описания подвига в Померании в февраля - апреле 1945-го, за который Сергей Дмитриевич был награжден орденом Отечественной войны II степени: “В марте разоблачил матерого диверсанта, маскировавшегося ксендзом, а на самом деле являвшегося капитаном немецкой армии. Работая постоянно в батареях, тов. Булдаков лично выловил более десяти диверсантов-корректировщиков и разведчиков врага. Тов. Булдаков неоднократно участвовал в отражении контратак противника, проявляя при этом образцы мужества и героизма. За проявленное мужество и храбрость в боях, за правильную организацию работы достоин награждения орденом “Отечественной войны I-й степени”.

Вот как этот период войны он описал в дневнике: "23 февраля 1945 года. Прорываем оборону немцев Бухольц - Мосин и с боями все время двигаемся вперед по территории Померании (Германии)...

...Немцы упорно сопротивляются.

Под городом Гдыня немцы объявляют себя смертниками.

Наши части ведут упорные и тяжелые бои по уничтожению фрицев.

Город Гдыня взят.

Фрицы уничтожены, остатки бежали морем.

Наши части выходят на побережье Балтийского моря.

Уничтожив группировку немцев в районе города Гдыня, идем дальше на Запад...".

Записи в найденном внуками дневнике Сергея Булдакова заканчиваются в июне 1945 года. Последняя строка написана в городе Летцен, в Восточной Пруссии. На фото, сделанном в этом городе, капитан Булдаков сидит в первом ряду справа. На оборотной стороне надпись: “Фотографировались 3 сентября 1945 года в праздник Победы над Японией. 17.00. Летцен”.

В декабре победного сорок пятого капитана Булдакова перевели в Закавказский военный округ - сначала на Новый Афон, а потом в Ахалкалаки. Оттуда в 1946 году их часть перебросили к турецкой границе.

С января по декабрь 1948-го, как следует из автобиографии Сергея Дмитриевича, он снова служил на малой родине - во 2-м отделе УМГБ по Кировской области. А уже затем получил новое назначение и переехал в Мурманск.

Семья Булдаковых в сборе. 1952 г.

Семья Булдаковых получила квартиру в самом центре города - на углу Софьи Перовской и Карла Маркса в КГБ-эшном доме (по словам живых свидетелей, так тогда все его называли). И именно здесь до сих пор живет дочь Сергея Булдакова - Ольга Потапова. "Для меня эта квартира - “родовое гнездо”. Здесь прошло мое детство и детство моих сыновей. Здесь в целости и сохранности находится парадный китель и фуражка сотрудника КГБ, моего отца. Здесь его награды: ордена и медали..." - отмечает Ольга Сергеевна.

- Отец был, наверно, самым добрым и спокойным человеком на свете! - вспоминает дочь Сергея Булдакова. - Никогда не повышал голос. Я у него была любимицей. Два сына старших и вдруг я, долгожданная дочка! Звала его папочкой. Когда я уже пошла в школу, моей обязанностью было разогреть обед для папы. Он всегда успевал прибежать пообедать, вздремнуть минут пятнадцать, закрывшись газетой "Правда". После этого папа заплетал мне косички и отправлял в школу. Мама на обед не приходила. Пропадала весь день в своем любимом детском саду. Она была заведующей детским садом. Фотографировал он всегда и везде - дома, на природе, на прогулке. Тогда любили часто собираться за круглым столом. Был у нас такой на кухне (и кухня немаленькая, двадцать метров). Есть фотографии с этих застолий. Был у отца фотоаппарат ФЭД. Часто по субботам, закрывшись в темной ванной с красной лампой, проявлял пленки и затем печатал снимки. Очень любил собак. У нас всегда жили кошки или собаки. Были дворняжки Тобик и Дези, затем овчарка Вега. Мне несколько раз довелось побывать в кабинете у папы, во время его дежурства в выходные дни. Именно из окна этого кабинета был запечатлен миг открытия памятника Анатолию Бредову (областное управление госбезопасности находилось тогда в нынешнем здании правительства области, как раз напротив).

В мурманском УКГБ Булдаков служил начальником 5-го отделения 5-го отдела. В 1954 году его наградили орденом Красной Звезды. К тому времени, времени, которому принадлежат и самые известные его фотоснимки (один из них мы сегодня публикуем, на нем угол улиц Софьи Перовской и Профсоюзов, справа - дом, где сейчас ресторан "Кружка", а чуть вдалеке на горке - первая школа), он уже был награжден медалями “За боевые заслуги”, “За оборону Советского Заполярья”, “За победу над Германией” и уже упоминавшимся орденом Отечественной войны.

В отставку по выслуге лет Сергей Булдаков ушел в 1959 году в звании майора. Какое-то время работал директором гостиницы "Север". В 1972 году вместе с супругой перебрался в Киров, где и прожил до своей смерти, до 1988 года.

Дмитрий КОРЖОВ,
член Союза писателей России.
Фото из архива С. Д. Булдакова.

Так выглядел угол улиц Профсоюзов и Софьи Перовской в середине пятидесятых годов.

Мурманские идеи писателя-фантаста

Сто страниц истории к 100-летию Мурманска

Писатель-фантаст Александр Беляев приехал в Мурманск в начале 1932 года. В ту пору он еще не был признанным классиком жанра, но уже создал многое из того, чем зачитывалась впоследствии советская молодежь. "Голова профессора Доуэля", "Человек-амфибия", "Остров погибших кораблей" - все это уже вышло из-под его пера, легло на бумагу, появилось в печати. На Кольский полуостров Александра Романовича привело безденежье и жажда новых впечатлений, дающих пищу творчеству. Не знаю, удалось ли ему до осени 1932-го, когда он покинул наш край, поправить свои финансовые дела, но впечатлениями, новыми идеями и творческими замыслами заполярная столица обогатила писателя в достатке.

Александр Романович Беляев.

И в первую очередь из-за очевидного противоречия между грандиозными замыслами, рожденными первым пятилетним планом, и реальной действительностью - порой весьма и весьма неприглядной. В самом деле, в маленьком, грязном и неуютном северном городке начала тридцатых все еще с трудом угадывалась современная, многоэтажная, "асфальтово-бетонная" столица российского Заполярья. Разве что каменное, о трех этажах, здание ТПО (транспортно-потребительского общества) - нынешний художественный музей - можно было при желании посчитать знаком большого будущего, а во всем остальном… Одно-, двухэтажные деревянные халупы, перемежавшиеся с бараками, деревянные мостки и непролазная грязь в распутицу, железная дорога да порт, с которыми, собственно, и были связаны все надежды.

Еще не было ни одной по-настоящему мощеной улицы. Еще Паустовский писал, что "человек, проживший в Мурманске два года, считается старожилом. Таких старожилов подсчитывают по пальцам". Еще при заправке водой мурманских тральщиков посетители городской бани вынуждены были прекращать мытье и ждать, пока судно окончит брать воду. Но уже были "озвучены" масштабнейшие проекты переустройства города на берегу Кольского залива как центра рыбодобычи. Уже начиналось сооружение первых "высоток" на проспекте Сталина, ныне именуемом в честь другого вождя мирового пролетариата. Уже Горький написал знаковое: "В Мурманске особенно чувствуется широта размаха государственного строительства".

Позже, вспоминая Мурман, Беляев писал в романе "Чудесное око": "Удивительный край!.. Здесь все наоборот: "солнечные ночи", "ночные дни". В этих краях люди выбирают квартиры окнами не на юг, а на север, потому что северный ветер, пролетая над теплым течением Гольфстрима, нагревается, а южный - охлаждается над ледяным горным плато тундры. Суровый край, тяжелый климат. Но всего этого не ощущаешь, даже не замечаешь - так интересен здесь человек и его дело". Но тогда, приехав в заполярную столицу и устроившись работать юрисконсультом, будущий классик обостренным чутьем творческого человека сразу уловил противоречие между планами и реальностью. А поскольку он был фантастом, а не оторванным от жизни мечтателем - то есть при том или ином изначально заданном фантастическом "посыле" - стремился к возможно большей правдивости своих произведений, то вскоре начал предлагать конкретные идеи, осуществление которых могло, по его мнению, сделать Мурманск лучше.

Некоторые из них изложены в материалах, опубликованных писателем в "Полярной правде". Так, в очерке "Голубой уголь", напечатанном 11 марта 1932 года, Александр Романович называет Кольский Север счастливым местом, где ветер дует круглый год с силой, вполне достаточной для вращения ветряков и генераторов. "Ветер здесь работает без выходных дней", - замечает фантаст и выдвигает идею создания "аэроэлектростанции" при помощи хитроумного соединения ветряка с насосом. Последний в свободное от подачи энергии время должен перекачивать воду из нижнего водоема в верхний. А отсутствие ветра восполняется выпущенной из верхнего водоема водой, вращающей гидротурбину. "Перед "Ветростроем" на Мурмане вообще и в городе Мурманске в частности открываются огромные перспективы, - поясняет Беляев. - Ветер, который был нашим бичом, который причинял нам столько неприятностей, аварий, потерь, крепко взнузданный, будет служить нам. Мы заставим его помогать нашему строительству, нашему производству: тянуть вагонетки подвесной дороги, пилить доски на лесопильном заводе, поднимать воду в наши дома, отоплять, освещать их, разгружать траулеры и вагоны, нагружать океанские пароходы - механизировать работы порта и Тралбазы. Нет ничего фантастического и в мысли "ветрофицировать" и наши траулеры… Ветер сбережет топливо, расходуемое на освещение, даст энергию для механизации работ с тралом…". Эта идея писателя, как и многие другие его придумки, близка к действительности и имела все возможности осуществиться еще в то время: тогда же, в 1932 году, в Полярное был доставлен первый ветряк. Но… нынешняя, вот уже на протяжении многих лет исправно работающая "мельница" в районе гостиничного комплекса "Огни Мурманска" остается пока единственным памятником той беляевской мысли.

Еще одно смелое для того времени начинание предложено Беляевым в заметке под названием "Создадим Мурманский зоопарк" 15 апреля 1932 года. "Никаких клеток старых зверинцев, - пишет он, - только "острова" зверей под открытым небом… Естественный полярный пейзаж без подмалевки". Вполне возможно, этот материал создавался Александром Романовичем под впечатлением от общения со знаменитым дрессировщиком Дуровым, каковое, по свидетельству литературоведов, имело место. Зоопарки, где для животных создаются условия, близкие к их естественной среде обитания, сегодня стали реальностью. Но в Мурманске и эта задумка писателя не осуществлена. И каждый год мамы ведут детей смотреть на очередной экзотический зверинец, приехавший со стороны.

В заполярной столице той поры практически не было цветов и деревьев. Робкие усилия энтузиастов устроить газоны, разбить цветники к успеху не приводили: не приспособленные к северному климату растения гибли, не успев подняться над землей. "Противоположный берег Кольского залива весь покрыт зеленью, - отмечал Беляев, - а на мурманских площадях торчат редкие черные веники". Александр Романович решил помочь делу и написал письмо директору Киевского акклиматизационного сада украинской академии наук Н. Ф. Кащенко, проработавшему много лет в Сибири. 11 сентября 1932 года в "Полярной правде" писатель размышлял над проблемами озеленения в Заполярье. "Вместо того, чтобы затрачивать заведомо безнадежный труд и деньги на посадку растений более южных растительных зон, не проще ли… взять готовый материал - карельскую березу, ель, сосну, иву, рябину и прочее". Сегодня Мурманск с полным основанием считается рябиновым городом. А у поэта Виктора Тимофеева даже стихотворение есть, ставшее хорошей песней, - "Рябиновый Мурманск". Так что Беляев и здесь хотя бы отчасти оказался провидцем.

Однако, его интересовал не только завтрашний день заполярной столицы, но и устранение недостатков дня сегодняшнего. Призыв к решению сиюминутных проблем, не становившихся, впрочем, от этого менее насущными, нашел отражение в заметках, опубликованных в многотиражке механических мастерских "Севтралтреста" "Заполярный металлист". Здесь писатель предстал перед читателями в облике рабкора А. Б.

"Беспризорный уголь лежит напротив мехмастерской около ж. д. полотна, он принадлежит мастерской, но так как никто за углем не наблюдает, то его таскают топить печи жители соседних бараков. Надо принять соответствующие меры. А. Б.".

"2 года как работает бондарный завод, но до сих пор не позаботились поставить хорошей уборной, у существующей почти нет крыши, в стенах и полу аршинные щели, осенью и зимой тут можно простудиться. Чего же смотрит охрана труда, - пишет рабкор А. Б.".

"Трест, прими меры. Около запасных ж. д. путей на базе устроены склады бочек - тары под рыбу. Так как за бочками никто не наблюдает, то они, рассохшись, разваливаются, иногда и сознательно ломаются, а затем растаскиваются на дрова, - пишет рабкор А. Б.".

Что еще известно о Беляеве-мурманчанине? То, что он ходил в море на рыбный промысел. То, что ему, по некоторым данным, поручили написать историю тралового флота, однако из-за кратковременности своего пребывания на Кольском полуострове написать ее он не успел. Уезжая из Мурманска, Александр Романович увез с собой снимок, на котором он - в теплой саамской малице. Единственный сохранившийся мурманский снимок писателя.

Впечатления от жизни фантаста в заполярной столице в дальнейшем вошли в два его романа - "Чудесное око" и "Под небом Арктики". Процитирую. "Внизу горели огни траловой базы. Высоко вздымались корпуса рыбообрабатывающих цехов. Гремели лебедочные цепи. У пристани стояли траулеры. Одни разгружались, другие готовились к отплытию. Сновали транспортеры: к складам - с рыбой, от складов - с солью". И в другом месте: "Мурманск… Консервные и засолочные заводы… Горы рыбы…". Как видите, город, изображенный Беляевым, отнюдь не фантастичен. Это тот самый Мурманск, в котором писателю довелось жить и работать, Мурманск, за лучшее будущее которого он ратовал публикациями в "Полярной правде" и "Заполярном металлисте", Мурманск, который он, и уехав, сохранил в своем сердце.

Обложка одного из изданий романа Беляева "Чудесное око", написанного в том числе по мурманским впечатлениям.

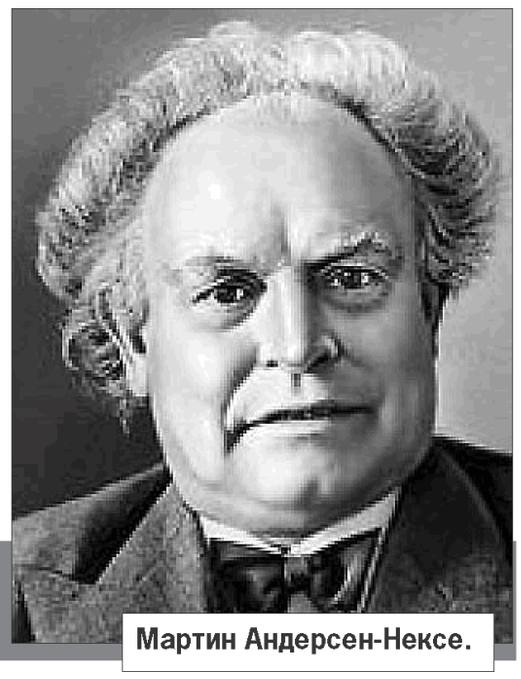

География романов Беляева охватывала и южные, и арктические широты. Кадр из фильма "Человек-амфибия" по одноименному роману писателя.

Дмитрий ЕРМОЛАЕВ,
сотрудник Государственного архива Мурманской области.
(по материалам Научно-справочной библиотеки ГАМО).

Мурманский "черный ход"

Сто страниц истории к 100-летию Мурманска

Мартин Андерсен-Нексе.

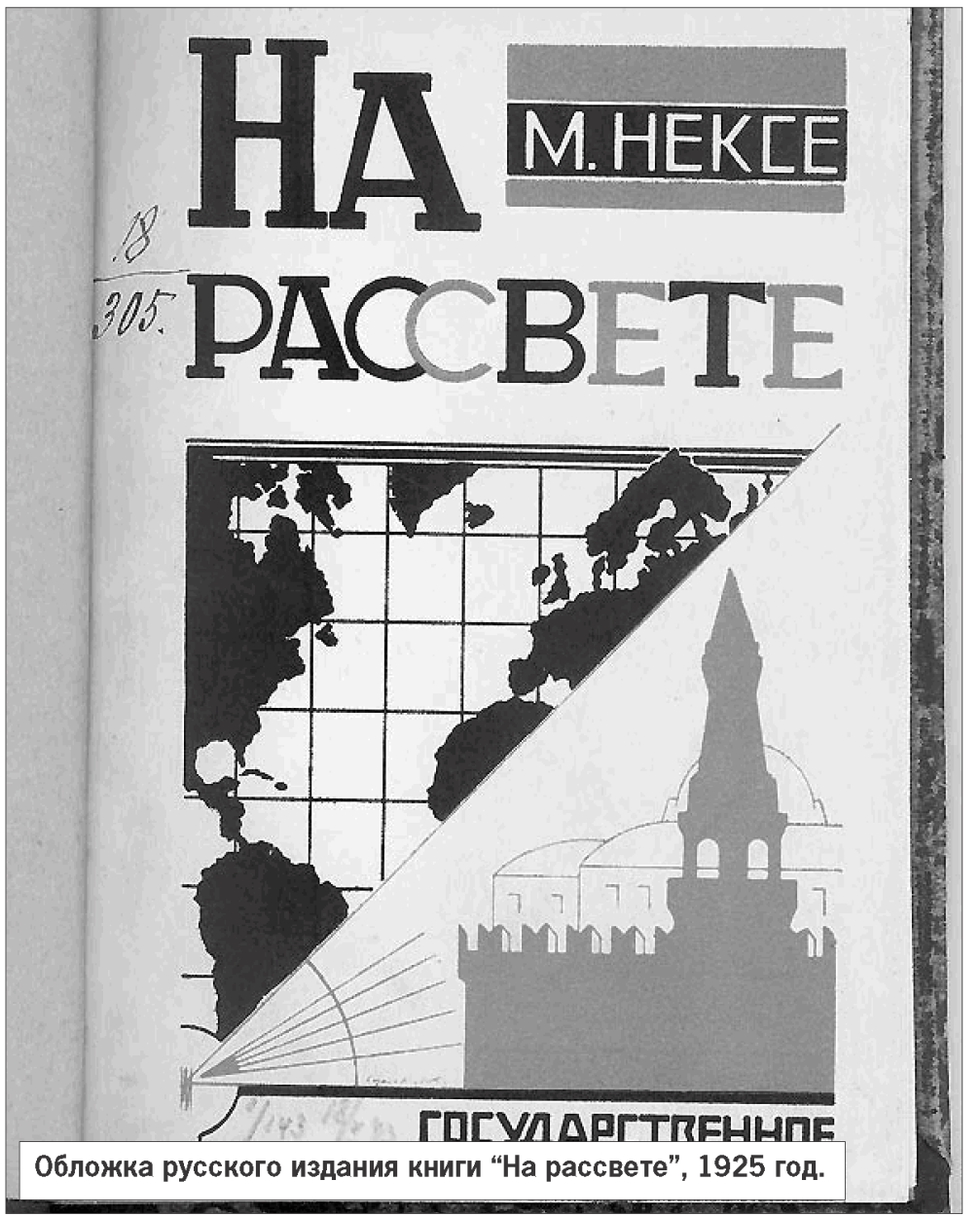
СЕВЕРНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ КАЛИТКА

Мурманск, как известно, обязан своим появлением первой мировой войне. Парадный вход в Европу, прорубленный на Балтике еще Петром Первым, закрылся, остался, по словам одного путешественника, "черный ход" - мурманский Север. Здесь к концу 1916 года были построены железная дорога и порт, к тому времени сменивший несколько названий: Семеново - Романов-на-Мурмане - Мурманск. До окончания гражданской войны северный путь исправно служил военно-экономическим интересам союзников по Антанте. Использовался "черный ход" и в частном порядке - покидали Россию, охваченную смутой, гражданские чины с семьями, белые офицеры, министры, дипломаты. Выехал московский английский вице-консул В. Денстон, критически отозвавшийся о Мурманской железной дороге. Прорабатывался мурманский вариант вывоза царской семьи. Будь друзья Романовых активней, не случилось бы екатеринбургской трагедии. А летом 1918 года через Мурманск в форме сербского офицера под псевдонимом Милутин Маркович добирался до Франции бывший глава Временного правительства России Александр Федорович Керенский.

С установлением большевистского режима мурманский "черный ход" продолжал функционировать, теперь уже в интересах новой власти, провозгласившей: "Пролетарии всех стран, объединяйтесь!". В Москву ехали посланцы коммунистических партий, лидеры Коминтерна (международное политическое объединение Коммунистический Интернационал), которые не могли попасть в Россию через западные границы. Некоторые деятели возвращались тем же путем. Например, осенью 1920 года через Мурманск в Норвегию проследовала большая группа участников Второго конгресса Коминтерна, в их числе была известная чешская писательница Хелена Малиржова. Из Мурманска морем она благополучно достигла Варде и далее - своей чешской родины, описав круговой путь в автобиографическом романе "Десять жизней". Ее коллега по Коминтерну и творчеству французский писатель Раймон Лефевр, покинувший Мурманск 1 октября, с несколькими товарищами в шторм погиб в Баренцевом море.

ДАТСКИЙ ГОСТЬ

В конце лета 1922 года с "черного хода" добирался до Москвы датский писатель Мартин Андерсен-Нексе. Андерсены в Дании, как в России Ивановы, густо населены, поэтому в качестве псевдонима была взята приставка Нексе - по названию родного

Обложка русского издания книги "На рассвете", 1925 год.

местечка на острове Борнхольм. Андерсену-Нексе в то время было уже 53 года, человек на Западе известный, автор многотомных романов "Пелле-завоеватель" и "Дитте, дитя человеческое". Но в Россию он был приглашен не как мастер слова, знаток человеческих душ, а как один из основателей датской коммунистической партии для участия в IV конгрессе Коминтерна.

В норвежском Варде писатель нанял моторно-парусный бот, с двумя мореходами-рыбаками смело пустился по штормовому морю к мурманским берегам, хотя ему была известна трагедия французской делегации. Глубокой ночью судно причаливает в Кольском заливе. Несмотря на уговоры остаться на борту до утра, датский гость сходит на желанный берег, в "страну варваров", где "мужество ее солдат поддерживается человеческим мясом", по образному выражению западной прессы. Город - ни фонарей, ни улиц, ни гостиниц. Писатель бредет сквозь скопище вагонов-жилищ и наконец-то встречает живую душу - бойца железнодорожной охраны, который радушно привечает гостя в пустующем вагончике. Потом Нексе идет дальше по затемненному городу, пока не падает от усталости в беседке под сиротливым навесом невысокой березки.

Писатель жил в Мурманске несколько дней. К нему прикрепили в качестве переводчицы, бывшую "помещицу", бежавшую от голода из Петрограда вместе со "служанкой". Общались на немецком и английском языках. Не назвав ни одной фамилии, ни одного местного руководителя, без обиды на бытовую неустроенность, Нексе оставил занятные воспоминания о городе и людях.

ДЕТИ РЕВОЛЮЦИИ

Записки Нексе - первые свидетельства очевидца о советском Мурманске после гражданской войны: "...Подо мной раскинулся город, уступами спускающийся к морю и к заливу; много домов, все они новые, построенные без всякого плана; они разбросаны среди песчаных холмов и дюн; улиц никаких нет, что свидетельствует о внезапном возникновении города. У пристани и дальше в заливе по-прежнему лежат фантастические чудовища, которых я видел ночью: это потерпевшие крушение подводные лодки и миноносцы, громадные колокола, звонящие в непогоду, и чудовищные баржи, наполовину наполненные водой. Это следы хозяйничавших здесь англичан...

Теперь еще труднее разобраться среди железнодорожных вагонов; их тут несколько сотен, и все они обитаемы - целый поселок. Промежутки между ними заполнены навозом, закутами для свиней, курятниками. К некоторым вагонам приделаны балкончики, пристройки. Обитатели их встают; татары, финны, русские, турки, китайцы - все народности, кажется, представлены в этом импровизированном городе. Они кивают мне головой, смеются, приглашают меня войти; один из них, худой турок, хочет соблазнить меня чашкой горячего кофе.

...В Мурманске несколько тысяч жителей. Улиц, как сказано выше, здесь нет, гостиниц - также; какой-то советский служащий делит со мной комнату и двуспальную кровать. Он, как все русские, крайне доволен тем, что может оказать гостеприимство. Он рассказывает мне с восторгом, что ему случалось ночевать на этой кровати впятером. Дом - большое строение из бревен, где живет несколько семейств, он стоит на самом холме. Вокруг, на волнистой почве холмов, расположены другие бревенчатые дома... В углублениях между ними пасутся овцы, роются свиньи - рыжие и черные, копаются куры. Здесь множество животных и детей. Под моим окном дружно играют собаки, поросенок и два плохо одетых ребенка, взрослых почти не видно, они на работе.

Между тремя и четырьмя часами пополудни эти песчаные холмы на морском берегу оживают; мужчины и женщины веселыми толпами возвращаются домой. Я замечаю, что начинаю следить за ними с таким напряжением, как будто они существа совсем другого рода, с другой планеты. Ведь это так и есть, это - дети революции, ее сыновья и дочери! Как они чувствуют себя, как бьется их сердце, как дышат они на этом вольном воздухе?".

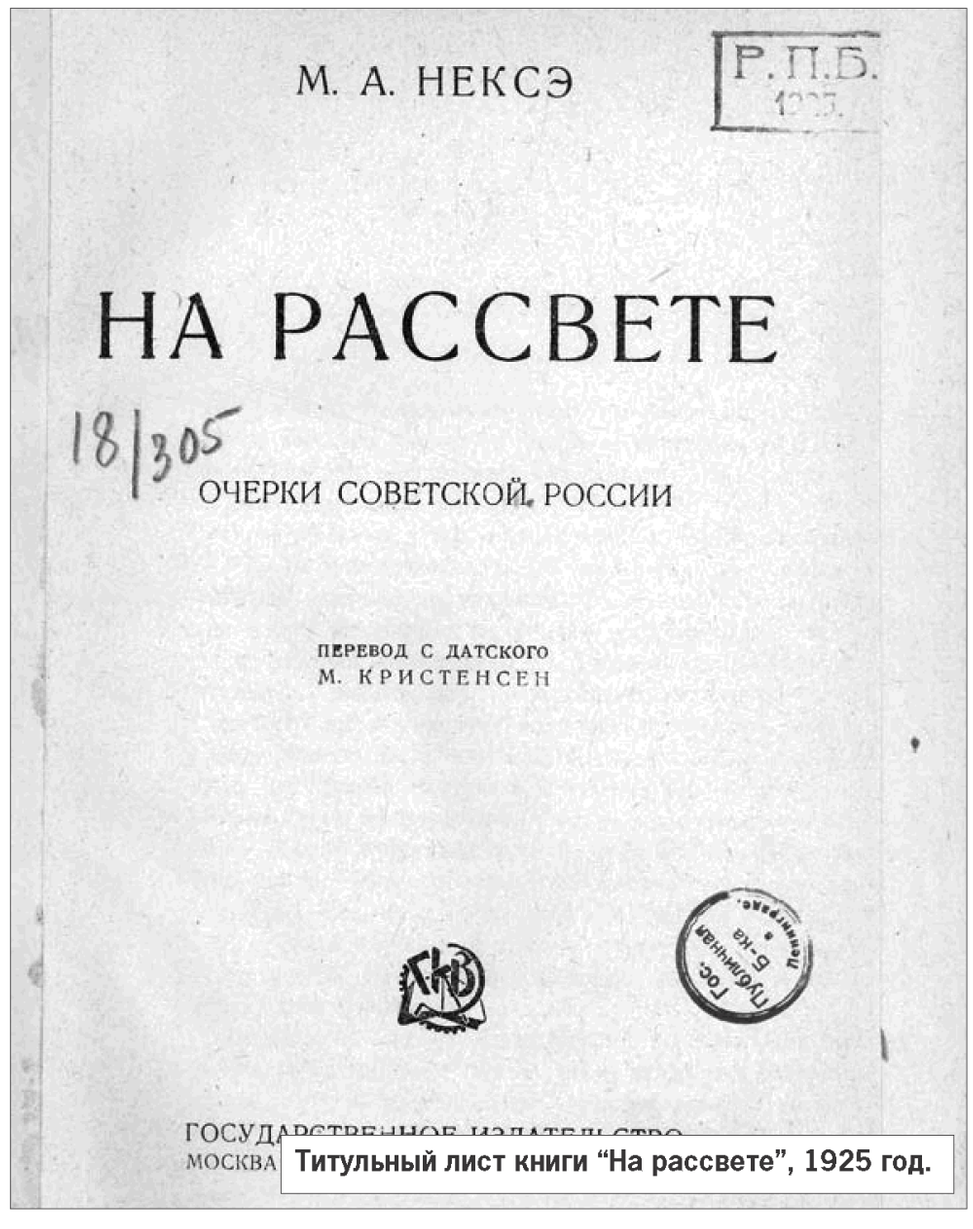
ОЧЕРК О МУРМАНСКЕ

Очерк о Мурманске вошел в книгу "Навстречу молодому дню", имевшей подзаголовок "Очерки о советской России", издана в Дании в 1923 году. Дважды книга выходила в русском переводе в течение 1925 года, причем в одном издании названа "На рассвете", что не совсем точно передает заголовок оригинала.

Знакомство с Лениным, дружба с Горьким, коммунистические взгляды сказались на дальнейшей судьбе писателя. В годы оккупации Дании Нексе выдали фашистам, сидел в лагере, в 1943 году бежал, через Швецию перебрался в СССР. До конца войны работал в радиокомитете, вел антифашистские передачи на Норвегию и Данию. Но и после войны он не смог ужиться на родине. Поселился в ГДР, являлся почетным гражданином города Дрездена, где умер в 1954 году. В том же году в нашей стране завершилось издание его десятитомного собрания сочинений. К сожалению, очерк "Мурманск" в него не вошел и с начала двадцатых годов полностью не переиздавался.

В романе "Потерянное поколение", написанном незадолго до смерти, своего героя Мортена на конгресс Коминтерна Андерсен-Нексе отправил через Мурманск, повторив тем самым собственный путь навстречу молодому дню, навстречу новому времени, оказавшему значительное влияние на судьбу и творчество выдающегося датчанина.

Владимир СОРОКАЖЕРДЬЕВ,
член Союза писателей России.

Титульный лист книги "На рассвете", 1925 год.

Мурманцы: Николай Случевский - "физик", сын лирика

Сто страниц истории к 100-летию Мурманска

Летом 1885 года, путешествуя по Северу России, Кольский полуостров посетил великий князь Владимир Александрович. Чуть позже этот визит описал один из его спутников - замечательный поэт Константин Случевский. Мурманские впечатления отозвались в творчестве Константина Константиновича циклом стихов, рассказами, очерками. Воспевая заполярную природу, повествуя о тяжелых условиях жизни поморов или о китовом промысле в Ара-губе, Случевский, конечно, не мог предугадать, что придет время, когда на Мурман приедет его сын. И проживет здесь не несколько дней, как отец, а целых четыре года. Переломных для страны, а для себя - последних.

РАЗРУХА "НЕ В КЛОЗЕТАХ, А В ГОЛОВАХ"

Николай Константинович Случевский родился в 1882 году в Детском Селе под Петербургом. В 1891-м его родители разошлись, и он вместе с сестрой Елизаветой стал жить у матери Ольги Капитоновны. Несмотря на распад семьи, родительской любовью Коля обделен не был. Его отец питал страстную привязанность ко всем своим шестерым чадам. В начале 90-х годов XIX века Константин Константинович - важный государственный чиновник, редактор "Правительственного вестника" - даже написал специальную серию произведений - "Книжки моих старших детей", где в увлекательной форме рассказал о традициях разных народов, истории, культуре, памятных местах России.

Учился Николай в Императорской Николаевской Царскосельской гимназии. Окончив ее в 1902 году, по отцовским стопам не пошел - избрал техническую стезю и поступил в петербургский Электротехнический институт Императора Александра III. То есть, используя терминологию времен хрущевской оттепели, стал "физиком", а не лириком. Отучившись, работал инженером на Адмиралтейском судостроительном заводе. В 1911 году обвенчался с уроженкой Царского Села Людмилой Александровной Эксе. В архивных документах имеются сведения о том, что он был членом IV Государственной Думы, избранной в 1912 году.

В августе 1914-го началась первая мировая война, а 15 февраля 1915 года - в день, когда в Польше в бою под Плонском пал старший брат Николая Владимир, у четы Случевских родился сын, названный в честь погибшего. Весной 1916-го, стремясь обезопасить семью от тягот военного лихолетья, Николай Константинович отправил жену и сына к матери - в родовое имение в Курской губернии. Сам же уехал на строительство Мурманской железной дороги, конечным пунктом которой стал новооснованный город Романов-на-Мурмане - будущий Мурманск.

В ту пору остро стоял вопрос о снабжении "мурманки" и незамерзающего порта электроэнергией. Сперва хотели построить для этих целей ГЭС, но потом решили соорудить теплоэлектростанцию. Случевский стал ее проектировщиком, а в дальнейшем - заведующим электрическими установками. Станция, как и многое тогда в Мурманске, имела временный характер. Изначально предполагалось, что ее силовая часть будет состоять из трех паровых машин "Компаунд" мощностью по 365 лошадиных сил каждая, соединенных, в свою очередь, с тремя генераторами мощностью по 270 киловольт-ампер. Однако жизнь внесла коррективы: вместо одного из паровиков появилась дизельная установка и двигатель системы "Кросслей", да и остальные машины тоже были других марок. Сооружение электростанции планировалось завершить к 15 октября 1917 года. Действительность оказалась иной - к указанному сроку не было готово даже здание станции, не говоря уже про оборудование, столбы и проводку. Внутри недостроя стояла одна паровая машина с генератором, и шел монтаж второй. Правда, работал еще двигатель "Кросслей", но проблем с электроснабжением это не решало. От погружения во тьму мурманчан спасали дополнительные электростанции малой мощности, принадлежавшие порту и Кольской базе.

В общем, все необходимо было достраивать, совершенствовать, доводить до ума. Но политические реалии тех лет мало способствовали успешной работе. Скорее, наоборот. Причем в полном соответствии с известным изречением профессора Преображенского из булгаковского "Собачьего сердца" начиналась разруха "не в клозетах, а в головах". 4 марта 1917 года на Мурмане получили весть о падении монархии, а уже 10-го числа некоторые служащие электростанции отказались выходить на сверхурочные работы, без которых порой было не обойтись. Чуть позже Случевский, сам готовый трудиться, что называется, за идею, изгнал со станции 18 человек с характерной формулировкой: "За недостойное понуждение на производство уплаты за сверхурочные работы все эти рабочие увольняются с 1-го апреля с уплатой им за сверхурочные работы".

СТРАСТИ РАЗГОРАЮТСЯ

Случались и трения политического характера. Однажды на здании электростанции появился флаг с надписью "Да здравствует социал-демократическая республика". "Признавая неприличным вывешивание агитационных знаков в официальном месте, - сообщал Николай Константинович 28 апреля 1917 года комиссару народной милиции Мурманска и начальнику Кольского района, - я приказал флаг снять, разрешив вывесить его на жилом доме служащих". Флаг сняли, но на следующий день он снова висел на здании станции, а краевое руководство не замедлило упрекнуть Случевского в излишней жесткости. "Распоряжение Ваше о снятии флага считаю нетактичным, - пенял ему начальник Кольского района и Отряда судов обороны Кольского залива Михаил Рощаковский. - Страсти разгораются, и их желательно успокаивать не приказаниями, а собеседованиями, объяснениями".

Николай Случевский - студент электротехнического института в Петербурге.

Николай Случевский оставался заведующим электрическими установками Центральной электрической станции Мурманска до начала 1919 года. Потом работал в железнодорожном ведомстве начальником отдела освещения службы тяги. Участвовал он и в культурной жизни заполярной столицы: организовывал благотворительные концерты, читал лекции, в том числе на тему "Происхождение полярных сияний и земного магнитного поля", исполнял функции казначея Мурманского литературно-художественного кружка.

Как и его отец, Случевский-младший придерживался монархических убеждений. Правда, в отличие от Константина Константиновича - приверженца самодержавной, неограниченной царской власти он был сторонником конституционной монархии - по партийной принадлежности кадетом. Тем не менее Октябрьскую революцию Николай Константинович не признал, а большевиков считал кучкой разрушивших страну отщепенцев. Неудивительно, что он с воодушевлением воспринял приход к власти летом 1918 года поддержанных союзниками белых, а следующей весной стал одним из создателей и руководителей патриотической организации "За Русь святую", провозгласившей своей целью вооруженную борьбу против красных. "Русские люди! - обращался Случевский вместе с другими ее учредителями к населению Мурмана в воззвании, опубликованном 3 апреля 1919 года в газете "Мурманский вестник". - Године лихолетья России приходит конец. Еще дружный натиск - и шайка из Смольного, предательски захватившая власть, разграбившая и развалившая нашу Родину, получит должное возмездие. Час расплаты близок. Очнитесь, граждане, бросьте позорное малодушие, встаньте на защиту Отечества от предателей. Покажите себя достойными потомками Минина и Пожарского и ускорьте час победы права и законности".

Несмотря на то, что новообразованная структура "поднимала на щит" идеалы белого движения, ее создание встретили в краевом центре весьма сдержанно. "На первых же шагах, - сообщал Случевский в статье "За Русь святую" 10 апреля 1919 года, - участникам нового общества пришлось услышать такие о нем суждения в публике, что это, мол, собрались охранники и черносотенцы". Впрочем, члены организации не обращали внимания на [illegible] падки со стороны и проходили военную подготовку, чтобы, если придется, отстоять свои идеалы с оружием в руках. "Пусть ждет, кто желает, а мы не из их числа, - писал Николай Константинович. - Против насильников надо действовать силой". Позже участники "Руси..." стали ядром сформированного в нашем крае Национального ополчения и неплохо проявили себя, поддерживая правопорядок после ухода с Кольского полуострова в октябре 1919 года союзных войск. Случевский оставался одним из их лидеров.

ЗА СУРОВУЮ КРАСОТУ

21 февраля 1920 года, во время начавшегося в Мурманске антибелогвардейского переворота, он и еще несколько человек из числа ополченцев и чинов уездной милиции оказались в числе тех немногих, кто оказ мятежникам вооруженное сопротивление. Они держали оборону на Советской горке чуть выше железнодорожной станции. Потом их отряд рассеялся. На следующий день Случевского арестовали. В особую вину ему было поставлено то, что он, будучи глубоко верующим человеком, "цитировал отрывки из Евангелия, перерабатывая предварительно и давая им вид белогвардейской прокламации, и распространял среди населения". 16 июня 1920 года президиум Петроградской ЧК вынес постановление о его расстреле. Точная дата приведения приговора в исполнение неизвестна. 5 июня 1991 года его реабилитировали.

Потомки Николая Случевского, породнившиеся, кстати, с родом выдающегося русского государственного деятеля Петра Столыпина, живут ныне в Америке. Размышляя о судьбе этого человека, я думаю, что есть нечто неизъяснимое, неисповедимое, но в то же время закономерно-роковое в том, что сын отдал жизнь за, пусть и понятую по-своему, свободу края, воспетого когда-то его отцом. За ту самую суровую красоту из стихотворения Случевского-старшего. Помните:

Когда на краткий срок здесь ясен горизонт
И солнце сыплет блеск по отмелям и лудам,
Ни Адриатики волна, ни Геллеспонт
Таким темнеющим не блещут изумрудом;
У них не так густа бывает синь черты,
Делящей горизонт на небо и на море...
Здесь вечность, в веяньи суровой красоты,
Легла для отдыха и дышит на просторе!

Дмитрий ЕРМОЛАЕВ,
сотрудник Государственного архива Мурманской области.

Мурманцы: Русская итальянка Аида Марчелло

Сто страниц истории к 100-летию Мурманска

Женщина пела. Сильные, глубокие, чуть тяжеловатые звуки разносились вокруг, заполняя собой пространство, зачаровывая, заставляя сопереживать этой музыке, этому голосу. Вторя им, за стенами барака завывал простуженный заполярный ветер, а внутри под потолком обреченно подмигивали, готовясь погаснуть, тусклые электрические лампочки. Но зрителям было не до того. Они слушали и, внимая пению, уносились в прошлое. В роскошные, полные тепла и света залы столичных театров, в изящные рулады арий и переливы оркестров, в минувшую жизнь - спокойную и счастливую. Ведь было же это всего несколько лет назад. Было!!! Отчего же теперь кажется сном, наваждением, грезой, случившейся давным-давно в ином, далеком мире. За тысячи лет, за тысячи верст от Мурманска, куда занесла их судьба.

ОПЕРНАЯ ПРИМА В НОВОРОЖДЕННОМ ГОРОДЕ

Сперва я наткнулся на объявление. "В понедельник, 17 февраля, 4-й и последний концерт примадонны итальянской оперы Аиды Марчелло. Начало ровно в 9 час. вечера". Крупный шрифт, первая полоса - "Мурманский вестник" начала 1919 года. Заинтересовавшись, перелистал подшивку и обнаружил другие упоминания об этой певице. Найдя их, обрадовался и удивился: каким образом оперная прима с юга Европы оказалась в новорожденном городе на северной окраине России? И не на день-два, а по меньшей мере на несколько месяцев?

Нам сейчас трудно представить себе, какой была тогда заполярная столица. Но давайте попробуем. Деревянные дома, бараки, постройки из гофрированного железа с полукруглой крышей, именуемые в народе "чемоданами", "шедевры зодчества" из выловленных в заливе бревен, брошенных шпал и даже из бочковой клепки. А еще корабли, вагоны... И люди, заброшенные на край света трагическими обстоятельствами, изменившими ход российской истории, поставившими страну на грань уничтожения. Люди, уставшие от революции, гражданской войны и прочих глобальных катаклизмов до полного безразличия ко всему происходящему. Люди, большинство которых страстно желало покинуть Мурманск, но по тем или иным причинам уехать не могло.

В этом, ныне исчезнувшем, городе были иностранные консульства и продовольственные склады союзников-интервентов, булавки в виде флажков с курьезной надписью "Из Англий", открытки с изображением британского посла сэра Джорджа Бьюкенена и текстом, восхвалявшим "священный союз Англии и России", школьные тетрадки с британским львом на обложке и трогательной надписью: "Эта книга издана в Англии для России, ее союзницы". Особую достопримечательность составляли три смежных туалета, устроенных в железном домике, где размещалось французское кафе. Надписи на "кабинетах задумчивости" гласили: "Pour officiers" - "Для офицеров" на первом, "Pour sous-officiers" - "Для унтер-офицеров" на втором и "Pour soldats" - "Для солдат" на третьем. Вот уж действительно - железная дисциплина во всех случаях жизни.

ТЕАТР В БАРАКЕ

Да, много для нас удивительного было в Мурманске того времени. Имелись и свои, доморощенные театральные таланты, но вот собственно театра, то есть специально приспособленного для выступлений артистов здания, мы бы там не нашли. Нет, помещения, пышно именуемые "театром", существовали, но на деле понимались под ними все те же бараки с наспех сколоченной сценой. Играли мурманские артисты и в кинематографе Скрябина, представлявшем из себя, судя по воспоминаниям председателя Центромура - Центрального комитета Мурманской флотилии Валериана Бжезинского, "большой, деревянный, полутепленный, вернее, уплотненный от проникновения снега и дождя, сарай... в котором на деревянных скамьях уплотненно размещалось человек триста посетителей, а иногда и больше".

В общем, условия не для настоящих звезд. А тут надо же - "примадонна итальянской оперы". Кто же она такая? Помог "всезнающий" Интернет. Выяснилось, что Аида Марчелло - творческий псевдоним Натальи Ефимовны Фесенко, по мужу Журовой, дочери известного украинского книгоиздателя. Родилась она в Одессе 23 августа 1883 года. Училась в едва ли не лучшем женском среднем учебном заведении того времени - Петербургской гимназии княгини Оболенской. По ее окончании стала учительницей в одном из одесских народных училищ. Потом всерьез занялась вокалом - училась петь в Италии. В конце XIX - начале XX века вышла замуж за оперного певца Виктора Александровича Журова. К началу первой мировой войны у нее было трое детей - сыновья Георгий, Леонид и дочь Тамара, а еще - признание, опыт работы в итальянских театрах и то звучное имя, под которым она вошла в историю Мурманска. Первая его половина, вероятно, была взята из названия и имени главной героини классической оперы Джузеппе Верди "Аида", а вторая, возможно, стала производной от фамилии итальянского композитора XVII-XVIII веков Бенедетто Марчелло.

Наталья Ефимовна с сыновьями Георгием и Леонидом. Одесса. 1910-е годы XX века.

РИС В КАЧЕСТВЕ ГОНОРАРА

Особо стоит сказать и о муже Натальи Фесенко. Виктор Журов окончил юридический факультет Московского университета, но под влиянием своего однокашника и друга - великого Леонида Собинова - предпочел юриспруденции музыку. В 1910 году Журов, известный к тому времени как баритон Витторио Андога (от реки Андоги, протекающей под Череповцом), принимал участие в знаменитых гастролях Собинова по России - выступал вместе с ним в Казани, Иркутске, Владивостоке, других городах страны. Его двоюродный брат - поэт Игорь Северянин в поэме "Роса оранжевого часа" написал:

Сын тети Лизы, Виктор Журов,
Мой и моей Лилит кузэн,
Любитель в музыке ажуров,
Отверг купеческий безмен:

Студентом университета
Он был, и славный бы юрист
Мог выйти из него, но это
Не вышло: слишком он артист

Душой своей. Улыбкой скаля
Свой зуб, дала судьба успех:
Теперь он режиссер "La Scala"
И тоже на виду у всех...

Когда и как Аида Марчелло появилась в краевом центре на берегу Кольского залива, можно только догадываться. Не входила ли она в состав труппы, о которой сообщал Бжезинский, утверждавший, что в начале марта 1918 года "из Петрограда эвакуировалась итальянская опера и задержалась в Мурманске в ожидании парохода. Нуждаясь в продовольствии, предприимчивые итальянцы предложили Центромуру выступить в клубе с концертной программой при условии оплаты продуктами. В Мурманске к этому времени находилось некоторое число интеллигенции с семьями. Выступление итальянцев, хотя и халтурное, было хорошо принято. Впоследствии стало известно, что антрепренер за выступление на бис потребовал добавочное количество риса".

ГОЛОС, ДАРИВШИЙ НАДЕЖДУ

Если так, то оперная прима провела в заполярной столице почти год. Впрочем, она могла попасть туда и позже каким-нибудь другим путем. Во всяком случае, участник белого движения, писатель Александр Гефтер, прибывший на Кольский полуостров в конце декабря 1918 года, рассказал впоследствии в романе "Секретный курьер" о неком мурманском доме, где "жили три девицы и одна дама. Девицы служили машинистками в портовом управлении, дама не служила нигде, она была певицей и предназначалась для концертов. Все они попали на Мурман случайно, в период беспорядочного метания петербуржцев перед призраком голода".

Наталья Фесенко-Журова стала первой профессиональной артисткой, относительно надолго задержавшейся в Мурманске. "Аида Марчелло, обладающая хорошим голосом - меццо-сопрано, в своих выступлениях много уделяет внимания серьезной русской музыке таких композиторов, как Римский-Корсаков, Даргомыжский и др. Это делает честь ее вкусу, - информировал читателей "Мурманский вестник". - данном концерте она пела, между прочим, с большим успехом арию из оперы "Садко" Римского-Корсакова. Также очень понравилось публике исполнение певицей итальянских пьес, причем она должна была петь много сверх программы". "Г-жа Аида Марчелло, - отмечал редактор газеты Андрей Каретников, - особенно удачно спела... известные песенки Кармен из оперы того же названия". "Ее сильное меццо-сопрано, - восхищался он в другой рецензии, - звучало прекрасно, несмотря на убийственную акустику зала кинематографа".

В конце февраля - начале марта 1919 года Наталья Ефимовна уехала из Мурманска. Куда - неизвестно. Можно предположить, что она отправилась в одну из европейских стран - продолжать певческу карьеру. Во всяком случае, ее муж Виктор Журов так и поступил. 20, 24, 25 и 27 декабря 1922 года в Барселоне в "Grand Teatro del Liceo" триумфально прошла опера Бородина "Князь Игорь" в его постановке. Некоторые биографы Виктора Александровича отмечают, что в 20-е годы минувшего века он был режиссером знаменитого миланского театра "La Scala". Но вот зарубежных "следов" его супруги в послереволюционные годы обнаружить не удалось. А потому наиболее вероятным представляется мне иной вариант - Аида Марчелло отправилась, как делали в ту пору многие, на юг России, где продолжалась борьба с большевиками, где жили ее родители. Во всяком случае, умерла она в Одессе в 1928 году.

Как сложилась после Мурманска ее судьба, продолжала ли она выступать на сцене, вспоминала ли заполярную столицу? Этого мы не знаем. Но, думается, мурманчане, или, точнее, мурманцы, тех времен были благодарны ей, ее искусству, ее голосу - утешавшему, исцелявшему душевные раны, дарившему надежду.

Дмитрий ЕРМОЛАЕВ, сотрудник Государственного архива Мурманской области.

(По материалам Научно-справочной библиотеки ГАМО).

Мурманцы: Транзе был в восторге от Севера

Сто страниц истории к 100-летию Мурманска

Есть в южной части архипелага Северная Земля два небольших острова. Ничем особым они не выделяются. Один скалистый, вытянутый, другой почти полностью покрыт песком. Ни тебе тропических лесов, как на какой-нибудь Новой Гвинее, ни вулканов, как на Курилах, ни залежей угля, как на Шпицбергене. Просто клочки суши, затерянные в ледяных просторах Арктики. Почти также затерялась когда-то среди множества изломанных и раздавленных льдами истории жизней судьба человека, в честь которого они названы.

ЭТО ЛУЧШЕ, ЧЕМ АЛЯСКА

- Нет нигде на Севере такого местечка. Нигде! Творчество, вы поймите! Творчество, несмотря ни на что. Вот продали американцам Аляску. Они только поскребли - и потекли миллионы. Здесь рыба, удивительная рыба, леса, ископаемые! Это лучше Аляски...

Слова, которые вы только что прочитали, посвящены Мурманску. Участник белого движения, писатель Александр Гефтер вложил их в уста одного из персонажей романа "Секретный курьер" - спутника главного героя, названного в произведении фамилией Ранау. В "Северных воспоминаниях" Гефтера он же выведен как некий фон Т. Сопоставление данных мемуарной и художественной литературы с материалами, хранящимися в Государственном архиве Мурманской области, позволяет прояснить личность этого человека. За обозначениями "Ранау" и "фон Т." скрывается известный полярный исследователь Николай Транзе.

Николай Александрович фон Транзе 2-й - так в соответствии с флотской традицией нумеровать одинаковые фамилии его именовали до революции. Родился он 6 февраля 1886 года в морской семье. Его отец - выходец из прибалтийских дворян - и пятеро братьев тоже были моряками. До 1911 года Николай плавал на кораблях Балтийского флота. В 1912-м стал минным офицером и вахтенным начальником на ледокольном пароходе "Таймыр" Гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана, отметившей год спустя Землю Императора Николая II, названную впоследствии Северной Землей. В 1914-1915 годах уже на ледокольном пароходе "Вайгач" Транзе прошел Северным морским путем из Владивостока в Архангельск. "За труды, понесенные в экспедиции", был награжден орденом Святой Анны 3-й степени и, как и все участники, специальным нагрудным знаком. Потом участвовал в первой мировой войне, в Ледовом походе Балтийского флота.

НЕ ВОЕВАТЬ, А ТОРГОВАТЬ

Как Николай Транзе оказался в Мурманске - история особая. После знаменитого Ледового похода, когда были переведены из Ревеля и Гельсингфорса в Кронштадт и тем самым спасены от немцев и финнов суда Балтийского флота, начались аресты офицеров. Руководивший этой героической операцией капитан 1 ранга Алексей Щастный был расстрелян. Спасаясь от матросской резни, Транзе с семьей бежал. На маленьком катере со многими мытарствами они добрались до Швеции. "В память" об этом путешествии у его жены осталась седая прядь волос. Относительно дальнейшего в "Секретном курьере" сообщено, что "Ранау отправлялся на Мурман, но не воевать, а по коммерческим делам англо-русского общества, в котором он был одним из директоров". Поскольку роман Гефтера не просто автобиографичен, но во многом и документален, не доверять ему нет оснований.

В Мурманск Транзе и Гефтер прибыли вместе в конце декабря 1918 года. Гефтер остался в городе на берегу Кольского залива, а его спутник отправился дальше. 4 января 1919-го Николай Александрович прошел регистрацию в управлении штаба Главнокомандующего русскими войсками Северной Области в Архангельске и вскоре вернулся на Кольский полуостров. В середине апреля в Мурманском литературно-художественном кружке состоялась его лекция, посвященная полярным плаваниям, участником которых он был.

Карта Арктики с землей Николая Второго.

"Несмотря на специальный характер лекции, зал был полон, - сообщал тогда "Мурманский вестник". - Популярная по форме, насколько возможно приноровленная к аудитории, лекция была содержательна и интересна по своим выводам... Особенно сильное впечатление на слушателей производило описание тех трудностей, лишений и опасностей, которые пришлось испытать всему составу экспедиции, и то бескорыстное и честное отношение к делу руководителей, без которого немыслима никакая научная работа".

НЕТРОНУТЫЕ БОГАТСТВА

Из своего арктического опыта Транзе сделал вывод о невозможности "практически осуществить сообщение кратчайшим путем по Ледовитому океану из Европы на Дальний Восток". И в то время это действительно было так. Превращение Северного морского пути в транспортную магистраль стало задачей, решать которую довелось уже следующим поколениям русских моряков.

"Докладчик, - информировала читателей газета, - разделил северный путь на несколько районов. Первый, от Новой Земли до острова Челюскин, включая устья Оби и Енисея, вполне доступен для судоходства. Желательно возобновление ежегодных пароходных рейсов для сношения с Сибирью и эксплуатация еще не тронутых рыбных и звериных промыслов и угольных и рудных месторождений. Второй район, значительно севернее - от острова Челюскин до мыса Челюскина - мало доступен, но интересен в научном отношении. Необходимо дать описание и съемку Земли Императора Николая II, имеющей важное географическое положение, а также и других многочисленных островов, исследовать течения, провести ряд метеорологических наблюдений и т. п. Горные и животные богатства такие же, как первого района, но для промышленников и предпринимателей по своей трудности этот район почти недоступен. Экспедиция видела обнажение на поверхности каменного угля, руд, был найден целый мамонт с кожей и шерстью - цель одной из будущих экспедиций. Охотники убивали по десяти и более белых медведей в день, в несколько часов команда ледокола на одном из островков набрала несколько тысяч яиц северных птиц. Таковы нетронутые богатства Севера".

Николай Транзе.

За время пребывания в Мурманске Николай Транзе успел внести свою лепту в развитие кольского краеведения, поучаствовав в открытии первой местной краеведческой организации - Мурманского отдела Архангельского общества изучения Русского Севера. На собрании отдела, состоявшемся 6 апреля 1919 года, Транзе был выбран членом его правления. Кроме того, он и Гефтер пожертвовали в пользу другой организации - Мурманского Комитета Общественного Призрения 90 рублей на двоих - все, что могли в ту пору.

Гефтер, ставший, по сути, летописцем мурманской жизни времен гражданской войны, в "Секретном курьере" дает несколько интересных штрихов к портрету Ранау-Транзе. Вот описание сборов в Мурманск: "Было закуплено много необходимых вещей для жизни на Крайнем Севере. Ранау относился к этим покупкам с таким воодушевлением, будто дело шло об экспедиции на Северный полюс. С особою страстью он отнесся к покупке обуви. Высокие шнурованные сапоги со швами на верхней стороне ступни, на лосиной подошве, пропитанной моржовым жиром... Его глаза сверкали. Казалось, перед ним проходили картины из его прежних долгих скитаний в полярных экспедициях, когда он открывал новые земли, плавал на одном корабле со Свердрупом во время оно - сподвижником Нансена в его знаменитом странствовании на "Фраме" к Северному полюсу".

Или еще деталь. Ранау-Транзе "расхаживал по Мурманску в одном спортивном костюме без пальто. Ему было холодно. Увы, костюм не оправдал себя. Но принципом Ранау было: раз ошибся - терпи, сам виноват!.. Он просил только не говорить об этом его жене... Она знала, что у него было уже несколько плевритов, и будет поэтому очень волноваться по поводу его здоровья".

ВЫЗВАНЫ ИЗ ЗАБВЕНИЯ

Николай Транзе покинул Мурманск в конце апреля 1919 года. "От Севера он в восторге был, - приводит воспоминания его брата Леонида в книге "Командоры полярных морей" писатель Николай Черкашин. - Говорил: кончится война - ни дня на службе не останусь. На Север! Там для России великие дела можно делать". Однако больше на Русском Севере ему побывать не довелось. Из Швеции он перебрался в Норвегию, работал на угольных шахтах Шпицбергена. В 1923 году Николай Александрович эмигрировал в США, где в течение следующих пяти лет был экспертом по Арктике при Американском географическом обществе. Он издал фотоальбом и книгу о Гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана. Эти публикации стали сенсацией и сделали Транзе состоятельным человеком. С 1928 по 1934 год он - президент и главный инженер "Де Ботезет импеллер компани" - крупной фирмы по производству вертолетов. По данным известного геофизика и специалиста по арктической топонимике Георгия Аветисова, после второй мировой войны Транзе занял пост главного эксперта по восточным делам Центральной разведки США в Вашингтоне и оставался в этой должности вплоть до 1956 года. Президент Дуайт Эйзенхауэр наградил его высшим знаком отличия - золотой медалью "За заслуги". Умер Николай Александрович 27 декабря 1960 года в городе Сумин штата Нью-Джерси, где владел участком земли и домом, построенным собственными руками. Согласно завещанию его кремировали, а прах развеяли над имением.

Время пощадило острова Транзе на карте Арктики - они не были переименованы в советскую эпоху. Вызваны из забвения и заново очерчены исследователями контуры судьбы Николая Александровича. Но вот мурманский след его биографии затерялся. Отыскав его сейчас, мы прочитали еще одну малоизвестную страницу истории заполярной столицы.

Дмитрий ЕРМОЛАЕВ, сотрудник Государственного архива Мурманской области. (По материалам Научно-справочной библиотеки ГАМО).

Мурманцы: Секретный курьер

Сто страниц истории к 100-летию Мурманска

В октябре и ноябре мы уже начали рассказывать вам о мурманцах - жителях Мурманска времен гражданской войны, короткого периода 1918-1920 годов, когда в городе еще не было советской власти. Первые серии этой своего рода эпопеи были посвящены судьбам флотских офицеров - адмирала Казимира Кетлинского, будущего корабела Валериана Бжезинского, старшего лейтенанта Георгия Веселаго и джазмена Сергея Колбасьева.

Если продолжать разговор о мурманцах - офицерах флота, то нельзя не сказать об Александре Гефтере - в мурманскую его пору мичмане, а в будущем - писателе.

Вид на Мурманск с Горелой горы. 1918 год.

Мурманский торговый порт. Весна 1918 г.

"С бака открывалась широкая панорама на порт и город с разбросанными низкими постройками. Налево, в гору, - группа итальянских домиков и лазарет. Прямо против - электрическая станция и школа. Дальше, направо, - железнодорожная станция с низеньким бревенчатым зданием вокзала. А над ним, прямо у отвесного обрыва, - довольно высокий дом, с большими окнами...

- Здесь живет вдова адмирала Кетлинского, - сказал Келлеру подошедший капитан "Руслана", показывая на дом пальцем. - Знаете, этого убитого подосланными из Петербурга. Говорят, немецкая интрига. Он там и зарыт, перед домом во дворе. Вдова не хочет теперь уезжать отсюда, чтобы не разлучаться с могилой мужа...

Во все стороны разбегались бревенчатые пристани на высоких сваях. Сваи обмерзали во время отлива широким слоем льда... В слабом, рассеянном свете полярного дня ледяные колонны придавали порту зачарованный вид".

Таким увидел Мурманск 1918 года Александр Гефтер - белогвардеец, эмигрант, писатель. В его воспоминаниях, в свое время увидевших свет в многотомном "Архиве русской революции" и повести "Секретный курьер", мы находим, пожалуй, первое подробное, в деталях, описание начального, только еще становящегося на ноги Мурманска.

Грузовые автомобили, подъемные краны, железная дорога... Приходят пароходы, прокладывают узкоколейку - прямо по снегу. Еды - в достатке: в магазине-кантине, устроенном союзниками, есть все, вплоть до лакомств и хорошей выпивки.

Показательно, с каким восторгом отзывается о Мурмане один из героев "Секретного курьера". "Здесь будет второй Гибралтар. Аннексированная часть территории. Слишком богатый край, чтобы оставить... Нет нигде на Севере такого местечка. Нигде! Творчество, вы поймите! Творчество, несмотря ни на что. Вот, продали американцам Америку. Они только поскребли, и потекли миллионы. Здесь рыба, удивительная рыба, леса, ископаемые! Это лучше Аляски...".

Автору этого текста, своего рода гимна нашему краю, уготована была чрезвычайно щедрая на события, полная приключений и нежданных поворотов судьба.

Офицер флота, юрист, писатель, художник. Учился на естественном факультете Новороссийского университета, на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета. Одновременно брал уроки живописи и пения. Сдал экстерном экзамены в Морском корпусе. Практику с июня по сентябрь семнадцатого проходил на кораблях Сибирской флотилии. В 1918-м он - вахтенный начальник на крейсере "Память Азова". И ярый антибольшевик, член подпольной контрреволюционной организации.

Осенью все того же сурового и страшного восемнадцатого Александр Александрович бежал в Финляндию, откуда в декабре перебрался в Мурманск, где жил около двух месяцев. Не раз пробирался в Петроград в качестве курьера, поддерживал связь с местным антибольшевистским подпольем. Как раз об этом Гефтер подробно рассказал в повести "Секретный курьер", а за главным героем книги - лейтенантом Келлером - легко угадывается сам автор.

Чем еще занимался он у нас на Севере? Понятное дело, как мог, служил белому делу - занимался конспиративной работой, формированием частей в бытность у нас британского контингента в 1918-1920 годах. А еще вел достаточно вольную светскую жизнь, благо тогдашний пестрый, карнавальный Мурманск, где едва ли не ежедневно можно было слушать оперу, участвовать в литературном вечере или наблюдать сеанс французской борьбы, это позволял.

Любопытно, что несколько строк (и строк показательных!) о Гефтере мы находим и в единственной в ту пору мурманской газете "Мурманский вестник". В номере за 26 января 1919 года отмечается, что он "мило спел песню варяжского гостя из оперы "Садко" и известный романс Скенина "Как король шел на войну". Позже указано, что Александр Александрович "пел и читал стихи собственного сочинения". Экий, однако, был господин, этот самый секретный курьер! Просто на все руки мастер, не отнять...

После Мурманска мичман Гефтер служил в отряде катеров Северо-Западной армии. В 1919 году эмигрировал в Финляндию, затем жил в Дании. Зарабатывал на жизнь живописью, писал портреты. В 1921-м поселился во Франции. Служил в банке. С конца 1920-х член Военно-морского исторического кружка в Париже, выступал на его собраниях с докладами. Член Товарищества объединенных русских издательств.

Был активным членом Военно-морского исторического кружка имени Александра Колчака, регулярно выступал там с докладами. Начал писать - и не только воспоминания, но и статьи для газет и журналов, а потом и оригинальную прозу. Сотрудничал со многими эмигрантскими изданиями, в том числе, и со знаменитым журналом "Современные записки". Исследователи отмечают, что увлечение публицистикой пришло к Гефтеру еще в студенчестве, когда юный одессит учился на историко-филологическом факультете Санкт-Петербургского университета. В эмиграции талант секретного курьера-прозаика раскрылся в полной мере.

Одна за другой в эмиграции, в Париже, у него вышли несколько книг, а роман "Мояна" увидел свет в 1937-м в Риге. Интересно, что два его последних крупных произведения - "Поцелуй" и "Подвиг" - вышли в Китае соответственно до и после второй мировой войны.

С 1938 года член Объединения русских писателей и поэтов в Париже. Член парижского Союза русских писателей и журналистов. Выступал на вечерах с чтением своих произведений. После второй мировой войны сотрудничал с газетами "Русские новости" и "Советский патриот", журналом "Возрождение". В 1946 году избран в правление Объединения русских писателей во Франции.

Умер бывший секретный курьер в Париже в 1956-м. Похоронен на знаменитом эмигрантском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.

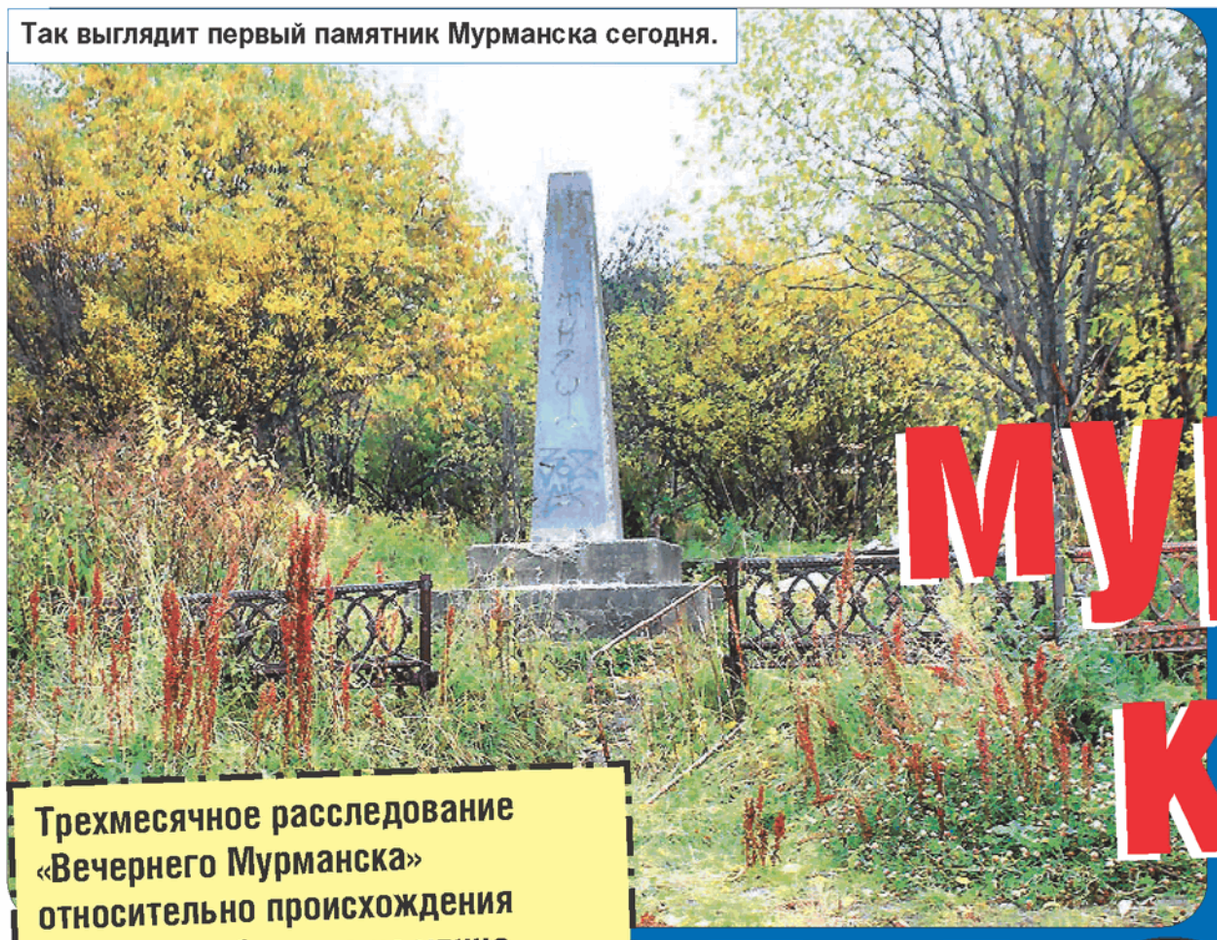
Дмитрий КОРЖОВ,
член Союза писателей России.

Разгрузка английского военного транспорта в мурманском порту.

ЗАБЫТЫЕ И ИСЧЕЗНУВШИЕ ПАМЯТНИКИ

Так выглядит первый памятник Мурманска сегодня.

ТАЙНА мурманского кенотафа РАСКРЫТА!

Трехмесячное расследование «Вечернего Мурманска» относительно происхождения бетонного обелиска на улице Буркова принесло практические результаты. Сведения, которые редакция на днях получила из архива Комиссии Британского Содружества по воинским захоронениям (CWGC), по сути, ставят точку в этой запутанной истории. Белых пятен в ней уже не осталось.

С чего все началось

В конце мая нынешнего года в социальных сетях Мурманска развернулась бурная дискуссия относительно этого сооружения. Поводом послужила попытка городских властей увезти на реставрацию обелиск, установленный на улице Буркова. Процедура была снята на видео и затем выложена в социальные сети, где и стала причиной нешуточных страстей.

Вопрос действительно важный, поскольку в данный момент обелиск на улице Буркова является одним из двух объектов, сохранившихся со времени основания Мурманска, и поэтому представляет несомненную историческую ценность. Однако не было никаких достоверных данных о том, кто, зачем и когда воздвиг этот обелиск. Сотруднику Государственного архива Мурманской области **Дмитрию Ермолаеву** удалось найти фотографию монумента 1932 года. И более никаких данных о нем не было, кроме версий и предположений. Одни говорили, что это геодезический знак, другие, что это могила адмирала **Кетлинского**. Дмитрий Ермолаев предположил, что этот обелиск был установлен англичанами на старом кладбище британских военных. Позже британское кладбище перенесли в другое место (сейчас это район улицы Рогозерской), а обелиск остался.

Чтобы выяснить истину, «Вечерний Мурманск» предложил целый комплекс мероприятий, который затем последовательно и выполнил. Были отправлены запросы в Имперский военный музей и Национальный архив Великобритании. Ответы пришли быстро, но не дали нам нужной информации. Поиск в Государственном областном бюджетном учреждении «Центр технической инвентаризации и пространственных данных» тоже оказался неудачным. Сотрудники этой организации, подняв свою базу данных, сообщили, что никаких сведений об обелиске на улице Буркова у них не имеется. Одновременно шел поиск и в Государственном архиве Мурманской области. И именно там удалось найти подсказку, которая в итоге привела к результатам.

Британцы дали добро на уничтожение

Идея обратиться в Комиссию Британского Содружества по воинским захоронениям (CWGC) у нас родилась после находки в Государственном архиве Мурманской области одного документа. Это был ответ горсовета Мурманска на запрос Народного комиссариата иностранных дел СССР, датированный июлем 1931 года. В документе сообщалось, что годом ранее, в июле 1930 года, коммунальным отделом Мурманского горсовета «представителю Великобританской комиссии по устройству воинских кладбищ» была выдана справка о том, что участок, выделенный под британское кладбище, «застройкой занят не будет».

Именно в CWGC редакция «Вечерки» и отправила очередной запрос.

Ответа пришлось ждать около двух недель. Но наше терпение было вознаграждено. Британцам удалось отыскать в своих архивах отчет от 13 мая 1925 года, написанный **Кридом** – офицером похоронной службы Комиссии по сохранению могил погибших на войне за Британскую империю в России. В своем отчете о Мурманском кладбище он пишет, что ***«на западной стороне этого захоронения был возведен цементный кенотаф, который виден из гавани»***.

Тема: War Graves in Murmansk

Дата: Fri, 17 Aug 2018 10:41:20 +0000

От: Media <media@cwgc.org>

Кому: Вечерний Мурманск <vmpres@gmail.com>

CWGC
Commonwealth War Graves Commission

Commonwealth War Graves Commission
2 Marlow Road, Maidenhead, Berkshire, SL6 7DX
Website: www.cwgc.org

The first reference in our files to the obelisk comes on 13 May 1925 from a report written by a H.E.D. Creed, the Imperial War Graves Commission Registration Officer for Russia. In the report on Murmansk cemetery, he notes that:

"On the western side of this burial ground there has been erected a cenotaph of cement which is visible from the harbour"

The next reference I can find is in a file on war graves in North Russia, where, following the exhumation and reinternment of

Другой документ об обелиске, который удалось найти британцам в архивах, датируется 1930 годом. Напомним, что английское военное кладбище в Мурманске именно тогда перенесли на Планерное поле. И именно с этим и связаны дальнейшие события.

Судя по письму, присланному нам из Великобритании, англичане не только были в курсе переноса, но и принимали в этом участие. В июне 1930 года после эксгумации тел и перемещения военных могил со старого на новое британское кладбище обелиск все еще стоял на старом кладбище. Об этом упоминает начальник военно-строительного управления в своей записи от 23 июля 1930 года: ***«Там до сих пор сохранился мемориальный кенотаф, изготовленный из бетона. Он стоит на трехступенчатом постаменте площадью 9'6" и высотой 12'10". Это мистер Моррис оставил его на старом кладбище, а советские власти просят разрешения переместить его. Перенести его на новое кладбище, не повредив, не представляется возможным при всем желании, поэтому я бы предложил уполномочить их на его уничтожение»***.

Впоследствии полномочия на уничтожение обелиска были предоставлены 26 августа 1930 года в письме на имя начальника военно-строительного управления от главного помощника секретаря Комиссии по сохранению могил погибших на войне за Британскую империю.

Жил-был сэр

«Имперская комиссия по военным захоронениям» – этот британский вариант известного нам выражения «Никто не забыт – ничто не забыто» заслуживает хотя бы краткого рассказа.

В 1914 году англичанин **Фабиан Уэйр**, жаждавший помочь своим соотечественникам, воевавшим в то время во Франции, не сумел пройти медкомиссию. Его посчитали слишком старым.

Но, задействовав свои весьма внушительные связи, Уэйр все-таки уехал на фронт в качестве представителя Красного Креста. Но стирать бинты и носить утки ему не пришлось. Живые люди его интересовали в меньшей степени. А вот погибшие – очень даже. Уэйр обратил внимание, что учет воинских захоронений и их точных мест полностью отсутствует, и решил положить этому конец. Сначала созданное им бюро существовало под крылом Красного Креста, но очень скоро военные, поняв всю важность вопроса, забрали Уэйра и его команду под свою юрисдикцию.

Однако Уэйр справедливо опасался, что по окончании войны его затея станет не интересна армии. Поэтому по его инициативе было создано несколько гражданских организаций, в мае 1917 года превратившихся в «Имперскую комиссию по военным захоронениям». Принц Уэльский стал ее председателем, а Уэйр – его замом. Задачами организации были увековечение памяти погибших и уход за мемориалами. В основу всей работы положили четыре простых принципа: фамилию каждого погибшего нужно упомянуть на надгробии или на мемориале; не должно быть никаких различий по званию, расе или вероисповеданию; памятники и надгробия должны быть постоянными, а надгробия – еще и одинаковыми.

До 1939 года комиссия занималась устройством захоронений главным образом в Европе, на полях сражений Первой мировой, но потом по понятным причинам география ее работ расширилась. На сегодня воинские захоронения в 150 странах мира обязаны своим ухоженным видом заботам сотрудников комиссии. В России долгое время самые массовые британские некрополи были в Мурманске и Архангельске (около 700 захоронений). Но после воссоединения Крыма с Россией эта своеобразная пальма первенства ушла к Севастополю, где покоятся более 13 тысяч граждан Великобритании, погибших в ходе Крымской войны в 1854–1855 годах.

Ну а сэр Фабиан Уэйр руководил созданной им организацией до 1948 года, после чего вышел на пенсию. А через год, не дожив двух месяцев до своего 80-летия, умер. Надгробный камень на его могиле выполнен в общем стиле CWGC, а за самим захоронением тоже ухаживает комиссия.

Британское кладбище на улице Рогозерской.

Кенота́ф (в переводе с древнегреческого – пустой и могила) – надгробный памятник в месте, которое не содержит останков покойного, своего рода символическая могила. Кенотафы служат для увековечения памяти об усопших и представляют собой сооружения различных типов и степени сложности (курган, надгробие, памятник, стела, обелиск, мемориал и так далее).

Приговор не приведен в исполнение

Получается, что уже в 1930 году власти Мурманска планировали перенести обелиск на новое место английского кладбища. Планировали, потому что знали о его «британском происхождении». Но целиком перевезти его не смогли – уж очень тяжелым он был, а подходящей техники в те годы попросту не было. Напомним, площадь обелиска – 9 футов 6 дюймов (около 2,9 метра), высота – 12 футов 10 дюймов (около 3,8 метра).

Согласно ответу, полученному «Вечеркой» из CWGC, полномочия на уничтожение кенотафа были даны британцами 26 августа 1930 года. Но по каким-то причинам этот «приговор» приведен в исполнение не был.

Собственно, на этом роль англичан в истории обелиска заканчивается: комиссия, по сути, списала его и с тех пор к этому вопросу не возвращалась. Именно поэтому ни один из представителей CWGC, посещавших в разные годы Мурманск, не знал о его существовании. Обелиск просто не значился ни в каких списках существующих памятников.

С 1930 года обелиск, можно сказать, стал сиротой – английские «родители» от него отказались, а властям советского Мурманска до него просто не было дела. 88 лет монумент простоял никому не нужный. Из белоснежного, каким мы его видим на фотографии **Петрелевича** 1932 года, он превратился в черный. Остроконечную верхушку разрушило либо время, либо (что вероятнее) люди. Грани обелиска стали полотном для уличных живописцев, а ступени – столом, а заодно и стульями для импровизированных пикников. Со временем первый памятник в истории города полностью утратил свое первоначальное назначение, став объектом городского пейзажа. Кого-то этот черный камень раздражал, в ком-то вызывал любопытство, но большинству он был безразличен.

Главное, что нам удалось подтвердить мемориальную функцию обелиска. С получением ответа из Комиссии Британского Содружества по воинским захоронениям «Вечерний Мурманск» считает свое участие в расследовании истории обелиска законченным.

Требуется мнение мурманчан

Давайте подводить итоги. Очевидно, что монумент действительно был установлен британцами рядом с могилами своих соотечественников, умерших в Мурманске в 1918–1919 годах. Когда конкретно, уже не столь важно. Главное, что нам удалось подтвердить мемориальную функцию обелиска. С получением ответа из Комиссии Британского Содружества по воинским захоронениям «Вечерний Мурманск» считает свое участие в расследовании истории обелиска законченным.

Сейчас главное – определиться, что делать с кенотафом дальше. Перенести на британское кладбище на Планерном поле? Или кенотаф надо все-таки уничтожить, как того хотели его первые хозяева? А если обелиск сохранять, то надо ли при этом его реставрировать?

У вас есть мнение по этому вопросу? Тогда голосуйте на нашем сайте https://vmnews.ru/ или пишите к нам в редакцию по адресу: г. Мурманск, Кольский просп., 9.

P.S.

Редакция «Вечернего Мурманска» благодарит всех, кто помогал нам в этом краеведческом расследовании. Перечислить всех невозможно, это десятки людей, работающих в разных организациях. Кто-то нам помогал по долгу службы, кто-то в свободное от работы время из любви к истории родного края. Отдельное спасибо тем энтузиастам из социальных сетей, кто следил за ходом расследования и рассказывал о нем в своих группах. И конечно же, большой респект архивистам Великобритании. Без них столь быстро раскрыть дело вековой давности было бы невозможно. Thank you very much!!!

Как, по вашему мнению, следует поступить с обелиском, который находится на улице Буркова в Мурманске?

1. В нынешнем виде перенести на британское военное кладбище на Планерном поле ☐
2. Уничтожить, как еще в 1930 году предлагали сами англичане ☐
3. Отреставрировать и перенести на британское военное кладбище ☐
4. Другое

Фамилия, имя, отчество участника анкетирования:

Ваши контакты:

Андрей КИРОШКО. kiroshko@vmnews.ru
Фото автора и из открытых Интернет-источников.

Памятник покорителям космоса на Привокзальной площади. 1963 г. Митинг в честь приезда Фиделя Кастро. Из фондов ГАМО.

Памятники несбывшиеся и сбывшиеся

Сто страниц истории к 100-летию Мурманска

Послевоенный Мурманск гораздо более близок к нам, а потому многое из того, о чем я напишу ниже, не понаслышке знакомо жителям областного центра старшего и среднего поколений. Что ж, возможно, им будет приятно вернуться в те давно минувшие дни, когда и они сами, и памятники заполярной столицы были на несколько десятилетий моложе. Приступим к заключительной части заочной экскурсии, посвященной исчезнувшим и оставшимся в проектах монументам крупнейшего в мире города за Полярным кругом.

ПУШКА И “СНАРЯД”

Отправной точкой нашего маршрута станет на сей раз пересечение Кольского проспекта с проспектами Ленина и Кирова. Там, где находится ныне памятный знак “Мурманск - форпост России в Арктике”, прежде стояло совсем другое монументальное сооружение. Как явствует из публикуемого снимка, оно было выполнено в виде большого, несколько метров величиной, советского герба. Но, как и всякая наглядная агитация, не пережило своей эпохи.

По проспекту Ленина спустимся вниз к долине Варничного ручья и добавим несколько малоизвестных штрихов к истории создания памятника 6-й героической комсомольской батарее. Творческий конкурс на возведение этого монумента объявили в 1958 году. Главной задумкой изначально было увековечить в качестве символа подвига воинов-артиллеристов дивизионную пушку ЗИС-3. “Сроки сооружения крайне сжатые, - подчеркивал начальник отдела по делам строительства и архитектуры Мурманского облисполкома Анатолий Антонов, - поэтому… предложено… использовать 76-миллиметровое орудие, чтобы избежать дорогостоящих и долгих в изготовлении бронзовых скульптур или скульптур из недолговечных материалов”.

В итоге за основу приняли проект архитектора Анатолия Вайсмана под девизом “Снаряд”, доработанный его коллегой Дмитрием Водолажским. 6 ноября 1959 года памятник торжественно открыли. В мае 1965-го в чаше, установленной рядом с монументом, загорелся Вечный огонь. В мае 1975-го пламя, ставшее овеществленным воплощением памяти о подвиге советских воинов, перенесли на Зеленый мыс к мемориалу Защитникам Заполярья, а саму чашу, установленную на высоком тонком основании, вскоре демонтировали.

ПРОВОЗВЕСТНИКУ ОТЕЧЕСТВЕННОГО РЫБОЛОВСТВА

Спустимся еще немного ниже. По плану застройки Мурманска 50-х годов минувшего века в долине Варничного ручья предполагалось устроить городской парк культуры и отдыха. Ручей должен был превратиться в пруд с лодочной станцией. Поодаль от него проектировалось сооружение открытого плавательного бассейна с подогретой водой и вышкой для прыжков в воду. Ну а соединить меж собой отдельные части парка намечалось с помощью широкой центральной аллеи, украшенной разнообразными статуями. Однако парк в долине Варничного ручья так и остался для мурманчан несбывшейся мечтой.

Следующая остановка - Театральный бульвар. Здесь, напротив драмтеатра, некогда планировалось воздвигнуть памятник пионеру исследования рыбных богатств Баренцева моря Николаю Книповичу. С такой инициативой в 1973 году выступили президиум Географического общества СССР, Академия наук СССР и Полярный институт рыбного хозяйства и океанографии. На средства ПИНРО в 1974-м был поставлен памятный знак в честь 75-летия научно-промысловых исследований Баренцева моря, но дальше этого дело не пошло. Несмотря на то, что идею монумента поддержали на областном уровне, получить разрешение Совета Министров РСФСР на его сооружение не удалось.

В 1980 году заинтересованные стороны предприняли новую попытку добиться своего. “Мурманск - родина современного отечественного морского и океанского рыболовства, а Н. М. Книпович - его провозвестник. И именно в Мурманске по достоинству следует увековечить память этого выдающегося человека”, - писал тогда первому секретарю Мурманского обкома КПСС Владимиру Птицыну президент Географического общества, член-корреспондент Академии наук СССР Алексей Трешников. Но памятник на Театральном бульваре так и не появился. Как не появился десятилетием позже в сквере у

Вид на памятный знак в форме герба СССР в начале проспекта Ленина. 70-е годы. Из фондов ГАМО.

областного драматического театра памятник замечательному поэту Николаю Рубцову, деньги на сооружение которого накануне развала страны активно собирали мурманчане.

СО СПУТНИКОМ В РУКЕ

А теперь отправимся в самый центр города - на улицу Ленинградскую. В 50-е годы здесь, в сквере, находились две скульптурные композиции. Одна из них представляла собой сидящую фигуру кормящей матери с младенцем на руках, за юбку которой держится другой ребенок. Вторая состояла из женщины и двух мужчин - сидящего и стоящего. Несмотря на то, что просуществовали они довольно долго, никто из опрошенных мной старожилов так и не вспомнил ни их названий, ни причин установки. “Действительно, статуи были, - рассказывала мурманчанка Валентина Хазова, - но почему они тут появились, мы тогда не интересовались, а подписей на них не имелось”. Стояла когда-то в сквере и скульптура пионера. А еще согласно принятому в 1977 году плану там же предполагалось разместить памятные знаки в честь значимых для города организаций - тралфлота, Мурмансельди, судоверфи. Но - не сложилось.

Следуем дальше - на Привокзальную площадь. 4 октября 1957 года Советский Союз вывел на орбиту первый искусственный спутник Земли. Мир вступил в космическую эру. Мурманчане по-своему отметили этот факт, воздвигнув неподалеку от железнодорожного вокзала памятник покорителям космоса. Гипсовый монумент представлял собой фигуру человека, держащего в одной руке спутник, а в другой - верхний конец ленты с надписью “Слава пионерам космоса”. Статуя была выполнена в античных традициях, то есть с минимумом одежды, что рождало порой у жителей заполярной столицы ехидные замечания в стиле “голыми ходить будем, но космос освоим”. Однако в целом скульптура пришлась горожанам по душе. Она стала свидетельницей как минимум двух исторических для нашего края событий: приезда первого секретаря ЦК КПСС Никиты Хрущева и визита кубинского лидера Фиделя Кастро. Когда монумент ликвидировали, Привокзальная площадь, на мой взгляд, утратила некую изюминку, потеряла часть своего очарования. Кстати, примерно в одно время с памятником покорителям космоса статуя такого же “физкультурного” вида стояла перед зданием кинотеатра “Северное сияние”.

МОНУМЕНТ ОСТАЛСЯ “В КАРАНДАШЕ”

Перейдем на площадь Пять Углов. Еще одна несбывшаяся мурманская мечта - памятник Завоевателям Арктики. Впервые о нем заговорили в середине 50-х. “Закончена застройка проспектов им. Ленина и им. Сталина, - описывал 4 октября 1956 года читателям “Полярной правды” ближайшее будущее заполярной столицы Анатолий Антонов. - На пересечении этих улиц, на полностью обустроенной площади, в красивом круглом сквере возвышается величественный монумент Завоевателей Арктики, высокий гранитный обелиск которого хорошо просматривается в перспективе улиц”. “Утвержден проект планировки и застройки Центральной площади Мурманска, - вторил ему со страниц “Полярки” 16 августа 1958-го Дмитрий Водолажский. - Площадь намечено озеленить, главным украшением явится монумент Завоевателям Арктики”.

Так в представлении мурманских архитекторов должен был выглядеть памятник Покорителям Арктики. 1981 г. Из фондов ГАМО.

Шли годы. Памятник оставался “в карандаше”, его название слегка изменилось, но отказываться от идеи не спешили. Среди документов Государственного архива Мурманской области имеется проект детальной планировки Пяти Углов - в ту пору площади Советской Конституции, разработанный в 1981 году. “Пространство перед гостиницей “Арктика” решается в виде парадного сквера, - указано в нем. - Парадность подчеркивается установкой в центре сквера на пересечении осей проспекта Ленина и гостиницы памятника Покорителям Арктики. Информацию о ходе выполнения работ по созданию монумента заслушали 23 февраля 1983 года на заседании межведомственной комиссии по монументально-декоративному искусству при Мурманском облисполкоме. “В марте должна быть готова модель, она будет рассмотрена на худсовете, - сообщил присутствовавшим начальник областного отдела по делам строительства и архитектуры Игорь Неруш. - Сложнее с барельефами - только в конце марта будут готовы эскизы”.

Наконец 28 декабря 1984 года исполком Мурманского горсовета согласовал рабочий проект на реконструкцию площади Советской Конституции, в котором предусматривалось “создание в центре города Мурманска на пересечении осей пр. Ленина и здания гостиницы “Арктика” плоскостной архитектурной (верхняя часть с замощением из гранитных плит) композиции, завершающей благоустройство центральной площади с учетом установки в центре этой площади в будущем монумента в честь покорителей Арктики”. Казалось, дело сдвинулось с мертвой точки. Но 6 мая 1985 года Мурманску было присвоено звание “Город-герой” и на очередь встал вопрос об установке на центральной площади памятной стелы в честь этого события. В конечном счете ни тот, ни другой проект не были реализованы. Хотя, по-моему, идея монумента на площади Пять Углов актуальна до сих пор.

Закончим на этом нашу экскурсию по забытым памятникам заполярной столицы. За ее рамками осталось немало интересных историй: о том, как демонтировали ленинские монументы в Росте и на территории областной больницы, как исчезла с городского воинского кладбища скульптура матроса, о “Метеоре” - теплоходе на подводных крыльях, стоявшем в середине 80-х у Семеновского озера и еще о многом другом. Но главное, мне кажется, уже написано. Менялись эпохи - менялись памятники, но мурманчане предыдущих поколений всегда любили свой город и стремились его украсить. И мы в этом смысле ничуть не хуже и не лучше их.

Дмитрий ЕРМОЛАЕВ,
сотрудник Государственного архива Мурманской области.

По сталинским местам

Сто страниц истории к 100-летию Мурманска

Тридцатые годы минувшего века - эпоха бурного роста Мурманска. Стремительно увеличивалось население заполярной столицы, строились новые дома, детские сады, школы, учреждения культуры. Появились в городе и новые памятники. В большинстве своем они были посвящены партийным вождям. Но все же не только им. В общем, самое время продолжить нашу заочную экскурсию по малоизвестным городским монументам и рассказать обо всем по порядку.

Памятник Сталину у здания Мурманского рыбокомбината. Конец 50-х годов. Из фондов ГАМО.

НЕЗАБВЕННЫЙ ДРУГ СЕВЕРА

Сначала отправимся на Мурманскую судоверфь. После трагической гибели 1 декабря 1934 года первого секретаря Ленинградского обкома ВКП(б) Сергея Мироновича Кирова встал вопрос об увековечении его памяти. Возведение монументов человеку, именовавшемуся тогда в заполярной прессе “незабвенным другом Севера, вдохновителем наших побед”, тоже значилось в перечне мемориальных мероприятий. 1 мая 1936 года памятник Миронычу, как порой попросту величали Кирова мурманчане, открылся на территории судоремонтного завода. Бюст для него изготовили стахановцы-литейщики СРЗ. Он был установлен на четырехгранном постаменте, украшенном спереди изображением пятиконечной звезды. На нижней части бюста имелась надпись “Киров Сергей Миронович”, дополненная датами жизни ленинградского лидера. Благополучно пережив и войну, и разгул демократии, последовавший за распадом СССР, монумент сохранился до наших дней. Сейчас он находится неподалеку от южной проходной Мурманской судоверфи.

Монумент Сталину на крыше. 1960 г. Из фондов ГАМО.

От моря, с нижней террасы, поднимемся наверх и остановимся возле второй гимназии, называвшейся когда-то школой № 10. Здесь, на проспекте Сталина - нынешнем проспекте Ленина, у входа в десятую школу появился во второй половине 30-х еще один бюст Кирова. Интересно, что постамент, на котором он стоял, был несоразмерно велик для столь малого изваяния. То есть, не исключено, предназначался сперва для какого-то другого, гораздо более внушительного памятника. Есть и еще один любопытный момент. На некоторых фотографиях того времени виден только постамент - без скульптуры. Возможно, бюст устанавливали на теплый сезон, а к зиме убирали. Впрочем, пока это только гипотезы.

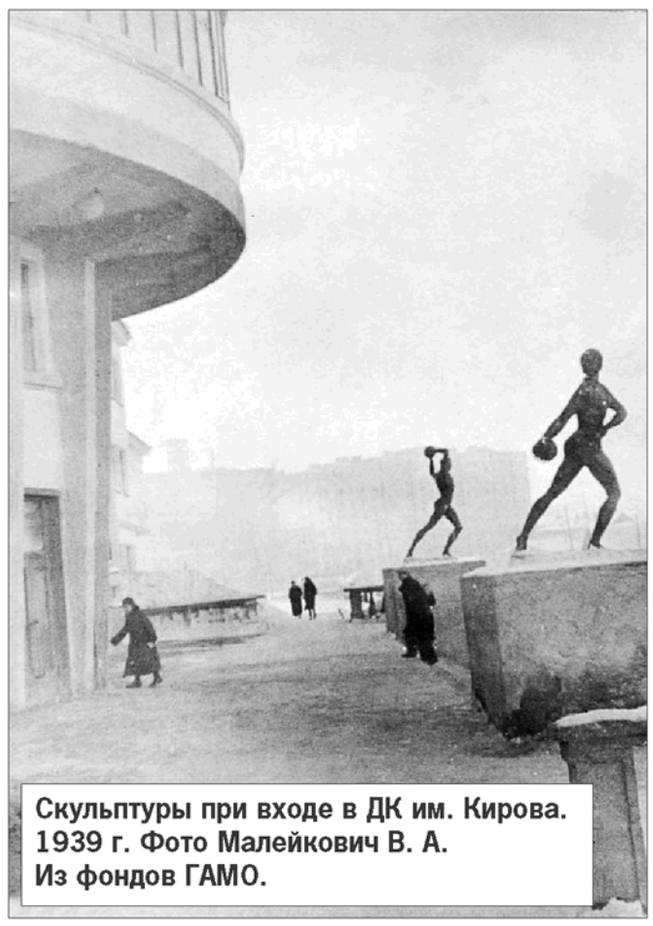
60 ТЫСЯЧ НА ПАМЯТНИК

А теперь, продолжая нашу необыкновенную экскурсию, подойдем к скверу у ДК имени Кирова и здесь задержимся. Вспомним, что в том же 1936-м, когда появился памятник на судоремонтном заводе, активно шел сбор средств на общегородской монумент Миронычу. Согласно документам, хранящимся в Государственном архиве Мурманской области, к концу года собранная сумма составила 60 тысяч 621 рубль 87 копеек. 7 декабря президиум Мурманского горсовета рассмотрел вопрос “О сооружении памятника С. М. Кирову в г. Мурманске”. Власти окружного центра решили: “Договор с ЦПКО им. Горького от 27/XI-36 года на производство отливки фигуры С. М. Кирова и барельефов утвердить… Осуществление сооружения памятника… возложить на горткомхоз”. Изначально рассматривалось два возможных места для установки этого монумента. Первый - на третьей террасе у лестницы, ведущей к 17-й школе (сейчас школа № 1), и второй - “у Пяти Углов”. В итоге процесс изготовления скульптуры затянулся на несколько лет. Памятник работы Зиновия Виленского открылся в сквере у ДК имени Кирова в феврале 1940 года “в ознаменование 20-летней годовщины освобождения Мурманска от интервентов и белогвардейцев” и стал со временем одним из символов заполярной столицы.

В СТИЛЕ ДЕВУШКИ С ВЕСЛОМ

Справедливости ради надо отметить, что рядом с монументом Миронычу стояли в ту пору статуи совершенно иного характера. “Началась установка скульптур у входа в Дом культуры им. Кирова, - сообщала “Полярная правда” 27 августа 1937 года. - Перед фасадом здания на пьедесталах уже установлены две двухметровых статуи физкультурников работы скульптора Степаньяна - автора ряда скульптур московского метрополитена”. Вполне возможно, изваяния спортсменов с мячами вызывали у мурманчан не только законную гордость, но и улыбку. Мол, как им бедным, полуодетым не холодно зимой. Но само их появление свидетельствует о том, что благоустройству города и тем более скульптурному оформлению главного регионального очага культуры уделялось тогда большое внимание.

“Физкультурники” были не одиноки - сквер перед ДК украсили статуями играющих детей - мальчика и девочки, выполненными, как информировала читателей “Полярка”, Кравцом и Кудряшевым. А в вестибюле Дома культуры рядом с бюстом Кирова появились фигуры пионера со знаменем и пионерки с горном, изготовленные скульптором Рабиновичем. Наконец, там же, в ДК, поставили и бюст Пушкина, сделанный, как повествовала газета, “скульптором Мухиной - автором барельефов, украшающих советский павильон на Парижской выставке”.

Скульптуры при входе в ДК им. Кирова. 1939 г. Фото Малейкович В. А. Из фондов ГАМО.

Были в Мурманске и другие “непартийные” скульптуры - в частности, статуя авиамоделиста у 18-й школы заполярной столицы. А еще изваяниями в стиле “девушка с веслом” планировалось украсить главную городскую лестницу, ведущую к первой школе. Но не сложилось - началась война. Летом 1942 года осколки немецких бомб повредили одну из фигур у входа в Дом культуры и оторвали руку “играющей девочке”. Вскоре после этого скульптуры у ДК и в сквере демонтировали.

ВОЖДЬ НАБЛЮДАЛ ЗА НОВОСТРОЙКАМИ

Но, конечно, бесспорным лидером по количеству скульптурных изображений был в ту пору генеральный секретарь ЦК ВКП(б) Иосиф Сталин. Его бюсты и статуи, установленные в государственных учреждениях и школах заполярной столицы, на избирательных участках и в кинотеатрах, учету попросту не поддаются. Попробуем сделать краткий обзор известных ныне сталинских монументов, стоявших на улицах областного центра, и вместе с вами, уважаемые читатели, совершим прогулку “по сталинским местам” Мурманска.

В июле 1939 года большое изваяние “вождя народов” появилось все в том же сквере у Дома культуры. Одной рукой Иосиф Виссарионович опирался на некое подобие трибуны, другую заложил за борт френча. Поблизости находилась колоннада с портретами других партийных лидеров, и получалось, что Сталин вместе с остальными руководителями ВКП(б) как бы оглядывает мурманские новостройки, которых тогда было немало. Видимо, статую сочли удачной, поскольку на протяжении полутора месяцев ее фотографии в разных ракурсах трижды публиковала “Полярная правда”.

От сквера у ДК имени Кирова переместимся на улицу Лейтенанта Шмидта, к Дому междурейсового отдыха моряков тралового флота. С момента открытия этого здания 7 ноября 1938 года посетителей встречали у входа гипсовые фигуры Ленина и Сталина. В этом варианте вождь уже ни на что не опирался, но вторую руку по-прежнему держал за бортом мундира. Имелась скульптура Иосифа Виссарионовича и в ресторане ДМО.

СТАЛИН НА КРЫШЕ

В заключение нашей экскурсии опять спустимся вниз - поближе к морю. Показательная история получилась со сталинским монументом, установленным уже в послевоенные годы у Мурманского рыбокомбината. Среди фотодокументов областного архива имеются два снимка, на которых его можно лицезреть. Один из них сделан, по-видимому, во второй половине 50-х. На нем памятник возвышается на плоской крыше обшарпанной бетонной пристройки - чего-то вроде гаража или хранилища тары. По углам крыши - чахлые деревца в вазонах.

Другая фотография - 1960 года. Давно прошел XX съезд партии, культ личности разоблачен и осужден, сталинские монументы по всей стране уничтожаются в массовом порядке, но статуя у рыбокомбината по-прежнему на своем месте. Территория вокруг нее подверглась коренному переустройству: рядом появились новые, приспособленные для хранения тары сооружения, а сама пристройка отремонтирована и заново окрашена. Более того, крыша строения перекрыта, сделана наклонной, но изваянию Иосифа Виссарионовича это ничуть не повредило. Памятник стоит, как стоял.

В таком буквально неземном виде скульптура Сталина попала на страницы одного из первых мурманских фотоальбомов, выпущенного в 1961 году. Правда, снята она издалека, видна неясно, а сам снимок скромно называется “На Мурманском рыбокомбинате”. В результате лично я до последнего был уверен, что на фотографии - статуя Ленина. Но в целом история с этим памятником лишний раз подтверждает тот факт, что десталинизация проходила постепенно и почитание вождя легче было объявить искорененным, чем искоренить на самом деле.

Старожилы называют и другие места, возле которых стояли сталинские монументы. К примеру, автобазу торгового порта и гарнизонный Дом офицеров. Имеются и соответствующие фотокарточки. Подтвердить их архивными документами пока невозможно, но - характерная деталь - изваяния на указанных снимках и на архивных фото полностью идентичны друг другу, представляют собой копии, сделанные с единого образца. Что, в свою очередь, может свидетельствовать о достоверности фотографий, а значит, и о существовании самих статуй именно там, где они находились по воспоминаниям мурманчан.

С памятниками Сталину связано и множество городских преданий, в диапазоне от “привезли, но не успели поставить” до “стоял и убрали тайно ночью”. Насколько они соответствуют реальности - судить трудно. А потому давайте остановимся на этом, чтобы закончить нашу “монументальную” экскурсию в следующем выпуске проекта “Сто страниц истории к 100-летию Мурманска”.

Дмитрий ЕРМОЛАЕВ,
сотрудник Государственного архива Мурманской области.

Осколки минувших эпох

Сто страниц истории к 100-летию Мурманска

Однажды в детстве я наткнулся на старую статую. Изваяние матроса - заброшенное, разбитое на куски лежало в лесу близ североморского Загородного парка. До сих пор помню волнение, пережитое при виде утратившего изначальную белизну мужественного лица моряка, начавшей покрываться мхом бескозырки, торчавших из травы кусков гипса и прутьев арматуры. Скульптура, изготовленная во времена молодости моих родителей и воспринимавшаяся ими как нечто вполне естественное и даже обыденное, казалась мне чудесной частицей исчезнувшего мира, овеществленным обломком времени, осколком прошлого. Возможно, именно из этого детского впечатления и вырос в дальнейшем мой интерес к утраченным ныне монументам заполярной столицы. Занимаясь изучением истории областного центра, я собрал достаточно материала, чтобы пригласить вас, уважаемые читатели, на экскурсию по забытым памятникам Мурманска.

Так выглядел памятник Жертвам интервенции в первые годы своего существования. Из фондов ГАМО.

НА ПАМЯТЬ О НЕБЫВАЛОМ ПЛАВАНИИ

Но сначала давайте мысленно перенесемся в древнюю Колу. 2 сентября 1597 года туда прибыли уцелевшие после зимовки на Новой Земле голландцы из экспедиции Виллема Баренца. Напомню, что сам мореплаватель, имя которого теперь носит море, омывающее берега Кольского полуострова, погиб, но его товарищи сумели добраться до суровых берегов Мурмана. Участник того путешествия Геррит де Фер в своей книге “Плавания Баренца” писал, что 11 сентября “с разрешения боярина великого князя мы перетащили наши лодки в гостиный двор и оставили их там на память о столь продолжительном и до тех пор небывалом плавании, проделанном нами в открытых лодках на протяжении приблизительно четырехсот миль по морю и по его берегам до Колы, чему не могли достаточно надивиться жители этого места”. То есть лодки, поставленные голландцами с согласия кольского воеводы на гостином дворе, стали первым памятником, когда-либо установленным в нашем крае. Вспомним, атомный ледокол “Ленин”, стоящий на вечной стоянке у морского вокзала заполярной столицы и осознаем, что традиция оставлять наиболее заслуженные корабли для примера и в назидание потомкам пережила века.

Но в целом памятников в современном понимании этого слова - в виде скульптурных или архитектурных сооружений, выполняющих какие-либо общественные функции, имеющих культурное или пропагандистское значение, до революции на Кольском полуострове не было. Зато жители нашего края регулярно собирали средства на сооружение монументов в центральной части страны: Минину и Пожарскому, Александру II, Дмитрию Донскому.

В ЧЕСТЬ ПАВШИХ АНГЛИЧАН

Ситуация изменилась с рождением Мурманска. Следуя маршрутом нашей заочной экскурсии, отправимся в центр города и поднимемся вверх от ДК имени Кирова. Первый в истории заполярной столицы памятник поставили в годы гражданской войны англичане. Находился он на городском кладбище, размещавшемся в районе нынешней улицы Капитана Буркова чуть ниже закрытого теперь уже парка аттракционов. Сыны Туманного Альбиона в составе союзных сил держав Антанты активно участвовали в ту пору в антибольшевистской борьбе на Русском Севере и на кладбище имелись британские могилы. Неудивительно, что там появилась и мемориальная стела в честь павших воинов. Позже кладбище было закрыто, могилы перенесены, а стела осталась.

Самое раннее дошедшее до нас ее изображение хранится в фондах Государственного архива Мурманской области. Сделано оно в 1932 году заезжим туристом Карлисом Петрелевичем. Под ним имеется подпись: “Памятник английской интервенции”. К интервентам тогда относились резко негативно, а участок рядом с монументом активно застраивался. Отсюда и палатки для сезонных рабочих на снимке, и сами сезонники, вольготно рассевшиеся на подножии мемориала. Как ни странно, памятник дожил до наших дней. В 1989 году во время визита в областной центр английского посла с супругой стелу на улице Буркова включили в программу осмотра достопримечательностей. Стоит она и теперь - без всяких табличек, надписей и каких-либо опознавательных знаков.

ПАМЯТНИК “В КВАДРАТЕ”

С третьей террасы города спустимся на вторую и подойдем к скверу на улице Ленинградской. Когда-то здесь находилась главная площадь Мурманска - площадь Свободы. Вспомним, что в советское время получила широкое развитие высказанная Лениным еще весной 1918 года идея “монументальной пропаганды”. Нарком просвещения Анатолий Луначарский так передавал слова Ильича: “В разных видных местах на подходящих стенах или на каких-нибудь специальных сооружениях… можно было бы разбросать краткие, но выразительные надписи, содержащие наиболее… коренные принципы и лозунги марксизма… О вечности или хотя бы длительности я пока не думаю. Пусть все это будет временно. Еще важнее надписей я считаю памятники: бюсты или целые фигуры, может быть, барельефы, группы”.

Декоративная арка на площади Свободы. 1 мая 1920 г. Из фондов ГАМО.

Мемориальная стела на улице Буркова. Фото К. М. Петрелевича. 1932 г. Из фондов ГАМО.

В соответствии с ленинским замыслом установка в стране советов тех или иных памятных знаков связывалась прежде всего с пропагандистскими задачами. Агитационные функции выполняла и декоративная деревянная арка, построенная на площади Свободы к 1 мая 1920 года и ставшая одним из первых мурманских архитектурных изысков. В центре ее верхней части имелась пятиконечная звезда, также выполненная из дерева. К праздникам арку украшали флагами и соответствовавшими политической ситуации лозунгами. Позже в заполярной столице появились и другие подобные сооружения, отличавшиеся формой, размерами, но служившие тем же целям.

Начиная с 20-х годов минувшего века самым распространенным видом монументов в Советской России стали статуи, изображавшие партийных лидеров. Мурманск в этом смысле не был исключением. И на появившемся в 1927 году мемориале Жертвам интервенции, официально считающемся сейчас первым памятником заполярной столицы, планировалось возвести еще один монумент. “Проект… составлен инженером Савченко, - сообщала “Полярная правда” 20 сентября 1927 года, - и представляет из себя большое сооружение, расположенное на площади в 55 квадратных метров и состоящее из 22-х колонн и 3 площадок для публики, для оркестров и для установки знамен. На этом сооружении будет также установлена статуя т. Ленина”.

Не сложилось - памятник “в квадрате”, то есть с дополнительным монументом сверху, так и не появился.

ПОД ПЕНИЕ “ИНТЕРНАЦИОНАЛА” И РУЖЕЙНЫЙ САЛЮТ

От сквера на Ленинградской спустимся еще ниже - к порту. Здесь, у его проходной, воздвигли в начале 30-х годов минувшего века самое первое в Мурманске ленинское изваяние. Деньги на него собирали по всему городу. К примеру, в протоколе общего собрания рабочих и служащих 6-го строительного участка Мурманской железной дороги от 21 мая 1932 года указано: “Слушали: информацию т. Абрамова о сборе средств на постройку памятника т. Ленину в г. Мурманске… Наш участок в сборе средств отстал от других организаций… Постановили: Пустить по всем бригадам рабочих и служащих подписные листы для добровольного пожертвования”.

Если бы мы оказались в заполярной столице 7 ноября 1932-го - в день 15-летия Октябрьской революции, то могли бы стать свидетелями торжественного открытия этого монумента и наблюдать многочисленную демонстрацию, направлявшуюся к пока еще укрытой полотном статуе. “Сотнями знамен и черной лентой людского потока связалась территория порта с площадью ТПО, - рассказывала тогда “Полярка”. - Сегодня в воротах Мурманского незамерзающего порта зажегся великий маяк. Сегодня трудящиеся Мурманска открывают памятник учителю и вождю мирового пролетариата Владимиру Ильичу Ленину”.

В соответствии с неписаной традицией той эпохи в честь открытия монумента был устроен многолюдный митинг. На нем выступил с речью один из партийных руководителей - секретарь парторганизации порта Лузгин. “Трудящиеся Мурманска, - сказал он, - открывают памятник тому, кто в этот день поднял пролетариат России на свержение капиталистического строя, на вооруженное восстание, на социалистическую революцию! Владимиру Ильичу Ленину памятник открыт!”. Финальная часть церемонии проходила под пение “Интернационала” и ружейный салют. “С памятника спадают покровы, - заканчивала повествование “Полярная правда”. - Перед глазами присутствующих бесконечно близкая, любимая фигура Ильича”.

Такими были первые памятники Мурманска. Некоторые из них до наших дней не сохранились - ушли вместе с эпохой, наглядными символами которой, по сути дела, и являлись. Исчезли, пропали, потерялись во времени, уступили место другим монументам, о которых - в следующий раз.

Дмитрий ЕРМОЛАЕВ,
сотрудник Государственного архива Мурманской области.

Памятник - от слова "память"

Сто страниц истории к 100-летию Мурманска

Соблазнительна идея поставить к юбилею города памятник. А нужен ли он городу и как вообще появляются памятники? Памятник - это не только кладбищенский камень или бронзовая фигура, стоящая на постаменте. Это материальное свидетельство о событиях и людях, ушедших в Лету. Можно поставить сооружение из металла и камня, написав на нем посвящение, но оно не станет ничем иным, как информационным указателем. Чем тогда объяснить тягу к установке скороспелых "мемориалов"?

ИГРЫ НАД МОГИЛОЙ

Первый мурманский памятник был установлен над братской могилой. Впрочем, это вполне соответствовало реалиям того времени. В дореволюционной России память павших традиционно увековечивали возведением храмов - будь то собор или небольшая часовенка - это место, где можно тихо помолиться за упокой "положивших душу за други своя". Всякая революция, изменяя старый мир, прежде всего разрушает традиции. В марте 1917 года на Марсовом поле Петрограда появилась братская могила жертв революции. Похоронив умерших узников Йоканьгской тюрьмы и погибших участников восстания 21 февраля 1920 года в центре города, мурманчане не были оригиналами. В Мурманске появилось свое "Марсово кладбище". Памятники "жертвам интервенции" вскоре появились в Йоканьге и Кандалакше. Формировался культ "борцов, павших за светлое будущее".

К десятой годовщине Октябрьской революции над могилой возвели памятник в виде огромной двухъярусной трибуны. Но замысел автора этого своеобразного сооружения - инженера А. В. Савченко - отнюдь не был оригинальным. Кому из нас в детстве не доводилось забраться по бетонным лестницам? И нынешняя молодежь в этом желании нисколько не отличается от предшественников. Но со временем приходит жутковатое осознание: игры-то - над могилой. А памятник отдаленно напоминает... мавзолей! Второе, еще деревянное здание Мавзолея Ленина в Москве, сооруженное в 1924 году, уже было объединено с трибуной. На нем во время парадов и митингов стояли члены правительства, партийные лидеры, знатные люди.

Центром довоенного Мурманска была Ленинградская улица. Здесь стояло деревянное здание обкома, первый каменный магазин - ТПО, первая комфортабельная гостиница - "Арктика", перед самой войной началась постройка кинотеатра "Родина". Не случайно Ленинградская первой из мурманских улиц была заасфальтирована. А в центре - площадь с памятником, первоначально так и называвшаяся - площадь Жертв революции. В дни торжеств и праздников по ней проходили демонстрации, вокруг памятника собирались митинги. А трибуной служил памятник - наш местный мавзолей. Со временем центр города сместился, Ленинградская стала тихой уютной улицей, а вокруг памятника был разбит сквер. Но традиция использовать памятник в качестве трибуны неожиданно возродилась в наши дни - во время предвыборных митингов.

СРЕДСТВО ПРОПАГАНДЫ

Появившиеся в дальнейшем памятники выполнялись в духе концепции монументальной пропаганды, разработанной в 1918 году. Памятники должны были не только увековечивать события, но и служить зримым воплощением определенных идеологических ценностей.

Появился стандартный набор - в каждом городе устанавливался памятник Ленину, Сталину и кому-нибудь из революционных борцов с незапятнанной репутацией (лучше всего - успевшему погибнуть). Но в Мурманске первым скульптурным монументом стал памятник С. М. Кирову, с именем которого связана история индустриализации Кольского полуострова. Установлен он был в 1940 году на вполне конкретном историческом месте - там, где С. М. Киров в 1932 году выступал перед мурманчанами, - у строящегося Дома культуры рыбаков (ныне - Дворец культуры им. С. М. Кирова). Вот только сам памятник назвать оригинальным никак нельзя. Отлитая на Мытищинском заводе бронзовая статуя, изготовленная З. М. Виленским, была одной из многочисленных одинаковых скульптур, установленных по всей стране.

Уже после войны - в 1957 году - на средства, собранные трудящимися, в Мурманске поставили хороший (автором был известнейший советский скульптор Н. В. Томский), но опять же копийный памятник Ленину, а вот Сталина поставить так и не успели.

А первой оригинальной скульптурой в нашем крае, установленной на четыре года раньше мурманской, стал памятник Кирову в Мурмашах. Здесь шло строительство Туломской гидроэлектростанции заключенными с Беломорско-Балтийского канала. В ГУЛАГе все было свое - свои театры, свои художники. Потребовался памятник - старший инженер Туломстроя А. Кондрашенко изготовил бетонную скульптуру.

Но первый по-настоящему свой памятник появился в Мурманске в 1958 году. Памятник Герою Советского Союза Анатолию Бредову, сооруженный ленинградскими скульпторами Г. Д. Ястребенецким, А. И. Долиненко, В. Н. Татаровичем и архитектором А. Ф. Антоновым по инициативе комсомольцев города, по-настоящему оригинален и художественно выразителен.

"СВОИ" ПАМЯТНИКИ

После рождения Мурманска важнейшим событием в истории нашего города стала Великая Отечественная война. Неудивительно, что большинство памятников посвящено памяти защитников Заполярья. Главный монумент, установленный на Зеленом мысе был уникальным для своего времени - на момент открытия в 1974 году это был второй по высоте монумент в Советском Союзе, уступающий только волгоградской "Родине-матери". Кстати, народное название - Алеша долгое время после открытия не воспринималось, казалось слишком легкомысленным и чужим (тот Алеша из песни стоял в Болгарии), но со временем привыкли. Вообще, с названиями возникает проблема. Часто, установив очередной мемориал, авторы не озадачивались тем, чтобы сразу придумать короткое и четкое название. В официальных документах появлялись длинные: "Памятник морякам и кораблям тралового флота, погибшим в годы Великой Отечественной войны". И, назначая встречу у памятника, говорили коротко: "у поющего памятника" (несколько раз в сутки из этого обелиска разносилась мелодия "Прощайте, скалистые горы"). Не повезло другим памятникам, получившим прозвища, такие как "чебурашка" и тому подобное. Впрочем, может быть, таким образом мурманчане отплатили авторам за убогость их творений?

КРУШЕНИЕ ТРАДИЦИЙ

В конце двадцатого века Россия снова пережила трагедию крушения традиций. Как и в 1917-м, в первую очередь "полетели бронзовые головы" вождей. Но за этим последовала вакханалия вандализма, оправдать которую ненавистью к советской эпохе или другими идеологическими причинами никак нельзя. События прошлого года, когда были разрушены обелиски на кладбищах в Североморске и Коле, можно объяснить только отсутствием всяких нравственных устоев. Неизвестные, укравшие бюст В. Ф. Полухина (позже памятник был восстановлен в "антивандальном" варианте - из бетона), вряд ли вообще задумывались о том, кем в истории Мурманска был матрос-революционер. Они думали не о исторической, а о материальной ценности бронзового памятника.

Любой самый прочный материал оказывается не крепче человеческой памяти. На доме № 9 на улице Челюскинцев разрушается памятный знак, установленный в честь покорителей Арктики. Возмущения по этому поводу не меняют ситуацию. В советскую эпоху мы привыкли уповать на абстрактное "государство", которое отвечало за все. По действующему законодательству содержание памятников возложено на их собственников. У этого памятника нет собственника. А может быть, в этом символически отразилась утрата Мурманском статуса "ворот в Арктику"?

Парадоксально, но оказывается, что любой памятник остается памятником только до тех пор, пока жива людская память. Обнаружив в середине семидесятых петроглифы на Поное, археологи удивлялись, почему никто из местных жителей не видел наскальные изображения, которые находились буквально у них под ногами? Ответ прост: это были памятники чужой культуры, не передавшейся вновь поселившимся здесь людям.

НОВЫЕ ВЕЯНИЯ

Не будучи в состоянии сохранить существующие, мы ставим новые монументы. За редким исключением эти памятники однообразно похожи. Черные обелиски кладбищенского стиля - результат не только отсутствия средств, но и нашего представления, каков должен быть памятник. В понятии "монументальное искусство" определяющим является второе слово. Никакое голосование, никакой тендер не компенсирует отсутствие таланта художника. К сожалению, сейчас эстетику памятников определяет представление заказчика.

Город - это не только комплекс жилых и нежилых помещений, связанных инфраструктурой. Это единый организм, со своим лицом - гармоничным или неряшливым. Жизнь города, его перспективы определяются не только его экономикой, но и не в последнюю очередь историей, традициями. Памятники - это не только и не столько монументы и обелиски, это все, что помогает нам сохранить свою связь с историей: здания, достопримечательные места, в конце концов, сам облик города, который может быть единственным и неповторимым, а может - совсем безликим.

"Задача архитектора - защитить город от вкусов градоначальников". Эта фраза была сказана задолго до того, как появился наш город. Но сегодня она актуальна как никогда. Те, кто устанавливает памятники, не всегда задумываются о том, как они будут восприниматься спустя десятилетия. Осмысленно или нет, но, устанавливая памятники, мы пытаемся зафиксировать свои представления о ценностях. Случайно ли на многих современных обелисках стали появляться надписи о том, кто поставил памятник (не автор, а заказчик)? На старинных портретах нередко рядом с портретируемым изображались бюсты знаменитых предков. Теперь на памятниках выдающимся предкам пытаются увековечить себя потомки...

Несколько лет назад одна из мурманских газет провела опрос, какие памятники нужно поставить в Мурманске. Назывались имена Николая Михайловича Книповича, Слега Петровича Найденова, святого Трифона и других людей, без которых невозможно представить историю Кольского края. Прошло совсем немного времени, и в результате нового опроса не было названо ни одного имени! Банка трески, кот Семен, мальчик, прилипший языком к металлическому столбу... Понятно желание украсить наш город, обделенный настоящими произведениями искусства. Понятно, что организаторы опроса не слишком разбираются в отличиях памятника от городской скульптуры. Но неужели наша история не достойна памяти?

Дмитрий ЖАЛНИН,
кандидат исторических наук.